

Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (63)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Часть I

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 2 (63)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

**Материалы Всероссийской конференции
с международным участием, посвященной юбилею
основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики
доктора филологических наук, профессора,
заслуженного деятеля науки РФ
БОЛДЫРЕВА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА**

**г. Тамбов
18–19 сентября 2025 г.**

Часть I

Тамбов
2025

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.

Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–89450 от 06 мая 2025 г.

Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2025 г.

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Заботкина В. И., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С. Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. А., доктор филологических наук;
Потанина Н. Л., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев ; М-во науки и высш. обр. РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008— .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. №2(63) : Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной юбилею основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Болдырева Николая Николаевича. г. Тамбов, 18–19 сентября 2025 г. Часть I / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. — Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2025. — 624 с.

ISBN 978-5-00078-926-1

В издании отражены актуальные проблемы когнитивной лингвистики, обсуждаемые в ходе Всероссийской конференции с международным участием «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы», посвященной юбилею профессора Н. Н. Болдырева, основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики. Поднимаемые темы конференции включают теоретико-методологические проблемы когнитивной лингвистики; новые аспекты и подходы к изучению концептуализации и категоризации мира в языке; анализ языковых данных с использованием компьютерных технологий и когнитивного моделирования; роль когнитивной лингвистики в междисциплинарных исследованиях, исследованиях по прагматике, социолингвистике, межкультурной и полимодальной коммуникации; когнитивные аспекты текста и разных типов дискурса.

Издание адресовано широкому кругу специалистов в области когнитивной лингвистики.

**УДК 40
ББК 80**

ISBN 978-5-00078-926-1 (Вып. № 2(63). Часть I)
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2025
© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2025

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 2 (63)

**INTERPLAY OF COGNITIVE
AND LINGUISTIC STRUCTURES:
SCIENTIFIC SCHOOL ASSEMBLY**

Papers of the All-Russian scientific conference
with international participants
dedicated to the Jubilee of the founder
of the Tambov School of Cognitive Linguistics,
Doctor of Philology, Professor, Honored Scholar of RF
NIKOLAY N. BOLDYREV

**Tambov
September 18–19th, 2025**

Part I

Tambov
2025

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77–89450.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2025. The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N. N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Furs L. A., Doctor of Philology, Professor (volume executive editor);

Demyankov V. Z., Doctor of Philology, Professor;

Zabotkina V. I., Doctor of Philology, Professor;

Babina L. V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S. G., Doctor of Philology;

Panasenko L. A., Doctor of Philology;

Potanina N. L., Doctor of Philology, Professor;

Sharandina A. L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Kozlova E. A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N. N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Derzhavin Tambov State University, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Tambov : Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 2(63) : Interplay of cognitive and linguistic structures: Scientific school assembly: Papers of the All-Russian scientific conference with international participants dedicated to the Jubilee of the founder of the Tambov School of Cognitive Linguistics, Doctor of Philology, Professor, Honored Scholar of RF Nikolay N. Boldyrev. Tambov, September 18–19th, 2025. Part I / Volume editor-in-chief L. A. Furs. – Tambov : Derzhavinsky Publishing House, 2025. – 624 p.

ISBN 978-5-00078-926-1

The volume presents the current problems of cognitive linguistics discussed during the All-Russian conference with international participation “Interplay of cognitive and linguistic structures: Scientific school assembly”, dedicated to the Jubilee of Professor N. N. Boldyrev, founder of the Tambov School of Cognitive Linguistics. The topics of the conference include theoretical and methodological problems of cognitive linguistics; new aspects and approaches to the study of conceptualization and categorization of the world in language; analysis of linguistic data using computer technology and cognitive modeling; the role of cognitive linguistics in interdisciplinary research, research on pragmatics, sociolinguistics, intercultural and polymodal communication; cognitive aspects of text and different types of discourse.

The collection of papers is aimed at a wide range of specialists in the field of cognitive linguistics.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ БОЛДЫРЕВ

доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
основатель Тамбовской школы когнитивной лингвистики

NIKOLAY N. BOLDYREV

Doctor of Philology, Professor,
Honored Scholar of the Russian Federation,
founder of the Tambov School of Cognitive Linguistics

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	19

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Болдырев Н. Н. Структура и доминанты когнитивного анализа языка	25
Абросова Е. В. К вопросу о когнитивных механизмах формирования полисемии.	32
Александрова О. В. Когнитивные основы экспрессивности речи	37
Гвишиани Н. Б. Когнитивные модели и автоматизированные системы в интерпретации содержательной структуры текста	41
Глухова О. В. Когнитивная лингвистика и лингвистическая типология: проблема соотношения	46
Демьянков В. З. Прагматический и когнитивный повороты в лингвистике	51
Заботкина В. И. Когнитивные и языковые механизмы смыслопорождения в ментальном пространстве манипуляции.	58
Карасик В. И. Импликативная мощность как когнитивно-дискурсивная характеристика объекта	62
Козлова Е. А. Модели вторичной интерпретации количества в языке	68
Козлова Л. А. Порядок следования определений в именной фразе и факторы, его обуславливающие	73
Молчанова Г. Г. Интертекстуальность фантастики как источник производности нового знания	78
Попова Г. Е. Когнитивный семиогенез и релевантность	85
Самородин Г. В. Артикль vs. детерминатив в немецком языке: когнитивно-грамматическая характеристика	89
Сандалова М. М. Объект исследования лингвосенсорики: вопросы терминологии ...	93
Фомина М. А. К вопросу о вербоцентрическом подходе к интерпретации безличных структур и структур с периферийным типом субъекта.	98
Фурс Л. А. Комплексный стиль мышления и синтаксическая репрезентация ...	102
Цзинь Т. Семантическая эволюция как процесс реализации эго-вовлеченных моделей	107

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ

Абраменко Е. В. Отражение моральных качеств человека в паремиях, вербализирующих концепт CONSCIENCE/СОБЕСТЬ	112
Алексеева Т. С. Понятийная составляющая концепта DIVERSITY в среднеанглийский период.	117
Бабина Л. В. Когнитивные модели создания сложных слов V+N и их конфликтогенный потенциал	122
Бабенко Л. Г. Концептуально-тематическое картирование как вариант пространственного измерения лексических множеств в структуре идеографических словарей: проект	126
Беседина Н. А. Морфологические категории английского глагола и процессы языковой интерпретации	131

<i>Битокова С. Х.</i> Категоризация цвета в кабардино-черкесском языке	135
<i>Виноградова С. Г.</i> Представление о причине и следствии в русских пословицах . .	140
<i>Гаврилова А. В.</i> Результат профессиональной деятельности в области спорта и его оценка в языке.	145
<i>Гао М.</i> Репрезентация концепта РАДОСТЬ в русской и китайской паремиологии в контексте традиционных праздников . .	149
<i>Гришаева Л. И.</i> Конгруэнтность объективируемых и со-активируемых сведений о мире как признак границ между реальным, фикциональным и/или виртуальным	154
<i>Грошкова И. А.</i> Метафора “GLORY IS A SUNRISE” в рыцарском романе Вальтера Скотта “IVANHOE”	160
<i>Гуреев В. А.</i> Концепт HIC ET NUNC (здесь и сейчас): когнитивные особенности эволюции.	165
<i>Клейменова А. С.</i> Метафора как средство концептуализации сознания персонажа . .	170
<i>Колесникова А. Л., Абакумова О. Б.</i> Пословичный концепт ПРАВДА в русских, немецких и японских паремиях	175
<i>Королев С. В.</i> Когнитивные аспекты экономного и избыточного в английской фразеологии.	179
<i>Кульпина В. Г.</i> Концептуализация и категоризация цвета в русском и польском языках: эстетические и гендерные манифестации	184
<i>Кутимская А. Ю.</i> Когнитивные механизмы формирования смыслов концептов современного немецкого и русского банковского дела	189
<i>Лихачева М. С., Лютянская М. М.</i> Будущее время как модусная категория.	192
<i>Магировская О. В.</i> Прецедентное имя как языковая единица концептуального расширения дискурсивного знания	196
<i>Миньяр-Белоручева А. П.</i> Метафорика исторического дискурса	201
<i>Мубаракишина А. М.</i> Категория НРАВСТВЕННОСТЬ как компонент русского культурного кода в тексте гороскопа	206
<i>Насибуллова Г. Р.</i> Тело человека как сфера-мишень в индивидуально-авторской картине мира современных авторов-женщин	211
<i>Николаева М. Н.</i> Культурная память колоронима ‘white’ в английском языке	215
<i>Панасенко Л. А., Тезикова Е. Ю.</i> Интерпретирующий потенциал лексики концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР в дискурсе моды	220
<i>Потемкина В. М.</i> Лингвокультурные основания идеологических концептов	225
<i>Проскурнина Л. В.</i> Языковая картина мира через призму фразеологизмов с компонентом “Climate change”.	229
<i>Пугачевская И. А.</i> Структура категории «действие» в русскоязычной терминологии международного права	233
<i>Разумовская Ю. М.</i> Прецедентные имена, объективирующие концептуальную область СПОРТ, в функции оценочной вторичной интерпретации	238
<i>Робустова В. В., Коваленко А. С.</i> Названия старейших таверн Мадрида и баров Аляски: когнитивно-функциональный аспект	243
<i>Родин В. А.</i> Принципы категоризации англоязычных терминов строительной техники (на примере когнитивно-тематического поля “ATTACHMENTS”)	248

<i>Сивова Т. В.</i> Цвет чая в цветовой концептосфере флористического пространства языка: от зеленого к цвету <i>зеленый чай</i>	254
<i>Степаненко С. Н.</i> Роль языка в концептуализации и интерпретации количества (на примере английских прилагательных).	260
<i>Столяр Е. Д.</i> Социокультурный аспект оценочной категоризации.	265
<i>Толмачева И. Н.</i> Особенности концептуализации мира через призму языковой служебности.	269
<i>Топорова В. М., Корнева Е. В.</i> Семантическое пространство звука в художественной картине мира.	273
<i>Туарменский А. В.</i> Интерпретация дипломатических отношений в контексте концептуальной области ЧЕЛОВЕК	278
<i>Тюрникова Д. В.</i> Причинно-следственные отношения в концептуальной системе человека (на материале английского языка)	282
<i>Филличкина Т. П.</i> Актуализация концепта IRON CURTAIN в англоязычном медийном дискурсе	287
<i>Финаев К. А.</i> Способы репрезентации бенефактивного события английскими глаголами	292
<i>Финаева Е. А.</i> Способы вторичной интерпретации воспитательной деятельности в английском языке	296
<i>Фомина З. Е.</i> Фреймовая структура концепта IDEEN/ИДЕИ в языковом сознании В. фон Гумбольдта	300
<i>Хорохорина С. Е.</i> Олицетворение как средство концептуализации времени в поэзии Э. Дикинсон	305
<i>Хуан Циньянь.</i> Специфика концептуализации категории 家 (семья) в китайском жестовом и иероглифическом языках как семиотических системах с иконической основой	310
<i>Цуканов М. В.</i> Концепт числа в русской и английской паремиологической картине мира	315
<i>Чжэн Ю.</i> Концепт ОСИНА в картине мира русских фразеологических выражений: когнитивно-лингвистический аспект.	318
<i>Чимитова А. Б.</i> Типы оппозиций отадекватных фразовых глаголов в современном английском языке.	322
<i>Чуксина Е. А.</i> Репрезентация концепта FEAR по метафорической модели FEAR EXPERIENCE – PLACING.	327
<i>Шардин А. Л.</i> Тематические гласные русского глагола в аспекте языковой концептуализации.	332
<i>Шевченко Т. И., Сокорева Т. В.</i> Новая парадигма ритма в XXI веке: категории пересматриваются	338

III. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

<i>Беляевская Е. Г.</i> Когнитивное моделирование семантики идиом: о существовании 3-D фреймов	343
<i>Бухнер Н. Ю.</i> Лингвокогнитивная модель лексемы PUBLIC ENEMY в англоязычных Интернет-СМИ.	348

<i>Горбунов А. А.</i> Потенциал глаголов-локативов английского языка в концептуализации эмоции страха	354
<i>Дефорж В. Е.</i> Потенциал применения LLM-сервисов в обучении иностранным языкам	359
<i>Дубровская О. Г.</i> Человек и искусственный интеллект: проблема идентификации межконцептуальных связей	363
<i>Нехорошев А. С., Малышева Е. В.</i> Фреймовый анализ цифровой лексики	368
<i>Рашевский В. Е.</i> Персонализируемость больших языковых моделей в англоязычном нейродискурсе	372
<i>Рожковская Э. Д.</i> Особенности передачи эстетической и эмоциональной составляющей в произведениях А. П. Чехова: идеографический анализ и машинный перевод	377
<i>Шадрина О. В.</i> Англоязычные термины-метафоры в описании популяционных алгоритмов искусственного интеллекта	382
<i>Шаренкин Д. Р.</i> Фреймовый анализ опыта утраты дома в повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой»	388
<i>Шелепова Н. В.</i> К вопросу о моделировании мыслительных процессов: восприятие и внимание	392
<i>Яковлева В. В.</i> Принципы организации эмпирической базы данных с использованием ИИ	396

IV. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Вишнякова О. Д., Лингарт А. А.</i> Когнитивная лингвистика и Memory studies: точки междисциплинарного соприкосновения	403
<i>Глинская Н. П.</i> Фреймовая структура дескрипторного терминопоя «Drugs» (на материале тезауруса психологических индексных терминов)	407
<i>Говорова Л. А.</i> Когнитивно-дискурсивное моделирование языковых параметров национальной идентичности	411
<i>Дарбаева Ж. К., Макарова О. В., Березина Т. Ю.</i> Числовая символика компонента «один» в русской и казахской картинах мира (на материале паремий)	415
<i>Денисенко В. Н., Сафаралиева Л. А.</i> Категориальная принадлежность концепта БАБУШКА в русской концептуальной картине мира	423
<i>Зарилов Р. И.</i> Об эмоциональном начале человека и речевой деятельности	428
<i>Зиновьева Е. И.</i> Модель интегративного исследования пословицы	433
<i>Масленникова Е. М.</i> Трансфер культур и перевод как проекция текста	438
<i>Панкратова С. А.</i> Когнитивно-семантическая адаптация кинотерминологии как отражение междисциплинарной интеграции	443
<i>Парфененко Е. Н.</i> Языковые средства репрезентации лиц, участвующих в судебном заседании, в английском (британском и американском) и русском языках	448
<i>Прилуцкий И. Г.</i> Междисциплинарный характер эмотиологии: истоки и перспективы	452

Росянова Т. С. Когнитивный потенциал исследования терминологии традиционных шотландских танцев в англоязычном хореографическом дискурсе	457
Салькова М. А. К междисциплинарности когнитивной лингвистики: метафора коммуникации как инструмент формирования грамматического знания	462
Щербак А. С., Го Цзюаньцзюань. Категория тональности высказываний в лингвокогнитивном рассмотрении	467

V. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Голубева Н. А. Концепт МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ как достояние социума	471
Dolmatova I. O., Lebedev L. V. Cognitive patterns of audience behaviour in digital media: interaction with news content on social networks and messengers (case study of Telegram, VKontakte, and Odnoklassniki).	476
Калинин О. И. Идеологема как разноформатная единица концептуального уровня	479
Кантышева Н. Г., Шуклин А. А. Самопрезентация образа «русака» в рэп-поэзии российских немцев	484
Лебедева И. С., Грибанова Т. И. Хеджирование оценочных фреймов в англоязычных гендерно однородных и неоднородных контекстах	489
Леонтьева А. В., Котова Е. Г. Социальные и когнитивные аспекты рекламминга слов “nigger”/ “nigga”	494
Хрущева О. А. Социолнгвистические трансформации семантики актуальных слов (на материале современного русского языка)	498
Чермошенцева К. А. Влияние социального контекста на метафорику телесных трансформаций (на базе современного англоязычного дискурса о беременности и родах)	502

VI. КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

Абросимова Л. С. Когнитивно-прагматические аспекты ономастической номинации	507
Березина О. А. Грамматические единицы как триггеры при создании комического эффекта	512
Григорьева В. С. Отрицание как способ ограничения интерпретации и контроль понимания в речевом взаимодействии	517
Иванова С. В., Мухина Н. Б. Когнитивная гибкость и прагматика целеполагания	522
Иванова Ю. Е. Когнитивно-прагматический подход к анализу коммуникации в ситуации несогласия	527
Кожухова И. В. Приветствия в видео блогах: описание наиболее частотных вариантов (на материале английского языка)	532
Кучминская Н. Р. Когнитивно-прагматический аспект французских стереотипов	536
Миронова Д. М. О когнитивных стратегиях семантизации агнонимов (на материале русского языка)	542

<i>Разумных Е. В.</i> Об изменениях в прагматических реализациях концепта личности в англоязычных научных текстах	547
<i>Сигал К. Я.</i> Пунктуационная вариантность с когнитивно-прагматической точки зрения	552
<i>Шевырдяева Л. Н., Яковлева И. О.</i> Much ado about nothing? Структурно-функциональные особенности вопроса в заголовке научной статьи	556
<i>Яременко В. И.</i> Ролевая игра как инструмент совершенствования профессионально ориентированных коммуникативных навыков в процессе обучения иностранному языку магистрантов инженерных специальностей ...	562

VII. КОГНИЦИЯ И ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Беседина Е. А., Буркова Т. В.</i> Визуальная коммеморация в контексте полимодальной коммуникации	567
<i>Воробьева Н. В.</i> Прагматилистические особенности кинодискурса в медиажанре англоязычного портретного интервью	572
<i>Гречкин И. А.</i> Особенности функционирования метафоры в мемах медицинской тематики	576
<i>Исаев М. Г.</i> Визема в лексикографии жестового языка: структурная модель полимодального словаря и её прикладное значение	581
<i>Кумуржи Э. В.</i> Синестезия сенсорных метафор в русском жестовом языке и в русском языке: кросс-модальные трансформации	584
<i>Лешкова Я. Н.</i> Принципы отбора материала для эксперимента по оценке коммуникативных компетенций респондентов разных категорий неслышащих	588
<i>Найок О. Б.</i> Интермедальность, полимодальность и поликодовость в англоязычной художественной коммуникации	593
<i>Парамонова М. И.</i> Метафорическая репрезентация дихотомии «свой – чужой» в англоязычных поликодовых медиатекстах в период избирательной кампании 2024 года в США (на материале издания The Washington Post)	598
<i>Порохницкая Л. В., Чирвоная М. О.</i> Корреляция табуированных понятий и их детабулизация как эффективный прием в англоязычной интернет рекламе	603
<i>Солнцева Е. С.</i> Полимодальная репрезентация актуальной проблематики в городском медиадискурсе на русском и английском языках	607
<i>Соловьева Н. С., Седярова О. М.</i> «Глас народа» или проявление коллективного сознания в медиатексте-комментарии на политическом Интернет-канале.	611
<i>Чемодурова З. М.</i> Игры осязания в мультимодальной литературе XXI века	616
Диссертации, выполненные под руководством доктора филологических наук, профессора Н. Н. Болдырева	621

CONTENTS

Foreword	19

I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS

<i>Boldyrev N. N.</i> The structure and dominants of the cognitive study of language	25
<i>Abrosova E. V.</i> On cognitive mechanisms of polysemy formation.	32
<i>Aleksandrova O. V.</i> Cognitive foundations of the linguistic expressivity	37
<i>Gvishiani N. B.</i> Cognitive models and automated systems in the interpretation of the text content structure.	41
<i>Glukhova O. V.</i> Cognitive linguistics and linguistic typology: the correlation problem	46
<i>Demyankov V. Z.</i> Pragmatic and cognitive turns in linguistics.	51
<i>Zabotkina V. I.</i> Cognitive and linguistic mechanisms of meaning generation in the mental space of manipulation	58
<i>Karasik V. I.</i> Implicative power as a cognitive and discourse characteristic of an object.	62
<i>Kozlova E. A.</i> Models of secondary interpretation of quantity in language.	68
<i>Kozlova L. A.</i> The succession of attributes in the nominal phrase and the factors determining it	73
<i>Molchanova G. G.</i> The science fiction intertextuality as a source of secondary creations and new knowledge	78
<i>Popova G. Ye.</i> Cognitive semiogenesis and relevance.	85
<i>Samorodin G. V.</i> Article vs. determinative in German grammar: cognitive characteristics.	89
<i>Sandalova M. M.</i> Sensory studies object: terminology questions	93
<i>Fomina M. A.</i> A verbocentric approach to the interpretation of impersonal models and models with a peripheral subject.	98
<i>Furs L. A.</i> Complex thinking style and syntactic representation	102
<i>Tszin Tao.</i> Semantic evolution as a process of realizing ego-involved models	107

II. CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF THE WORLD IN LANGUAGE: NEW ASPECTS AND APPROACHES

<i>Abramenko E. V.</i> The reflection of a person's moral qualities in paroemias verbalizing the concept of CONSCIENCE	112
<i>Alexeeva T. S.</i> The conceptual component of DIVERSITY in the Middle English period	117
<i>Babina L. V.</i> Cognitive models of creating V+N compound words and their conflictogenic potential.	122
<i>Babenko L. G.</i> Conceptual and thematic mapping as a variant of spatial dimension of lexical sets in the structure of ideographic dictionaries: project	126
<i>Besedina N. A.</i> Morphological categories of the English verb and linguistic interpretation	131
<i>Bitokova S. Kh.</i> Color categorization in the Kabardino-Circassian language	135

<i>Vinogradova S. G.</i> The cause-and-effect concept as represented in Russian proverbs	140
<i>Gavrilova A. V.</i> The result of the professional sports activity and its evaluation in language	145
<i>Gao M.</i> Presentation of the concept JOY in Russian and Chinese paremiology in the context of traditional holidays	149
<i>Grishaeva L. I.</i> The congruence of objectified and co-activated information about the world as a marker of the boundaries between the real, the fictitious and/or the virtual	154
<i>Groshkova I. A.</i> Metaphor “GLORY IS A SUNRISE” in the historical novel “Ivanhoe” by Walter Scott	160
<i>Gureev V. A.</i> The concept HIC ET NUNC (HERE AND NOW): cognitive features of evolution.	165
<i>Kleimenova A. S.</i> Metaphor as a means of conceptualizing the character’s consciousness	170
<i>Kolesnikova A. L., Abakumova O. B.</i> The proverbial concept TRUTH in Russian, German and Japanese	175
<i>Korolyov S. V.</i> Cognitive aspects of economy and redundancy in English phraseology	179
<i>Kulpina V. G.</i> Conceptualization and categorization of color in Russian and in Polish: aesthetic and gender manifestations.	184
<i>Kutimskaja A. Yu.</i> Cognitive mechanisms of concept meaning formation in modern German and Russian banking.	189
<i>Likhacheva M. S., Lyutyanskaya M. M.</i> Future tense as a modus category	192
<i>Magirovskaya O. V.</i> Precedent name as a linguistic unit of discursive knowledge conceptual extension	196
<i>Minyar-Beloroucheva A. P.</i> Metaphors of historical discourse	201
<i>Mubarakshina A. M.</i> The category “NRAVSTVENNOST” as a component of the russian cultural code in the text of the horoscope	206
<i>Nasibullova G. R.</i> The human body as a target sphere in the individual author’s worldview of modern female authors.	211
<i>Nikolaeva M. N.</i> Cultural memory of the colouronym ‘white’ in English	215
<i>Panasenko L. A., Tezikova E. Yu.</i> Interpretive potential of lexis of the conceptual-thematic domain ANIMAL WORLD in the discourse of fashion	220
<i>Potemkina V. M.</i> Linguistic and cultural foundations of ideological concepts	225
<i>Proskurnina L. V.</i> Linguistic picture of the world through the prism of phraseological units with the “Climate change” component.	229
<i>Pugachevskaya I. A.</i> Structure of the category “action” in the Russian-language terminology of international law	233
<i>Razumovskaya Yu. M.</i> Precedent names representing the conceptual domain of SPORT in the function of evaluative secondary interpretation.	238
<i>Robustova V. V., Kovalenko A. S.</i> Names of the oldest taverns in Madrid and bars in Alaska: cognitive-functional approach	243

<i>Rodin V.A.</i> Principles of categorisation of English terms of construction machinery (on the example of the cognitive-thematic field “Attachments”)	248
<i>Sivova T. V.</i> Tea colour in the colour conceptual domain of floral language space: from green to green tea colour.	254
<i>Stepanenko S. N.</i> Role of language in quantity conceptualization and interpretation (on the english adjectives example).	260
<i>Stolyar E. D.</i> Sociocultural aspect of evaluate categorisation	265
<i>Tolmacheva I. N.</i> Conceptualization of the world from the perspective of linguistic auxiliarity	269
<i>Toporova V.M., Korneva E. V.</i> Semantic space of sound in the artistic picture of the world	273
<i>Tuarmensky A. V.</i> Interpretation of diplomatic relations in the context of the conceptual domain HUMAN BEING.	278
<i>Tyurnikova D. V.</i> The cause-and-effect relationship in the human conceptual system (based on the English language)	282
<i>Filichkina T. P.</i> Actualization of IRON CURTAIN concept in English-language media discourse.	287
<i>Finaev K.A.</i> Methods of benefactive event representation in English	292
<i>Finaeva E.A.</i> Methods of secondary interpretation of educational activity in English	296
<i>Fomina Z. E.</i> The frame-based structure of the concept IDEEN (IDEA) In Wilhelm von Humboldt’s linguistic consciousness.	300
<i>Khorokhorina S. Ye.</i> Personification as a means of conceptualizing time in emily dickinson’s poetry	305
<i>Huang Qinyan.</i> Specific features of conceptualizing the 家 (FAMILY) category in Chinese sign and hieroglyphic languages as iconic semiotic systems.	310
<i>Tsukanov M. V.</i> The concept of number in the Russian and English paremiological worldview	315
<i>Zheng Yu.</i> Concept ASPEN in the world picture of Russian phraseological expressions: cognitive-linguistic aspect	318
<i>Chimitova A. B.</i> Types of oppositions of deadjectival phrasal verbs in modern English	322
<i>Chuksina E. A.</i> Representation of the FEAR concept according to the metaphorical model FEAR EXPERIENCE – PLACING	327
<i>Sharandin A. L.</i> Thematic vowels of the Russian verb in the aspect of linguistic conceptualization	332
<i>Shevchenko T.I., Sokoreva T. V.</i> The new paradigm of rhythm in the XXI century: the categories are re-considered.	338

III. COMPUTER TECHNOLOGIES AND COGNITIVE MODELING

<i>Belyaevskaya E. G.</i> Cognitive model of phraseological meaning: on 3-D frame structures	343
<i>Bukhner N. Yu.</i> PUBLIC ENEMY in English Internet media: lingvocognitive model	348

<i>Gorbunov A. A.</i> Potential of English locative verbs in conceptualizing the emotion of fear.	354
<i>Deforges V. E.</i> Potential of LLM services application in foreign language teaching ...	359
<i>Dubrovskaya O. G.</i> Human and artificial intelligence: the problem of interconceptual relations identification.	363
<i>Nekhoroshev A. S., Malysheva E. V.</i> Frame analysis of digital lexicon.	368
<i>Rashevsky V. Ye.</i> Personalization potential of large language models on the example of English neurodiscourse.	372
<i>Rozhkovskaya E. D.</i> Peculiarities of translation of aesthetic and emotional components in A. P. Chekhov's works: ideographic analysis and machine translation.	377
<i>Shadrina O. V.</i> English terms-metaphors in the description of population-based artificial intelligence algorithms.	382
<i>Sharenkin D. R.</i> Frame analysis of the experience of losing home in Valentin Rasputin's novella "Farewell to Matyora".	388
<i>Shelepova N. V.</i> On the issue of modeling thought processes: perception and attention.	392
<i>Yakovleva V. V.</i> Principles of organizing an empirical database using AI.	396

IV. COGNITIVE LINGUISTICS AND INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Vishnyakova O. D., Lipgart A. A.</i> Cognitive linguistics and Memory studies: interdisciplinary contact points.	403
<i>Glinskaya N. P.</i> Frame structure of the descriptor term field "Drugs" (based on the Thesaurus of Psychological Index Terms).	407
<i>Govorova L. A.</i> Cognitive-discursive modeling of linguistic features of national identity.	411
<i>Darbaeva Zh. K., Makarova O. V., Berezina T. Yu.</i> Numerical symbolism of the component 'one' in Russian and Kazakh pictures of the world (on the material of paremias).	415
<i>Denisenko V. N., Safaraliev L. A.</i> Categorical affiliation of the concept GRANDMOTHER in the Russian conceptual worldview.	423
<i>Zaripov R. I.</i> About human emotion and speech activity.	428
<i>Zinovieva E. I.</i> Model of integrative research of a proverb.	433
<i>Maslennikova E. M.</i> Culture transfer and translation as a text projection.	438
<i>Pankratova S. A.</i> Cognitive-semantic adaptation of film terminology as a reflection of interdisciplinary integration.	443
<i>Parfenenko E. N.</i> Linguistic means of representation of persons participating in a court session in English (British and American variants) and Russian languages.	448
<i>Prilutsky I. G.</i> Interdisciplinary nature of emotion linguistics: origins and prospects.	452
<i>Rosyanova T. S.</i> Cognitive potential of the study of traditional Scottish dance terminology in English choreographic discourse.	457

<i>Salkova M. A.</i> On interdisciplinarity of cognitive linguistics: conduit metaphor as instrument of fostering grammar knowledge	462
<i>Shcherbak A. S., Guo Juanjuan.</i> The category of statement tonality in linguacognitive analysis.	467

V. COGNITIVE SOCIOLINGUISTICS

<i>Golubeva N. A.</i> The concept LITTLE PEOPLE as a social asset	471
<i>Долматова И. О., Лебедев Л. В.</i> Когнитивные паттерны поведения аудитории в цифровых медиа: взаимодействие с новостными материалами в социальных сетях и мессенджерах (на примере Telegram, ВКонтакте и Одноклассники) . . .	476
<i>Kalinin O. I.</i> Ideologeme as a various-format unit of conceptual level	479
<i>Kantysheva N. G., Shuklin A. A.</i> Self-presentation of the “rusak”-image in the rap poetry of Russian Germans	484
<i>Lebedeva I. S., Gribanova T. I.</i> Hedging strategies used in the frame “evaluation” in gender non-mixed and mixed environments	489
<i>Leontieva A. V., Kotova E. G.</i> Social and cognitive aspects of reclaiming words “nigger” / “nigga”	494
<i>Khrushcheva O. A.</i> Sociolinguistic transformations of the topical words’ semantics (case study of the present-day Russian language)	498
<i>Chermoshentseva K. A.</i> The influence of social context on the metaphors of body transformations (based on modern English-language discourse about pregnancy and childbirth)	502

VI. COGNITIVE PRAGMATICS

<i>Abrosimova L. S.</i> Cognitive-pragmatic aspects of onomastic nomination	507
<i>Berezina O. A.</i> Grammar units as triggers for comic effect	512
<i>Grigorieva V. S.</i> Negation as a way of limiting interpretation and control of understanding in speech interaction	517
<i>Ivanova S. V., Mukhina N. B.</i> Cognitive flexibility and pragmatics of goal setting . . .	522
<i>Ivanova Yu. E.</i> Cognitive-pragmatic approach to the analysis of communication in a situation of disagreement	527
<i>Kozhukhova I. V.</i> Greetings in video blogs: description of the most frequent variants (based on the English language)	532
<i>Kuchminskaya N. R.</i> Cognitive-pragmatic aspect of French stereotypes	536
<i>Mironova D. M.</i> Towards cognitive strategies of semanticizing agnonyms (based on the Russian language material)	542
<i>Razumnykh E. V.</i> On changes in the pragmatics of personality concept in English scientific papers	547
<i>Seagal K. Ya.</i> Punctuation variability from a cognitive-pragmatic point of view . . .	552
<i>Shevyrdyaeva L. N., Yakovleva I. O.</i> Much ado about nothing? Structural and functional features of the question in the title of a scientific article	556
<i>Yaremenko V. I.</i> Role play as a way to enhance communication skills in teaching foreign language to graduate technical students	562

VII. COGNITION AND MULTIMODAL COMMUNICATION

<i>Besedina E. A., Burkova T. V.</i> Visual commemoration in the context of multimodal communication	567
<i>Vorobyova N. V.</i> Pragmatic-stylistic features of film discourse in the media genre of English portrait interview	572
<i>Grechkin I. A.</i> Features of the functioning of metaphor in medical memes.	576
<i>Isaev M. G.</i> Viseme in sign language lexicography: a structural model of a multimodal dictionary and its practical implications	581
<i>Kumurzhi E. V.</i> Synesthesia in sensory perception metaphors of Russian sign language and Russian: cross-modal transformations	584
<i>Leshkova Ya. N.</i> Principles of material selection for an experiment on assessing the communicative competencies of respondents from different categories of deaf and hard of hearing individuals	588
<i>Nayok O. B.</i> Intermediality, multimodality and polycode character of English-language artistic communication	593
<i>Paramonova M. I.</i> Metaphorical representation of the “Own – Alien” dichotomy in English-language polycode media texts during the period of the 2024 USA election campaign (based on the material of the Washington Post)	598
<i>Porokhnitskaya L. V., Chyrvonaya M. O.</i> Correlation of taboo concepts and their detabooisation as an effective technique in English-language internet advertising	603
<i>Solntseva E. S.</i> Multimodal representation of current issues within urban media discourse in Russian and English.	607
<i>Soloveva N. S., Sedliarova O. M.</i> “Vox Populi” or hivemind manifestation in a media text comment at a political blog.	611
<i>Chemodurova Z. M.</i> Games of haptics in 21st century multimodal fiction	616
Dissertations completed under the supervision of Doctor of Philology, Professor N. N. Boldyrev	621

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание содержит материалы Всероссийской конференции с международным участием «Взаимодействие мыслительных и языковых структур: Собрание научной школы». Конференция посвящена знаменательному событию – юбилею основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Болдырева.

Николай Николаевич Болдырев – известный в России и за рубежом ученый в области общего и частного языкознания и когнитивной лингвистики. Его вклад в развитие лингвистической науки и высшего образования по достоинству оценен государством и общественностью. Н. Н. Болдырев – Почётный работник высшего профессионального образования РФ (2001 г.), Заслуженный деятель науки РФ (2002 г.), лауреат общенациональной премии Российского профессорского собрания «Профессор года – 2018» в номинации «Филологические науки».

Научно-педагогическая деятельность Н. Н. Болдырева более 40 лет связана с Тамбовским государственным университетом имени Г. Р. Державина, его становлением как одного из ведущих вузов региона и страны. Н. Н. Болдырев прошел путь от ассистента кафедры до проректора по науке и международным связям. В настоящее время Николай Николаевич – директор Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики.

Под руководством Н. Н. Болдырева в ТГУ им. Г. Р. Державина из его учеников и коллег сложилась ведущая научная школа – творчески перспективный коллектив из подготовленных им докторов и кандидатов наук, а также молодых ученых, успешно разрабатывающих проблему «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур».

Теоретико-методологические установки и понятийно-терминологический аппарат научной школы были заложены в докторской диссертации Н. Н. Болдырева «Функциональная категоризация английского глагола» (г. Санкт-Петербург, 1995, научный консультант – д. филол. н., проф. Н. А. Кобрина). Ученым была разработана концепция формирования значения языковых единиц в процессе их использования в речи – теория функциональной категоризации языкового знака. В рамках данной концепции им предложен функционально-семиологический подход к исследованию языка и его единиц, с учетом которого выделены и описаны основные принципы и механизмы формирования значения отдельного слова в высказывании, раскрыта сущность прототипического принципа организации

языковых категорий и многофакторный, интегративный характер выстраивания смысла высказывания.

Эта диссертация, будучи новаторской по замыслу, по глубине и значимости полученных выводов, а также другие работы ученого – монографии, учебные пособия и статьи (всего более 400 работ), каждая из которых имеет знаковый характер, получили высокую оценку научного сообщества. Описываемые в них научные результаты являются основой концепции Тамбовской школы и одновременно ориентиром для широкого круга исследователей, которые изучают язык с позиций одного из самых приоритетных направлений в современной мировой лингвистике – когнитивного подхода.

Н. Н. Болдырев является разработчиком ряда когнитивных теорий: языковой интерпретации, языка как системы оперирования знанием о мире, бесконфликтного языкового общения, в рамках которых предложены концептуально-таксономический, когнитивно-матричный, когнитивно-доминантный, концептуально-интерпретационный и концептуально-инференционный методы анализа языка. Ученый ввел в научный обиход и обосновал понятия интерпретирующей функции языка, функциональной категоризации языковых единиц, интегративного принципа формирования смысла высказывания, оценочной концептуализации и категоризации, модусных концептов и категорий, языковых форматов знания, когнитивной матрицы как единицы многоаспектного знания, когнитивного контекста, субъектного принципа организации высказывания, концептуальной деривации, первичной и вторичной языковой интерпретации, когнитивно-языковой интерпретанты. Выделил функции, типы, модели и схемы интерпретации мира и знаний о мире в языке.

Развитию научной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур» способствовали следующие события:

1. Открытие Н. Н. Болдыревым в ТГУ им. Г. Р. Державина аспирантуры и докторантуры по специальностям «Германские языки» и «Теория языка», а также диссовета по присуждению ученой степени кандидата (с 1998 г.), а затем доктора (2000 г.) наук по этим специальностям.

2. Создание в 2003 году Общероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», одним из организаторов которой был Н. Н. Болдырев. С 2003 г. он – президент, с 2017 г. – почётный президент РАЛК. Цель РАЛК – систематизация и популяризация фундаментальных знаний в области когнитивной лингвистики и расширение сфер их применения.

3. Учреждение в 2003 году общероссийского научно-теоретического журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» (в Перечне ВАК, индекси-

руется в Scopus, 1-й квартиль) и в 2008 году научной серии «Когнитивные исследования языка» (в Перечне ВАК). Н. Н. Болдырев – инициатор создания и главный редактор данных изданий.

4. Открытие Н.Н Болдыревым Лингвистического центра (с 2008 года Сетевой научно-образовательный центр когнитивных исследований), который обеспечивает выполнение работ по конкретным научным проектам, занимается обобщением и систематизацией современных фундаментальных знаний по лингвистике и внедрением их в учебный процесс.

5. Тесное сотрудничество центра и кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики ТГУ им. Г.Р. Державина в контексте деятельности школы: выполнение работ по научным проектам, развитие связей с ведущими образовательными и научными центрами России и зарубежья, проведение конгрессов, конференций и семинаров по когнитивной лингвистике и участие в научных мероприятиях вне вуза, публикационная активность, преподавательская и наставническая деятельность.

Важной составляющей исследовательской программы научной школы под руководством Н. Н. Болдырева является построение общей теории языковой репрезентации знаний на основе изучения когнитивных структур, связанных с интерпретативной деятельностью человека. Исследователи исходят из положения о том, что познание и использование языка являются в значительной степени интерпретационными процессами. Концептуальная система языка при этом видится как многоуровневая модель, рассматриваемая с точки зрения отражения знаний о мире (лексический компонент), репрезентации языкового знания (грамматический компонент) и интерпретации этих знаний (модусные концепты и категории). Категории модусного типа обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирование новых интерпретационных смыслов.

На этой основе уточняется типология языковых и когнитивных структур и механизмов их взаимодействия, на различном языковом материале получила дальнейшее развитие методика концептуального анализа и когнитивного моделирования (д.филол.н., проф. Н. Н. Болдырев и его ученики).

В исследовательскую программу научной школы входит построение теории вторичной репрезентации концептов в языке (д.филол.н., проф. Л. В. Бабина и ее ученики); обоснование теории синтаксической репрезентации (д.филол.н., проф. Л. А. Фурс и ее ученики); теории морфологической репрезентации (д.филол.н., проф. Н. А. Беседина и ее ученики), теории ономастической репрезентации (д.филол.н., проф. А.С. Щербак и ее ученики).

Исследовательская программа школы также включает изучение координат субъекта познания в языке и представление теории концептуальной конфигурации (д.филол.н., доц. О. В. Магировская), описание интерпретирующего потенциала лексических категорий (д.филол.н., доцент Л. А. Панасенко), обоснование субъектного принципа формирования социокультурной специфики дискурса (д.филол.н., доцент О. Г. Дубровская), эгоцентрическое моделирование категоризации пространства (д.филол.н., доцент И. Ю. Безукладова), изучение когнитивных основ коммуникативного членения сложного предложения (д.филол.н., доцент С. Г. Виноградова), структурирование интегративного формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (д.филол.н., профессор В. С. Григорьева), моделирование процесса количественной интерпретации качества (д.филол.н., доцент Е. В. Федяева), описание интерпретирующего потенциала категории уступительности (д.филол.н., доцент Г. П. Берзина).

Средства и способы репрезентации культурных, индивидуально-авторских, локальных, оценочных, эмоциональных, интерпретирующих концептов, а также особенности метонимического и метафорического способов репрезентации участников ситуаций – субъекта, объекта и их характеристик представлены в кандидатских диссертациях О. А. Давыденковой, Н. А. Гуниной, Л. А. Гиренко, Е. А. Козловой, И. Н. Меркуловой, Е. Д. Гавриловой, Е. Ю. Дубовицкой, Н. А. Куксовой, В. В. Алпатова, Н. М. Кравцовой, Е. И. Давыдовой, Т. Н. Тимофеевой, Д. В. Маховиковой, И. В. Беляевой, Е. Д. Блохиной, С. С. Фроловой и др.).

Общественное и государственное признание результатов деятельности школы Н. Н. Болдырева проявляется в финансовой поддержке выполняемых под его руководством научных проектов в виде грантов различных фондов и организаций. Среди них проекты в рамках Федеральной целевой программы Минобрнауки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» «Исследование взаимодействия мыслительных и языковых структур» и «Исследование типов и форматов знания в языке» (2010–2012 гг.), «Категориальный уровень представления знаний в языке» (2012–2013 гг.); Госзадания Минобрнауки РФ, проекты «Исследование языка как системы репрезентации и интерпретации знаний» (2012–2013 гг.), «Теория языковой интерпретации как когнитивной деятельности» (2014 г.); проекты РГНФ «Оценочная категоризация мира в русском и западноевропейских языках» (2010–2012 гг.), «Язык как интерпретирующий фактор познания» (2015–2017 гг.); проект РФФИ «Издание научного труда «Язык и система знаний. Когнитивная теория языка» (2018 г.); проекты РНФ «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном кон-

тексте» (2015–2017 гг.), «Доминантный принцип организации языкового сознания» (2018–2020 гг.), «Интерпретирующий потенциал вторичных структур в языковой картине мира» (2020–2022 гг.), «Когнитивные основы бесконфликтного языкового общения» (2022–2024 гг.); проекты для проведения конференций, конгрессов, научных семинаров.

С учетом разрабатываемой школой фундаментальной проблематики ее руководителем подготовлены 15 докторов и 26 кандидатов наук, членами коллектива – более 30 ученых.

О широком признании научной школы Н. Н. Болдырева свидетельствуют публикации руководителя и коллектива в центральных отечественных и зарубежных научных изданиях, их частое цитирование в монографиях, диссертациях и статьях. Благодаря этим и другим работам ученых о Тамбовской школе когнитивной лингвистики знают во всех центрах лингвистического образования России, а также за рубежом. Количество цитирований трудов основателя школы Н. Н. Болдырева в РИНЦ составляет 17 575 единиц, индекс Хирша равен 66.

Коллектив ученых занимается рецензионной и редакторской деятельностью. Н. Н. Болдырев – ответственный редактор более 50 сборников научных трудов и монографий по проблемам языкознания и непосредственно когнитивной лингвистики. Является членом редколлегии ряда научных журналов ведущих вузов страны, экспертом различных фондов и организаций федерального и международного уровней.

Школа под руководством Н. Н. Болдырева поддерживает научные связи с институтами РАН, многими ведущими вузами России, ближнего и дальнего зарубежья. Ученые проводят семинары по программе повышения квалификации «Проблемы когнитивной лингвистики», предлагая авторские лекции. Научный руководитель и ведущий лектор семинара Н. Н. Болдырев прочел авторские курсы лекций в десятках вузов России и ближнего зарубежья (Казахстан, Узбекистан). Во главе со своим руководителем школа организует конференции и конгрессы по когнитивной лингвистике на базе ТГУ им. Г. Р. Державина и активно участвует в научных мероприятиях в вузах России и за ее пределами, на многих из которых Н. Н. Болдырев выступает в качестве приглашенного пленарного докладчика.

Обсуждаемые проблемы в трудах участников этой конференции свидетельствуют о том, что научные традиции Тамбовской школы получают дальнейшее углубление и развитие, а предлагаемые учеными новые концепции и методы когнитивного исследования языка говорят об упрочении и перспективности когнитивной лингвистики как научной парадигмы знания в отечественной науке.

Дорогой Николай Николаевич!

Поздравляем Вас со знаменательным юбилеем! Вы относитесь к числу ученых, которые успешно совмещают в своей профессиональной деятельности педагогический, исследовательский и наставнический таланты. Вы всегда привлекаете нас широтой своих научных интересов, глубиной знаний, стремлением к открытию новых горизонтов познания, удивительной работоспособностью и требовательностью к себе как ученому. Блестящий лектор, Учитель по призванию, известный Ученый, Вы всегда утверждаете в умах и сердцах Ваших учеников и коллег истинные человеческие и профессиональные ценности. Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, нескончаемого творческого оптимизма и новых творческих успехов во всех сферах Вашей многогранной деятельности! Счастья, тепла Вам и Вашим близким!

Редакционный совет, коллеги, ученики

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

*Н. Н. Болдырев (Россия, Тамбов)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

СТРУКТУРА И ДОМИНАНТЫ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКА

Речь идет об основных составляющих когнитивного анализа языковых структур в их взаимосвязи со структурами знания, в которой проявляется специфика семантики и функционирования языковых единиц. Выявляются базовые доминанты такого анализа, структурирующие научное знание и процессы исследования языка с позиций когнитивного подхода. При этом сам когнитивный подход рассматривается автором как определенная система научных знаний.

Ключевые слова: когнитивный подход, структура, доминанты, знание, язык.

Когнитивный подход в научных исследованиях зарождался в контексте понимания необходимости изучения того, как работает сознание человека в норме, как оно обеспечивает связь и взаимодействие человека с миром вещей и идей. В поисках ответа на данный вопрос пришло и понимание ключевой роли естественного языка в познавательных процессах и формировании сознания. Как неотъемлемая часть инфраструктуры мозга, его когнитивная способность, естественный язык принимает самое активное участие в получении, обработке и передаче знаний о мире, образующих фундамент сознания. Это делает его важнейшим инструментом познания не только окружающего мира, но и внутреннего мира человека, всей его психической деятельности.

Как следствие, язык предстает в своей целостности как определенная система знаний о мире, о человеке, о процессах познания и оперирования знанием. В этом своем качестве он открывает доступ к пониманию сознания,

принципов его организации и структурирования. Осознавая то, как устроен и функционирует язык, мы можем предполагать, как устроено и работает сознание человека. Такой взгляд на язык и лег в основу когнитивного подхода к исследованию языка в современной лингвистике (см.: [Кубрякова 1994; 2004]), который, в свою очередь, тоже может рассматриваться как некая система научных знаний.

Данное утверждение соответствует логике организации самого сознания, которое не является однородным по своей природе, объединяя разные области знания и процессы их формирования. Всеохватность некоторых таких областей, их проникновение в другие области, дает основание говорить отдельно о языковом и, в частности, о научном сознании, специфике их структуры и содержания. Свойством всеохватности обладают и отдельные научные направления и подходы, которые получили распространение в разных областях. К их числу относятся структурный (также известный как структурализм), функциональный (функционализм) и когнитивный (когнитивизм) подходы.

Цель предлагаемой статьи – попытаться представить в виде определенной системы знаний когнитивный подход в лингвистике (и, как часть его методологии, когнитивный анализ языковых единиц и категорий), которые обладают своей структурой и доминантами, отличающими их от других подходов и видов анализа.

Концептуализация научного подхода как системы знаний накладывает свои ограничения на ожидаемый результат данного познавательного процесса в силу его мета-репрезентативного характера. Конечно, таким результатом может быть и простой перечень отличительных характеристик, которые, однако, не дадут достаточной глубины его понимания и конкретики, тем более при обращении к определенной области знания. Знание научного подхода – это многоаспектное знание, объединяющее в себе множество различных концептуальных областей, в контексте которых должен рассматриваться конкретный объект: специфическое понимание природы и функций этого объекта, различные общие и частные теории с их понятийно-терминологическим аппаратом, методологические принципы и механизмы, конкретные методы и приемы анализа.

Исследование языковых единиц и категорий с позиций когнитивного подхода, в частности, предполагает их изучение в следующей системе координат:

- 1) понимание языка как когнитивной способности,
- 2) его связь с познавательными процессами концептуализации и категоризации, которые осуществляются посредством языка,

3) отражение специфики получаемых результатов познания – разных типов знаний, уровней их стандартизации, в их взаимодействии с языковыми структурами,

4) роль языка в интерпретации этих знаний в процессах их получения, обработки (структурирования) и коммуникации, в том числе уровни представления знаний в языке,

5) роль всей системы знаний (концептуальной системы) говорящего как области определения, а также когнитивных и языковых механизмов в формировании конкретных значений языковых единиц в системе языка и передаваемых ими смыслов в процессах коммуникации.

Разнообразие этих координат, указывающих на многоаспектность научных знаний, ассоциированных с данным подходом, подводит к выводу о матричном характере знания о том или ином подходе (см. подробнее: [Болдырев 2009]). Это означает, что вышеназванные координаты образуют сложную единую матрицу контекстов знаний, необходимых для исследования объекта с позиций когнитивного подхода, которая выступает в качестве единицы многоаспектного знания, см. также когнитивно-матричный анализ: [Там же]. Внутреннее единство и взаимосвязь этих контекстов подтверждается их взаимопроникновением и, порой, практической неотделимостью друг от друга.

Применительно к конкретному объекту изучения (в данном случае – языку) она служит основой для формирования частной когнитивной матрицы [Там же] – системы исследовательских координат, или точек референции, на которые должен быть ориентирован процесс научного познания в избранной области. С этой точки зрения данные ориентиры выполняют функцию когнитивных доминант (см. подробнее: [Болдырев 2018а; 2020]), определяющих выбор и направление исследования, а также выбор конкретных методов анализа, его системность и полноту. Детализируем далее сформулированное утверждение в рамках регламентированного объема статьи.

Позиционирование языка как когнитивной способности предполагает необходимость выявления его активного участия в познавательных процессах концептуализации и категоризации, а также его разносторонних связей с результатами познания – знаниями. Исследование языка, его единиц и категорий сквозь призму познавательных процессов дает понимание того, как осмыслен человеком тот или иной феномен или фрагмент мира, к какой категории объектов или событий отнесен и, следовательно, какие характеристики, свойственные объектам этой категории, ему приписаны посредством соответствующей семантики.

Например, отношения между людьми могут быть осмыслены (концептуализированы и категоризованы) в разной системе координат: как бытовые, родственные, семейные, близкие, дружеские, враждебные, социальные, деловые, профессиональные, служебные, партнерские, межкультурные, межнациональные и т.д. Выбор того или иного слова активирует соответствующую структуру знания о человеке, его статус в определенной иерархии: *руководитель* ('более высокий статус в служебной иерархии, имеет больше полномочий и привилегий, принимает окончательное решение, несет большую ответственность'). Это определяет и функциональные возможности соответствующих слов: *руководству виднее, начальник всегда прав, с начальством не спорят, простой исполнитель, всего лишь подчиненный*, и напротив: **простой руководитель, *всего лишь начальник, *подчиненным виднее, *исполнитель всегда прав*, ср. также: *всего лишь служащий – *?всего лишь государственный служащий*.

Данная система координат, в свою очередь, требует дальнейшей **конкретизации: относительно типов знания** (теоретическое, практическое, языковое), **его структуры** (элементарное, сложное, многоаспектное), **его функциональной специфики** (тематическое, операциональное), **уровней его стандартизации** (коллективное – разделяемое всеми на мировом, национальном, территориальном, социо-культурном уровне, индивидуальное – разделяющее в той или иной степени коллективное или строго ограниченное рамками собственных представлений) или **уровней его языковой репрезентации** (базовый, суперординатный, субординатный). Это находит свое отражение в семантике языковых единиц: лексической, грамматической, абстрактной, конкретной, их широкозначности и многозначности, см. подробнее: [Болдырев 2018].

Например, иерархия знаний по степени обобщенности – конкретности (**концептуальная иерархия**) представлена в иерархии уровней его языковой репрезентации. **На базовом уровне** знание о некой сущности передается в языке в виде целостного гештальта, не требующего уточнения в деталях, т.е. в максимально достаточной для ее идентификации как элемента определенной категории степени обобщения. **Субординатный уровень** акцентирует значимость именно деталей – составных частей и характеристик этой сущности. **На суперординатном уровне**, напротив, знание передается в абстрагированном от каких-либо характеристик виде. Сравните: *кот / собака – барханный кот / гладкошерстный терьер – животное; автомобиль, машина – седан, грузовик, фура, тягач – транспорт – артефакт* и т.д., см. подробнее, а также концептуально-таксономический анализ в: [Болдырев 2009; 2018: 127 и сл.].

Особая роль базового уровня языковой репрезентации знаний при этом не ограничивается вышеуказанной спецификой. За этой его спецификой (в частности, гештальтность представления знания) скрывается сущностная характеристика и ведущая роль коллективных, базовых знаний как основы языковой коммуникации, которая обеспечивает эффективность концептуального взаимодействия и процессов понимания. Без мотивированности и прозрачности деривационных связей с коллективным знанием достижение этой эффективности практически нереально. Последнее заставляет задуматься о еще одной проблеме, связанной с изучением соотношения когнитивных и языковых структур, – интерпретации коллективного знания в индивидуальном сознании человека посредством языка.

Многоуровневый характер представления знаний в языке свидетельствует о том, что язык, как и сознание человека в целом (об интерпретирующем характере сознания см.: [Dennett 1991; Pinker 2007] и др.), не просто зеркально отражает объекты и события мира. Он способен их по-разному конструировать в зависимости от их восприятия, в том числе в определенный момент времени и в определенной жизненной или коммуникативной ситуации, т.е. интерпретировать, фокусируя внимание на конкретных аспектах и характеристиках. Данный ракурс соотношения когнитивных и языковых структур открывает дополнительные перспективы для исследования языка в рамках когнитивного подхода.

Эти перспективы связаны с акцентированием интерпретирующей функции языка и выделением двух основных **типов языковой интерпретации**: **первичной** (языковая интерпретация мира как разнообразия объектов и событий) и **вторичной** (языковая интерпретация уже имеющихся и представленных в языке знаний о мире), см.: [Болдырев 2011; 2018]. Наличие лексических единиц, обозначающих разные объекты и явления одной и той же концептуально-тематической области, иллюстрирует первый тип языковой интерпретации: *весна, лето, осень, зима; ветер, дождь, снег, град, роса, мороз, гололед, гром, молния* и т.д.

Вторичная интерпретация, которая тоже может иметь многоуровневый характер, акцентирует внимание на отдельных характеристиках уже известных и вербализованных явлений: *летний / грибной / слепой / мелкий / теплый / приятный / противный / ледяной дождь; метель, поземка, изморось, торнадо, цунами; природное явление, стихия*. Если первичная интерпретация связана преимущественно с представлением знаний в языке на базовом уровне, то вторичная – с субординатным и суперординатным уровнями, в зависимости от его конкретизации или обобщения, соответственно.

Широкие возможности вторичной языковой интерпретации проявляются в ее разных частных функциях, или **подтипах**: селекции, классификации и оценке. **Селективная языковая интерпретация** предполагает профилирование составных компонентов или характеристик явления в зависимости от тех или иных доминирующих факторов: гендерных, возрастных, социокультурных, профессиональных, утилитарных и т.д.: *сильный / слабый дождь / минус 1 – ощущается как минус 8*. При этом грань между первичной и вторичной селективной интерпретацией не всегда имеет четко выраженный характер и зависит от степени коллективности – индивидуальности, объективности – субъективности выбора соответствующего обозначения: *ливень, снегопад, жара; собрание – совещание – конференция – симпозиум – colloquium – consilium – слет – форум – конгресс – съезд – митинг – пикет – акция – стрелка – тусовка – флэшмоб* и т.д.

Критерием для дифференциации может служить уровень репрезентации: базовый или субординатный / суперординатный. Слова, передающие знание на базовом уровне, используются в словарных дефинициях слов, передающих конкретизированное знание на субординатном уровне (*ливень – сильный дождь*). Напротив, языковые единицы суперординатного уровня обобщают в своей семантике характеристики нескольких категорий базового уровня (*животное: кошка, собака, корова*).

Классифицирующая языковая интерпретация предполагает соотнесение объекта с определенной категорией и приписывание ему за счет этого характеристик, свойственных элементам данной категории: *как ребенок, женоподобный, мужеподобная, метод взрыва (по А. Макаренко), желеобразный, бархатистый, медовый, лекарственный, ядовитый, аллергенный, природный, социальный, государственный, частный*. Поскольку вторично-деривационный характер происхождения подобных обозначений со временем становится не столь очевидным, то некоторые из них могут тоже восприниматься как примеры первичной языковой интерпретации знаний на базовом уровне.

Оценочная языковая интерпретация, в отличие от двух предыдущих типов, имеет явно выраженный вторичный характер, поскольку в большей степени связана с индивидуальным сознанием человека и его шкалой оценок (хотя сами шкалы могут быть коллективными по уровню их стандартизации, признания): *хорошо – плохо, прилично – неприлично, нравится – не нравится, полезно – вредно, приятный – противный, красивый – безобразный, простой – сложный, удивительный – обычный, интересный – скучный, дорогой – дешевый, умный – глупый*. При этом нейтральная и отрицательная

оценка могут допускать некоторую градацию: *простоватый, глуповатый, скучноватый, дороговатый* (как отрицательная оценка, ср.: **?дешеватый*, но: *дешевенький*).

В качестве обобщения следует еще раз подчеркнуть, что структура и доминанты когнитивного анализа языка предполагают его изучение в следующей системе координат: понимание языка как когнитивной способности, его связь с познавательными процессами концептуализации и категоризации, которые осуществляются посредством языка, отражение специфики получаемых результатов познания – разных типов знаний, уровней их стандартизации, в их взаимодействии с языковыми структурами. Особого внимания заслуживает исследование роли языка в интерпретации этих знаний в процессах их получения, обработки (структурирования) и коммуникации. Это подразумевает анализ уровней представления знаний в языке, выявление роли всей системы знаний (концептуальной системы) говорящего как области определения, а также когнитивных и языковых механизмов в формировании конкретных значений языковых единиц в системе языка и передаваемых ими функциональных смыслов в процессах коммуникации.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: Коллектив. монография. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11–16.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н. Н. Доминантные конструкты научного знания // Когнитивные исследования языка. 2018 а. Вып. XXXV. С. 13–21.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 4 (43). Когнитивные доминанты языкового сознания: кол. монография. С. 21–79.

Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Dennett D. Consciousness Explained. N.Y.: Back Bay Books, 1991.

Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a Window into Human Nature. N.Y.: Viking Penguin, 2007.

N. N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE STRUCTURE AND DOMINANTS OF THE COGNITIVE STUDY OF LANGUAGE

The article summarizes the structure and core components of the cognitive analysis of language in its relation to knowledge structures, specifying semantics and functioning of language units. The author identifies basic dominants of cognitive analysis, that structure scientific knowledge and language research processes from the perspective of a cognitive approach. In doing so the author argues that the cognitive approach presents in itself a kind of a knowledge system.

Key words: cognitive approach, structure, dominants, knowledge, language.

E. В. Абросова (Санкт-Петербург, Россия)
*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
abrosovoj@mail.ru*

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИСЕМИИ

В статье анализируются когнитивные механизмы связи различных лексико-семантических вариантов полисемичного слова, предложенные в рамках прототипического подхода к пониманию процесса категоризации. Психологической основой для описания закономерностей расширения семантики многозначного слова выбрано экспериментальное учение Л. С. Выготского о типах и этапах развития мышления ребенка в онтогенезе.

Ключевые слова: категоризация, когнитивная лингвистика, когнитивные механизмы, лексико-семантический вариант, полисемия.

Важнейшей чертой развития современного языкознания является установка на расширение границ лингвистики, на интеграцию лингвистического знания с данными смежных областей исследования. Когнитивная лингвистика как одна из важнейших наук когнитивного цикла, наук, изучающих проблемы человеческого познания, мышления и разума, неизбежно должна обращаться к данным когнитивной психологии и психолингвистики для более глубокого понимания когнитивных механизмов языковых процессов. Для исследования одного из важнейших процессов когнитивной

деятельности человека, процесса категоризации, до настоящего времени исключительную актуальность сохраняет учение о вербальном мышлении человека и его типах, созданное выдающимся отечественным психологом Л. С. Выготским. Работа «Мышление и речь», написанная Л. С. Выготским еще в 30-х годах XX века, во многом опередила свое время. Она позволяет нам глубже понять исследуемые в когнитивной лингвистике закономерности формирования языковых категорий.

Одним из актуальных вопросов когнитивной лингвистики остается проблема значения моделирования семантической структуры многозначного слова. Одной из важных идей для описания характера связей между лексико-семантическими вариантами многозначного слова и понимания механизмов расширения его семантической структуры стала теория прототипов. Согласно прототипическому подходу, языковая категория может обладать полевой организацией, в которой выделяется центр и периферия. Если ядерные члены категории – это типичные представители данного класса, обладающие полным набором классификационных признаков, то на периферии расположены такие члены категории, которые связаны с центральными лишь отдельными признаками по принципу так называемого «семейного сходства» (Л. Витгенштейн). Нецентральные расширения категории в таком случае могут быть мотивированы лишь отдельными признаками центральных членов и поэтому не имеют общих, связывающих их между собой признаков [Боярская 2010; Лакофф 2004; Рахилина 1998]. Дж. Лакофф подобную структуру категории определяет как радиальную [Лакофф 2004]. Важно также иметь в виду, что в категориях с радиальной структурой связи между нецентральными членами могут выстраиваться по цепочке, в которой любой неклассификационный признак периферийного члена категории становится основанием для включения нового ее члена. Таким образом, члены радиальной категории не имеют общего сквозного набора существенных признаков и связаны между собой «случайными» динамически меняющимися отношениями.

Согласно прототипическому подходу, отдельные значения многозначного слова могут быть рассмотрены как субкатегории в структуре единой категории [Остин 1993; Лакофф 2004; Hawkins 1988; Langaker 1991; Taylor 1989]. Связи между субкатегориями строятся по описанному выше принципу «фамильного сходства» и образуют радиальную структуру. Именно такой характер связей лексико-семантических вариантов полисемичного слова затрудняет, а часто и делает невозможным выделение общего семантического основания для их объединения.

Исследование в области грамматической полисемии, выполненное Б. Хокинсом [1988], является яркой демонстрацией объяснительной силы

прототипического подхода для моделирования структуры языковой категории. Б. Хокинс, обращаясь к исследованию грамматической многозначности, а именно, категории 'Medium', включающей предлоги с семантикой 'нахождение внутри' (*in, into, through, out of*), объясняет появление непредсказуемых нерегулярных значений прототипическим механизмом устройства категории, наличия в ней ядра и неядерных расширений. Все объекты, формирующие центр категории 'Medium', помимо прототипического признака трехмерности (3d), объединяются в подкатегории по наличию других, периферийных, т.е. несущественных для формирования центра категории, свойств. Периферия категории образуется за счет активации одного из второстепенных семантических признаков той или иной субкатегории ядра, который становится, по словам Б. Хокинса, «спонсором» и втягивает в категорию другие члены, не обладающие центральным классификационным признаком.

Так, многие трехмерные объекты категории 'Medium' формируют субкатегорию по наличию контрастной границы (например, *ваза, комната, автомобиль*). Непрототипическое свойство «наличие явной границы» может становиться активным и служить основанием для включения на периферию двухмерных объектов либо объектов со слабо выраженным третьим измерением глубины, но с явными границами (например, *стоять в проходе, стоять в дверях, сидеть во втором ряду, картина в раме*).

Другая центральная подкатегория класса 'Medium' образуется трехмерными объектами, представляющими «сплошной кусок», в котором нет контраста материала внутренней части и внешней границы, поэтому сам объект образует границу определенной формы (например, *мясо, яблоко, кеке*). Таким образом, форма объекта становится признаком-спонсором, включающим новые нетрехмерные члены на периферию категории (например, *собрать волосы в пучок/кичку, свалить вещи в кучу, выстроиться в линию*).

Рассмотрим другие примеры периферических признаков, анализируемых Б. Хокинсом. Свойство «являться частью тела» у трехмерных названий частей тела (например, *желудок, рот, ухо*) приводит к втягиванию в категорию любых существительных, называющих части тела (*ударить кулаком в плечо / в подбородок, толкнуть в грудь, попасть мячом в голову*). Существительные, обозначающие ничем не ограниченные 3-d пространства, могут по признаку «свойства внутренней среды» инкорпорировать на периферию категории любые имена, называющие свойства самой среды (например, *гулять в жару, сидеть в темноте, держать ноги в тепле*).

Важно отметить, что не только у центральных, но и у периферийных субкатегорий могут активироваться дополнительные признаки. Они также выполняют функцию «мостов», позволяющих включать новые члены в ка-

тегорию 'Medium' и расширять категорию по принципу цепочки. Например, субкатегория 3-d объектов с явными внешними границами включают в категорию 'Medium' объекты, обозначающие географические области с четкими границами, но только в двух измерениях (например, *в Германии, в Мексике, в городе, в штате*). Последние, в свою очередь, за счет периферийного свойства «территория на земле» втягивают следующую субкатегорию, состоящую из объектов, вообще не имеющих четких внешних границ (например, *в пустыне, в гористой местности*).

Важным теоретическим обоснованием прототипического подхода в целом и модели для описания семантических отношений между лексико-семантическими вариантами полисеманта, предложенной Б. Хокинсом, является экспериментальное исследование становления различных типов вербального мышления у ребенка в онтогенезе, разработанное Л. С. Выготским. Описывая этапы формирования понятийного мышления ребенка, Л. С. Выготский, помимо собственно понятийного, абстрактно-логического мышления, выделяет онтогенетически более ранний способ категоризации действительности – конкретно-фактическое или комплексное мышление [Выготский 1982: 158–175]. Продуктом такого мышления являются псевдопонятия или «ассоциативные комплексы». Если сведение объектов к единому классу-понятию предполагает «выделение, абстрагирование, изоляцию отдельных элементов и умение рассматривать эти выделенные, отвлеченные элементы вне конкретной и фактической связи, в которой они даны», то формирование комплекса отличается «переизбытком или перепроизводством связей и ... неразвитостью абстрагирования» [Выготский 1982: 173–174]. Таким образом, основанием для отнесения объекта к категории-комплексу могут служить любые его свойства, общие с характеристиками уже включенного в категорию объекта. Поскольку объект рассматривается во всей полноте своих фактических свойств, то характер признака, который используется для обобщения, непредсказуем, неустойчив, может динамически меняться [Выготский 1982: 158].

Описывая механизмы формирования семантической структуры многозначного слова, Л. С. Выготский подчеркивает, что в его основе лежат механизмы именно комплексного, а не понятийного мышления. Появление нового лексико-семантического варианта полисеманта происходит, по мнению Л. С. Выготского, на основе разнообразных ассоциаций, связывающих между собой образы предметов, а не по законам логического мышления. «В образовании новых слов мы и сейчас наблюдаем целый ряд чрезвычайно интересных процессов такого комплексного отнесения самых различных предметов к одной и той же группе. Например, когда мы говорим о горлышке бутылки, о ножке

стола, о ручке двери, о рукаве реки, мы производим именно такое комплексное отнесение предмета к одной общей группе» [Выготский 1982: 166].

Таким образом, отсутствие общих семантических оснований для объединения всех лексико-семантических вариантов полисеманта, случайный и непредсказуемый характер расширения семантики многозначного слова можно объяснить когнитивным механизмом – закономерностями лежащего в основе этого процесса комплексного мышления, представляющего более ранний этап развития человеческого интеллекта.

Литература

Боярская Е. Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 2. С. 19–27.

Выготский Л. С. Проблемы общей психологии. Т. 2 // Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1982.

Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Остин Дж. Значение слова // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. Ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 105–121.

Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274–322.

Hawkins B. W. The natural category MEDIUM: An alternative to selection restrictions and similar constructs // Topics in Cognitive Linguistics / Rudzka-Ostyn (ed.), 1988. P. 231–271.

Langacker R. W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

Taylor J. R. Linguistic categorisation: prototypes in linguistic theory. Oxford: Clarendon press, 1989.

*E. V. Abrosova (Saint Petersburg, Russia)
The Herzen State Pedagogical University of Russia*

ON COGNITIVE MECHANISMS OF POLYSEMY FORMATION

This article analyses the cognitive mechanisms of connection between different lexico-semantic versions of a polysemantic word as proposed within the prototypical approach to categorization. To describe the expansion of a polysemantic word's lexical meaning, we draw on L. S. Vygotsky's experimental studies describing types and stages of child's cognitive development in ontogenesis.

Key words: categorization, cognitive linguistics, cognitive mechanisms, lexicosemantic versions, polysemy.

О. В. Александрова (Москва, Россия)

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова

ovaleksandrova@gmail.com

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ЭКСПРЕССИВНОСТИ РЕЧИ

В статье рассматриваются такие важные для лингвистики настоящего времени понятия, как дисфемизм, understatement и overstatement, которые создают определённую экспрессивность и наиболее часто используются в политическом дискурсе и в художественной литературе. Данные явления приобретают особое значение в английском языке на основе дальнейшего развития такого явления, как политическая корректность в англоязычном обществе, где важная роль отводится языку.

Ключевые слова: дисфемизм, understatement, overstatement, политическая корректность, литература, политический дискурс.

Когнитивные исследования языка уже имеют солидную историю. Официальная точка зрения состоит в том, что её начало относится ко второй половине прошлого века, хотя официально о ней заговорили лишь в конце столетия. Однако, если вспомнить работы учёных первой половины двадцатого века, уже тогда исследователи задумывались над тем, какую роль играет язык в жизни человека, в процессах коммуникации, где он является важнейшим инструментом в руках человека, а также в какой мере языковая деятельность используется в связи с мыслительной.

Николай Николаевич Болдырев пишет: «Появление того или иного направления исследований в языкознании, в данном случае когнитивного, как и сравнительно-исторического языкознания, структурной, функциональной и коммуникативной лингвистики, представляется вполне закономерным. Оно обусловлено более пристальным вниманием учёных к определённой языковой функции: коммуникативной, познавательной-отражательной, или когнитивной, к частным вопросам реализации этих функций с помощью тех или иных языковых единиц, к структурам организации языка и его единиц и т. д. Именно понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании, обмена знаниями и лежит в основе когнитивного подхода к языку» [Болдырев 2014: 14].

Когнитивная лингвистика предполагает широкое и всестороннее понимание речевых произведений на основе сведений социального, национального, психологического и других знаний о жизни того или иного общества. Как известно, в конце прошлого века сложилось новое направ-

ление в лингвистике, которое получило название *политическая корректность* и которое основано на интеграции различных наук, где когнитивное направление играет значительную роль. В целом можно отметить, что это движение основано на эвфемизме, стремлении в мягкой и вежливой форме говорить о неприятном.

Часто можно услышать, что английский язык намного «вежливей», чем русский. Вообще, как известно, для английского языка характерна тенденция к “understatement”, т.е. к более мягкому, обтекаемому изложению мыслей, отношений. Как считает С. Г. Тер-Минасова, термин *политическая корректность* сам по себе не очень правильный, собственно к политике он имеет мало отношения. По её мнению, более уместным было бы словосочетание *лингвистический такт (linguistic tact)* [Ter-Minasova 2008]. Как известно, это движение зародилось в США, и язык, как неотъемлемая часть жизни общества, естественно стал одной из важнейших его составляющих. Уже существуют словари политически корректного английского, куда включаются слова и словосочетания, иногда доходящие до смешного. Так, например, нам уже давно известно *senior citizen*, т.е. старый человек, вместо более политкорректного русского слова *пожилой*, или *guest* в значении пациент или заключённый, *companion* с разнообразными значениями: boyfriend, girlfriend, husband, wife, spouse, но также *animal companion* и т.д. Но приводятся и более редкие единицы, такие как, например, *significant other*, словосочетание, которое означает husband, lover, wife, girlfriend, boyfriend, sex partner; или *incomplete success*, в значении failure, а в русский язык переключалось более обидное слово *лузер* – прямая калька из английского [Beard, Cerf 1993].

В лингвистике известен и другой термин в противоположность эвфемизму – *дисфемизм*, от греческого dys. pheme, который означает запрещённое обычаем или приличием слово, вместо эвфемизма для придания ему негативной окраски и для усиления экспрессивности речи, например, *морда* вместо *лицо*, *башка* вместо *голова* [Википедия]. Во многих словарях как общего языка, так и лингвистических терминологических по непонятной причине термин *дисфемизм* отсутствует. Однако ещё в 1969 году в «Словаре лингвистических терминов», автором которого была О. С. Ахманова, находим этот термин, который она определила как «троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым» [Ахманова 1969: 137]. В словаре британского учёного Д. Кристалла «The Penguin Dictionary of Language (second edition)» дано следующее определение этого слова: “The use of an offensive disparaging expression instead of a neutral or pleasant one, напр. boneshaker for car” [Crystal 1998: 96].

Данный термин используется и в литературоведении. Так, в словаре «The Penguin Dictionary of Literary Terms» (fourth edition), автором которого является Дж. Каддон, дисфемизм очень коротко определяется как (Gk. 'not fair speech') The opposite to euphemism, it emphasizes defects – as in saying 'a filthy dirty face' [Cuddon 1999: 246]. Следует отметить, что в англоязычных словарях данный термин можно встретить намного чаще, чем в русскоязычных, это может объясняться тем, что для английской речи, как уже указывалось выше, характерна тенденция к understatement, т. е. заниженной оценке, в большей степени, чем для русской, где преобладает overstatement (завышенная оценка). Для этих терминов сложно подобрать терминологические соответствия в русском языке, где данное понимание когнитивных особенностей мышления в разных языковых сообществах отсутствует. В исследованиях подчёркивается, что в целом, для риторики английского языка более характерно understatement. Об этом подробно пишет Иванова В. Г., подчёркивается, что концепт UNDERSTATEMENT следует изучать комплексно в составе культурологии и когнитивной лингвистики, он составляет важную часть менталитета британского общества [Иванова 2015]. Думается, что то же можно сказать и об overstatement, который сегодня активно используется как в художественной литературе, так и в речах современных политиков.

Существует целый ряд работ, посвящённых изучению дисфемии в художественной литературе. Так, в диссертации Е. Ф. Бех указывается, «Дисфеминизация речи – это результат действия не только экстралингвистических, психолингвистических и социокультурных, но и лингвистических факторов» [Бех 2022: 3]. Важно при этом учитывать неразрывное единство как собственно лингвистических факторов, так и контекст ситуации, в составе которого происходит то или иное речевое событие.

Интересно, что некоторые дисфемизмы упоминаются в словарях. Так, например, в словаре Лонгмэн находим такие словосочетания: *a tub of lard*, что помечено как *rude, impolite, a really fat person who looks nasty and oily* [Longman Dictionary of Contemporary English]. Исследования показывают, что дисфемизмы чаще используются в художественной литературе, а также в политическом дискурсе. Об этом пишет С. Г. Тер-Минасова, а уже упоминавшаяся работа Е. Ф. Бех полностью посвящена этой проблеме [Ter-Minasova 2008; Бех 2022]. В последней на основе лексико-семантического критерия выделены следующие группы, в отношении которых используются дисфемизмы. Наиболее многочисленной является группа, связанная с человеком (например, *bastard, a jackass*), на втором месте – представители животного мира (*snake oil salesman*), на третьем – неодушевлённые предметы (*loot*) [Бех 2022: 21].

Что же касается политического дискурса, то можно наблюдать использование дисфемизмов в так называемой вербальной атаке. Под этим термином подразумевается «речевой акт, представляющий собой целенаправленное резкое коммуникативно-оценочное суждение, относящееся к предмету речи» [Литовченко 2003: 4]. В современных исследованиях политического дискурса указывается на средства манипулятивного воздействия, используемые политиками, где вербальная атака играет важную роль. В качестве иллюстрации приведём один небольшой пример такой вербальной атаки из книги Д. Трампа: «Здравоохранение по Обаме – не что иное, как резкий поворот к здравоохранению, целиком контролируемому и управляемому государством. Безумие заключается уж в том, что этот план вообще был предложен. Америка – страна должник. В чём смысл сверхзатратной программы вроде здравоохранения по Обаме, когда США и так находятся в долговой яме почти 15 миллионов долларов? Это – финансовое самоубийство» [Трамп 2017: 158].

В исследованиях политического дискурса отмечается большое разнообразие дисфемизмов, которыми пользуются политики и которые можно найти в средствах массовой информации. Можно назвать такие, достаточно хорошо известные, как, например, *журналист сорвался с цепи, утюжить, ворюга* и многие другие [Навасартян 2017: 88–90]. Такого рода слова и выражения мы находим не только в речи политиков, но и ещё чаще в средствах массовой информации. Они также являются частью вербальной атаки и используются для оказания определённого воздействия на аудиторию.

В заключение хотелось бы привести слова Н. Н. Болдырева, который отмечает, что «с более глубоким и детальным исследованием когнитивной функции языка во всех её проявлениях и связаны отличительные отличия когнитивной лингвистики как научного направления, а также выбор и использование соответствующего понятийного и терминологического аппарата» [Болдырев 2014: 14].

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.

Бех Е. Ф. Феномен дисфемизма в современном англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2022.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Иванова В. Г. Лингвокультурологические особенности концепта «UNDER-STATEMENT» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015.

Литовченко М. А. Прагматические особенности вербальной атаки в политическом дискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2003.

Навасартян Л. Г. Дисфемизмы как средство искажения информации в печатных СМИ // Современная филология. V международная научная конференция. Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2017. С. 88–90.

Трам Д. Былое величие Америки / перевод с англ. А. А. Калинина. М.: Эксмо, 2017.
Bead H., Cerf C. The official Politically Correct Dictionary and Handbook. New York, 1993.

Crystal D. The Penguin Dictionary of Language (second edition). Penguin, 1998.

Cuddon J. The Penguin Dictionary of Literary Terms (fourth edition). Penguin, 1999.

Ter-Minasova S. Language, Linguistics and Life. A View from Russia. Moscow, 2009.

O. V. Aleksandrova (Moscow, Russia)

Lomosov Moscow State University

COGNITIVE FOUNDATIONS OF THE LINGUISTIC EXPRESSIVITY

The article deals with the important notions in current linguistics: dysphemism, overstatement, understatement which are used to achieve a special expressivity in the discourse. These phenomena are of special importance for the English language, where political correctness is becoming more and more important and the language is an indispensable part of this trend.

Key words: dysphemism, understatement, overstatement, political correctness, literature, political discourse.

Н. Б. Гвишиани (Москва, Россия)

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
ngv@wdcb.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ И АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

В статье рассматриваются факторы имплицитности в содержательной структуре текста в свете современных когнитивно-корпусных исследований, предоставляющих механизмы разрешения неоднозначности и поиска оптимальных соответствий при переводе. Делается вывод о дальнейших перспективах применения автомати-

зированных систем в концептуально-лингвистическом анализе парадигматических и синтаксических взаимосвязей слов в динамике речевых преобразований.

Ключевые слова: автоматизированные системы, дистрибутивный корпусный анализ, интертекстуальность, концептосфера, конкорданс, статистика коллокатов.

В современных когнитивных исследованиях языка особое место занимает вопрос о выявлении идентичности текста как многоуровневого и ‘многомерного’ объекта. Понятие многозначности, обычно соотносимое с семантикой слов, может быть применено и к тексту, в построении которого участвуют единицы разных уровней языка в создании совокупного смыслового содержания. В отличие от лексической полисемии, зафиксированной в лексикографических источниках, многозначность текста ‘не лежит на поверхности’ и осмысливается в терминах таких категорий, как абстрактность / конкретность его содержания, имплицитность и неоднозначность, интерпретируемость, социологичность и других. Уже в период становления теории дискурса было показано, что идентичность текста определяется не просто денотативными значениями входящих в него лексических и грамматических средств, а оказывается мотивированной информационными и риторическими структурами, представляющими собой особую ‘систему координат’ в социально обусловленном коммуникативном пространстве. Понятие *фрейма* в когнитивной семантике как структуры знаний и представлений, описывающих типичные отрезки опыта, способствовало осознанию роли концептуализации и категоризации в исследовании процессов речеупотребления [Болдырев 2018: 43, 107]. В то же время, расширенная трактовка *интертекстуальности* предопределила положение о том, что содержательный потенциал слов, а значит, и текста, накапливается в ‘текстовых парадигмах’ [Чернейко 2017], когда взаимодействие выражаемых смыслов рождается не только в линейном, но и в нелинейном функционировании языковых единиц. Ключевыми словами при этом являются *изменчивость*, *дифференциация*, *диапазон использования*, *полупродуктивность* и другие, которые указывают на «неравномерность» функционирования слова как смысловой единицы.

Говоря о реальных параллелях, которые устанавливаются между словами в речевых актах, В. Г. Гак отмечал, что «правила речи формулируются как тенденция, они характеризуют элементы языка, прежде всего, с количественной стороны, со стороны их употребляемости» [Гак 1977: 10]. Исследованию именно этого аспекта функционирования языковых единиц служит дистрибутивный статистический анализ, реализуемый на базе автоматизированных систем поиска языковых данных. Термин ‘*большие данные*’, введенный

Клиффордом Линчем, профессором школы информации Беркли, в 2008 году, первоначально относился к программным продуктам, но с 2013 года он становится академическим предметом и приобретает расширенное метафорическое значение с упором на три основных принципа: **volume** (объем), **velocity** (скорость обработки) и **variety** (разнообразие данных). Современные языковые корпуса не только содержат большие объемы текстов, но и 'рассматривают' их с помощью высокотехнологичного программного обеспечения. Частотность и употребляемость языковых единиц отчетливо выявляются при обращении к образцам речи, находящимся в различных точках временного пространства, а расширенная контекстуализация показывает их вхождение в реальные структуры опыта (фреймы) в общепринятых или 'новых' значениях. Автоматизированный анализ, удовлетворяющий критериям объема, разнообразия и скорости обработки языковых данных, может служить отправной точкой когнитивного исследования концептуальной интеграции, фиксирующей *тренды и корреляции* в категоризации действительности. Важной целью такого подхода становится выявление системных связей ассоциированных и проецируемых смыслов. Обработка статистических компьютерных данных позволяет определить потенциал отдельных лексем и в плане лингвокреативности, а также установить вероятностные границы языковых инноваций.

Обратимся теперь к исследовательскому материалу, чтобы показать, как автоматизированные системы и когнитивные механизмы раскрывают смысловое содержание текста и его отдельных элементов. Прежде всего, речь идет о расширенной контекстуализации, которую предоставляет корпусный конкорданс в формате гипертекста. К примеру, при рассмотрении именных комплексов 'Noun + Noun' в отличие от 'of phrases' в английском языке ('*businessman*' vs '*a man of business*') можно прибегнуть к большой компьютеризированной коллекции текстов – The Corpus of Historical American English (COHA), содержащей 400 миллионов слов речеупотреблений с 1810-х по 2000-е годы. Помимо статистических расхождений, данные корпуса выявляют существенную разницу в концептуализации этих структур в разные периоды истории: фраза '*a man of business*' в основном 'живет' в XIX веке, и позднее она 'проигрывает конкуренцию' лексикализованному '*businessman*'. Анализ контекстов позволяет нам осознать, что '*a man of business*' – это описательная фраза, обозначающая личностные характеристики, например, статус уважаемого члена общества, который заработал свое 'богатство' и теперь может им гордиться. Что касается жанров, в которых встречается это словосочетание, то к ним относятся художественная литература, эссе и мемуары.

В случае сложного слова '*businessman*' следует отметить, что его история начинается только в последние десятилетия XIX века и достигает своей кульминации в середине XX века. По мере того, как мир поддается новому порядку вещей, а международный бизнес растет, появляется новая '*достойная имени*' категория. По сравнению с '*a man of business*' – человеком действия, который ставит перед собой цели и усердно работает для их достижения, '*businessman*' превращается в профессиональную характеристику. В этом значении слово чаще всего встречается в прессе и других журналистских жанрах [Гвишиани, Смирнова 2019: 60]. Являясь внешним параметром текста, статистические корпусные данные отражают социально-культурные процессы: «дата, когда новое слово входит в язык, обычно является датой, когда объект, опыт, наблюдение или что-то еще, вызывающее его, вошли в общественное сознание» [Baugh & Cable 2002: 283].

Пользуясь такими инструментами, как контексты конкорданса и статистика коллокатов, корпусный дистрибутивный анализ становится парадигматическим, иначе говоря, он объединяет такие факторы, как язык, познание и общество. В частности, в исследовании процессов метафоризации и фразеологизации анализ коллокатов по всему объему текстового пространства, представленного в корпусе, позволяет с большей степенью объективности разграничить такие категории, как *словосочетание* (коллокация) и *фразеологическая единица*. К примеру, согласно данным Британского национального корпуса, словосочетание *black and white* может быть продолжено большим перечнем правосторонних коллокатов (*films, photographs, images, plates, people, illustrations, etc.*), в то время как в случае *in black and white* модификация фразы возможна лишь посредством левосторонних коллокатов. Это свидетельствует о большей завершенности значения фразеологической единицы по сравнению с коллокацией: когда фраза ни с чем не сочетается, можно сказать, что она содержательно завершенна [Philip 2011: 8].

Парадигматический вектор статистического корпусного анализа особенно ярко проявляется на когнитивном уровне, когда окружающие исследуемое слово дистрибутивные синонимы представлены в едином семантическом поле или категории, отражая языковую репрезентацию определенной концептосферы. К примеру, в анализе рассказа Д. Г. Лоуренса «Англия, моя Англия» компьютерный тезаурус выделяет регулярное сравнение персонажей с *деревом* как важным концептом, олицетворяющим не только природу, но и человека.

И, наконец, следует отметить потенциал автоматизированных систем в выявлении элементов лингвокреативности в сопоставлении не только

текста оригинала и версии переводчика, но и автоматизированных вариантов перевода на базе ИИ. Обратимся к следующему примеру выражения коннотативного значения в тексте оригинала и версиях перевода:

Текст оригинала	Версия переводчика	Google Translate	DeepL Translate
«Это Варин женишок». (А. П. Чехов. Вишневый сад)	“...he is Varia’s precious fiancé ”. (Translated by E. Fen)	This is Varya’s groom .	This is Varya’s fiancé .

Ироническая коннотация, выраженная в тексте оригинала словом *женишок*, передана в версии переводчика не морфологическим, а лексическим способом – через энантиосемию прилагательного *precious*. Обе версии ИИ уступают варианту переводчика (*human translation*), хотя программа DeepL Translate задействует переводное соответствие **fiancé**, в большей мере отражающее характерные черты эпохи.

В заключение можно сделать вывод о том, что автоматизированные системы обработки языковых данных постоянно обновляются и совершенствуются. По мере того, как они становятся все более ‘креативными’, их эвристическая роль как инструмента научного поиска будет неуклонно возрастать. Вместе с тем, по словам исследователя искусственного интеллекта Альберто Ромеро, всегда останутся виды человеческой деятельности, которые ничто не сможет оптимизировать. К ним относятся «сочувствие, юмор, несовершенство, написание удивительных, а не просто разумно смоделированных текстов и сообщений» [Romero 2024].

Литература

- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.
- Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977.
- Гвишиани Н. Б., Смирнова О. В. Роль вертикального контекста в разграничении семантика ‘of-phrases’ и сложных слов нестойкого типа // Слово и текст: к проблеме понимания. М.: Наука, 2019.
- Чернейко Л. О. Как рождается смысл. М.: «Гнозис», 2017.
- Baugh A. C., Cable T. A History of the English Language. Fifth edition. London: Routledge, 2002.
- Philip G. Colouring Meaning. Collocation and Connotation in Figurative Language. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2011.
- Romero A. Weekly AI Newsletter. URL: <https://thealgorithmicbridge.substack.com>.

N. B. Gvishiani (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE MODELS AND AUTOMATED SYSTEMS IN THE INTERPRETATION OF THE TEXT CONTENT STRUCTURE

The article examines the factors of implicitness in the content structure of the text in the light of modern cognitive-corpus studies that provide mechanisms for resolving ambiguity and searching for optimal matches in translation. A conclusion is made about further prospects for the use of automated systems in the conceptual-linguistic analysis of paradigmatic and syntagmatic relationships of words in the dynamics of speech transformations.

Key words: automated systems, distributional corpus analysis, intertextuality, conceptual sphere, concordance, statistics of collocates.

О. В. Глухова (Ростов-на-Дону, Россия)
Ростовский государственный экономический университет
olga_glukhova_@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Исследование ставит своей целью представление соотношения когнитивной лингвистики и лингвистической типологии как двух областей знания в отношении современных подходов к изучению языкового разнообразия. Приводится перечень существующих когнитивных типологий, основывающихся на идее взаимосвязи концептуальных и грамматических структур, намечаются перспективы дальнейших исследований на стыке исследуемых областей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, типология, универсалии, разнообразие, грамматика, когнитивная структура.

Обращение к вопросу соотношения когнитивной лингвистики и лингвистической типологии обусловлено озабоченностью исследователей доминированием английского языка и чрезмерной зависимостью от него когнитивной науки [Blasi et al. 2022], результатом которой становятся обобщения в отношении особенностей когнитивной архитектуры человека, пренебрегающие различиями, которые могут накладываться спецификой того

или иного языка. Актуальность проводимого исследования подтверждается ростом интереса к указанной теме. Библиометрический анализ научной базы данных Dimensions [URL] по запросу «cognitive AND typology AND linguistics AND diversity AND universals AND grammar» в таких областях знания, как Language, Communication, Linguistics, Language studies позволил выявить 7130 работ (из которых 5160 статей и 1970 глав в коллективных монографиях), опубликованных с 1976 по 2025 годы, с пиком количества публикаций в 2022 году (см. рис. 1). Подавляющее большинство данных публикаций выполнено на английском языке.

Согласно У. Крофту, типология есть кросс-лингвистическое эмпирическое исследование грамматических структур в языках мира [Croft 2005: 1755]. Методика типологического анализа, разработанная Дж. Гринбергом [Greenberg 1966], включает три этапа: классификацию, обобщение и объяснение универсальных черт – общих положений для всех языков. Сближение когнитивной лингвистики и лингвистической типологии происходит, как полагает У. Крофт [Croft 2016: 591], при использовании модели семантического картирования [Haspelmath 2002], призванной репрезентировать вариативность грамматических категорий в языках мира, и одновременно позволяет обнаружить уни-

All years: 7,130

Show years 1976 to 2025 ▾

Chart | Table

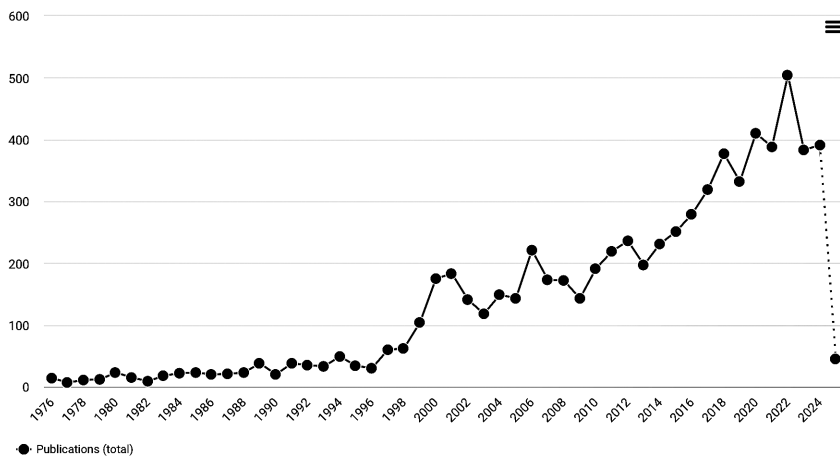

Рис. 1. Распределение по годам публикаций по когнитивной лингвистике и лингвистической типологии. Источник [dimensions.ai]

версалии. Вероятно, подобные карты концептуальных полей можно строить и для концептуальных структур, актуализирующихся в структурах грамматики.

Как известно, «в основе типологической классификации лежат статистически определяемые сходные черты» [Гринберг 2004: 139]. Однако в настоящее время обобщения в отношении когнитивности, в большинстве случаев, без конструирования репрезентативной выборки типов концептуальных категорий и структур в языках мира, строятся преимущественно на основе английского [Blasi et al. 2022] или языков среднеевропейского стандарта, что значительно снижает степень достоверности подобных обобщений. Такому положению вещей, как отмечают Н. Эванс и С. Левинсон [Evans, Levinson 2009], способствовало распространение и всеобщее принятие идей о языковых универсалиях. Между тем, количество языковых универсалий, проявляющихся во всех языках, крайне мало, в то время как разнообразие наблюдается на всех языковых уровнях. Осознание структурного разнообразия человеческого языка, по мнению авторов, ведёт к необходимости пересмотра подходов к изучению когнитивных способностей человека, в которых центральное место должна занимать идея о разнообразии [Там же]. Именно языковое разнообразие, как отмечают авторы, может стать ключом к созданию новой когнитивной парадигмы, которая сможет найти ответы на вопросы о том, какими свойствами должен обладать мозг для того, чтобы уметь обрабатывать такое количество вариантов, и какие механизмы в нем остаются инвариантными при обработке значительно отличающихся друг от друга языковых структур [Там же].

Ответом на такой призыв стал набирающий все большее число сторонников пострелятивистский подход в изучении соотношения языка, познания и культуры [Бородай 2020], предполагающий изучение языка в структуре когнитивности с учётом социокультурных особенностей носителей. При этом типологические исследования становятся одной из важнейших его составляющих. Руководствуясь положениями Ф. Боаса об обязательности, как основополагающей характеристике грамматического значения, идеями Л. Талми [Talmy 2006: 543] о соотношении концептуальных и грамматических структур, где последние репрезентируют первые посредством языковых элементов закрытых классов [Talmy 2000a, 2000b], и замечанием У. Крофта в контексте построения семантических карт концептуальных пространств для выявления типологических универсалий о том, что семантические различия могут свидетельствовать о различиях концептуализации [Croft 2005: 1757], сторонники пострелятивистского подхода придерживаются позиции, согласно которой некоторые когнитивные структуры, особенно связанные с языковым мышлением, соответствуют грамматическим структурам. В таком случае

возможно построение когнитивных классификаций (типологий) языков, критерии для выявления которых могут быть настолько же разнообразными, насколько разнообразными являются критерии лингвистической типологии.

В настоящее время признаются лингвистически обусловленными и обоснованными для построения когнитивных типологий языков следующие концептуальные области: время и пространство, дейксис, событие и сцена, процессы и сущности, местоположение и движение, динамика сил и причинно-следственная связь [Talmy 2006: 543], внимание, перспектива, суждение, конституирование [Croft, Cruze 2004: 46], а также метафорическое проецирование [Lakoff, Johnson 1980]. Примерами такого рода являются типологии ориентации в пространстве [Levinson 2003; Bennardo 2004], типологии темпоральных систем [Núñez, Cooperrider 2013; Bender et al. 2010], путь и манера движения [Talmy 2000a, 2000b; Slobin 2004].

Перспективными для построения когнитивных типологий являются категории эвиденциальности, аспектуальности, дейксиса, классификаторов, изучение которых невозможно без привлечения данных культурной и когнитивной антропологии, поскольку в них наиболее сильно, как отмечает С. Ю. Бородай, проявляется «специфический стиль концептуализации, который важен для репрезентации культуры» [Бородай 2020: 619], а иногда сама культура является предпосылкой для грамматикализации категории эвиденциальности [Aikhenvald 2004: 358; McLendon 2003: 113]. Вместе с тем понимание специфики концептуализации различных типов эвиденциальных значений (по типу доступа к информации или каналу ее получения), обусловленных особенностями социокультурного бытования носителей языка, может расширить представления учёных о работе памяти.

Таким образом, типологическая лингвистика, представляющая языковое разнообразие во всей его полноте, может внести значительный вклад в развитие когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. Использование методов лингвистической типологии для построения концептуальных карт когнитивных структур может способствовать расширению наших знаний об устройстве когнитивной архитектуры и лучшему пониманию устройства человеческого сознания.

Литература

Бородай С. Ю. Язык и познание: Введение в пострелятивизм / отв. ред. В. А. Лекторский, А. В. Смирнов. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2020.

Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика: Вводный курс: пер. с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Bender A., Beller S., Bennardo G. Temporal frames of reference: Conceptual analysis and empirical evidence from German, English, Mandarin Chinese, and Tongan // *Journal of Cognition and Culture*. 2010. 10. P. 283–307.

Bennardo G. Linguistic untranslatability vs. conceptual nesting of frames of reference // *Proceedings of the 26th annual conference of the Cognitive Science Society* / Ed. by K. Forbus, D. Gentner, T. Regier. New York: Lawrence Erlbaum, 2004.

Blasi D.E., Henrich J., Adamou E., Kemmerer D., Majid A. Over-reliance on English hinders cognitive science // *Trends in Cognitive Sciences*. December 2022. Vol. 26. No. 12. P. 1153–1170.

Croft W. Typology // *Encyclopedia of Cognitive Science*. Wiley, 2005.

Croft W. Typology and the future of Cognitive Linguistics // *Cognitive Linguistics*. 2016. 27(4). P. 587–602.

Croft W., Cruze D.A. Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Dimensions. URL: <https://app.dimensions.ai/> (дата обращения 01.03.2025).

Evans N., Levinson S. C. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // *Behavioral and Brain Sciences*. 2009 (32). P. 429–292.

Greenberg J. H. Language Universals, with Special Reference to Feature Hierarchies. The Hague: Mouton, 1966.

Haspelmath M. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // *The New Psychology of Language*, vol. 2. / Ed. by M. Tomasello. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2002.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Levinson S. C. Space in language and cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

McLendon S. Evidentials in Eastern Pomo with a comparative survey of the category in other Pomoan languages // *Studies in Evidentiality* / Ed. by A. Aikhenvald, R. Dixon. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 101–129.

Núñez R., Cooperrider K. The tangle of space and time in human cognition // *Trends in Cognitive Sciences*. 2013. 17 (5). P. 220–229.

Slobin D. The many ways to search for a frog // *Relating events in narrative* / Ed. by S. Strömquist, L. Verhoeven. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2004. P. 219–258.

Talmy L. Toward a cognitive semantics: Vol. I: Concept structuring system. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000a.

Talmy L. Toward a cognitive semantics: Vol. II: Typology and process in concept structuring. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000b.

Talmy L. Cognitive linguistics // *Encyclopedia of Language & Linguistics*, 2006. P. 542–546. DOI:10.1016/b0-08-044854-2/00351-5.

O. V. Glukhova (*Rostov-on-Don, Russia*)
Rostov State University of Economics

COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUISTIC TYPOLOGY: THE CORRELATION PROBLEM

The research aims at presenting the relationship between cognitive linguistics and linguistic typology in relation to linguistic diversity studies. A list of existing cognitive typologies based on the idea of conceptual and grammatical structures interrelation is provided, and prospects for further research at the junction of the studied areas are outlined.

Key words: cognitive linguistics, typology, universals, diversity, grammar, cognitive structure.

В. З. Демьянков (*Москва, Россия*)
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
vdemiank@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТЫ В ЛИНГВИСТИКЕ¹

Прагматический и когнитивный подходы к исследованию явлений языка являются своеобразным противовесом структурализму, выносившему за скобки факторы и обстоятельства употребления речи и человеческие механизмы употребления языка. Исследование прагматики языка сосредоточивается на объяснении человеческой деятельности, а когнитивизм интересуется механизмами человеческой ментальности.

Ключевые слова: когнитивные науки, когнитивный vs. прагматический поворот в лингвистике, интерпретация речевого действия, прагматическое исследование.

1. Введение

Под прагматическим поворотом (pragmatic turn, pragmatische Wende) в литературе по лингвистике обычно понимается направление исследований, получившее ускорение в 1970-е гг. Примерно в это же время произошел и «коммуникативный поворот» в преподавании иностранных языков,

¹ Данное исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–18–00702) «Языковые параметры национальной идентичности: Латиноамериканский текст» в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

тематизировавший исследование взаимоотношений языка, ситуации общения и идентичности коммуникантов, а также форм, процессов протекания и интерпретации человеческой деятельности в обществе. Заинтересовались исследователи и техниками достижения межкультурного взаимопонимания как прикладной областью сопоставления языков и культур [Liedke, Knapp-Potthoff 1997: 9].

Когнитивным поворотом (cognitive turn, kognitive Wende) называют направление мультидисциплинарных исследований 1980-х гг. за пределами, но под влиянием когнитивной психологии (1950-е гг.). Эта область исследования придала прагматическому направлению новые нюансы.

Судьбы этих двух ярких явлений в истории нашей науки тесно переплетены, свидетельствуя об общности их методологических установок.

2. Прагматический поворот в лингвистике

Прагматический поворот в теории языка реализован в лингвистических исследованиях, в которых, под влиянием философов «Оксбриджской» школы, употребление языка рассматривалось как действие, при котором слова приобретают свой «актуализированный», нередко небуквальный смысл, иногда радикально отличный от внеконтекстного словарного значения, «хранимого» в памяти носителя языка.

В результате прагматического поворота лингвистами, а не только социологами и психологами, были исследованы и расклассифицированы акты общения на различных языках мира [Weigand 1996: 151]. Эта область выходит далеко за пределы филологии. Интерпретируя и переинтерпретируя речь, человек проявляет свою сопричастность к созданию и существованию миров, о которых идет речь и в которых происходит коммуникация. Употребленные слова уже сами по себе воспринимаются как действия, ср. название книги “How to do things with words” [Austin 1962]. А общение людей предстает как причина и повод для изменения ситуации в мире и «знаний о мире», включая и знание инерционных свойств, «закономерностей» этого мира, образующих то, что когнитологи называют фреймом. Как справедливо отмечает Н. Н. Болдырев, «представляя ту или иную ситуацию с помощью языка, человек привлекает весь спектр знаний об этой ситуации, т.е. необходимый фрейм, и акцентирует внимание на том или ином ее аспекте или элементе, соответствующим образом профилируя эти знания, придавая им конкретную конфигурацию и добиваясь тем самым передачи нужного смысла. С помощью отрицания, в частности, часто профилируется отсутствие ожидаемого элемента события или одной из его планируемых характеристик или их не-

соответствие. Мы как бы специально создаем посредством языковых средств определенный когнитивный контекст, или ментальное пространство, чтобы показать это отсутствие или несоответствие» [Болдырев 2000/2014: 165].

3. Перепрофилирование: от прагматики к когниции

В результате прагматического поворота лингвистические исследования были и сами «перепрофилированы» следующим образом, ср. [Hinrichs 1989: 3]:

- от языка, существующего «как бы» без человека, перешли к исследованию общения людей на языке, от правил строения текстов – к выявлению процессов понимания речи;

- от «чистого» языкознания и «чистого» языка как системы – к психолингвистике и социолингвистике; языковые и речевые ошибки в живом употреблении языка стали еще более активно исследоваться и получать интересные объяснения; это был, по [Stevenson 1995: 2], рецидив тенденции, отмеченной еще в начале 20 в. и прерванной приходом структурализма; теперь же от чистой теории мы переходим к эмпирии, из которой эмерджентно вырисовывается теория;

- от рассмотрения мельчайших единиц – к исследованию того, как строятся крупные сущности, тексты и обмен репликами в диалоге;

- от свойств связного монолога – к распределению ролей и высказываний коммуникантов в диалоге;

- от презумпции несомненной и всепроницающей системности языка – к сомнению в том, что такая системность действительно существует, к допущению внесистемности и случайности в употреблении языка;

- от интроспекции – к сбору и анализу документированного аутентичного материала в виде крупных корпусов текстов и баз данных.

Как видим, перепрофилирование затронуло не только материал и объект, но и методическую сторону исследования.

От такой переориентации – всего шаг до когнитивного поворота. Когнитивисты ставят вопрос о том, «как именно язык в своей системе и практической реализации форматирует, классифицирует, интерпретирует, передает, использует для взаимного общения и понимания знание как таковое, как он сопровождает и обеспечивает познавательные процессы в целом» [Болдырев 2018: 18]. Все эти функции приписываются олицетворяемому языку, в то время как истинный виновник всех таких процедур – человек, серьезно или играючи классифицирующий свои понятия. При этом одни понятия вырастают из других, которые, подобно рассаде, содержат «в за-

родыше» исходные идеи, самореализующиеся при своем «про(из)растании» в человеческую многоязычную ноосферу. Такая идейная «рассада» получила название *концепт*: этимологический смысл латинского *conceptum* – «зародыш», от *concipio* «зачать».

Стимулом для выращивания обычных понятий из концептов как особых (отборных, «заслуженных») понятий по ходу этой когнитивной культивации нашего мира является необходимость логически корректировать реальный смысл сказанного, вычисляя импликатуры [Grice 1975: 41–58], с помощью которых выпалывают сорняки, любовно унавоживая, «подкармливая» полезные ростки, и устанавливают гармонию между словами и ситуациями их употребления, устраняя турбулентности и конфликты (когнитивный диссонанс) в общении. То есть, владение языком, помимо знания словаря и грамматических правил, предполагает еще и умение пользоваться прагматическими «средствами» этого языка, делающими речь осмысленной, уместной и целесообразной.

Когда же мотивы речи не ясны, коммуниканты имеют все основания забить тревогу: за автора речи (уж не нуждается ли он в психологической помощи), за окружающий мир (действительно ли он таков, каким кажется, судя по речи автора), за себя («А может, дело во мне, и это у меня спина испачкана мелом?») и т.д. Приведу пример из [Демьянков 2020: 89]. Чтобы продемонстрировать знание немецкого языка, одна хорошенькая русская туристка шепнула по-русски своему спутнику в берлинском метро: «Я в школе учила немецкий» и тихо спросила у стоявшего рядом местного пассажира: “Was ist das?”. В эту фразу она вложила все свои бережно хранимые скудные остатки знания немецкого языка, по ее замыслу, актуальный смысл сказанного состоял в признании: «Я знаю и люблю прекрасный Ваш язык!». Но ничего не подозревавший адресат истолковал буквальный смысл «Что это такое?» как возмущение, в замешательстве побледнел, капитулировал и молча поспешил на выход, от греха подальше.

Развивая понятие когниции для возделывания концептов на гуманитарной почве, когнитивисты констатируют, что коммуницирование покоится на гипотезе, или «ожидании» (экспектации) того, что в мире если уж не все логично и связно, то становится логичным и связным в результате человеческой деятельности (ср.: “[...] ist in seinem Ablauf geprägt durch rückwärts / vorwärts gerichtete Operationen [...], wobei die rückwärts orientierten Kognitionen durch Rekorrkturen eher zur Kohärenzbildung führen, während die vorwärts orientierten Kognitionen spezifische modifizierte Kohärenzexpectationen ausbilden, die sich als interessen- und zielspezifische Verstehensprozesse auf der Ebene unterschiedlicher Verstehensstrategien

interpretieren lassen” [Schmidt 1986: 93–94]). Выражаясь словами знаменитого селекционера: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у неё – наша задача» (И. В. Мичурин). Просто для поддержания существующего миропорядка и для проращивания жизнестойких концептов нужно потрудиться.

Развитие подобных идей, связанных с интерпретацией смысла речи, установление механизмов употребления языка, ответственных за передачу и хранение соответствующих знаний, и привело к началу «прагматического» поворота в 1970-е гг. Прагматическая волна реализовала функционалистские взгляды на употребление языка, а когнитивный поворот в лингвистике, регистрируемый десятью годами позже, в 1980-е гг., повысил интерес к психологическому объяснению языковых процессов (“ein verstärktes Interesse an psychologischen Erklärungsversuchen von sprachlichen Prozessen” [Kaindl 1995: 16]). Когнитивный поворот (отмечаемый в психологии с начала 1950-е гг. [Schmid, Kindsmüller 1996: 18], а в более широком гуманитарном контексте в 1980-е гг.) принес с собой взгляд на когницию как на оперирование символами по аналогии с тем, как логики и компьютеры производят «логические вычисления» и преобразуют логические выражения в виде пропозиций, подобно преобразованиям в логическом исчислении предикатов (ср.: “the notion that cognition is essentially propositional and the belief that a complete specification of cognition could be provided in terms of syntactic relations linking mental states. [...] a major error committed by the partisans of the first phase of the cognitive turn was to have taken the view of cognition offered by the simulation of intelligent action by computers as the sole valid model of cognition” [Daddesio 1995: 211]).

Перед когнитивной психологией в рамках этого научного проекта стояла задача изучить «анатомию» (человеческую ментальность) и «физиологию» (когнитивные процессы) человеческой переработки информации (“Die kognitive Psychologie hat primär das Ziel, menschliche Information sverarbeitungsprozesse zu erforschen. Eine wesentliche Methode, sowohl zur Hypothesenbildung, als auch zur Hypothesenprüfung, ist dabei die empirische Untersuchung der kognitiven Leistungen des Menschen” [Schmid, Kindsmüller 1996: 18]). Правда, это был поворот к объяснению ментальных процессов скорее в компьютерном, чем в человеческом исполнении (“Diese Wende weg von einer vorrangig an physiologischen Grundbegriffen und damit an der Biologie orientierten Psychologie hin zu einer Disziplin, die nunmehr die Computerwissenschaft als Leitdisziplin akzeptiert” [Lenz, Meretz 1995: 5]).

По существу, это было признание в любви к компьютеру, который силен тем, что в отличие от человека, ничего не забывает и обладает бук-

вально железной логикой. Да и компьютер сам от такого обращения мог бы почувствовать себя человеком, если бы обладал человеческими чувствами и обладал приписываемой ему на вырост «самостью», которая выделяет человека из мира остальных живых и неживых существ. Восхищенно очеловечивая компьютер, люди пытались изо всех сил увидеть у него эмоции, жизнь, а его действия истолковывать как результат осмысленных намерений (ср.: “Cognitive psychology, however, in contrast to psychology of experience and behaviorism already assumes a concept of “self” adapted to psychology. The «self» is included in the system’s structure in this case” [Wallner, Costazza 1995: 279]). Подойдя же вплотную к созданию искусственного интеллекта, испугались, что эти чувства у компьютера действительно есть и что он будет руководствоваться этими нечеловеческими чувствами.

Пигмалион, как пассажир в метро, испугался, что Галатея и вправду оживет.

4. Заключение

Прагматический и когнитивный подходы не даром в истории нашей науки о языке столь близки по времени возникновения и распространения. Они были своеобразным противовесом структурализму, понимаемому в узком смысле – как рассмотрению языковых явлений в (условном) отвлечении от человеческого произвола. В дополнение к законам формообразования, наблюдаемым при структуралистском анализе, исследование прагматики языка сосредоточивается на объяснении человеческой речевой деятельности, а когнитивный подход исследует механизмы человеческой ментальности, ответственные за продуцирование и понимание речи на том или ином языке.

Так получилась гармония научного *pas de trois*.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Демьянков В. З. Трансфер знаний и переносное значение // Междисциплинарные исследования культурного трансфера: философия, лингвистика, медицина: сборник научных статей. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2020. С. 76–94.

Austin J.L. How to do things with words: (The William James lectures delivered at Harvard University). Oxford, 1962. Vii.

Daddesio T.C. On minds and symbols: The relevance of cognitive science for semiotics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. Viii.

Grice P. Logic and conversation // *Speech acts* / Ed. by Cole P., Morgan J.L. New York etc., 1975. P. 41–58.

Hinrichs U. Slawistik – Germanistik – Linguistik // *Sprechen und Hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums*, Berlin 1988. Tübingen: Niemeyer, 1989. P. 3–13.

Kaindl K. Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft. Tübingen: Stauffenburg, 1995. Xiv.

Lenz A., Meretz S. Neuronale Netze und Subjektivität: Lernen, Bedeutung und die Grenzen der Neuro-Informatik. Braunschweig; Wiesbaden: Vieweg, 1995. 191 S.

Liedke M., Knapp-Potthoff A. Einleitung // *Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit*. München: Iudicum, 1997. P. 7–16.

Schmidt S.J. Texte verstehen – Texte interpretieren // *Perspektiven des Verstehens*. Bochum: Brockmeyer, 1986. P. 75–103.

Schmid U., Kindsmüller M.C. Kognitive Modellierung: Eine Einführung in die logischen und algorithmischen Grundlagen. Heidelberg etc.: Spektrum, 1996.

Stevenson P. The study of real language: Observing the observers // *The German language and the real world: Sociolinguistic, cultural, and pragmatic perspectives on contemporary German*. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 1–23.

Wallner F.G., Costazza M. How Ludwig Wittgenstein would have reacted to recent changes in psychology // *Wittgenstein: Mind and language*. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 279–288.

Weigand E. Words and their role in language use // *Lexical structures and language use: Proc. of the International Conference on lexicology and lexical semantics*, Münster, September 13–15, 1994. Tübingen: Niemeyer, 1996. P. 151–167.

V.Z. Demyankov (*Moscow, Russia*)
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

PRAGMATIC AND COGNITIVE TURNS IN LINGUISTICS

Pragmatic and cognitive approaches once seemed to be a kind of counterbalance to structuralism, understood in a narrow sense as a study of linguistic phenomena in abstraction from human will. The study of the pragmatics of language focuses on explaining human speech activity, while the cognitive approach explores the mechanisms of human mentality responsible for producing and understanding speech in human languages. Now, these three disciplines collaborate and complement each other.

Key words: cognitive sciences, cognitive vs. pragmatic turn in linguistics, interpretation of speech as action, pragmatic research.

В. И. Заботкина (Москва, Россия)

*Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru*

КОГНИТИВНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В МЕНТАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАНИПУЛЯЦИИ

В статье рассматриваются механизмы смыслопорождения с целью манипулятивного воздействия на ментальный мир человека. Основываясь на положении Н. Н. Болдырева о ведущей роли вторичной интерпретации/концептуализации, автор предлагает динамичную модель интра- и интеркогнитивной коммуникации, в основе которой лежит полидомейное концептуальное проецирование.

Ключевые слова: манипуляция, вторичная концептуализация, динамическая когниция, смыслопорождение.

Данная статья посвящена юбилею замечательного учёного, прекрасного организатора науки, создателя Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, доктора филологических наук, профессора Николая Николаевича Болдырева.

Одной из недостаточно изученных проблем когнитивной лингвистики является проблема когнитивного моделирования ментальных пространств различного типа. В последние десятилетия в качестве относительно нового проблемного поля гуманитарного знания выступает ментальное пространство манипуляции.

По мнению Николая Николаевича Болдырева, средством манипуляции выступают когнитивные языковые схемы вторичной интерпретации и концептуализации индивидуального и коллективного плана [Болдырев 2023]. Ученый выделяет три частные функции и типы вторичной интерпретации, такие как селекция, классификация и оценки. Функция «селекция» реализуется в языковых обозначениях соответствующих концептов и их основных характеристик. Она приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем, которые различаются по структуре и содержанию способами выборочной «селективной» презентации мира и включают основные характеристики окружающей природной и социальной среды [Болдырев 2023]. Другими словами, по образному определению В. А. Лекторского, человек в процессе познания вырезает из реальности именно то, что соотносится с его жизнедеятельностью [Лекторский 2008]. Признавая справедливость ведущей роли вторичной интерпретации/концептуализации, лежащих в ос-

нове манипуляции, мы предлагаем новый ракурс рассмотрения данного вопроса с учетом динамики трех уровней когнитивного взаимодействия.

Как указывалось нами в предыдущих публикациях, пространство манипуляции рассматривается нами в виде многоуровневой динамической структуры, основывающейся на полидоменном концептуальном проецировании между различными ментальными пространствами, между фреймами, структурирующими их, с одной стороны, и языковыми единицами различных уровней, с другой стороны [Заботкина, Позднякова 2024]. Речь идёт о контролируемой лингвистической манипуляции, основывающейся на динамике смыслов и слов. Напомним в этой связи известное выражение Выготского о том, что «мысль творится в слове» [Выготский 1934].

Концептуальная динамика рассматривается нами с позиции трёх измерений:

1. внутри сознания;
2. между сознаниями;
3. между сознанием и миром.

Все три измерения соотносятся с интра- и интеркогнитивной коммуникацией. Напомним, что лингвистическая манипуляция включает в себя два аспекта – когнитивный и коммуникативный – и является частью когнитивно-коммуникативного маневрирования [Демьянков 2023].

Первое измерение и третье измерение соотносятся с интракогнитивной составляющей. Второе измерение – с интеркогнитивной коммуникацией, включая межкультурную коммуникацию. Когнитивные механизмы второго уровня представляются недостаточно изученными. Важным в этой связи является выявление моделей метафорической и метонимической концептуализации феноменов другой культуры. При этом необходимо определить основные модели переконцептуализации/перекатегоризации, возникающих при контакте двух культур. Особый акцент необходимо делать на ценностно значимых категориях, то есть на аксиосферах культур. Определить модели манипулятивного воздействия ценностно-релевантных концептуализаций явлений и феноменов другой культуры в российских медиа.

В основе взаимодействия между тремя уровнями когнитивной динамики, как мы писали об этом ранее [Заботкина, Боярская 2024], лежит механизм концептуального проецирования. И этот же механизм лежит в основе взаимодействия двух культур.

Хотелось бы особо указать на недостаточную изученность процессов различных видов проецирования между ментальными пространствами различных культур, которые объединяются в общем ментальном пространстве манипуляции.

Манипуляция основана на скрытом, неявном искажении истины. Фреймы «ложь» и «правда», структурирующие данные концепты, обладают

схожей структурой, в то же время их концептуальное содержание является противоположным («соответствие» VS «несоответствие» действительности). Конечная цель манипуляции – это нарушение сложившихся в концептуальных картинах мира манипулируемого, концептуальных проекций. Речь идет о таргетированном сбое данных проекций, ведущих к деструктивным разрушительным воздействиям, в том числе и на ценностную систему носителей определенной культуры.

Как известно, концептуальное проецирование включает использование различных когнитивных механизмов проецирования структур одного концептуального домена в другой.

Особое внимание заслуживают в этой связи механизмы концептуальной метафоризации (основывающиеся на такой универсальной когнитивной операции, как аналогия) и эмоционализации (положительной или отрицательной). Манипуляция основана, прежде всего, на воздействии на эмоциональную часть сознания манипулируемого. Как известно, в когнитивной системе эмоциональные факторы зачастую доминируют над рациональными, что также ведёт к когнитивным ошибкам.

Особое внимание заслуживают языковые маркеры манипуляции. Среди них, прежде всего, выделяются лексические единицы, выражающие сомнение и неуверенность. Так, В.З. Демьянков выделяет такие выражения, как «Скорее всего, разве, неужели, ты и правда веришь в могущество когнитивной лингвистики?» [Демьянков 2023].

Это основывается на двух аргументах. Одной из характеристик культурного кода человека является готовность быть ведомым. Второй фактор – человеку свойственно сомневаться (*dubito ergo sum*). Анализ вербальных приемов манипуляции позволил прийти к выводу, что наиболее частотным вербальным маркером являются эвфемизмы, псевдоэвфемизмы, референциальная неоднозначность, эмоциональная лексика (ср. англ. *love-bombing* – попытка воздействия на человека путем демонстрации внимания и привязанности). Иногда в качестве языковых маркеров манипуляции могут выступать негативно окрашенные лексические единицы (*shock, horror, disaster, alarm, outrageous*).

Новый вызов для лингвистов-когнитологов представляет вовлечение в процесс манипуляции искусственного интеллекта. В последние годы под интеркогнитивной коммуникацией понимается коммуникация между человеком и искусственным интеллектом. Но это предмет отдельной публикации и не является целью данной статьи.

Таким образом, мы попытались представить ментальное пространство манипуляции с точки зрения комбинации различных когнитивных и языковых

механизмов, различных процессов, различных моделей и схем. Можно сделать вывод о том, что наблюдается многоуровневая когнитивная прогрессия, которая заключается в смещении и перемещении концептов и структурирующих их фреймов в рамках трех уровней когнитивной динамики. Представлена динамика смыслов и слов в процессе манипулятивного воздействия.

Доказана ведущая роль второго уровня когнитивной динамики, а именно взаимодействия между участниками коммуникативного акта. Именно данный уровень задает основные структурные параметры манипуляции двух других уровней. Он определяет характер изменений в концептуальных и языковых картинах мира манипулируемого, а также вид сбоя концептуальных проекций, влекущих за собой ошибки. Дальнейшие исследования предполагают анализ взаимодействия между типом концептуального проецирования и типом концептуальных сбоев, происходящих на уровне взаимодействия между сознаниями представителей двух культур, то есть на интеркогнитивном уровне. В дальнейшем представляется важным изучение роли искусственного интеллекта в данном процессе.

Литература

Болдырев Н. Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. С. 5–8.

Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва; Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934.

Демьянков В. З. Коммуникативное и когнитивное маневрирование // Когнитивные исследования языка. Выпуск № 3 (54). Когниция, коммуникация, дискурс: современные аспекты исследования. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 20–21 апреля 2023 года. Часть I / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 36–40.

Демьянков В. З. Имплицирование и дезинмплицирование в коммуникативно-когнитивном маневрировании // Когнитивные исследования языка. Выпуск № 4 (55). Когнитивная лингвистика в контексте современной науки. Материалы международной конференции 19–21 сентября 2023 года. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2023. С. 32–35.

Заботкина В. И., Боярская Е. Л. Динамика концептуального проецирования в медиадискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2024. Выпуск № 5 (61). С. 74–81.

Заботкина В. И., Позднякова Е. М. Ментальные пространства манипулятивного воздействия в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 15–25.

Лекторский В. А. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: материалы круглого стола // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3–37.

V.I. Zabolkina (Moscow, Russia)
Russian State University for the Humanities

COGNITIVE AND LINGUISTIC MECHANISMS OF MEANING GENERATION IN THE MENTAL SPACE OF MANIPULATION

The article examines the mechanisms of meaning generation for the purpose of manipulative impact on the mental world of a person. Proceeding from the position of N. N. Boldyrev on the leading role of secondary interpretation/conceptualization, the author proposes a dynamic model of intra- and intercognitive communication, which is based on polydomain conceptual mapping.

Key words: manipulation, secondary conceptualization, dynamic cognition, meaning generation.

В. И. Карасик (Москва, Россия)
Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина
vkarasik@yandex.ru

ИМПЛИКАТИВНАЯ МОЩНОСТЬ КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА

Рассматривается имплицативная мощно́сть как когнитивно-дискурсивная характеристика косвенно выраженной информации. Такая мощно́сть может получить объяснение с позиций семиотики, когнитивной лингвистики и дискурсологии. Она имеет градуальный характер, лингвокультурную специфику и проявляется на трех уровнях – лексическом, сентенциональном и текстовом.

Ключевые слова: имплицативная мощно́сть, когнитивная лингвистика, теория дискурса, интерпретация текста, значение, смысл.

В данной работе рассматривается имплицативная мощно́сть объекта как лингвистически релевантная характеристика познавательной активности человека. Предполагается, что различные объекты реальности обладают различным потенциалом развития переносных значений, с одной стороны, и в разных коммуникативных ситуациях может проявиться ок-

казиональный переносный смысл при характеристике действительности, с другой стороны.

В семиотическом плане имплицативная мощность является выражением асимметричного дуализма языкового знака, по С. И. Карцевскому [Карцевский 1965]: форма знака стремится к расширению передаваемой информации, а его содержание – к поиску новых форм. Такое объяснение раскрывает базовую тенденцию коммуникации, состоящую в поиске новых экспрессивных способов передачи информации. В когнитивном плане имплицативная мощность представляет собой объективное отражение процесса познания и преобразования реальности: чем более значим для субъекта тот или иной фрагмент осмысливаемой действительности, тем более вероятны различные метафорические переносы на его основе для освоения новых объектов [Болдырев 2018]. В основе таких переносов лежит когнитивная операция аналогии как главного познавательного механизма. В дискурсивном плане имплицативная мощность характеризует разные типы коммуникативных ситуаций, включающих установки участников общения, нормы культуры, обстоятельства и жанры коммуникации [Демьянков 2022; Кубрякова 2000]. Такой подход к пониманию имплицативной мощности раскрывает интерпретативную специфику коммуникации в разных типах дискурса.

Идея имплицативной мощности базируется на принятии тезиса градуальности как принципа организации смысловых переносов. Есть объекты с большей и меньшей имплицативной мощностью. Например, глаза подвергаются метафорическому переосмыслению при характеристике чего-то очень важного и ранимого (рус. *беречь, как зеницу ока*), а также при сравнении объектов (рус. *глазок в двери*, англ. *the hole in a needle that you put the thread through, the calm centre of a storm such as a hurricane, a dark spot on a potato that a new plant can grow from* (LDCE) – игольное ушко, центр урагана, глазок на картофелине), подбородок переосмысливается как знак настойчивости (в англ. *keep your chin up!* “used to tell someone to make an effort to stay brave and confident when they are in a difficult situation” (LDCE) – держи нос выше!), в то время как веко глаза не обладает высоким имплицативным потенциалом в коллективном сознании. Заметим, что имплицативная мощность имеет этнокультурную специфику, один и тот же объект может получить разные переносные наименования в разных языках, хотя общий принцип переноса остается неизменным.

Имплицативность соотносится с метафоризацией, при этом различные типы импликаций характеризуют непрямую коммуникацию в целом [Дементьев 2006], в то время как разные типы метафор представляют собой когнитивный способ переносного наименования объекта.

Можно выделить различные типы имплицативности при характеристике объектов.

Традиционно в лексикологии противопоставляются денотат и коннотация как основное и переносное значения слова. Отметим, что это противопоставление применимо к предметным именам, например, к зоонимам (змея как пресмыкающееся животное и как коварный человек), для абстрактных имен подобный способ семантического расширения не характерен (зависть как определенный вид чувств вряд ли может получить переносный смысл). В науке о языке известна концепция М. В. Никитина, противопоставившего несколько типов переносных значений слов: жесткий импликационал, свободный импликационал, неимпликационал [Никитин 1988]. Эта идея соотносится с типами метафор – стёртыми и авторскими.

Высокая имплицативная мощность является одним из признаков единиц основного словарного фонда, т.е. слов, активно используемых в повседневном общении. При этом в качестве когнитивной базы для аналогии берутся типичные признаки того или иного объекта. Например, говорят «менять, как перчатки» о действиях субъекта, который легко меняет используемые объекты, но не говорят «*менять, как варежки». Высокой имплицативной мощностью обладают жаргонные и просторечные единицы в силу их частотности (например, «разинуть варежку – крайне удивляться»). Термины в этом плане находятся в нулевой точке на шкале переосмысления объектов, хотя в индивидуально-авторской речи возможны смысловые переносы, например, *singularia tantum* – имена существительные, употребляемые только в единственном числе, при шутливом наименовании человека, избегающего компанию.

Высокая имплицативная мощность характерна для коммуникативных ситуаций с повышенной символической значимостью обозначаемой реальности. В русской лингвокультурной традиции разной символической значимостью обладают наименования хищных птиц «сокол» и «ястреб». «Сокол» в переносном смысле – это молодой удалой красавец, а «ястреб» – агрессивный политик. Есть лингвокультурная специфика метафорического осмысления реальности: в русском языковом сознании «кислый» ассоциируется с разочарованием и скукой (*сидеть с кислым лицом*), в то время как носители китайской культуры связывают это вкусовое ощущение с ревностью (*suan* – кислый, ныть, болеть; *уксус* – ревность), в английском языке *vinegar* – уксус – метафорически переосмысливается как язвительное замечание, в США были популярны «уксусные валентинки» – *vinegar valentines* were a type of cheeky postcard decorated with a

caricature and insulting poem – дерзкие открытки с карикатурой и оскорбительным стишком. Термины родства обладают высокой символической значимостью и соответственно – высокой имплицативной мощностью. Мне довелось увидеть много лет тому назад в одной школе плакат, посвященный дружбе народов в Советском Союзе, с заголовком «Пятнадцать братских сестер» (15 республик в составе СССР).

Разные типы имплицативной мощности характерны не только для отдельных слов или словосочетаний, но и для высказываний. Любое автосемантическое высказывание, самодостаточное вне контекста, обладает высокой имплицативной мощностью. Таковы цитаты, девизы, лозунги, слоганы, пословицы и афоризмы. Сентенциональная имплицативная мощность состоит в расширении контекстов, в которых может использоваться подобное высказывание. Таков, например, девиз прусского императора Фридриха III: *Lerne leiden ohne zu klagen* – *Научись страдать без жалоб*. Известно, что, взойдя на престол, этот монарх был смертельно болен. Такие высказывания могут носить характер иносказательных описаний, понятных носителям определенной лингвокультуры. Например, в киргизском языке есть фраза «*Они пьют чай без молока*» – *Они попали в финансовое затруднение*. Аллегорическая имплицативная мощность понятна при различных номинациях той или иной ситуации, значимой для определенного сообщества. По-русски мы говорим: «*Крысы бегут с тонущего корабля*», описывая ситуацию, когда кто-либо спасается, попав в трудную ситуацию, и при этом предаёт своих друзей. В Китае используют другой образ с аналогичной импликацией: *Дерево упало, макаки разбежались*. В целом известность носителей языка с прецедентным текстом делает этот текст имплицативно мощным. Такова, например, фраза из известного произведения Р. Киплинга «Книга джунглей»: «*Мы с тобой одной крови – ты и я!*», используемая как пароль для подтверждения своей идентичности, т.е. общности с тем, к кому обращается герой.

Имплицативной мощностью обладают и целые тексты. В этом плане можно рассматривать имплицативную мощность сюжетов, типичных героев и коммуникативных ситуаций. Такая дискурсивная имплицативная мощность может быть представлена как три типа интерпретативного осмысления того или иного текста.

Простое интерпретативное осмысление непрямой коммуникации имеет место в случаях намеков, эвфемизмов, разных видов перифразы. Таковы, например, притчи.

Птицы решили выбрать себе царя. Борьба за престол была в самом разгаре, когда поднялся павлин и сказал:

– *Моя несравненная красота служит убедительным доказательством того, что только я достоин быть вашим царем.*

С ним было все согласилось, но вот к павлину подошла ворона и сказала:

– *Предположим, что ты будешь нашим царем. Но каким образом ты защитишь своих подданных, если на нас нападет орел?*

В этой ассирийской притче выражена идея приоритетных качеств руководителя – он должен быть способен защитить своих подчиненных в трудной ситуации. Аналогичным образом простая имплицативная мощностность вытекает из пословиц, которые возникли в результате компрессии значимых и хорошо известных текстов. В ряде случаев нужна подсказка для понимания косвенно выраженного смысла. Например, в некоторых культурах маленьким детям нельзя есть рыбу или уху, пока они не научатся говорить. В этом сюжете закодировано наблюдение: рыбы молчат. Подразумевается, что ребенок не научится говорить, если съест еду, приготовленную из рыбы.

Сложное интерпретативное осмысление закодированного смысла требуется в тех случаях, когда требуется дополнительная информация для понимания ситуации и декодирования смысла текста. Показателен верлибр Владимира Бурича:

*хотел прокатиться на трехколесном велосипеде –
не вмещаются ноги
хотел улыбнуться из собственного автомобиля –
нет зубов
хотел заплакать –
нет глаз
протянул таксисту рубль –
а это обол*

В этом стихотворении зашифрованы характеристики возраста: на трехколесном велосипеде катаются дети, на автомобиле взрослые, обол – это древнегреческая медная монета, которую нужно было дать лодочнику Харону, перевозившему людей в Аид, царство мертвых. Каждый может вывести свои интерпретативные смыслы из этого текста, но в целом это – констатация быстрой текущего времени нашей жизни.

Третий тип имплицативной мощности текста можно назвать открытым. Он характерен для тех текстов, которые содержат энигматические символы, допускающие множественную интерпретацию. Таковы стихотворения Эмили Дикинсон. Например:

*"Heaven" – is what I cannot reach!
The Apple on the Tree –
Provided it do hopeless – hang –
That – "Heaven" is – to Me!*

*Мне не допрыгнуть до небес –
До яблока на древе,
Которое подвесил бес,
Не дотянуться – деде.*

*The Color, on the Cruising Cloud –
The interdicted Land –
Behind the Hill – the House behind –
There – Paradise – is found!*

*И яблоко на облаке
Плывет в запретный край –
За край холма – земли за край –
Где расположен Рай!*

*Her teasing Purples – Afternoons –
The credulous – decoy –
Enamored – of the Conjuror –
That spurned us – Yesterday!*

*Дразнящий пурпур полдней
Погасят вечера –
Дешевый фокус показал
Великий маг – Вчера*

Перевод Л. Ситника

Сложные аллюзии в этом тексте допускают множественную интерпретацию. Читатель должен для себя найти ответ, почему здесь сопрягаются образы рая, запретного плода и фокусника или мага.

Резюмирую.

Одним из возможных аспектов описания вербальной коммуникации является моделирование ее имплицативной мощности – когнитивно-дискурсивной характеристики косвенно выраженной информации. Такая мощность может получить объяснение с позиций семиотики, когнитивной лингвистики и дискурсологии. Она имеет градуальный характер, лингвокультурную специфику и проявляется на трех уровнях – лексическом, сентенциональном и текстовом.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом «Языки славянской культуры», 2018.

Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006.

Демьянков В. З. Нарратив и дискурс // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 5–16.

Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 85–90.

Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высш. шк., 1988.

V.I. Karasik (*Moscow, Russia*)
Pushkin State Russian Language Institute

IMPLICATIVE POWER AS A COGNITIVE AND DISCOURSE CHARACTERISTIC OF AN OBJECT

The paper deals with implicative power as a cognitive and discursive characteristic of implicitly expressed information. Such power can be explained from the positions of semiotics, cognitive linguistics and theory of discourse. It has a gradational character, linguocultural specificity and manifests itself at three levels – lexical, sentential and textual.

Key words: implicative power, cognitive linguistics, discourse theory, text interpretation, meaning, sense.

Е. А. Козлова (*Тамбов, Россия*)
*Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина
helenka.tmb@mail.ru*

МОДЕЛИ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОЛИЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается проблема вторичной интерпретации количества в языке. Продемонстрировано, что вторичная интерпретация неопределенного количества осуществляется с помощью когнитивных моделей метафоры, метонимии, метафтонимии и концептуального сравнения.

Ключевые слова: количество, вторичная интерпретация, метафора, метонимия, концептуальное сравнение.

Интерпретирующая функция языка, выделенная и сформулированная Н.Н. Болдыревым (см., например, [Болдырев 2011]), является важнейшим фактором познания мира, поскольку «именно человек выбирает объект концептуализации и категоризации и средство его языковой репрезентации, каждый раз заново строит высказывание и формирует его содержание на основе собственных знаний о мире и языке, а не воспроизводит высказывания по готовым моделям» [Болдырев 2019: 252].

Интерпретирующий характер осмысления мира проявляется, в частности, в многообразии концептов и средств их репрезентации, порожденном в том числе вторичными процессами. Вторичная интерпретация мира в языке основана на вторичной концептуализации, т.е. конструировании новых смыслов на основе уже существующих в коллективном языковом сознании

концептов. Таким образом, вторичная интерпретация обусловлена индивидуальной оценкой действительности. Как отмечает Е. В. Федяева, концепт КОЛИЧЕСТВО имеет модусный интерпретирующий по своей сути характер, так как «связан со способностью сознания человека обрабатывать и интерпретировать количественные отношения и объектов, и явлений действительности» и, таким образом, отражает оценку человеком количественной стороны бытия [Федяева 2020: 211]. Такая природа этого концепта обуславливает его высокий потенциал к участию в процессе вторичной интерпретации мира как в роли области источника, так и в роли области-мишени.

Тогда как оценка определенного количества осуществляется с помощью числовых показателей, оценка неопределенного количества, осуществляемая по гештальтным параметрам МНОГО или МАЛО, зачастую опирается на конкретные концепты, репрезентирующие в коллективном сознании физическое воплощение данных абстрактных понятий, то есть представляет собой их вторичную интерпретацию. Представляется возможным выделить ряд когнитивных моделей, по которым происходит вторичная интерпретация данных количественных понятий.

Вторичная интерпретация количества может иметь **метонимическую** природу, то есть задействовать смежные концепты из той же концептуальной области. Так, при эмоциональной оценке количество может репрезентироваться через конкретное числовое значение, которое выступает образцом большого или малого числа. Таким образом, смысл МНОГО передается через преувеличенно большое для данной категории объектов число (сто, тысяча, миллион и т.п.), а смысл МАЛО – через преувеличенно малую величину (одна сотая, тысячная доля и т.п.):

- (1) *А я тебе **сто раз** говорила – не надо выяснять отношения дома* (НКРЯ).
- (2) *Есть **миллион причин**, почему человек мог сорвать элемент* (НКРЯ).
- (3) *Мадам, – сказал он, – **тысяча извинений** за беспокойство* (НКРЯ).
- (4) *I have **a hundred and one things** to do* (OLD).
- (5) *I still have **a million things** to do* (OLD).
- (6) *О, если бы у меня была **сотая доля того, что есть у тебя**, я бы стала счастливой* (НКРЯ).
- (7) *Конечно, **тысячная доля** из того, что я мог бы, и **биллионная** из того, что можно* (НКРЯ).

Аналогично репрезентантом большого или малого количества может выступать определенная единица измерения, принятая для данной концептуальной области: расстояния, массы, времени, денег и т.п. Например:

- (8) ***Километрами** заготавливать черновики и **пудами** писать прозу в жанре «в сумочке можно хранить»* (НКРЯ).

(9) *The Young Woman pours a ton of cream and sugar into her coffee* (CoCA).

(10) Она стала немного в журнале **за копейки** подрабатывать: про ба-лет, про моду писать... (НКРЯ).

(11) *Wait a second – this email's been sent to me by mistake* (CoCA).

Для вторичной интерпретации малого количества какого-либо вещества характерна еще одна разновидность метонимической модели – замещение концепта МАЛО концептом МАЛАЯ ЧАСТЬ.

(12) *Марко немилосердно бил всякого, кто **хоть крошку** ронял дорогой каши на пол* (НКРЯ).

(13) *Как только в ней что-нибудь испортится, **хоть одна пылинки** попадет между контактами, вы мгновенно вернетесь сюда* (НКРЯ).

(14) *Are you drinking? – Just a drop of wine or two* (CoCA).

(15) *Just be aware that they might contain a trace of alcohol (up to 0.5 percent)* (CoCA).

Метонимические модели интерпретации количества через единицу измерения или малую часть вещества могут выступать в синтезе с метафорической моделью в случае их применения к абстрактным областям опыта. Таким образом образуются **метафтонимические модели** интерпретации количества: количественная оценка абстрактной сущности осуществляется путем ее уподобления веществу, количество которого в свою очередь представлено через единицу измерения или малую часть. Например:

(16) *Смотри, зачухнешь с этими очками. Лучшие **грамм здоровья**, чем тонна знаний. Сам ты слабак!* (НКРЯ).

(17) *В таких случаях те, у кого осталась **хоть капля совести**, стреляются* (НКРЯ).

(18) *An ounce of prevention is better than a pound of cure* (OLD).

(19) *If you had a shred of honor and decency, you'd disavow him* (CoCA).

(20) *There he saw a pleading for even the tiniest crumb of hope he could give them* (CoCA).

Многочисленны и разнообразны собственно **метафорические модели** интерпретации количества, а также модели, основанные на механизме **концептуального сравнения**. Донорской областью в них часто выступает ПРИРОДА, включающая ЖИВОТНЫЕ, РАСТЕНИЯ, ЛАНДШАФТНЫЕ ОБЪЕКТЫ. Такие модели могут быть основаны на уподоблении большого/малого количества большим/маленьким объектам либо сравнении с ними. Например:

МНОГО:

(21) *В **море информации** человек нашел именно твою книгу, захотел её прочитать, скачал на свой компьютер* (НКРЯ).

(22) *Целый **рой мыслей** внезапно как бы обрушился на него* (НКРЯ).

(23) *The illusion of prosperity has been built on **a mountain of debt** with an avalanche imminent* (CoCA).

(24) *The result is a vast rustling **forest of taboos**, and the result of that is ignorance and distortion* (CoCA).

МАЛО:

(25) *Но дни шли за днями, а сделал он с **гулькин нос*** (НКРЯ).

(26) *Americans have and will continue to grow accustomed to working **for peanuts*** (CoCA).

Кроме того, вторичная интерпретация количественных параметров МНОГО и МАЛО может происходить за счет сравнения с объектом, известным своим большим или малым количеством в силу природных свойств:

(27) *Кокосов, манго, ананасов и авокадо там – **как грязи*** (НКРЯ).

(28) *Здесь на станции банков **как грибов после дождя*** (НКРЯ).

(29) *Пахотной земли – **кот наплакал**, да и была она худородной* (НКРЯ).

(30) *Petroleum jobs were **rare as hen 's teeth*** (CoCA).

(31) *Compared to what has gone before, investment in renewable energy is **chicken feed*** (CoCA).

В следующих примерах основанием для метафорической интерпретации количества выступает интенсивность природных явлений, которая в другой концептуальной области «конвертируется» в количественный показатель МНОГО:

(32) ***Град пух** посыпался на них с берега* (НКРЯ).

(33) *Стоит нам перестать работать, как поднимется **буря возмущения** – того нет, этого нет!* (НКРЯ).

(34) ***A shower of curses** followed me from the shore ...* (CoCA).

(35) *The archers poured **a rain of arrows** on the enemy* (OLD).

Отдельного упоминания заслуживает метафорическая модель, в которой происходит перенос характеристик из области аксиологической оценки в область количественной оценки. Такая модель характерна для интерпретации количества денежных средств. Очевидно, эта сфера является чувствительной, важной для людей, поэтому интерпретация количества денег часто эмоционально окрашена: чрезмерно много денег осмысливается как «бешеные», «дикие» деньги, много денег – это «серьезные» деньги, мало денег – «смешные», «жалкие» деньги, «слезы», например:

(36) *А в Москве он – французский повар, фу ты ну ты! И ему платят **бешеные деньги**. За что, спрашивается?* (НКРЯ).

(37) *Для Брелка это были **дикие деньги**, он и в советские-то времена больше десяти в руках не держал, а тут есть чем размахнуться!* (НКРЯ).

(38) *Государство вкладывает в развитие отрасли **серьезные деньги*** (НКРЯ).

(39) *She's like famous now. She's making **serious money**, I heard* (CoCA).

(40) *Вместо этого за **смешные деньги** можно посмотреть спектакль и выпить пива в буфете* (НКРЯ).

(41) *Только посмотреть, потому что какие там заработки? **Одни слезы**. И что?* (НКРЯ).

(42) *Помню, попав в Париж в 1970 году, родители на **жалкие суточные** умудрились привезти всем подарки* (НКРЯ).

(43) *I was making **a pitiful salary** as a paralegal-a job I hated* (CoCA).

Приведенные в данной статье примеры ни в коей мере не исчерпывают всего спектра вторичной интерпретации количества в языке. Помимо параметров гештальтной оценки количества в терминах МНОГО/МАЛО, вторичной интерпретации по моделям метонимии, метафоры, метафтонимии и концептуального сравнения подвергаются и другие специальные количественные характеристики – размера, веса, скорости и т. п., что заслуживает отдельного глубокого исследования.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 1 (93). С. 9–16.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Федяева Е. В. Количество как доминантная структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 205–230.

CoCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

OLD – Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

*E. A. Kozlova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

MODELS OF SECONDARY INTERPRETATION OF QUANTITY IN LANGUAGE

The article deals with the problem of secondary interpretation of quantity in language. It is demonstrated that secondary interpretation of indefinite quantity is carried out with the help of cognitive models of metaphor, metonymy, metaphonymy and conceptual comparison.

Key words: quantity, secondary interpretation, metaphor, metonymy, conceptual comparison.

Л. А. Козлова (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный
педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru*

ПОРЯДОК СЛЕДОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ В ИМЕННОЙ ФРАЗЕ И ФАКТОРЫ, ЕГО ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ

Статья относится к исследованиям в области когнитивной грамматики и посвящена выявлению факторов, влияющих на последовательность атрибутов в составе именной фразы. Как показано в статье, эта последовательность иконически отражает процесс сенсорного восприятия явлений действительности и их концептуализацию.

Ключевые слова: именная фраза, атрибут, принцип иконизма, сенсорное восприятие, концептуализация.

Становление и стремительное развитие когнитивной грамматики привело к рассмотрению многих, казалось бы, хорошо изученных грамматических явлений в новом исследовательском ракурсе, что вполне закономерно, потому что именно грамматика, как отмечает Л. Талми, выполняет роль концептуальной рамки, или строительных лесов (*scaffolding*) для передачи концептуального содержания наших мыслей, выраженного с помощью лексикона [Талми 1999: 91–92], она организует нашу мысль в соответствии с особенностями конкретного языка. На доминантный характер грамматики указывает Н. Н. Болдырев, отмечая, что грамматика обеспечивает выполнение языком его трех основных функций: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей [Болдырев 2018: 142–152]. Именно в грамматике находят свою обобщенную репрезентацию такие базовые категории сознания, как пространство и время, причина и следствие, условие, количество, качество и т. д., лежащие в основе соответствующих частей речи и их грамматических категорий.

Строение именной фразы с одним или несколькими атрибутами всегда занимало достаточно большое место в грамматических описаниях. При этом многие лингвисты отмечали вторичный характер определения перед существительным как результат трансформации предложения с именным сказуемым в субстантивное словосочетание. Так, известный отечественный лингвист В. А. Богородицкий писал о том, что словосочетания *белый*

потолок, сладкий сахар коррелируют с предикативными отношениями (*На этом свете всё просто: потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий* (А. П. Чехов)), а такая трансформация обусловлена потребностью выразить содержание предложения именной фразой и ввести ее в новое предложение. Эту же мысль выражал Г. Пауль, называя определение «деградировавшим сказуемым» [Пауль 1960: 165]. Отношения корреляции между предложением и именными словосочетаниями получили детальное рассмотрение в диссертационных исследованиях Н. Ф. Иртеньевой [Иртеньева 1977] и Н. Н. Болдырева [Болдырев 1984], выполненных на материале английского языка.

Предметом нашей статьи служит последовательность атрибутов в составе именной фразы и факторы, ее обуславливающие. Как показывает анализ эмпирического материала, в большинстве случаев прослеживается определенная закономерность в такой последовательности, которая иконически отражает последовательность процессов, происходящих в нашем сознании при восприятии тех или иных явлений окружающего мира и их осмыслении нашим сознанием. Принцип иконизма рассматривается сегодня в контексте когнитивной парадигмы как определенное соответствие, или изоморфизм между структурой языка и той концептуальной структурой, которая формируется в сознании на основе опыта освоения объективного мира [Кобозева 2000: 40]. Близкое к этому понимание иконичности, хотя и в иной терминологии, находим в работах У. Эко, который отмечает, что иконический знак воспроизводит не столько свойства отображаемого предмета, сколько условия его восприятия [Эко 2004: 123–156].

Как известно, данный принцип представлен тремя разновидностями: принципом иконической последовательности, иконической близости и иконического количества [Ungerer, Schmid 2006: 251]. Принцип иконической последовательности находит свое проявление в том, что порядок следования языковых единиц изоморфен порядку следования событий в реальной жизни и их последовательности в когнитивной модели события. Именно этот принцип находит свою манифестацию в порядке следования атрибутов в именной фразе, иконически отражая процесс сенсорного восприятия явлений действительности и их концептуализацию. При этом мы исходим из того, что процесс сенсорного восприятия происходит при непосредственном участии мышления, что находит отражение в таком понятии, как *разумный глаз*, под которым понимается способность зрительного канала воспринимать не только форму, размер и цвет, но и те признаки, которые воспринимаются другими сенсорными

каналами, что дает ему возможность соотнести воспринимаемое глазом с прежним опытом, хранящимся в памяти [Грегори 2009]. Мышление включается в сам процесс восприятия, и на этой основе осуществляется переход от восприятия как физиологического процесса к суждению как ментальному феномену, что нашло свое отражение в таких терминах, как *embodied cognition* и *perceptual judgement* – суждение, сформированное на основе сенсорного опыта.

Ведущее место среди каналов восприятия принадлежит зрительному, обладающему способностью охватить бóльший объем воспринимаемого, что и обуславливает выбор исследователей наделить признаком *разумный* именно глаз. На ведущую роль зрительного восприятия указывает и тот факт, что события, воспринимаемые другими модусами, зачастую хранятся в нашей памяти в виде зрительных образов. Анализ фактического материала позволяет предположить, что последовательность употребления атрибутов в именной фразе иконически отражает последовательность сканирования: как правило, признаки предметов и явлений воспринимаются в следующей последовательности: размер, форма, цвет, материал, а затем такие признаки, как функциональное назначение, а также различные оценочные характеристики, отражающие субъективность восприятия и личный опыт воспринимающего. И эта последовательность находит иконическое отражение в порядке следования определений. Обратимся к примерам:

(1) *He belonged to a wall city of the fifteenth century, a city of **narrow, cobbled streets*** (D. du Maurier. Rebecca).

(2) *On the closed square piano a pudding **in a huge yellow dish** lay in waiting* (J. Joyce. The Dead).

(3) *He stood grimly over the **curling, blackening sheets** as they turned to ash* (D. Lodge. Author, Author).

(4) *And then all this – he extended an arm to take in the undulant expanse of green grass and the surface of the ponds winking between the trees, the walkers and their gambolling dogs, **the pastel-coloured summer dresses*** (D. Lodge. Author, Author).

В примере (1) мы видим последовательность отражения в определениях признаков *размер* → *материал*, в примере (2) – *размер* → *цвет*, в примере (3) – *форма* → *цвет*, в примере (4) – *цвет* → *функциональное предназначение*.

Последовательность атрибутов в составе именной фразы нередко отражает фокусировку взгляда субъекта восприятия на том предмете, который привлек его внимание первым. Например:

(5) *He was a man no longer young, with a small beard, now somewhat grey, and a thin face* (S. Maugham). Как видим из примера, первым, что привлекло внимание рассказчика, была борода человека, а затем он перевел взгляд на лицо.

Оценочные характеристики, отражающие субъективность восприятия и личный опыт субъекта восприятия, чаще всего следуют за теми, что отражают объективные характеристики воспринимаемого объекта. Обратимся к примерам.

(6) *Here, on this clean balcony, white and impersonal with centuries of sun, I think of half-past four at Manderley, and the table drawn before the library fire* (D. du Maurier. Rebecca).

(7) *But at the very instant of thinking that, a young girl, thin, dark, shadowy – where had she come from? – was standing at Rosemary's elbow...* (K. Mansfield. A Cup of Tea).

В примере (6) первые два определения *clean* и *white* отражают результат визуального восприятия балкона в комнате отеля, где живет героиня, а третье – *impersonal* – передает ее субъективное восприятие этого места: безупречная чистота и белый цвет словно обезличивают это место, в котором не чувствуется присутствие человека, что вызывает в ней острое чувство тоски по дому, который они потеряли и с которым связаны самые теплые воспоминания, именно таков имплицитный смысл фразы *the table drawn before the library fire*.

В примере (7) постпозитивные определения *thin* и *dark* отражают результаты визуального восприятия, а *shadowy* выражает, скорее, реакцию героини на неожиданность встречи с незнакомой девушкой, которая внезапно появилась перед ней словно призрак, что подтверждается фрагментом внутренней речи *where had she come from?*

Особый интерес представляют случаи, когда в атрибутивной цепочке находит свое отражение взаимодействие нескольких модусов восприятия, как в следующих примерах.

(8) *The hot piney sandy smell of the railway was gradually left behind* (I. Murdoch. Sacred and Profane Love Machine).

В примере (8) прилагательное *hot* репрезентирует тактильный модус (температурный как его субмодус), *piney* – ольфакторный, *sandy* – тактильный модус.

(9) *The young crescent moon had risen and poured down cold, faint light* (R. Aldington. Death of a Hero).

В данном случае прилагательное *cold* отражает тактильное (температурное) восприятие, но при этом используется для описания объекта,

воспринимаемого зрением, что указывает на отражение в его семантике синестезии визуального и тактильного модусов восприятия.

Таким образом, как показал анализ эмпирического материала, последовательность атрибутов в составе именной фразы отражает иконический характер отношений между актом восприятия и репрезентацией результатов этого восприятия в языке.

Литература

Болдырев Н. Н. Структурированные атрибутивные словосочетания пропозиционального типа в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Грегори Р. Л. Разумный глаз: как мы узнаем то, что нам не дано в ощущениях / пер. с англ. А. И. Когана. М.: URSS, Либроком, 2009.

Иртеньева Н. Ф. Именная фраза с предименными атрибутами в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1977.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 88–115.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004.

Ungerer F., Schmid Y. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. 2nd ed. Lnd., Routledge, 2006.

L. A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

THE SUCCESSION OF ATTRIBUTES IN THE NOMINAL PHRASE AND THE FACTORS DETERMINING IT

The article refers to the studies in the field of cognitive grammar and is devoted to revealing the factors which determine the succession of attributes in the structure of a nominal phrase. As the author shows, this succession iconically reflects the process of sensory perception and its conceptualization.

Key words: nominal phrase, attribute, iconicity, sensory perception, conceptualization.

Г.Г. Молчанова (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
gmolt@yandex.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ФАНТАСТИКИ КАК ИСТОЧНИК ПРОИЗВОДНОСТИ НОВОГО ЗНАНИЯ

Настоящая статья посвящена анализу демифологизирующих техник, которые использует в рассказе «Золотые яблоки солнца» известный мастер научной фантастики Рэй Бредбери, прибегая к множеству интертекстуальных включений, с одной стороны, а с другой – «высвечивая» (с позиций концептуальной деривации и интегративной модели блендинга) явление производности в фантастике как источник нового знания. Это способствует процессу реновации старого мифа о Прометее в формате технологических достижений будущего мира. Отдельные лексемы и целые высказывания, имеющие тесную ассоциативную связь с претекстом, могут выполнять функцию ориентира, который позволяет в условиях семантической неоднозначности быстро и эффективно определить когнитивную модель, отдельные фреймы и их элементы, необходимые для построения смысла высказывания.

Ключевые слова: фантастика, интертекстуальность, миф, феномен производности, ментальное пространство, интеграция, блендинг.

За всеми процессами языкового воспроизводства и креативности стоят общие когнитивные процессы деривационного характера, имеющие аналоги в культуре в целом, т.е. процессы концептуальной интеграции, связанные с развитием концептуальной системы и формированием общей языковой картины мира.

Н.Н. Болдырев

Научная фантастика, как считают ученые, – самая современная литература. Секрет ее притягательности прост: она говорит о том, что происходит с миром сейчас. Но фантастика по-прежнему многим представляется явлением эстетически ущербным. Проходит время, а суть остается неизменной: миллионы читают, а профессионалы пренебрегают. До сих пор в отечественной лингвофилологии не анализировались в целом роль и формы существования фантастического в англоязычных художественных текстах, не выявлялся генезис развития фантастики как важной и неотъемлемой части национальной литературы. В настоящее время происходит бурная экспансия жанра, называемого фантастикой, но это явная подмена понятий, требующая четкого разграничения терминов. *Научная фантастика* – это вид литерату-

ры о необычном, использующий вторичную художественную условность, основанную на единой сюжетной посылке (допущении) *рационального* характера. Согласно этому допущению, необычайное в произведении создается с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений, в принципе не противоречащих естественнонаучным воззрениям, существующим в то время, когда создавалось научно-фантастическое произведение. *Фэнтэзи* – это вид литературы фантастической (или литературы о необычном), использующей вторичную художественную условность, основанную на единой сюжетной посылке (допущении) *иррационального* характера. Это допущение не имеет логической мотивации в тексте, предполагает существование фактов и явлений, не поддающихся рациональному объяснению. Разумеется, между научной фантастикой и фэнтэзи существует тесная взаимосвязь, подкрепленная множеством переходных форм, и в одном рассказе могут переплетаться черты обоих видов, каждый из которых есть полноправный способ мировидения. Для научной фантастики, конечно, важны традиции реалистической литературы (поскольку будущее здесь конструируется как реальный мир, просто *завтрашний*), но плюс к ней – знания о последних достижениях технического прогресса, ощущение внутренней логики открытий и возможностей, которые они теоретически могут себе представить. Для *фэнтэзи* важнее традиция чисто *словесная, художественная, образная*. Это прежде всего архаический миф, фольклорная волшебная сказка (Толкин, Дж. Роллинг, Лагин, др.)

“*The Golden Apples of the Sun*” («Золотые яблоки солнца») – рассказ знаменитого научного фантаста Рэя Брэдбери о рискованной межпланетной экспедиции космического корабля к солнцу и о подвиге ее участников, в сложнейших условиях сумевших добыть частицу солнца и привезти ее людям на Землю. В творчестве Р. Брэдбери, который не был чужд постмодернистскому подходу, космическая и мифологическая линии фантастики соединяются: поначалу он невозмутимо пишет космический вариант мифа о Прометее, сохраняя его драматическую напряженность, а потом словно выворачивает его наизнанку как торжествующий *happy-end*. Постмодернистский маневр не мешал ему создавать умные и светлые (даже в «Темном карнавале») произведения, затрагивая при этом самые острые болевые точки современности – например, проблему изображения человеческой души. Интертекстуальное знание играет ключевую роль в декодировании этого текста и становится, по Н. Н. Болдыреву, «феноменом производности нового знания» [Болдырев 2021: 3]. Вызванные направленными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства. Название рассказа отсылает

к наименованию группы скалистых островов вблизи города Йера (*оро* – золото, имя, которым раньше назывались эти острова из-за апельсиновых деревьев, напоминавших золотые яблоки Гесперид). С. С. Аверинцев называет золото «абсолютной метафорой света», а свет, в свою очередь – «абсолютной метафорой Бога» и цитирует философа Прокла: «И золото, и серебро, и каждый из металлов... зарождается в земле от небесных богов и от исходящего свыше излучения, поэтому говорится, что золото принадлежит Солнцу, серебро – Луне...» [Аверинцев 1973: 43]. Солнце было объектом поклонения у многих народов, начиная с эпохи неолита. Земледельческий культ природного светила – источника жизни – постепенно сменился «солярным культом сверхприродных начал, где большую роль играют понятия *свет*, идея божественности, символ власти и победы, представления о законности и справедливости. Образ солнца, объекта уникальной значимости для всего живого на земле, существует в культурах всех народов, но его культурные коннотации в конкретной языковой картине мира обусловлены прежде всего прагматическим значением солнца для членов данного сообщества. Алгоритм интертекстуального фреймо-словового анализа может быть представлен в виде последовательного рассмотрения следующих типичных интертекстуальных свойств мифодизайнерского текста: 1) **Аллюзийная интертекстуальность**: векторы ассоциаций, направленные на сходство с лексикой прототекста (онимы, мифологические герои, литературные персонажи и т.д.). Интертекстемы: *I feel like a boy coming home from school with a handful of dandelions* – ссылка на лексику прототекста Р. Брэдли и одновременно на мифологический подтекст всего повествования.

204. *Their rocket was the **Copa de Oro**, also named the **Prometheus**, and the **Icarus**...* Ракета называлась «Чаша Золота», но у нее было еще два имени: «Прометей» и «Икар». Она в самом деле летела к ослепительному полуденному солнцу, чтобы, как Прометей, похитить частицу его золотого огня и отдать людям на Земле.

205. *The golden apples of the sun? – Yeats. – Fear no more the heat of the sun? – Shakespeare, of course! – Cup of Gold? – Steinbeck. – The Crock of Gold? – Stephens. And what about the pot of gold at the rainbow's end? There's a name for our trajectory, by God. ...Now, we are touching the sun. Their eyes, thinking of it, were melted gold. – «Золотые яблоки Солнца»? – Йейтс! – «Не бойся солнечного жара»? – Шекспир, конечно! – «Чаша золота»? Стейнбек. «Кувшин золота»? Стефенс. А помните – горшок золота у подножья радуги?!*

205. *The golden apples of the sun? – Yeats.* – эта строка – цитата из «Песни скитальца Энгуса», части поэмы У. Йейтса «Ветер в камышах» (1899).

205. *Fear no more the heat of the sun? – Shakespeare, of course!* – цитата из «Цембелина» Шекспира. «Nor the furious winter's ragers. Thou thy worldly task hast done. Home art gone, and ta'en thy wages. Golden lads and girls all must, As chimney sweepers come to dust».

– *Cup of Gold? – Steinbeck. The Crock of Gold? – James Stephens.* And what about *the pot of gold at the rainbow's end? – There's a name for our trajectory.*

Bake our daily breads. (Хлеб наш насущный даждь нам днесь). We stretch out our hand with the beggar's cup...

2) *Тун мифа прототекста*, его признаки: (Архетипический миф о Прометее, который сумел похитить огонь и дать его людям.

3) *Дуалистичность* (как структурная, так и семантическая); проявляется в сквозной архитектонике текста от первого слова *South* до последнего слова *North*. Весь текст построен по принципу антонимического контраста. E.g.: – Pull away and **away from the fire and the flame, the heat and the melting, the yellow and the white.** Go on out now to cool and dark. E.g. **A man afraid of fire and killed by frost.**

4) *Образность и тропеичность*. С позиций когнитивной лингвистики в этих «великих синтезах» значительную роль играют когнитивные тропы – аллюзии, метафоры, эпитеты, сравнения, пр. «Именно через метафору и метонимию языковые отсылки пробуждают мифологические когнитивные структуры в человеческом мозге. Метафоры и метонимии – это приемы, облегчающие понимание сложных, озадачивающих нас явлений, понуждающих нас присмотреться к ним повнимательнее» [Edelman 1971: 16].

Метафоры: E.g. This is journey to the wide Sahara. E.g. Their eyes were melted gold. E.g. 209. And here is our ***cup of energy, fire, vibration***, call it what you will, that may well power our cities and sail our ships and light our libraries and tan our children and ***bake our daily breads...*** Here, **from this cup, all good men of science and religion: Drink!** Warm yourselves against **the night of ignorance, the long snows of superstition, the cold winds of disbelief, and from the great fear of darkness in each man.** So: we stretch out our hand **with the beggar's cup...** “Ah”. *The Cup* dipped into *the sun*. **It scooped up a bit of the flesh of God, the blood of the universe, the blazing thought, the blinding philosophy that set out and mothered a galaxy...** Вот она, чаша с энергией, пламенем, импульсами, – назовите, как хотите, – которая даст ток нашим городам, приведет в движение наши суда, осветит наши библиотеки, позолотит кожу наших детей, испечет наш хлеб насущный и поможет нам усвоить знание о нашей вселенной. Пейте из этой чаши, добрые люди, ученые и мыслители! Пусть сей огонь согреет вас, прогонит мрак неведения и долгую зиму суевер-

рий, ледяной ветер недоверия и преследующий человека великий страх темноты. Итак, мы протягиваем руку за подающим... – «О»! Чаша погрузилась в Солнце. Она зачерпнула частицу божественной плоти, каплю крови вселенной, пламенной мысли, ослепительной мудрости, которая разметила и проложила Млечный Путь, пустила планеты по их орбитам, определила их ход и создала жизнь во всем ее многообразии.

Олицетворения: E.g. The winter lived in this snowing ship. E.g. The ship's pulse ran. The heart of the ship rushed, beat, rushed, *the Cup of gold* in it...

Эпитеты: *yellow flowers and white stars, refreshing climate, unborn child, golden lads and girls, golden apples, silver apples, burning Tree.*

Образные сравнения: Soon they would move in night so cold it might be necessary to draw heat from the shielded fire they carried now *like an unborn child*. E.g. Falling *like a snowfall* into the lap of June. E.g. *The Cup*, lid shut, dripped *yellow flowers and white stars*, slid deep... ammoniated fluids banged the walls *like blood in the head of a shrieking idiot*. Жидкий аммиак пульсировал в трубах, словно кровь в висках орущего безумца. 211. E.g. They waited for him to gather all of the coolness and the whiteness and the welcome and refreshing climate of the word in his mind, and they saw him settle the word, *like a bit of ice cream, in his mouth, rolling it gently*. "North. ... North". And they all smiled, *as if a wind had come up suddenly in the middle of a hot afternoon*. Экипаж ждал, когда командир скажет сам. Они ждали, когда он мысленно соберет воедино всю прохладу и белизну, свежесть и бодрящий воздух, заключенный в заветном слове; и они увидели, как слово рождается у него во рту и перекачивается на языке, *будто кусочек мороженого*. – Теперь для нас в космосе есть только один курс, – сказал он. Они ждали. Ждали, а корабль стремительно уходил от света в холодный мрак. – Север, – буркнул командир, – Север. И все улыбнулись, *точно в знойный день вдруг подул освежающий ветер*.

5. **Ремифологизация**, осовременивание мифа за счет высвечивания его периферийной зоны и затушевывания ядра; 208. Because the atoms our we work with our hands, on Earth, are pitiful; **the atomic bomb is pitiful and small and our knowledge is pitiful and small, and only the sun really knows what we want to know, and only the sun has the secret...** There is no reason, really, except **the pride and vanity of little insect men hoping to sting the lion and escape the maw**. «И вот сегодня мы снова на тропе, – думал командир, – тянем руку с чашей за драгоценным газом и вакуумом, за горстью пламени иного рода, чтобы с ним, освещая себе путь, мчаться через холодный космос обратно и доставить на Землю дар немеркнущего огня. Зачем?» Он знал ответ еще до того, как задал себе вопрос. «Затем, что атомы, которые мы подчинили себе на Земле, слабосильны; атомная бомба немошна и мала;

лишь Солнце ведаёт то, что мы хотим знать, оно одно владеет секретом. К тому же это увлекательно, это здорово; прилететь, осалить – и стремглав обратно! В сущности, все дело в гордости и тщеславии людишек – насекомых, которые пытаются ужалить льва и избежать его лапы».

210. They were all thinking now, together: Pull away and **away from the fire and the flame, the heat and the melting, the yellow and the white. Go on out now to cool and dark. In 20 hrs perhaps... let winter die.** Soon they would move in **night so cold it might be necessary to draw heat from the shielded fire they carried now like an unborn child.** И все думали одно: «Лети, лети прочь от пламени, от огня, от жара и кипения, от желтого и белого. Лети навстречу холоду и мраку». Через двадцать часов, пожалуй, можно будет отключить часть холодильников и изгнать зиму. Скоро они окажутся в такой холодной ночи, что придется, возможно, воспользоваться новой топкой корабля, заимствовать тепло у надежно укрытого пламени, которое они несут с собой, словно еще не родившееся дитя.

Sometimes I see *the sun a burning Tree*, / It's *golden fruit swung bright* in airless air, / It's *apples wormed* with man and gravity, / Their worship breathing from them everywhere, / As man sees *Sun as burning Tree...* Порой мне Солнце кажется горящим деревом... Его плоды златые реют в жарком воздухе, Как яблоки, пронизанные соком тяготенья, Источенные родом человеческим. И взор людей исполнен преклоненья, – Им Солнце кажется неопалимым деревом.

6. Наличие и количество ментальных пространств (input spaces) – 4.

Input space 1. Стремление экипажа космического корабля достичь Солнца, похитить часть его и доставить на Землю людям. (Ср. *Прометей*: все мотивы, сюжеты, сцены активизируют когнитивную модальность прототипа);

Input space 2. Прометей тайно проник на священную гору Олимп и **похитил для людей огонь**. Он также научил людей всему, что сам знал: счету, письму, ремеслам. По мифам древних греков, именно благодаря Прометею люди стали теми, кем они являются сегодня.

Input space 3 (Generic space); Input space 4 (BLEND – Conceptual blended space).

В результате рассмотрения двух предыдущих ментальных пространств и связей между ними, способствующих возникновению нового творческого знания, возникает новое слитное пространство (blend), которое может быть представлено интеграционной моделью, состоящей из следующих компонентов: двух входных ментальных пространств (input spaces 1 and 2); порождающего слитного пространства (generic space 3) и собственно бленда (conceptual blended space), т.е. нового концептуального пространства, нового смысла, основанного на фоновом знании и не выводимого из сочетания двух

или более входных ментальных пространств. Процесс вынесения на первый план одних сторон значения и затемнения других называется *высвечиванием* (*highlighting*) [Lakoff, Johnson 1980]. В контексте может происходить высвечивание отнюдь не ядерных, но периферийных сторон концепта, ставших приоритетными и определяющими.

Настоящая статья является знаком глубокого уважения и восхищения автора многогранными творческими и научными достижениями профессора Н. Н. Болдырева, его организационным талантом, неиссякаемой креативностью, высокими человеческими качествами и педагогическим даром, во многом благодаря которому новые поколения студентов выбирают когнитивную лингвистику для дальнейших исследований.

Литература

Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: искусство и культура. М., 1973. С. 43–52.

Болдырев Н. Н. Феномен производности в культуре и языке // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Сер. 19 Лингвистика и МКК. 2021. № 2. С. 57–69.

Bradbury R. The Golden Apples of the Sun // The Golden Apples of the Sun. NY: Bantam Books, 1979. P 204–211.

Edelman M. Politics as symbolic action. Mass arousal and quiescence. Chicago: Markham, 1971.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

G. G. Molchanova (*Moscow, Russia*)
Lomonosov Moscow State University

THE SCIENCE FICTION INTERTEXTUALITY AS A SOURCE OF SECONDARY CREATIONS AND NEW KNOWLEDGE

The paper is devoted to the analysis of demythologization techniques that are used in the famous science fiction story “The Golden Apples of the Sun” by Ray Bradbury. The text analysis highlights (from a position of the conceptual derivation and integrative blending) the role of intertextuality in the secondary creations as a phenomenon of a new knowledge. It helps to reveal the process of mythological renovation and to decode the old myth.

Key words: fantasy, intertextuality, myth, phenomenon of derivativeness, mental space, integration, blending.

Г. Е. Попова (Астрахань, Россия)

*Астраханский государственный
технический университет
geropova@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ СЕМИОГЕНЕЗ И РЕЛЕВАНТНОСТЬ

В работе рассматривается процесс когнитивного семиозиса и роль прагма-когнитивного феномена релевантности во взаимодействии материальности и когнитивности знака сквозь призму семиотики Ч. С. Пирса, в частности, категорий первичного, вторичного и третичного семиогенеза.

Ключевые слова: релевантность семиозиса, первичность, вторичность и третичность знакообразования, внутренняя значимость, мотивированность знака.

Когнитивно-прагматический феномен релевантности рассматривается нами как производное от инференциального измерения процесса коммуникации [Болдырев, Федяева 2023], понимаемой прежде всего как *когнитивная интеракция* [Попова 2023]. В этом смысле коммуникация не сводится к простому обмену существующими априори знаками (модель кодирования – декодирования), но рассматривается как интеракциональное пространство, в котором происходит непрерывное взаимно интенциональное порождение знаков в процессе возникновения высказывания и его интерпретации. Поэтому когнитивную интеракцию необходимо представить как взаимодействие *проективного семиогенеза* (ПС) и *инференциального семиогенеза* (ИС). Неизбежно возникает представление о когнитивной общности и *реверсивности* процессов ПС и ИС. Оба процесса базируются на общем когнитивно-дискурсивном механизме превращения отражающей действительность мысли в знаковую форму и ее интерпретационной реинкарнации. При этом под *дискурсом* понимается не столько речевое произведение, сколько *имманентное реверсивное (челночное) движение между ментальностью и языковой материальностью*, между ментальным представлением (отражением) и знаковой формой, между мыслью и словом – туда и обратно.

Реперными точками в этом реверсивном движении, то есть в осуществлении обоюдного когнитивного процесса коммуникации, выступают выявленные Ч. С. Пирсом категории [Пирс 2000] в их когнитивно-знаковой мобильности. Именно они обеспечивают релевантность взаимодействия ПС и ИС.

Релевантность семиогенеза понимается – в перспективе ПС – как соответствие (резонанс) между ментальной содержательной интенциональностью

и знаковой реализацией порождаемого высказывания, то есть между тем, что хотел сказать, и тем, что сказал коммуникант [Попова 2020].

С другой стороны, в перспективе ИС релевантность есть резонанс между знаком (сообщением) и его интерпретацией, адекватной пропозициональной интенциональности произведенного высказывания (знака). Релевантности ПС и ИС рождают в результате взаимного когнитивного резонанса интеракционную релевантность реверсивной динамики когнитивно-семиотического взаимодействия между коммуникантами.

Общность механизмов ПС и ИС основывается на категориях *первичности*, *вторичности* и *третичности* когнитивного семиозиса, выделенных более ста лет назад, но до сих пор не вполне осознанных научной мыслью в их когнитивной релевантности.

Трихотомическая модель Пирса представляет *три релятивных измерения* семиозиса:

- отношение знака (репрезентамена) к самому себе, выражаемое в мотивированности знака, в его в его «внутренней форме» (А. А. Потебня) – в его *интерпретанте*, дающей формальные основания для интерпретации знака;
- отношение знака к действительности, выражаемое в пропозиции;
- отношение знака к процессу семиогенеза (процессу порождения и интерпретации), выражаемое в релевантности знака условиям семиогенеза, то есть в его функциональной релевантности.

В этих трех измерениях реализуются три когнитивные категории – первичности, вторичности и третичности, которые на самом деле представляют процессы когнитивного отражения действительности: 1) *образный геистальт*, 2) *инференциональная (причинно-следственная) реляционная схема* и 3) *когнитивный фрейм как стереотипическая ментальная модель* (ср. [Демьянков 2017]).

В результате возникает когнитивное пространство семиозиса, наполненное различными реализациями семиогенеза (типами знаков), представленное в Пирсовых терминах в следующей таблице (см. [Peirce 1978]):

Измерения \ Категории	Первичность	Вторичность	Третичность
	Первичность	Вторичность	Третичность
Знак как форма «репрезентамен»	Квалисигнум	Синсигнум	Легисигнум
Знак как отражение объекта	Икона	Индекс	Символ
Знак как функция	Рема	Дицисигнум	Аргумент

Категории Пирса представляют собой определенные типы знания, отраженные в процессе формирования знака – семиозисе.

Категория первичности – перцептивное знание – рождает определенное качество внутренней формы производимого знака (квалисигнума), мотивирующее возникновение его как знака (например, *красный цвет* как основа привлечения внимания и гештальт опасности – запрещения). Интерпретанта – когнитивное свойство знака быть интерпретируемым, которое определяет процесс первичного семиогенеза (порождаемого образа-гештальта), – основана, таким образом, на перцептивном иконическом образе (знак-икона).

В процессе коммуникативной интеракции *квалисигнум-икона* становится фокусирующей ремой, акцентирующей релевантность того перцептивного триггерного качества, которое ложится в основу интерпретации. В полимодальной коммуникации – это, например, долгий пристальный взгляд собеседника, побуждающий его визави самому обратиться взглядом в ту же сторону, а также мимика, жест и т.д. В вербальной коммуникации эту роль выполняет супraseгментные характеристики речи (интонация, ударение, тон) или речевые маркеры, например, междометия [Кустова 2011]. В синтаксисе – это рематический фокус высказывания.

Вторичность (индекс-синсигнум) – выводное знание – рождает ментальную (логическую) связь между квалисигнумом (качеством знака) и его интерпретацией по типу инференциальной связи – если красный («кровь»), то – опасность или обстоятельство, важное для интерпретации.

Синсигнум – это актуализация «здесь и сейчас» – контекстуальная *ad hoc* интерпретация. Синсигнум симптоматичен, индексален и ситуативен, часто амбивалентен. Например, улыбка или красный цвет шрифта в тексте, имеющий в пресуппозиции квалисигнум «красный».

В дискурсивной реализации синсигнум выполняет функцию простого «дицисигнума» (*dixi*) – единичного употребления *hic et nunc* (occurrence), интерпретируемого в зависимости от контекста (*ad hoc* категории [Barsalou 1983]).

Третичность (символ-легисигнум) – определяет не единичный (материальный) объект (occurrence), а некий алгоритм (type), закон (legislature), конвенциональность, когнитивный стереотип, фрейм, определяющий обоснованность того или иного употребления, закрепленного в норме (от речевой и поведенческой – до правовой и т.п.). В дискурсивной реализации третичность определяет правильность инференции по канонам индукции, дедукции и абдукции [Peirce 1978]. Третичность включает в себя две предлежащие категории – первичности и вторичности.

Так, вид дождя за окном (первичная иконичность) рождает когнитивную репрезентацию в виде гештальта ‘дождь’ и окказионально – её вербализацию «Дождь». Логическая операция выводного знания (инференции) и последующая окказионально заменяющая её вербализация «Смотри!», в свою очередь, в определенных обстоятельствах (вторичность) привлекает внимание собеседника, выступая индексальным знаком в контексте, например, когда планировалась прогулка по окрестному лесу. Интенционально направленное высказывание «Дождь!» (легисигнум символический аргументативный) выполняет функцию аргумента (третичность) в пространстве фрейма «Прогулка», с отрицательным модусом («Прогулка отменяется»).

Дискурсивизация, то есть интеракционное взаимодействие между порождающим и интерпретативным семиозисом, рождает необходимость «эпистемической бдительности» [Sperber 2013] как имманентного когнитивного механизма определения релевантности между ПС и ИС.

Интеракционная релевантность семиогенеза сопрягает воедино категории первичности, вторичности и третичности в целостном когнитивном взаимодействии, имеющем одно триединое измерение – когнитивно-вербально-коммуникативное. Владея этими тремя семиогенетическими механизмами – первичностью, вторичностью и третичностью – восприятия, отражения и дискурсивной вербализации, коммуницирующий субъект встраивает в свою когнитивную модель порождения и интерпретации высказывания динамическую корреляцию фокусируемых или выступающих фоном знаниевых реалий семиогенеза – *квалисигнума иконического рематического, синсигнума индексального дициентного и легисигнума символического аргументативного*. В семиотике Пирса, отражающей различные категории, типы семиотического знания и их динамическую комбинаторику, релевантность рассматривается как фокусирующий механизм, актуализирующий в аттенциональном когнитивном модуле тот или иной тип семиозиса, что позволяет когнитивной системе мгновенно распознавать, каким образом происходит семиогенез, то есть взаимопроникновение первичности – вторичности – третичности во взаимной корреляции проективного и инференциального семиогенеза в процессе речевой интеракции.

Литература

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 3. С. 686–703.

- Демьянков В. З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 29. С. 55–63.
- Кустова Е. Ю. Интеракциональная теория междометия. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2009.
- Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. СПб.: «АЛТЕЙЯ», 2000.
- Попова Г. Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционального энталла-мирования // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 3 (42). С. 285–290.
- Попова Г. Е. Концептуализация релевантности в когнитивно-семиотической модели коммуникативной интеракции. Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2023.
- Barsalou L. W. Ad hoc categories // Memory & Cognition, 1983, vol. 11. P. 211–227.
- Peirce Ch. S. Ecrits sur le signe. P.: Seuil, 1978.
- Sperber D. Speakers are honest because hearers are vigilant. Reply to Kourken Michaelian // Episteme. 10, (1). 2013. P. 61–71.

G. Ye. Popova (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Technical University

COGNITIVE SEMIOGENESIS AND RELEVANCE

The paper examines the process of cognitive semiosis and the role of the pragmatic-cognitive phenomenon of relevance in the interaction of materiality and cognitiveness of a sign through the prism of Charles Sanders Peirce semiotics, in particular, the categories of primary, secondary and tertiary semio-genesis.

Key words: relevance of semiosis, primary, secondary and tertiary sign formation, internal significance, motivation of the sign.

Г. В. Самородин (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

SamorodinGW@yandex.ru

АРТИКЛЬ VS. ДЕТЕРМИНАТИВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Настоящая статья посвящена проблематике частеречной принадлежности немецкого артикля, в частности – правомерности отнесения артикля к классу детерминативов. В работе анализируются функциональные возможности указанных классов слов с учетом их когнитивной аспектуализации.

Ключевые слова: артикль, детерминатив, дейксис, когнитивистика, теоретическая грамматика немецкого языка.

В современной германистике обнаруживается тенденция к повторному рассмотрению фундаментальных проблем языкознания. С одной стороны, этот возврат обусловлен накопленным научным опытом, который позволяет переосмыслить базовые лингвистические идеи, упрочить их понимание благодаря привлечению когнитивных методов исследования. С другой стороны, необходимость ревизии ряда лингвистических вопросов является вызовом времени и продиктована научно-техническим прогрессом, предлагающим науке новые возможности и способы исследования языкового материала.

Категория артикля в германских языках является перспективной в качестве объекта современных лингвистических исследований, поскольку отражает способ восприятия и познания мира носителями соответствующей лингвокогнитивной картины мира. Артиклевые языки, в отличие от безартиклевых, обнаруживают иную логику дескрипции, основанную на упорядочивании реалий с целью снятия энтропии и выработки оптимальных способов взаимодействия с (потенциально опасными) объектами и явлениями [Сулейманова, Петрова 2018].

Важным предметом научной дискуссии, продолжающейся как минимум со второй половины XX века, является статус артикля в системе частей речи германских языков в целом, и немецкого языка в частности. Многие из сформировавшихся в тот период классификационных систем рассматривали артикль, основываясь на его функционально-грамматической характеристике и приписывали ему статус вспомогательной части речи, уточняющей и дополняющей значение других слов [Смирницкий 1959: 379]. Эта позиция позволила закрепить за артиклем статус синсеманта (служебного или функционального слова) – несамостоятельной единицы языка, выполняющей связующую функцию и не имеющей собственного лексического значения [Шендельс 1982: 13].

Наличие у немецкого артикля развитой системы флексий обосновывается в работах того периода [Адмони 1986: 131–132] необходимостью согласования с сопровождаемым автосемантом (прежде всего – существительным) в ряде параметров – роде, числе, падеже, и позволило рассматривать его в качестве своеобразного индикатора этих категорий.

По той же причине дискуссионным признаётся и состав артикля как класса: традиционно выделяемые «определенный» и «неопределенный» артикли, получившие названия от одноименной грамматической категории, имеют соответствия на всех уровнях языка, тогда как отсутствующий артикль (иначе называемый «нулевым» как особый вид синтаксического нуля [Мельчук 1974]) признается не всеми исследователями.

В дополнение к этому, в немецком языке требуют различения омонимичные формы, возникшие вследствие морфологической связанности определенного

артикля с указательным местоимением *der*, равно как неопределенного артикля и числительного «один» – *ein*, соответственно [Смирницкий 1959]. Совокупность вышеописанных факторов предопределяет не только необходимость учитывать при анализе артиклевого значения не отдельный автосемант, а весь контекст в целом [Адмони 1986], но и возникновение особого класса служебных слов – **детерминативов** (нем. *Determinativa*) [Helbig, Buscha 1996]. К числу последних относят [Zifonun et al. 1997], помимо определенного и неопределенного артиклей, также поссесивы, относительно-вопросительные местоимения, дейктические показатели (нем. *Deiktika*) и некоторые другие типы слов.

Особенно важным с точки зрения когнитивной лингвистики представляется замечание о роли артикля, наряду с индикацией определенности/неопределенности, в качестве показателя референции – соотнесенности с конкретными предметами и наличия тема-рематических связей [Moskalskaja 2004: 174], что дополнительно подчеркивается актуальным членением предложения [Абрамов 2004: 85].

Развитие этой идеи усматривается в аналитическом описании артикля в составе категории предметной соотнесенности [Нефёдов 2018: 168–173]. Некоторого уточнения, на наш взгляд, требует промежуточный вывод, что «любое существительное может в принципе употребляться с любым артиклем...» [Там же: 164], при условии критического рассмотрения окказиональных случаев.

Ряд работ последних лет [Сулейманова 2023; Самородин 2024], посвященных проблематике артикля в германских языках, предлагает анализ категории детерминации с позиции когнитивной лингвистики. В частности, предполагается наличие следующих особенностей:

1. Употребление определенного артикля указывает на наличие у описываемого объекта индивидуализирующего признака, по которому объект можно выделить среди ему подобных, а также – неслучайных связей между объектами во фрейме, и связано с явлениями инференции и салиентности.

2. Неопределенный артикль выполняет функцию категоризации объекта на уровне члена класса, описывая свойство объекта, общее для группы существностей со схожими характеристиками. При этом возможность образовывать классы не ограничивается широко распространёнными предметами и явлениями и наблюдается и в целом наблюдается и у уникальных (в т. ч. – единственных в своём роде) объективаций.

3. Нулевой артикль может являться следствием эллипсиса, или же отсутствовать в соответствии с коммуникативным намерением говорящего, то есть, являться выражением синтаксического нуля и позволяет осуществить референцию к объекту (процессу, явлению и пр.) в отрыве от индивидуальных и классовых характеристик.

4. Употребление каждого из видов артикля влияет на семантику высказывания, в частности, обладает манипулятивным потенциалом и может использоваться при конструировании идентичности.

Вышеперечисленные факторы могут свидетельствовать о наличии оснований к рассмотрению артикля вне категории детерминативов ввиду наличия у него особого, не тождественного детерминативному, **артиклевого** значения.

Литература

Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б. А. Абрамов; под ред. Н. Н. Семенюк, О. А. Радченко, Л. И. Гришаевой. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004.

Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Строй соврем. нем. яз.: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». 4-е изд. дораб. М.: «Просвещение» 1986.

Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залого / отв. ред. А. А. Холодович; АН СССР, Ин-т языкознания. Л.: Наука, 1974.

Нефедов С. Т. Теоретическая грамматика немецкого языка. Морфология. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018.

Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959.

Самородин Г. В. Категория артикля как средство выражения идентичности в немецком языке // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 111–122. DOI 10.18721/JHSS.15211.

Самородин, Г. В. Определённый артикль в немецком языке как референциальный показатель неслучайной связи // Язык и культура в глобальном мире: Сборник статей. СПб.: ООО «Издательство «ЛЕМА», 2024. С. 440–446.

Сулейманова О. А. Когнитивный сценарий реализации категории определенности в практике использования английского артикля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. № 20 (2). С. 334–347.

Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 52–64.

Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка: Для I–III курсов ин-тов и фак-тов иностр. яз. Учебник. 2-е изд., испр. М.: Высш. школа, 1982.

Grammatik der deutschen Sprache / von Gisela Zifonun, Ludger Hoffmann, Bruno Strecker et al. Berlin; New York: de Gruyter ISBN 3–11–014752–1 Bd. 1 (1997) (Schriften des Instituts für Deutsche Sprache; Bd 7,1).

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 17. Auflage. Leipzig: Langenscheidt, 1996.

Москальская О. И. Грамматик der deutschen Gegenwartssprache (Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка): Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М: Издательский центр «Академия», 2004.

G. V. Samorodin (Moscow, Russia)
Moscow City University

ARTICLE VS. DETERMINATIVE IN GERMAN GRAMMAR: COGNITIVE CHARACTERISTICS

The present paper touches upon the problem of part-of-speech attribution of the German article, particularly the question of legitimacy collocating the article to the class of Determinativa. The conducted research deals with the functional features of the above-mentioned classes having consideration for cognitive aspects thereof.

Key words: article, determinative, deixis, cognitive linguistics, theoretical grammar of the German language.

М. М. Сандалова (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
sandalova.mari@mail.ru

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОСЕНСОРИКИ: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Лингвосенсорика как направление науки одновременно использует разные термины для обозначения объекта исследования: основные *перцептивная, сенсорная лексика* и несколько описательных вариантов. В статье предпринята попытка провести сравнение основных терминов, а также разграничить существующие варианты, основываясь на употреблении их в публикациях последних лет. Обозначены также некоторые лакуны для суб-вариантов основных терминов.

Ключевые слова: лингвосенсорика, перцептивная лексика, сенсорная лексика, квалитативная лексика, чувственное восприятие, квалиа.

Такое направление современной лингвистики, как лингвосенсорика, прекрасно иллюстрирует тенденцию междисциплинарности, взаимного обогащения наук методами, объектами и результатами исследований. По этой же причине лингвосенсорика развила несколько вариантов термина для обозначения основного объекта изучения, частично заимствованных из смежных специальностей (*квалитативная, сенсорная, перцептивная лексика, лексика чувственного восприятия*), которые, при общей синонимичности, делают эту область исследования неоднородной. Скажем, чтобы

найти исследования последних лет из области лингвосенсорики, придётся не только перебрать в поисковой строке все варианты термина, но и учесть возможные авторские описательные обороты.

Цель настоящей статьи – обзорная: зафиксировать самые частотные в публикациях последних лет варианты обозначения объекта изучения лингвосенсорики, описать различия между используемыми терминами, а также обозначить некоторые сформировавшиеся терминологические лакуны.

Лингвосенсорика как научное направление в отечественном языкознании заявлено В. К. Харченко в 2011 году как «область лингвистического знания, которая занимается языком перцепции, вербальной репрезентации показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [Харченко 2023: 6], позже А. В. Нагорная в 2017 году пополнила объект исследования лингвосенсорики открытыми нейронаукой interoception (ощущение внутренних органов) и proprioception (ощущение пространства) [Нагорная 2017] (ср. с исследованиями сознания невролога Н. Кастельянос, настаивающей на значимости внутрителесных ощущений для перцепции [Кастельянос 2024]).

Термины, которые используют сами В. К. Харченко и А. В. Нагорная – **сенсорная лексика** и **перцептивная лексика**. Термины эти воспринимаются (и заявлены) авторами как полные синонимы. А. В. Нагорная подчёркивает лишь, что в англоязычной традиции «сенсорный» связывается с ощущением, а «перцептивный» – с восприятием как процессом [Нагорная 2017: 18].

По данным сайта Высшей аттестационной комиссии [BAK URL] за последние 15 лет было защищено 15 диссертаций из области лингвосенсорики, имеющих в названии компонент *перцептивный* или *перцепция*. Во всех работах содержание этого термина соотносится сугубо с пятью основными «чувствами» (зрение, слух, осязание, запах, вкус). Как правило, целью исследований является описание индивидуальных (авторских) или групповых (национальных) особенностей вербализации восприятия. При этом авторы анализируют единицы разных морфологических категорий, в том числе глаголов, обозначающих процесс перцепции. Существуют отдельные работы, посвящённые только глаголам перцепции, например [Петрова 2018]. Общий анализ публикаций по лингвосенсорике с сочетаниями *перцептивная лексика* или *перцептивный компонент* (в семантике) в заголовке подтверждает связь этого варианта термина с вниманием к физиологии восприятия [Коршунова, Махмудов 2024] и с процессуальностью [напр., Петрова 2021]. Всего за последние 5 лет таких публикаций 33 по данным сайта elibrary.ru [elibrary.ru URL].

Вариант *сенсорная лексика* или *сенсорный компонент* (семантики) встречается всего в 2 диссертациях за последние 15 лет [BAK URL] и так же, как *перцептивная лексика*, обозначает пять основных чувств. Интересно,

что этот вариант термина тоже включает в себя процессуальность [напр., Ярошенко 2023: 16]. Можно, пожалуй, отметить несколько большую склонность авторов, пишущих о *сенсорной лексике*, к осмыслению дополнительных семантических компонентов: через анализ синестетической метафоры [Ярошенко 2023], или оценочного компонента семантики [Добронравова 2023]. Всего за последние 5 лет публикаций с упоминанием *сенсорной лексики* (аналога *сенсорный компонент* нет) – 9 [elibrary.ru URL].

В целом термины *сенсорная лексика* и *перцептивная лексика* используются равноправно, часто – в рамках одной работы. Оба термина стабильно возводятся исследователями к лингвосенсорике, связываются с анализом как художественной литературы, так и нон-фикшн текстов. Заметно, что термин *перцептивная лексика* используется чаще, зато *сенсорная лексика* встречается в относительно более свежих публикациях. Можно предположить, что это связано с происхождением терминов. Если *перцептивный* – это физиологический термин, знакомый даже неспециалистам, то термин *сенсорный* – скорее профессиональный для психологов, а затем и лингвистов.

Помимо устоявшихся вариантов термина есть ещё несколько дополнительных. Например, вариант *квалитативная лексика*, включающий в себя очень широкий спектр присущих человеку ощущений: от оценочных до формы и цвета, причём одновременно [напр., Милетова 2020]. Этот вариант не встречается в названиях диссертаций последних лет вовсе и обнаружен в заголовке всего одной публикации за последние пять лет [elibrary.ru URL].

В качестве описательного оборота, иногда в дополнение к другому термину, используется русифицированный вариант *лексика чувственного восприятия* и другие варианты с компонентном *чувство/чувственный* (именно в понимании перцептивного ощущения, не эмоции!). В таких исследованиях более широкий спектр изучаемых лексем: авторы часто анализируют внешние особенности ситуации восприятия, а не только внутренние ощущения воспринимающего – например, обстановку, доступность перцепции [напр., Тун Хуэй 2017: 11]. За последние 15 лет написано 7 диссертаций, анализирующих *вербализацию чувственного восприятия*, однако у этого варианта нет даже единой устойчивой формы.

Интересно, что и сам термин *лингвосенсорика* после декларации направления науки стал термином для своего объекта. После 2011 года появляются публикации (9 за последние 5 лет [elibrary.ru URL]), использующие термин *лингвосенсорика* в названии как обозначение метода анализа: *лингвосенсорика дискурса...*, *лингвосенсорика поэзии...*, *лингвосенсорика смерти...* При этом содержание термина аналогично *перцептивной* или *сенсорной лексике*.

Не будем также забывать об исследованиях лингвосенсорики в художественном тексте (включенном В. К. Харченко в предмет изучения), которые традиционно заимствуют термины из литературоведения – причём довольно непоследовательно и зачастую образно, что усложняет поиск по названию. Вот несколько вариантов из названий диссертаций, анализирующих цвет, за последние 15 лет [BAK URL]: **образ цвета, символика цвета, цветовая палитра (творчества Сергеева-Ценского), исследование цветового пространства, цветосюжет (в лирике).**

Наконец, обозначим лакуны существующей терминологии лингвосенсорики. Существующие варианты как общего термина, так и его подвидов (связанных с пятью чувствами) содержательно отражают наивное языковое сознание, не учитывая достижений когнитивистики и нейронаук, на стыке с которыми сформировалась лингвосенсорика. Так, например, нет однозначных терминов, разграничивавших бы работу разных областей мозга (цвет воспринимается мозгом не так же, как форма, хотя это всё визуальные характеристики объекта). Также сложно провести вербальную грань между относительно-объективными и абсолютно субъективными результатами восприятия. Последние близки к тому, что философы называют **квалиа**: это явления, которые для достижения понимания проще пережить, чем изучить или описать [напр., Dennet 1997: 619]. Между тем подобные направления исследования открыли бы большие возможности для исследования не только феноменов сознания, но и процессов мышления и познания с помощью языка. Кажется, что отсутствие названия не даёт этим направлениям оформиться.

Сама В. К. Харченко пишет в своей монографии, что попытки придумать новые термины часто заводят учёных в тупик софизма («непонятно, но как здорово!») [Харченко 2023: 10]. Подбор терминов в самом деле не должен становиться самоцелью, однако их исследование может обозначить текущее состояние науки и возможные направления развития. Так, современная лингвосенсорика чаще всего пользуется вариантами **перцептивная лексика**, связанным скорее с процессом восприятия и близким общенаучной картине мира, и **сенсорная лексика**, более погружённым в оттенки семантики и более узкоспециальным, происходящим из психологии. При этом исследователи продолжают поиск описательных вариантов, и сам объект изучения оставляет пока лакуны для терминологизации новых его граней.

Литература

BAK – Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования: сайт. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main> (дата обращения: 27.02.25).

Добронравова Е. О. Оценочность сенсорной лексики как реализация принципа бинарных оппозиций // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2023. № 2 (23). С. 179–185.

Кастельянос Н. Телесный интеллект: парадоксальное открытие о том, как тело определяет наши эмоции, поведение и темперамент. М.: Эксмо, 2024.

Корушинова И. С., Махмудов У. Р. Влияние социальных факторов на оценки билингвами вклада перцептивных компонентов в семантику слова (узбекско-русский билингвизм) // Казанская наука. 2024. № 7. С. 266–268.

Милетова Е. В. Квалитативная лексика как средство вербализации оценки (на материале англоязычных текстов сферы искусства) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 200–205.

Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Яковлева Э. Б. М., 2017.

Петрова А. В. Семантика и функционирование перцептивных глаголов в лирике Ф. И. Тютчева: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018.

Петрова Н. Е. Концептуализация знания перцептивной лексикой *видеть* и *слышать* // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3. С. 213–216.

Тун Хуэй. Лексика с семантикой чувственного восприятия в произведениях Юрия Ковалёва: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Пермь, 2017.

Харченко В. К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2023.

Ярошенко П. В. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале мультиязычного корпуса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.

Dennett D. *Unining Qualia* // *The Nature of Consciousness* / Ed. by N. Block, O. Flanagan, G. Guzuldere. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. P. 619–642.

elibrary.ru: Научная электронная библиотека: сайт. URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 27.02.25).

M. M. Sandalova (Kirov, Russia)
Iyatka State University

SENSORY STUDIES OBJECT: TERMINOLOGY QUESTIONS

Sensory studies exploit several terms to define the object of studies simultaneously. The main variants are *perceptual* and *sensor vocabulary*, in addition to that several descriptive variants exist. The article claims to compare the main variants and differentiate the terms according to publications of the last years. Several gaps for sub-variants of the terms are stated.

Key words: sensory studies, perceptual vocabulary, sensory vocabulary, qualitative vocabulary, qualia.

М. А. Фомина (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
marinafomina7@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ БЕЗЛИЧНЫХ СТРУКТУР И СТРУКТУР С ПЕРИФЕРИЙНЫМ ТИПОМ СУБЪЕКТА

В статье обсуждается возможность применения вербоцентрического подхода к интерпретации английских структур с периферийным типом субъекта, а также русских безличных («стихийных») моделей. Результаты анализа семантики рассматриваемых моделей позволяют прийти к выводу о необходимости признания интегративного принципа формирования семантики предложения, являющейся результатом сложного взаимодействия лексических и грамматических значений его элементов, а также прагматической составляющей коммуникативного акта.

Ключевые слова: вербоцентрическая концепция, периферийный субъект, падежная лингвистика, агент / каузатор, стихийная сила.

1. Введение. В отличие от ряда отечественных лингвистических теорий, как формальных, так и семантических, которые признают равнозначность подлежащего и сказуемого как основных компонентов предложения, существует альтернативный подход к интерпретации принципа строения предложения, основанный на представлении о глаголе как о центральном элементе в структуре высказывания [Болдырев 2002: 72]. Вербоцентрическая концепция опирается на теорию валентностей (см. работы [Теньер 1988; Кацнельсон 1972]). Валентность понимается как имманентно присущая глаголу семантическая способность устанавливать определенные синтаксические связи с другими элементами предложения. Согласно вербоцентрической концепции, именно глагол-сказуемое является ядром, определяющим состав предложения, поскольку его валентности (на субъект, объект, инструмент и т.д.) обуславливают наличие определенных синтаксических позиций [Болдырев 2002: 72–73].

Данная концепция, в значительной степени определившая дальнейшее развитие синтаксической теории, составляет методологическую основу многих современных исследований. При этом, как отмечают авторы [Кобрина, Болдырев, Худяков 2007: 215], анализ языкового материала демонстрирует, что, во-первых, не все предложения содержат глагольное ядро (ср. *Silence; Summer; Midnight; Business first; pleasure afterwards*). Во-вторых, подлежащее (которое, например, в английских высказываниях занимает фиксированную позицию и чаще всего стоит в начале предложения) может быть не менее

значимым с точки зрения формирования структуры и содержания предложения. Так, именно **выбор подлежащего**, как темы высказывания, часто **предопределяет ту информацию**, которую **вносит глагольный компонент** высказывания, ср. предложения с периферийными типами субъекта, в которых подлежащее выражено обозначениями неодушевленных объектов, представленных в высказывании как объекты каузации (при этом субъект-каузатор в данных конструкциях отсутствует, но может предполагаться) [Фомина 2015: 122]: *The book reads like a traditional comic book / very fast; Those copies sold out in five weeks; The door closed softly behind him*. Понятно при этом, что в подобных высказываниях выбор возможного предиката ограничен возможностью передавать залоговое значение медиальности, ср. глаголы *read* (с существительными *book / sign / paper* в позиции подлежащего), *close* (с существительными *door / gate / chest* в позиции подлежащего), *sell* (со словами *book / fruits / goods* в позиции подлежащего), *slice* (ср. *It carves the mountain like a knife slices turkey*), *peel* (ср. *The banana peels easily*) и др.

Далее приведем результаты анализа семантики английских структур, находящихся на периферии категории субъекта, а также русских безличных (стихийных) моделей, которые выражают бессубъектные предикации, и постараемся показать, что подлежащее (или субъектный актант в русских безличных «стихийных» моделях) может быть не менее значимым, нежели глагольный компонент, при формировании структуры и семантики предложения, что и представляется **актуальной задачей** данного исследования.

2. Материал исследования. Эмпирический материал для исследования отбирался из текстов основного и параллельного (английского) корпуса Национального корпуса русского языка, а также архивов электронного фонда Corpus of Contemporary American English (www.english-corpora.org). На начальном этапе формирования эмпирической базы исследования был разработан алгоритм поиска русских «стихийных» конструкций, а также английских структур с периферийным типом субъекта. Оптимизация поисковых запросов позволила значительно сократить объем анализируемого материала, однако для отсеивания нерелевантных примеров потребовалась дополнительная ручная фильтрация.

3. Роль субъекта в формировании семантики структур с непрототипическим подлежащим и «стихийных» моделей. Далее, значимыми с точки зрения интерпретации прототипических категорий подлежащего и субъекта представляются рассуждения о безличных предложениях типа *Крышу сорвало ветром* в работе [Сальников 1977]. Вслед за И. А. Мельчуком [Мельчук 1974] Н. М. Сальников полагает, что подлежащее в данных моделях представлено «нулевой словоформой, обладающей признаком числа, лица и рода

и вызывающей согласование сказуемого с глаголом по 3-му лицу, ед. числу, ср. роду» [Сальников 1977: 273]. Ср. также высказанную еще А. А. Потебней мысль о том, что «в понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу, каково бы ни было это последнее: известное или нет, действительное или фиктивное» [Потебня 1958: 91]. Современные исследователи категории безличности опираются также на идеи А. М. Пешковского, указывающего на невозможность «полной безличности в сказуемом»: «лицо есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности...» [Пешковский 1956: 343]. По мнению ученого, в таких безличных предложениях, как *Его громом убило*, *Его убило молнией* подлежащее устраняется «как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе» [Пешковский 1956: 344]. При этом в предложениях типа *Его убила молния*, как отмечает Н. М. Сальников, элемент, выполняющий функцию подлежащего и обычно соответствующий в «активных» оборотах с переходным глаголом агенсу, в предложении не утрачен, «но его утрата «завуалирована» постановкой орудийного элемента» *молния* в позицию, обычно занимаемую агенсом [Сальников 1977: 286]. В таких моделях, как отмечает А. В. Бондарко, «субъектное значение источника действия сопряжено с орудийностью таким образом, что нет отдельно субъекта и отдельно орудия, а есть единство орудия и стихийной силы как источника и вместе с тем причины действия» [Бондарко 1992: 47]. Семантика орудийности существительных (*молния*, *гром*, *ветер* и под.) в действительных моделях выявляется в результате преобразования высказывания в предложение с субъектом-каузатором, выраженным именем в творительном падеже, ср. *Его убило молнией*, в котором отсутствует эксплицитно выраженный производитель действия (при недопустимости, например, высказывания **Ребенком разбросало игрушки по всей комнате*, полученного в результате подобного преобразования предложения *Ребенок разбросал игрушки по всей комнате*). Таким образом, грамматическая форма глагольного компонента в так называемых «стихийных» моделях (глагол в форме 3-го лица, ед. числа, ср. рода) задает соответствующее осмысление субъектного актанта, выполняющего роль «стихийного» каузатора, при значимом отсутствии подлежащего. Однако в отношении рассматриваемых моделей справедливым оказывается и то, что не только глагол, но и субъект-каузатор играет важную роль в описании рассматриваемого положения дел и влияет на употребительность стихийной конструкции – так, согласно результатам анализа более 15000 высказываний со «стихийными» конструкциями, отобранными из электронных архивов системы Интегрум, употребительность стихийных структур с различными каузаторами распределилась следующим образом: с существительным *пуля*

в роли субъекта-каузатора – 6%, со словом *бомба* – 11%, с существительными *взрыв* и *молния* – 18% и 33% соответственно [Мустайоки 2020: 79].

В английском языке маркером категории безличности выступает формальное подлежащее *it*, ср. *It was raining / snowing / drizzling*. Представляется важным подчеркнуть, что категория безличности проявляется и в значении глагола-сказуемого, обозначающего «самостийный» процесс [Кобрина, Болдырев, Худяков 2007: 239].

Для иллюстрации сложного взаимодействия лексических и грамматических значений элементов предложения и взаимовлияния подлежащего (субъекта на логическом уровне) и сказуемого приведем также примеры высказываний с непрототипическим подлежащим, представленным субъектом-источником процесса, ср. *The old man paled; Her heart filled with sudden hope* и под. В данных предложениях непрототипический характер подлежащих, соответствующих субъекту-экспериенцеру (не агенсу), задается глаголом со значением процесса, представляющим сказуемое.

Таким образом, как показал анализ языкового материала, вряд ли можно отдать предпочтение определенной синтаксической теории (например, вербоцентрической концепции строения предложения). При интерпретации семантики предложения представляется важным учитывать прототипический принцип формирования как категории подлежащего, так и сказуемого, которые задают определенный способ осмысления описываемой денотативной ситуации, оказывают влияние на формирование структуры и смысла предложения, при этом интегративный принцип формирования смысла любого предложения оказывается релевантным и в отношении предложений с подлежащими, находящимися на периферии категории, а также безличных структур.

Литература

- Болдырев Н. Н. Категория подлежащего с прототипической точки зрения / Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 3(27). С. 71–84.
- Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб.: Наука, 1992. С. 29–71.
- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
- Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.
- Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л.: 1974. С. 343–361.
- Мустайоки А. Почему говорящий прибегает в «стихийным конструкциям»? // Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. С. 59–86.

- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
- Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958. Т. 1–2.
- Сальников Н. М. Безличные предложения типа ‘Крышу сорвало ветром’ // Russian Linguistics. 1977. № 3. С. 271–292.
- Терьер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
- Фомина М. А. Особенности типов субъектов в переводческой перспективе // English Studies at NBU. 2015. Т. 1, № 1. С. 116–126. DOI 10.33919/esnbu.15.1.9.

M.A. Fomina (Moscow, Russia)
Moscow City University

A VERBOCENTRIC APPROACH TO THE INTERPRETATION OF IMPERSONAL MODELS AND MODELS WITH A PERIPHERAL SUBJECT

The paper discusses the pros and cons of the verbocentric approach to interpret English sentence models with a peripheral type of subject as well as some Russian impersonal models. The results of the semantic analysis prove that it is the complex interaction of lexical and grammatical meanings of the sentence elements as well as its pragmatic component that make up the semantics of the sentence.

Key words: verbocentric approach, peripheral subject, case linguistics, Agent / Causer, elemental forces of nature.

Л. А. Фурс (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com*

КОМПЛЕКСНЫЙ СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В статье анализируются факторы и принципы, обеспечивающие комплексность мышления в синтаксической репрезентации. В этих процессах выявлена значимость аспектов онтологии языка, онтологии человека и онтологии мира, а также роль принципа языковой экономии, принципа релевантности и принципа диалогической рефлексивности. Установлено, что принцип языковой экономии предполагает передачу максимума информации минимальными затратами; принцип релевантности

указывает, что любая неконвенциональная конструкция релевантна; принцип диалогической рефлексивности предполагает учет позиции «другого».

Ключевые слова: комплексное мышление, синтаксическая репрезентация, принцип языковой экономии, принцип релевантности, принцип диалогической рефлексивности.

В русле когнитивного подхода к анализу языковых явлений исследовательский фокус направлен на особенности обработки знания сознанием человека с целью достижения наиболее эффективной коммуникации. Характер репрезентируемого знания определяет стиль мышления. Не случайно поэтому появились работы, в которых разграничиваются линейный и нелинейный стили мышления. Если линейное мышление является рациональным и опирается на правила в построении суждения по аналогии с математической логикой, то нелинейный стиль соотносится с процессами креативности в конструировании знания и предполагает отсутствие шаблонности в решении поставленных задач (см. работы: [Vance, Groves, Paik, Kindler 2007; Costigan, Brink 2015; Groves, Vance 2015]). Существенным в этой связи является олицетворение линейного мышления с «когнитивным интеллектом», а нелинейного мышления – с «эмоциональным интеллектом» [Bratianu, Vasilache 2009: 4–5]. К тому же с учетом того, что активизация нелинейного мышления приводит к появлению оригинальных решений, и для нее характерна когнитивная динамика, этот тип мышления стал определяться как комплексный [Tatar, Jinaru, Dobrota, Niculescu 2021] (о когнитивном динамизме см.: [Фурс 2021]). Целью данного исследования является изучение комплексного стиля мышления в синтаксической репрезентации на материале английского языка.

В качестве объективных условий комплексного характера мышления в синтаксической репрезентации выступает языковая онтология предложения как сложного знака; онтология мира, специфика которого заключается в разнообразии связей и отношений между различными его объектами, требующими репрезентации посредством определенных синтаксических конструкций; онтология человека, сфокусированного на собственные интенции, под воздействием которых и осуществляется обработка знания о различных событиях реального мира, что приводит к тому, что часть информации в процессах ее репрезентации может быть представлена как эксплицитно, так и имплицитно. Именно онтология человека определяет комплексный характер мышления в синтаксической репрезентации. С этим положением соотносятся следующие принципы, значимые для разъяснения специфики комплексной природы обработки информации для ее

последующей репрезентации средствами синтаксиса: принцип языковой экономии, принцип релевантности и принцип диалогической рефлексивности. С учетом принципа языковой экономии говорящий стремится передать максимум информации минимальными затратами. Принцип релевантности восходит к понятию максимы релевантности [Грайс 1985], подчеркивающей, что любое аномально сконструированное предложение релевантно (о когнитивной природе релевантности см.: [Фурс 2012]). Принцип диалогической рефлексивности соотносится с понятием диалогизма как направления в анализе речевых высказываний с позиций учета точки зрения «другого» [Бахтин 1979]. В проекции на данные принципы, обуславливающие комплексный характер мышления в синтаксической репрезентации, рассмотрим различные синтаксические конструкции, демонстрирующие данные принципы. Так, принцип языковой экономии реализуется всегда, когда активизируются механизмы концептуальной метафоры и метафтонимии:

*Once you start making compromises like that, it's **a slippery slope** (CR).*

*Her hope was **a fragile seed** (EW).*

*Bottenheim used you **to funnel** money into his campaign (GD).*

В первом примере активизируется механизм концептуальной метафоры, заключающийся в проецировании знания из области-источника «скользкий спуск» на деятельность человека (*a slippery slope* – a bad situation that is likely to get worse [CD]). В результате образно формируется оценка дальнейшей перспективы для действий человека, что звучит как предостережение.

Во втором случае также представлен метафорический перенос, на основе которого минимальными средствами передается большой объем информации. Во-первых, сообщается о появлении надежды на реализацию планов. Возникновение этого состояния сравнивается с посевом семян, из которых зарождается новая жизнь. Более того, знание о хрупкости переносится на испытываемое человеком чувство надежды. В результате подчеркивается, насколько непрочной является эта надежда.

Последний пример репрезентирует метафтонимию как взаимодействие метонимического и метафорического переносов. Отношения по смежности «деятельность – инструмент» являются основой для осмысления формата предпринимаемых человеком действий. Форма воронки демонстрирует постепенный переход от широкой части к узкой, трубообразной, что ассоциируется с целенаправленным потоком большого объема средств на конкретный объект (*to funnel* – to send something directly and intentionally [CD]). В результате формируется знание о привлечении огромных средств на одну конкретную цель – проводимую субъектом кампанию.

Принцип релевантности востребован в случае использования неконвенциональных синтаксических конструкций, таких как тавтологические конструкции и конструкции с синтаксическими амальгамами (термин введен Дж. Лакоффом [Lakoff 1974]). С учетом этого принципа любое anomalous предложение признается прагматически значимым, например: *Friends are friends*. Тавтологичность этой конструкции в соотнесении с принципом релевантности подчеркивает значимость повтора для говорящего и требует адекватной интерпретации с опорой на ситуативный контекст. Так, возможны следующие интерпретации: 1) друзья есть друзья, им рады всегда; 2) друзья есть друзья, к ним обращаются за помощью и советом; 3) друзья есть друзья, и здесь нет места для расчетливости.

*Neither of us has seen PJ for **God knows** how long* (LG).

Здесь конструкция с фразеологическим включением (с синтаксической амальгамой в терминологии Дж. Лакоффа) передает дополнительную информацию, выраженную имплицитно. Затруднение говорящего в определении точной информации сопровождается включением в структуру конструкции фразеологизма. В результате скрытый смысл можно проинтерпретировать так: я не знаю, и никто не знает.

Принцип диалогической рефлексивности соотносится с ориентированием на «другого» и реализуется посредством конструкции с межличностной парентезой:

*Bea kissed **you'll never guess who**, at the party* (Kluck 2015: 131).

В этом случае непосредственное обращение к адресату позволяет вовлечь его в обсуждение сообщаемого факта. К тому же подчеркивается реакция говорящего на невероятность происходящего.

Таким образом, комплексность мышления в синтаксической репрезентации обеспечивается взаимодействием аспектов онтологии языка, онтологии человека и онтологии мира. В этих процессах реализуются принцип языковой экономии, принцип релевантности и принцип диалогической рефлексивности. Принцип языковой экономии реализуется конструкциями с концептуальной метафорой и метафтонимией, когда удается сообщить максимум информации минимальными средствами. Принцип релевантности указывает, что любая неконвенциональная конструкция релевантна. В этой области рассмотрены тавтологические конструкции и конструкции с синтаксическими амальгамами. В случае с принципом диалогической рефлексивности учитывается обращенность высказывания к «другому», что объективируется конструкцией с межличностной парентезой. Полученные результаты указывают на важность фокусирования как на линейный, так и нелинейный стили мышления в процессах интерпретации.

Литература

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Фурс Л.А.* Когниция и когнитивный динамизм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 52–58.
- Фурс Л.А.* Принцип релевантности в конструировании смысла // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 241–243.
- Bratianu C., Vasilache S.* Evaluating Linear-nonlinear Thinking Style for Knowledge Management Education // Management & Marketing. 2009. Vol. 4 (3). P. 3–18.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed November 10, 2022).
- Costigan R. D., Brink K. E.* On the prevalence of linear versus nonlinear thinking in undergraduate business education: A lot of rhetoric, not enough evidence // Journal of Management & Organization. 2015. 21(4). P. 535–547.
- CR – Context Reverso. URL: <https://context.reverso.net>.
- EW – Ereading Worksheets. URL: <https://www.ereadingworksheets.com>.
- GD – Glosbe Dictionary. URL: <https://en.glosbe.com>.
- Groves K. S., Vance C. M.* Linear and Nonlinear Thinking: A Multidimensional Model and Measure // Journal of Creative Behavior. 2015. 49(2). P. 111–136.
- Kluck M.* On representing anchored parentheses in syntax // Syntactic Complexity across Interfaces. Berlin/Boston, 2015. P. 107–135.
- Lakoff G.* Syntactic Amalgams // Chicago Linguistic Society. 1974. P. 321–344.
- LG – Ludwig.guru. URL: <https://ludwig.guru>.
- Tatar A., Jinaru A., Dobrota G., Niculescu G.* From linear thinking to complex thinking // Horizons for sustainability. „Constantin Brâncuși” University of Târgu-Jiu. Issue 2. 2021. URL: <https://icdi.utgjiu.ro/wp-content/uploads/2023/09/2>.
- Vance C. M., Groves K. S., Paik Y., Kindler H.* Understanding and measuring linear-nonlinear thinking style for enhanced management education and professional practice // Academy of Management Learning & Education. 2007. 6. P. 167–185.

L. A. Furs (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

COMPLEX THINKING STYLE AND SYNTACTIC REPRESENTATION

The article analyzes the factors and principles that ensure the complexity of thinking in syntactic representation. In these processes, the significance of aspects of language ontology, human being ontology and world ontology is revealed, as well as the role of the principle of linguistic economy, the principle of relevance and the principle of dialogic

reflexivity is described. The research has shown that the principle of language economy involves transmitting maximum information at minimal cost; the principle of relevance states that any non-conventional construction is relevant; the principle of dialogical reflexivity supposes taking into account the position of the “other”.

Key words: complex thinking, syntactic representation, principle of linguistic economy, principle of relevance, principle of dialogic reflexivity.

Т. Цзинь (Москва, Россия)

*Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
tszin_t@pfur.ru*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАК ПРОЦЕСС РЕАЛИЗАЦИИ ЭГО-ВОВЛЕЧЕННЫХ МОДЕЛЕЙ

В статье на примере языковых единиц *стол* и 桌 *zhuō* апробирован подход к рассмотрению семантической эволюции с исходным предположением о том, что применение языковых единиц продиктовано сопряженным с ними ментальным механизмом. Доказано, что различие в семантических возможностях языковых единиц объясняется вариативной реализацией эго-вовлеченных моделей, созданных мозгом на основе значимого перцептивного опыта.

Ключевые слова: когниция, семантическая эволюция, акт познания, перцептивный опыт, модель, эго-вовлеченность.

Вопрос о том, почему определенная языковая единица имеет такой семантический объем, какой он есть – по сути, не столь вопрос о языке, сколь вопрос о познании, поскольку все, что мы осознаем, есть результаты акта познания. Этот вопрос приобрел актуальность еще с момента, когда на смену традиционной «списочной теории» полисемии пришло общее понимание того, что исследование многозначности в языке не может ограничиваться лишь ее описанием, а должно стремиться к объяснению данного явления. На сегодняшний день, употребляя термин «семантическая эволюция», в методологическом плане исследователи, так или иначе, априорно рассматривают «эволюцию» как процесс «развертывания», т.е. существует убеждение в наличии ИСХОДНОГО, от которого и начинается процесс расширения семантического объема с всевозможными трансформациями.

При представлении о том, что ИСХОДНОЕ присутствует в самой семантической структуре слова, разъяснение мотивированности расширения семантического объема сводится к определению некоего значения или некой

семы / совокупности сем как производящего для остальных значений. Такой подход находит свое воплощение в понятиях о «семантическом переходе» и «семантической деривации» [Зализняк 2013]. Уязвимость данного подхода обусловлена его ретроперспективностью. Конечно, между значениями одной и той же языковой единицы существуют связи, но осознание этих связей возможно не ДО осознания какого-то нового значения, а ПОСЛЕ. Если мы мысленно переместимся во времени к моменту прецедентных случаев применения какой-то языковой единицы, то возникает серьезное сомнение насчет того, что осознание НОВОГО становится возможным именно за счет вспоминания ее «изначального» значения и некой мыслительной операции над этим значением для его трансформации в новое значение.

Другие исследователи полагают, что ИСХОДНОЕ находится в окружающей человека действительности. Расширение семантического объема «происходит за счет образования классификационных и ассоциативных связей между предметами окружающего мира и их признаками» [Кезина 2008: 43]. Такое представление достаточно обоснованно, ибо трудно возразить, что познание начинается с поступающих от органов чувств сигналов, но проблема в том, насколько мы можем рассматривать «действительность» как объект познания, ведь, как уже было отмечено, все, что мы осознаем, есть результаты акта познания. Кроме того, колоссальная часть содержания языка не соотносится с физическим миром и зачастую при употреблении слов, которыми в разных языках называются одни и те же объекты из окружающего физического мира, осознается РАЗНОЕ, имеющее отношение к миру человека.

Возможен и третий подход с предположением о нахождении ИСХОДНОГО в когнитивной способности человека. Если «на когнитивном уровне нормальное, естественное, ожидаемое положение вещей входит в когнитивный гештальт человеческого опыта и концептуализируется с минимальной затратой ментальных вычислительных усилий (активизируется по умолчанию)» [Кибрик 2015: 56], то наша задача сводится к реконструированию ментального механизма, сопряженного с определенной языковой единицей и обеспечивающего естество и ожидаемость семантической эволюции языковых единиц для носителей данного языка.

Для демонстрации объяснительной возможности третьего подхода мы провели сравнение применения единиц из русского и китайского языков – *стол* и 桌 *zhuō*. При анализе использованы данные из Национального корпуса русского языка и Корпус китайского языка центра при Пекинском университете языка и культуры (ВСС).

Критерии, по которым происходит распознавание предметов мебели носителями соответствующего языка как *стол* / 桌 *zhuō*, не совсем идентичны.

Так, в русском языке существует отдельное слово *парта*, а подобный предмет школьной мебели в китайском именуется как 桌 *zhuō* с дополнительными описательными элементами – 连体课桌 *liántǐkèzhuō* (соединять, соединенный + тело + урок + 桌). Если значимость размера и общее впечатление об «аккуратности» предмета в русском языке находят отражение в уменьшительной форме *столик*, то в китайском значимость формы отражена в дифференциации предметов на 桌 *zhuō* / 几 *jǐ* (предмет небольшой, декорированный, ножки зачастую изогнутые) / 台 *tái* (под столешницей ящики или она крепится не к прямым ножкам, а к тумбам с одной или с двух сторон).

Обе единицы участвуют в формировании новых понятий, но при этом их возможности разнятся. Так, для обозначения определенной формы собрания, вошедшей в реальность русских людей как *Круглый стол*, носители китайского языка добавили элемент действия – 圆桌会议 *yuándzhuō huìyì* (круглый + 桌 + заседание, собрание); понятию *Рабочий стол* (основное окно графической среды компьютера) соответствует 桌面 *zhuōmiàn* (桌 + сторона, двухмерная поверхность).

Предметы важны для человека с точки зрения его функции и возможного взаимодействия с ними. О значимости опыта взаимодействия с разными предметами можно судить по тому, становится ли такой опыт когнитивным шаблоном для генерации НОВОГО. С этой точки зрения в случае с единицами *стол* и 桌 *zhuō* можно выделить два вида значимого перцептивного опыта. Первый: вокруг стола собираются люди для общей трапезы, на столе – пища. Для носителей китайского языка при употреблении 上桌 *shàngzhuō* (показатель движения вверх + 桌) в зависимости от ситуации осознаются: 1) готовые блюда ставят на стол; 2) человек (люди) садится за стол для приема пищи; 3) человек (люди) получает доступ (привилегию) к тому, что сулит разного рода выгоду. Очевидно, что на основе данного опыта сформулирована модель, определяющая понимание отношения между людьми за столом (они готовы признать права друг друга на долю того, что лежит на столе) и оценку того, что на столе. Носителям русского языка тоже не чужда подобная модель:

К столу мировых финансовых воротил подадут «техасский чай» с дешевой и крепкой «русской заваркой». (Иван-дурак и миллиардер Шановский // «Завтра», 2003.08.22)

Второй значимый опыт: люди собираются вокруг стола для делового взаимодействия. При этом для носителей русского языка превалирует модель, в которой нахождение за столом коррелируется с обладанием некоей власти:

Произошла своеобразная рокировка – элита партии добровольно залезла **под стол**, а комсомольская элита, ею взращенная, уселась **за столом**. Поначалу приказы **из-под стола** исполнялись неукоснительно. Это потом

уже понятливые ученики затоптали своих учителей. (Виктор Слипечук. Зинзивер (2001))

Для носителей же китайского языка превалирует модель, определяющая понимание всеобщей видимости (публичности и открытости) того, что находится на столе:

这些东西必须摆上桌面来谈 Zhèxiē dōngxī bìxū bǎi shàng zhuōmiàn lái tán (Эти + вещи + необходимо + расставлять + показатель движения вверх + стол + сторона, двумерная поверхность + показатель приглашения к совместному действию + разговаривать – *Необходимо открыто обсудить эти вопросы*).

Понимание скрытности (неправомерности) того, что происходит под столом, является общим для носителей обоих языков. Однако в фокусе носителей китайского языка находится место происхождения действия, а носители русского языка регистрируют динамический процесс с направленностью:

桌下交易 zhuō xià jiāoyì (стол + низ + сделка) – *тайная сделка*

Конечно, продавать будут, как всегда, **из-под стола**, – Толя задумчиво разглядывает черно-белую этикетку последней версии Windows. (Геннадий Анисимов, Анатолий Гусев. Неходовой товар. Пираты не знают, зачем тиражировать данные переписи (2002) // «Известия», 01.12.2002)

У обеих единиц наблюдается специфичное применение, неприемлемое для носителей другого языка. Слово *стол* получило возможность обозначать административное подразделение, было слово *столоначальник* в обиходе и до сих пор актуально понятие *наспортный стол*. У единицы *стол zhuō* подобная семантическая возможность отсутствует, зато она применяется в качестве так называемого счетного слова: 一桌饭菜 yī zhuō fàn cài (один + стол + еда, блюда); 几桌客人 jǐ zhuō kè rén (несколько + стол + гости). Такое применение опирается, опять же, на опыт совместной трапезы и активизирует понимание о количестве и расположении в пространстве связанных с таким опытом объектов: множество различных блюд занимает почти всю поверхность стола; гости (соответствующего количества) рассажены за столами.

Различие в применении *стол / стол zhuō* вполне естественно, ибо носители двух языков «выбрали» собственную когнитивную стратегию. Для носителей китайского языка познание, главным образом, происходит с позиции НАБЛЮДАЮЩЕГО, склонного фиксировать целостный образ объекта и ситуации. Объект становится центром для организации пространства, и осознается, прежде всего, не динамичное действие и взаимодействие, а взаимоотношение между людьми «вокруг стола», видимость (доступность) «вещей на столе» для них. Носители русского языка, скорее, осознают объект с позиции ДЕЙСТВУЮЩЕГО. При совершении акта осознания происходит моделирование взаимодействия людей за столом. При такой непосредствен-

ной вовлеченности людей *стол* легко применяется для генерации понятия, связанного с их деятельностью. Думается, такое различие в «предпочтении» когнитивной стратегии также предопределило то, какой вид перцептивного опыта оказался более значимым для семантического расширения языковых единиц *стол* / 桌 *zhuō*.

Итак, ИСХОДНЫМ для семантической эволюции служит способность у человека создавать на основе своего опыта эго-вовлеченные модели. Для нас также изменилось представление о самой «эволюции»: она может быть представлена не как «развертывание», не как «переход» от ИСХОДНОГО к НОВОМУ, а как процесс вариативной реализации эго-вовлеченных моделей.

Литература

Зализняк А. А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.

Кезина С. В. Эволюция семантики цветообразования в соответствии с законом расширения семантического объема слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2008. № 1. С. 14–21.

Кибрик А. Е. Когнитивный подход к языку // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 29–59.

Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.02.2025).

Корпус китайского языка центра при Пекинском университете языка и культуры. URL: www.bcc.blcu.edu.cn (дата обращения: 01.02.2025).

Tao Tszin (*Moscow, Russia*)
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

SEMANTIC EVOLUTION AS A PROCESS OF REALIZING EGO-INVOLVED MODELS

The article uses the example of *стол* and 桌 *zhuō* to test an approach for considering semantic evolution with the initial assumption that the use of linguistic units is dictated by the mental mechanism associated with them. It is proven that the difference in the semantic capabilities of linguistic units is explained by the variable implementation of ego-involved models created by the brain on the basis of significant perceptual experience.

Key words: cognition, semantic evolution, act of cognition, perceptual experience, model, ego-involvement.

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПОДХОДЫ

Е. В. Абраменко (*Ростов-на-Дону, Россия*)
*Ростовский государственный
экономический университет
kyrare@yandex.ru*

ОТРАЖЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕКА В ПАРЕМИЯХ, ВЕРБАЛИЗИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ *CONSCIENCE/СОВЕСТЬ*

Данное исследование позволяет систематизировать представления об отражении моральных качеств человека в паремиях, вербализирующих концепт СОВЕСТЬ. Совесть как важный элемент человеческой морали и этики проявляется в пословицах и поговорках, которые передают народную мудрость и ценности.

Ключевые слова: моральные качества, отражение, паремия, концепт, СОВЕСТЬ, английский язык.

Концепт СОВЕСТЬ представляет собой культурный концепт, отражающий внутреннюю моральную и этическую инстанцию, сознание правильности или неправильности своих поступков, соответствие их нормам и ценностям общества. Исследование данного концепта позволяет выявить его специфику, описать структурно-семантические характеристики на материале определенных языковых культур, а также понять влияние культурных, исторических и религиозных факторов на его восприятие и функционирование [Kapustina, Churilova, Singilevich 2021].

В данном исследовании мы предприняли попытку моделирования концепта «совесть», выделив его ядро и периферию, на основе собранной иллюстративной базы примеров.

Для целей исследования методом сплошной выборки из словарей тезаурусного типа [Merriam-Webster Online Dictionary Electronic resource: URL] были отобраны и сгруппированы по тематическому признаку основные синонимы лексемы *conscience*.

К **ядру** концепта относим *номинации совести как внутреннего голоса/морального компаса*: это центральный и наиболее стабильный элемент. Он представляет собой внутренний механизм, который направляет моральные суждения, отличая добро от зла [Зайка 2011].

Примерами могут служить следующие лексические единицы: *inner voice* (внутренний голос), *gut feeling* (интуиция, чутье, шестое чувство), *moral sense* (нравственное моральное чувство), *intuition* (интуиция), *sixth sense* (шестое чувство) [Merriam-Webster Online Dictionary Electronic resource: URL].

В **периферии** концепта мы выделяем несколько слоев [Зайка 2011]:

1. Слой «Эмоции»:

Guilt/Remorse: вина или раскаяние – это слой номинаций негативных эмоций, которые возникают, когда совесть считает какое-либо совершенное действие неправильным (е. g. *guilty as sin* (очевидно виновен), *pangs of remorse* (муки раскаяния), *heart heavy with guilt* (сердце отягощено не чувством вины)).

Peace/Contentment: мир или удовлетворенность – это слой номинаций положительных эмоций, связанных с чистой совестью и нравственным поведением (е. g. *clear conscience* (чистая совесть), *peace of mind* (душевное спокойствие, умиротворение), *sleep soundly* (крепко спать)).

2. Слой «Действия и последствия»:

Judgment: оценка поступков – это слой, в котором номинированы последствия действий совести, оценки своим действиям или действиям других (е. g. *examine one's conscience* (обратиться к совести), *face judgment* (предстать перед судом)).

Justification/Rationalization: оправдание/рационализация: в данном слое собраны номинации попыток заставить замолчать или успокоить совесть, даже если действия сомнительны с моральной точки зрения (е. g. *ease one's conscience* (облегчить совесть), *self-deception* (самообман)).

Redemption/Forgiveness: искупление/прощение: в данном слое собраны лексические единицы, номинирующие стремление загладить свою вину за проступок и обрести мир с собой и другими (е. g. *clear one's name* (восстановить доброе имя), *seek atonement* (жаждать расплаты), *make things right* (делать все правильно, поступить правильно)).

3. Слой «Культурные/религиозные влияния»:

Divine Command: божественная заповедь: в данном слое концепта совесть манифестируется как голос Бога или высшей силы. (е. g. *god-fearing* (богобоязненный), *answer to a higher power* (отвечать перед высшими силами)).

Social Norms: социальные нормы: в этом слое собраны номинации совести как того, что сформировано социальными ожиданиями и ценностями.

(e.g. *upstanding citizen* (добро)порядочный/законопослушный гражданин), *social responsibility* (социальная ответственность)).

4. Слой «Метафорические представления»:

В данном слое мы выделяем несколько концептуальных метафор.

Совость как физический объект: с помощью концептуальных метафор совесть может восприниматься как то, что имеет вес и, следовательно, может давить, лежать тяжелым весом на плечах, принимать форму узла в животе, а при условии облегчения совести падать грузом с ума: “*A weight on my shoulders*” («тяжесть на плечах»), “*A knot in my stomach*” («внутреннее напряжение»), “*A load off my mind*” («гора с плеч»).

Совость как то, что имеет вес – и в зависимости от веса определяется как правильное или неправильное. Вес означает бремя: “*A heavy heart*” («тяжелое сердце», «боль в сердце»), “*Carry the weight of the world on your shoulders*” («Ташить груз прошлого на своих плечах»). А легкость или чистота символизируют правильность поступка: “*A clear conscience*” («чистая/спокойная совесть»), “*Wipe the slate clean*” («Начать с чистого листа»).

Совость как нечто одушевленное: концептуальная метафора одушевляет совесть, дает ей возможность говорить, иметь голос, быть услышанной, возобладать, взять верх над кем-то. Совесть изображается как внутренний судья, который может вызвать чувство вины и раскаяния без какого-либо внешнего воздействия. Это подразумевает самоочевидную природу проступка, когда его мучает совесть: “*My conscience wouldn't let me*” («Совесть не позволит»), “*Conscience got the better of him*” («Его окончательно замучила совесть»). “*A guilty conscience needs no accuser*” («Тому, кто испытывает угрызения совести, не нужен обвинитель»), “*Prick/Stir someone's conscience*” («разбудить/волновать совесть»): эти идиомы используют тактильные образы, чтобы предположить, что совесть может быть пробуждена или разбужена внешними событиями или напоминаниями о прошлых поступках, вызывая дискомфорт и побуждая к размышлению. “*Listen to your inner voice*” («Слушай свой внутренний голос»), “*Let your conscience be your guide*” («Пусть твоим поводырем будет твоя совесть») данные единицы изображают совесть как внутренний голос и источник мудрости и морального руководства.

Заметим, что периферия концепта CONSCIENCE/СОВЕСТЬ подвижна, и её элементы могут смещаться ближе или дальше от ядра в зависимости от контекста и индивидуальной интерпретации в том или ином тексте.

В рамках нашего исследования мы проанализировали, каким образом манифестируется изображение моральных качеств человека в английских пословицах, тематически относящихся к концепту CONSCIENCE/

СОВЕСТЬ. Пословицы, как крупницы традиционной мудрости, передаваемые из поколения в поколение, дают ценную информацию о ценностях и верованиях культуры. Выделение основным тем и смысловых доминант в пословицах дает представление об англоязычном восприятии морали, этики и самосознания. Для этой цели методом сплошной выборки из словарей английских пословиц и поговорок (The Oxford Dictionary of English Proverbs: URL, The Concise Oxford Dictionary of Proverbs: URL) мы собрали иллюстративную базу примеров паремий, вербализирующих концепт CONSCIENCE/СОВЕСТЬ. Для целей нашего исследования мы распределили отобранные пословицы по семантическим доминантам, представленным ниже.

Совесть как первостепенное условие для внутреннего мира:

Такие пословицы, как “A guilty conscience needs no accuser” («Нечистая совесть спать не дает» / «Совесть без зубов, а грызет» / «Совесть не волк, а ест поедом» / «Краденый поросенок в ушах визжит» / «Грех несет в себе и наказание») и “A clear conscience laughs at false accusations” («Чистая совесть смеется над клеветой»), подчеркивают первостепенную важность чистой совести для достижения внутреннего мира и противостояния внешнему давлению. Эти паремиологические единицы подчеркивают важность способности к самоосуждению и признают мощную, часто мучительную силу вины.

Совесть как моральный компас и руководство:

Пословицы “Let your conscience be your guide” («Совесть подскажет тебе верный путь») и “He that loses his conscience has nothing left worth keeping” («У того, кто теряет совесть, не остается ничего, что стоило бы сохранить»), изображают совесть как внутренний моральный компас, направляющий человека к праведным действиям и решениям. Это перекликается с философской концепцией совести как врожденной моральной способности.

Игнорирование совести несёт последствия:

Такие пословицы, как “There is no pillow so soft as a clear conscience” («Нет мягче подушки, чем чистая совесть») и “He who sleeps with dogs will wake with fleas” («С кем поведёшься, от того и наберёшься»), иллюстрируют последствия игнорирования своей совести. В то время как чистая совесть приносит мир и спокойствие, виноватая приводит к внутреннему смятению, в конечном итоге влияющему на различные аспекты жизни.

Совесть приводит к покаянию и искуплению:

В паремиях “A fault confessed is half redressed” («Признанная вина наполовину искуплена») и “Better late than never” («Лучше поздно, чем никогда»), номинируется признание возможности искупления даже после того, как

поддались искушению и проступку. Эти паремиологические единицы подчеркивают такой аспект совести, как важность признания ошибок, поиска прощения и стремления к моральному совершенствованию.

Таким образом, анализ английских паремиологических единиц, манифестирующих концепт CONSCIENCE/СОВЕСТЬ, показывает глубоко укоренившийся акцент на моральной целостности, самосознании и присущей человеку способности как к добру, так и ко злу. Эти пословицы служат не только отражением культурных ценностей, но и напоминанием о том, как важно прислушиваться к своему внутреннему голосу и стремиться к жизни, прожитой в соответствии с моральными принципами.

Литература

Зайка Т. В. Фразеологические средства репрезентации концепта «совесть» в современном английском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Белгород, 2011.

The concept of “conscience” as an ethical category / D.M. Kapustina, I.G. Churilova, D.A. Singilevich [et al.] // *Laplace en Revista*. 2021. Vol. 7, No. 3D. P. 43–49.

Merriam-Webster Online Dictionary, 2005. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 07.02.2025).

The Concise Oxford Dictionary of Proverbs / Oxford Dictionary, 2007. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/XucrfpbYVsb1BSJRuZLS6-Key998BPqRkxqcw-yKcDkyqwIpBTy4Mj8EJ5j7yy_jx2DcMOGSUFPI31N7i5rIWOGltmyO4I_ZEcgv1q_3HhE0p9vjs2rstw/The_Concise_Oxford_Dictionary_of_Proverbs.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

The Oxford Dictionary of English Proverbs / Oxford Dictionary, 2007. URL: <https://www.ircambridge.com/books/The-Oxford-Dictionary-of-Proverbs.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).

E. V. Abramenko (Rostov-on-Don, Russia)
Rostov State University of Economics

THE REFLECTION OF A PERSON'S MORAL QUALITIES IN PAROEMIAS VERBALIZING THE CONCEPT OF CONSCIENCE

This study allows to systematize ideas about the reflection of moral qualities of a person in paroemias that verbalize the concept of CONSCIENCE. Conscience as an important element of human morality and ethics is manifested in proverbs and sayings that convey folk wisdom and values.

Key words: moral qualities, reflection, parody, concept, CONSCIENCE, English.

Т. С. Алексеева (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный

экономический университет

tati.alexeeva@gmail.com

ПОНЯТИЙНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА *DIVERSITY* В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

В данной статье рассматривается понятийная составляющая концепта *DIVERSITY* в среднеанглийский период. Базой исследования послужили словарные значения ключевых лексем-репрезентантов данного концепта, зафиксированных в лексикографических источниках соответствующего периода. Итогом исследования стало выделение основных и дополнительных дефиниционно-понятийных признаков концепта *DIVERSITY*.

Ключевые слова: концепт, *DIVERSITY*, понятийная составляющая, среднеанглийский период.

Сегодня языковая объективация явления разнообразия и практики «разнообразия и инклюзивности» в англоязычном пространстве чрезвычайно распространена. По данным «Oxford English Dictionary», в современном письменном английском языке лексема *diversity*, репрезентирующая концепт *DIVERSITY*, в среднем встречается 30 раз на миллион слов. Для сравнения слово *racism* имеет 9 вхождений/млн слов, *equality* – 20, *democracy* – 40 вхождений/млн слов [Oxford English Dictionary: URL]. Для получения более объемного и глубокого представления о ментальной репрезентации явления разнообразия в англоязычном сообществе обратимся к анализу понятийной составляющей концепта *DIVERSITY* в исторической перспективе.

Для настоящего этапа развития отечественной когнитивной лингвистики характерны две основных парадигмы исследования концепта: лингвокогнитивная и лингвокультурологическая. Представители лингвокогнитивного направления, начиная с Е. С. Кубряковой, И. А. Стернина, Н. Н. Болдырева, рассматривают концепт как единицу сознания, «квант структурированного знания», ментальную репрезентацию фрагмента мира [Кубрякова 1997: 90]. Лингвокультурологи вслед за С. Г. Воркачевым, В. И. Карасиком, В. А. Масловой, Г. Г. Слышкиным, Ю. С. Степановым понимают концепт как единицу культуры, коллективного знания, со своей этнокультурной спецификой, в которой отражается «дух народа» [Воркачев 2004: 51–52; Маслова 2011: 47]. Оба направления трактуют концепт как комплексное,

многомерное образование. В структуре концепта традиционно выделяют понятийную, образную, ценностную составляющие. Ю. С. Степанов также отмечает этимологическую часть, называя ее «исходной формой концепта» [Степанов 1997: 41]. Исследователи петербургской филологической школы И. В. Кононова, Е. А. Нильсен также особое внимание уделяют историческому слою концепта и исследуют концепт в диахронии [Кононова 2010; Нильсен 2015].

Понятийная составляющая концепта представляет собой фактуальную, зафиксированную в языковых единицах сторону концепта [Карасик 2002: 127]. Согласно Н. Н. Болдыреву, рассматривающего концепт в виде гештальта, в структуре концепта можно наблюдать конкретно-образные и абстрактные характеристики. Концептуальные характеристики заключены в значениях языковых единиц и извлекаются из словарных толкований и речевых контекстов [Болдырев 2014: 46].

В рамках данного исследования нас интересует, что собой представляла понятийная составляющая DIVERSITY в период среднеанглийского языка XI–XV вв., когда и было зафиксировано появление основных лексем-репрезентантов. Для анализа понятийной составляющей DIVERSITY мы использовали следующие лексикографические источники: «A Middle-English Dictionary: Containing Words Used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century», «A Concise Dictionary of Middle English», «Middle English Dictionary». В качестве методов исследования применяются дефиниционный и компонентный анализ.

«Oxford English Dictionary» регистрирует появление прилагательного *diverse* 1275 годом, существительного *diversity* датируется 1350 годом, глагола *diverse(n)* – 1335-м, глагола *diversify* – 1475-м. Таким образом, самой ранней лексемой-репрезентатом DIVERSITY является прилагательное *diverse*, она же, как мы позже увидим из анализа корпусов (вынесены за рамки данного исследования), окажется и самой распространенной [Oxford English Dictionary: URL].

В среднеанглийский период концепт DIVERSITY объективирован следующими ключевыми лексемами: прилагательным *diverse* (*dyurse*, *diurse* и пр.), существительным *diversite* (*dyuersyte*, *diuersyte* и пр.), глаголом *diverse(n)*, наречием *diversliche* (*dyuerseli*). Данные лексемы имеют различные словоформы и варианты написания.

Словарь «A Middle-English Dictionary: Containing Words Used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century» включает такие лексемы-репрезентанты: прилагательное *divers*, наречие *diversliche/diversly*, существительное *diversite* со значениями одного семантического ряда: «разно-

образный», «различным образом», «разнообразие» (от англ. *divers*, *diversely*, *diversity*) [A Middle-English Dictionary: URL]. Источник «A Concise Dictionary of Middle English» регистрирует прилагательное *dyvers*, наречие *dyuerseli* в значении «различно(ый)» (от англ. *in diverse directions* – в разных направлениях), глагол *dyversen* в значениях «отличать», «разнообразить», «различаться» (от англ. *to make difference*, *to diversify*, *to be different*), существительное *dyversitee*, означающее «разнообразие» (от англ. *divers colours* – разнообразие цвета) [A Concise Dictionary of Middle English: URL].

Согласно наиболее полному лексикографическому компендиуму «Middle English Dictionary» под редакцией Х. Купата, III. Куна существительное *diversite* имеет четыре группы значений: 1) «разница, различие, непохожесть, несоответствие» (*difference*, *dissimilarity*, *disparity*); 2) «обособленность, отчетливость, индивидуальность» (*separateness*, *distinctness*, *individuality*); 3) «многообразие, пестрота, разноплановость», также «разновидность или вид» (*variety*, *diversity*, *diverseness*; *a variety or kind*); 4) «неблагоприятное обстоятельство, враждебность, конфликт» (*an adverse circumstance*, *an unkind or hostile act*). При этом в словарной статье находим также дополнительные лексико-семантические варианты, которые находятся на периферии вышеуказанных групп значений, следуют за основными. В первой группе зафиксированы дополнительные значения «дивергенция, отклонение» (*divergence*, *deviation*); во второй – «отличительный знак, странность» (*distinction*, *a distinctive mark*, *a badge*, *a strange thing*); в четвертом значении упоминается сема «извращенность» (*perverseness*). Прилагательное *divers(e)* насчитывает пять групп значений: 1) «разные по виду или характеру, непохожие, расходящиеся» (*differing in kind or character*, *different*, *divergent*); 2) «различных видов» (*of various kinds*, *various*) и «пестрый, крапчатый, разноцветный» (*variegated*, *mottled*, *multi-colored*); 3) «отдельный, отчетливый, индивидуальный» (*separate*, *distinct*, *individual*), также дополнительное значение «необычный, странный, чудесный» (*unusual*, *strange*, *wonderful*); 4) «несколько, более чем один, множество» (*several*, *more than one*, *numerous*); 5) отдельно представлена группа значений «неприятный, недобрый, извращенный, враждебный, порочный» (*disagreeable*, *unkind*, *perverse*, *hostile*, *vicious*). Глагол *diverse(n)* представлен тремя значениями: 1) «различаться, расходиться, меняться» (*to be different or divergent*, *to change or vary*); здесь же указано причастие прошедшего времени *diversed* со значениями «другой, отличный, отчетливый» (*different*, *differentiated*, *distinct*) и «пестрый, различающийся по цвету» (*variegated*, *varied in color*); 2) «проводить различие или выделять» (*to make a distinction*, *distinguish*); 3) «отвести, отвлечь» (*to divert*) [Kurath, Kuhn 1961: 1189–1192].

Приведенные словарные статьи отражают комплексное содержание понятийной составляющей концепта DIVERSITY. Совокупность элементарных содержательных единиц, сем, извлеченных из дефиниций лексем-репрезентантов DIVERSITY, можно разделить на основные и дополнительные. Основными семами, которые зафиксированы в большинстве исследуемых источников, являются:

- «разница, различие» (difference; different; differ from);
- «разделение» (separateness; separate);
- «отличие, своеобразие, отличительная особенность» (distinction, individuality; distinct, individual; to make a distinction or distinguish);
- «множество» (variety, diversity, diverseness; several, more than one, numerous);
- «разновидность, вид, сорт» (a variety or kind; of various kinds; to vary);
- «отклонение, отведение; отвлечение» (divergence, deviation; divergent; to divert).

Дополнительными семами, которые находятся на периферии понятийной составляющей концепта DIVERSITY, на наш взгляд, можно назвать следующие:

- «многоцветие, мозаичность» (clothing of various colors; variegated, mottled, multi-colored; variegated, varied in color);
- «противоречие, враждебность» (an adverse circumstance, an unkind or hostile act, conflict, strife; disagreeable, unkind, hostile);
- «странность, девиация, отклонение» (a strange thing; divergence, deviation);
- «извращенность» (perverseness; perverse).

Как мы видим, выявленные в среднеанглийский период дополнительные семы сегодня оказываются утраченными. Однако можно предположить, что данные периферийные компоненты отчасти переходят в семантическую структуру понятийной составляющей концепта DIVERSITY современного английского языка в имплицитном виде. И являются, например, конститuentами нового вида практики «разнообразия и инклюзивности», которая составляет один из актуальных компонентов значения DIVERSITY.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный компонент. М.: ИТДГТ «Гнозис», 2004. С. 51–52.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Кононова И. В. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / 5-е издание. М.: Флинта: Наука, 2011.

Нильсен Е. А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций (на материале английского языка): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. СПб., 2015.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

DIVERSITE // A Middle-English Dictionary: Containing Words Used by English Writers from the Twelfth to the Fifteenth Century / Francis Henry Stratman ed. Henry Bradley. URL: <https://books.google.ru/books?id=xIsYAAAAIAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

DYVERSITEE // A Concise Dictionary of Middle English From A. D. 1150 To 1580 / Author: A. L. Mayhew and W. W. Skeat. URL: <https://www.gutenberg.org/files/10625/10625-h/10625-h.htm>.

DIVERSITE // Middle English Dictionary / ed. Hans Kurath; associate ed. Sherman M. Kuhn. Part D. 1, 3–5. Michigan: The University of Michigan Press, 1961. P. 1189–1192.

DIVERSITY // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oed.com/dictionary/diversity_n?tab=factsheet#6305053.

*T.S. Alexeeva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics*

THE CONCEPTUAL COMPONENT OF *DIVERSITY* IN THE MIDDLE ENGLISH PERIOD

This article examines the conceptual component of DIVERSITY in the Middle English period. The research was based on the dictionary entries of key word nominations representing this concept, recorded in lexicographic sources of the corresponding period. The result of the study was the identification of the main and additional definitional and conceptual features of concept DIVERSITY.

Key words: concept, DIVERSITY, conceptual component, Middle English period.

Л. В. Бабина (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

ludmila-babina@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЗДАНИЯ СЛОЖНЫХ СЛОВ V+N И ИХ КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Статья посвящена анализу сложных слов V+N с отрицательной коннотацией, принадлежащих лексическим категориям «социальный статус» и «поведение», как средства потенциально конфликтной семантики. Выявляются когнитивные модели их создания.

Ключевые слова: словосложение, лексические категории, отрицательная коннотация, сочетания когнитивных моделей.

Словосложение, являясь «универсальным фундаментальным процессом словообразования» [Libben 2006: 2], и, возможно, даже одним из первых процессов словообразования в истории человеческого языка, неизменно привлекает интерес исследователей. Важный аспект изучения сложных слов – это попытка объяснить, как сложные слова обрабатываются в ментальном лексиконе, какие факторы влияют на эту обработку. Так, согласно теории Гэри Либбена, касающейся проблемы соотношения хранения и вывода смыслов сложных слов, наш разум не стремится ни максимально эффективно сохранить концептуальные структуры, передаваемые сложными словами, ни максимально эффективно вывести эти концептуальные структуры, а сочетает два этих процесса.

Еще один аспект исследования сложных слов – это понимание того, как возникает оценочный смысл сложного слова и как обладающие оценочным смыслом сложные слова функционируют. Особый интерес вызывают слова, передающие отрицательную оценку, а, следовательно, обладающие конфликтогенным потенциалом, который должен осознаваться участниками коммуникации (см. [Бабина 2023, 2024]). Как указывает Н. Н. Болдырев, эффективность языковой коммуникации определяется ее бесконфликтностью, что предполагает: «1) нормативное владение коллективным знанием о мире и общепринятой системой ценностей; 2) согласованность индивидуальных интерпретаций, в том числе, оценочных, этих знаний и ценностей со стороны отправителя и получателя информации. Нарушение этих двух основных требований неизбежно ведет к конфликту знаний, мнений, оценок и, как следствие, к речевому конфликту между участниками коммуникации» [Болдырев 2023: 28].

С учетом сказанного целью данной статьи является выявление когнитивных моделей создания сложных слов V+N, передающих знания о соци-

альном статусе и поведении человека, и рассмотрение их конфликтогенного потенциала.

Следует отметить, что сложные слова V+N не всегда можно однозначно идентифицировать. Причина этого в том, что левый член сложного слова иногда может быть проанализирован и как глагол, и как существительное (например, слово *lovebird*). В таких случаях, как отмечает Волкер Гаст, принимать то или иное решение относительно части речи левого компонента кажется бессмысленным, поскольку слова, подобные слову *love*, не демонстрируют явного предпочтения их использования ни в качестве существительного, ни в качестве глагола [Gast 2008: 271].

В результате исследования выявлено, что сложные слова лексической категории «социальный статус» передают знания о профессиональной деятельности через указание на характерное для нее действие и объект, на который она направлена. Например, *kill-courtesy* “a clown”, *kill-cow* “obsolete a butcher” [https://www.wordnik.com], *sawbones* “slang a physician, especially a surgeon”, *scrapegut* “music archaic a fiddle player” [https://www.thefreedictionary.com], *cutpurse* “archaic. a pickpocket” [COED2006: 355], *cut-throat* “dated a murderer or other violent criminal” [COED2006: 355], *shavetail* “US military slang, often derogatory a newly commissioned officer” [https://www.thefreedictionary.com]. Как видно, многие сложные слова данной категории – устаревшие, одной из их особенностей является то, что они всегда имеют уничижительный оттенок, когда речь заходит о людях. Данные слова либо обозначают понятия, которые сами по себе являются негативными (например, *cutpurse*), либо характеризуются негативной коннотацией (например, *kill-cow*). Например, слово *shavetail* в приведенном контексте используется с отрицательной коннотацией: 1) *These soldiers were often referred to as “shavetails” due to their lack of experience and youthful appearance* [https://www.britannica.com].

Практически все слова создаются с помощью пропозициональной когнитивной модели OPER – OBJECT и метонимической когнитивной модели PART 1 (effect) – PART 2 (cause). Исключение составляет слово *shavetail*, которое образуется по метафорической когнитивной модели HUMAN BEING – ANIMAL. Слово *shavetail* происходит от практики вновь назначенным офицерам прикреплять на свою униформу единственную планку или «выбритый хвост», обозначающий их звание.

Следует отметить, что у некоторых устаревших слов есть переносные значения. Например, слово *kill-cow* сейчас имеет диалектное значение “now dialectal a man of real or fancied importance” [https://www.merriam-webster.com]. Некоторые из слов данной категории ранее имели отрицательную коннотацию и в переносных значениях относились к лексической категории

«поведение»: *sawbones* “*obsolete, figuratively a violent person; a bully*”, *kill-courtesy* “*obsolete a rude person*”: 2) *Pretty soul! she durst not lie / Near this lack-love, this **kill-courtesy*** [<https://www.wordsense.eu>].

Сложные слова V+N лексической категории «поведение» дают представление о действиях и поступках человека, которые могут оцениваться отрицательно. Рассмотрим слова, относящиеся к данной категории, и модели, по которым они создаются.

С помощью пропозициональной когнитивной модели OPER – OBJECT создаются следующие слова:

spendthrift “a person who spends money in an extravagant, irresponsible way” [COED2006: 1387]: 3) *She was known to be a **spendthrift**, always splurging on designer clothes and luxury vacations without considering her financial situation* [<https://www.merriam-webster.com>].

spoilsport “a person who spoils others’ pleasure” [COED2006: 1394]: 4) *Oh, don’t be a **spoilsport**. Let them try it* [<https://www.merriam-webster.com>].

tattletale “a scandalmonger or gossip” [<https://www.thefreedictionary.com>]: 5) *Your **tattletale** brother will probably tell your parents that you were actually at the movies, not the library* [<https://www.thefreedictionary.com>]. Существительное *tattletale* довольно часто используется в атрибутивной функции.

telltale “a person who reveals confidential matters” [<https://www.thefreedictionary.com>]: 6) *The department **telltale** told the boss that his coworkers were taking extra-long breaks* [<https://www.merriam-webster.com/>].

Ряд слов создается путем использования нескольких когнитивных моделей – пропозициональной когнитивной модели OPER – OBJECT и метонимической когнитивной модели PART 1 (effect) – PART 2 (cause):

kill-joy “a person who deliberately spoils the enjoyment of others through resentful or overly sober behaviour” [COED2006: 782]: 7) *His perpetually negative attitude made him a real **killjoy** when others were trying to have fun* [<https://www.merriam-webster.com>]. Очевидно, что в предложенном контексте слово используется с отрицательной коннотацией.

fill-belly “a heavy eater” [<https://www.merriam-webster.com>].

findfault “*obsolete a censurer or caviler*” [<https://www.thefreedictionary.com>].

swellhead “*informal a person regarded as arrogant or conceited*” [<https://www.thefreedictionary.com>]: 8) *The way he was behaving would have had the Last Governor accusing him of being a **swellhead*** [<https://www.collinsdictionary.com>].

turncoat “a person who deserts one party or cause in order to join an opposing one” [COED2006: 1556]: 9) *Casson was publicly criticized as a **turncoat** and a traitor* [<https://www.collinsdictionary.com>]. Относительно этого слова в некоторых источниках упоминается, что, например, во время гражданской войны

в Англии XVII века солдаты Оливера Кромвеля выворачивали свои мундиры наизнанку, чтобы они соответствовали цветам королевской армии.

Были найдены отдельные слова, которые создаются с помощью пропозициональной когнитивной модели SUBJECT – OPER в сочетании с разными моделями:

– метонимической PART – WHOLE: *blabbermouth* “a person who talks excessively or indiscreetly” [COED2006: 140]: 10) *Don't trust that blabbermouth with your personal matters, she'll tell the whole world in no time* [<https://www.merriam-webster.com>].

– метафорической HUMAN BEING – ANIMAL: *copycat* “informal a person who copies another, especially slavishly” [COED2006: 316]: 11) *The company was criticized for being a copycat, as they released a product very similar to their competitor's successful design* [<https://www.thefreedictionary.com>]. Как видно, в приведенном контексте словом *copycat* обозначается не человек, а организация, деятельность которой оценивается отрицательно.

– метафорической HUMAN BEING – HUMAN BEING: *crybaby* “a person, especially a child, who sheds tears frequently or readily” [COED2006: 346]: 12) *The fact that conservatives are being labeled as crybabies bc of the election results...after the liberals spent the last FOUR years straight screaming “NOT MY PRESIDENT” is beyond fucking absurd and hypocritical* [<https://www.wordnik.com>]. 13) *Prince Andrew and his sister, hand in hand, kissed one another, and he told her she was still the same crybaby as ever* [<https://www.merriam-webster.com>].

В примере 12 слово *crybaby* используется с негативной коннотацией, в то время как в примере 13 слово передает дружеское подтрунивание.

В результате исследования было выявлено, что сложные слова V+N, отражая представления о социальном статусе, поведении человека, характеризуются достаточно высоким конфликтогенным потенциалом, поскольку многие из проанализированных слов или изначально имеют отрицательную коннотацию, или приобретают ее в процессе функционирования. При создании данных слов используются в основном комплексные когнитивные модели.

Литература

Бабина Л. В. Сложнопроизводные слова N + V + er = N как средство потенциально конфликтной семантики // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 1(52). С. 212–218.

Бабина Л. В. Сложные слова A+N: модели создания и конфликтогенный потенциал // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. 2 (58). Ч. 1. С. 618–622.

Болдырев Н. Н. Путь к бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 4 (55). С. 28–32.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>.

Gast V. Verb-noun compounds in English and German // *Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik*. 2008. 56.3. P. 269–282.

Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Libben G. Why Study Compound Processing? An overview of the issues // *The Representation and Processing of Compound Words*. Eds. Gary Libben and Gonia Jarema. Oxford: Oxford University Press, 2006. 1–21.

Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com>.

Wordnik. URL: <https://www.wordnik.com>.

Wordsense Dictionary. URL: <https://www.wordsense.eu>.

The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com>.

L. V. Babina (*Tambov, Russia*)

Derzhavin Tambov State University

COGNITIVE MODELS OF CREATING V+N COMPOUND WORDS AND THEIR CONFLICTOGENIC POTENTIAL

The article is devoted to the analysis of V+N compound words with negative connotation belonging to the lexical categories “social status” and “behaviour” as means of potentially conflicting semantics. The author reveals cognitive models of their creation.

Key words: compounding, lexical categories, negative connotation, combination of cognitive models.

Л. Г. Бабенко (*Екатеринбург, Россия*)

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
lgbabenko@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК ВАРИАНТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ МНОЖЕСТВ В СТРУКТУРЕ ИДЕОГРАФИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ: ПРОЕКТ

Идеографические словари [далее – ИС] рассматриваются в контексте лексикографического дискурса как способ категоризации и концептуализации мира с помощью системно организованных множеств языковых единиц, формируемых благодаря пространственным форматам разного типа. Их интерпретационная парадигма включает как глубоко разработанные варианты пространственного моделирования (языковая картина мира, лингвистическое пространство, таксономия, семантико-функциональное поле,

синописис), так и достаточно новые, например, когнитивно-идеографическая карта, представление о которой раскрывается в статье на фоне указанной парадигмы терминов.

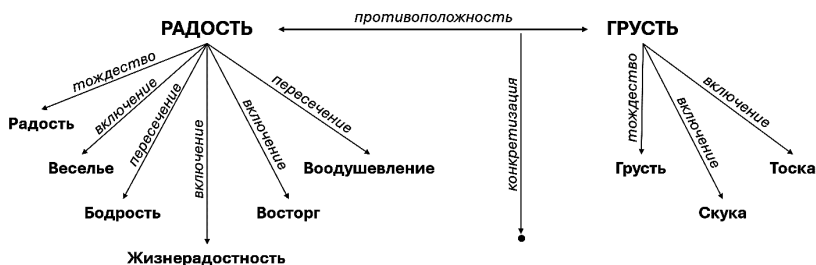
Ключевые слова: когнитивная лингвистика, лексикографический дискурс, идеографические словари, категоризация и концептуализация мира, концептуально-тематическое картирование, когнитивно-языковая карта.

Цель данной статьи показать в динамике разработку лексикографических форматов упаковки идеографических словарей, новизну и преемственность принципов и результатов моделирования структуры ИС, их общей архитектоники – внешней глобальной структуры и внутренней макроструктуры – словарной статьи определенного множества единиц. ИС рассматриваются в контексте концепции лексикографического дискурса как способ категоризации и концептуализации мира с помощью системно организованных языковых / речевых единиц, которые формируют в структуре ИС различные типы множеств, отличающихся между собой выбором варианта интерпретации их пространственного измерения. Следует отметить, что интерпретационная парадигма включает при этом как глубоко разработанные форматы их пространственного моделирования, такие как *языковая картина мира*, *лингвистическое пространство*, *таксономия*, *семантико-функциональное поле*, *синописис*, так и достаточно новые, как, например, *когнитивно-идеографическая карта* (далее – КИК), представление о которой раскрывается в данной статье на фоне указанной парадигмы терминов. Она становится предметом научных изысканий в качестве таковой в конце XX – начале XXI в., обозначая в содержательном плане результаты категоризации и концептуализации мира, полученные с опорой на методологию концептуально-тематического картирования. Фактически этот формат охватывает при характеристике лингвистических множеств набор признаков, свойственных традиционным вариантам ИС (системность, иерархичность, пересекаемость, структурность, наличие типовой семантики, идентификаторов и др.), но их отличает другая комбинаторика и конфигурация признаков в структуре словарной статьи КИК, которую принято обозначать термином картосхема. Основную роль в конструировании картосхемы играет не столько состав множеств сколько семантические отношения, связывающие различные когнитивно-тематические зоны во внутренней структуре картосхемы. В ней акцентируются прежде всего пространственные отношения и ориентиры (близко – далеко, верх – низ, соположение и др.), оппозитивные отношения (тождества, включения, эквивалентные и др.), отображаемые в картосхеме графически.

Обратимся к картосхеме РАДОСТЬ – ГРУСТЬ, которая входит в денотативную сферу [далее – ДС] ЭМОЦИИ и имеет горизонтально-вертикальное строение. Ее вершину составляет оппозиция из двух когнитивно-дискур-

сивных классов [далее – КДК]: РАДОСТЬ – ГРУСТЬ, состоящая из компонентов, выражающих отношения противоположности. Каждый из компонентов формирует когнитивно-дискурсивные блоки, состоящие из когнитивно-дискурсивных групп [далее – КДГ]. В класс РАДОСТЬ входят 6 КДГ: РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ, БОДРОСТЬ, ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ, ВОСТОРГ, ВООДУШЕВЛЕНИЕ, в класс ГРУСТЬ – 3 КДГ: ГРУСТЬ, СКУКА, ТОСКА. Структура их соотносительности и связей как по вертикали (денотативная сфера, когнитивно-дискурсивный блок, когнитивно-дискурсивный класс, когнитивно-дискурсивная группа), так и по горизонтали: на уровнях блоков, классов и групп – показаны в картосхеме следующим образом:

ДС ЭМОЦИИ

Картосхема не ограничивается рисунком и сопровождается ее интерпретаций по разным параметрам, прежде всего семантическим, связанным с типовой семантикой и ее конкретизацией в разных КДГ одного класса. После структурной схемы формулируется семантическая идея на уровне блоков и приводятся ключевые концепты, формирующие далее конкретные КДГ. Так, например, в КДК РАДОСТЬ приводится следующая формулировка семантической идеи и репрезентирующие ее ключевые концепты:

Семантическая идея: чувство удовольствия и ощущение большого душевного удовлетворения, а также то, что (тот, кто) доставляет удовольствие, даёт счастье.

Ключевые концепты:

РАДОСТЬ. ВЕСЕЛЬЕ. БОДРОСТЬ. ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ. ВОСТОРГ. ВООДУШЕВЛЕНИЕ.

Далее словарную интерпретационную зону заполняет поличастеречный список основных нейтральных лексем одной КДГ и описание ее типовой семантики. Приведем, к примеру, часть группы и типовой семантики одной группы:

КДГ РАДОСТЬ

Радость, радостный, радостно, радостность, возрадоваться, радовать, обрадовать, порадовать, радоваться, обрадоваться, порадоваться, благодатный, благодатно, ликование, ликовать, ликующий, лучезарный, лучезарно, отрада, отрадный, отратно, отрадность, праздничный, празднично, торжество, торжествовать, торжествующий, торжествующе, упоение, утеха, утешать, утешить, утешение, тешить, потешить и др.

Типовая семантика: чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения, состояние душевного подъема, веселое настроение, обусловленные чем-л. приятным, положительным: достигнутыми успехами, неожиданным хорошим известием, приятными событиями и пр., которое обычно проявляется внешне: в улыбке, смехе, активной жестикуляции, эмоциональной восторженной интонации, в экспрессивных восклицаниях и др.

Отдельную словарную интерпретационную зону составляет зона универсальных отношений:

Универсальные смыслы и отношения

Тождество (синонимия):

Радость, ликование, отрада, праздник, торжество. Чувство большого удовольствия и душевного удовлетворения.

Радостный, приятный, радужный, розовый, светлый. Ничем не омраченный, заключающий в себе только радостное, светлое, сулящий счастье.

Радовать/обрадовать кого-что, веселить *кого-что*, ласкать *кого-что*, лелеять *кого-что*, нежить *кого-что*, *сов.* порадовать *кого-что*, услаждать *кого-что*, *разг.*, *сов.* разутешить *кого-что*, *разг.* тешить/утешить *кого-что*, *разг.* утешать/утешить *кого-что*. Вызывать/вызвать у кого-либо чувство радости, ощущение большого душевного удовлетворения, удовольствия, счастья и др.

Противоположность (антонимия):

Горе, скорбь, грусть, кручина, огорчение, печаль, тоска, уныние (к *Радость*); Тоскливый, печальный, унылый, удрученный, угрюмый (к *Радостный*); Горестный скорбный (к *Радостный*);

Грустить, печалиться, тосковать, хандрить, унывать, огорчаться, отчаиваться (к *Радоваться/обрадоваться*).

Огорчать, расстраивать, печалить, удручать (к *Радовать*).

Огорчаться, тосковать, грустить, печалиться, хмуриться, унывать, расстраиваться, горевать, скорбеть, страдать, тужить (к *Радоваться*).

Скорбь (к *Ликование*).

Горевать плакать скорбеть (к *Ликовать*) и др.

Отдельную словарную интерпретационную зону составляет семантическая зона образности, содержащая лексику с переносным метафорическим значением, например:

Образность

Ассоциативно-образная конкретизация: безоблачный, *перен.*, купаться, в чем. *перен.*, неомраченный, *перен.*, парить, *перен.*, петь, *перен.*, плавать, *перен.*, праздник, *перен.*, праздничный, *перен.*, пьяный, *перен.*, пьянеть / опьянеть, *перен.*, пьянить / опьянить, *перен.*, радужный, *перен.*, розовый, *перен.*, светлый, *перен.*, светозарный, *перен.*, сиять, *перен.*, сияние, *перен.*, сияющий, *перен.*, сладкий, *перен.*, солнечный, *перен.*, лучезарный, *высок.*, *перен.*, радужный, *перен.*, расцветать / расцвести, *перен.*, розовый, *перен.*, светлый, *перен.*, светозарный, *высок.*, *устар.*, *перен.*, сиять, *перен.*, сладкий, *перен.*, *разг.*, солнечный, *перен.*, ясный, *перен.*

Завершает интерпретационную зону список функционально-стилистической маркированности лексики радости.

Функционально-стилистическая маркированность: возрадоваться, *устар.*; благодатный, *высок.*; возликовать, *высок.*, *устар.*; праздник, *перен.*, *разг.*; розовый, *перен.*; светозарный, *высок.*, *устар.*; утеха, *разг.*

Следует отметить, что данный концептуально-тематический подход к описанию лексических множеств в структуре ИС, представленных в виде картосхем и дополненных разноаспектной семантико-стилистической интерпретацией их лексических репрезентаций, представляет собой начало разработки соответствующего научного проекта.

L. G. Babenko (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

CONCEPTUAL AND THEMATIC MAPPING AS A VARIANT OF SPATIAL DIMENSION OF LEXICAL SETS IN THE STRUCTURE OF IDEOGRAPHIC DICTIONARIES: PROJECT

Ideographic dictionaries are considered within the framework of lexicographic discourse as a means of categorizing and conceptualizing the world through systematically organized sets of linguistic units, formed through various types of spatial formats. Their interpretive paradigm encompasses both well-developed variants of spatial modeling, such as linguistic worldview, linguistic space, taxonomy, semantic-functional field, and synopsis, as well as more novel approaches, such as the cognitive-ideographic

map. The idea of this latter approach is explored in this article within the context of the specified terminology.

Key words: cognitive linguistics, lexicographic discourse, ideographic dictionaries, categorization and conceptualization of the world, conceptual thematic mapping, cognitive map of language.

Н. А. Беседина (Белгород, Россия)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*
NBesedina@bsuedu.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА И ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье на примере аспектуальных форм анализируется роль морфологических категорий английского глагола в интерпретации события и создании соответствующих интерпретирующих смыслов.

Ключевые слова: морфологические категории, языковая интерпретация, глагол, морфология, английский язык, Тамбовская научная школа когнитивной лингвистики.

Исследование категориальных основ языка и особенностей категоризации английского глагола является одним из основополагающих направлений, определивших формирование Тамбовской научной школы когнитивной лингвистики. В докторской диссертации Николая Николаевича Болдырева (в последующем – руководителя научной школы) в рамках разработанного им функционально-семиологического подхода была предложена теория функциональной категоризации английского глагола [Болдырев 1995], позволившая в дальнейшем изучать его в самых разных ракурсах, применительно к различным тематическим группам и процессам, обеспечивающим поликатегориальный и интерпретирующий потенциал глагольного знака (см., в частности, работы учеников Н. Н. Болдырева: кандидатские диссертации Л. А. Панасенко, Е. А. Козловой, С. Г. Виноградовой, И. Н. Меркуловой и др.).

Одно из важных положений концепции, предложенной Н. Н. Болдыревым, связано с интегративным характером формирования смысла в процессе речемыслительной деятельности, предполагающим взаимодействие «всех элементов высказывания в рамках его конкретной грамматической структуры» [Болдырев 2018: 224]. Центральную роль в этом процессе, являющемся проявлением интерпретирующей функции языка, в английском

языке выполняет глагол. Именно глагол в его основных категориальных характеристиках и формах обеспечивает основу при формировании смыслов разных уровней в том числе, грамматического, лексико-грамматического и др.

Процессы формирования конкретных интерпретирующих смыслов применительно к роли в нем глагола как способа языкового представления знания о событии в разном объеме с учетом определенных характеристик события и прагматической установки говорящего, подробно проанализированы в [Болдырев 2025]. В настоящей статье предлагаются элементы анализа роли аспектуальных форм английского глагола в создании интерпретирующих смыслов.

Как известно, процесс формирования смысла предполагает форматирование концептуального содержания посредством тех или иных когнитивных и языковых механизмов. Грамматика репрезентирует знания о языке, как части энциклопедических знаний о мире, тем самым участвует в процессах первичной интерпретации. В случае вторичной интерпретации грамматика обеспечивает интерпретацию всех знаний о мире с опорой не только на собственно языковой контекст, но и шире – с учетом коммуникативных интенций говорящего.

В процессе формирования тех или иных смыслов грамматика интерпретирует знания как за счет разного форматирования их, так и в плане уточнения их содержания. Проиллюстрируем данное положение на примере интерпретирующего потенциала категории аспекта (aspect) английского глагола. Следующие предложения-высказывания отражают различные характеристики одного и того же события, репрезентируемые на языковом уровне с помощью различных аспектуальных форм. (1) Mary **swam** in the lake. Событие представлено в обобщенном виде, как целостное. В (2) Mary **was swimming** in the lake. и (3) Mary **has swum** in the lake. представлена часть события, которая показана как длительная, ограниченная во времени (2) и в (3) как связанная с его завершением (результатом). В (4) Mary **has been swimming** in the lake. событие представлено как имеющее начало, середину и конец, т.е. как развивающееся во времени. В целом, можно утверждать, что аспектуальные формы репрезентируют «оценку» говорящим обозначаемого глаголом события с точки зрения его протекания и распределения во времени.

Проанализированные примеры подтверждают, что аспектуальные формы концептуализируют единство пространственно-временного континуума. В каждом конкретном случае интерпретации аспектуальные формы выступают в качестве языкового механизма форматирования концептуального содержания. Содержание морфологически передаваемого концепта АСПЕКТ (ВИД) фиксирует результаты концептуализации. Данный концепт создается в нашем сознании с помощью языка (см. подр. [Беседина 2006: 199–213]). Как следствие он имеет статус классификационного концепта. Это предполагает, его

ориентированность одновременно на два разных направления. Во-первых, на собственно языковые знания о характере и способах протекания событий. Во-вторых, на говорящего, что позволяет последнему, используя те или иные аспектуальные формы по-разному представлять способ восприятия события и его характеристик и акцентировать внимание либо на различных этапах протекания события, либо на его длительности и/или результативности.

Интерпретация событий с помощью аспектуальных форм опирается на собственно языковые факторы, в частности семантику глагола. Существенной характеристикой оказывается предельность/непредельность, т.е. присутствие в семантике глагола направленности/ненаправленности действия на достижение предела. Форма продолженного аспекта возможна только у глаголов в непредельных значениях, тогда как форма общего аспекта предполагает использование глаголов в предельных значениях.

Способность лексико-грамматического класса глагольных лексем реализовывать акциональные и неакциональные значения не менее важна для интерпретирующей функции аспектуальных форм. Как известно, только глаголы в акциональных значениях могут образовывать формы продолженного аспекта, в то время как формы общего вида безразличны к этой характеристике.

В своей первичной интерпретирующей функции аспектуальные формы Progressive во взаимодействии с семантическим и контекстуальным факторами (о роли указанных факторов см. [Беседина 2006: 114]) представляют событие как:

- длительное, незавершенное, ограниченное во времени (*Jane was working on her report last night.*);
- продолжающееся, незавершенное, ограниченное во времени более широким временным промежутком (*She is teaching English in a school at Kent at present.*);
- повторяющееся, незавершенное, ограниченное во времени (*When he lived in London, he was always visiting art museums.*);
- завершившееся, длительное, ограниченное во времени (*She advanced to the fire, shuddering with the cold. They had been driving in an open air.*);
- постоянное, незавершенное, неограниченное во времени (*Life is getting better with every new generation.*);
- проходящее, временное (*Don't take the laptop. Your teacher is using it.*).

Семантический фактор подразумевает во всех приведенных случаях использование акциональных глаголов в непредельных значениях. Контекстуальный фактор предполагает наличие в предложении-высказывании обстоятельств, указывающих на конкретный момент времени (*now, at 9 o'clock*), широкий временной промежуток (*these days, at present*), ограниченность временного промежутка или временного отрезка (*last night*,

for a couple of days); обстоятельств, указывающих на частотность и повторяемость (forever, always), постоянство или периодичность действий (with every new generation); обстоятельств, указывающих на какие-либо последствия длительного действия (shuddering with cold, this room stinks).

В представленных вариантах морфологические формы *Progressive* демонстрируют способность интерпретации событий за счет разного форматирования их структуры, акцентируя продолжительность, завершенность/незавершенность, ограниченность/неограниченность во времени.

В своей вторичной интерпретирующей функции аспектуальные формы *Progressive* создают эмоционально-оценочную интерпретацию тех или иных событий, которые служат причиной реакции говорящего. Например: *She is always finding fault with her husband. My cousin is always losing her gloves. People are always trying to get you married. She was constantly scolding her child.* В данных контекстах в фокусе оказывается эмоционально-оценочная реакция говорящего на некоторые постоянно повторяющиеся действия, вызывающие ее и не являющиеся запланированными. На концептуальном уровне этот процесс предполагает форматирование коллективного знания о семантике форм *Progressive*, приводящее к индивидуальному конструированию события, интерпретируемого как происходящего слишком часто, что и провоцирует реакцию говорящего. Для формирования интерпретирующего смысла важным оказывается контекстуальный фактор, связанный с наличием в составе предложения-высказывания наречий частотности (always, constantly, repeatedly, continually, perpetually), семантика которых не соответствует системной семантике форм *Progressive*. Представленный анализ позволяет заключить, что при вторичной интерпретации дефокусируется идея протекания и распределения во времени, в фокусе оказывается именно собственно эмоциональная и оценочная составляющая, определяющая отношение говорящего к представляемому событию. Тем самым аспектуальные формы демонстрируют способность интерпретировать знания в плане уточнения их содержания, т.е. не только интерпретировать характеристики непосредственно события, но и отношение говорящего к нему самому.

Подводя итог, следует отметить, что морфологические категории английского глагола играют существенную роль в интерпретации как собственно языковых знаний, так и в уточнении их содержания в процессе речемыслительной деятельности. Представленный фрагмент анализа на примере аспектуальных форм *Progressive* позволяет проиллюстрировать полифакторность и интегративность смыслообразования, а также продемонстрировать один из ракурсов взаимодействия мыслительных и языковых структур. На всестороннее изучение такого взаимодействия и направлена уже более четверти века деятельность Тамбовской научной школы когнитивной лингвистики.

Литература

Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2006.

Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 1. С. 5–16.

*N. A. Besedina (Belgorod, Russia)
Belgorod State University*

MORPHOLOGICAL CATEGORIES OF THE ENGLISH VERB AND LINGUISTIC INTERPRETATION

The paper presents the role of English aspects forms in interpretation of events and focuses on mechanisms of structuring corresponding interpretive meanings.

Key words: morphological categories, linguistic interpretation, verb, morphology, the English language, Tambov scientific school of cognitive linguistics.

*С. Х. Битокова (Нальчик, Россия)
Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова
rinkas@rambler.ru*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЦВЕТА В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются этноспецифические черты категоризации базисных цветов в кабардино-черкесском языке. Прослеживается соотношение физических свойств цвета, биологических особенностей зрительного восприятия человека и результирующий эффект репрезентации базисных цветов в языке. Устанавливаются эталонные основы цветовой аранжировки, обусловленные культурой адыгского этноса.

Ключевые слова: категоризация, цвет, свет, зрительное восприятие, эталон, этнокультура.

Исследование процессов концептуализации и категоризации окружающего мира является магистральным направлением современной лингвистики. Целью настоящей статьи является изучение особенностей категоризации *цвета* в кабардино-черкесском языке.

Когнитивные аспекты цветовой категоризации в кабардино-черкесском языке только сейчас становятся предметом исследования. В современной теории категоризации выработан ряд критериев, которым *цвет* должен соответствовать, для того чтобы его признали базисным. Наименование должно быть односложным. Обозначенный им цвет не должен быть составной частью другого цвета, как например, английский *scarlet* (алый) и *red* (красный). Кроме этого, слово должно обладать широким диапазоном сочетаемости. Например, признак *white* в своем первом значении может определять бесчисленное количество предметов, отмеченных признаком *white* (белый), в то время как цветовой признак *blonde* имеет ограниченную сочетаемость. Его используют, когда речь идет о светлых волосах [Лакофф 2004: 44].

Физическая основа *цвета* – это свет, точнее излучение света, которое человеческий глаз способен воспринимать, поскольку наш глаз в первую очередь это светоразличающий орган, а потом уже цветоразличающий. Волны излучения, имеющие разную длину и отражаемые объектом, в сущности, и формирует тот или иной цвет. Каждый цвет соответствует определенной длине волны. Так, наибольшая длина волны формирует красный цвет, а наименьшая – фиолетовый. Ахроматические цвета *белый*, *черный*, *серый* занимают особое место в цветовой категории, поскольку, согласно законам физики, они не имеют цветового оттенка. *Белыми* называют такие поверхности, которые отражают 75% и выше падающего на них светового потока. Черные поверхности способны рассеивать 5%. Все остальные поверхности трактуются как *серые* [https://samlib.ru/a/anemow_e_m/tttt.shtml]. Степень освещенности предопределяет яркость и интенсивность цвета. Получается, что цветовая палитра – это порождение сознания человека, его способности зрительного восприятия и дифференциации видимых, освещенных предметов. Таким образом, приходим к выводу: вне человека в природе нет цвета.

Человек, конечно, не мог оставить без внимания то, во что окрашена окружающая его действительность, поскольку *цвет* оказывает огромное влияние на наше эмоциональное состояние и социальное взаимодействие. Исследование категоризации *цвета* играет важную роль для понимания процессов категоризации вообще [Лакофф 2004: 50]. Структурирование того, что существует только в наивном представлении человека, предполагает

учет его биологических особенностей, специфики встроенных когнитивных механизмов, широкого культурно-исторического фона. Зрительная способность человека трансформировать световые различия (дневной свет и темнота ночи) в разнообразные цвета при освещении предметов светом разной степени интенсивности, в разное время суток, обусловила необходимость объективации цвета и ее категоризацию. Отметим, что в кабардинском языке нет родового понятия *цвет*, как в русском или английском языках. Исследователь З. Х. Бижева [Бижева 2022: 87] приписывает родовой статус лексеме *пльыфэ* на основании буквального прочтения ее морфемного состава: *пльы* – редуцированная форма глагола *епльын* – смотреть, и *фэ* – цвет, окраска (видение цвета). Автор приходит к такому выводу на основании значимости зрительной перцепции в структурировании мира вообще, и в дифференциации различных цветов в частности. Исследователь акцентирует роль человеческого сознания в придании знаковой формы цветоразличительной способности глаза [Там же]. Признавая обоснованность приведенных языковедом оснований, представляется не совсем правомерным безоговорочное признание родового статуса лексемы *пльыфэ*. Дело в том, что данная лексема не употребляется с необходимой частотностью в обиходной речи и научном дискурсе. Кроме того, слово имеет значение *красноватый* [СКЧЯ 1999: 563]. Например, *нэклу пльыфэ* – красноватое лицо, что противоречит статусу родового имени. Оно не должно содержать цветообозначающие элементы в своей структуре (Ср. русск. *цвет*; англ. *colour*). Лексема *пльыфэ* имеет еще одно значение: *подобный, похожий*, когда речь идет о цвете: *дыщэ пльыфэ* (похожий по внешнему виду на золото). Сложное слово *пльыфэцIэ* имеет терминологическое значение: имя прилагательное. Составные элементы сложного слова, имеющие прозрачную внутреннюю форму, не допускают, однако, выведение результирующего значения имя *прилагательное*. Требуется глубокий этимологический анализ, проведение которого в условиях крайнего дефицита этимологических источников для исследуемого младописьменного языка, весьма проблематично. Итак, можно заключить, что развитая словообразовательная парадигма не позволяет однозначно квалифицировать слово *пльыфэ* как родовой термин категории цветообозначений. Наличие в языке родового категориального имени совсем не обязательно, поскольку он является результатом умозрительных обобщений научной категоризации окружающего мира [Болдырев 2014: 131]. И как таковой он служит целям систематизации, а не отражением наивного понимания мира.

В кабардино-черкесском языке базисные цвета представлены ахроматическими цветами белый */хужь*, черный *фIыцIэ*, и несколькими спек-

тральными цветами: красный / *плъыжъ*, желтый / *гъуэжъ*, синий/ *цхъуэ*. В основе категоризации белого /*хужъ* лежит понятие ‘светлый’ / *нэху*, свет/ *нэху*, *нэхугъэ*, день /*махуэ*, что легко определяется по морфемному составу приведенных слов.

Основы концептуализации признака черный / *флыцлэ* не так прозрачны. Словарь дает противоречивую информацию об этимологии этого слова [Шагиров 1977б: 102–103]. При этом предпочтения автора никак не обозначены, что свидетельствует о затемненной этимологии этого цветового признака. Обращает на себя внимание то, что в составе производного слова *флыцлэфэ* признак черный/*флыцлэ* приобретает обобщающее значение *темный* и может относиться к ненасыщенным, и неярким цветам. Установлена общность *флыцлэ* с другими лексемами кабардинского языка, передающими смыслы ‘темнота’, ‘мрак’ [Бижева 2022: 88]. Следовательно, можно утверждать, что в основе категоризации черного/*флыцлэ* лежит темное время суток, ночь, когда все предметы одинаково темные из-за отсутствия освещения.

Основа категоризации красного/*плъыжъ*, имеет прозрачную, но двойственную интерпретацию. С одной стороны, устанавливается связь с лексемой *плъын* – раскалиться, накалиться. С другой стороны, в цветообозначении прослеживается связь с *лбы* – кровь [Шагиров 1977а: 12]. Представляется, что именно ‘кровь’, ее цвет, который является неизменным по цветовой насыщенности, а также по своей распространённости, обусловила использование этой номинации для объективации похожего на нее цвета. Увязка красного/*плъыжъ* с процессом накаливания не звучит убедительно и доказательно. Фактор динамичности процесса, относительная краткосрочность его проявления, а также диапазон цветовых характеристик процесса от желтого до фиолетового, не позволяют признать его объективным объяснением основы категоризации *красного цвета* в кабардино-черкесском языке.

Перейдем к рассмотрению другого спектрального цвета желтый / *гъуэжъ*. Происхождение именованного объясняется адыгским *гъуы* – ‘засохнуть’, ‘высохнуть’ [Шагиров 1977а: 133–134], что можно легко увязать с высохшей травой. И это вполне приемлемо, поскольку трава приобретает желтовато-коричневый оттенок после высыхания. Эта же лексема используется для концептуализации *рыжего* цвета, входящего в *желтый* спектр: *цлалэ цхъэцъгъуэ цлыклу* – мальчик с рыжими волосами.

Пожалуй, самым сложным в плане обозначаемого цвета и дифференциации его оттенков является *цхъуэ* – синий цвет. Согласно словарным данным и текстовым употреблением, помимо *синего* цвета, его семантика включает оттенки *голубого, серого и зелёного*. Анализ речевого использования

данной лексемы и смежных цветообозначений данного спектра позволяет сделать некоторые обобщения. Оттенок *синего* – голубой категоризируется в равной степени как *цхъуэ* и *къацхъуэ*. Последнее имя используется, преимущественно, для квалификации цвета неба, обнаруживая, тем самым, ограниченную сочетаемость. Включение *зеленого* цвета в семантику *синего/цхъуэ* проявляется в его сочетаемости с небом – *уафэ цхъуантIэ*. Здесь уже акцентируется синева неба. Примечательно, что по правилам колористики, смешение *синего* и *зеленого* цветов дает цвет морской волны, что можно сравнить с цветом неба при отсутствии дневного освещения. В такое время суток оно приобретает слегка зеленоватый оттенок.

О включении серого цвета в семантику *синего/цхъуэ* свидетельствует толкование *серого* через *синий* [СКЧЯ 199: 786; БРКЧС 1921: 654], а также использование колоронима *цхъуэ* для представления серого цвета различных денотатов. Например, серые, голубые и серо-голубые глаза именуются одной лексемой *нэцхъуэ*. Традиционная шапка из каракуля, цвет которой большей частью *серый*, квалифицируется как *пыIэцхъуэ*. Серый окрас некоторых представителей фауны также определяется этим именем. Например: серый волк – *дыгъужь цхъуэжь*; серый орел – *бгъацхъуэ*; серая козочка – *бжэныцхъуэ*; серая ласточка – *пIацхъуэ*. Учитывая, что в космогонии древних адыгов небо ассоциировалось с серым камнем [Езаова 2023: 76], можно также предположить, что *цхъуэ* в сочетании с *небом* тяготеет к обозначению *серого* цвета.

Окружающий человека мир приобретает яркое «звучание» будучи окрашенным в самые разнообразные цвета, которые трудно поддаются определению и дифференциации. Каждая этнокультура предоставляет свое видение базисной цветовой палитры с опорой на значимые для нее эталоны.

Литература

Бижева З. Х. Адыгская языковая картина мира: монография. Нальчик: Каб-Балк. ун-т, 2022.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2014.

БРКЧС – Большой русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГи КБНЦ РАН, 2021.

Езаова М. Ю. Цветовое наименование *цхъуэ* в адыгской лингвокультуре: этимология, внутренняя форма, семантика / М. Ю. Езаова, Д. Х. Шугушева, Ф. М. Ашхотова // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 66–84.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004.

СКЧЯ – Словарь кабардино-черкесского языка / Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН. М.: Дигора, 1999.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука. Т. 1. 1977а.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука. Т. 2. 1977б.

https://samlib.ru/a/anemow_e_m/tttt.shtml

S. Kh. Bitokova (Nalchik, Russia)
*Kabardino-Balkarian State University
named after H. M. Berbekov*

COLOR CATEGORIZATION IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

The article deals with ethnospecific features of categorization of basic colors in the Kabardino-Circassian language. The correlation of physical properties of color, biological features of human visual perception and the resulting effect of representation of basic colors in the language is traced. The reference bases of color arrangement, conditioned by the culture of Adyghe ethnos, are revealed.

Key words: categorization, color, light, visual perception, reference, ethnoculture.

С. Г. Виноградова (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
vinogradova.sg@yandex.ru*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПРИЧИНЕ И СЛЕДСТВИИ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

На материале русских пословиц причина и следствие рассматриваются как единый ментальный конструкт, который получает разную интерпретацию с учетом доминант языкового сознания коллективного и индивидуального уровней.

Ключевые слова: представление, причина, следствие, языковое сознание, когнитивная доминанта, пословица, русский язык.

Причина и следствие в лингвистике подробно изучены в плане вариативности способов передачи на разных уровнях системы языка и в тексте в функционально-семантическом аспекте. В настоящее время ракурс ис-

следования причинно-следственных отношений активно смещен в сторону вопросов, касающихся представления знаний в языке.

Такие вопросы находят ответы в рамках одного из ведущих направлений лингвистической науки – когнитивной лингвистики. Исследование представления знаний в языке связано с изучением работы сознания, схематизации познавательного опыта человека, полученного в ходе процессов концептуализации и категоризации, репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях в соответствии со спецификой коллективного и индивидуального мышления и языкового сознания.

Причинно-следственные отношения – единый ментальный конструктор – носитель информации о причине и порождаемом им следствии. Способность человека обнаруживать и понимать причинно-следственные связи между явлениями или событиями лежит в основе его мыслительной деятельности и формирования представлений о мире с помощью языка.

Причинно-следственные отношения существуют лишь в сознании человека, только человек может наделить те или иные явления и события статусом причины или следствия. ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ в своем единстве являются одной из наиболее универсальных форм познания и, одновременно, форм языкового сознания (т.е. форм концептуализации и интерпретации мира и знаний о нем в языке) наряду с такими концептами, как ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ (см.: [Болдырев 2016]), а также КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО (см.: [Федяева 2020]).

ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ и другие вышеназванные концепты могут рассматриваться как когнитивные доминанты языкового сознания, а именно такие структуры, которые выступают в качестве стандарта или шаблона конструирования действительности с помощью языка. Вместе с тем причинно-следственные отношения могут получать осмысление сквозь призму концептов ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО и КАЧЕСТВО. В «Пословицах русского народа» в рубрике «Причина – следствие» [Даль 1984: 139–140] находим примеры подобного осмысления.

Пространственная концептуализация явлений и событий как причины и следствия объясняется наличием у познаваемых явлений и событий единого пространства:

Где дым, там и огонь. Где цветок, там и медок.

Где куснет (укусит), там и зудит (зачешется).

Где черт не сеял, там и не пожнет. Где черт не пахал, там и сеять не станет.

Пространственная и одновременно временная концептуализация событий как причины и следствия обусловлена их восприятием с учетом соответствия положения отдельных объектов в пространстве и времени:

Солнце низенько, так и вечер близенько.

Солнце встанет, так и утро настанет.

Интерпретацию причины и следствия сквозь призму пространственных и качественных параметров иллюстрируют следующие примеры:

В которой посудине деготь побывает, и огнем не выжжешь. (1)

Кто чесноку поел, сам скажется. (2)

Козла выжили, а все псиной воняет. (3)

Помещение объекта в пространство как контейнер, интерпретируемое как причина, предполагает приобретение пространством качества, что концептуализируется как следствие (1, 2). В свою очередь извлечение из пространства, интерпретируемое как причина, не приводит к полной потере качества этого пространства, что концептуализируется как следствие (3).

Осмысление явлений или событий как причины и следствия также связывается с расширением пространства их взаимодействия на основе качественных характеристик:

Дрова рубят на поленище, а щепы далеко летит.

Кольцом в ворота бьют, а мужик с печи отзывается.

Непосредственно качественная концептуализация объектов как причины и следствия выражается в присвоении одному объекту характеристик, свойственных другому объекту, или, другими словами, переносе данного качества:

Каково семя, таков и плод. Каково волокно, таково и полотно.

Какова земля, таков и хлеб. Каков мастер, такова и работа.

Вместе с тем подключение качественной концептуализации объектов происходит и при необходимости указать на отсутствие каких-либо причинно-следственных отношений между данными объектами в связи с их разными исходными характеристиками:

Не родит верба груши.

В бор не по груши...

Также при осмыслении явлений и событий как причины и следствия учитывается взаимосвязь количества и качества, наиболее частотно процессы осмысления протекают по схеме «малое количество → качество + широкий охват»:

От малой искры сыр-бор загорается.

От копеечной свечи Москва загорелась.

Наряду с описанным выше представлением о причине и следствии большинство рассматриваемых пословиц отражают знания концептуально-тематических областей ПРИРОДА, БЫТ или РАБОТА.

Пословицы, в которых заключен опыт народа, коллектива, языкового сообщества призваны придавать смысл широкому кругу явлений и событий. Одновременно они становятся объектом творчества в ответ на появление новых реалий, ценностей, активные процессы в разных сферах жизни (см.: [Виноградова 2024]). При этом исходное содержание пословиц (а в ряде случаев и их структура) может меняться в зависимости от избранного говорящим стандарта или шаблона конструирования действительности с помощью языка. В качестве такого шаблона или когнитивной доминанты применительно к рассматриваемым пословицам может выступать новый концепт или концептуально-тематическая область.

В примере ниже осмысление пословицы *Каково семя, таков и плод* предполагает подключение знаний концептуально-тематической области РЕЛИГИЯ, в частности интерпретация причины и следствия предполагает профилирование представлений об искушении, чистоте и непорочности мысли и дела.

«Каково начало, таково и происхождение: каково семя, таковы и плоды. Есть либ естество наше в том оставалось неповинности и непорочности состоянии, в каковом оно было, когда вышло из рук Создательевых: то бытие наше не требовало бы наки бытия, и наше рождение, не имело бы нужды во отрощении. Но, по слову святому, прилежит человеку помысл на злая от юности его. Да и печальным опытом всяк на себе дознает, что склонности наши всегдашним подлежат искушениям, и чувства более льстят, нежели действует сила разума» [НКРЯ].

Пример *«Привычный с детства, до того привычный, что перестаешь его замечать. Порой и досадуешь на него, когда ест им глаза. Но нет ничего притягательней и слаще дыма. Нет. Где дым – там огонь! Где огонь – там люди. Где люди – там жизнь!..»* [Астафьев 1997] иллюстрирует создание говорящим преимущественно положительного образа-символа дыма при многократной реализации схемы «причина → следствие» с учетом механизма аналогии и задействовании знаний, по меньшей мере, трех концептуально-тематических областей: ПРИРОДА, ЧЕЛОВЕК, ЖИЗНЬ.

Пословица *От копеечной свечи Москва загорелась* воспринимается по-новому сквозь призму знаний концептуально-тематической области СПОРТ, или уже АВТОСПОРТ. *«От копеечной свечи... Японский финиш красной мечты»* [Иванов 2017] – заголовок статьи, рассказывающей о невозможности С. Феттеля, автогонщика Феррари, победить в гонке «Формулы-1» на трассе Сузука, Япония, из-за неисправности японской свечи зажигания

в его машине. Новая интерпретация пословицы о причине и следствии достигается за счет дефокусирования отдельных составляющих ее исходного концепта, а также переосмысления исходных представлений о причинно-следственных отношениях и достраивания смысла прежде всего с учетом механизмов аналогии и инференции.

Таким образом, в формировании представления о причине, следствии и их отношениях в русских пословицах ключевую роль играют формы языкового сознания, выступающие в качестве призм познавательной деятельности коллектива или индивида и фиксации ее результатов в языке.

Литература

Астафьев В. П. Последний поклон // Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 5. Красноярск: Офсет, 1997.

Болдырев Н. Н. ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ как формы языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXV. С. 25–32.

Виноградова С. Г. Процессы и механизмы конструирования смысла измененных пословиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 2. С. 43–49.

Даль В. И. Пословицы русского народа: Т. 1 / вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. М.: Худож. лит., 1984.

Иванов С. От копейечной свечи... Японский финиш красной мечты // Автоспорт, 9 октября 2017. URL: <https://autoreview.ru/articles/avtosport/fl7-suz4#!comment=1045737>.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Архиепископ Платон (Левшин). Слово при миропомазании Государыни Великия Княгини Марии Федоровны.).

Федяева Е. В. Количественная интерпретация качества в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2020.

S. G. Vinogradova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE CAUSE-AND-EFFECT CONCEPT AS REPRESENTED IN RUSSIAN PROVERBS

Based on Russian proverbs, cause and effect are considered as a single mental construct which receives different interpretations due to linguistic cognition dominants of a collective and individual nature.

Key words: concept, cause, effect, linguistic cognition, cognitive dominant, proverb, Russian.

А. В. Гаврилова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
praysnastya@gmail.com

РЕЗУЛЬТАТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ СПОРТА И ЕГО ОЦЕНКА В ЯЗЫКЕ

В статье анализируется концептуальная структура и содержание понятия профессиональной деятельности человека в области спорта с целью выявления специфики оценки ее результата. На материале русского, английского и немецкого языков исследуются специфические особенности оценки и языковое выражение результатов профессиональной деятельности в области спорта.

Ключевые слова: оценка, результат, профессиональная деятельность, оценочная концептуализация, оценочная категоризация.

Концептуализация различных сфер профессиональной человеческой деятельности в языке неизменно привлекает внимание исследователей. В то же время языковая репрезентация результатов профессиональной деятельности в области спорта и их оценка остается относительно малоизученной. Цель статьи – проанализировать, как формируются концепты спортивного успеха и неудачи, как они отражаются в языке и как языковые средства участвуют в процессе оценки спортивных результатов.

В рамках социально-экономического дискурса профессиональная деятельность обычно рассматривается как форма трудовой деятельности, институционализированная в рамках системы общественного разделения труда [Лейбович 2018: 8]. Данная деятельность характеризуется необходимостью специализированной квалификационной подготовки, обеспечивающей требуемый уровень компетентности, и, как следствие, ее материально-экономическую ценность.

Спорт как физическая активность в узком смысле представляет собой соревновательную деятельность, основанную на выполнении различных физических упражнений, а также систему организации и проведения соревнований. В более широком смысле спорт также включает в себя процессы подготовки к соревнованиям, специфические социальные отношения, характерные для спортивной среды, и общественно значимые результаты, получаемые в данной профессиональной деятельности (см.: [Штейнбах 2006: 464]).

В научном дискурсе понятие «оценка», согласно Н. Н. Болдыреву, определяется как сложный когнитивно-языковой процесс вторичной ин-

терпретации знаний о мире, осуществляемый посредством схематизации индивидуального опыта в соответствии с социокультурными нормами, идеалами, стереотипами и ценностями. В основе данной оценочной интерпретации лежат два взаимосвязанных когнитивных процесса: оценочная концептуализация, предполагающая осмысление объектов через призму принятых в определенной культуре оценочных шкал, и оценочная категоризация, определяющая отнесение объектов к конкретным оценочным категориям [Болдырев 2018: 257–258; 2021].

Оценка результатов профессиональной деятельности человека представляет собой многоуровневую систему взаимодействия когнитивных и языковых факторов. В частности, процесс оценки опосредован, с одной стороны, критериями оценивания и способами их языкового выражения, а с другой – типом и видом профессиональной деятельности, а также спецификой профессиональной области. Оценка бывает положительной и отрицательной. Положительная оценка характеризуется наличием результата профессиональной деятельности, а отрицательная – его отсутствием. Ключевым элементом оценки являются полученные результаты, которые выражаются в определенных достижениях.

Л. С. Илюшин определяет достижение как оценку, представляющую собой качественную и эмоциональную интерпретацию результата, отражающую динамику личностного прогресса индивида относительно его предыдущих показателей в данной области [Илюшин 1995]. Форма проявления достижений зависит от типа деятельности. В области спорта достижением преимущественно является конкретное материальное поощрение за определенный вид деятельности, которое является показателем спортивного мастерства и способностей спортсмена.

Оценка достижений профессиональной деятельности осуществляется с применением критериев, которые делятся на два основных типа: количественные и качественные. Количественные критерии опираются на нормативы, а качественные – на описание самих достижений. Данные критерии определяют формирование соответствующих оценочных концептов и их структуру, которые служат основой для категоризации объекта оценки, а также для формирования соответствующих оценочных смыслов [Болдырев, Федяева 2020].

В качестве языковых средств оценочной концептуализации и категоризации результатов профессиональной деятельности в разных сферах одной и той же области могут выступать обозначения количественных и качественных показателей, а также слова положительной или отрицательной семантики. Названные критерии и их специфику для области спорта иллюстрируют следующие примеры.

Качественные показатели положительной оценки:

1) ...путем обдуманной тренировки любой ребенок ... способен превратиться в **выдающегося** ... **олимпийского чемпиона** (Рич Карлгаард).

2) *In early November, Medvedeva won the NHK Trophy, a **Grand Prix** competition in Japan* (nytimes).

3) *Das erfolgreichste National Hockey League Team North Carolinas sind die in Raleigh beheimateten Carolina Hurricanes, die am 19. Juni 2006 **den Stanley Cup gewannen*** (Wikipedia).

В вышеприведенных примерах для соответствующей качественной положительной оценки в контексте спортивных достижений использованы прилагательное *выдающийся*, глаголы *win, gewinnen*, именное словосочетание *олимпийский чемпион*, названия призов и престижных соревнований: *Trophy, Grand Prix, der Stanley Cup*.

Качественные показатели отрицательной оценки:

1) *Аргентина **не сумела победить** Исландию. Германия **проиграла** Мексике* (Inosmi.ru).

2) *It was a tough day for the team as they had a **disqualification** in the first event of the day and the divers failed to place an athlete in first place for the first time all season* (golobos.com).

3) *Danach fehdete er gegen den neuen Undisputed Champion Cody Rhodes, die beiden Matches bei Backlash und bei Clash at the Castle um **den Titel verlor** er jedoch* (Wikipedia).

В данных примерах для качественной отрицательной оценки использованы глаголы *проиграть, verlieren*, отрицательная форма глагола *не суметь победить*, существительные *disqualification, der Titel*.

Количественные показатели положительной оценки:

1) *Медведева и ее 15-летняя партнерша по команде Алина Загитова считаются основными претендентками на **две из трех возможных медалей** в одиночном женском катании на Зимней Олимпиаде* (Inosmi.ru).

2) *..., this season has seen Ovechkin continue to cement his place in the **sport's pantheon**, scoring his **600th career goal** while leading the NHL with **45** this year* (The Washington Post).

3) *In der folgenden Saison 1966/67 zeigte sich die Torgefährlichkeit der Mönchengladbacher Mannschaft, die zusammen **70 Tore schoss*** (Wikipedia).

Количественная положительная оценка спортивных достижений в рассматриваемых примерах выражена с помощью числительных *две из трех, 600th, 70, 45*, прилагательного *возможные*, глагола *schießen*, существительных: *медаль, sport's pantheon, career goal, das Tor*.

Отрицательные показатели количественной оценки:

1) *В Пуне он потерпел много поражений, ... на турнире в Скандерборге в 2003 году, где мы выступали вместе, Сашикиран проиграл 5 партий из девяти* (Рустам Касымжанов).

2) *Ankiel was the first major league pitcher to throw five wild pitches in one inning since 1890* (Rich Karlgaard).

3) *Dem führenden Boot wurde wegen einer Wegerechtsverletzung zu seiner gesegelten Zeit die Strafzeit von einer Stunde addiert, und es verlor damit nicht nur die Bestzeit, sondern auch den Sieg* (Wikipedia).

В данных примерах для количественной отрицательной оценки использованы неопределенно-количественное числительное *много*, числительные *5 из девяти*, *five*, *eine Stunde*, существительные *поражения*, *wild pitches*, *die Strafzeit*, глагол *proigral*.

Таким образом, оценка представляет собой процесс вторичной языковой интерпретации знаний, опирающийся на когнитивные процессы оценочной концептуализации и оценочной категоризации. В области спорта оценка результатов профессиональной деятельности обусловлена комплексом критериев и способов представления результатов, где достижение является измеримым показателем успешности спортсмена. Оценка профессиональной деятельности в области спорта включает в себя как качественные, так и количественные показатели, которые отражают сущностные свойства деятельности, а также степень соответствия полученных результатов ценностным ориентирам субъекта. На языковом уровне они представлены языковыми единицами соответствующей положительной или отрицательной семантики, названиями различных наград, титулов, рекордов, а также терминами, описывающими достижения и неудачи спортсменов. Эти языковые единицы могут варьироваться от простых прилагательных, например, *выдающийся*, *возможные (медали)*, до более сложных конструкций, таких как: *den Stanley Cup gewannen*, *won the NHK Trophy*, *a Grand Prix competition*.

Литература

Болдырев Н. Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2 (45). С. 34–44.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.

Илюшин Л. С. Ориентация педагога на личностные достижения учащихся в общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1995.

Лейбович А. Н., Волошина И. А., Блинов В. И., Есенина Е. Ю., Клиник О. Ф., Новиков П. Н., Прянишникова О. Д., Факторович А. А. Развитие системы профессиональных квалификаций / авт.-сост.: М.: Издательство «Перо», 2018.

Штейнбах В. Л. Большая олимпийская энциклопедия: все об Олимпийских играх: чемпионы, тренеры, члены МОК, журналисты..., Олимпийские виды спорта, страны, города, термины, технические результаты всех олимпийских соревнований с 1896 по 2006 год: [в 2 т.] / авт.-сост. М.: Олимпия Press, 2006.

*A. V. GavriloVA (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THE RESULT OF THE PROFESSIONAL SPORTS ACTIVITY AND ITS EVALUATION IN LANGUAGE

The article analyses the conceptual structure and content of professional sports activity with the aim of revealing the specifics of its result evaluation. Using the material of Russian, English and German the author analyses the criteria of evaluation of the professional sports activity results and its linguistic representation means.

Key words: evaluation, result, sports professional activity, evaluative conceptualization, evaluative categorization.

*M. Gao (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
isgaogao@yandex.com*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА РАДОСТЬ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАЗДНИКОВ

Статья посвящена сопоставительному анализу русских и китайских паремий, репрезентирующих концепт РАДОСТЬ, выявляя его общие и национальные особенности. Показано, что обе культуры используют символы и коллективные практики для усиления праздничной радости и укрепления идентичности. В праздничном контексте когнитивные модели и ценностные выражения радости различаются, что отражает разные восприятия праздника.

Ключевые слова: паремия, концепт РАДОСТЬ, традиционный праздник, ценностные выражения.

Традиционные праздники являются неотъемлемой частью национальной культуры, выступая не только как временные метки для торжеств, но и как носители культурных ценностей, коллективной памяти и эмоционального наполнения. Через ритуалы, символы и язык праздники передают социальное понимание мира и формируют эмоциональное отношение к нему. Согласно «Словарю русского языка», *праздник* включает следующие значения: «2. Веселье, торжество, устраиваемое кем-либо по какому-либо поводу» и «3. О дне, ознаменованном каким-либо важным, приятным событием, а также о самом таком радостном событии» [МАС III: 356]. Несмотря на то, что семантика праздника не сводится исключительно к радости (включая элементы скорби, строгие обряды и даже табу, как, например, религиозные посты или дни поминовения), именно РАДОСТЬ выступает ключевым концептом, реализуемым в большинстве традиционных праздничных практик.

Паремиологические единицы являются одним из средств репрезентации концептов, поскольку паремиологический фонд языка содержит культурную и прагматическую информацию, формируя паремиологическую картину мира, которая отражает стереотипные представления народа о мире, накапливает их социокультурный опыт и служит его концентрированным выражением [Паремиология... 2020: 35]. В рамках языковой картины мира концепт РАДОСТЬ занимает центральное место, относясь не только к эмоциональной сфере, но и будучи тесно связанным с ценностными ориентациями [Степанов 2001: 445–454]. Таким образом, исследование паремий с концептом РАДОСТЬ в праздничном контексте Китая и России позволяет раскрыть культурные смыслы, особенности национального менталитета и их роль в формировании национальной картины мира.

Цель данной статьи – провести сопоставительный анализ русских и китайских паремий, отражающих концепт РАДОСТЬ в единицах, связанных с праздниками, выявить ключевые образы-символы и определить общие и этноспецифические особенности его репрезентации. Материалом исследования служит авторская картотека паремий, отобранных методом сплошной выборки из авторитетных лексикографических и этнолингвистических словарей.

В культурах Китая и России праздники рассматриваются как важный эмоциональный фактор, где радость выступает универсальной эмоцией, отражающей стремление людей к счастью и веселью. Многочисленные русские и китайские паремии выражают позитивное отношение к праздникам. Например, русские пословицы *У бога всегда праздник. У бога, что день, то и праздник; Кто с ангелами ликует, тому завсе праздник; Всякая душа празднику рада* подчеркивают радость и удовольствие, которые при-

носит праздник. Аналогично, в китайском языке также широко выражены ожидание и восхваление праздников. Например, сехоуэй (недоговорки-иносказания) 节日挂灯笼—庆贺 ‘На праздник вешают фонари – отмечают’ через обычай развешивания фонарей символизирует радость и празднование. Также чэньюй 张灯结彩 ‘Украшенный огнями и лентами’; 普天同庆 ‘всеобщее ликование’; 锣鼓喧天 ‘Гремят барабаны и гонги’ ярко демонстрируют стремление людей к прекрасной жизни и активное принятие праздничной атмосферы радости.

Праздничная радость, будучи общей для всех культур, проявляется через уникальные традиции и ценности, формируя специфические культурные коды. В русской культуре радость часто связана с религиозным опытом, подчеркивая духовное удовлетворение и благоговение перед священным. Паремии *Такой праздник, что в этот день и грешников в аду не мучат (Благовещенье и Светл. Воскресенье)* и *В такой день (праздник годовой) у бога все равны* показывают, что праздничная радость проистекает не только из праздничных мероприятий, но и из религиозной преданности, а также из чувства равенства и искупления. Паремия *На Пасху солнышко мечется – Богу радуется* подчеркивает гармонию между человеком, природой и Богом. В китайской культуре праздничная радость связана с воссоединением семьи и гармонией с природой. Например, паремия 三十晚上吃团圆饭—人齐话圆 ‘В канун Нового года вся семья собирается за праздничным столом, все в сборе, и разговоры льются рекой’ подчеркивает духовное удовлетворение от семейного единения. А паремия 中秋节的月亮—正大光明 ‘Луна в Праздник середины осени – яркая и светлая’ через природные образы (полнолуние) связывает радость с воссоединением, светом и другими положительными коннотациями.

Радость от праздника возникает как из его духовного наполнения, так и из материальных факторов: подарков, блюд. «Пища – это ярко выраженная этническая и национальная константа» [Павловская 2022: 285]. В традициях Китая и России праздники неизменно сопровождаются символическими блюдами, которые ассоциируются с радостью и благополучием. Например, рус. *Без блинов – не Масленица*, кит. 腊八粥, 喝不完, 吃了腊八庆丰年 ‘Каши Лаба не съесть до конца, съешь кашу Лаба – отпразднуешь урожайный год’. Кроме того, в русской культуре мясо и алкоголь также играют ключевую роль как источники праздничной радости, что отражается в паремиях: *На праздник и у комара сусло (и у воробья пиво); У нашего князя по велик день мясо*. Таким образом, если символические блюда материализуют радость через вкусовые и обрядовые ощущения, то совместные ритуалы и игры превращают её в коллективный эмоциональный опыт, укрепляющий

культурную идентичность. Например: рус. *На Пасху всегда в лапту играют; Мы на Масленой неделе с горушки катались, с горушки катались, с парнями целовались; В Рождество имочками играли*, кит. 端午节划龙舟—载歌载舞 ‘На праздник Дуанью гонки на драконьих лодках – с песнями и танцами’; 正月十五看花灯—走着瞧 ‘В пятнадцатый день первого месяца смотрят на фонари – поживём и увидим’.

Календарная ритмичность праздников, будучи синхронизированной с природными циклами, формирует особый тип радости, связанный с гармонией времени и пространства. С одной стороны, праздничные даты маркируют ключевые точки годового цикла, создавая эмоциональную привязку к ритмам природы: рус. *До Николы нет добра николи (нет дороги)*, кит. 春打河开, 南雁北来 ‘В день Личунь (Начало весны) реки вскрываются, и дикие гуси летят с юга на север’. С другой – они аккумулируют радость от материально-духовного плодородия, связанного с урожаем: рус. *На Николу лягушка квачет, овёс скачет*, кит. 立秋处暑八月到, 玉米掰开肚皮笑 ‘С приходом Лицю и Чушу в августе кукуруза раскрывает свои початки и словно смеётся’.

В контексте праздников радость как ценность связана с семейным счастьем, материальным и духовным благополучием, что отражает общее стремление человечества к лучшей жизни и культурной идентичности. Согласно точке зрения О. В. Ломакиной, в паремиях наблюдается амбивалентность ряда ценностей, и «даже единичное упоминание понятия может свидетельствовать о важности данной ценности или антиценности для общества» [Ломакина 2022: 12]. В. И. Даль в словаре «Пословицы русского народа» систематизировал языковые репрезентации этой ценностной дихотомии в рубрике «Радость – горе» [ПРН: 117]. Хотя в праздничном контексте отрицательное значение не достигает уровня «горя», оно всё же демонстрирует различия в выражении антиценностей в русских и китайских культурах. В русских паремиях мгновенность праздничного веселья противопоставляется контрасту с повседневной жизнью: *В воскресенье веселье, в понедельник похмелье; В воскресенье братина, в понедельник хмелина, во вторник похмелье, в среду на оскомину, в четверг горещап, в пятницу поклоняться, в субботу не работа*. Важно отметить, что в русских пословицах радость иногда приобретает морально-критический оттенок. Например, пословица *Ленивому всегда праздник*. *Лежебок все у праздничка* иронически раскрывает, что чрезмерное стремление к праздникам может стать оправданием лени, намекая на то, что радость как ценность должна быть ограничена трудовой этикой. Китайские паремии акцентируют внимание на материальном достатке как необходимом условии праздничной радости: 三十晚上熬稀粥一年关难过

‘В канун Нового года варить жидкую кашу – трудно пережить конец года’; ‘В Новый год стучать по крышке котла – звук бедности звенит’. Эти паремии отражают укоренённую в аграрной цивилизации прагматическую этику, где материальное благополучие воспринимается как основа праздничных эмоций.

Таким образом, в русской культуре бинарная ось противопоставления праздничной радости основана на дихотомии «сакральное (религия) – светское (излишество)», подчёркивая роль духовного порядка в обуздании желаний. В китайской культуре противопоставление строится вокруг «материальное изобилие – материальный недостаток», отражая глубинную тревогу аграрного общества за экономическую безопасность. Это различие отражает различное восприятие сущности праздничной радости в двух культурах и коренится в ценностных основах двух цивилизаций – религиозном коллективизме России и семейно-ориентированном мировоззрении Китая, которые придают разные моральные границы радости.

Концепт РАДОСТЬ в контексте праздников представляет собой не только универсальную эмоцию, но и культурный код. Различия в восприятии радости в русских и китайских праздниках по своей сути являются культурной проекцией религиозного духа и аграрной этики. Паремии, будучи «компактным вместилищем опыта», его «упаковкой» [Бредис 2019], эффективно раскрывают национальные особенности ключевых культурных концептов. Сравнение русских и китайских паремий показывает, что выражение эмоций всегда укоренено в истории, верованиях и жизненной практике народа, а паремии служат ключевым инструментом для расшифровки этого культурного кода.

Литература

Бредис М. А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.

Ломакина О. В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1984.

Павловская А. В. Человек есть то, что он ест. Пищевые системы мира. М.: Ломоносовъ, 2022.

Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.

ПРН – Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. / Послесл. В. Аникина. М.: Худож. лит., 1989.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. С. 445–454.

M. Gao (Moscow, Russia)
*Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba*

PRESENTATION OF THE CONCEPT JOY IN RUSSIAN AND CHINESE PAREMIOLOGY IN THE CONTEXT OF TRADITIONAL HOLIDAYS

The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Chinese paremias representing the concept of JOY, highlighting its common and national characteristics. It is shown that both cultures use symbols and collective practices to enhance festive joy and strengthen identity. In the festive context, cognitive models and value expressions of joy differ, reflecting different perceptions of the holiday.

Key words: paremia, concept of JOY, traditional holiday, value expressions.

Л. И. Гришаева (Воронеж, Россия)
*Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

КОНГРУЭНТНОСТЬ ОБЪЕКТИВИРУЕМЫХ И СО-АКТИВИРУЕМЫХ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ КАК ПРИЗНАК ГРАНИЦ МЕЖДУ РЕАЛЬНЫМ, ФИКЦИОНАЛЬНЫМ И/ИЛИ ВИРТУАЛЬНЫМ

Предмет размышления – возможность распознавания в текстовом пространстве сведений о реальной, фикциональной или виртуальной действительности по особенностям функционирования средств и способов объективации соответствующих сведений с помощью разнообразных элементов культурных кодов. Акцентируется значимость сведений, не объективируемых средствами культурных кодов в актуальной интеракции носителей языковой культуры. Обращается внимание на вклад активизируемых и со-активизируемых сведений о том или ином мире в результате интерпретации воспринимаемых реципиентом сведений. Отсутствие и/или наличие когнитивного диссонанса у субъектов познания и коммуникации при интерпретации воспринимаемого ими текста (в широком смысле) трактуется как маркер конгруэнтности сведений, содержащихся в тексте, декодируемых и интерпретируемых реципиентом, структуре картины мира последнего, как маркер количественных и качественных различий в конфигурации сведений, образующих картину мира у конкретного субъекта.

Ключевые слова: средства и способы объективации сведений о мире; мир реальный, фикциональный, виртуальный; когнитивный диссонанс; текст как интерфейс миров; маркеры реальности/ирреальности как основа для разграничения миров разной этиологии; конгруэнтность представлений продуцента и реципиента как маркер взаимопонимания.

Все более частое обращение носителей языка и культуры к разнообразным средствам и способам конструирования симулякров и фейков в медиапространстве и в особенности в различных форматах общения в политической коммуникации ставит вопрос о возможности распознавания и необходимости адекватного декодирования сведений о реальном, виртуальном, фикциональном, так или иначе объективируемых средствами различных – вербального и невербальных, первичных и вторичных – культурных кодов.

Необходимыми с точки зрения исследователя, а также и прежде всего реципиента как интерактанта оказываются поэтому способность и умение носителей языка и культуры адекватно интерпретировать в тех или иных коммуникативных условиях границы пространств разной этиологии. Очевидно, что именно благодаря такому сформировавшемуся и развитому умению носитель языка способен распознавать реальное и виртуальное, реальное и фикциональное, фикциональное и виртуальное, а также степень вероятности объективации в нашей действительности одного из множества потенциально возможных миров.

Примеры обратного, которыми столь богата деятельность, например, пранкеров и/или журналистов-лидеров мнений, впечатляют. Так, примечателен случай из «творчества» известных в России пранкеров, которые поведали одному американскому сенатору об очередном проявлении *«агрессивности русских»*, их *«привычке вмешиваться в дела других стран»*, их *«коварству и пренебрежению демократией»* и т.п. Пранкеры, в частности, рассказали пораженному политическому деятелю, что *русские де свергли Бармалея, законно избранного в Лимпопо, и якобы помогли захватить власть в Лимпопо своему ставленнику Айболиту*. В подобных случаях наблюдатель имеет дело, вне всякого сомнения, не только с разной – по определению культурно специфичной – конфигурацией гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о реальной действительности, с разной ценностной картиной мира, но и с разными способами объективации коммуникативно и когнитивно релевантных сведений, а также со способами активации и со-активации сведений, конвенционально не объективируемых в актуальной интеракции средствами культурных кодов. Последние однако столь значимы,

что без владения ими реципиент приведенного выше в качестве примера текста не в состоянии адекватно декодировать сообщаемые ему сведения. Ведь носители русской культуры знают, что Бармалей и Айболит – персонажи детской сказки, которую сочинил в начале XX века К. Чуковский. Они также не сомневаются, что Лимпопо – река в этой сказке, на берега которой доктор Айболит спешит, чтобы спасти больных животных. А Бармалей для них – разбойник, строящий Айболиту всяческие козни, чтобы не допустить его к больным животным.

Другими словами, носители русской культуры, опираясь на со-активируемые единицами *Айболит*, *Бармалей*, *Лимпопо* сведения о **фикциональной** действительности, приходят при интерпретации воспринимаемого текста к умозаключению, что они имеют дело с определенно **людическим** текстом. Поэтому у носителей русской языковой культуры не наступает когнитивный диссонанс в процессе рецепции такой сложной конфигурации сведений из разных миров, а сведения о реальной и о фикциональной действительности вполне согласуются друг с другом и вписываются в структуру их картины мира.

Однако у носителей американской культуры (да и многих других культур, в которых на полном серьезе восприняли соответствующую «новость» о России/из современной России) главное – это то, что содержание сообщаемого текстом подтверждает доминирующие у них представления об особенностях «русской действительности». Поэтому и комплекс объективируемых языковыми средствами сведений они интерпретируют как сведения о **реальной** действительности, даже не как сведения об одном из возможных миров. Поэтому и «действия» Айболита по отношению к Бармалею не вписываются для них в представления о демократии, они воспринимают их на негативном аксиологическом когнитивном фоне. И аргументов в подтверждение справедливости высказанного тезиса им, инокультурным носителям языка, в подобных случаях не требуется, поскольку когнитивного диссонанса у них не наступает, так как «новость», о которой реципиент узнает благодаря медиа, **конформна** их знаниям/убеждениям/картине мира, и ментальное устройство фикционального мира и/или одного из виртуальных миров оказывается **конгруэнтным** (соразмерным, совпадающим, соответствующим) устройству реального мира, в котором они живут и действуют определенным образом.

Однако если подумать над соответствующими процессами с когнитивно-дискурсивных позиций, то можно выявить интересные корреляции между когнитивной, номинативной и коммуникативной видами деятельности человека как носителя языка и культуры, как субъекта познания и коммуникации. Подобный взгляд позволяет заметить, что разграничение реального и фик-

ционального, реального и виртуального, фикционального и виртуального настолько важно в языковой культуре, что в ней сложились определенные типы текста, организация которых в текстосемантическом, текстосинтаксическом, функциональном отношении настолько различна, что носитель языковой культуры сразу же понимает, идет ли речь о реальном событии или выдуманном. Например, миф, легенда, роман, сказ, сказание или сказка как тексты из класса нарративов, протокол, заявление, жалоба, справка, доверенность, расписка как тексты с ярко выраженной социальной доминантой, мемуары, автобиография как тексты подчеркнуто автокоммуникативные, а также культурно специфичные былина, были, быличка (русская культура), шванк (немецкая культура), лимерик (англоязычная культура) и др.

Очевидно, что не только текстограмматическое и текстотипологическое знание (знание об организации текста типа *Жили-были...*, *Иду как-то я...*, *В некотором царстве, в некотором государстве...*, *Настоящим заверяю...*) помогает разграничивать миры: реальный, фикциональный, виртуальный, – но и иные средства, например номинативные, специализирующиеся на некоторую коммуникативную и когнитивную задачу. Так, выражения типа *31 июня* или *у меня 13 месяцев в году* служат, вне всякого сомнения, конструированию фикциональной реальности, поскольку они участвуют в создании некоторого художественного образа, побуждая реципиента включить воспринимаемый и именуемый окказиональным способом объект в непривычную в соответствующей культуре ментальную категорию не по первичному в данной культуре признаку, а по вторичному и/или даже неизвестному до актуального момента перцепции. Тем самым представление о номинируемом объекте, несомненно, обогащается, дифференцируется, а воздействие текста в целом на реципиента усиливается, поскольку текст воспринимается как более экспрессивный, эмотивный, аттрактивный.

И как бы необычным и не соответствующим реальной действительности ни было соответствующее номинативное решение некоторого носителя языковой культуры, когнитивный диссонанс у реципиента не наступает, потому что комплекс сведений, объективируемых средствами культурных кодов, и комплекс сведений, активируемых и со-активируемых теми же средствами овнешнения сообщаемых в интеракции сведений, оказываются **конгруэнтными** и/или вписываются в имеющиеся у носителей культуры о приемлемом, возможном, вероятном, обязательном, факультативном, нормативном, идеальном, недопустимом и пр.

Целесообразно также принять во внимание, насколько значимым для носителей культуры оказывается умение распознавать истину и ложь, реальность и ирреальность – для этого язык располагает прежде всего

грамматическими средствами: наклонением с довольно сложной структурой и широким и тонко дифференцированным функционалом каждого из противочленов соответствующей грамматической категории, а также весьма обширным полем разнородных языковых средств для выражения многочисленных типов объективной и субъективной модальностей.

В обсуждаемом контексте нельзя также не подчеркнуть особую значимость соотношения «реальной» и «потенциальной» языковой картины мира (ЯКМ) «ЯКМ1 ↔ ЯКМ2», как их трактует Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1988]. Именно это соотношение правомерно признать теоретически значимой основой для объяснения корректного и адекватного декодирования сведений о реальном, фикциональном или же виртуальном мире.

Другой основой того же рода следует признать владение носителями языковой культуры интуитивным и/или отрефлектированным знанием о коммуникативных, когнитивных, номинативных стратегиях, об их корреляциях и вариативности потенциала, о средствах и способах их реализации в разных коммуникативных условиях, а также о специализации. Например, имена собственные либо прозвища, определенно маркирующие не только культурное пространство, но и характер мира независимо от места своего порождения и авторства: *Квазимодо, Иван-крестьянский сын, Иван-царевич, Зигфрид, Кримхильда, Атилла, Хромец* и др. Опираясь на это знание, носитель языковой культуры осваивает и специализацию соответствующих средств на реализацию некоторой стратегии (читай – коммуникативной и когнитивной задачи).

Так, Г. Антос, отталкиваясь от рассуждений Роберта Триверса об обмане и самообмане, приводит три формы аутосуггестивного обмана:

- (1) субъект, заблуждаясь, верит сам в истинность своего сообщения;
- (2) субъект подпадает под воздействие самообмана, так как успешность обмана ослепляет его настолько, что он сам становится «жертвой собственной пропаганды»;
- (3) обман отделяется от породившего его субъекта, поскольку в дискурсе один обман усиливает воздействие другого [Antos 2017: 13].

Анализируя литературные примеры обмана и введения в заблуждения, Г. Антос, по сути, называет маркеры разграничения различных миров:

- фейки в состоянии порождать факты;
- фейки могут быть настолько успешным, что из хвастовства или обмана возникают правдоподобные факты;
- фейки могут порождать, хотя и только на время, нечто новое. Этот эффект быстро усиливается, если фейки опровергаются сторонниками иной точки зрения [Antos 2017: 18].

Таким образом, очевидно, что по особенностям функционирования средств и способов объективации сведений о мире с помощью разнообразных элементов культурных кодов носители языковой культуры в состоянии понять **степень конгруэнтности** сведений, сообщаемых в интеракции, конфигурации сведений в его картине мира и тем самым отграничить реальный мир от мира фикционального и/или виртуального.

Литература

Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / под общ. ред. Б. А. Серебrenникова и др. М.: Наука, 1988. С. 141–172.

Antos G. Fake News. Warum wir auf sie reinfallen. Oder: „Ich mache euch die Welt, so wie sie mir gefällt“ // Sprachdienst. 1/2017. S. 1–20.

L. I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

THE CONGRUENCE OF OBJECTIFIED AND CO-ACTIVATED INFORMATION ABOUT THE WORLD AS A MARKER OF THE BOUNDARIES BETWEEN THE REAL, THE FICTITIOUS AND/OR THE VIRTUAL

The topic of reflection is the possibility to recognize information about real, fictitious or virtual reality in the text space in accordance with the features of the functioning of the means and methods of objectification of relevant information using various elements of cultural codes. The importance of information that is not objectified by means of cultural codes in the actual interaction of native language speakers in a shared culture is emphasized. Attention is drawn to the contribution of activated and co-activated information about a particular world as a result of the interpretation of information perceived by the recipient. The cognitive dissonance or its absence when interpreting the text perceived by a subject of cognition and communication (in a broad sense) is treated as a marker of the congruence of information contained in the text, decoded and interpreted by the recipient, the structure of the recipient's worldview, as a marker of quantitative and qualitative differences in the configuration of information forming one's worldview.

Key words: means and methods of objectifying information about the world; real, fictional, virtual world; cognitive dissonance; text as an interface of worlds; markers of reality/unreality as a basis for distinguishing worlds of different etiology; congruence of the ideas of the producer and the recipient as a marker of mutual understanding.

И. А. Грошкова (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный

экономический университет

groshkova.ilona@inbox.ru

МЕТАФОРА “GLORY IS A SUNRISE” В РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ ВАЛЬТЕРА СКОТТА “IVANHOE”

В статье рассматривается метафорическая репрезентация славы в историческом романе Вальтера Скотта “Ivanhoe” на основе положений теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В центре внимания концептуальная метафора “GLORY is a SUNRISE”.

Ключевые слова: слава, теория концептуальной метафоры, Вальтер Скотт, “Ivanhoe”, метафора.

Восприятие славы в Средние века полностью контрастирует с ее восприятием в современном обществе. Сегодня слава скорее ассоциируется с экстравертностью, нескромностью, популярностью, что вряд ли можно сказать о той славе, которую так добивались средневековые рыцари. Рыцарская слава проявлялась в совершении благородных поступков, в храбрости, самопожертвовании. В эпоху Средневековья рыцари составляли главную военную силу: они сражались за своих господ, короля и церковь, за что получали широкую известность, всеобщее признание, восхищение и восхваление. Конечно, современное трактование славы включает в себя схожие со средневековым трактованием признаки: одобрение, общественное признание, превосходство. Однако стоит отметить, что современная слава в некоторых случаях становится все больше только личной, что стирает границы между славой и тщеславием. Рыцари же стремились не только к получению личной славы и престижа, но и желали защитить своего феодального лорда или короля, которому они давали присягу на верность, и чьи интересы были обязаны защищать.

Для репрезентации славы в рыцарских романах авторы нередко обращались к метафорам, то есть употребляли некоторые лексические единицы фигурально, в переносном значении с целью продемонстрировать сходство двух предметов или явлений [Жеребило 2010]. Роль метафор в восприятии и интерпретации окружающего мира очень велика (см., например, [Болдырев 2013; 2014]. Особенно ярко это проявляется в художественной литературе [Нильсен 2015], поскольку метафоры способствуют формированию образов в сознании читателя, служат инструментом передачи эмоций и оказа-

ния авторского воздействия, а также выполняют эстетическую функцию. Нередко метафоры служат средством для создания символов и аллегорий [Арутюнова 1990].

Кроме того, метафора выполняет когнитивную функцию, то есть репрезентирует некий познавательный процесс. В языке и культуре конкретного общества существуют фиксированные и неизменные связи между различными понятиями, которые именуются *концептуальными метафорами* [Лакофф, Джонсон 2004: 11]. К таким концептуальным метафорам можно отнести, например, следующие метафорические модели, описывающие время и его свойства: ВРЕМЯ-ДЕНЬГИ, ВРЕМЯ-ЗОЛОТО [Нильсен 2010: 22].

Метафоры не только украшают и обогащают нашу речь, они фундаментально формируют наши мысли, действия и восприятие мира вокруг нас. Повседневная система представления мира, основанная на конкретных понятиях и связях между ними, на самом деле имеет метафоричную основу. Таким образом, наша система мышления формирует наше восприятие повседневной реальности. Более того, значительная часть этой системы использует метафоры как основу для понимания мира: наша концептуальная система метафорична [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

Для практического доказательства метафоричности славы в рыцарском романе Вальтера Скотта “Ivanhoe” наиболее удачным представляется анализ метафорических проекций в соответствии с теорией концептуальной метафоры американских лингвистов Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона.

В соответствии с теорией Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоризация осуществляется в ходе взаимодействия сферы-источника и сферы-цели. Под сферой-источником авторы теории понимают однозначно сформулированную информацию, которую мы получаем в процессе обретения личного опыта через взаимодействие с окружающей нас реальностью. Под сферой-цели принято понимать более абстрактную информацию, что-то менее однозначное и четко сформулированное [Лакофф, Джонсон 2004: 10].

В рассматриваемом романе одной из наиболее значимых метафор является метафора “GLORY is a SUNRISE”. Общее между славой и восходом солнца заключается в том, что оба явления связаны с появлением света и пробуждением к новой жизни. Оба могут быть источником вдохновения, оба кратковременны и быстротечны. Восход солнца символизирует начало чего-то нового, светлое будущее и возможность для изменений. В данном случае в роли сферы-источника выступает SUNRISE, а в роли сферы-цели – GLORY.

Как известно, солнце издавна является символом света, славы и богатства, храбрости, мужественности, а также королевского могущества

[Бокова 2012: 150]. Такие качества, как мужественность, храбрость и отвага рыцари в полной мере демонстрировали во время турниров. В описании подготовки к турниру в Ашби, который является центральным событием романа, упоминается яркий солнечный свет, который отражается от блестящего оружия рыцарей, благодаря чему создается впечатление величия и напряженности момента. Рыцари обеих сторон собираются на противоположных концах поля боя и обсуждают тактику предстоящего сражения: *“Meantime, **the sun shone** fierce and bright upon the polished arms of the knights of either side, who crowded the opposite extremities of the lists, and held eager conference together concerning the best mode of arranging their line of battle, and supporting the conflict”* (Тем временем **яркое солнце сверкало** на начищенном до блеска оружии рыцарей, которые толпились на противоположных концах ристалища и оживленно обсуждали то, в каком боевом порядке лучше выстроиться и как достойно принять вызов) [Scott 1897]. Наконечники копий, сверкающие на солнце, передают торжественную готовность к бою, подчеркивая блеск и величие рыцарского снаряжения под ярким солнцем: *“As yet the knights held their long lances upright, their bright points **glancing to the sun**, and the streamers with which they were decorated fluttering over the plumage of the helmets”* (Рыцари все еще держали свои длинные копья вертикально, их яркие наконечники были **обращены к солнцу**, а ленты, которыми они были украшены, развевались над плюмажами шлемов) [Scott 1897]. Солнечные лучи, падающие на копья, мечи и щиты рыцарей, символизируют расцвет славы воинов в случае их триумфа.

Рассмотрим область-источник, ведущим компонентом которой является лексический репрезентант понятия «слава» в английском языке – существительное *sunrise*, а также область-цель, которая представлена понятием *“glory”*.

Область-цель репрезентируется солнцем как источником освещения, который обеспечивает свет и тепло, необходимые для существования жизни. Область-цель представлена в романе через славу, которая приносит известность и признание, выделяя рыцаря из толпы, что ему так необходимо, поскольку рыцари живут и сражаются ради славы и признания, которые они приобретают за свои храбрые подвиги. Подобно тому, как рыцари не могли жить без славы, человек не может жить без солнца.

В метафорической модели *“GLORY is a SUNRISE”* можно выделить общий признак источника и цели, связанный с наступлением чего-то значимого. Прославившись своим триумфом на поле боя, рыцарь мгновенно обретает признание и любовь народа, одобрение короля и различные материальные

привилегии, что открывает ему двери в абсолютно иную успешную жизнь. Репутация определяла его положение в обществе, и слава помогала поддерживать высокий статус. Восход солнца символизирует начало нового дня: после ночи, когда все вокруг погружено в темноту и тишину, восход знаменует пробуждение природы и начало активной деятельности. Новые дни предоставляют нам время для работы над нашими целями и мечтами, что очень ценно при стремлении к личностному росту и развитию.

Вдохновение в сфере-цели представлено образами рыцарей, которые часто изображаются как примеры самоотверженности и преданности, что делает их образцами для подражания в личной и общественной жизни. Эпические подвиги рыцарей и полученная впоследствии слава вызывают восхищение и желание подражать. Восход солнца в сфере-источнике часто воспринимается как символ надежды и новых возможностей. Это зрелище, которое вызывает чувство восхищения и вдохновения, что может мотивировать людей на действия и новые начинания. Кроме того, восходы солнца завораживают своей красотой. Разнообразие цветов, оттенков и форм облаков создают уникальные картины каждое утро. Эта природная красота вызывает чувство восхищения и благоговения перед миром подобно тому, как люди восхищались рыцарями, ставшими символами чести, мужества и благородства. Храбрые, справедливые, верные своим обещаниям рыцари, защищавшие слабых, являлись примерами морального совершенства.

Еще одним общим свойством славы и восхода солнца является кратковременность. Слава приходит и уходит. Стоит потерпеть поражение в рыцарском турнире, и воин перестает получать одобрение и общественное признание. Многие рыцари получали известность за участие в Крестовых походах, но их слава быстро угасала после возвращения домой. Турниры предоставляли возможность продемонстрировать мастерство, но победа в одном турнире не гарантировала долгосрочной славы. Участие в локальных войнах или конфликтах могло принести временное признание, но редко обеспечивало длительную славу.

Восход солнца непродолжителен главным образом из-за комбинации астрономических факторов: вращения Земли, угла наклона оси планеты и относительной скорости перемещения небесных тел. Однако кратковременность восхода добавляет ему особую значимость. Люди ценят моменты, которые проходят быстро, потому что они редки и неповторимы. Первые лучи солнца создают уникальную палитру оттенков, которые невозможно увидеть в другое время суток. Эти визуальные эффекты добавляют восходу дополнительную красоту и магию.

Таким образом, слава в историческом романе Вальтера Скотта «Айвенго» репрезентируется как восход солнца, появление солнечных лучей, вселяющих надежду и символизирующих новое начало, успешное выполнение поставленной задачи, великолепие и восхищение. Слава выступает в роли источника вдохновения и мотивации, но может быть ограничена по времени. Короткий миг славы рыцарей отражает быстротечность их достижений и зависимость от внешних факторов, таких как военные успехи, поддержка властей и общественное признание.

Литература

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Бокова В. Солнце и солнечные эмблемы // Вестник культурологии. 2012. № 3. С. 149–153.

Болдырев Н. Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 12–22.

Болдырев Н. Н. Метафорическая интерпретация отношений человека с окружающим миром // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 42–48.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Нильсен Е. А. Метафоры времени в английской научной фантастике // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXI. С. 236–239.

Нильсен Е. А. Структура понятийной составляющей концепта ВРЕМЯ в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. 2010. С. 20–27.

Scott W. Ivanhoe. New York: Longmans, Green, and Co, 1897.

I. A. Groshkova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

METAPHOR “GLORY IS A SUNRISE” IN THE HISTORICAL NOVEL “IVANHOE” BY WALTER SCOTT

The article examines the metaphorical representation of glory in the historical novel “Ivanhoe” by Walter Scott based on the principles of the theory of conceptual metaphor by G. Lakoff and M. Johnson. The focus is on the conceptual metaphor “GLORY is a SUNRISE”.

Key words: glory, theory of conceptual metaphor, Walter Scott, “Ivanhoe”, metaphor.

В. А. Гуреев (Москва, Россия)

Московский государственный
лингвистический университет
gureyev@mail.ru

КОНЦЕПТ *HIC ET NUNC* (ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС): КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ

Рассматриваются функциональные и структурно-содержательные аспекты концепта *HIC ET NUNC*. Обращается внимание на ключевую роль лингвистики в расширении его концептуального пространства вследствие присоединения концепта *EGO* и образовании таким образом когнитивной эго матрицы *EGO, HIC ET NUNC*.

Ключевые слова: дейктическая теория, теория языкового эгоцентризма, концепт *HIC ET NUNC*, когнитивная эго матрица *EGO, HIC ET NUNC*.

Одной из актуальных задач когнитивной лингвистики на современном этапе является обращение к таким темам, как язык и мышление, основные функции языка, роль языка в обработке знаний о мире через его категоризацию и концептуализацию человеком [Кубрякова 2004: 11–17]. Среди концептов, выделяемых в лингвистике на основании учета их структуры и абстракции, особое место занимает когнитивная матрица. Это такая единица многоаспектного знания, которая, как отмечает Болдырев Н. Н., «объединяет в себе различные когнитивные контексты, или концептуальные области, интегрированные вербально в единый комплекс», ... «когнитивная матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. Более того, они могут отличаться разным уровнем сложности» и «для них в целом не характерна какая-либо иерархия» [Болдырев 2014: 56, 60]. К числу единиц вышеуказанного формата знаний можно отнести концепт *HIC ET NUNC* (*здесь и сейчас*). Он интегрирует концепты двух различных тематических областей – пространство и время, вербализованных наречием места и наречием времени. Последние, в свою очередь, обладают разным уровнем концептуального содержания (см., например, [Апресян 2014]).

Данный концепт имеет глубокие философские корни. Его появление обычно связывают с учениями стоиков и эпикурейцев. У Марка Аврелия, например, в его *«Размышлениях»* концепт *HIC ET NUNC* ассоциируется с осмысленным осознанием важности настоящего момента в жизни индивидуума, в философском принятии его таким каков он есть, то есть со спокойствием и мудростью [Аврелий 2024]. Сенека, подчеркивая особенности настоящего времени (в отличие от прошедшего и будущего),

отмечал, что оно представляет собой кратчайший миг, и до такой степени краткий, что некоторые вовсе не признают за ним существования [Сенека 2001]. В Средние века концепт *HIC ET NUNC* использовался преимущественно в научных трактатах (философия, риторика, юриспруденция), написанных на латинском языке. Последний в этот период был основным языком религии, науки и искусства. В европейской художественной литературе Нового времени данный латинизм становится всё более популярным, начиная с середины XVIII – начала XIX века (см., например, произведения Стендаля, Бальзака). Его использование имело своей целью акцентировать внимание читателя на различных аспектах сюжета за счет присущего этому языковому знаку грамматического (синтаксического) диссонанса, создаваемого семантически неоднородными наречиями (наречием места и наречием времени), выступающими в предложении в функции однородных членов.

В философии концепт *HIC ET NUNC* иногда определяется как «положение всякого существа, субъекта, события; его включенность в универсальное становление. Это относится даже к таким вещам, как память и воображение: вспоминать о прошлом или представлять себе будущее или нечто нездешнее всегда означает вспоминать и воображать здесь и сейчас» [Конт-Спонвиль 2012: 668–669]. Вопрос только в том, а кто может «вспоминать о прошлом или представлять себе будущее ... вспоминать и воображать здесь и сейчас»? Конечно же, это индивидуум, его *я*. Следует заметить, что в европейской и восточной философской традиции изначально концепт *EGO* рассматривался самостоятельно, то есть вне непосредственной связи с концептом *HIC ET NUNC*. Его использование совместно с *hic* и *nunc* впервые встречается в первой половине XX века в трудах по общему языкознанию, о чем речь пойдет ниже.

С середины XX века концепт *HIC ET NUNC* получает широкое распространение и в психологии. Он популяризируется инициаторами и сторонниками движения человеческого потенциала. В «Оксфордском толковом словаре по психологии» подчеркивается, что он относится, совершенно буквально, к ситуации здесь и сейчас, к настоящему моменту ... и что терапевтическим приемом может быть концентрация на том, что происходит «здесь и сейчас»... (см.: [809.slovaronline.com]). Концепт *здесь и сейчас* применяется, в частности, в психодраме [Морено 2001], гештальттерапии [Перлз 2001], когнитивной психотерапии [Бек 2018].

Важным событием в эволюции концепта *HIC ET NUNC* стало его использование в лингвистике в рамках дейктической теории. В разработке её основ большую роль сыграли работы Бенвениста Э., Бюлера К.,

Бругмана К., Рассела Б., Степанова Ю. С., Филлмора Ч., Якобсона Р. и многих других авторов. Антропологизация лингвистики, признание ключевой роли субъективного фактора в построении языковой картины мира – всё это неизбежно способствовало формированию эгоцентрически ориентированной концепции языка. Сама дейктическая теория ориентируется в первую очередь на ситуацию речевого общения, ключевой фигурой в которой является человек, его *я*. Впервые использование концепта *здесь и сейчас* (HIC ET NUNC) в сочетании с концептом *я* (EGO), то есть EGO, HIC ET NUNC, встречается в работе психолога и лингвиста К. Бюлера. Его он рассматривает, опираясь, в том числе, на данные психологических теорий. «Факт ориентированности бодрствующего рассматривается в различных разделах психологии переживаний», – пишет он в работе «*Теория языка. Репрезентативная функция языка*», – «и информацию, необходимую для любой серьезной теории языка, приходится буквально вытягивать из обширного богатства научных данных» [Бюлер 1993: 76]. Разрабатывая модель указательного поля человеческого языка, то есть систему субъективной ориентации, он помещает в исходную точку координат *origo* три основных указательных слова – а именно *hier* «здесь», *jetzt* «сейчас» и *ich* «я». Они выступают в «абсолютной функции» языкового показателя места, времени и индивида, то есть *origo ich/ego/я* указывает на субъекта речевой деятельности (говорящего/наблюдателя), *origo hier/hic/здесь* – на место *я* в пространстве языковой коммуникации и *origo jetzt/nunc/сейчас* – на время осуществления коммуникации [Там же, с. 64–94]. «Если теоретик языка, встретив эти ничем не примечательные по звуковому составу лексические единицы в словаре, попытается определить их функции, то ему не придется ни забираться в эзотерические философские дебри, ни предпочесть благоговейное молчание. Пожалуй, лучше признать, что в конкретном речевом эпизоде они функционируют, конечно, весьма своеобразно, но все же **четко фиксированным образом** (выделено нами – В. А. Гуреев)» – отмечает лингвист [Там же, с. 62–65]. По мнению К. Бюлера, *я* является естественной исходной точкой координат «мировоззрения» в буквальном смысле слова [Там же, с. 79].

Важно подчеркнуть, что наряду с расширением функционального поля HIC ET NUNC в системе координат субъективной ориентации в языковом пространстве все большее внимание в лингвистической литературе вслед за К. Бюлером начинает уделяться особой роли *я*. Подчеркивается его ключевая функция в построении не только речевой ситуации общения, но, что особенно важно, в конструировании языковой картины мира. Исследователи приходят к пониманию того, что язык антропоцентричен

в гораздо большей степени, чем это представлялось ранее (см., [Апресян 1997]). У Э. Бенвениста *я* рассматривается в узко прагматическом смысле, в отрыве от философских и психологических дефиниций данного концепта. Речевые эпизоды употребления *я* не образуют, по его мнению, «единого класса референции» и *я* «может быть определено только в терминах “производства речи” (locution), а не в терминах объектов, как определяется именной знак. *Я* значит человек, который производит данный речевой акт, содержащий *я*» [Бенвенист 2002: 286]. Личные местоимения, а местоимение *я* занимает среди них особое положение, являются у него «первой опорной точкой для проявления субъективности в языке» [Там же, с. 298]. Нельзя не заметить у автора некий дуализм в подходе к рассмотрению *я*: с одной стороны *я* это «человек», с другой – личное местоимение, «пустой знак». Важным для нас, впрочем, представляется пояснение, сделанное лингвистом относительно номенклатуры указателей дейксиса, включающих, в частности, указательные местоимения, наречия, прилагательные. Именно последние образуют пространственные и темпоральные отношения вокруг субъекта речи: *это* (сесі), *здесь* (ісі), *теперь* (maintenant) находятся «в зависимости от *я*, высказывающегося в данном акте» [Там же, с. 296]. Подчеркивается, тем самым, ведущая позиция *я* по отношению к его неизменным соподчиненным элементам, то есть к наречиям места (*здесь*) и времени (*сейчас*).

Триединый концепт *я-здесь-сейчас*, созданный в рамках дейктической теории, в дальнейшем широко используется в философии. В ней, как показывает исследование, под влиянием лингвистики происходит долгожданное соединение давно разрабатываемого концепта НІС ЕТ NUNC с концептом EGO. Примечательно, что через четырнадцать лет после публикации приведенной выше работы К. Бюлера английский философ Б. Рассел в своей монографии «Человеческое познание: его сфера и границы», например, подчеркивает, что человек есть нечто отдельное не только по отношению к другим людям, но и по отношению к своему собственному прошлому и будущему. «Фундаментальным фактом нашей настоящей проблемы является *здесь-теперь*. Я здесь-теперь кое-что знаю ... я отражаю вселенную посредством настоящего содержания мышления» [Рассел 2000: 87–91]. Восприятие, по его мнению, не беспристрастно, а «идет от какого-то центра». И таким центром, конечно же, является человек, его *я*. [Там же, с. 93].

Проведенное исследование показывает, что двухкомпонентная когнитивная матрица НІС ЕТ NUNC долгое время рассматривалась как незавершенная в своём бытии. И в самом деле, интегрируя разные концептуальные области, она предполагает, в том числе (если не в первую очередь), фактор

присутствия субъекта/наблюдателя, то есть человека, его я. Закрепление за последним de jure ведущей роли в образованной трехкомпонентной когнитивной структуре и рассмотрение двух других компонентов вышеуказанной когнитивной матрицы в качестве константных атрибутов ЕГО, ведет к созданию более сложной когнитивной единицы, нежели двухкомпонентная когнитивная матрица. Условно её можно было бы назвать *когнитивной мега матрицей* или *когнитивной эго матрицей*. Учитывая значение эго как в лингво-прагматическом, так и в философском смыслах, создание *когнитивной эго матрицы* можно с полным правом рассматривать как значимый этап в построении теории языкового эгоцентризма, а также в качестве весомого вклада лингвистики в философское осмысление я индивидуума, которое в абсолютном бытийном смысле всегда присутствует здесь и сейчас.

Литература

- Аврелий М.* Наедине с собой. Размышления. М.: ЭКСМО, 2024.
- Апресян В. Ю.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 272–298. (Впервые опубликовано в: Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33).
- Апресян В. Ю.* Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов. М.: Русский язык в научном освещении. 2014. № 1. С. 9–41.
- Бек Дж.* Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. СПб: Питер, 2024.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: УРСС, 2002 (первое изд. 1966 г.)
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993 (первое изд. 1934 г.).
- Конт-Спонвиль Андре.* Философский словарь. Presses Universitaires de France, 2001; М.: ЭТЕРНА, 2012.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точк и зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Морено Я. Л.* Психодрама / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Апрель Пресс: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- ОТС – Оксфордский толковый словарь по психологии. URL: www.809.slovaronline.com.
- Перлз Ф.* Теория гештальт-терапии. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001.
- Рассел Б.* Человеческое познание: его сфера и границы. М.: Республика, 2000 (первое издание 1948 г.).
- Сенека Луций Анней.* Философские трактаты. СПб.: Алетейя, 2001.

V. A. Gureev (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE CONCEPT *HIC ET NUNC* (HERE AND NOW): COGNITIVE FEATURES OF EVOLUTION

Considered are the functional and structural-substantive features of the concept *hic et nunc*. Attention is drawn to the key role of linguistics in expanding the conceptual space of the *hic et nunc* concept due to the attachment of the *ego* concept and, as a result, in the formation of the cognitive *ego* matrix – *ego, hic et nunc*.

Key words: deictic theory, theory of linguistic egocentrism, *hic et nunc* concept, *ego, hic et nunc* cognitive matrix.

A. С. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
sasha.kleimenova@yandex.ru

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ ПЕРСОНАЖА

При изучении концептуальной системы человека традиционно большую роль играет когнитивная метафора, которая позволяет формировать художественный образ. В данной статье исследуются языковые формы, объективирующие сознание персонажа и его деятельность в рамках психологического текста.

Ключевые слова: когнитивная метафора, сознание, языковая концептуализация, концептуальная система, психологический текст.

В процессе освоения реальности индивид формирует когнитивные связи, которые впоследствии эксплицируются в языке в виде метафор, тем самым отображая особенности мышления и восприятия человека. Язык – это когнитивная способность человека, неразрывно связанная с разумом [Михнюк 2012], что, в свою очередь, обеспечивает взаимосвязь с определяющей антропологичность языка когницией, т.е. разновидностью мыслительных операций, которые обслуживают продуцирование и восприятие знаний и языковых выражений [Демьянков 2005]. Результаты использования языка с целью хранения, переработки и передачи знаний могут быть представлены в текстах различных дискурсов.

Так, в художественном тексте репрезентировано скрытое от непосредственного наблюдения сознание персонажа, которому автор приписывает

способность осуществлять категоризацию действительности, основываясь на индивидуальном опыте. Изображенное сознание представляет собой «модификацию реальности, где сочетание традиционного и нарушение заданного подразумевает разнообразие форм текстовой экспликации содержания» [Клейменова 2015: 26]. Деятельность изображенного сознания представляет собой имитацию мыслительных процессов реальной языковой личности и, следовательно, одним из когнитивных механизмов создания концептуальных структур в вымышленном мире можно назвать метафоризацию, то есть установление связи между объектами на чувственном и рациональном уровнях.

Цель работы состоит в изучении роли когнитивной метафоры “Depression is the bell jar” в процессе конструирования сознания персонажа в рамках дихотомии психическая норма и патология. Предметом исследования являются языковые средства объективации данной когнитивной метафоры в романе Сильвии Плат “The Bell Jar” («Под стеклянным колпаком»).

Понятие «сознание» многогранно и многоаспектно, Л. С. Выготский называет его «динамической смысловой сферой, состоящей из эмоциональных, волевых и интеллектуальных компонентов» [Выготский, 2005: 19]. Важнейшая роль в когнитивных процессах человеческого сознания принадлежит метафоре, которая выступает средством реализации аналоговых способностей человеческого разума, т.е. возможности оперировать различными средствами познания и освоения мира – образностью мышления, физическими ощущениями и т.д. Метафора придает результатам познавательной деятельности не только эвристическую, но и эстетическую ценность. Метафора в современной лингвистике трактуется как ключевая ментальная операция, позволяющая индивиду качественно изучать окружающий мир и создавать диахронические связи с уже накопленным жизненным опытом [Чудинов 2007: 55].

Когнитивная метафора определяется как одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания [Кубрякова 1994], как способ структурирования абстрактных сущностей и отношений по образу конкретно-предметных объектов [Лакофф 2004: 4]. В то же время языковая концептуализация неразрывно связана с метафорой, поскольку представляет собой «процесс когнитивной деятельности человека, в результате которого приобретает совокупность знаний о мире, репрезентированная в языковой форме, а также вербальные способы и механизмы интерпретации новых знаний, полученных посредством языковой и мыслительной деятельности» [Волошина 2010: 16].

Когнитивный потенциал метафоры реализуется в процессе взаимодействия двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени. Метафорическая проекция обеспечивает передачу опыта взаимодействия

индивида с миром в наиболее сжатой форме за счет структурирования концептуальной сферы-мишени в терминах сферы-источника [Лакофф 2004: 6]

Формирование представлений о собственном внутреннем мире играет ключевую роль в формировании культурных компетенций человека. Кроме этого, понимание собственного внутреннего мира и внутреннего мира других людей позволяет улучшить социальные навыки человека [Скляревская 1993]. Сопоставительные исследования метафор и их семантики, обозначающих психику человека, подчеркивают ключевые фрагменты наивной картины мира, формирующиеся в виде интегральных образов реальности в обыденном сознании человека [Новоселова 2003].

При изучении проблемы репрезентации сознания в художественном тексте существенными оказываются понятия «психическое здоровье» и «психическая патология». Однако их определение и дифференциация вызывает определенные сложности, связанные с многообразием проявления этих состояний. Согласно ВОЗ, психическое здоровье заключается не только в отсутствии болезни, но и в полном психологическом и социальном благополучии [URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders>]. Помимо этого, выделяются следующие атрибутивные признаки состояния психической нормы: активность, социальная адаптивность, способность к личному росту и развитию, критичность, адекватность реакций [Жмуров 2008: 12]. Психическая патология выявляется путем сопоставления симптомов психического состояния пациента с тем, что принято считать нормальным состоянием психики [Косенко, Красильников 2016].

В XX веке писатели-модернисты большое внимание уделяли механизмам работы сознания, репрезентируя в художественном тексте не только различные состояния сознания героя, но также появление и течение психического заболевания. Главная героиня романа С. Плат “The Bell Jar” («Под стеклянным колпаком»), Эстер Гринвуд, не справившись с резкими переменами в своей жизни, попадает в клинику с подозрением на клиническую депрессию, где проходит электросудорожную терапию. Во время лечения персонаж ощущает себя беспомощным подопытным, который размещен под стеклянным колпаком (the bell jar), таким образом, он одновременно отделен от окружающих людей и доступен для наблюдения. Метафора “Depression is the bell jar” представляет собой индивидуальную концептуальную систему, индивидуально-авторский способ структурирования информации, включающий, по мнению Н. Н. Болдырева, «когнитивные и языковые механизмы формирования смысла, различные конкретные метафорические и метонимические модели, индивидуальные модели концептуальной деривации, концептуальной интеграции, индивидуально-авторские сравнения и метафоры» [Болдырев 2016: 13].

Из сферы-источника (нахождение внутри плотно закрытого стеклянного сосуда) в сферу-мишень (психоэмоциональное состояние) проецируются следующие элементы:

- невозможность изменить ситуацию: “because wherever I sat – on the deck of a ship or at a street cafe in *Paris* or *Bangkok* – I would be sitting under the same glass bell jar stewing in my own sour air” [Plath 2017]. Внутреннее состояние не зависит от перемещения в пространстве. Топонимы *Paris* и *Bangkok*, название транспортного средства *ship* передают идею путешествия, а неизменность внутреннего дискомфорта – прилагательным *same*, метафорически переосмысленными сложным существительным *bell jar* и глаголом *stew*.

- нахождение под постоянным наблюдением: “and I felt as if I were sitting in the window of an enormous *department store*” [Plath 2017]. Эмоционально окрашенное отождествление витрины универмага и больничного помещения основано на прозрачности стекла, отделяющего персонажа от наблюдателей, и передает информацию об отсутствии приватности и уязвимости персонажа.

- беспомощность: “The watch *had been replaced* on my wrist, but it looked odd. Then I realized it *had been fastened* upside down”, “and I screamed, or a *scream was torn* from my throat” [Plath 2017]. Использование глаголов в форме страдательного залога указывает на бессилие героини, утраченную возможность распоряжаться собственным телом и личными вещами.

- подавленное душевное состояние: “To the person in the bell jar, blank and stopped as a dead baby, the world itself is the bad dream” [Plath 2017]. Имена прилагательные *blank* и *dead* актуализируют свое словарное значение, создавая эмоциональность своим импликационалом, а имя существительное *baby* привносит жалость и сочувствие к персонажу;

- нехватка жизненных ресурсов, ограниченный запас воздуха в стеклянном колпаке: “How did I know that someday – at college, in Europe, somewhere, anywhere – *the bell jar*, with its stifling distortions, wouldn't descend again?” [Plath 2017]. Эпитет *stifling* передает эмоционально окрашенную идею удушающей атмосферы внутри колпака.

Метафора как феномен мышления играет существенную роль в формировании наивной картины мира обывателя, в рамках которых происходит осмысление и преобразования такого сложного понятия, как сознание. Понимание сознания путем использования метафорических образов, построенных с помощью проекции на уже знакомые объекты и явления, позволяет читателю лучше понять себя и другого, сузить разрыв между известным и еще не познанным. Эта метафора, вынесенная в сильную позицию, в заглавие романа, трансформируется в эмоциональный символ.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
- Волюшина К. С.* Фразеологизм как средство концептуализации понятия «гендер» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010.
- Выготский Л. С.* Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005.
- Демьянков В. З.* Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5–10.
- Жмуров В. А.* Общая психопатология, 2008.
- Клейменова В. Ю.* Языковые формы репрезентации реальности и вымысла в английской волшебной литературной сказке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2015.
- Косенко Н. А.* и др. Современные критерии разграничения психической нормы и патологии // Кубанский научный медицинский вестник. 2016. № 2. С. 94–97.
- Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
- Михнюк А. Н.* Пределы и границы совершенного языка в когнитивном каркасе // Научный аспект. 2012. № 3. С. 81–87.
- Новоселова А. А.* Метафорическая концептуализация сознания в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003.
- Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.
- Чудинов А. П., Будаев Э. В.* Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 54–57.
- Plath S.* The Bell Jar. Faber & Faber, 2017.

*A.S. Kleimenova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University*

METAPHOR AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING THE CHARACTER'S CONSCIOUSNESS

When studying the conceptual system of a person, a cognitive metaphor traditionally plays a major role, which allows one to form an artistic image when reading fiction. This article examines the linguistic forms that objectify the consciousness of a character and his actions within the framework of a psychological text.

Key words: cognitive metaphor, consciousness, linguistic conceptualization, conceptual system, psychological text.

А.Л. Колесникова, О.Б. Абакумова (Орел, Россия)
Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева
anna-perevod@yandex.ru, abakumova-ob@mail.ru

ПОСЛОВИЧНЫЙ КОНЦЕПТ ПРАВДА В РУССКИХ, НЕМЕЦКИХ И ЯПОНСКИХ ПАРЕМИЯХ

В настоящей статье проводится исследование пословичного концепта ПРАВДА в русской, немецкой и японской лингвокультурах на основе метода анализа семантических ролей. Анализ позволил выявить универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых паремиологических репрезентаций данного явления в трех языковых культурах.

Ключевые слова: пословичный концепт, концептуальный анализ, ПРАВДА/MAKOTO/WANRHEIT, русский язык, японский язык, немецкий язык.

В последние десятилетия многие лингвистические исследования фокусируются на изучении концептов – ментальных образований. Язык сегодня рассматривается не только как средство общения и коммуникации, но и как особый код нации, в котором определенным образом закодирована лингвокультурологическая информация. Концепты, будучи национально маркированными образованиями, выступают «ключом» к такой специфической информации.

Н. Н. Болдырев определяет концепты как «идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания» [Болдырев 2014: 39]. Н. Н. Болдырев, указывая на сложный характер структурной организации концепта, подчеркивает, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции, разного содержания, по-разному представленные в языке: «Концепт – это может быть и отдельный смысл, и целая концептуальная структура, включающая другие концепты и задающая другие ступени абстракции» [Болдырев 2014: 51].

Если анализ концепта проводят на материале пословиц, то речь идет о пословичном концепте. Согласно определению, предложенному О. Б. Абакумовой, под пословичным концептом понимается «совокупность семантических ролей, качественных разного рода, выполняемых именем концепта в семантической структуре пословичных предложений-высказываний, представляющих паремический дискурс объекта» [Абакумова 2023: 37].

Такой подход дает возможность описать универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых явлений в двух языковых культурах. В результате анализа по материалам словаря «Народная мудрость» [Мокиенко, Никитина 2011] было выявлено более 200 русских пословиц о правде, что дало возможность описать онтологические, аксиологические, модальные, гносеологические признаки концепта ПРАВДА.

В японском языке слово «правда» *макото* может быть записано с помощью трех иероглифов со значением «правдивость», «подлинность»: 真 – «правда», «подлинность», «истинность», 実 – «правда», «действительность», он же «плод», «суть», «содержание» и 誠 – «правдивость», «искренность», «истинность». Концепт МАКОТО рассмотрен в статье Герасимовой М. П., в которой указывается на то, что компонент «кото», входящий в состав слова «макото», в свою очередь может быть записан с помощью двух иероглифов 言 *кото* и 事 *кото* и одновременно соответствует понятиям «слова» и «дела». Таким образом, «*макото 1* – “истинные слова” и *макото 2* – “истинные дела” подразумевают высшую степень искренности слов и честности, правильности мыслей, действий, поступков. Взаимосвязь “истинные слова – истинные дела” можно рассматривать как один из движущих факторов морального долженствования» [Герасимова 2020: 126]. Слово *правда* в японском языке также передается лексемами *синри* 真理 – истина, правда, *синдзицу* 真実 – правда, правдивый, действительный, *хонто* 本当 – правда, правильность.

Проанализировав более 20 японских пословиц о правде по материалам японских словарей [Судзуки, Хирота 1956], мы выяснили, что понятие «правда» записывается в японских пословицах иероглифами 真, 実 и 誠, а также лексемой 正直 *сё: дзики* – честность, добросовестность, порядочность; прямота, правдивость, 理 *ри* – довод, резон, правда, справедливость.

Онтологические признаки концепта ПРАВДА представлены следующими падежными категориями: **квалитатив единственности** – правда понимается как единственно возможная 理に二つはない *ри-ни футацу ва най* (букв. Двух правд не бывает). Ср. также рус. *Лжи много, а правда одна* и нем. *Die Wahrheit hat nur eine Farbe, die Lüge mancherlei* (букв. Правда одного цвета, а ложь – разных (цветов)). **Квалитатив искренности, очевидности** 内に誠あれば外に形る *ути-ни макото арэба сото-ни аварару* (букв. Если внутри правда, то она и снаружи проявится). Значение данной японской пословицы следующее: правда, которая содержится в душе и мыслях человека, непременно проявится в его словах и поступках. **Квалитатив множественности**: *И твоя правда, и моя правда, и везде*

правда – а где она? **Квалитатив изменчивости:** Была когда-то правда, а нынче стала кривда.

Аксиологические признаки: квалитатив (высшей) ценности – правда как ценность, которая вознаграждается, или которую надо беречь: *Правда – свет разума; Правда дороже золота; Die Wahrheit ist ein Kleinod, darum will sie mancher nicht alle Tage zur Schau tragen* (букв. Правда – это сокровище, поэтому многие не хотят каждый день выставлять ее напоказ). Ср. япон. 誠は宝の集まり所 *макото ва такара-но ацумаридокоро* (букв. Правда – это сокровищница, место, где хранятся сокровища). Правда вознаграждается сверху. Вариант данной японской пословицы с тем же смыслом: 正直の頭に神宿る *сё: дзики-но ко: бэ-ни ками ядору* (букв. В честной голове живёт бог). Ср. рус. пословицы: *Честному бог помогает, Кто правду хранит, того бог наградит (квалитатив принадлежности высшим силам)*. Правду нужно беречь: 正直の儲けは身につく *сё: дзики-но мо: кэ ва ми-ни цуку* (букв. Честно нажитое впустую не растрачивают).

Правда в русской и японской культурах может иметь и отрицательные коннотации: **квалитатив внешней непривлекательности** – правда может быть некрасива, неприятна: 信言は美ならず、美言は信ならず *сингэн ва би нарадзу, бигэн ва син нарадзу* (букв. Правдивые речи не красивы, красивые речи не правдивы). Ср. нем. пословицы: *Die Wahrheit hat Tinte im Gesicht* (букв. У правды чернила на лице). **Квалитатив нежелательности, опасности:** рус. *Правда глаза колет*. Ср. нем. *Wahrheit tut der Zunge weh* (букв. От правды болит язык); *Die halbe Wahrheit ist die gefährlichste Lüge* (букв. Полуправда – это самая опасная ложь). **Квалитатив простоты, наивности:** 正直は阿呆の異名 *сё: дзики ва ахо:-но имё:* (букв. Правдолюб – другое имя глупца). Ср. рус. *Глупый да малый всегда говорят правду*. Синонимичный вариант данной пословицы: 律儀は阿呆の唐名 *ритиги ва ахо:-но то: мё:* (букв. Честность – это китайское название глупости). Ср. нем.: *Kinder und Narren sagen die Wahrheit*. **Квалитатив силы, могущества:** *Die Wahrheit ist ein Schwert, das Lügen zerschneidet* (букв. Правда – это меч, который разрубает /рассекает ложь; *Die Wahrheit schwimmt nach oben wie Öl auf dem Wasser*. Ср. рус. *Правда что масло: всегда наверх всплывает; Die Wahrheit brennt nicht im Feuer und versinkt nicht im Wasser*. Ср. рус. *Правда в огне не горит и в воде не тонет; Die Wahrheit behält den Sieg*. Ср. рус. *Правда всегда победит; 衣のしたから鎧が見える* *коромо-но сита-кара ёрой га мизэру* (букв. Из-под одежды торчат доспехи). В данной пословице говорится о том, что правда выйдет на свет, на поверхность, как бы ее ни прятали (доспехи все равно покажутся из-под одежды, как бы их ни прятали).

Модальные признаки: Прескриптив нравственного поведения: *Хлеб-соль ешь, а правду режь. Что себе не хочешь, того и другим не твори. Sprich, was wahr ist* (букв. Говори то, что соответствует действительности); 誠は天の道なり之を思うは人の道なり *макото ва тэн-но мити нари корэ-о омоу ва хито-но мити нари* (букв. Правда дается свыше небесами, и те люди, кто руководствуется правдой, встают на путь становления настоящим человеком). В любых делах человек должен руководствоваться правдой, стремиться к искренности. **Квалитатив необходимости:** *Без правды не житье, а вытье. Красота лучше, а правда нужнее.*

Гносеологические признаки концепта ПРАВДА: квалитатив принадлежности высшим силам: *Правда живет у Бога; За правду Бог и добрые люди. 誠は道の親* *макото ва мити-но оя* (букв. Правда – наставник, создатель пути). В японских пословицах прослеживается представление о правде как о «зерне», которое есть во лжи: 嘘にも種が要る *усо-ни мо танэ-га иру* – (букв. Даже лжи требуется зерно, основание. Даже ложь требует основания). 嘘から出た実 *усо-кара дэта макото* (букв. Правда, появившаяся, вышедшая из лжи; Ложь доведет до правды (случайно или в шутку высказанная неправда содержит частицу правды и в итоге ее обнаруживает) (**квалитатив общего основания**). 根も無い嘘から芽が生える *нэ мо най усо-кара мэ-га хаэру* (букв. Из беспочвенной, не имеющей корней лжи иногда прорастают ростки правды). **Квалитатив соответствия фактам действительности:** *Не верь чужим речам, верь своим очам, Факты – упрямая вещь. Квалитатив коллективного обсуждения, взаимодействия:* *В споре рождается истина, Одна голова хорошо, а две лучше.*

Для русского пословичного концепта национально специфическими являются **квалитатив справедливости** (*Все минется, одна правда останется, Правда всегда перевесит/свое возьмёт*) и **квалитатив отсутствия справедливости:** *Нет правды на свете; Ищи ветра в поле, а правду на дне моря.*

Проведенный анализ показывает, что в ядре русского пословичного концепта онтологические признаки уступают место аксиологическим, преобладает эмоциональная оценка: факты и закон жизни вытесняются стремлением к идеалу, высшей ценности, порядку, основанному на справедливости, честности. В ядре немецкого и японского пословичного концепта аксиологические признаки также превалируют над онтологическими. Во всех трех языках общим в рамках аксиологического признака пословичного концепта ПРАВДА являются квалитативы высшей ценности, силы и могущества, а также внешней непривлекательности. Все три пословичных концепта также в той или иной степени содержат модальный признак – прескриптив нравственного поведения.

Литература

Абакумова О. Б. Аксиологическая составляющая русского пословичного концепта Правда // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. М.: ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 36–43.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Герасимова М. П. *Макото* – исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 126–138.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа-Групп», 2011.

Судзуки Т., Хирота Э. Кодзи котовадза дзитэн (Словарь японских пословиц и поговорок). То: кё:: То: кё: до: сюппан. 1956.

Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки: Сборник. М.: Высш. шк., 1989.

A. L. Kolesnikova, O. B. Abakumova (Orel, Russia)

Orel State University named after I. S. Turgenev

THE PROVERBIAL CONCEPT TRUTH IN RUSSIAN, GERMAN AND JAPANESE

This article studies the proverbial concept of TRUTH of Russian, German and Japanese linguocultures based on the method of semantic role analysis. The analysis allowed to reveal universal and nationally specific properties of the same phenomenon in three linguistic cultures.

Key words: proverbial concept, conceptual analysis, TRUTH/MAKOTO/WAHRHEIT, Russian, Japanese, German.

С. В. Королёв (Одинцово, Россия)

*Московский государственный институт
международных отношений (университет)*

МИД России (Одинцовский филиал)

s.korolev@odin.mgimo.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМНОГО И ИЗБЫТОЧНОГО В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Анализируются языковые и когнитивные аспекты проявления экономии и избыточности во фразеологии английского языка. Показано, что потребность человека экономить свои когнитивные ресурсы проявляется на языковом уровне либо в сокращении, либо в увеличении формы языкового знака. Когнитивная экономия

в группе сочинительных фразеологизмов обеспечивается в случаях, когда первый компонент сочетания отражает прототипический концепт или относится к базовому уровню категоризации, чем обеспечивается более легкая обработка всего сочетания. Помимо этого, экономия достигается за счет идиоматичности, которая подразумевает наличие экспрессивных, эмотивных, оценочных и иных смыслов, обеспечивающих глубину смысла языковых единиц.

Ключевые слова: фразеология, языковая экономия и избыточность, сочинительные фразеологизмы, когнитивный принцип парности.

Тенденция к экономии в языке обусловлена как биологическими, так и когнитивными особенностями человека и его сознания. «Принцип экономии в языке – одно из частных проявлений инстинкта самосохранения. Это – своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и воспроизводством речи» [Серебренников 1988: 95].

В статье рассматриваются некоторые вопросы экономии и избыточности в плоскости языка и когниции в особой группе фразеологизмов английского языка – сочинительных фразеологизмах (СочФЕ), типа *null and void, by hook or by crook, last but not least*. Ведущим принципом формирования смысла таких языковых знаков является когнитивный принцип парности, в котором отражено свойство человеческого сознания к сопоставлению и последующей объективации связанных между собой той или иной связью ментальных проекций предметов и явлений окружающего мира. На внешнем уровне особенностью таких фразеологизмов является последовательное расположение компонентов сочетания. Разнообразие связей между компонентами позволяет человеку выражать широкий спектр смыслов экономным способом.

Языковую экономию в сфере фразеологии чаще всего связывают с количественными характеристиками языкового знака. Например, *put on airs (and graces), turn to (dust and) ashes*.

Обобщая работы лингвистов, можно определить когнитивную экономию как возможность говорящего «выразить максимум информации с использованием минимальных затрат по ее обработке» [Evans, Green 2006: 216], для слушающего, в свою очередь, это возможность задействовать минимальные инференциальные усилия для экспликации смысла высказывания, что обусловлено наличием в сознании человека когнитивных структур, обеспечивающих подобную экспликацию [Козлова 2019: 43].

Языковая и когнитивная экономия представляют собой неразрывное взаимообусловленное единство. Их разделение возможно лишь в ис-

следовательских целях. За появлением и изменением языковой единицы в процессе использования человеком стоит работа сознания, связанная с переработкой поступающей информации, и, в общем, интерпретацией мира и знаний о мире посредством языка. Одним из типичных примеров языковой экономии обычно служит образование фразеологизма от пословицы. Так, от пословицы *What you lose on the swings, you gain on the roundabouts* образована СочФЕ *swings and roundabouts* (a situation in which certain gains, advantages, or other positive aspects or outcomes are offset or balanced by equally disadvantageous losses, setbacks, or negative outcomes (or vice versa) [FD]). Данный процесс языковой компрессии когнитивно обусловлен. В данном случае мы усматриваем действие механизма когнитивного фокусирования: однотематические существительные *swings* и *roundabouts* (качели и карусели) выделяются сознанием как значимые. По мере распространения пословицы в языковом коллективе вступает в действие принцип экономии речевых усилий, смысл упаковывается в более компактную форму сочинительного сочетания, представляющую собой когнитивно-речевой шаблон, т. е. готовую схему объективации комплексных структур знания.

(1) *This promotion has meant I can provide for my family much more easily, but it's so demanding that I don't see them all that much – what you gain on the swings, you lose on the roundabouts/it's swings and roundabouts* [FD].

Помимо простого сокращения формы языкового знака у СочФЕ *swings and roundabouts* расширяются, по сравнению с пословицей, грамматические и сочетаемостные характеристики и, следовательно, появляется возможность более простого способа упаковки глубокого образного смысла:

(2) *The government needs to be wary of the swings and roundabouts of a slight surplus in the budget, because many problems can follow on the heels of unfettered increases in spending* [FD].

Рассматривая когнитивную экономию на уровне фразеологии и, в частности, на материале СочФЕ английского языка, можно условно выделить несколько уровней анализа: когнитивная экономия на этапе формирования сочетания и экономия на уровне семантики фразеологизма. В первом случае можно говорить о том, что в случаях согипонимии компонентов на первом месте скорее всего будет стоять компонент, отражающий прототипический концепт. Примером может служить СочФЕ *apples and oranges* (if you say that two things are *apples and oranges*, you mean that they are completely different and cannot be compared [CCID: 9–10]). Далее, при отношениях конкретизации и генерализации между компонентами СочФЕ первый компонент будет относиться к базовому

уровню категоризации, последующие – к субординатному или суперординатному уровню категоризации. В этих случаях когнитивная экономия обеспечивается большей концептуальной доступностью прототипов и концептов базового уровня, меньших когнитивных затратах по их обработке. Так, в СочФЕ *aid and abet* (to assist someone, usually in a mischievous or illegal activity [FD]) глагол *aid* относится к базовому уровню категоризации, а *abet* – к субординатному, так как имеет более узкое значение, а в СочФЕ *in this day and age* (in the current time in history [FD]) второй компонент *age* относится к суперординатному уровню категоризации, так как человек в обычных условиях, скорее всего, измеряет свою жизнь днями, а не веками. СочФЕ *aid and abet* и *in this day and age* являются избыточными по форме. Когнитивная экономия в данном случае выражается еще и в идиоматичности, присущей данным сочетаниям (об этом см. ниже): имеет место экономия за счет избыточности формы языкового знака.

Еще одним значимым способом экономии когнитивных ресурсов как говорящего, так и слушающего в рамках объективации знаний о мире посредством сочинительной конструкции является кодирование иконического следования. Иконический способ означивания является в значительной степени экономичным и доступным для интерпретации, «поскольку сама форма помогает декодировать смысл». Суть данного принципа заключается в «выборе такой формы, которая отражает в той или иной степени ментальный образ объекта в нашем сознании» [Козлова 2018: 54]. Парная сочинительная конструкция как нельзя лучше подходит для означивания естественного порядка следования событий или явлений действительности в пространственно-временной или причинно-следственной плоскости (*dead and buried, born and bred*) за счет линейного развертывания сочинительной конструкции.

На втором уровне анализа (семантики целого) можно отметить характерную для большинства фразеологизмов идиоматичность, которая является мощным средством компрессии информации. Процесс идиоматизации подразумевает компрессию информации в плане содержания, то есть появление семантической целостности у языковых единиц, и в плане выражения, то есть превращения единиц более высоких уровней в единицы более низких уровней [Молчкова 2012: 127–128]. Идиоматичность так называемых парносинонимичных СочФЕ (напр., *moan and groan, toil and moil*) обусловлена усложнением указания на денотат [Баранов, Добровольский 2024: 45]. Так, СочФЕ *pick and choose* можно формально считать избыточным как на уровне синтагматики (семантический повтор), так и на уровне парадигматики (увеличение количества языковых

единиц). Однако, подобные языковые единицы экономнее отдельных слов за счет содержащегося (и зачастую преобладающего) в семантике фразеологизмов коннотативного компонента, в который входят в том числе экспрессивные, эмотивные и оценочные составляющие. Сказанное по поводу коннотации верно для всех фразеологизмов, где так или иначе присутствует идиоматичность.

Таким образом, когнитивная экономия во фразеологии обусловлена, в первую очередь, идиоматичностью, которая обуславливает преобладание коннотативного аспекта в семантике устойчивой языковой единицы. Применительно к сочинительным фразеологизмам можно говорить о когнитивной экономии, во-первых, в тех случаях, когда первый компонент сочетания выражает прототипический концепт, либо относится к базовому уровню категоризации. Бóльшая концептуальная доступность такого рода компонентов ведет к меньшим затратам на обработку данных языковых единиц, что экономит когнитивные усилия человека. Далее, иконический способ объективации действительности также когнитивно экономен, так как передает действия, состояния и т.п. в той же последовательности, что они совершаются или находятся во внеязыковой действительности. Перспективу исследования представляет изучение реализации когнитивной экономии и избыточности сочинительных фразеологизмов в речи.

Литература

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2024.

Козлова Л. А. Явление иконичности в языке: семиотический, когнитивный и коммуникативный аспекты (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 47–55.

Козлова Л. А. Когнитивная экономия и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 37–45.

Молчкова Л. В. Идиоматизация как способ компрессии информации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 124–128.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988

CCID – Collins COBUILD Idioms Dictionary. 4th ed. / Ed. by Penny Hands. HarperCollins Publishers Ltd., 2020.

Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Edinburgh University Press, 2006.

FD – The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com>.

S. V. Korolyov (Odintsovo, Russia)
MGIMO University (Odintsovo Branch)

COGNITIVE ASPECTS OF ECONOMY AND REDUNDANCY IN ENGLISH PHRASEOLOGY

The article analyses some aspects of linguistic and cognitive economy and redundancy in English binomials. Cognitive economy in binomials takes place when the more prototypical concept precedes the less prototypical one and when basic level concepts precede subordinate or superordinate ones. Such concepts have greater conceptual accessibility, making the whole phrase easier to process. The author argues that idiomaticity that ensures the connotation of phraseologisms plays a crucial role in information compression making binomials more economic than free word-combinations.

Key words: phraseology, linguistic and cognitive economy and redundancy, coordinate set-phrases, cognitive principle of pairing.

В. Г. Кульпина (Москва, Россия)
*Институт научной информации
по общественным наукам (ИНИОН РАН)
vgrkulpina@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЦВЕТА В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ: ЭСТЕТИЧЕСКИЕ И ГЕНДЕРНЫЕ МАНИФЕСТАЦИИ

В статье описываются эстетические ценности и гендерные различия в цветообозначении человека в русском и польском языках в аспекте концептуализации и категоризации. Показывается когнитивная и прагматическая специфика определенного сегмента цветовой картины мира в обоих языках.

Ключевые слова: цветообозначение, концептуализация мира, категоризация мира, языковая картина мира, гендерные исследования, русский язык, польский язык.

В фокусе статьи – цветовые маркеры гендерных различий русского и польского языков. Человек способен к концептуализации широчайшей гаммы красок окружающего мира, причем не только предметов, но и абстракций, эмоций, возрастных, эстетических и гендерных категорий. При этом участие терминов цвета в гендерной дистрибуции мира человека является собой новый предмет исследования, тесно связанный с когнитивными ис-

следованиями, с познанием человеком самого себя. Человек способен видеть себя в красках – свою внешность, характер и эмоции, черты личности. Люди описывают себя и других людей с помощью разных цветоизобразительных языковых средств, в том числе используя цветовые фразеосочетания, напр. *barwna osobowość* – яркая личность, *ciemny typ* (букв. ‘темный тип’) – темная лошадка. Цветообозначение человека выполняет целый ряд функций, связанных с языковой прагматикой. Наблюдения показывают, что в области цветообозначения человека эстетические и гендерные категории проявляют себя в тесной взаимосвязи и весьма рельефно, что позволяет органично вписать их в круг вопросов, решаемых лингвистикой цвета.

Цветом мы наделяем как всего человека, так и отдельные части его тела – лицо, глаза, щеки, шею, губы... И все эти элементы человеческой природы вместе и по отдельности «окрашены» этническим цветовидением. В каждом языковом ареале цветообозначение, в том числе цветообозначение человека, выглядит по-своему, не так, как в других языках. Цвет, как и всё в языке, формируется внутри *своего* родного языка, «внутри себя», своей этнокультуры. В цветообозначении человека можно выделить влияющие на него факторы, зависимости. Цветообозначение человека способно указывать на его физическое состояние, эмоциональный настрой, возрастные особенности, нередко это вопрос мнения и впечатления. Органы чувств также наделены цветом – глаза, уши..., а маркирование цветом органов чувств осуществляется вне связи с их базовой биологической функцией. Цвет человека формируется в зависимости от языковой и в целом этносреды, в которой он пребывает, от взаимодействия с таковой, от ее физического, эмоционального, эстетического и др. воздействия, затрагивающего и гендерные особенности цветообозначения.

1. О цветообозначении человека как эстетической оценке и ее гендерных проявлениях. В описаниях человека могут участвовать цветовые компоненты. О человеке на основе его внешнего вида могут сказать, что он *румяный, бледный, загорелый* и т.п. В таких цветовых описаниях могут обращаться к цвету лица, щёк... Так, *румяным* часто называют человека с румяными красными щеками, у которого *щеки с румянцем*. Такими румяными и с румянцем могут быть и мужчины, и женщины. Вместе с тем *девичий румянец*, как вытекает из семантической структуры самого выражения, встречается только у девушек, представительниц женского пола. С польским языком проступают выраженные аналогии: см. общеизвестную строфу из поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш»: «*i panieńskim rumieńcem dzięcielina pała* ‘и девичьим румянцем горит клевер’». К мужчинам такое выражение не приложимо, такой румянец у мужчин языком не фиксируется.

2. Глаза человека: эстетическая и гендерная маркированность.

В польском языке особой эстетикой и положительной оценочностью наделены *зеленые глаза* – польс. *zielone oczy* как глаза хорошего и правильного человека. Приятными, свойскими видятся полякам *piwne oczy* ‘глаза цвета пива, светло-карие’. Эстетически и гендерно маркированными являются в польском лингвокультурном пространстве *fiołkowe oczy* ‘фиалковые глаза, цвета фиалки’: они могут принадлежать только миловидным и милым девушкам. В русском языке особая эстетика закреплена за *синими глазами* как очень красивыми и принадлежащими дорогому нам человеку или кому-либо иному, поэтизируемому в песнях и стихах.

3. *Цвет губ у женщин как яркий гендерный признак.* Естественный цвет губ обычно определяется как *красные* или *розовые*. Благодаря фантазиям косметологов, воплощенным в продуктах косметической отрасли, губы получили богатую гамму красок и оттенков: *лиловый, бордовый* и др. И губы так окрашенные – принадлежность исключительно женского пола. Примечательно, что на цвете губ мужчин внимание, как правило, не фиксируется. В литературно-художественных текстах цвет губ, как правило, выступает индикатором эстетической оценки, а также гендерной отмеченности. Особенно красивы в русском языке *алые губы*, принадлежащие привлекательной и душевной девушке; именно такой типаж предполагает использование данного термина цвета. Если губы назовут *коралловыми* – польс. *koralowe* (международный литературный блуждающий сюжет), то по умолчанию можно предположить, что речь идет о молодой женщине (которая нравится нарратору). О молодом возрасте женщины как объекте цветообозначения в поэтическом тексте можно также заключить из соответствующих сравнений и метафор. В польском языке губы сравнивают с вкусными ягодами, см. *usta jak maliny, jak wiśnie* ‘губы как малина, как вишня’. В русском языке частотно сравнение губ с вишней; они могут сравниваться с соком граната, что закреплено лексикографически (см.: [Горбачевич 2004: 62]).

4. *Цвет ушей как индикатор эмоциональных состояний волнения, возбуждения*, смущения и стыда. Обладание *красными ушами* чаще всего приписывается юношам, совершившим какой-л. проступок, или напавшим мальчишкам, которые испытывают смущение или стыд, что и проявляется в покраснении ушей. В то же время уши в русском языке могут выступать как индикатор ярких эмоций, от которых они *горят и пылают*; прослеживается аналогия с польским языком: от эмоций уши *czzerwienią się* ‘краснеют’ и *palają* ‘пылают’ (см. *palające uszy* ‘пылающие уши’). Между описываемыми состояниями (*покраснения* и *горения*) есть существенная разница: уши *крас-*

неют в основном от смущения, но *горят* и *пылают* от стыда как результат большого эмоционального возбуждения и переживания.

О покрасневшем от смущения человеке (юноше или мальчике, редко о взрослом мужчине) мы можем сказать, что он *покраснел до ушей*. а о покрасневшей от смущения или стыда женщине мы чаще скажем иначе: *залилась краской* или *пошла красными пятнами*. Только поведение женщины мы можем охарактеризовать с помощью эстетически маркированного глагола *zarдеться* ‘покраснеть от смущения’.

5. Цветовые сигналы социального поведения человека. Термины цвета способны фиксировать социальные характеристики человека. Так, *красное лицо* и особенно *красный нос* могут указывать на злоупотребление алкоголем носителя такого лица и такого носа, служа сигналом социальной деградации и эвентуально асоциального поведения. При этом *багровый нос* является показателем прочного пристрастия его обладателя к алкоголю. *Красный нос* и *багровый нос* являются принадлежностью мужского пола. В польском языке аналогичным ярким социоцветовым маркером является сочетание *fioletowy nos* ‘фиолетовый нос’. Эта цветовая особенность носа указывает в польском языке только на мужчин и свидетельствует об их алкогольных пристрастиях. Впрочем, стоит здесь упомянуть о том, что сочетание *красный нос* в русском и польском языках как минимум бифункционально. Ведь красным нос может быть как минимум не только от алкоголя, но и от холода. Однако в любом случае этими цветовыми маркерами выделяют мужчин, не принято фиксировать внимание на красном носе у женщин.

6. Цвет волос как знак гендерной дистрибуции. Цветообозначение волос самым непосредственным образом может указывать на гендерные различия. Так, к примеру, о мужчине мы не скажем, что, *у него *тициановский цвет волос* – польск. *tycjanski kolor wlosó* Такой цвет волос – принадлежность только женского пола. В свою очередь разговорное определение совершенно белого цвета волос в польском языке *świński blondyn* (букв. ‘свинский блондин’, несколько вульгарно о блондинах с совершенно белым цветом волос, альбиносах) не может быть в силу языковой и культурной традиции отнесено к женщинам. В русском же языке не принято цвет волос у женщин определять через атрибут **белобрысая*, который уместно относить к лицам мужского пола, прежде всего к мальчикам и юношам. При этом атрибут *белокурая* чаще может характеризовать цвет волос женщин, чем мужчин (см.: [Кульпина 2019: 45]).

7. Гендерная дифференциация цветообозначений как важный информативный элемент текста. Означивание цветом реляций внутри

социума является плодом многовековых наблюдений за жизнью человека и его реакциями на окружающий мир. При описании внешности человека и его поведенческих реакций цветовые маркеры могут выполнять важные информативные и семиотические функции, в том числе по фиксации гендерных различий и соответствующих отношений в социуме. Цветообозначение человека имеет выраженный гендерный аспект, что позволяет выявить системный (словарный) и текстовой анализ. При этом даже краткий анализ показывает, что в картине цветообозначения человека в русском и в польском языках исходно заложена гендерная дифференциация, которая вместе с тем непосредственно связана с фиксацией эстетических ценностей. Какую бы часть тела человека мы ни рассматривали с точки зрения цветообозначения и гендерной дифференциации, любая из них является полем проявления значительных гендерных различий. Проведенный анализ позволяет заключить, что в цветовой картине мира русского и польского языков исходно заложено более толерантное, «щадящее» женское самолюбие употребление цветовых маркеров с умалчиванием эвентуальных неэстетичных моментов. Данный ракурс анализа, впрочем, на наш взгляд, нуждается в более углубленном и детальном анализе.

Проведенный анализ дает основания для вывода, что гендерная дифференциация заложена в языке в самой системе цветообозначения и имеет яркие проявления в цветовых картинах мира русского и польского языков, в том числе в фиксации эмоциональных состояний человека. Гендерная дифференциация тесно связана с возрастным фактором. Так, гендерная принадлежность чаще маркируется цветом у молодых людей.

Цветовые примеры достаточно очевидны и практически не оставляют интерпретационного зазора. Цветовые маркеры недвусмысленно указывают на эстетическую и гендерную дистрибуцию в связи с внешностью человека в сопряженности с социальными ценностями и антиценностями. Между русским и польским языками имеет место значительное поле аналогии. Вместе с тем специфика каждого из рассматриваемых языков вполне наглядно себя проявляет и измерима в конкретных параметрах – в дистрибутивных моментах, характере сравнений и цветовых оттенков и др. под.: см. *usta jak maliny* ‘губы как малина’ и *алые губы*.

Литература

- Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: АСТ: Астрель, 2004.
- Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: От истории к современности цветковых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019.

V. G. Kulpina (Moscow, Russia)

Institute of Scientific Information on Social Sciences

CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF COLOR IN RUSSIAN AND IN POLISH: AESTHETIC AND GENDER MANIFESTATIONS

The article describes aesthetic values and gender difference of colourmarking of people in Russian and in Polish in the aspect of conceptualization and categorization of the world. The article shows the cognitive and pragmatic specificity of color worldview in the certain segment of both languages.

Key words: term of colour, conceptualization of the world, categorization of the world, linguistic worldview, gender studies, Russian language, Polish language.

А. Ю. Кутимская (Иркутск, Россия)

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет
alina.kutimskaja@yandex.ru*

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛОВ КОНЦЕПТОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО БАНКОВСКОГО ДЕЛА

В статье описаны некоторые когнитивные механизмы, взаимосвязанные с методом концептуально-таксономического анализа, используемого с целью обобщения и систематизации ментальных структур.

Ключевые слова: когнитивные механизмы, концептуально-таксономический анализ, метафора, метонимия, интеграция, инференция.

Центральной идеей, лежащей в основе объяснения общих процессов концептуализации и категоризации, является то, что эти процессы осуществляются по определенным когнитивным моделям с помощью конкретных схем и механизмов. Когнитивные механизмы – это психические процессы, которые лежат в основе человеческого мышления, восприятия и понимания мира. Метод концептуально-таксономического анализа (КТА), впервые разработанный и описанный Н. Н. Болдыревым [Болдырев 2007] с целью обобщения и систематизации отдельных приемов когнитивного анализа,

занимается классификацией и систематизацией знаний, выраженных в языке, с целью понимания организации информации ментальных структурах. Связь между КТА и когнитивными механизмами является прямой и существенной: КТА предоставляет лингвистические данные, которые отражают работу когнитивных механизмов, в то время как когнитивные механизмы объясняют, почему концептуальные структуры организованы именно так, как это обнаруживается в языке. Каждая такая конфигурация определенного концептуального содержания и представляет собой отдельное значение слова.

Исследование лексики банковского дела в русском и немецком языках с применением КТА в сочетании с пониманием когнитивных механизмов позволяет получить глубокое представление о том, как концептуализируются и организуются знания в данной специализированной области. Это позволяет не просто описать лексику, но и понять, как она отражает когнитивные процессы, лежащие в основе мышления о банковском деле. КТА используется для выявления основных концептов, связанных с банковским делом (например, КРЕДИТ, ВКЛАД, ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА, РИСК), определяет иерархические отношения между концептами (например, КРЕДИТ → ИПОТЕЧНЫЙ КРЕДИТ, ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ КРЕДИТ).

Наиболее известными в когнитивной лингвистике являются процессы моделирования, метафоризации, метонимии, профилирования и перепределения, описанные Р. Лэнкером [Langacker 1987]. Н. Н. Болдырев продолжил эти исследования [Болдырев 2019]. Понятие различных измерений или принципов построения образных схем при конструировании концептуального содержания получило дальнейшее развитие в отечественной лингвистике в виде когнитивных механизмов формирования смысла, или механизмов структурирования концептуального содержания. Н. Н. Болдыревым описаны различные способы вторичной репрезентации, или метарепрезентации, исходного концептуального содержания, которое уже представлено в другой языковой форме. Этот механизм можно обозначить как концептуальную деривацию или *модель изменения определенного концептуального содержания с помощью языковых средств с целью формирования и передачи нового смысла*. Для создания данной модели используются такие когнитивные механизмы, как: концептуальная метафора, концептуальная метонимия, концептуальная интеграция, инференция и другие.

Приведем некоторые примеры.

Концептуальные метафоры часто используются для описания абстрактных банковских концептов. В русском языке это «Кредитная петля» (не-

ожиданное сравнение с петлей, символизирующее долговую зависимость); «токсичные активы» (применение термина «токсичный» к финансовым активам, подразумевающее их опасность и вред). В немецком языке это “Giftige Kredite” (аналогично «токсичным кредитам»); “Zinsfalle” (аналогично «кредитной петле»). «Петля» и «токсичность» в обычной речи связаны с отрицательными концептами, но перенос этих признаков на финансовые термины создает новые смысловые оттенки, отражающие риски и негативные последствия.

Концептуальная метонимия. Использование одного аспекта концепта для обозначения другого, связанного с ним. В русском языке «вкладчик» (человек, сделавший вклад) метонимически обозначает сам вклад или счет. «Банк отказал» (банк как организация) метонимически обозначает решение кредитного отдела. В немецком языке “Der Kunde hat das Geld auf dem Konto liegen lassen”. (Клиент оставил деньги на счете – подразумевается, что клиент не снял их). “Die Bank hat den Kredit abgelehnt”. (Банк отклонил кредит – подразумевается, что кредитный отдел отклонил).

Концептуальная интеграция. В этом случае происходит объединение двух концептов, приводящее к появлению нового смысла, не равного простой сумме концептов. «Сладкие проценты» (их употребление маловероятно, но возможно в рекламном контексте, подразумевая выгодность процентов).

Концептуальная инференция – формирование смысла за счет имплицитного обращения (посредством использования определенного импликата) к другому концепту или концептуальной структуре (имплицатуре), т.е. на основе выводного, дополнительного знания. «Криптовалюта» (новый термин, сочетающий в себе «криптографию» и «валюту»). «Блокчейн» (концепция, заимствованная из информатики и примененная к финансовым технологиям).

Исследование когнитивных механизмов формирования смыслов концептов в языкознании позволяет выявить, как знание предметной области, лингвистические подсказки и контекст взаимодействуют для создания смысла. В. Г. Григорьева обращает внимание на взаимную адаптацию концептуальных систем говорящего и слушающего, актуализацию знаний и оценку знаний собеседника говорящим [Григорьева 2018]. Понимание когнитивных процессов формирования смыслов может быть полезно для разработки более эффективных методов обучения, улучшения коммуникации между банками и клиентами и создания более понятной финансовой информации. Анализ на примерах русского и немецкого языков показывает, как общие когнитивные принципы проявляются в разных лингвистических и культурных контекстах.

Литература

Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва: Языки славянской культуры, 2019.

Григорьева В. Г. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2018.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.

A. Yu. Kutimskaja (Irkutsk, Russia)

Irkutsk National Research Technical University

COGNITIVE MECHANISMS OF CONCEPT MEANING FORMATION IN MODERN GERMAN AND RUSSIAN BANKING

The article describes some cognitive mechanisms interrelated with the method of conceptual and taxonomic analysis used to generalize and systematize mental structures.

Key words: cognitive mechanisms, conceptual and taxonomic analysis, metaphor, metonymy, integration, inference.

М. С. Лихачева, М. М. Лютянская

(Архангельск, Россия)

Северный (Арктический) федеральный университет

им. М. В. Ломоносова

lihacheva.m@edu.narfu.ru, m.lyutyanskaya@narfu.ru

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ КАК МОДУСНАЯ КАТЕГОРИЯ

В настоящей статье рассматривается морфологическая категория будущего времени в английском языке, проводится анализ существующих в лингвистике подходов к изучению видовременных форм глагола со значением будущего действия. Авторы предлагают рассматривать категорию будущего действия как модусную, реализующую интерпретирующую функцию языка.

Ключевые слова: будущее время, модусная категория, интерпретация, английский язык, фрейм.

Грамматическая категория будущего времени в работах лингвистов получала неоднозначное толкование, что, несомненно, связано с особенностями грамматического значения, передаваемого формами будущего времени в английском языке. Будущее время указывает на действия, которые еще не совершились, не связаны непосредственно с реальностью момента речи, а лишь планируются на будущий период времени. Для английского языка дискуссии о статусе форм Future Indefinite / Simple связаны в первую очередь с элементами *shall* и *will*, образующими данную грамматическую форму, которые в современном английском языке сохранили свою модальную функцию [Кобрина и др. 2007].

Отечественные лингвисты, изучающие вопросы морфологии английского языка, давали разные трактовки. Так, А. И. Смирницкий, М. Я. Блох указывали на тесную связь будущего времени и модальности [Смирницкий 1959, Блох 1983]. О. А. Воронцова отмечает, что если форма *will be* тесно соотнесена с обстоятельством настоящего времени, что подчёркивает общий контекст высказывания, то такая форма не представляет собой выражение будущего времени (*I should think they'll be on your premises by now.*). Таким образом, исследователь говорит о том, что будущее время представляет собой особую форму наклонения [Воронцова 1960]. М. Я. Блох, отмечая тот факт, что английский глагол может в единой словоформе выражать прошедшее и будущее время (“future-in-the-past”), предлагает разделять две категории времени в английском языке – первичное время, включающее настоящее и прошедшее, и вторичное или проспективное время, которое является относительным, т.к. оно всегда в качестве точки отсчета будет иметь какое-то действие в настоящем [Блох 1983].

В ряде работ зарубежных исследователей, посвященных вопросам английской грамматики, отрицается существование отдельной видовременной формы со значением будущего в английском языке. М. Льюис, комментируя случаи использования форм Present Simple для выражения будущего действия, говорит о том, что в английском языке нет грамматического будущего времени. Это, конечно, не означает отсутствия возможности передать значение «будущности», но ни одна глагольная форма не связана однозначно с выражением данного грамматического значения. М. Льюис относит слова *will* и *shall* к группе модальных вспомогательных слов (*modal auxiliaries*), позволяющих говорящему выражать различные интерпретации событий [Lewis 1986].

В когнитивной лингвистике концепт ВРЕМЯ рассматривается как тематический концепт, объединяющий все типы знания, накопленные человечеством, и как операционный концепт, изучение которого предполагает

извлечение смыслов из конкретных языковых структур в определенных контекстах и условиях коммуникации [Болдырев 2017: 36]. Изучая морфологически передаваемый концепт ВРЕМЯ, Н. А. Беседина отмечает, что его формирование осуществляется благодаря действию когнитивного механизма абстрагирования, а содержание морфологически передаваемого концепта ВРЕМЯ отражает концептуализацию времени в сознании носителей языка [Беседина 2009].

Сложность концептуализации времени обусловлена онтологической сложностью и многогранностью самой категории. Представляется, что будущее время – наиболее трудное для познания и концептуализации, т. к. оно не дано человеку в непосредственном восприятии. Настоящее человек переживает в реальности, может полагаться на восприятие настоящего посредством органов чувств. Прошрое концептуализируется благодаря памяти и представляет собой знания, накопленные человеком, будущее же не переживается непосредственно и еще не произошло, т. е. может быть только воображаемо, умозрительно [Langacker 2008: 300].

Таким образом, с точки зрения концептуализации и категоризации морфологическая категория будущего времени специфична, т. к. языковые формы его выражения объективируют не только опыт восприятия реальной денотативной ситуации, но и выводное знание о мире, формируемое на основе интерпретации. Понятие модусных категорий связано с творческой функцией человеческого сознания – способностью создавать и описывать возможные миры. Модусные категории реализуют интерпретирующую функцию языка, т. е. возможность различной интерпретации концептуального содержания и формирования новых смыслов [Болдырев 2017].

Нам представляется возможным рассматривать категорию будущего времени в английском языке как модусную. Во-первых, данная категория предполагает вторичность, зависимость от первичного знания. Например: “Trust me, Grace – this *will work*” [Wees 2023: 84]; “If I stop dancing, my heart *will stop beating*” [Wees 2023: 24]. Выражение уверенности в данных примерах основано на выявленных в рамках ранее полученного опыта закономерностях, взаимосвязях между объектами реального мира. Когнитивным механизмом в данном случае является инференция.

Инферентность – важная характеристика будущего времени как модусной категории. Прогнозирование будущего действия зависит от целого ряда мыслительных операций по организации и использованию знаний о мире, по осмыслению аналогичных ситуаций, получению вывода о высокой или низкой степени вероятности наступления события в будущем. Результат такого осмысления и полученного вывода профилируется в языке в виде

той или иной грамматической формы: “I am glad you found your way in here, or I am sure there is much that *will interest you*” [Stoker 2012: 24]; “If not, I hope you *will find your way to me*” [Wees 2023: 125]; “*I’m going to miss you*” [Wees 2023: 15]; “He goes over to Amsterdam tonight, but says he *returns tomorrow night*” [Stoker 2012: 167]. Когнитивной схемой интерпретации будет являться фрейм – модель стереотипной ситуации, которая структурирует наш опыт познания мира и программирует ожидаемое развитие ситуации в будущем.

Несмотря на структурированность интерпретации будущего и ее опору на коллективное знание, оценка будущего одновременно ориентируется и на концептуальную систему конкретного человека как субъекта познания. Субъективность – еще одна характерная черта модусных категорий, поскольку они позволяют человеку реализовать индивидуальную интерпретацию результатов познания с учетом его мнений, оценок, субъективного опыта. Например: “Needless to say I am furious with Mistress for this entire situation and I *will never forgive her*” [Wees 2023: 124]; “*Are you coming?*” [Wees 2023: 69].

Таким образом, будущее время как модусная категория отражает познавательную активность человека, сопровождаемую интерпретацией окружающего мира и накопленных знаний о нем. Разнообразные морфологические способы выражения будущего действия в английском языке обеспечивают доступ к результатам коллективной и индивидуальной когнитивной деятельности по оценке и моделированию стереотипных ситуаций. Выбор языковой формы выражения значения будущего обусловлен реализуемой когнитивной схемой интерпретации знаний о событиях мира.

Литература

- Беседина Н. А. Уровни концептуализации в морфологии // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 182–231.
- Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1983.
- Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / науч. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.
- Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960.
- Кобрин Н. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие / Н. А. Кобрин, Н. Н. Болдырев, А. А. Худяков. М.: Высшая школа, 2007.
- Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.

Langacker R. W. Cognitive grammar. A basic introduction. New York: Oxford University Press, 2008.

Lewis M. The English verb: An exploration of structure and meaning. Chicago: LTP, 1986.

Stoker B. Dracula. New York: Harper Collins Publishers, 2012.

Wees A. Nocturne. New York: Del Ray, 2023.

M. S. Likhacheva, M. M. Lyutyanskaya

(Arkhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University

named after M. V. Lomonosov

FUTURE TENSE AS A MODUS CATEGORY

This article deals with the morphological category of future tense in English, analyses the existing approaches to the study of verb forms with the meaning of future action. The authors propose to consider the category of future action as a modus category that realizes the interpretative function of the language.

Key words: future tense, modus category, interpretation, English language, frame.

О. В. Магировская (Красноярск, Россия)

Сибирский федеральный университет

magirovskayaov@yandex.ru

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЕДИНИЦА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ЗНАНИЯ

Прецедентное имя рассматривается в статье как единица концептуального расширения дискурсивного знания. Данный способ концептуализации является основным для всех способов материальной репрезентации знака (вербального и невербального). Степень расширения знаний достигает своего максимума в случае использования нескольких прецедентных феноменов в едином дискурсивном контексте.

Ключевые слова: прецедентное имя, концептуальное расширение знания, вербально/невербально репрезентированное прецедентное знание.

Любое прецедентное имя обладает потенциалом аккумулировать весь спектр знаний, которые служат основными характеристиками проявления предмета номинации. Специфика данных знаний обусловлена их уни-

версальной коллективной сущностью и, как следствие, проявляется в закреплённости характеристик референта прецедентного имени в сознании представителей определенной социальной группы (от малых социальных групп до глобального мирового сообщества), их особой когнитивной выделенности, узнаваемости и значимости. Потенциал прецедентного имени четко профилировать как целостное знание, так и его определенный аспект позволяет единицам данного типа выступать единицами концептуального расширения знания, не требующими дополнительных единиц экспликации актуализируемых характеристик.

Указанный способ концептуализации широко используется в рекламном дискурсе, т.к. позволяет сконструировать в сознании реципиентов запоминающийся и яркий образ, за счет которого транслируется нужный концептуальный смысл. Потенциал концептуального расширения сохраняется независимо от способа репрезентации знаний, в качестве которого могут выступать вербальная или невербальная (графическая) формы материализации прецедентного имени.

Вербальный способ репрезентации позволяет извлечь нужное знание в готовом виде, в формате коллективного знания, зафиксированного в значении языковой единицы. Соответственно, восприятие и интерпретация вербально закодированного прецедентного знания осуществляется по алгоритму «от целостного образа к конкретному аспекту его проявления».

Например, использование в рекламном слогане пивоваренной компании *Heineken* прецедентного имени секретного агента Джеймса Бонда, персонажа популярной серии фильмов (*Open Bond's world*), позволяет не только зафиксировать стереотип о том, что пиво является истинно мужским напитком, но также указать на эффект от его употребления и, следовательно, на результат от покупки. Данные аспекты знания конструируются за счет создания четкой ассоциативной связи между Джеймсом Бондом, символом бесстрашного, привлекательного, уверенного в себе мужчины, который нравится женщинам, и каждым любителем данного напитка как уверенным, спокойным, сильным и привлекательным мужчиной.

Рис. 1. Реклама пивоваренной компании *Heineken*

В рекламном слогане *Be like Mike* конструирование концептуального смысла о пользе изотонических напитков *Gatorade*, представляющих собой специальные напитки с растворенными в них минеральными веществами, которые способствуют поддержанию оптимального баланса жидкости в организме во время физических нагрузок и потому предназначены специально для спортсменов, осуществляется с помощью прецедентного имени Майкла Джордана, знаменитого баскетболиста, подлинного символа баскетбольного спорта мирового масштаба. Упоминание известного спортсмена и его изображение в знаменитом прыжке используется как инструмент убеждения: интерпретация концептуального смысла не требует экспликации всех характеристик рекламируемого товара, данный процесс активизируется во всей своей полноте за счет универсальной прецедентности используемого имени. Как следствие, авторитетность и знаковый характер прецедентной личности полностью заменяют необходимость описания товара и, более того, усиливают перлокутивный эффект всего рекламного продукта.

Рис. 2. Реклама изотонических напитков *Gatorade*

Прецедентное имя Христофора Колумба, официального первооткрывателя Америки, выступает основным фокусом интерпретации в рекламе страхового агентства *GEICO* – *Christopher Columbus cruises through the water on a speedboat, takes out his spyglass and spots land at long last. His boat crew isn't as happy about it as he is, however. So, how happy are people who switch to GEICO? They're happier than Christopher Columbus with a speed boat.* С помощью экспликации знаний о самой сокровенной мечте путешественника, а именно его мечте открыть новый путь к новым континентам конструируется основной концептуальный смысл рекламного продукта – счастье клиентов, пользующихся услугами страховой компании *GEICO*. Профилирование данного смысла обеспечивается в рамках дискурсивного приема сопоставления ситуаций, в которых человек обретает безграничное счастье. В данном случае это моделирование ситуации большей радости Колумба, заметившего вдали новые земли при наличии более быстрой моторной лодки, как прототипичной для прогнозирования радости клиентов страховой компании *GEICO*.

Вследствие того, что за прецедентным феноменом стоит многоаспектный объем знаний, одна и та же прецедентная единица может задавать различные векторы интерпретации. Например, в рекламе туристического направления

на остров Тобаго – *Named “Conception” by Columbus, who said that the island was in Bella Forma (beautiful shape), Tobago is the ultimate tropical island, in fact it is believed to be the actual Robinson Crusoe island* (Traveller, 2006, March) – имя Христофора Колумба актуализирует знание о высокой репутации человека, который много путешествовал, многое об этом знает. Соответственно, формулировка рекламного слогана четко указывает на экспертность мнения великого путешественника, одной из величайших личностей эпохи Великих географических открытий, который, согласно сконструированному дискурсивному фрагменту, назвал этот остров красивым, что, в свою очередь, позволяет передать идею о том, что турист точно не прогадает и останется довольным, если посетит такое живописное место.

Невербальный способ концептуального расширения знаний за счет включения в дискурсивный контекст прецедентного имени, является менее конвенциональным. Он вторичен по отношению к вербальному способу, выступает его графической заменой. В отличие от вербально выраженного прецедентного феномена, прецедентный феномен, материализуемый невербально, должен обладать наивысшей степенью узнаваемости, входить в общий фонд универсального коллективного знания в аспекте четко представляемых внешности и внешне знаковых атрибутов. Как следствие, восприятие и интерпретация невербально представленного прецедентного знания осуществляется по алгоритму «от конкретного аспекта проявления к целостному образу».

Невербальный способ стратегии концептуального расширения знания используется, например, в рекламе автомобиля *BMW M3 – A vehicle created for the real speed experts*. Такая характеристика рекламируемого автомобиля, как способность развивать высокую скорость профилируется изображением руки водителя, управляющего автомобилем. Желтая молния на красном рукаве костюма выступает отсылкой к прецедентному супергерою комиксов, фильмов и сериалов компании *DC Comics* – Флэшу, который обладает способностью развивать скорость, превышающую скорость света, и использовать сверхчеловеческие рефлексы, что нарушает некоторые законы физики. Именно данный внешне узнаваемый символ актуализирует

Рис. 3. Реклама BMW M3

знания о способности супергероя развивать сверхскорость и тем самым повышает статус рекламируемого автомобиля, выделяя его среди других как транспортное средство, которое удовлетворяет потребности любителей скоростного передвижения, в том числе наиболее требовательных.

Использование нескольких прецедентных феноменов одного уровня расширяет концептуальное знание до степени высокой плотности дискурсивной информации. Такой диапазон расширения возможен благодаря способности прецедентных феноменов фиксировать максимальный объем информации (время, события, социальный статус, гендер, достижения, профессия, внешность, характер, результаты деятельности и др.).

Примером анализируемого типа концептуального расширения является туристическая реклама англиканского храма в Великобритании *Canterbury Cathedral – St. Augustine founded it. Becket died for it. Chaucer wrote about it. Cromwell shot at it. Hitler bombed it. Time is destroying it. Will you save it?* В рекламном слогане используются прецедентные имена Августина Кентерберийского, Томаса Бекета, Джеффри Чосера, Оливера Кромвеля и Адольфа Гитлера выступают единицами репрезентации значимых для храма эпох и событий и, как следствие, его богатейшую историю. Августин Кентерберийский, бенедиктинский монах, первый архиепископ Кентерберийский, вошёл в историю как «апостол англичан» и основатель Церкви Англии и в частности Кентерберийского собора. Томас Беккет – одна из ключевых фигур в английской истории XII века, первоначально канцлер Генриха II, затем архиепископ Кентерберийский с 1162 по 1170 годы. Вступив в конфликт с Генрихом II, был убит на ступенях алтаря Кентерберийского собора. Джеффри Чосер, английский поэт, «отец английской поэзии», первым начал писать свои сочинения не на латыни, а на родном языке. Одно из его знаменитых произведений – *The Canterbury Tales* («Кентерберийские рассказы»). Оливер Кромвель, вождь Английской революции, выдающийся военачальник и государственный деятель, принимал участие в боях рядом с Кентерберийским собором. Адольф Гитлер, основоположник и центральная фигура национал-социализма, пытался разрушить храм во время Второй Мировой войны. Ассоциативно построенная связь выдающихся личностей различных эпох позволяет рекламному тексту не только раскрыть богатую историю храма, но также призвать сохранить памятник истории, оставив таким образом свой след в истории храма.

Описанные способы использования прецедентных имен доказательно свидетельствуют о такой специфике концептуализации знаний, как концептуальное расширение знаний при минимальном объеме материальной

выраженности знака. Данный тип концептуального расширения позволяет не только конструировать, но и впоследствии интерпретировать концептуальный смысл более широкого дискурсивного контекста.

O. V. Magirovskaya (*Krasnoyarsk, Russia*)
Siberian Federal University

PRECEDENT NAME AS A LINGUISTIC UNIT OF DISCURSIVE KNOWLEDGE CONCEPTUAL EXTENSION

The article regards the precedent name as a unit of discursive knowledge conceptual extension. This pattern of conceptualization is a key one for all types of material representation of a sign (verbal and non-verbal). The degree of knowledge extension reaches its maximum in the case when several precedent phenomena function in a single discursive context.

Key words: precedent name, conceptual extension of knowledge, verbally/non-verbally represented precedent knowledge.

А. П. Миньяр-Белоручева (*Москва, Россия*)
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
ostvera@mail.ru

МЕТАФОРИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются концептуальные метафоры, функционирующие в историческом дискурсе. В современной концептуально-дискурсивной парадигме особое внимание уделяется концептуальным метафорам, которые трансформируют не только устоявшуюся картину мира настоящего, но и картину мира исторического прошлого реципиентов.

Ключевые слова: исторический дискурс, концептуальные метафоры, концептуально-дискурсивная парадигма.

Изучение концептуальных метафор, функционирующих в историческом дискурсе, с позиций когнитивной лингвистики, позволяет раскрыть их новые грани, на «крохотном и воздушном тельце которых покоится преисполненное жизни огромное здание Вселенной» [Ортега-и-Гассет 1990: 77]. Внимание к метафорам, раскрывающим то, что скрыто за горизонтом непознанного, не ослабевает на протяжении тысячелетий. Человек, ограниченный своим

телесным опытом, только посредством метафор, «удлиняющих руку его интеллекта» [Ортега-и-Гассет 1990: 71–72], может постичь то, что находится за гранью мыслимого, что свидетельствуют о власти метафор, определяющих границы реальности [Гудмен 1990]. Метафоры относятся к настолько сложному и многоаспектному феномену, что многочисленные теории, направленные на раскрытие их сущности, не могут дать однозначного и развернутого ответа, объяснить их персуазивно-суггестивную силу безаргументированного убеждения и экспрессивно-эмоционально-манипулятивную власть образов. Рассмотрение метафор с позиций языкового строительства позволило ученым выявить их свойство не только фиксировать или отражать реальность, но и конструировать ее [Блэк 1990]. Творческий потенциал метафор исследователи видели в их способности, порождая новый смысл, создавать новую модель реальности изнутри и, выстроив ее, тиражировать по всему миру [Hawkes 1972: 39]. Однако не все ученые принимали и поддерживали идеи, касающиеся способности метафор выстраивать новую модель реальности в строго очерченных рамках, вступая в противоречия с существующей. Не разделяющий данного взгляда на метафору Рикёр, подчеркивал взаимообусловленность реальной действительности и метафорической, утверждая, что, переписывая действительность, метафоры репрезентируют ее в более благородном и возвышенном свете, сглаживая ее негативные стороны [Ricoeur 1978]. Установив способность метафор порождать в ментальном пространстве новый смысл, сохраняющий качество метафорически сопоставляемых явлений, ученые близко подошли к выявлению их когнитивной природы [Ричардс 1990; Блэк 1990]. Однако теоретически обосновать когнитивно-концептуальную специфику метафор смогли Дж. Лакофф и М. Джонсон, доказав, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2008: 25], что метафоры, пронизывающие концептуальную систему человека, изменяют его восприятие мира. Посредством проецирования конкретных понятий сферы-источника на абстрактные понятия сферы-мишени [Lakoff 1990] метафоры, будучи парадигмально обусловленными, изменяют сознание реципиента, создавая новое восприятие процесса развития человеческого общества.

События исторического прошлого, разворачивающиеся на страницах исторических произведений, посредством метафор вызывают в ментальном пространстве реципиентов образы, заданные историком. Концептуальные метафоры, конструирующие реперные события в историческом дискурсе, создают яркие, эмоционально насыщенные картины, передающие специфику разных эпох и народов, являясь механизмом интерпретации не только

существующего мира [Болдырев 2013: 12], но и мира, ушедшего в небытие, который не дан человеку в непосредственных ощущениях. Будучи средством познания и концептуализации мира исторического прошлого, метафоры воплощают концептуальный смысл в языке, который рассматривается как «средство доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности» [Кубрякова, 2009: 8]. Концептуальные метафоры, воздействуя на сознание масс, изменяют его, формируя новое восприятие событий прошлого, побуждают их к совершению действий в настоящем. Это, по мнению исследователей, свидетельствует о перформативно-когнитивном свойстве метафор, которое воспринимается как их наивысшее достоинство [Austin 1975]. Исторический дискурс характеризуется метафорической насыщенностью. Для ориентации в безграничном пространстве исторического прошлого историки структурируют и классифицируют исторический процесс на периоды, каждый из которых, помимо наименования, получает метафорическую поддержку для более четкого понимания происходившего. Метафоры, являясь концептуальным щитом человечества, создают стереотипные представления о каждой эпохе. Неперцептивные исторические эпохи, существующие в виде конструктов, репрезентированы метафорами, очертившими их границы. Так, рабовладельческий строй, “slave-owing system”, метафорически представлен как “a chain of gang”, что подчеркивает античеловеческую природу данной системы. Феодализм, “feudal system”, с его четко выраженной социальной лестницей, метафорически позиционируется как “a hierarchical pyramid”. Капиталистический строй, “capitalist system”, дивиантная структура, нарушающая эволюционный ход развития человечества, завершение которой чревато возвращением в точку его начала, метафорически маркирован как “a market bazaar”. Социализм, “socialism”, метафорически репрезентирован как “a cooperative orchard”, в котором каждый работает на общее благо. socialism as a cooperative orchard является развернутым воплощением всеобъемлющей концептуальной метафоры Golden Age, создающей восприятие счастливой жизни человечества. Зафиксированная в V веке до н.э. в поэме Гесиода «Труды и дни» (Ἔργα καὶ Ἡμέραι) метафора Golden Age, наряду с другими метафорами металла, давшими названия историческим эпохам: Silver Age, Heroic Age, Bronze Age, Iron Age, относится не только к метафорическим универсалиям, но является оценочным маркером, позволяющим установить степень ее значимости среди разных исторических периодов, поскольку оценочность – ингерентное свойство метафор. Концептуальные метафоры Bronze Age и Iron Age, символизирующие эпохи зрелости человечества, со временем превратились в конвенциональные метафоры, которые начали восприниматься

как прецизионные термины, репрезентирующие переход человечества к новым технологиям, который сопровождался падением трех из пяти великих цивилизаций Древности: “Rather than the Sea Peoples, the ancient Greeks <...> believed that a group known as the Dorians had invaded from the north at the end of the Bronze Age, thereby initiating the Iron Age” [Cline 2021: 190]. На смену метафорической героической эпохи, Heroic Age, оставившей глубокий след в мифологии уставшему от войн человечеству, пришла серебряная эпоха, Silver Age, мирной жизни, в которой не допускались радикальные изменения и царила пасторальная размеренность, оберегающая традиционные ценности. Метафора Golden Age стоит во главе символической хронологической линейки Гесиода. Идиллическая мечта о мифическом золотом веке, когда в примордиальные времена беззаботные люди жили на Земле в согласии с природой, трансформировалась в ностальгические поиски иллюзорного рая, утраченного человечеством, в надежде найти который последующие поколения метафорой Golden Age обозначали знаковые явления, которые могли бы приблизить их к концептуальной картине идеального прошлого. Метафора Golden Age, сквозной линией проходящая по всем эпохам, характеризовала классический период Древней Греции (V век до н.э.), славу которого составили философы, драматурги, скульпторы, политические деятели. Золотым веком называли Renaissance, прецизионный термин, обозначающий культурно-исторический период европейской истории с XIV–XVII века, образованный в XIX веке для закрепления концептуальных границ постфакторно выделенной эпохи расцвета искусств, ментально отсылающих человечество к Классической эпохе, является метафорой, содержащей в своей внутренней форме гармонию античности. Через призму символического золотого века историки концептуализируют периоды английской истории, в частности, период правления Ланкастеров: “But though the Lancastrian period was the golden age of the aristocratic Council, there were variations in the degree of baronial domination” [Bindoff 1971: 113]. Метафорой Golden Age характеризуют исторически значимые государственные образования, такие как Maurya Empire, Spanish Empire, British Empire. Осмысление историками реальных исторических периодов через метафору Golden Age: “The period of the Late Bronze Age has rightfully been hailed as one of the golden ages in the history of the world, and as a period during which an early global economy successfully flourished” [Cline 2021: 239] придает им масштабность и значимость. Метафорические наименования исторических периодов и их чередование подчеркивают цикличность исторического процесса, свидетельствуя о взлетах и падениях человечества. Историю часто рассматривают как политику прошлого, перелетение которых особенно характерно для современной истории и политики.

Историки, изучающую Новейшую историю, источником для которых являются речи политиков, отмечают утопические обещания, которые они дают своим согражданам – имплицитно как Джон Кеннеди: “We stand today on the edge of a new frontier <...> A frontier of unknown opportunities and perils – A frontier of unfulfilled hopes and threats”, эксплицитно как Мартин Лютер Кинг: “We must rapidly begin the shift from a ‘thing-oriented society’ to a ‘person-oriented society’. When it is achieved, it will be the Golden Age of America”, создать процветающее будущее как прошлое метафорического Золотого века или провозглашают наступление века Астреи: “The golden age of America begins right now” [Trump 2025: URL].

Подводя итог, отметим, что концептуальная метафора Golden Age в историческом дискурсе, связывая в единое целое историческую память и надежду на лучшее будущее, функционирует не только как рефлексия об идиллическом прошлом, но и как призыв к поискам новых путей развития человечества в рамках метафорики исторического дискурса – важнейшего инструмента конструирования концептуальной исторической реальности.

Литература

- Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретационный потенциал метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 12–22.
- Гудмен Н.* Метафора – работа по совместительству // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 194–200.
- Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68–81.
- Ричардс А.* Философия риторики // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.
- Austin J. L.* How to Do Things With Words (2nd edition). Oxford: Clarendon, 1975.
- Bindoff S. T.* Tudor England. Oxford: Penguin Books, 1971.
- Cline E.* 1177. The Year Civilization Collapse. New Jersey: Princeton University Press, 2021.
- Hawkes T.* Metaphor: The Critical Idiom Reused. London: Methuen, 1972.
- Lakoff G.* The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1). P. 39–74.
- Ricoeur P.* Rule of Metaphor: Multi-disciplinary Studies of the Creation of Meaning in Language. London: Routledge and Kegan Paul, 1978.
- Trump D.* Inaugural Address // CBS News. January 29, 2025. URL: <https://www.cbsnews.com/news/transcript-trump-inauguration-speech-2025/> (accessed 21.01.2025).

A. P. Minyar-Beloroucheva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

METAPHORS OF HISTORICAL DISCOURSE

The article deals with conceptual metaphors that function in historical discourse. In the modern conceptual-discursive paradigm, special attention is paid to conceptual metaphors that transform not only the established world view of the present but also the world view of the historical past of the recipients.

Key words: historical discourse, conceptual metaphors, conceptual-discursive paradigm.

A. M. Мубаракишина (Казань, Россия)
Казанский федеральный университет
blondy010888@mail.ru

КАТЕГОРИЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА В ТЕКСТЕ ГОРОСКОПА¹

Статья посвящена исследованию роли гороскопов в трансляции русского культурного кода, с особым акцентом на категорию НРАВСТВЕННОСТЬ. Автор выделяет два аспекта категории – духовность и мораль, каждый из них обладает набором семантических признаков, которые репрезентируются лексико-грамматическими средствами языка. Проведенный анализ приводит к выводу, что современные гороскопические тексты способствуют сохранению и распространению культурных ценностей, включая нравственные идеалы.

Ключевые слова: русский язык, русский культурный код, гороскопический текст, нравственность, духовность, мораль.

Современный этап лингвистических исследований обусловил интерес к знакам национальной культуры, что зиждется на идее национального самоопределения, а также сохранения и распространения культурных ценностей, а совокупность таких знаков получила обозначение «культурный код», категории которого представлены «языковыми знаками» [Телия 1996: 227]. Если символ – это ключ к расшифровке культуры, то интерпретация данного

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта Академии наук Республики Татарстан молодым постдокторантам с целью защиты докторской диссертации.

культурного символа есть понимание природы мышления человека и его восприятия с учетом национальной идентичности.

Г.И. Берестнев утверждает, что «при рассмотрении миросозерцательной системы человека в этом случае предписывается обращаться к любым текстам культуры» [Берестнев 2018: 5]. На наш взгляд, особый интерес в этом плане представляют собой тексты гороскопов, которые справедливо можно назвать «мягкой силой», способной влиять на мировосприятие и поступки людей. Лингвокультурология активно исследует взаимодействие языка и культуры, и использование гороскопов как источника данных позволяет рассмотреть, каким образом культурные ценности транслируются через популярные медиаформаты. При этом стоит отметить, что дешифровка культурного кода сводится главным образом к анализу его вербальных обозначений. В нашем случае рассмотрение репрезентации нравственности как ценностного элемента кода русской национальной культуры осуществлялось методами архетипического, компонентного и текстово-интерпретационного анализа.

Категория **НРАВСТВЕННОСТЬ** является основополагающей в лингвокультурологической парадигме русского народа, однако на современном этапе развития общества ее трактовка претерпевает некоторые трансформации. Это обусловлено тем, что культурный код – это дискретная система, меняющаяся под воздействием многочисленных социально-исторических обстоятельств, следовательно, компоненты его также подвержены вариациям [Пашкова 2012: 168]. Так, на наш взгляд, русский культурный код времен СССР значительно отличается от культурного кода современной цифровой эпохи.

На основании ранее проведенных исследований установлено, что понимание **НРАВСТВЕННОСТИ** носителями русского языка базируется на духовных идеалах и общественной морали, и аспекты эти имеют разную этиологию. Если духовная компонента зиждется на канонах православной религии, то нормы морали закрепились под влиянием коммунистической идеологии (см.: [Мубаракшина 2016]).

Рассмотрим ключевые признаки первого аспекта – духовности. Кротость – то, что лежит в основе православной религии; семантический признак «кротость» – это то, что объединяет гороскопический текст с наставлениями и заповедями, которые необходимо выполнять для счастливой и праведной жизни. Однако в гороскопических текстах такого рода наставления не столь категоричны, что проявляется на семантическом уровне в употреблении глаголов, выражающих рекомендации и предложения: *Кроме того, гороскоп **предлагает** в субботу Овну поговорить*

по душам с кем-то, с кем он находится в размолвке; (Здесь и далее примеры из [Гороскопы.365.ру: URL]; Гороскоп **советует** Близнецам попридержаться свой пыл; В этот день гороскоп **призывает** Льва к сдержанности оценок и суждений.

Анализ гороскопических текстов в аспекте духовности категории НРАВСТВЕННОСТЬ привел нас к интересному наблюдению: концептуальным остовом для вербализации рассматриваемой категории служат некоторые ветхозаветные заповеди, идеи которых репрезентированы конкретным набором лексико-грамматических средств языка.

Так, часто встречаются тексты, семантически коррелирующие со второй заповедью: «Не сотвори себе кумира» [Азбука веры: URL]. В подобных прогнозах звучит призыв доверять своему разуму и интуиции, что грамматически выражено конструкциями с притяжательными детерминативами или рефлексивными конструкциями: *В понедельник Близнецам нужно жить своим умом; Гороскоп настоятельно советует Льву быть честным с самим собой, и делать только то, что хочется. Гороскоп предлагает Скорпиону сосредоточиться на своих делах.*

Другим семантическим признаком категории НРАВСТВЕННОСТЬ является «трудолюбие», представленным ассоциативно-семантическим полем концепта РАБОТА, что также отсылает нас к четвертой заповеди: «Шесть дней работай и делай всякие дела свои, а седьмой – суббота – есть день отдохновения, который посвяти Господу Богу твоему» [Там же]. Данный признак вербализуется посредством многочисленных ассоциатов и самого слова-стимула *работа*: *Сегодня Дева должна подключить всё своё внимание к работе, проверять каждую букву в договоре и каждую цифру в отчётах; Сегодня Льву представится шанс узнать что-то новое о своей работе, несмотря на весь его опыт и профессионализм.*

Важным с точки зрения христианской нравственности является признак «уважение к старшим», это регламентировано пятой заповедью («Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долголетен» [Там же]) и также представлено в гороскопических текстах: *Гороскоп предлагает Весам в субботу вспомнить о семейных традициях, собрать родственников под одной крышей, рассказать детям истории из своего детства. Звезды в этот день предлагают укрепить связь поколений, это положительным образом скажется на вашей энергетике.* Подобного рода контексты подтверждают вербальную экспликацию русской национальной идеи о сохранении ценности традиционной семьи.

Категорию НРАВСТВЕННОСТЬ в гороскопическом тексте в аспекте духовности также характеризует признак «запрет на причинение вреда ближ-

нему», который так или иначе отражен в других ветхозаветных заповедях: «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не укради», «Не лжесвидетельствуй», «Не пожелай ничего чужого» [Там же]. Чаше всего запрет выражается посредством использования дериватов от производящей основы «контроль»: *Овну стоит **поставить на контроль** если уж не собственные эмоции, то хотя бы их внешнее выражение; Гороскоп подсказывает: в этот день ваша сила в **самоконтроле**; Если хотите избежать проблем с конкуренцией, то сегодня вам необходимо **контролировать** свое природное тщеславие и чрезмерную веру тому, что вам говорят.*

Второй аспект категории НРАВСТВЕННОСТЬ в гороскопе связан с моралью. Аксиологический подход к семиозису базируется на прагматике знака [Карасик 2018: 7], т.е. выдвигает на первый план его содержание относительно других знаков; и если тексты, вербализующие духовную составляющую НРАВСТВЕННОСТИ, встречаются часто, то моральная ее сторона обнаруживается реже и имеет всего два выделенных нами признака.

Первый из них – «общественное одобрение»: *В субботу вы сумеете подобрать формат, время и место, которые **устроят всех участников**; Только так Козерог во вторник сумеет сохранить **авторитет в глазах окружающих**.*

Интересным для нас стал выявленный признак «миротворец», который говорит о том, что адресат гороскопического текста должен избегать не только своих конфликтов, но и помогать сглаживать чужие: *Кроме того, в субботу Рыбы способны **улаживать чужие конфликты, становясь бесстрастным и справедливым судьей в спорах**; Проявляя **осторожность и тактичность** в сочетании с упорством, Телец сумеет найти **компромиссное решение по любому вопросу**.*

Таким образом, русский культурный код, воплощённый в языке, играет ключевую роль в передаче и сохранении культурных ценностей, включая нравственные идеалы. Гороскопы выполняют функцию трансляции культурных кодов, предлагая читателям определённые модели поведения и жизненные установки. Нравственность – неотъемлемая часть русского культурного кода, в гороскопическом тексте она репрезентирована в двух аспектах: духовность и мораль. Подобная дифференциация обусловлена ключевыми факторами, влияющими на русскую ментальность, – православной религией и советской идеологией. В этой связи духовный аспект НРАВСТВЕННОСТИ считается благодаря конструированию наставлений, коррелирующих с христианскими заповедями. Ключевыми признаками могут считаться «кротость», «опора в собственный разум и интуицию», «трудолюбие», «ува-

жение к старшим», «запрет на причинение вреда ближнему». Моральный аспект **НРАВСТВЕННОСТИ** представлен признаками «общественное одобрение» и «миротворчество». Следовательно, лингвокультурный посыл современного русского гороскопа – сдерживание в проявлении негативных качеств и формирование добродетельного характера. Все перечисленное позволяет заключить, что гороскопические тексты являются, с одной стороны, отражением особенностей мировоззрения общества, с другой стороны, обладают суггестивным потенциалом, позволяющим формировать данное мировоззрение.

Литература

Азбука веры. 10 ветхозаветных заповедей. URL: <https://azbyka.ru/zapovedi-bozhii> (дата обращения: 12.02.2025).

Берестнев Г. И. Язык и когнитивная структура пророческих текстов: Античность и русское православие: монография / Г. И. Берестнев, Я. А. Киреева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018.

Гороскопы365.ru. URL: <https://goroskop365.ru/> (дата обращения: 18–23.02.2025).

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013.

Мубаракшина А. М. Вербализация категории «нравственность» в романах Сергея Минаева: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2016.

Паикова Н. И. Культурный код – символический язык культуры // Язык и культура. Новосибирск, 2012. С. 167–171.

Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996.

A. M. Mubarakshina (Kazan, Russia)
Kazan Federal University

THE CATEGORY “NRAVSTVENNOST” AS A COMPONENT OF THE RUSSIAN CULTURAL CODE IN THE TEXT OF THE HOROSCOPE

The article deals with the study of the role of horoscopes in the translation of the Russian cultural code, with a special emphasis on the category of **NRAVSTVENNOST**. The author identifies two aspects of the category – spirituality and morality, each of them has a set of semantic signs that are represented by lexical and grammatical means of language. The analysis leads to the conclusion that modern horoscopic texts contribute to the preservation and dissemination of cultural values.

Key words: Russian language, Russian cultural code, horoscopic text, *nравственность*, spirituality, morality.

Г. Р. Насибуллова (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Guz1983@mail.ru

ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА КАК СФЕРА-МИШЕНЬ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ АВТОРОВ-ЖЕНЩИН

Данная статья посвящена выявлению этнокультурной специфики функционирования тела человека как сферы-мишени в составе концептуальной метафоры в современном русском и английском женском художественном дискурсе. На примере произведений С. Павловой и Х. Филдинг автор показывает значение места тела в современной женской картине мира.

Ключевые слова: концептуальная метафора, женский художественный дискурс, тело, телесная метафора.

Тема телесности – одна из центральных в современных гуманитарных исследованиях, затрагивающая философию, социологию, антропологию, психологию и филологию. Человеческое тело, будучи первичным опытом существования, является не просто физической оболочкой, а сложной системой, формирующей наше восприятие мира, самоидентификацию и межличностное взаимодействие. Первое, что мы познаем – это собственное тело, его ощущения, границы и возможности. Этот телесный опыт становится основой для формирования образно-схематических представлений о себе и окружающем мире, определяя наши когнитивные карты реальности. Образно-схематические представления о теле, формирующиеся в раннем детстве, не просто отражают анатомическое строение, а включают в себя глубоко укоренившиеся метафоры и символы [Пименова 2013: 10].

Способность человека создавать метафоры во многом основана на глубоко укоренившихся в сознании образцах телесного опыта. Концептуальное воплощение (embodiment) представляет собой результат динамического взаимодействия разума и тела с окружающей физической и культурной средой, формируя тем самым уникальные способы восприятия и осмысления мира [Gibbs 2005: 88, 66, 68]. В этом контексте тело часто воспринимается как противоположность души, внутреннего мира человека, что создает интересный дуализм в понимании человеческого существования [Мубаракшина 2019: 103]. Однако в нашем исследовании мы сосредоточимся на теле не как источнике метафор, а как на объекте восприятия. В частности, нас интересует, как тело представляется в художественном дискурсе, особенно в контексте современной русской и английской женской прозы.

В условиях современных социальных и культурных изменений и растущего интереса к телесности и идентичности, мы наблюдаем, как традиционные представления о теле начинают подвергаться пересмотру. Женщины все чаще используют свое тело как инструмент самовыражения, что находит отражение в художественной литературе. Это поднимает вопросы о том, как изменяются метафоры, связанные с телом, и какие новые значения они приобретают в контексте современных социальных реалий. Таким образом, исследование восприятия тела в женской художественной литературе на русском и английском языках открывает новые горизонты для понимания культурных различий и общих тенденций в осмыслении телесности. Мы стремимся выявить, как эти культурные смыслы формируют не только литературные образы, но и более широкие представления о женственности, идентичности и человеческом опыте в целом.

В нашем исследовании речь пойдет о человеческом теле не как об источнике метафоризации действительности, а как о мишени, как воспринимается тело в русской и английской женской художественной картине мира, какие значения приписываются его частям, и как данные культурные смыслы отражены в соответствующих языковых картинах мира.

Метафору мы определяем «как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [Чудинов, Будаев 2007: 6].

Материалом нашего исследования послужили два романа, написанные от первого лица и изображающие жизнь одиноких женщин: «Голод» Светланы Павловой и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг. Обе книги представляют собой дневниковые записи, позволяющие читателю проникнуть в самые потаенные уголки психики героинь. Лена из романа Павловой и Бриджит Джонс – два ярких, хотя и несколько различных, воплощения современной женщины, столкнувшейся с типичными для своего поколения проблемами. Они – незамужние, в возрасте около тридцати лет, и их жизненный путь определяется постоянной борьбой за успех в карьере и построение личных отношений. Ощущение неудовлетворенности, присущее и Лене, и Бриджит, глубоко связано с их восприятием собственного тела и наличием комплексов, главным из которых является лишний вес.

Тело в художественном дискурсе этих романов выступает не просто физической оболочкой, а ключевым концептом, определяющим самооценку героинь и их взаимоотношения с окружающим миром. В дискусе С. Павловой тема тела представлена более трагично и заострено. Лена воспринимает свой лишний вес как приговор, как нечто уродливое, что отталкивает мужчин и препятствует достижению жизненных целей. Её борьба с лишним весом – это не просто диета, а отчаянная попытка измениться, переродиться,

найти себя. Тело для Лены – это постоянный источник страданий, причина её неудач и неспособность построить счастливую жизнь.

В романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» тема тела раскрывается более иронично, хотя и с откровенной самоиронией. Бриджит, подобно Лене, сосредоточена на своём весе, но её восприятие не настолько драматично. Однако и в её случае тело играет важную роль, влияя на самооценку и отношения с мужчинами. Для Бриджит сброс веса – это не только путь к красоте, но и способ повысить уверенность в себе и привлечь внимание желаемого мужчины.

Анализ художественных произведений выявил обширное использование автором метафор, как простых, так и сложных, которые, несмотря на формальное разнообразие, демонстрируют удивительную смысловую унифицированность. Большинство метафор, рассмотренных в рамках данного исследования, можно сгруппировать в несколько концептуальных метафор, образующих своеобразную метафорическую картину мира в произведении. Это позволяет глубже понять авторский замысел и идентифицировать ключевые темы, скрытые за многообразием художественных приёмов.

Чаще всего в художественном дискурсе С. Павловой и Х. Филдинг тело становится мишенью для метафорического переноса при описании телесных функций, изменений внешности, фигуры, веса и имеет отрицательную коннотацию.

В авторско-индивидуальной картине мира рассматриваемых авторов-женщин можем выделить следующую концептуальную метафору как ключевую: «Тело – это неконтролируемое существо» («Body is an uncontrolled creature»), которая наглядно иллюстрирует «взаимоотношения» героини со своим телом. Например:

“It is as if the hairs on my head have a life of their own...” [Fielding 2013: 72] («Волосы на моей голове словно живут своей собственной жизнью... – здесь и далее перевод наш – Г.Н.); “I haven’t even got power over my own hair» [3] («Я даже над своими волосами не властна”).

“...weight coming off – it could have evaporated or passed out of the body into the toilet – but how could it be put on?” [Fielding 2013: 102] («...вес уходит – он может превращаться в пар или выйти из организма в унитаз, – но как его можно набрать?»).

Данная концептуальная метафора характерна и для дискурса С. Павловой, что ярко выражено в следующих примерах:

«полезло в голову уже сто лет как истлевшее» [Павлова 2024: 76];

«Оно (личико) смотрело с трех сторон сразу: центральной и двух створок по бокам» [Там же: 79].

Для С. Павловой ее тело – это отдельное существо от нее самой, она может на нее смотреть со стороны, вести коммуникацию, также тело обла-

дает чувствами, что актуализирует следующую ключевую концептуальную метафору в дискурсе автора: Тело – самостоятельное существо.

«Тело устало от моей ненависти и предало меня. Оно начало мстить, ежедневно демонстрировать резистентность любому голоду, любой диете» [Там же: 21].

Тело (части тела) в дискурсе С. Павловой могут воспринимать различные формы. В следующем примере мы видим, как оно приобретает жидкое состояние: «личико таяло» [Там же: 79].

Большая часть восприятия своего тела у С. Павловой идет через сферу еды. Это мы можем связать, с одной стороны, близостью темы пищи с женским миром, с другой стороны, она видит причины изменения внешности в приеме излишней пищи. В художественном дискурсе С. Павловой пища как сфера-источник метафоризации тела женщины несет отрицательную оценку:

«Я вижу только рытвины целлюлита и шмат кожи, переваливающийся через ткань, словно опара из таза» [Там же: 14].

«Мой подкожный жир выглядел почти так же, как нарастающая над супом корка в забытой кастрюле» [Там же: 76].

В художественном дискурсе авторов-женщин тело (в этом случае фигура, внешность) является главной категорией оценки человека, что актуализируется в следующей концептуальной метафоре ТЕЛО (ИДЕАЛЬНАЯ ФИГУРА) – АНТИЦЕННОСТЬ (ЦЕННОСТЬ):

«Любого встречного я оцениваю в первую очередь на предмет тела и в упор не вижу улыбок, сверкнувших из-под рукава пальто часов, или, может быть, грязных волос, наращенных ресниц» [Павлова 2024: 109].

Таким образом, вышеприведенные примеры доказывают, что современная женщина воспринимает свое тело критически. В связи с чем тело женщины метафорически обретает негативную оценку, является причиной неудач в работе и в личной жизни.

Взаимодействие различных концептуальных метафор формирует целостное метафорическое представление о мире, созданном автором в своём произведении. Для более глубокого анализа необходимо учитывать контекст использования каждой метафоры, а также взаимосвязь между различными концептуальными метафорами, что позволит создать полную и многогранную картину художественного мира произведения.

Литература

Мубаракишина А. М. Вербализация смысловых оппозиций нравственного характера в современном художественном тексте (на материале романов Сергей Минаева) // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 2 (1). С. 103–111.

- Павлова С. Голод. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2024.
- Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // СибСкрипт. 2013. № 2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> (дата обращения: 26.02.2025).
- Чудинов А. П., Будаев Э. В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 6–13.
- Gibbs R. W. Embodiment in Metaphorical Imagination // Grounding Cognition. The Role of Perception and Action in Memory, Language and Thought. Cambridge University Press, 2005.
- Helen Fielding Bridget Jones's Diary. Picador, 2014.

G. R. Nasibullova (Kazan, Russia)
Kazan Federal University

THE HUMAN BODY AS A TARGET SPHERE IN THE INDIVIDUAL AUTHOR'S WORLDVIEW OF MODERN FEMALE AUTHORS

This article is devoted to identifying the ethnocultural specifics of the functioning of the human body as a target sphere as part of a conceptual metaphor in modern Russian and English women's artistic discourse. Using the example of the works of S. Pavlova and H. Fielding, the author shows the importance of the body in the modern female worldview.

Key words: conceptual metaphor, women's artistic discourse, body, body metaphor, embodiment.

М. Н. Николаева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
nikolaevam@mgpu.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КОЛОРОНИМА 'WHITE' В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Колоронимы являются универсальными языковыми единицами, участвующими в категоризации цветового пространства человеком. Белый цвет относится к фокусным, базовым цветам, репрезентирующим область неязыкового знания. Цель статьи заключается в определении когнитивно-культурологической информации, закодированной в колорониме 'white' в английском языке.

Ключевые слова: колороним, цветолексема, белый цвет, культурная память, категоризация, концептуальная метафора, концептуальная метонимия.

Развитие языка тесным образом связано с развитием национально-культурного сознания его носителей. Лексическое ядро языка составляют многие группы слов. Цветообозначения являются одной из таких групп, они относятся к самым древним и разработанным языковым системам. Термины цвета, колоронимы цветолексемы, цветообозначения и цветоименования присутствуют в любом языке и отражают цветовую картину мира, которую воспринимает человек. Н. Н. Болдырев подчеркивает, что, «категоризуя цвета, человек выбирает определенные точки цветового пространства для ориентации» [Болдырев 2021: 123]. Эти определенные точки цветового пространства известны как фокусные цвета, которые относятся к области неязыковых знаний и связаны с мышлением, а не с языком. Под этими фокусными цветами понимают базовые цвета.

Колоронимы в каждом языке являются обозначением базовых (основных) и производных (вторичных) цветов. К базовым цветам относят шесть: черный, белый, красный, голубой, зеленый, желтый. Их считают базовыми, потому что их нельзя описать сочетанием других цветов, и, как отмечалось выше, они связаны с мышлением и хранятся в памяти. Все остальные цвета представляют собой сочетание базовых (например, оранжевый – это сочетание красного и желтого). В. Г. Кульпина отмечает, что «с помощью основных терминов цвета может быть выражен цвет любых предметов и явлений, свои значимости основные термины цвета приобретают в рамках дистрибуции по определенным тематическим зонам цветности, будучи продуктом выработанной в данной лингвокультуре системы цветовых оппозиций в пределах каждой из таких зон» [Кульпина 2025: 1163]. В каждом отдельном языке колоронимы имеют свои особенности, влияющие «на изменение восприятия мира и человеческих ценностей» [Сластникова, Черкашина 2021: 15]. Являясь важными элементами цветовой картины мира, термины цвета помимо общеуниверсальных характеристик часто отражают «свойственные народам национальные особенности восприятия окружающего мира» [Николаева, Балабас 2018: 573]. Исследование колоронимов способствует выявлению когнитивных закономерностей и различий в восприятии и освоении цветовой картины мира носителями разных языков [Перфилова 2025: 1167].

Кодирование когнитивно-культурологической информации в терминах цвета позволяет рассматривать их как проявление культурной памяти, которой присуще культурно-историческое отражение действительности [Новиков 2014: 131]. Как отмечают лингвисты, культурная память языковой единицы помогает исследователю «заглянуть как в далекое прошлое, так и увидеть степень развития культуры народа, говорящего на том или ином

языке» [Авербух 2018: 16]. Проявление культурной памяти колоронимом *white* в английском языке составляет объект данного исследования.

Белый цвет так же, как черный и серый, принадлежит к ахроматической группе цветности. Название «ахроматический» происходит от древнегреческого слова *ἄχρωματος*, которое означает ‘бесцветный, неокрашенный’. Очевидно, по этой причине ахроматические цвета часто называют оттенками цвета, а не собственно цветом.

Согласно словарям английского языка, происхождение колоронима *whit*, *white* в среднеанглийском языке восходит к др.-англ. *hwīt* в значении «белый, яркий, сияющий, блестящий». Цветолексема *white* в протогерманском имела написание **hwīta-*, в родственных языках германской группы древнего и среднего периодов их развития она была представлена в др.-фриз. *hwīt*, *hwītt*, *wīt*, *wit* в значении «белый» и др.-сакс. *hwīt* (белый, яркий), в ср.-голланд. *wit*, *witt* (белый), в ср. нижн.-нем. *wit*, *witte*, в др. верх.-нем. *(h)wīz*, *wīz* (белый), которая в современном немецком развилась в *weiss* (*weiß*), др.-исл. *hvitr*, в готском языке *hveits*, *hweits* [MWD]. В протогерманском языке данное слово возводится к праиндоевропейскому **kueit-* / **kwit-* ‘светить, светлый, белый’ [COD1996: 540].

От праиндоевропейского корня **kueit-* / **kwit-* были образованы др.-инд. (санскрит) *svindate* ‘блестит’, *svetya-* ‘белый, светлый’, *sveta-* ‘белый’, *svityanc* ‘блестящий’, в балто-славянских языках: литов. *sviesd* ‘свет’, *svieciu*, *sviesti* ‘светить’, *svitu*, *sviteti* ‘сверкать, мерцать’, ст.-слав. *свѣтити* *свѣт*, латыш. *kvitu*, *kvitet* ‘сверкать, мерцать’ [Бочкарева 2007: 112–113].

В современном английском языке колороним *white* функционирует как прилагательное, существительное, переходный глагол *to white* (whited; whiting), с его архаичной формой глагола *to whiten* (whitened; whitening), который употребляется и как переходный: *snow whitened the hills*, и как непереходный: *his hair whitened as he aged*.

Колороним *white* 1) выражает белый цвет через его сравнение с цветом снега, молока, костей (человека и животных) (*‘snow, milk, bone’*), например, *snow-white* / *white as snow*; *white coffee* (кофе с добавлением молока) (ср.: *black coffee*); *her hair was bone white* (дескриптор *‘bone white’* часто используется метафорически для передачи сильного страха или шока); 2) имеет значение *‘light or pale in colour’* (светлый, бледный седой), например, *white hair*; *she was white and her lips were pale*; *her lips were white with fear*; 3) может означать *‘free from colour, clear, transparent’* (лишенный цвета, чистый, прозрачный), например, *white vinegar*, *white liquors* (vodka) – чистый уксус, прозрачные без примесей крепкие алкогольные напитки; 4) обозначает некоторые продукты и напитки, которые в действительности могут и не быть белого цвета:

white bread – белый (пшеничный) хлеб, *white chocolate* – белый шоколад, *white flour* – белая (пшеничная) мука, *white sugar* – белый сахар (полученный из сахарной свеклы), *white wine* – белое, светлое, вино; 5) служит обозначением людей со светлым цветом кожи, в которой отмечается небольшое наличие пигмента, такой цвет кожи характерен для представителей европеоидной расы: *He had a black mother and a white father*. В современном англоязычном обществе употребление цветолексем *white* и *black* считается неpolitкорректным из-за возможных ассоциаций с расовой дискриминацией. В английском языке также встречается антонимичное слово *non-white* (*nonwhite*) со значением ‘not of a white race’ в значении «не принадлежащий к европеоидной расе»: *non-white immigrants*.

Культурная память находит репрезентацию в устойчивых выражениях. Как подчеркивают многие исследователи (В. Н. Телия, Л. М. Ковшова, Н. Г. Брагина и др.), именно устойчивость есть одна из форм коллективной культурной памяти этноса. Во фразеологизмах когнитивно-культурный аспект цветолексемы *white* проявляется эксплицитно и имплицитно, например, *to spend a white night* – провести бессонную ночь (ср. «белая ночь» – особое природное явление в приполярных широтах, когда сумерки не переходят в ночь); *white Christmas* – белое (снежное) Рождество, когда снег лежит на земле или идет в рождественскую ночь.

Одной из цветовых концептосфер термина цвета *white* является антропоцентрическая, в которой описывается человек, его физическое и эмоциональное состояние: (*as*) *white as a sheet* – белый как простыня (бледное лицо человека из-за болезни, страха или состояния шока); власть в обществе: *big / great white chief* – ‘a person in authority’ [ODI 2004: 24] – большой белый вождь; фразеологизм имеет помету «шутливый», отражает восприятие индейцем, представителем коренного населения, начальника в виде честолюбивого американца.

Моделью создания фразеологизма (*to show*) *the white feather* [Ibid: 311] выступает концептуальная метафора, с ее помощью передается трусливое поведение человека, имплицитующее отрицательную оценку. Для обозначения сумасшедшего или психически неуравновешенного человека используется концептуальная метонимия во фразеологизме *men in white coats / men in white suits*, в которой обозначены психиатры и санитары психиатрической больницы и предполагается наличие пациента, которому требуется медицинская помощь. В семантике данного фразеологизма содержится коннотация *humorous*, шутливое [Ibid: 183].

Источником библейского фразеологизма *a whited sepulchre* [Ibid: 312] служит текст Евангелия от Матфея 23:27; буквальный перевод которого

‘белый гроб’, в переносном значении данный фразеологизм обозначает лицемера; того, кто внешне добродетелен, но внутренне испорчен. Данный фразеологизм создан с помощью концептуальной метафоры, выражающей контраст между внешней красотой описываемого белого каменного артефакта и его внутренним содержанием, вызывающим омерзение (кости умершего человека).

К фразеологизмам, в которых колороним *white* передает положительную оценку, можно отнести *a white wedding* (белая свадьба); в номинации свадьбы участвует концептуальная метонимия, имплицитная идея, что белое платье невесты выступает символом ее чистоты и невинности (девственности); *a white lie* (белая ложь, ложь во спасение) и *white magic* (белая магия); в двух последних фразеологизмах реализуется значение «не предназначенный для причинения вреда» [MWD].

Таким образом, колороним *white* обладает способностью репрезентировать когнитивно-культурологическую информацию, актуализировать различные коннотации в устойчивых выражениях (образную, оценочную, стилевую и национально-маркированную), что позволяет рассматривать его как важный компонент проявления культурной памяти народа в английском языке.

Литература

Авербух К. Я. Культурная память слов как проявление языковых знаний о мире / К. Я. Авербух, Л. Г. Попова, Л. М. Шатилова // Инновационное развитие науки и образования: монография. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 15–22.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2021.

Бочкарева Т. В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2007. С. 112–113.

Кульпина В. Г. Лингвистика цвета в русскоязычном пространстве в новых парадигмах // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: Тезисы докладов. М.: Институт языкознания РАН, 2025. С. 1163–1164.

Николаева М. Н., Балабас Н. Н. Феномен «яблочных» фразеологизмов в английском, французском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12(90). Ч. 3. С. 573–579.

Новиков Ф. Н. Цветообозначения как культурные коды. Лексический массив цветообозначений в русском, английском и французском языках // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 130–138.

Перфилова М. Н. К вопросу об изучении семантического поля цвета в детской речи // Первый Евразийский конгресс лингвистов. Москва, 9–13 декабря 2024: Тезисы докладов. М.: Институт языкознания РАН, 2025. С. 1166–1167.

Сластникова Т. В., Черкашина Е. И. Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М.: ООО «Языки Народов Мира», 2021.

COD – The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford University Press, 1996.

MWD – Merriam-Webster Dictionary of the English Language. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>

ODI – The Oxford Dictionary of Idioms. New York: Oxford University Press Inc., 2004.

*M. N. Nikolaeva (Moscow, Russia)
Moscow City University*

CULTURAL MEMORY OF THE COLOURONYM ‘WHITE’ IN ENGLISH

Colouronyms are universal linguistic units involved in the categorisation of colour space by a person. White colour belongs to the focal, basic colours representing the field of non-linguistic knowledge. The aim of the article is to establish the cognitive-cultural information encoded in the colouronym ‘white’ in English.

Key words: colouronym, term of colour, white colour, cultural memory, categorisation, conceptual metaphor, conceptual metonymy.

*Л. А. Панасенко, Е. Ю. Тезикова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
laptop74@mail.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ ЖИВОТНЫЙ МИР В ДИСКУРСЕ МОДЫ

В статье рассматриваются интерпретирующие форматы знания лексических единиц, объективирующих концептуально-тематическую область ЖИВОТНЫЙ МИР, в дискурсе моды. Описан процесс активации интерпретирующих признаков, лежащий в основе интерпретирующей концептуализации объектов моды. Рассмотрены когнитивные механизмы формирования вторичных смысловых структур, установлены их функции.

Ключевые слова: интерпретирующий потенциал лексики, концептуально-тематическая область, когнитивные механизмы, функции интерпретации, дискурс моды.

Мир современного человека очень быстро меняется, осмысление новых реалий обеспечивает непрерывный процесс формирования картины мира, виртуального представления действительности, в основе которого лежит работа языковой мысли. С точки зрения когнитивной теории языка динамика концептуальной системы человека определяется интерпретирующей функцией языкового сознания, что предполагает способность языковых форм активировать структуры знания для их дальнейшей конфигурации в речемыслительной деятельности человека. В этой связи свойство лексических единиц реализовывать вторичные смысловые структуры в дискурсе рассматривается как их интерпретирующий потенциал. Это значит, что лексические единицы, объективирующие разные концептуально-тематические области, которые выступают коллективными схемами знания и служат ориентиром для восприятия окружающего мира [Болдырев 2019], способны локализовать в концептуальной системе человека новые объекты и явления. Ярким примером реализации интерпретирующего потенциала лексических единиц выступает их функционирование в дискурсе моды.

Мода – важный социокультурный феномен современности, инструмент приобщения человека к социокультурному опыту, формирования ценностных ориентиров, идеалов красоты и стандартов потребления [Петров 1974; Конева 2011]. Дискурс моды можно определить как совокупность текстов, публикуемых в СМИ, освещающих индустрию моды. Специфика таких текстов представлена тематическим разнообразием, лингвокреативным началом, оценочным форматом, мультимодальностью. Указанные характеристики выступают факторной средой реализации интерпретирующего потенциала лексики, т.е. конфигурирования структур знания, закрепленных в лексике, представленных форматами перцепции, наблюдения, функции, ассоциаций, экспериенциальных эффектов, операционального опыта (подробнее см.: [Панасенко 2014]).

Далее рассмотрим примеры дискурсивной реализации интерпретирующего потенциала лексических единиц, объективирующих концептуально-тематическую область ЖИВОТНЫЙ МИР, на материале электронных изданий модных журналов Marie Claire, выпускаемых для читательской аудитории России и Великобритании на русском и английском языках. Анализ языкового материала показывает, что для когнитивных контекстов ОДЕЖДА, ОБУВЬ, АКСЕССУАРЫ, МАНИКЮР, ПРИЧЕСКИ основным форматом интерпретирующего потенциала лексики выступает формат перцепции, интегрирующий информацию, поступающую по каналу зрительного восприятия. Например:

1. Змеиный принт [...] – на передовую выходит имитация змеиной кожи. Она может быть не только на плащах, брюках, юбках, но и сумках, а также на обуви [URL: <https://www.marieclaire.ru/moda/samaya-modnaya-obuv-vesny-i-leta-2025-polnyi-gid/>];

2. *Rihanna Remixes the Rich-Looking Snakeskin Trend With Baggy Jeans.* [URL: <https://www.marieclaire.com/fashion/rihanna-rich-snakeskin-trend-baggy-jeans/>];

3. На том же нюдовом ложе очень красиво смотрятся животные принты, – леопард, зебра... [URL: <https://www.marieclaire.ru/krasota/8-idei-modnogo-manikyura-kotoryi-nezametno-otrastaet/>];

4. *This manicure infuses zebra print for a nail design that equates to a visual feast* [URL: <https://www.marieclaire.com/beauty/nail-crown-manicure-trend/>].

Приведенные примеры показывают, что интерпретирующей основой оказывается знание особенностей кожного покрова животных. В качестве интерпретирующих признаков выступают «цветовая гамма» и «форма», образующие комбинации визуальных образов, которые определяют тренд атрибутов гардероба и нейл-дизайна. В основе языковой номинации лежит когнитивный механизм метафонимии. Метонимическая модель ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ обеспечивает концептуализацию окраски животного как определенного визуального паттерна, в результате метафорического переноса название животного используется для репрезентации идеи модного принта.

Анализ функционирования лексических единиц области ЖИВОТНЫЙ МИР в дискурсе моды показывает, что признак «форма» является достаточно продуктивной основой интерпретации и профилируется также при активации знания о частях тела животного. Например:

5. *Бьюти-образ актрисы остался одним из самых запоминающихся с «Золотого глобуса» во многом благодаря серебряному ободку и роскошному конскому хвосту* [URL: <https://www.marieclaire.ru/krasota/10-luchshikh-prisesok-s-ceremonii-zolotoi-globus-2025-kotorye-legko-povtorit/>];

6. *Bows dominated the 2024 Spring/Summer Haute Couture runway circuit. They made appearances at Chanel, with large velvet ribbons perched atop ponytails* [URL: <https://www.marieclaire.com/beauty/cardi-b-hair-bows-coquette-trend/>];

7. *Маникюр с переливающимися блестками и рисунком в виде крыла бабочки точно привлечет к себе все взгляды окружающих и соберет сотню комплиментов.* [URL: <https://www.marieclaire.ru/krasota/manikyur-na-vypusknnoi-2024-luchshie-idei-dlya-dlinnykh-i-korotkikh-nogtei/>];

8. *The ‘90s butterfly is here to stay and it just so happens to make the most beautiful nail design. Now, if you want one as intricate as this, you’re going*

to need to visit a nail salon [URL: <https://www.marieclaire.co.uk/beauty/nail-designs-for-spring#section-5-butterflies>].

В данных примерах признак «форма части тела животного» обеспечивает концептуализацию прически (5, 6) и дизайна маникюра (7, 8). В основе интерпретации лежит когнитивный механизм метафоры, который активирует также дополнительные ассоциативные линии – возникают комбинации интерпретирующих признаков: «форма» и «текстура» (5, 6), «форма» и «цветовая гамма» (7, 8). Следует отметить, что языковая интерпретация объектов выделенных когнитивных контекстов, предполагающая их концептуальную идентификацию, может включать индивидуально-личностную оценку говорящего, как правило, эстетического характера, на что указывают, например, соответствующие оценочные прилагательные: *запоминающийся, роскошный* (5), *the most beautiful* (8).

Кроме признаков формата перцепции источником интерпретации может выступать знание других интерпретирующих форматов. Так, в приводимых ниже примерах концептуализация основывается на профилировании признака формата функции:

9. *Уже несколько сезонов мы усыпаяем волосы цветными невидимками и красочными заколками [...] Однако ничто из них не было таким же функциональным и стильным, как крупный краб для волос* [URL: <https://www.marieclaire.ru/moda/kraby-dlya-volos-kak-ikh-nosit-seichas-i-gde-kupit-samye-modnye/>];

10. *Gerber took a break from her recent leather-on-leather outfits [...] I was laser-focused on Gerber's claw clip* [URL: <https://www.marieclaire.com/beauty/kaia-gerber-claw-clip-updo/>].

Данные примеры показывают, что осмысление модного аксессуара – заколки для волос – происходит на основе активации признаков «форма части тела животного» и «функция части тела животного». Когнитивным механизмом интерпретации выступает метафора – активируются образы клешни краба и когтя животного как ассоциативные линии, определяющие конститутивные признаки заколки-зажима.

В качестве интерпретирующей основы вторичных смысловых структур, актуализируемых лексическими единицами области ЖИВОТНЫЙ МИР, может выступать знание формата наблюдения, которое характеризуется динамической природой. Например:

11. *Женщина-хамелеон: 70 причесок Кэти Перри* [URL: <https://www.marieclaire.ru/krasota/jenschina-hameleon-70-prichesok-keti-perri/>];

12. *Anne Hathaway Is a Powerful Fashion Chameleon In Two Very Different Outfits* [URL: <https://www.marieclaire.com/fashion/anne-hathaway-white-outfits-fashion-chameleon/>].

Приведенные примеры иллюстрируют возможность лексемы, обозначающей животного, служить средством оценки многоликости актрис в плане смены модных образов. В основе интерпретации лежит признак «внешнее проявление животного», который активируется при установлении межконцептуальной связи метафорического характера.

Таким образом, функционирование лексических единиц концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР в дискурсе моды показывает, что их интерпретирующий потенциал представлен форматами перцепции, функции и наблюдения. Языковая интерпретация объектов в рамках когнитивных контекстов ОДЕЖДА, ОБУВЬ, АКСЕССУАРЫ, МАНИКЮР, ПРИЧЕСКИ предполагает идентификацию объекта или его оценку и может базироваться на одновременной активации признаков указанных форматов.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.

Конева А. В. Креативное и социальное воображение в мире моды // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 122–130.

Панасенко Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Петров Л. В. Мода как общественное явление. (Анализ в социально-коммуникативном аспекте). Ленинград: Общество «Знание» РСФСР, 1974.

*L. A. Panasenکو, E. Yu. Tezikova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

INTERPRETIVE POTENTIAL OF LEXIS OF THE CONCEPTUAL-THEMATIC DOMAIN ANIMAL WORLD IN THE DISCOURSE OF FASHION

The article studies the interpretive formats of knowledge of lexical units that represent the conceptual-thematic domain ANIMAL WORLD in the discourse of fashion. The process of activation of interpretive features, which underlies the interpretive conceptualization of fashion objects, is described. The cognitive mechanisms of the formation of secondary semantic structures and their functions are considered.

Key words: interpretive potential of lexis, conceptual-thematic domain, cognitive mechanisms, interpretation functions, discourse of fashion.

В. М. Потемкина (Москва, Россия)

*Военный университет
имени князя Александра Невского
Министерства обороны
Российской Федерации,
Московский государственный
педагогический университет
botoeva@mail.ru*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ

В данной статье рассмотрено, как лингвокультурные основания служат основой для формирования идеологических концептов, и какая роль при этом отводится языку и культуре. Лингвокультурные основания играют ключевую роль в формировании и распространении идеологических концептов. Язык и культура взаимодействуют, создавая сложную систему, через которую индивиды воспринимают мир и ориентируются в нем. Понимание лингвокультурных аспектов идеологических концептов позволяет глубже осознать механизмы их формирования и функционирования в обществе. Это, в свою очередь, открывает возможности для анализа и критики идеологических систем, а также для разработки стратегий эффективной коммуникации в политическом и социальном контексте.

Ключевые слова: идеологические концепты, дискурс, лингвокультурологический подход, культура, язык.

В современной науке формирование и развитие концептов в национальном сознании происходит посредством процесса концептуализации, который представляет собой центральный когнитивный механизм, направленный на структурирование и систематизацию восприятия, рациональное осмысление чувственно-наглядных представлений и создание ментальных моделей. В рамках дискурса важную роль играют идеологические концепты, которые являются основой для формирования устойчивых идеологических конструкций, способствующих поддержанию социальной стабильности и обеспечению единства в обществе.

Исследователи выделяют два подхода к изучению концепта: лингвокогнитивный, направленный на анализ формирования и восприятия концептов в сознании, и лингвокультурологический, связанный с изучением их культурно-исторического контекста. В данной статье предлагается рассмотреть лингвокультурологический подход, в котором внимание сосредоточено на культурных контекстах, влияющих на формирование и интерпретацию

концепта. Этот подход позволяет более детально исследовать языковые и культурные аспекты формирования и интерпретации идеологических концептов.

Теоретические исследования *лингвокультурологического подхода к исследованию концептов* описывают такие ученые, как Ю. С. Степанов, А. П. Бабушкин, А. Вежицкая, В. А. Маслова, где авторы предлагают рассматривать концепт как совокупности знаний, образов, ассоциаций и представлений, которые связаны с определенной культурой и находят отражение в языке.

В отличие от лингвокогнитивного подхода, который сосредоточен на процессах мышления и когнитивного восприятия, лингвокультурологический подход смещает акцент на культурные практики, что позволяет глубже понять, как язык отражает и формирует культурную идентичность. Так, лингвокультурологический подход к изучению концептов дополняет лингвокогнитивный, создавая более полное представление о взаимосвязи языка и культуры, и подчеркивает важность культурной составляющей в понимании языка как уникального инструмента коммуникации.

По мнению А. П. Бабушкина, концепт представляет «единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира и хранимую в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1996: 53].

А. Вежицкая в свою очередь пишет, что концепты «обладают этноспецифичностью, что делает их инструментом анализа и сопоставления культур различных народов с целью изучения их своеобразия и общих черт» [Вежицкая 1999: 434].

Ю. С. Степанов при изучении концепта уделяет внимание культурологическому аспекту, рассматривая культуру как систему, состоящую из совокупности концептов и отношений между ними. Автор пишет, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека» и одновременно «то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее», т.е. «концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43].

Так, лингвокультурологический подход к изучению концепта позволяет детально рассмотреть взаимосвязь между языком и культурой, исследуя, как концепты формируются и функционируют в национально-культурном языковом сознании носителей. Идеологические концепты с позиции лингвокультурологического подхода отражают социальные, исторические и культурные реалии, на основе которых создаются идеологические рамки национальной концептуальной картины мира.

Перейдем к перечислению основных подходов описания концептов с точки зрения лингвокультурологического подхода по В. А. Масловой [Маслова 2004: 45] на примере идеологического концепта «一带一路» («Один пояс, один путь»):

1. Установление места концепта в языковом сознании нации.

В языковом сознании китайской нации данный идеологический концепт интерпретируется как символ национальной политики, ориентированной на усиление международного статуса Китая и модернизацию страны.

2. Привлечение разнообразных контекстов.

Политический контекст служит инструментом для укрепления позиций Китая на мировой арене, позволяя расширить свое влияние в Азии, Европе и Африке. В экономическом контексте создает платформу для развития обширной транспортной инфраструктуры, что способствует росту экономики и созданию новых рабочих мест. В социальном плане он поддерживает культурный обмен между странами, повышая уровень взаимопонимания и дружбы между народами. С точки зрения идеологической направленности происходит формирование идеологии внешней политики Китая, а именно расширение политического и экономического влияния, продвижение китайской культуры, идеалов и образа жизни через проекты международного сотрудничества.

3. Сопоставление с анализом ассоциативных связей.

Ключевая лексема – «путь» (路) ассоциируется с идеями движения, развития, прогресса и формирования новых связей. Ее связь с «поясом» (带) осмысливается через образы интеграции и сплоченности стран, что подчеркивает символику международной сплоченности и единства.

4. Интерпретация в культуре.

Интерпретация в китайских художественных формах. В живописи можно наблюдать караваны Шелкового пути, мосты и транспортные маршруты, в музыкальных произведениях воспеваются как дух единства, в литературе ассоциируют с процветанием, культурным диалогом и миром.

Таким образом, лингвокультурологический подход рассматривает концепт как многомерное ментальное образование, являющееся центральной единицей культуры, интегрирующее язык, когнитивный опыт и лингвокультурные ценности. Концепт как лингвокультурное образование отражает специфические черты коллективного и индивидуального

сознания, закрепленные в национальной памяти, и служит инструментом осмысления, сохранения и передачи культурного опыта определенной национальной картины мира.

Концепты, в структуре которых проявляются идеологически маркированные концептуальные признаки национальной лингвокультуры, являются носителями определенной идеологии и отражают представления носителей языка о политических институтах государства и его идеологии. Поэтому идеологические концепты являются фундаментальными элементами различных идеологий. Они формируют основу для политических, социальных и культурных систем, обеспечивая единство и направленность общества.

Литература

Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки рус. культуры, 1999.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.

V. M. Potemkina (Moscow, Russia)

Moscow State Pedagogical University,

*Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the RF*

LINGUISTIC AND CULTURAL FOUNDATIONS OF IDEOLOGICAL CONCEPTS

This article will examine how linguistic and cultural foundations serve as the basis for the formation of ideological concepts, and what role language and culture play in this process. Linguistic and cultural foundations play a key role in the formation and dissemination of ideological concepts. Language and culture interact to create a complex system through which individuals perceive and navigate the world. Understanding the linguistic and cultural aspects of ideological concepts allows us to better understand the mechanisms of their formation and functioning in society. This, in turn, opens up opportunities for the analysis and criticism of ideological systems, as well as for the development of effective communication strategies in a political and social context.

Key words: ideological concepts, discourse, linguistic and cultural approaches, culture, language.

Л. В. Проскурнина (Иркутск, Россия)

Иркутский государственный университет

larisa.dubrovina.96@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ “CLIMATE CHANGE”

Данное исследование позволяет систематизировать знания о языковой картине мира через призму фразеологизмов в себе компонент “Climate change”. Анализ фразеологизмов, связанных с изменением климата, предоставляет возможность выявить культурные и социальные аспекты восприятия этой глобальной проблемы.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая единица, фразеология, компонент, “Climate change”, английский язык.

Реальность, проходя через призму человеческого сознания, фиксируется в языке, создает собственный образ мира, уникальный для конкретного языка и конкретной культуры. Такая интерпретация действительности, отражающаяся в виде языковых единиц, включающих также фразеологизмы, называется языковой картиной мира.

Р. Х. Хайруллина считает фразеологическую модель мира компонентом общей языковой картины мира, состоящей из различных языковых средств, и формой, в которой выражаются представления человека.

Согласно Р. Х. Хайруллиной, существует ряд свойств, которые влияют на образование семантического «пространства» и структуру фразеологической картины мира. Этими свойствами являются универсальность, антропоцентризм и экспрессивность [Хайруллина 1996: 34].

Культура и язык создаются человеком, поэтому он непосредственно является центром языковой и фразеологической картины мира, трансформируя накопленный опыт и знания о культуре и истории в форму слов и фразеологизмов [Кузнецова 2013: 67].

Мы можем утверждать, что фразеологизмы являются важным компонентом языковой картины мира. Помимо выполнения функции отображения действительности в языке народа, они являются носителями этой культурной и исторической информации, тем самым позволяя передавать её из поколения в поколение в разнообразной и стилистически окрашенной форме.

В рамках данного исследования для анализа фразеологизмов с компонентом “Climate change” была выбрана классификация, предложенная А. В. Куниным [Кунин 1996]. Эта классификация основывается на функ-

циональной роли фразеологических единиц в коммуникации, что определяется их структурно-семантическими характеристиками. Мы отобрали фразеологизмы, содержащие компонент “Climate change”, и распределили их по категориям в соответствии с указанными характеристиками. В нашей работе мы рассматриваем эти фразеологизмы на основе современных медийных текстов, опубликованных в период с 2016 по 2023 годы, поскольку они позволяют выявить особенности их употребления.

К номинативным фразеологизмам относятся устойчивые выражения, которые обозначают предметы, действия, состояния, людей и т.д. В состав данной категории входят следующие подгруппы:

а) субстантивные, к ним относятся такие фразеологизмы, как: *the tip of the iceberg* – «верхушка айсберга». Идиома возникла как метафора, описывающая айсберг, большая часть которого скрыта под водой. Этот образ имеет свои корни в наблюдениях за холодными морями и показывает, как на первый взгляд незначительное может быть лишь небольшой частью более сложного и масштабного явления. Выражение *the tip of the iceberg* означает, что видимая часть проблемы или ситуации – это всего лишь малая её доля, и за ней скрывается гораздо больше, что может оказаться сложнее и серьезнее, чем кажется. Например: “*The majority of pathogens are still to be discovered. We are at the very tip of the iceberg.*” [The Guardian: URL]. *A breath of fresh air* – «глоток свежего воздуха». Эта ФЕ обозначает что-то новое и вдохновляющее, что приносит облегчение или радость в условиях рутины или трудностей. Данная фраза буквально ассоциируется с ощущением свежести после нахождения в душном помещении. В переносном смысле она начала использоваться в XIX веке для описания позитивных изменений или людей, которые приносят новизну и свежие идеи. Например: *It was indeed a breath of fresh air to see someone in our politics tender his resignation for reportedly “professional conflict in policy position.”* [The Guardian: URL]. *A Wind of Change* – «ветер перемен». Это популярный фразеологизм, символизирующий приближение значительных изменений в какой-либо области. Выражение стало известным после речи премьер-министра Великобритании Г. Макмиллана в Кейптауне (Южноафриканская Республика) 3 февраля 1960 года, в которой он признал неизбежность освобождения африканских колоний. С 1990 года эта фраза часто использовалась для обозначения политических изменений в СССР и Восточной Европе, особенно в контексте падения Берлинской стены, и приобрела популярность благодаря одноимённой песне группы Scorpions. Например: *But I don't think the CIA confected the sentiments in Wind of Change...* [The Guardian: URL].

б) адъективные – к данной подгруппе номинативных фразеологизмов относятся выражения, выполняющие функцию определения или именной

части сказуемого. Среди адъективных ФЕ, имеющих исторический компонент, можно выделить следующие: *in hot water* – оказаться в беде; быть в сложной ситуации. Это выражение употребляется, когда кто-то попадает в неприятности или проблемы из-за своих поступков. Например: *In hot water: Iran through the ages – in pictures* [The Guardian: URL]. *Under the weather* – чувствовать себя плохо, быть усталым, болеть. Этот фразеологизм указывает на состояние недомогания, которое может возникнуть из-за усталости после тяжелого труда или простуды. Фразеологическая единица появилась в морской среде в середине XIX века. Когда моряки и пассажиры испытывали сильную качку во время шторма, они спускались под палубу – в наиболее устойчивую часть корабля, где влияние качки ощущалось меньше всего. Например: *Under the weather: fog and frost in the UK – in pictures* [The Guardian: URL]. *Under a cloud* – находиться в немилости. Эта ФЕ появилась в английском языке еще в XIV веке. Ее происхождение довольно простое: в средние века тучи считались символом неудачи и несчастья. Говорили, что над кем-то нависла туча в переносном смысле. Со временем *dark cloud* сократилось до просто *cloud*, и выражение стало устойчивым. Например: *The Masters, one of snooker's triple crown events, begins on Sunday in London under a cloud* [The Guardian: URL].

в) адвербиальные фразеологизмы отождествляются с наречием и выполняют те же функции. Из отобранного нами множества ФЕ адвербиальными можно считать *as right as rain* – в полном порядке. Это выражение используется для описания ситуаций, когда все идет хорошо, без каких-либо осложнений, особенно после небольших происшествий или инцидентов. ФЕ *as right as rain* начала активно использоваться в XIX веке, а первое ее упоминание датируется 1870 годом. Например: *As right as rain! 10 ways to boost your mood on grey, wet or cold days* [The Guardian: URL].

Следующей категорией в структурно-семантической классификации являются номинативно-коммуникативные фразеологизмы. Данный тип ФЕ является глагольным по своей семантике, большинство из них относится к человеку, совершаемым им действиям, а также состояниям, в которых он находится. Из ряда отобранных нами фразеологических единиц к данной категории относятся такие выражения, как: *blow hot and cold* – менять своё отношение / мнение, быть непостоянным. ФЕ имеет интересное происхождение. Эта фраза взята из басни Эзопа о путнике и сатире, где человек дул на руки то для тепла, то для охлаждения супа. Использование данного выражения в английском языке восходит к XVI веку. Значение идиомы заключается в том, что она описывает нерешительность или переменчивость в чувствах, решениях или действиях, часто с ноткой раздражения. Хотя фраза слегка устаревшая, она всё ещё жива и употребляется в разговорной речи. Русский аналог этой идиомы – «дуть

в горячее и холодное» или «быть как флюгер». Например: *Weather tracker: Europe blows hot and cold* [The Guardian: URL]. ФЕ *weather the storm* – переждать бурю; выдержать тяжелые времена. Этот фразеологизм имеет свои корни в морской практике. В XVII веке британские суда часто путешествовали вдоль африканского побережья, обходя мыс Доброй Надежды, славящийся своими бурями. Когда начиналась непогода, моряки спускали паруса, укрепляли мачты и закрывали люки, ожидая, когда шторм утихнет. Со временем данное выражение стало использоваться не только в морском контексте, но и в более широком смысле. *Chase rainbows* – гнаться за несбыточным. ФЕ “*chase rainbows*” глубоко уходит корнями в древнюю мифологию и фольклор, где радуга часто рассматривалась как символ надежды, удачи и недостижимого. Во многих культурах радуга ассоциировалась с мифическими существами, которые, как считалось, прячут свои сокровища в конце радуги. Эта символика способствовала распространению идеи о том, что погоня за радугой – бесполезное занятие, олицетворяющее стремление к чему-то, чего никогда нельзя достичь. Со временем эта фраза стала использоваться для описания любого нереалистичного или непрактичного занятия. Например: *Chasing rainbows: inside the battle between Radiohead and EMI's Guy Hands* [The Guardian: URL].

К коммуникативным фразеологизмам относятся целлопредикативные предложения, к ним относятся пословицы и поговорки. Примером таких ФЕ являются: *Every Cloud Has a Silver Lining* – «нет худа без добра». Эта пословица возникла в Америке благодаря военным служащим и изначально имела негативный оттенок. Во время Гражданской войны «тучами» называли клубы дыма от вражеской артиллерии, а «серебряными проблесками» – блеск орудий на утреннем солнце. Многие сражения начинались на рассвете, и солдаты иногда путали обычный туман с дымом от врага. Новобранцам советовали избегать «туч с серебряными проблесками». Так появилось выражение “*not every cloud has a silver lining*”, что означало, что не все места опасны. После войны вернувшиеся солдаты стали использовать эту фразу, когда обнаруживали положительные аспекты неприятных ситуаций. Со временем слово “*not*” исчезло, и идиома приняла современный вид. Например: *Every cloud has a silver lining? Not if it is run by an internet giant* [The Guardian: URL].

Количественный анализ, проведенный на основе 50 фразеологизмов с компонентом “*Climate change*” по структурно-семантической классификации показывает, что преобладающими являются номинативно-коммуникативные фразеологизмы, которые составили 69% от общего числа отобранных нами выражений. Это объясняется тем, что фразеологизмы, содержащие в себе компонент “*Climate change*”, зачастую описывают различные аспекты и последствия этого явления, а также отражают общественные настроения и реакции.

Литература

- Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии. М.: Прометей, 1996.
- Кузнецова А. Н. Английский национальный характер сквозь призму фразеологии // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 2. С. 67–71.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996.
- The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/> (дата обращения: 19.02.2025).

L. V. Proskurnina (*Irkutsk, Russia*)
Irkutsk State University

LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE “CLIMATE CHANGE” COMPONENT

This study allows to systematize knowledge about the linguistic picture of the world through the prism of phraseological units, which contains the “Climate change” component. The analysis of phraseological units related to climate change provides an opportunity to identify cultural and social aspects of the perception of this global problem.

Key words: linguistic picture of the world, phraseological unit, phraseology, component, “Climate change”, English.

И. А. Пугачевская (*Курск, Россия*)
Юго-Западный государственный университет
ipugachevskaya@gmail.com

СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ «ДЕЙСТВИЕ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Статья посвящена вопросу категоризации профессионального знания. Рассматриваются особенности формирования категории «действие» в терминологии международного права в русском языке. Определяется понятийный состав категории и производится попытка моделирования ее уровневой структуры.

Ключевые слова: понятийная категория, термин, терминология, уровневая структура, международное право.

Одним из наиболее перспективных направлений когнитивного терминоведения является изучение особенностей репрезентации наиболее важных понятийных категорий в терминологиях различных отраслей знания или деятельности, выявление в этих терминологиях системообразующих категорий [Голованова 2013: 15]. При исследованиях разных терминосистем выделяются различные комплексы категорий, о чем свидетельствует множество современных публикаций, направленных на выявление понятийных категорий различных областей деятельности и познания [Лату 2015, Левит 2017, Шарандин 2021, Battleday 2020 и др.].

Объединение в категории вербализованных в терминах научных и профессиональных, и шире – специальных понятий, происходит на основании признаков, присущих типам понятий, которые существуют в соответствующей терминосистеме. В фокусе нашего исследования находится понятийная категория «действие», выражаемая терминами области международного права.

Согласно Краткому психологическому словарю под *действием* понимается ‘целенаправленная активность, реализуемая во внешнем или внутреннем плане; единица деятельности’ [КПС 1998]. К категории «действие» в рамках рассматриваемой области знаний мы относим особую форму поведения (активности/пассивности) субъектов международного права: например, *интервенция* (лат. *intervention*) – насильственное вмешательство одного или нескольких государств во внутренние дела другого; *репатриация* (лат. *repatriate*) – возвращение лиц в страну гражданства, постоянного проживания или происхождения; *цессия* (лат. *cession*) – передача территории одного государства другому государству по соглашению между ними и т.д. [Берлявский 2014: 22, 56, 65].

Среди терминологических наименований, соотносимых с рассматриваемой категорией, можно выделить две группы:

1) термины, обозначающие правовые (правомерные) действия, т.е. соответствующие нормативному предписанию либо не противоречащие сущности права. К таким действиям относится осуществление мер, направленных на поддержание международного мира и безопасности, а также обеспечивающих регулирование взаимоотношений между государствами в различных областях, например, *имплементация* (лат. *imple*) – фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне; осуществляется путем трансформации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты; *миссия* (лат. *missio*) – постоянное дипломатическое представительство государства, возглавляемое посланником или поверенным в делах [Берлявский 2014: 21, 36];

2) термины, обозначающие действия противоправного характера (преступления и другие нарушения норм международного права), например, *аннексия* (лат. *annexio*) – насильственное присоединение государством территории, принадлежащей другому государству или народу; *экоцид* (греч. *οικος*, лат. *caedo*) – нанесение окружающей среде такого вреда, который создает непосредственную угрозу для жизни и здоровья отдельных человеческих общностей или человечества в целом (признается международным преступлением) [Берлявский 2014: 4, 66].

Группа номинаций рассматриваемой категории является наиболее репрезентативной и составляет около 28% от общего числа выборки (800 терминов области международного права, содержащихся в юридических документах и специализированных словарях). Во всех перечисленных терминологических дефинициях категории содержатся характеристики понятия как совершаемого действия: вмешательство, возвращение, передача, присоединение, нанесение, реализация, представительство.

Каждую понятийную категорию можно представить в виде иерархической структуры, где единицы вышестоящего уровня категоризации рассматриваются как целое по отношению к единицам нижестоящего уровня, составляющим их часть. Единицы наивысшего уровня такой иерархии охватывают всю предметную область.

Категории, находящиеся в середине иерархической структуры, считаются базовыми, поскольку занимают приоритетное положение в представлении профессионального знания и являются наиболее значимыми для осуществления познавательных процессов. Базовый уровень категоризации включает ту часть знаний об окружающей действительности, которая формируется посредством обыденного познания, и на основе этих знаний развиваются теоретические знания, ведущие к образованию вышестоящих (содержащих обобщенные характеристики) и нижестоящих (включающих специфические характеристики объектов и явлений) уровней [Голованова 2004: 31].

Категориальный уровень содержит общее представление о членах категории безотносительно каких-либо конкретных характеристик, создавая область категоризации. Единицы суперординатного уровня, помимо общего представления о членах категории, включают информацию об их статусе в рамках этой категории. Базовый уровень включает единицы, выражающие наиболее значимые понятия предметной области, в которых содержится наибольшее количество признаков: сведения о характере (предмета, явления), субъекте, объекте, способе, средстве, среде и т.д. [Болдырев 2014: 136]. На тематическом и субтематическом уровнях происходит усложнение понятий путем добавления новой детализирующей информации об условиях,

конкретных ситуациях. Последние два уровня можно соотнести с субординатным уровнем (по терминологии Э. Рош), поскольку категоризация на них осуществляется на основе концептов, передающих конкретную специфическую характеристику объектов или явлений.

Структуру категории действия в области знаний, относящихся к сфере международного права, можно представить в виде пяти уровней:

Категориальный	Действие
Суперординатный	Правомерное действие, неправомерное действие
Базовый	Интервенция, репатриация, экоцид, имплементация, миссия, аннексия и т.д.
Тематический	Дипломатическая/специальная миссия, инкорпорация, легитимация, отсылка и т.д.
Субтематический	Общая/частная/конкретная отсылка

Первый уровень категоризации включает в себе когнитивный признак, лежащий в основе образования категории, в наиболее чистом виде, без трансляции дополнительных смыслов. Под действием мы понимаем осознанно-волевое активное или пассивное поведение субъектов международного права, влекущее определенные правовые последствия. Второй уровень служит для разграничения видов такого поведения в зависимости от его признания в качестве соответствующего нормам права (не противоречащего им) либо несоответствующего (нарушающего правовые предписания).

Указанные два уровня имплицитно содержатся в языке в терминологических наименованиях (в их семантике), а также представлены в виде обобщенных обозначений: *правомерное действие*, *правовое действие*, *неправомерное действие (бездействие)*, *противоправное действие*, *преступление*, *преступное действие (бездействие)*, *правонарушение*.

Третий – базовый – уровень представлен непосредственно обозначениями конкретных действий, имеющих значимость с точки зрения международно-правовых отношений. Кроме того, единицы базового уровня характеризуют содержание этих действий: кем осуществляются, на кого направлены, каким способом и т.д. К этому уровню можно отнести такие понятия, как *интервенция*, *репатриация*, *цессия*, *имплементация*, *миссия*, *аннексия*, *экоцид* и др. Например, понятие *имплементация* (см. выше) включает информацию о характере действия (фактическая реализация), объекте (международные обязательства), среде (внутригосударственный уровень), способе (путем трансфор-

мации международно-правовых норм в национальные законы и подзаконные акты). Тематический уровень характеризуется степенью детализированности понятий, представляющих ментальные (и имеющие языковое выражение) сущности, имеющие один конкретизирующий признак (*дипломатическая/специальная миссия*). Понятия базового уровня представлены на тематическом уровне в качестве видовых терминов, например, *инкорпорация*, *легитимация*, *отсылка* являются видовыми понятиями термина *имплементация*. Например, понятие *отсылка* в международном праве содержит в своей семантике информацию о конкретном способе реализации действия, представляя собой указание со стороны национального закона на международно-правовой акт, призванный регулировать определенные внутригосударственные отношения. Ряд понятий тематического уровня получают дальнейшее развитие на субтематическом уровне (*общая/частная/конкретная отсылка*). Ср. *общая отсылка* – отсылка ко всем нормам и принципам международного права; *конкретная отсылка* – отсылка к определенному договору или конвенции.

Таким образом, категорию «действие» в русскоязычной терминологии международного права можно представить в виде пятиуровневой структуры, в центре которой располагаются базовые понятия этой терминологической области, получающие детализацию и развитие на последующий уровнях категоризации. Характерно, что понятия базового уровня рассматриваемой категории находят выражение в отглагольных существительных, обозначающих помимо самого действия также его результат, что обусловлено взаимосвязанностью на ментальном уровне двух понятийных категорий; неотделимостью друг от друга двух аспектов международно-правовой деятельности: действия и результата.

Литература

- Берлявский Л. Г. Международное право. Словарь-справочник. Москва: Изд-во «Юрлитинформ», 2014.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Голованова Е. С. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 13–18.
- Голованова Е. И. Категория профессионального деятеля. Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004.
- Лату М. Н. Особенности отражения логических категорий во внутренней форме терминологических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2. С. 100–106.

Левит А. А. Понятийные категории, выражаемые терминами области астрофизики // Научный диалог. 2017. № 6. С. 43–58.

Шарандин А. Л. Категория репрезентации числительного // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2021. № 6. С. 146–157.

Battleday R. M., Peterson J., Griffiths T. Capturing human categorization of natural images by combining deep networks and cognitive models // Nature communications. 2020. № 11. Р. 1–14.

КПС – Краткий психологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. URL: <http://med.niv.ru/doc/dictionary/short-psychology/fc/slovar-196-1.htm#zag-221>

I. A. Pugachevskaya (*Kursk, Russia*)
Southwest State University

STRUCTURE OF THE CATEGORY “ACTION” IN THE RUSSIAN-LANGUAGE TERMINOLOGY OF INTERNATIONAL LAW

The article is devoted to the issue of categorisation of professional knowledge. The features of the formation of the category “action” in the terminology of international law in the Russian language are considered. The conceptual composition of the category is determined and an attempt is made to model its level structure.

Key words: conceptual category, term, terminology, level structure, international law.

Ю. М. Разумовская (*Тамбов, Россия*)
*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
Julieden@yandex.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА, ОБЪЕКТИВИРУЮЩИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНУЮ ОБЛАСТЬ СПОРТ, В ФУНКЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Статья посвящается изучению взаимодействия когнитивных и языковых структур на примере прецедентных имен, отобранных из материалов современного русскоязычного и франкоязычного медиадискурсов и объективирующих концептуальную область СПОРТ. С опорой на теорию интерпретации Н. Н. Болдырева анализируются прецедентные имена в функции оценочной вторичной интерпретации.

Как свидетельствует анализ языкового материала, прецедентные имена, обладающие различными коннотациями, привлекаются авторами для выражения оценки героев публикаций – от положительной до отрицательной.

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентность, медиадискурс, оценочная вторичная интерпретация, концептуальная область СПОРТ.

Вопрос взаимодействия мыслительных и языковых структур долгое время является актуальным для отечественных и зарубежных исследователей языка. В данной статье, опираясь на авторскую теорию интерпретации Н. Н. Болдырева, обратимся к анализу их взаимодействия на примере исследования прецедентных имен (далее – ПИ) русскоязычного и франкоязычного медиадискурсов. Объектом исследования послужат ПИ, осмысляемые относительно концептуальной области СПОРТ.

Как показывает исследование, ПИ, осмыляемые относительно концептуальной области СПОРТ, довольно часто встречаются в современном русскоязычном и франкоязычном медиадискурсах. Аппеляция к ним обусловлена тем, что, по справедливому замечанию В. В. Красных, они являются «прозрачными», «коннотативно окрашенными» элементами дискурса, «понятны собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария» [Красных 2003: 170–171] и выполняют в медиадискурсе разнообразные функции: номинативную, коммуникативную, когнитивную, текстопорождающую, экспрессивную, манипулятивную и другие функции [Разумовская, Бабина 2025].

Еще одной, безусловно, важной функцией ПИ является реализуемая ими функция вторичной интерпретации. В процессе коммуникации ПИ по-разному интерпретируются представителями лингвокультурного сообщества. Интерпретация, по мнению Н. Н. Болдырева, «является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов, в частности, <...> она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка» [Болдырев 2018: 152]. Н. Н. Болдыревым выделяются два типа интерпретации: первичная и вторичная языковая интерпретация мира. Первичная интерпретация заключается в «интерпретирующем характере процессов первичной концептуализации и первичной категоризации мира, его объектов и событий» [Болдырев 2017: 25], результатом вторичной интерпретации, индивидуальной по своей сути, являются «новые знания об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера». Соответственно, этот тип языковой интерпретации можно условно назвать субъективной интерпретацией [Болдырев 2018: 260]. ПИ, как показывает материал, способны реализовывать функцию вторичной интерпретации.

Развивая идеи Н. Н. Болдырева, который выделяет три основных функции интерпретации: селективную, классифицирующую и оценочную [Болдырев 2017: 57], остановимся подробно на функции оценочной вторичной интерпретации. Проанализируем то, каким образом ПИ, объективируя концепт личности [Разумовская, Бабина 2022: 359], реализуют функцию оценочной вторичной интерпретации.

В русском и французском медиапространствах ПИ используются для выражения не рациональной, а эмоциональной оценки, служат средством формирования общественного мнения и выражения авторской субъективной интерпретации. Будучи коннотативно окрашенными, ПИ манифестируют разные типы оценок, от положительной до отрицательной.

Рассматривая концептуальную область СПОРТ, отметим, что представление о ней отражают имена известных спортсменов, реже тренеров. Спортсмен – человек, «занимающийся спортом и владеющий его высокими достижениями» [Толковый словарь Ожегова], обладающий выдающимися способностями или высокой физической выносливостью, техническим мастерством, силой воли и преданности своей спортивной дисциплине. Именно поэтому, употребляя ПИ, за которым стоит знание о спортсмене, мы изначально предполагаем, что это имя несет положительную оценку того, кого мы именуем при помощи ПИ. Проиллюстрируем сказанное примерами.

(1) *Шоу Дацюка. Хоккеист по прозвищу Волшебник установил новый рекорд. Уже перед самым отъездом за океан в матче с «Трактором» <...> он исполнил буллит, который вспоминают по сию пору: в движении уведя клюшку за спину, он элегантно отправил шайбу в ворота так, что никто сразу не понял, как она там оказалась. Рассмотрев трюк на повторе, развели руками: **Пеле и Марадона от хоккея в одном флаконе!** (Андрей Сидорчик).*

В примере (1) автором употребляются сразу два ПИ – *Пеле* и *Марадонна*. За обоими ПИ стоят знания о великих спортсменах, чемпионах мира по футболу, известных благодаря многочисленным победам и выдающимся достижениям в спорте и неподражаемому стилю игры.

При помощи данных ПИ передаются знания о другом известном спортсмене, российском хоккеисте Павле Дацюке. При интерпретации ПИ используются такие когнитивные механизмы, как «профилирование», высвечивается характеристика ‘талант – мастерство исполнения’, на нее указывает контекст, а также «концептуальная метафора», метафорический перенос происходит по модели «конкретная личность как носитель определенного качества – любая личность как носитель определенного качества». Кроме

этого, происходит метафорический перенос из области ФУТБОЛ в область ХОККЕИ. На уровне языка используется механизмы номинация и метафора.

Оценка хоккеиста, выражаемая автором при помощи пары ПИ в данном примере, безусловно, положительная.

Проанализируем еще один пример, в котором оценка человека, выражаемая при помощи ПИ, понемногу смещается по шкале от «+» к «-», где «+» – это положительная оценка, а «-» – отрицательная.

(2) *«Messi n'est pas un leader comme Cristiano Ronaldo».*

Messi est l'un des meilleurs joueurs de l'histoire, mais doit montrer cette mentalité, a estimé le champion du monde 98 pour 'Paddy Power'... «Il doit se réveiller <...> Il n'est plus là, il ne court plus, il marche, il n'est plus concentré», a analysé l'ancien joueur d'Arsenal (Guillaume de Saint Sauver).

В данном примере за ПИ *Cristiano Ronaldo* стоят знания о высокоскоростном игроке, прекрасном лидере и капитане команды, демонстрирующем всегда первоклассную игру в футбол. Автор материала ПИ привлекается для того, чтобы на контрасте с ним выделить другого известного футболиста – Лионеля Месси, который, к сожалению, в указанный момент времени растерял свою скорость, концентрацию и не является уверенным лидером в команде, о чем мы узнаем из языкового контекста. Для интерпретации данного ПИ используется когнитивный механизм «профилирование» – профилируются характеристики *'les caractéristiques physiques – la vitesse'* и *'les caractéristiques mentales – la capacité à être un leader'*. Затем используется когнитивный механизм «концептуальное сравнение по контрасту», поскольку один футболист противопоставляется другому. На языковом уровне этим механизмам соответствуют механизмы номинация и сравнение, выраженное сравнительным союзом *comme*.

Рассмотрим еще один пример из русскоязычного медиадискурса, в котором ПИ обладает, на наш взгляд, исключительно негативной коннотацией и применяется автором для порицания персонажа материала.

(3) *«Ты с ума сошел, Шумахер недоделанный!» – кричали шокированные пассажиры.*

– Заходим быстрее, в дверях не задерживаемся! – подгоняет в микрофон пассажиров водитель и, не дождавшись, пока все зайдут, резко трогается с места. Несчастных пассажиров опять раскидало в разные стороны (Елена Софьина).

Для интерпретации ПИ *Шумахер* обратимся к тому знанию, которое стоит за ним. Михаэль Шумахер – всемирно известный немецкий автогонщик Формулы-1, семикратный чемпион мира. Его имя ассоциируется с такими словами, как «водитель, автоэкстремал, лихач и др.» [Словарь синонимов].

Такие характеристики езды, как быстрота, скорость, экстремальность, безусловно, хороши для автогонщика, но никак не должны быть применимы к водителю пассажирского транспорта, который должен перевозить людей прежде всего аккуратно, и только потом быстро. Для интерпретации ПИ используется когнитивный механизм «профилирование» – в фокусе внимания характеристика ‘характеристика вождения – скорость’, и когнитивный механизм «концептуальная метафора» по модели, аналогичной примеру (1). На языковом уровне этим механизмам соответствуют механизмы номинация и языковая метафора. Для интерпретации ПИ, безусловно, важен контекст и эпитет *недоделанный*, выражающий пренебрежительную и уничижительную оценку персонажа. В данном примере ПИ выражает отрицательную оценку того человека, которого им называют, а именно водителя автобуса.

Таким образом, проведенный анализ употребления ПИ, объективирующих концептуальную область СПОРТ, в русскоязычном и франкоязычном медиадискурсах, показал, что они способны реализовывать функцию вторичной оценочной интерпретации и выражать разные степени оценки – от положительной до отрицательной.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 19–81.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Красных В. В. «Свой среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Разумовская Ю. М., Бабина Л. В. Когнитивные основы изучения прецедентных имен (на материале русского языка) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). С. 359–364.

Разумовская Ю. М., Бабина Л. В. Прецедентные имена как средство реализации дискурсивной стратегии манипулирования в русском и французском медиадискурсе // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 1 (в печати).

Сидорчик А. Шоу Дацюка. Хоккеист по прозвищу Волшебник установил новый рекорд // Аргументы и факты. 2021. 11 марта.

Словари на Академике. URL: <https://academic.ru/>

Софьяна Елена. «Ты с ума сошел, Шумахер недоделанный!» – кричали шокированные пассажиры // Комсомольская правда. 2010. 12 ноября.

Guillaume de Saint Sauver. Barcelone: «Messi n'est pas un leader comme Cristiano Ronaldo» // Le 10 sport. 2018. 24 juin.

Yu. M. Razumovskaya (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

**PRECEDENT NAMES REPRESENTING
THE CONCEPTUAL DOMAIN OF SPORT
IN THE FUNCTION OF EVALUATIVE SECONDARY
INTERPRETATION**

The article deals with the study of the interaction of cognitive and linguistic structures using the example of precedent names selected from the materials of modern Russian-language and French-language media discourses and representing the conceptual domain of SPORT. Based on the theory of interpretation by N. N. Boldyrev, precedent names are analyzed in the function of evaluative secondary interpretation. As the analysis of the linguistic material shows, precedent names with various connotations are used by authors to express an assessment of the heroes of publications – from positive to negative ones.

Key words: precedent name, precedence, media discourse, evaluative secondary interpretation, conceptual domain of SPORT.

В. В. Робустова, А. С. Коваленко (Москва, Россия)
МГУ имени М. В. Ломоносова
nikarbs@yandex.ru, kovalenko.wt@gmail.com

**НАЗВАНИЯ СТАРЕЙШИХ ТАВЕРН МАДРИДА
И БАРОВ АЛЯСКИ:
КОГНИТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Исследование посвящено изучению моделей номинации старейших таверн Мадрида и баров Аляски. Выявлен основной мотивировочный признак, рассмотрена представленность ономастического компонента в названии заведения, проанализировано информационное наполнение названия, его способность репрезентировать культуру и историю места.

Ключевые слова: названия таверн и баров, репрезентация информации.

Номинативная функция языка не существует отдельно от когнитивной и коммуникативной функций. Именованное объекта является результатом его осмысления, как минимум первичного знакомства с ним или размышлений о нем, в случае отсутствия объекта в действительности. В основе процесса осмысления чего-либо лежит когнитивная функция, связанная с приоб-

речением новой и обработкой уже имеющейся информации, результатом данного процесса выступает слово, прикрепляющееся к объекту познания и далее репрезентирующее его в коммуникации. Человек, владеющий определенным языком, читает слово и на его основе получает информацию об объекте, объем которой варьируется от вербализующей объект единицы языка и языковой компетенции реципиента.

Имя собственное является одним из основных средств реализации номинативной функции, при чем оно не только называет объект, но и выделяет его из ему подобных, в большинстве случаев реализуя индивидуализирующую функцию. Оним, обладая как языковым, так и внеязыковым, энциклопедическим значением, транслирует большой объем информации, за счет чего реализуется коммуникативная функция, имя сообщает что-то об объекте номинации. Отметим, что за онимом закреплено определенное энциклопедическое значение (вся возможная связанная с ним информация). В процессе коммуникации объем транслируемой, актуализируемой информации может быть разным в зависимости от фоновых знаний реципиента с учетом его языковой компетенции. Таким образом, можно говорить об актуальном и минимальном значении онима. Под актуальным значением онима понимается объем языковой и внеязыковой информации, транслируемой именем собственным в конкретном акте коммуникации (которую способен считать человек с соответствующими фоновыми знаниями: этимологию, мотивационный признак, аксиологическую окраску и т.д.). Под минимальным значением онима понимается информация, репрезентируемая именем собственным в конкретном акте коммуникации, достаточная для понимания определенного сообщения (имя закреплено за объектом на основе простого запоминания, без осмысления внутренней формы, этимологии, мотивационного признака).

Присваивая номинацию тому или иному объекту, человек неизбежно вкладывает частичку себя, т.е. пропускает объект сквозь собственную систему ценностей, выбирая основной признак для закрепления в названии. Большая часть онимов попадает либо в категорию антропоцентричную (в основе названия лежит имя человека), либо топоцентричную (место является основой названия), либо в фокусе находится событие (что-то произошло или как-то связано с объектом номинации). Перечисленные номинативные связи актуализируются в названиях городских объектов, среди которых живет человек.

Названия места, куда бы человеку хотелось прийти и провести там свое свободное время, должно быть достаточно привлекательным, благозвучным, удобным для воспроизведения. Разного рода кафе, бары, таверны, пабы, пивные и т.д. есть в каждом городе, они хранят историю его развития, транслируют фактуальную и концептуальную информацию.

Изучению моделей номинации посвящено большое количество исследований, включая такие работы, как «Нейминг: искусство называть» В. С. Елистратова, П. А. Пименова (2014), диссертационное исследование «Особенности номинации предприятий общественного питания (на примере коммерческих названий г. Воронежа и г. Москвы)» К. В. Овсянникова (2016), «Нейминг и городская среда (на примере названий кафе и ресторанов города Екатеринбурга)» А. В. Булатова, Е. А. Ярославцева (2018), «Нейминг заведений общественного питания в контексте межкультурной коммуникации» Н. М. Галимуллина, О. Н. Коршунова, И. Р. Феоктистова (2019) и др. Данная тема продолжает активно изучаться, т.к. появляются новые заведения соответствующего типа и меняются тенденции номинации, связанные с социокультурной аксиологической динамикой.

В рамках нашего исследования изучены названия баров Аляски, представленные в книге Doug Vandegraft “A Guide To The Notorious Bars of Alaska” (2017), и старейших таверн Мадрида, описанных в книге R. Fernandez-Cacadas Morillo “Las tabernas mas antiguas de Madrid” (2023). Оба издания представляют собой уникальный материал, кропотливо собираемый авторами многие годы. Обе книги содержат информацию о названии заведения, истории его возникновения (переименованиях и их причинах при наличии), месте расположения с фиксацией точного адреса, год открытия и фото интерьеров.

Проведенное исследование названий старейших таверн Мадрида показало, что абсолютное большинство изученных названий номинаций содержат в себе ономастический элемент – антропоним, в качестве которого выступает:

- фамилия или личное имя первого владельца таверны (*Bodegas Jiménez, Bar Rosado, Casa Ria; Casa Fernando, Casa Emilio, La Dolores*);
- фамилия или личное имя предка текущего владельца таверны, человека, разработавшего концепцию и придавшего заведению настоящий облик (*Casa Alberto, Casa Oliveros, Casa Labra; Casa Ciriaco, Casa Manolo, Casa Alberto*);
- три названия заведений включают в себя двухкомпонентную антропонимическую структуру: имя + фамилия предпринимателя (*Taberna Antonio Sónchez, Taberna Alipio Ramos, Taberna de Angel Sierra*);
- одна таверна, *El Greco*, названа не в честь бизнесмена, а по имени известного живописца, скульптора и архитектора эпохи Возрождения.

Отдельно можно отметить, что ряд названий включают в себя уменьшительно-ласкательные формы имен собственных, в частности, *Casa Paco* была названа в честь предпринимателя *Francisco Morales Esteban*. Другими примерами подобного нейминга служат *Casa Dani, Casa Boni*. Кроме этого, интересным с ономастической точки зрения является *Bar Sidi* – сложносо-

кращенное название, в котором отражены первые буквы имен основателей данного заведения, *Sigismundo* и *Dionisa*.

Кроме антропонимов в составе названий старейших таверн Мадрида были обнаружены топонимы: *Bodegas Ricla*, *Bodega de la Ardosa*, *Vinicola Mentridana*, *La Mancha*. В представленных примерах ономастическим компонентом стало название места производства вина, продававшегося в данных заведениях.

Мотивацией для выбора названия *El Cantabrico* послужила как малая родина жены бизнесмена *Dionisio Amorys*, уроженки города Сантандер, омываемого *Mar Cantabrico*, так и акцент на блюдах из морепродуктов в меню заведения. Примечательно, что фирменные блюда некоторых таверн отражены также в таких названиях, как *El Boqueryn*, *Los Caracoles*, *La Casa de las Torrijas*, а названия *El Anciano*, *El Abuelo* являются одновременно прагматонимами и указывают на марки продаваемых в данных заведениях вин.

Мотивацией для номинации *La Torre del Oro* и *Casa Alhambra* послужили известные испанские достопримечательности, при этом культура, история и традиции Испании находят свое отражение не только в названиях, но и в интерьере данных таверн. Торре-дель-оро – мавританская башня, которая находится в Севилье, столице автономного сообщества Андалусия, являющегося родиной корриды. Интерьер заведения посвящен этому традиционному испанскому зрелищу: стены украшены головами быков, фотографиями корриды и Севильи, личными вещами известных тореадоров. А в *Casa Alhambra* представлена керамическая плитка с изображением Гранады и находящихся в ней Садов Хенералифе и замка Альгамбры.

Кроме этого, было найдено несколько примеров названий таверн, мотивацией для которых послужило их географическое расположение: *Vinos 11* расположена на улице *Calatrava*, дом 11; *La Tasca Suprema* – недалеко от здания Верховного суда; а рядом с *El Pescador* до 1982 года функционировал рыбный рынок, и рыбаки часто заходили в эту таверну после работы.

Таким образом, использование антропонимического компонента в составе названий таверн и сохранение его в течение длительного времени, в том числе после смены владельца заведения, указывает на преемственность поколений и уважение к семейным традициям. Топонимы, входящие в состав названий старейших таверн Мадрида, имеют отношение к виноделию и виноградарству, культуре Испании или личной биографии собственников таверн.

Названия баров Аляски тоже характеризуются историческим колоритом, культурной привязкой и служат своего рода следами истории на карте штата. Не все представленные в книге Doug Vandegraft “A Guide To The Notorious Bars of Alaska” бары сейчас продолжают работать, но память о них хранится

в названиях других баров, атрибутах и предметах интерьера, традициях и обычаях посещения такого рода заведения.

Самым частотным компонентом названия бара является топоним: *Arctic Bar, Alaskan Hotel Bar, Cordova Hotel Bar, Chatanika Lodge, Mecca Bar, Club Manchu*. Топонимический признак в номинативной модели баров может быть представлен именем нарицательным, описывающим местность, в которой расположен бар. Номинация объекта основана на привязке его к местности.

Вторым по частотности компонентом является антропоним, чаще всего это имя владельца бара (настоящего или первого): *Kenai Joe's, Skinny Dick's Halfway Inn, Tony's Bar, Monroe's Monderosa, B & B Bar (Blodgett and Blinn), Rose's Bar and Grill*. В названиях баров используются имена, фамилии и прозвища их владельцев, что подчеркивает роль хозяина заведения. Традиционно наличие антропонима в названии подобного места свидетельствует о его статусе и уровне.

Третьим по частотности признаком является событийность, в таких номинациях заложена история места или города в целом: *Chilkoot Charlie's, Maverick Saloon, Red Dog Saloon, Brown Bear Saloon, Golden Eagle Saloon, Del Rois Bar, Moocher's Bar*. Названия этой группы основаны на именах нарицательных, являющихся индексами произошедших там событий. Некоторые названия данной группы передают уникальную черту бара, возникшую в результате каких-либо событий: *Shipwreck Bar, Fogcutter Bar, Glass Door Bar, Lamplight Bar, Mug Shot Saloon*. К данной группе также отнесем названия с признаком статуса: *First City Saloon, Imperial Bar, King Ko Inn*.

Особый интерес представляет изучение названий с ономастическим компонентом, где благодаря ониму в компрессивной форме представлены пласты информации, интерпретация которых выводит в историю региона. *The Cordova Hotel Bar* содержит в своем названии старинный город в Андалусии. Однако данный топоним не является мотиватором урбанонима, т. к. бар находится в населенном пункте Кордова штата Аляска.

Названия баров Аляски репрезентируют историю местности, ее флору и фауну, типичные для данного штата промыслы. Большая часть изученных номинаций основана на дескрипции, что представляет собой простой тип наименования. Названия старейших таверн Мадрида и названия баров Аляски имеют сходный мотивирующий компонент: антропоним, топоним или событие, но частотность использования выявленных мотивов различна, как и представленность ономастического компонента в структуре номинации. Вероятно, это связано с историей изучаемых мест, богатое культурно-историческое наследие Мадрида отражено в номинации таверн. Бары на Аляске появлялись по мере ее освоения, что объясняет превалирующую долю дескриптивных, а не аллюзивных или коммеморативных названий.

Литература

Елистратов В. С., Пименов П. А. Нейминг: искусство называть: учебно-практ. пособие. М.: Омега-Л, 2014.

Fernandez-Cacadas Morillo R. Las tabernas mas antiguas de Madrid. Madrid: La Libreria, 2023.

Vandegraft D. A Guide To The Notorious Bars of Alaska. Revised 2nd Edition. Epicenter Press, 2017.

V. V. Robustova, A. S. Kovalenko (*Moscow, Russia*)
Lomonosov Moscow State University

NAMES OF THE OLDEST TAVERNS IN MADRID AND BARS IN ALASKA: COGNITIVE-FUNCTIONAL APPROACH

The study deals with the analysis of the nomination patterns of the oldest taverns in Madrid and bars in Alaska. The main motivating feature is identified, the representation of the onomastic component in the name is considered, the information content of the name, its ability to represent the culture and history of the place is analysed.

Key words: names of taverns and bars, representation of information.

В. А. Родин (*Санкт-Петербург, Россия*)
Ленинградский государственный университет
им. А. С. Пушкина
rodin.valentin2014@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ КОГНИТИВНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ “ATTACHMENTS”)

Настоящая статья посвящена описанию механизмов категоризации англоязычной терминологии области «Строительная техника» на примере когнитивно-тематического поля “Attachments” (навесное оборудование). Данные механизмы рассмотрены с точки зрения нахождения общих семантических компонентов и итоговой номинации поля, а также с точки зрения анализа терминологического состава категории.

Ключевые слова: категория, номинация, дефиниционный анализ, компонентный анализ, термин, строительная техника.

В качестве основного фактора, влияющего на формирование какой-либо терминологической системы, выступает способность к упорядочиванию и классификации входящих в нее элементов (терминов) [Росянова, Киселева, Барташова, Полякова 2017: 123]. Под этим понимается возможность формирования в рамках терминосистемы различных категорий, служащих когнитивной опорой для структурирования профессионального знания [Голованова 2015: 632]. Таким образом, в рамках дальнейшего изучения проблемы, понятия «упорядочивание» и «классификация» уступают место «категоризации».

Следует отметить, что когнитивный подход к исследованию англоязычных терминов строительной техники и, в частности, к их категоризации, на первый взгляд не представляется столь очевидным. Причины этого, по-видимому, следует искать в самой специфике строительно-технической терминосистемы с точки зрения социальной аспектности. Если, к примеру, обратиться к схожей, однако концептуально более широкой терминосистеме «строительство», то нетрудно прийти к выводу о том, что способность каждой имеющейся там терминологической единицы к отражению общественного сознания, за счет идеи «созидания для общего блага», значительно выше, чем у терминов строительной техники, чья специфика, в сущности, ограничивается описанием либо принципа работы отдельно взятого механизма, либо наименованием конкретной составляющей машины [Ян 2019: 88].

В широком смысле, категоризация терминологии есть вычленение отдельно взятых микроструктур профессионального знания внутри терминосистемы и выделение их в отдельную смысловую группу [Лотте 1941: 20]. Однако следует понимать, что любая терминосистема есть результат осмысления человеком новых знаний [Росянова 2011: 106]. Если рассмотреть вопрос категоризации терминосистемы глубже, становится очевидно, что процесс структурирования профессионального знания обусловлен, прежде всего, попыткой возврата к истокам когнитивной деятельности человека, которая являлась основным мотиватором его возникновения [Болдырев 2014: 101].

Несмотря на довольно подробное описание сути процесса категоризации терминологической системы, понятие «категории» до сих пор остается недостаточно раскрытым. Опираясь на вышесказанное относительно сути структурирования профессионального знания, понятие «категория» следует заменить на понятие «когнитивно-тематическое поле» [Киселева 2009: 85]. Под «когнитивно-тематическим полем» понимается своеобразный микрослот внутри терминосистемы, представляющий собой как бы идеальную форму знания (прототипическое знание). Данный прототип имеет отражение

в форме одной или нескольких лексем, а, с точки зрения семантики, связывает все имеющиеся в своем составе термины, являясь общим, неизменным компонентом знания, присутствующим в когнитивной структуре каждого из них. Для попадания в модуль, необходимо, чтобы определенные семантические компоненты, содержащиеся в дефинициях терминов, указывали на идентичную область знания.

Отдельного внимания заслуживает механизм номинации того или иного когнитивно-тематического поля. Прежде всего, следует упомянуть, что каждая терминологическая единица есть носитель знания об окружающей действительности [Киселева, Росянова 2013: 117]. Для получения информации, заключенной в термине, необходимо прибегнуть к его дефиниционному и компонентному анализам. Имеющиеся в составе дефиниции отдельные лексико-семантические компоненты представляют собой элементы знания, организованные иерархически [Песина, Виноградова, Киселева, Трофимова, Пастушкова, Овчаренко 2021]. Под иерархической организацией понимается дифференциация в силу воздействия имеющихся лексико-семантических компонентов на сознание человека [Там же]. Лексико-семантический компонент, являющийся доминантным в дефиниции, способен отражать наиболее полный спектр когнитивных стратегий, который позволяет получить точную информацию о содержании, форме, свойствах и характеристиках рассматриваемого явления. Однако определить ведущий компонент внутри дефиниции отдельно взятого термина становится невозможным без сравнения с дефиницией, обозначающей схожий с имеющимся элемент действительности. Такая потребность, в сущности, обусловлена особенностями человеческого мышления, а именно потребностью в проведении аналогий как основы когнитивных стратегий. Доминантная сема, как правило, детерминируется присутствием в разных дефинициях в неизменном виде, что может служить основанием для использования ее в целях номинации сформированного когнитивно-тематического поля.

Для придания вышесказанному наглядности, рассмотрим когнитивно-тематическое поле “*Attachments*” (навесное оборудование). Терминологическими единицами, входящими в состав данного поля и далее подвергнутыми анализам, являются: *fork catch* (вилочный захват), *grab* (челюстной ковш), *arm* (рычаг ковша), *bucket* (ковш), *jaws* (тиски), *thumb* (захват). Список терминов, входящих в поле “*Attachment*” не ограничивается вышеприведенными, однако данное количество является достаточным для проведения дефиниционного и компонентного анализов. В качестве источников взяты ведущие англоязычные толковые словари строительной техники: “*The Contractors' Dictionary*”, а также “*Construction Equipment and its management*”.

Первой задачей является поиск доминантной семы в дефинициях некоторых терминов поля “*Attachmen*” с целью доказательства правомерности его наименования данным образом. Так, к примеру, термины *fork catch* (вилочный захват), *grab* (челюстной ковш) и *arm* (рычаг ковша), традиционно входящие в данное поле, имеют в своих дефинициях следующие доминантные семы (далее выделены курсивом): “A **fork catch** is a type of lifting *attached* device designed to move and lift goods by picking up or inserting fork devices into the technological openings of the product or into a pallet” [The Contractors' Dictionary]; “A **grab** is a prefabricated structure consisting of a movable *attached* part, similar to the human jaw of the back wall, two hydraulic cylinders and axles” [The Contractors' Dictionary]; “An **arm** is an *attached* element that connects the bucket to the main hydraulic system of the machine” [The Contractors' Dictionary]. Приведенные выше дефиниции терминов полностью совпадают с их же дефинициями во втором словаре. Доминантной семой является компонент *attached*, который встречается во всех имеющихся дефинициях и, вследствие этого, служит наименованием для соответствующего когнитивно-тематического поля. Можно сделать вывод о том, что процесс номинации поля является вторичным по отношению к его формированию с помощью терминологических единиц.

Второй задачей представляется взглянуть на процесс формирования терминологической категории с обратной стороны, т.е. с позиции корректности попадания того или иного термина в определенное когнитивно-тематическое поле. В качестве примера взяты такие терминологические единицы, как: *bucket* (ковш), *jaws* (тиски), *thumb* (захват). Для того, чтобы убедиться в том, что вышеупомянутые термины действительно могут быть включены в данную «категорию», необходимо провести их дефиниционный и компонентный анализ на основе тех же специализированных строительно-технических словарей, а затем вычленив в имеющихся дефинициях семантические компоненты, относящие их к так называемой «идеальной», наиболее часто встречающейся семе, которая, в сущности, служит названием для подвергнутого анализу когнитивно-тематического поля.

Рассмотрим определения вышеназванных терминологических единиц. Термин *bucket* (ковш) имеет следующие дефиниции: “a bucket is one of the most common excavator *accessories*, helping to dig or clean the surrounding area” [The Contractors' Dictionary] или “a device *attached* to the machine that helps to dig and clean the working area” [Construction Equipment and its management]. Обратим внимание на выделенные лексико-семантические компоненты в двух дефинициях: *accessories* и *attached*. Первый из компонентов именуется «аксессуаром», т.е. тем, что является дополнением к чему-либо (в данном

случае, к основному кузову машины). Компонент *attached* (прикрепленный) фактически дублирует название когнитивно-тематического поля и также указывает на то, что есть некая основная конструкция, дополнением для которой является ковш.

Обратимся к термину *jaws* «тиски» и проанализируем дефиниции данного термина в специализированных словарях: “multi-purpose and have vertical and horizontal *attached* grooves on their surfaces so that they can hold circular or irregularly shaped objects for drilling or milling” [The Contractors' Dictionary], а также: “a custom made device *attached* to the construction machine (especially excavator) to fix some objects on the working area” [Construction Equipment and its management]. Устройство под названием «тиски» предназначено для захвата и перемещения некоторых объектов по строительной площадке, однако довольно редко применяется на рабочем поле в качестве навесного оборудования в силу своей дороговизны и больших временных затрат на его установку. Тем не менее, в обеих дефинициях термина *jaws* выделенными лексико-семантическими компонентами являются компоненты *attached*, что, исходя из предыдущего их описания, также делает возможным нахождение термина *jaws* «тиски» в когнитивно-тематическом поле «Attachments».

Далее перейдем к термину *thumb* (захват). Специализированные словари дают следующее толкование данного термина: “a moveable part *attached* to the machine that can be used in combination with the excavator's bucket in order to pick up material like branches, brush, rocks etc.” [The Contractors' Dictionary]; “claw-like *attachment* designed to pick up and move material like rocks, trees and concrete slabs” [Construction Equipment and its management]. Захват, в отличие от тисков, является более часто используемым навесным оборудованием в силу относительно небольших габаритов. Фактически представляет собой навесное оборудование для самого ковша. Общая конструкция схожа с человеческой рукой, где сам ковш представляет собой согнутые четыре пальца, а сам захват “*thumb*” противопоставляется ковшу и выполняет функцию, схожую с функцией большого пальца руки при захвате какого-либо предмета. Именно данное оборудование, в случае необходимости переноса предметов по площадке, используется чаще, чем тиски в силу того, что отсутствует необходимость в полном снятии ковша и замене его на другое оборудование. Рассмотрим выделенные лексико-семантические компоненты. Ими по-прежнему оказываются компоненты *attached* и *attachment* соответственно, что является основанием для попадания данных терминологических единиц в одноименное когнитивно-семантическое поле.

Очевидно, что, помимо приведенных в качестве примера терминов, в поле «Attachments» находится гораздо большее число единиц. Следует отметить, что вид строительной техники, частью которого является оборудование, отраженное в терминах, не играет сколько-нибудь значимой роли при их распределении, поскольку, как уже было заявлено выше, основным критерием попадания в поле является именно схожесть лексико-семантических компонентов терминологических единиц с главным семантическим компонентом, именуемым полем. Механизм формирования категорий англоязычных терминологических единиц в области строительной техники на примере когнитивно-тематического поля “Attachments” (навесное оборудование) был рассмотрен с двух основополагающих сторон: как с точки зрения нахождения общих семантических компонентов и итоговой номинации поля (композиция), так и с точки зрения анализа терминологического состава категории (декомпозиция).

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2014.

Голованова Е. И. Когнитивное варьирование в сфере профессиональной номинации // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 22. С. 631–633.

Киселева С. В., Росянова Т. В. К построению типологии многозначности терминов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 4. С. 115–122.

Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке: монография. СПб.: Астерион, 2009.

Введение в терминоведение: учебно-методическое пособие / Т. С. Росянова, С. В. Киселева, О. А. Барташова, С. Е. Полякова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017.

Лотте Д. С. Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Росянова Т. С. Когнитивный подход к рассмотрению термина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2011. № 5. С. 105–108.

Ян Сути. Категориально-понятийная стратификация строительной терминологии: когнитивный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. № 3. С. 86–91.

Pesina S. A., Vinogradova S. A., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Pastushkova M. A., Ovcharenko N. V. Functional Aspects of Interdeterminacy. Category and Invariant Study of Polysemous Words // Revista EntreLinguas, v. 7esp. 8, 2021.

The Contractors' Dictionary of Equipment Tools and Techniques for Civil Engineering Construction. URL: <https://www.paperbackswap.com/Contractors-Dictionary-Equipment-L-F-Webster/book/0471115231/>

Construction Equipment and its Management. URL: <https://readersend.com/product/construction-equipment-and-its-management/>

V.A. Rodin (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

**PRINCIPLES OF CATEGORISATION
OF ENGLISH TERMS OF CONSTRUCTION MACHINERY
(ON THE EXAMPLE
OF THE COGNITIVE-THEMATIC FIELD “ATTACHMENTS”)**

This article focuses on the description of the mechanisms of categorization of the English-language terminology of the field “Construction machinery” using the example of the cognitive-thematic field “Attachments” (attachments). These mechanisms are considered from the point of view of finding common semantic components and the final nomination of the field, as well as from the point of view of analyzing the terminological composition of the category.

Key words: category, nomination, definitional analysis, component analysis, term, construction machinery.

Т. В. Сивова (Гродно, Беларусь)
*Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы
t.sivova@grsu.by*

**ЦВЕТ ЧАЯ
В ЦВЕТОВОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ
ФЛОРИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЯЗЫКА:
ОТ ЗЕЛЕННОГО К ЦВЕТУ ЗЕЛЕНЬ ЧАЙ**

На примере цветowych дескрипций чая, функционирующих в текстах различных дискурсов, описан сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Выявлен состав цветообозначений, значимых в описании растения (19 единиц), композитов (10); установлена доминанта (*зеленый*); описаны способы расширения спектра; раскрыт функциональный потенциал искомых дескрипций; установлена активность колористических дескрипций чая в продуцировании терминов цвета (12), описана сфера их денотации; расширен состав зафиксированных в словарях цвета единиц.

Ключевые слова: лингвистика цвета, цветовая концептосфера, флоросемантика цвета, термин цвета, фитоним, ассоциативный эксперимент, корпусные исследования.

Актуализация в лингвистических исследованиях последнего времени проблемы флоросемантики цвета, представляющей несомненный научно-исследовательский интерес для специалистов, работающих в области лингвистики цвета, обуславливает необходимость решения ряда стоящих перед ними задач, среди которых: описание цветовой концептосферы флористического пространства русского языка, выявление количественного и качественного состава цветообозначений, значимых в описании того или иного растения, описание функционального потенциала колористических дескрипций растений, специфики их функционирования в текстах различных дискурсов. В статье представлены результаты полидискурсивного исследования, посвященного реконструкции сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на примере колористических дескрипций чая.

Цвет чая. Лексикографическая репрезентация (*зеленый*; Ш). В словарных дефинициях цветовая составляющая фиксируется непоследовательно: «чай 'вечнозеленое дерево или кустарник сем. чайных, листья которого используются для приготовления питья'» [БТС 2000: 1466]; «чай 'южное дерево или кустарник сем. чайных, высушенные и обработанные листья которого употр. для изготовления ароматного тонизирующего напитка'» [РСС 2002: 527].

Цвет чая. Направленный ассоциативный эксперимент (*зеленый*), в котором в 2021 г. приняли участие 770 респондентов (студенты ГрГУ; возраст: 17–23; пол: 166 жен., 166 муж.), выявил актуальное колористическое представление о растении. *Статистика:* всего цветовых реакций на стимул «чай»: 731, различных цветовых реакций: 32, одиночных цветовых реакций: 17, отказов: 39.

Результаты: зеленый 342: 187 (ж), 155 (м); черный 244: 107 (ж), 137 (м); коричневый 69: 42 (ж), 27 (м); красный 12: 7 (ж), 5 (м); черный, зеленый 11: 5 (ж), 6 (м); зеленый, черный 9: 4 (ж), 5 (м); белый 7: 5 (ж), 2 (м); желтый 4: 1 (ж), 3 (м); зеленый, коричневый 3: 2 (ж), 1 (м); темно-коричневый 3: 1 (ж), 2 (м); коричневый, зеленый 2: 2 (ж); розовый 2: 2 (м); светло-зеленый 2: 2 (ж); темно-зеленый 2: 2 (ж); янтарный 2: 2 (ж); зелено-коричневый 1: 1 (ж); зелено-темный 1: 1 (м); зеленый, белый 1: 1 (м); зеленый, красный, черный 1: 1 (м); зеленый, хаки 1: 1 (ж); зеленый, черный, белый, красный 1: 1 (ж); салатový 1: 1 (ж); светло-коричневый с красным оттенком 1: 1 (ж); светлый зеленый 1: 1 (ж); синий 1: 1 (м); темно-оранжевый 1: 1 (м); темный, зеленый 1: 1 (м); черный и зеленый 1: 1 (ж); черный, зеленый, красный 1: 1 (м); черный, зеленый, темно-красный 1: 1 (м); черный, коричневый 1: 1 (м); чирвоны 1: 1 (м); нет ответа 39: 8 (ж), 31 (м). Ср. с др. ассоциативными словарями. Цветовые реакции на стимул «чай»:

зеленый 20, черный 8, белая ночь 1, голубой 1, зелень 1, темный 1 [РАС 2002]; зеленый 86; черный 33; белый; желтый; зеленый, вкусный; зеленый с печеньем; зеленый чай; коричневая жидкость; черный, зеленый 1 [СИБАС 2008]; зеленый 91; черный 55; зеленые, коричневый, красный, светлый, темно-коричневый 1 [ЕВРАС 2014: 268]. Таким образом, в дескрипциях используется 12 терминов цвета (ТЦ): *белый, желтый, зеленый, коричневый, красный, оранжевый, розовый, салатовый, синий, хаки, черный, янтарный* (доминанта *зеленый*, на втором месте *черный*); 8 композитов различной модификации (напр., *зелено-коричневый, светло-зеленый, темно-коричневый, зелено-темный*); 12 стилистических цепочек цвета: двух-, трех-, четырех-компонентных (напр., *зеленый, хаки; зеленый, красный, черный; зеленый, черный, белый, красный*), функционал которых реализуется в фиксации сочетаемости, передаче оттеночности, насыщенности, интенсивности цвета. Актуализируются также другие способы трансляции цветового впечатления, напр.: *светло-коричневый с красным оттенком; светлый зеленый*.

Цвет чая. Художественный дискурс (проза К. Г. Паустовского). Фиксируется 6 ТЦ, значимых в описании растения (*белый, желтый, зеленый, красный, седой, черный*), функциональный потенциал которых реализуется в доминирующей изобразительно-выразительной функции: *Не только мы, даже чай **седает** от наших мучений! Поэтому мы и называем его «белые волосы»* [Паустовский 1981а: 514]; *чай – **желтоватый, как воск*** [Паустовский 1983а: 49]; также в онтологической: *напиток **зеленоватого** цвета* [Паустовский 1981а: 576]; классифицирующе-таксономической: *стакан крепчайшего **красного чая*** [Паустовский 1981а: 275]. Актуализируется прототипическая функция: *над одной какой-нибудь **чайной розой*** [Паустовский 1982б: 655]; *река с водой **цвета крепкого чая*** [Паустовский 1983а: 413]; *глаз под **цвет спитого чая*** [Паустовский 1981а: 233]; *посмотрел в глаза **жандармского генерала, напоминавшие по цвету спитой чай*** [Паустовский 1982а: 414].

Цвет чая. НКРЯ (*зеленый*) свидетельствует об актуализации в дескрипциях чая 9 ТЦ: *зеленый* 39; *черный* (дочерна, чернота, черный) 24; *желтый* (*желтый, темно-желтый*), *красный* (*красно-коричневый, красный*) 4; *белый* 2; *золотистый, коричневый* (*красно-коричневый*), *сивый, медный* 1. Например: *Белые, желтые, зеленые, красные, черные, оолонги, жасминовые, тайваньские, южно- и североамериканские китайские чаи* (Слюсарев). Спектр включает лекс. со знач. интенсивности (*темный, мутный, бледный*): *настой давал **темного, почти черного, цвета*** (Трунов) [ОК НКРЯ].

Цвет чая. Поэтический корпус НКРЯ фиксирует 9 исковых ТЦ: *золотистый* (*золотой, золотистый*) 9; *зеленый* 4; *желтый* (*желтый,*

желтый) 3; **янтарный** (янтарный, янтареть) 2; **багровый, красный, розовый, рыжий** (рыжее), **черный** 1. В контекстах: *В стакане стынет золотистый чай* (Чиннов) [ПК НКРЯ]. Спектр расширяется лекс. *бледный, прозрачный – темный*.

Выявленные в НКРЯ цветовые дескрипции функционально нагружены. Они выполняют следующие функции **1)** классифицирующе-таксономическую: *полезные вещества содержатся в зеленом чае* (Маркина); **2)** изобразительно-выразительную: *Янтареет в завитках душистых чай* (Кузмин); **3)** онтологическую: *зеленые плантации дарджилинского чая* (Свистунов); **4)** функцию конструирования цветового хронотопа (подробно в [Кульпина, Сивова 2023]): **4.1** цветового пространственного измерения, а в нем: а) пространства кулинарии (доминирует): *Чай «Бодрость» обладает интенсивным красно-коричневым цветом чайного настоя* (Реклама); в контаминации с культурологической составляющей: *процедуру приготовления австралийского чая, крепчайшего, черноту которого обычно забеливают молоком* (Гранин); б) медицины: *зеленый чай уменьшает вероятность развития злокачественных опухолей* (Марголина); *процедуры с романтическими названиями: «ванна с зеленым чаем» (заряжает энергией)* (Зубцова); в) культуры: *на чайных церемониях пьют зеленый китайский чай* (Ломов); г) страны: *джем из гуайявы и черный чай (на Кубе можно купить только зеленый)* (Браво); *Чай из этих мест особо ценится во всем мире, его отличает прозрачный медный настой* (Реклама); в меньшей мере – д) природы: [флора] *зеленые плантации <чая>* (Свистунов); е) человека: [соматический код] *Зеленый чай твоих тысячелетия испуганных глаз* (Перелешин); [эмоциональный] *Пиала зеленого чая – успокоитель души* (Луговской); **4.2** цветового темпорального измерения – ж) темпоральной координаты «Время суток»: *Рассвет, рыжее утреннего чая* (Берггольц); **5)** прототипическую функцию (фиксируем высокую активность: 6 ТЦ): цв. чайный: *много роз – от белых и чайных до кроваво-бордовых* (Буйда); *Эти глаза напротив чайного цвета* (Иванова); *шприц и ампула с жидкостью густого чайного цвета* (Булгаков); также композиты: *до черных роз И желтых, нежно-чайных* (Бальмонт); цв. чайной розы: *красивое свадебное платье. Цвета чайной розы* (Трауб) в знач. 'роза с лепестками бледно-желтого цвета' [РСС 2002: 527]; цв. чая: *успел увидеть глаза Македонского. Они были цвета чая* (Петросян); цв. крепкого чая: *над бокалом вина Цвета крепкого чая* (Саша Черный); цв. спитого чая: *черенки выдержать в гумате натрия (цвета спитого чая)* (Дадыкин). НКРЯ демонстрирует процесс создания ТЦ: *окраска должна быть светло-коричневой и напоминать по цвету спитой чай* (Дадыкин); *глаза у оленя были такого цвета, как крепко заваренный чай* (Коваль) [НКРЯ].

Цвет чая. Рекламный дискурс («Авито») создает условия для реализации прототипической функции дескрипций: фиксируем 8 ТЦ: *цв. белый чай, зелёный чай, молочный чай, пыльной чайной розы, чай с молоком, чайная роза, чайно-розовый, чайный*, сфера денотации которых – категории (согласно «Авито») «Детская одежда и обувь», «Запчасти и аксессуары», «Красота и здоровье», «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Телефоны», «Товары для детей и игрушки» [Авито]. Ср. с зафиксированными словарями цвета ТЦ: «чайный, крепкий чай, морковный чай, брусничный чай, байховый чай, бледный чай, спитой чай, лимон в чае» [Василевич 2005: 208]; *чайная роза* [Василевич 2005: 199]; *золотисто-чайный* [Харченко 2021: 192]; *мутно-чайный* [Харченко 2021: 316]; *чай*; *цв. жидкого чая; крепкого чая; густого чая; заваренного чая; чайный; чайная роза* [Харченко 2021: 602–603].

Специфика функционирования выявленных ТЦ проявляется в 1) тонкой дифференциации цвета: *Кардиган. Цвет не белый. Скорее, чай с молоком* [Авито]; 2) фиксации не/корректности цветопередачи: *Ботинки Tamaris, цвет «Чайная роза» (фото исказило цвет)* [Авито]; 3) вариативности трактовки значения: *цв. чайная роза* ('бежевый', 'коричневый', 'розовый'): *Платье атласное, цвет чайная роза. Цвет: бежевый* [Авито]; *Брюки-кюлоты для девочек, цвет чайной розы. Цвет: коричневый* [Авито]; *Сумка от Furla из кожи, цвет чайной розы. Цвет: розовый* [Авито]; 4) уточнении значения различными способами: *Винтажные босоножки Norma J Baker фисташкового или цвета зеленого чая* [Авито]; *Туфли светлые, цвета «чай с молоком»* [Авито]; *Бампер для ВАЗ-2170, цвет 312 Зеленый чай* [Авито]; 5) широкой оценочности: *цв. зеленый чай* (благородный, дорогой, красивый, нежный, неизбитый, самый популярный, стильный цвет): *Красивейшее платье от H&M благородного цвета зеленого чая, неизбитой стильной расцветки* [Авито]; также гендерной соотнесенности: *Шифоновый сарафан, цвет нежно-зеленый, зеленого чая. Женственный, нежный* [Авито]; 6) фиксации влияния, которое оказывает цвет, его сочетаемости: *Пуховик, цвет зеленый чай. Освежает и сочетается со многими цветами* [Авито]. Более того, рекламный текст эксплицирует процесс создания ТЦ: *Брюки от H&M. Цвет похож на темный зеленый чай* [Авито].

Так, в результате исследования выявлен состав ТЦ, значимых в описании чая – 19 ТЦ, также 10 композитов; установлена доминанта (*зеленый*); описано расширение цветового спектра; раскрыта функциональность дескрипций, которая реализуется в классифицирующе-таксономической, изобразительно-выразительной, онтологической функции, в функции цветового хронотопа, в прототипической; выявлено 12 ТЦ, основанных на цветовой дескрипции чая, что расширило состав зафиксированных лексикографически (все-

го 22 ТЦ), описана сфера их денотации. Полученные результаты послужат цели реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства русского языка.

Литература

- Авито – Сайт объявлений. URL: <https://www.avito.ru/> (дата обращения: 06.07.2023).
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- ЕВРАС – Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1 От стимула к реакции. М., 2014. URL: http://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf
- Кульпина В. Г., Сивова Т. В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 64: сб. статей. М.: Макс Пресс, 2023. С. 26–54.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.02.2021).
- Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1: Романы и повести. 1981а. Т. 3: Повести. 1982а. Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982б.
- РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю. Н. Караулов [и др.]. Т. 1: От стимула к реакции. Т. 2: От реакции к стимулу. М.: АСТ: Астрель, 2002.
- РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2002.
- СИБАС – Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) – 2008–2023 гг. URL: <http://adict.ru.psu.ru> (дата обращения: 04.02.2021).
- Харченко В. К. Словарь цвета: полная версия. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021.
- Цвет и названия цвета в русском языке / под ред. А. П. Василевича. М.: Ком-Книга, 2005.

T. V. Sivova (Grodno, Belarus)
Yanka Kupala State University of Grodno

TEA COLOUR IN THE COLOUR CONCEPTUAL DOMAIN OF FLORAL LANGUAGE SPACE: FROM GREEN TO GREEN TEA COLOUR

On the example of colour descriptions of tea functioning in the texts of various discourses the segment of the colour conceptsphere of the floral space of the Russian language is described. The composition of colour terms significant in the description of plants (19 units), composites (10 units); the dominant colour (*green*) is revealed; the ways

of expanding the colour spectrum are described; the functional potential of the sought descriptions is revealed; the activity of colour descriptions of tea in the production of colour terms is established (12 units), the sphere of their denotation is described; the composition of units fixed in colour dictionaries is expanded.

Key words: linguistics of colour, colour conceptsphere, florosemantics of colour, colour term, phytonym, associative experiment, corpus research.

С. Н. Степаненко (Белгород, Россия)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
sstepanenko@bsuedu.ru*

РОЛЬ ЯЗЫКА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОЛИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

В фокус авторского внимания попадают прилагательные количественной семантики, репрезентирующие концепт QUANTITY на лексическом уровне в системе английского языка. Автор анализирует их роль в процессе первичной интерпретации количества, основанном на его первичной концептуализации.

Ключевые слова: концептуализация, интерпретация, концепт QUANTITY, количественный смысл, когнитивный механизм, языковой механизм, лингвистический фактор.

Когнитивный подход дает возможность изучать вопросы представления знаний о количественных характеристиках окружающей человека действительности, учитывая взаимосвязи конститuentов двух областей: сознания и языка. Одним из авторитетных ученых, активно разрабатывающих проблемы соотношения когнитивных структур знания и языковых структур в отечественной когнитивной лингвистике, справедливо признается основатель её Тамбовской школы д. ф. н., профессор Н. Н. Болдырев. Именно понимание «необходимости изучать языковые единицы в контексте их взаимосвязей с познавательными процессами – концептуализацией <...>, категоризацией <...> и языковой интерпретацией», по заключению исследователя, является «главной отличительной особенностью и теоретико-методологической установкой когнитивного подхода» [Болдырев 2024: 9].

В качестве ключевых положений учёного, обеспечивающих реализацию целевой установки настоящего исследования, признаются: 1) разграничение концептуальной картины мира человека (определенным образом

структурированной и отражающей его мировидение) и языковой картины мира (в своих единицах и категориях репрезентирующей единицы знания) [Болдырев 2018; 2020]; 2) понимание языка как одной из когнитивных способностей, обеспечивающей (благодаря познавательным процессам концептуализации и категоризации) взаимодействие человека с окружающим миром и передачу знаний о нем; 3) признание активной роли языка в получении, хранении и интерпретации знаний о мире, обеспечивающей формирование как языковой, так и концептуальной картины мира человека [Болдырев 2023: 9].

Знания человека о количественных характеристиках окружающего его мира, аккумулированные в содержании одного из базовых для концептуальной системы концепта QUANTITY, в системе английского языка находят представление через языковые единицы количественной семантики всех уровней [Stepanenko, Fedotova 2022]. В разных случаях языковые знаки этих уровней могут выступать как средства: 1) концептуализации количества в английском языке, обеспечивающие пополнение содержания концепта QUANTITY новыми дополнительными характеристиками, уточняющими базовые (discreteness и non-discreteness); 2) репрезентации этого содержания в языке.

Обозначенную широкую разноуровневую репрезентацию концепта QUANTITY следует рассматривать как результат интерпретирующей деятельности человека, обеспечиваемой: 1) интерпретирующей функцией языка, которая «проявляется не только в языковом отображении полученных знаний о мире, но и в их интерпретации, позволяющей человеку каждый раз как бы заново конструировать окружающий мир в своем сознании с учетом всех происходящих изменений» [Болдырев 2024: 5]; 2) значительным интерпретирующим потенциалом самого этого концепта [Федяева 2020: 8].

В силу его антропоцентрической природы и внутриязыкового статуса рассматриваемый концепт интерпретирующего типа [Болдырев, Федяева 2020: 5] обеспечивает как первичную, так и вторичную интерпретацию количества.

В данной работе обратимся к рассмотрению особенностей его первичной интерпретации на лексическом уровне английского языка, специфичность которой связана с 2-мя факторами: 1) она нацелена на «отражение многообразия характеристик событий и объектов окружающего мира» [Беседина 2017: 218] (в силу опоры на интерпретирующий потенциал первичной концептуализации и категоризации событий и объектов мира, представленных в лексических категориях); 2) этот процесс задействует собственные: а) языковой механизм формирования количественных смыс-

лов; б) когнитивные механизмы; в) лингвистические факторы [Степаненко, Федотова 2023].

Продemonстрируем отмеченное на примере единиц синонимической группы прилагательных *many* (*numerous, innumerable, countless, myriad, multitudinous, etc.* (подр. см.: [CDET])) и *much* (*abundant, plenteous, considerable* (подр. см.: [CDET])), чья количественная семантика рассматривается в качестве языкового механизма первичной интерпретации количества, основывающейся на интерпретирующем потенциале его первичной концептуализации. Учитывая положение Н. Н. Болдырева о том, что «интерпретирующий компонент становится частью и семантической структуры слова на уровне системы языка и коллективного знания, и его осмысления на функциональном уровне, т.е. индивидуального смысла» [Болдырев 2024: 7–8], обратимся сначала к словарным дефинициям отдельных прилагательных указанной группы (отражают статический аспект интерпретации количества), а далее к контекстам их употребления (отражают её динамический аспект).

В дефинициях прилагательных этой группы содержится указание на неопределенное количество исчисляемых объектов: *myriad* – a very large number of smth., *multitudinous* – consisting of many things or parts; *multiple* – consisting of or involving many things or types of things [CD], что позволяет интерпретировать количество как неточное. Основу такой интерпретации обеспечивает базовая характеристика “discreteness”, которая профилируется в содержании концепта QUANTITY.

В предложении-высказывании указанный обобщенный смысл получает уточнение под влиянием дополнительного лингвистического фактора – контекста, предполагающего употребление прилагательных рассматриваемой группы в функции определения к исчисляемым существительным, обозначающим одушевленные и неодушевленные предметы / объекты. Например, *Today, Turkey faces **myriad** challenges: growing authoritarianism, unimpressive growth, and a faltering Kurdish peace process* [The Jordan Times].

В данном случае сочетание прилагательного *myriad* с исчисляемым существительным *challenges* реализует смысл «(очень) много объектов / предметов», тут – проблем, с которыми столкнулась Турция в 2015 г. перед проведением там встречи глав государств группы G20. Хотя их перечень (растущий авторитаризм, незначительный экономический рост, вялотекущий процесс урегулирования курдского вопроса) приводится после двоеточия, очевидно, что он обобщает целый спектр более частных проблем.

В предложении *Such steps should include deepening EU-Turkey cooperation on counter-terrorism, Syrian refugees and the **multiple** crises from Libya*

to Ukraine, as well as <...> [The Jordan Times] автор статьи, обозначая конкретные действия по улучшению положения страны на национальной и международной аренах, употребляет прилагательное *multiple* в сочетании с существительным *crises*, что обеспечивает интерпретацию количества кризисов (военных конфликтов) как неопределенно большого количества. При этом сочетание *from Libya to Ukraine* позволяет несколько ограничить, сузить это количество, за счет акцентуации внимания на военных столкновениях в тех странах, где они возникли в результате вмешательства стран-членов НАТО. Реализацию рассматриваемого смысла обеспечивает частная концептуальная характеристика “summedness”, выделяющаяся на фоне базовой “discreteness” в результате фокусирования.

Когда прилагательные рассматриваемой группы в предложении-высказывании определяют абстрактные существительные, происходит реализация количественного смысла «(очень) высокая степень качества». В силу того, что последнее «измеряется» в относительных величинах, в неопределенной мере (степени), количество интерпретируется как неопределенное. В качестве примера приведем название одного из исследований по истории Канады: *Land of Incalculable Value: a Williams Treaties Overview* [Gruske].

В данном случае относительному измерению, опосредованному личностью автора, подвергается степень значимости (ценности) территорий Канады: трех земельных участков в южном Онтарио, ставших в 1923 г. предметом судебного процесса, определявшего их использование и источник контроля. Заключенные в результате судебного решения договоры (*Williams Treaties*) вызвали, согласно автору статьи, не только возмущение общественности, но юридические проблемы, длившиеся почти столетие.

В основе формирования смысла «(очень) высокая степень ценности» лежит профилируемая в содержании концепта QUANTITY базовая характеристика “non-discreteness”. Интерпретация обозначенных количественных характеристик объекта обеспечивается когнитивным механизмом фокусирования: на фоне базовой концептуальной характеристики “non-discreteness” выделяется его дополнительная, уточняющая характеристика “parametricity”.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует, взаимообусловленность процессов первичных концептуализации и интерпретации количества в английском языке, обеспечиваемых, во-первых, языковым механизмом формирования количественных смыслов – количественной семантикой прилагательных; во-вторых, когнитивными механизмами – профилирования и фокусирования; в-третьих, дополнительными лингвистическими факторами – контекстом предложения-высказывания.

Литература

Беседина Н. А. Когнитивные аспекты интерпретации в морфологии // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 217–219.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 4 (43). Когнитивные доминанты языкового сознания: кол. монография. С. 21–79.

Болдырев Н. Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5–15.

Болдырев Н. Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5–19.

Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.

Степаненко С. Н., Федотова О. В. Специфика языковой интерпретации количества (на примере лексических средств репрезентации концепта QUANTITY и фрейма TOUCH) // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 885–888.

Федяева Е. В. Количественная интерпретация качества в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2020.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/english>

CDET – Cambridge Dictionary. English Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/thesaurus>

Gruske C. Land of Incalculable Value: a Williams Treaties Overview // TEACH Magazine. URL: <https://teachmag.com/archives/24336>

Stepanenko S. N., Fedotova O. V. Quantity Interpretation in the English Language // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2022. № 3. P. 75–84.

The Jordan Times – An EU-Turkey reset // The Jordan Times. URL: <https://jordantimes.com/opinion/martti-ahtisaari/eu-turkey-reset>

S. N. Stepanenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

ROLE OF LANGUAGE IN QUANTITY CONCEPTUALIZATION AND INTERPRETATION (ON THE ENGLISH ADJECTIVES EXAMPLE)

The author focuses on the adjectives of quantitative semantics which represent the concept of QUANTITY at the lexical level in the English language system, and analyses their role in the process of primary interpretation of quantity which is based on its primary conceptualization.

Key words: conceptualization, interpretation, concept QUANTITY, quantitative sense, cognitive mechanism, linguistic mechanism, linguistic factor.

Е. Д. Столяр (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
lenlen1@yandex.ru*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОЦЕНОЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

В настоящей статье рассматривается специфика оценочной категоризации окружающего мира с учетом социокультурного фактора. Определяется и описывается структура оценочных категорий, их когнитивное основание и специфика, которая проявляется главным образом при языковой репрезентации оценочного суждения. Раскрывается социокультурный аспект оценочных категорий, позволяющий установить тесную взаимосвязь между окружающим миром и сложной системой ценностей самого человека.

Ключевые слова: социокультурный фактор, теория оценки, оценочная категоризация, оценочная концептуализация, оценочное значение.

Цель данной статьи заключается в исследовании и описании специфики оценочных категорий, социокультурного фактора в оценке и ее языковой репрезентации. Достижение цели становится возможным в рамках когнитивной научной парадигмы исследований. Основы этого направления в отечественной лингвистике получили дальнейшее уточнение, развитие и конкретизацию в рамках тамбовской научной школы когнитивной лингвистики под руководством Н. Н. Болдырева. Согласно одному из основных положений, разработанных в этой научной школе, язык рассматривается как система объективации знаний концептуального уровня. Данное положение важно для нашей работы, так как позволяет раскрыть содержание оценочных структур с опорой на языковой уровень. Так, когнитивный и языковой уровни тесно связаны и взаимообусловлены при порождении высказывания, в том числе и оценочного.

Рассмотрение социокультурного аспекта оценочной категоризации, который проявляется в коллективном типе оценочного знания, является наиболее перспективным в рамках теории оценки, разработанной Н. Н. Болдыревым в русле антропоцентрического подхода [Болдырев 2005; 2017]. Согласно данной теории содержание оценочных категорий предполагает как коллективное, так и индивидуальное знание, на которое опирается человек в процессе порождения оценочного высказывания. При этом важно учесть, что любое оценочное суждение во многом обусловлено

социальным, коллективным знанием, а именно, системой культурных стереотипов, идеалов, норм различных социальных групп. Рассмотрение социального аспекта при изучении оценочной категоризации предполагает использование знаний различных научных исследований [van Dijk 2009; Langacker 2015; Geeraerts 2016].

Итак, процесс коммуникации, т.е. общение языковых личностей, представляет собой взаимодействие «говорящих сознаний». Сознание человека включает в себя различные типы знаний. Одним из наиболее весомых и существенных является оценочное знание, которое во многом определяет призму видения мира человеком. Чтобы понять основные принципы организации оценочных знаний в человеческом сознании, нам необходимо рассмотреть когнитивные основы оценочной категоризации

Опираясь на данные положения теории Н.Н. Болдырева, мы будем рассматривать оценочные категории как фундаментальные образования в концептуальной системе человека. Сложность в описании оценочных категорий связана с тем, что они не отражают объективные характеристики окружающего мира, а связаны с внутренним, ненаблюдаемым миром человека. Оценка предполагает лишь интерпретацию объектов и явлений действительности в языке с ценностной точки зрения. Многие ученые рассматривают тесную связь языковых значений с интерпретационной деятельностью [Jackendoff 1995]. При этом подчеркивается, что языковое выражение получает конкретное содержание только в определенной концептуальной системе. Как известно, концептуальная система человека во многом определяется совокупностью норм, традиций, устоев, т.е. культурным знанием. Последнее представлено в языке оценочными суждениями. Опираясь на конкретную реализацию коммуникативной компетенции, можно судить о культурных особенностях определенной социальной группы, т.к. речь всегда культурно обусловлена. Невозможность четкой верификации знаний оценочной категории определяет сложность ее структуры и специфику, которые будут рассмотрены далее.

Когнитивную основу оценочной категории составляет соответствующий оценочный концепт, который является минимальной оперативной единицей уровня ментальных репрезентаций и напрямую связан с внутренним ценностным миром человека (см.: [Гаврилова 2005]). Структурная организация оценочных категорий очень изменчива. Информативное наполнение оценочной категории проявляется, главным образом, на функциональном уровне при соотношении оценки с ее объектом. Из этого следует, что конкретное содержательное наполнение оценочной структуры знания определяется особенностями оцениваемого объекта, его существенными

характеристиками, а также сопоставлением данных характеристик с системой ценностей человека. Оценочная номинация конкретного предмета или явления в речи, т.е. формирование оценочного смысла, является результатом этого ментального процесса. Например: *a perfect gentleman, tiresome people, a dull book etc.* Соответственно, специфика оценочных концептов и категорий проявляется в их зависимом характере. Содержание оценочных категорий варьируется в зависимости от объекта оценки. Гибкость и подвижность оценочных структур определяет выделение различных областей категоризации оценки. Далее рассмотрим механизмы оценочной категоризации.

Порождение конкретного оценочного смысла предполагает действие различных когнитивных и языковых механизмов [Гаврилова 2005]. В рамках данной статьи мы рассмотрим действие механизма профилирования центральных характеристик на когнитивном уровне. На языковом уровне его реализация обеспечивается механизмом номинации самой оценки и объекта, подлежащего оцениванию. Так, появление конкретного оценочного смысла происходит за счет актуализации семантики оценочных единиц, которые репрезентируют оценочный концепт в речи и единиц, которые обозначают объект оценки, например: *Take good walking shoes or boots* [Richards 1993: 102]. В данном случае конкретная оценочная номинация определяется взаимодействием семантики существительного, называющего оцениваемый объект (*shoes, boots (an outer covering for the foot/leg* [Webster 1993: 112, 947]), прилагательного *walking*, указывающего на точную функцию (*to walk*), и прилагательного общей оценки (*good*), репрезентирующего концепт GOOD и такую его характеристику, как “of high quality level or standard” [COBUILD1997: 726]. В примере отсутствуют какие-либо другие языковые средства уточнения и конкретизации общей оценки. Это говорит о том, что формирование оценочного значения в данном случае базируется на коллективном, стереотипном знании об объекте, т.е. на основе знания его центральных характеристик. Формирование оценочного смысла за счет профилирования центральных характеристик предполагает гештальтное восприятие оценочной категории. Иначе говоря, при порождении оценочного высказывания человек опирается на коллективное знание.

Таким образом, данное исследование раскрывает когнитивные основы оценочной категоризации. Специфика оценочных категорий заключается в их несамостоятельном, зависимом характере. Конкретная оценочная номинация в речи обеспечивается действием когнитивных и языковых механизмов. Важно отметить, что гештальтное восприятие оценки, как правило,

базируется на коллективном знании. Мы также продемонстрировали, что оценочная категоризация всегда культурно обусловлена и является одной из важнейших составляющих концептуальной системы человека.

Литература

Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 16–40.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 20–81.

Гаприлова Е. Д. Оценочные категории “good” и “bad” в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005.

COBUILD – Collins Cobuild English Dictionary. Harper Collins Publishers Ltd., 1997.

Dijk T. van Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Geeraerts D. The Sociosemiotic Commitment // Cognitive Linguistics. 2016. № 4. P. 527–542.

Jackendoff R. Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.

Langacker R. W. Construal // Dabrowska, E. & Divjak, D. (eds) Handbook of Cognitive Linguistics. Berlin; Boston: Mouton deGruyter, 2015. P. 120–142.

Richards D. Hannah’s Hero. Pennsylvania: Kismet, 1993.

Webster’s New Encyclopedic Dictionary. N. Y.: Black Dog and Leventhal Publishers, 1993.

E. D. Stolyar (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

SOCIOCULTURAL ASPECT OF EVALUATE CATEGORISATION

The objective of this paper is to reveal the basic problems connected with the study of the cognitive basis of evaluation, the peculiarities of its specifics and language representation. Great attention is also attached to the description of the nature and structure of evaluate concepts and categories. Evaluate concepts and categories are viewed as the most fundamental ones in the conceptual system and have great impact on the evaluate meaning formation in the language. When studying evaluate categorization in the aspect of intercultural communication, we demonstrate the usefulness of cognitive approach, because it makes possible to consider the role of a person in comprehension and creation of the evaluate senses.

Key words: evaluate categorization, evaluate conceptualization, cognitive mechanisms, linguistic mechanisms.

И. Н. Толмачева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
itolmacheva@tsutmb.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКОВОЙ СЛУЖЕБНОСТИ

Явление языковой служебности рассматривается с точки зрения интерпретирующего потенциала служебных слов, который обусловлен реализацией не только их грамматической функции выражения семантико-синтаксических отношений между словами, предложениями и частями предложений, но также возможностью придавать высказыванию дополнительные (оценочные, модальные, причинно-следственные и др.) смыслы, отражая особенности концептуализации и интерпретации говорящим связей и отношений между фрагментами действительности.

Ключевые слова: служебная единица языка, концептуализация, интерпретирующая функция, языковое сознание.

Представления человека об окружающем его мире, его предметах в широком смысле, производимых ими и с ними действиях, их признаках, а также абстрактные сущности (понятия), генерируемые его сознанием, формируют его индивидуальную картину мира – систему концептов во всем многообразии их связей и отношений, на которую человек опирается в своем взаимодействии с действительностью. Как подчеркивает Н. Н. Болдырев, «система знаний о мире (концептуальная система человека), будучи определенным образом структурирована относительно приоритетных концептов (когнитивных доминант), представляет собой (концептуальную) картину мира человека как представителя определенного социума или отдельного индивида, его мировидение» [Болдырев 2024: 26]. Концептуальная картина мира существует в тесной связи и во многом благодаря естественному языку, который опредмечивает, т. е. называет, ее отдельные фрагменты с помощью языковых единиц. Как правило, имеются в виду знаменательные единицы языка, которые используются для наименования предметов, их свойств, явлений, действий. Служебные же языковые единицы, к которым традиционно относят предлоги, союзы, вспомогательные глаголы, частицы, междометия, делают возможным выражение огромного разнообразия тех пространственно-временных, причинно-следственных, результативных, модальных и других видов отношений, на которых говорящий фокусирует внимание в момент высказывания.

Безграничное число возможных связей диахронического и синхронического характера между фрагментами действительности обуславливает очень высокий процент использования в речи служебных слов при их довольно ограниченном количестве в целом. Так, например, по наблюдению американского социального психолога Дж. У. Пеннебейкера, служебные слова насчитывают менее одной десятой процента словарного запаса, но составляют почти 60 процентов используемых слов [Pennebaker 2011]. Исследования показывают, что такое соотношение наблюдается не только в английском языке, но и в других языках. Так, например, по данным Национального корпуса русского языка за 2024 год в 100 самых частотных слов в русском языке вошло 18 предлогов, 12 союзов и 9 частиц [НКРЯ]. Вероятно, следует упомянуть, что по частотности этот список возглавляют 27 местоимений, которые в русской грамматической традиции признаются знаменательными словами, а вот, например, в английском языке считаются служебными. Кроме того, как свидетельствуют данные из Нового частотного словаря русской лексики, самыми употребительными словами в общем в русском языке являются союз *и*, предлог *в*, частица *не* [НЧСРЛ].

Как уже отмечалось нами в более ранних работах, структура и состав категории служебных слов до сих пор окончательно не определены, вызывают дискуссии среди лингвистов, подразумевая разные классификации и разные концептуальные основания (см. подробнее: [Толмачева 2017; Болдырев, Толмачева 2022]). Различные подходы к типологии служебных единиц языка, на наш взгляд, свидетельствуют о сложности определения самой сущности этого явления в языке, неоднородности и разнородности соответствующей языковой категории. В чем сходятся мнения отечественных и зарубежных лингвистов, так это в том, что служебные слова объединяются не на основе общей категориальной семантики, в отличие от знаменательных слов, а на основе общности реализуемой ими функции. Такой объединяющей функцией в широком смысле является выражение отношений, или установление концептуальных связей между событиями (предметами, явлениями) и их осмыслением в речи.

Не имея референции в реальном мире, служебные языковые единицы репрезентируют собственно языковое знание и отражают знания человека не о мире в целом, а о языке, его устройстве и использовании. При этом, учитывая, что человек в момент построения высказывания каждый раз не столько отражает, сколько интерпретирует действительность с помощью выбираемых языковых средств для репрезентации релевантных концептов, в том числе языковых, служебные слова играют свою роль в этой интерпретации.

И здесь стоит отметить, что ведь не только действительность определяет язык, но и язык (выбор слов, построение фраз, длина предложений и т. п.) влияет на восприятие мира и косвенным, но весьма точным образом демонстрирует его восприятие и отношение к нему. Это в полной мере касается и служебных слов. В частности, на примере связочных и функционально связочных глаголов русского и английского языка показано, как служебными единицами языка может концептуализироваться и репрезентироваться оценочность [Толмачева 2013], перцептивное восприятие [Толмачева 2020; 2022], снижение категоричности высказывания [Болдырев, Толмачева 2022], манипулятивное воздействие [Толмачева 2023], проявление когнитивной эмпатии [Толмачева 2024] и другие аспекты синтаксической связи.

Выявленные интерпретационные возможности служебных связочных глаголов свидетельствуют о том, что в языковой служебности заложен большой интерпретирующий потенциал, вызывающий интерес с точки зрения не только особенностей концептуализации и интерпретации мира в языке, но также в контексте эффективной вербальной коммуникации.

Выбор служебного слова может придавать высказыванию дополнительный смысл, позволяющий различать оценочные, модальные, причинно-следственные и другие оттенки, актуальные в момент общения, и выступающий таким образом когнитивной доминантой реализации репрезентируемого смысла. Возможно, что служебные слова, обычно короткие, часто используемые, даже почти незаметные, могут служить своеобразным окошком в концептуальную картину мира человека, его мысли, эмоции и поведение. Можно предположить, что то, как человек использует предлоги, артикли, союзы, вспомогательные и связочные глаголы, частицы, может немало сказать о его личности, намерениях, ценностных доминантах, социальных навыках и т. п. Это представляет большой интерес с точки зрения понимания индивидуального и коллективного языкового сознания, а также прогнозирования и преодоления конфликтов в интерпретации мира и знаний о мире в языковой коммуникации.

Литература

Болдырев Н. Н. Теоретико-методологические основы исследования бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. Вып. № 3 (59). С. 21–86.

Болдырев Н. Н., Толмачева И. Н. Интерпретирующая функция служебных слов в контексте бесконфликтного общения // Русская грамматика в диалоге научных

школ, направлений, методов: сборник научных статей. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. С. 186–192.

Дубровская О. Г., Толмачева И. Н. Когнитивная эмпатия как механизм нейтрализации потенциально конфликтной интерпретации: синтаксический уровень // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития: тезисы докл. Междунар. науч. конф., Минск, 3–5 окт. 2024 г. Минск: РИВШ, 2024. С. 98–100.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

НЧСРЛ – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>

Толмачева И. Н. О грамматических средствах репрезентации оценочности // Язык и культура в эпоху глобализации: мат.-лы междунар. науч. конф. Вып. 1. В 2-х т. С.-Пб: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 290–294.

Толмачева И. Н. Когнитивные основы формирования и функционирования языковой категории служебности // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 190–193.

Толмачева И. Н. Когнитивные доминанты реализации служебных смыслов // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 2 (41). С. 332–335.

Толмачева И. Н. Служебная единица языка как средство интерпретативной репрезентации знаний на уровне грамматики // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 3 (50). С. 641–644.

Толмачева И. Н. Имплицитное снижение категоричности высказывания: бесконфликтная интерпретация или языковое манипулирование? // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов: научное электронное издание. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. С. 46–49.

Pennebaker J. W. The Secret Life of Pronouns. N.-Y.: Bloomsbury Press, 2011.

*I. N. Tolmacheva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD FROM THE PERSPECTIVE OF LINGUISTIC AUXILIARITY

Function words are considered from the perspective of their interpreting potential which is determined by not only their grammatical function but also by the ability to assign additional meaning (evaluative, modal, causal, etc.) to an utterance and therefore represent the specificity of conceptualization and interpretation of connections and relations between the fragments of reality by a speaker.

Key words: function word, conceptualization, interpreting function, linguistic cognition.

В. М. Топорова, Е. В. Корнева

(Воронеж, Россия)

Воронежский государственный университет

toporova@mail.ru, el_korneva@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗВУКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Статья посвящена когнитивно-ориентированному описанию особенностей языковой репрезентации акустической сферы в художественной картине мира в контексте слухового восприятия звучания внешнего мира и в аспекте концептуально-семантической интерпретации феномена «внутреннего звучания», характеризующего эмоционально-психологическую сферу.

Ключевые слова: звук, внутреннее звучание, художественная семантика, семантическое пространство, синестезия, голос, музыка.

Актуальность когнитивно-ориентированного исследования особенностей семантической репрезентации акустической сферы определяется когнитивной значимостью и большим концептуально-метафорическим потенциалом семы звучания. Слуховое восприятие пространства окружающего мира наряду со зрительным, визуальным способом выступает в качестве значимого ориентационного маркера окружающего мира. Акустические образы выполняют важные когнитивные функции при репрезентации пространственной картины мира в целом, а также при актуализации и интерпретации внутреннего, эмоционально заряженного, и внешнего предметного контекстов вербализуемой ситуации в их взаимосвязи [Беляевская 2014; Кучина 2016; Тараканова 2015].

Обращение к описанию семантического пространства звука в рамках пространственных категорий представляется методологически оправданным прежде всего в связи с расширением аспектов рассмотрения и направлений исследования семантики звука в различных форматах актуализации: в виде физического явления, представляющего собой распространение упругих волн в газообразной, жидкой или твёрдой среде (как некоем пространстве); на основе слухового восприятия и идентификации классифицируемых видов звуков окружающего внешнего пространства; а также на основе восприятия феномена «внутреннего звучания» эмоционально-психологического пространства внутреннего мира человека.

В соответствии с названными форматами описания акустической сферы мы рассматриваем две группы номинаций, репрезентирующих семантиче-

ский ландшафт звука в сфере слухового восприятия внешнего пространства и семантическое пространство феномена «внутреннего звучания». В первую группу входят номинации (лексические единицы), выражающие многообразие видов существующих звуков и их физических характеристик: природные, технические, бытовые.

Другую группу представляют номинации, актуализирующие сему звука при репрезентации феномена «внутреннего» звучания (внутренней музыки) в контексте описания внутреннего мира человека, эмоционально-психологической и интеллектуальной сферы. В языковой картине мира феномен внутреннего звучания воплощает многообразие семантического ландшафта внутреннего мира человека, его души. Возможность порождения, восприятия и переживания внутренних музыкальных образов отражена в музыкальном термине «внутренняя музыка» (переживаемая автором-музыкантом, авторская музыкальность) [Конова 2016; Лосев 1990]. Многообразие душевных переживаний воплощается в разнообразии концептуально-семантических тональностей акустической сферы, репрезентируемых номинациями с семой звук. Особое место здесь принадлежит концептуально-метафорической репрезентации психологического состояния человека при актуализации семы «музыкальный звук» (*душа поёт; струны души; музыка в душе звучит; перезвон сердец*). Концепт «музыка» является неотъемлемой составляющей художественного мира поэтов. Важное место при этом занимает актуализация семантического поля гармонии чувств, целостного охвата воспринимаемого мира, состояния интеллектуального подъема, творческого вдохновения.

Особый исследовательский интерес с когнитивной точки зрения представляют авторские описания этапов творческого процесса, раскрывающие глубинные основания и художественные форматы проявления творческого восприятия мира. Так, у А. Ахматовой в стихотворении «Творчество» звуки стихающего грома, остаточные тревожные звоны, неясные голоса бездны рисуют акустическое пространство ассоциативно-тревожной тональности «предпесенной тревоги»; акустический образ – тайный *круг звуков*, сливается на этапе творческого озарения в один всё *победивший звук*, выражающий *полноту и целостность восприятия* мира [Анна Ахматова. Творчество: «Бывает так: какая-то истома...» (05.11.1936), НКРЯ]. Видимо, можно говорить в подобного рода случаях о фазе творческого «озарения» поэта, как интуитивного познания истины, проникновения в суть явления, а также прозрачности, открытости, высокой степени транспарентности явленного мира: *...так вкруг него*

неоправимо тихо, что слышно, как в лесу растет трава, как по земле идет с котомкой лихо... на фоне внешнего беззвучия выражаемой словом истины. [Там же, НКРЯ].

В рассмотренном примере многообразие звуков ассоциативно-тревожной тональности сопряжено с актуализацией семантики неопределенности, характерной для художественной репрезентации глубинных слоев когнитивной сферы человека, функционирующей в единстве и синергетическом взаимодействии различных модусов перцепции при реализации концептуальной метафоры. Семантика неопределенности имеет разные формы репрезентации в художественной семантике.

Так, в стихотворении «Рождение стиха» М. Волошина переплетаются визуальные, слуховые, одорические, предметно-пространственные элементы:

...мрак грозовой и пахучий; запах цветов, доходящий до крика; протяжно-певучие волокна; танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно в влюбленном созвучьи... теснится виденья толпой оробелой... [Максимилиан Волошин. Рождение стиха (1904), НКРЯ].

Семантика неопределенности имеет в семантическом пространстве стиха разные формы репрезентации на основе синестезии: в виде многообразия (своеобразного хаоса) разнородных звуков; в сочетании в одном общем семантическом пространстве разнородных по онтологическим свойствам элементов.

В свете обсуждаемой в контексте данной работы проблематики представляется необходимым отметить семантико-когнитивный потенциал концепта «голос» в художественной картине мира, реализуемый в процессах разноресурсной языковой концептуализации мира в целом.

Голос как индивидуальная характеристика человека и средство коммуникации может нести информацию о его эмоциональном состоянии, чувствах: *упавший голос, плачущий голос, гневный голос, раздраженный голос*. Голос может дрожать, прерываться (например, от волнения, страха). Часто голосовые характеристики оказываются более значимыми для оценки эмоционального состояния, чем лексическое содержание, при этом негативные эмоции распознаются точнее, чем позитивные. Однако иногда необходимо конкретизировать эмоциональное состояние говорящего: в голосе [звучало] удивление, испуг, радость.

Другой феномен, *внутренний голос*, форма мышления является, условно говоря, средством коммуникации человека с самим собой. *Внутренний голос (иноск.) другому не слышный, совесть, убеждение*. (БТСРЯ). В контекстах Национального корпуса русского языка представлены са-

мые разные когнитивные признаки этого понятия. Его базовый признак определяется как «мысленно, не слышен другому человеку». Рассмотрев сферу функционирования данного понятия, можно выделить следующие узуальные признаки:

1. «ведет диалог с человеком»:

*«Зачем он нужен?!» Но **внутренний голос** ему отвечает: Что ты делаешь, ненормальный?* [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», 1990, НКРЯ]

2. «человек может соглашаться с ним или не прислушиваться к нему», так же, как и мнению другого человека:

*Петрович меня не слышит. Он слушает свой **внутренний голос**. А **внутренний его голос** говорит: «Чего слушать?»* [Юрий Коваль. Чайник (1980–1993), НКРЯ]

*В 1902 году ушла она из Александринского императорского театра, где занимала положение ведущей актрисы, – ушла, повинувшись лишь **внутреннему голосу** творческой неудовлетворенности.* [Юрий Елагин. Темный гений (1998), НКРЯ]

*...но Саша не особенно слушал свой **внутренний профессиональный голос**.* [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003), НКРЯ]

3. «внутренний голос может молчать», что свидетельствует о том, что человек не нашел решения проблемы:

*Не было у меня никаких предчувствий, и **внутренний голос** молчал, как рыба.* [Вера Белоусова. По субботам не стреляю (2000), НКРЯ]

4. «человек по-разному воспринимает внутренний голос», так же, как и голос другого человека, он может твердить, мучить, обижаться, посмеиваться и т. д.:

*Но каждого **мучил внутренний голос**: может быть, действительно стоит остановить гонку?* [Борис Черток. Ракеты и люди (1999), НКРЯ]

*Ну и что ты будешь делать с картиной этого француза, как там его?» – **язвительно поинтересовался внутренний голос**.* [Уильям Линк. Аквариум (2004) // «Парадокс», 01.05.2004, НКРЯ]

*А в седьмом, **захихикал внутренний голос**, не хочешь ли узнать, что у него в седьмом (согласно учебнику, седьмой был домом брака)? Как насчет резонанса? Пробовала кидаться чернильницей, но голос не умолкал. Яркая индивидуальность!..* [Екатерина Завершнева. Высотка (2012), НКРЯ]

Хотя лексикографические источники определяют «внутренний голос» как «совесть, убеждение», контексты позволяют уточнить это толкование

и говорить о более широком круге понятий: мысли, предчувствие, интуиция, ценности человека. Проведенный анализ подтверждает функциональную значимость концепта «голос» в свете исходной принятой нами концептуальной трактовки звука/голоса в целом как особой формы проявления субъектности.

Представленное описание особенностей художественной интерпретации семантического поля звука свидетельствует о значимости и перспективах когнитивно-ориентированного исследования акустической сферы.

Литература

Беляевская Е. Г. «Звуковые» фреймы и анализ нарративного дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 17 (703). С. 15–23.

БТСРЯ – Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

Конова И. Г. Внутренняя музыка как преодоление времени: сила музыкального мотива // Человек. Культура. Образование. 2016. 2 (20). С. 163–169.

Кучина Т. Г., Леонидова. И. А. Акустические и музыкальные образы в русско-язычных рассказах В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 32–35.

Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 193–390.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Тараканова Е. М. К вопросу об акустическом пространстве // ГИИ. Художественная культура. ART & CULTURE STUDIES. 2015. № 3–4 (16). С. 21–29.

V. M. Toporova, E. V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

SEMANTIC SPACE OF SOUND IN THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD

The article presents the results of a cognitive-oriented study on the peculiarities of the linguistic representation of the acoustic sphere in the artistic worldview. Two aspects are considered: auditory perception of the sounds of the surrounding world and the conceptual and semantic interpretation of the phenomenon of “inner sound”, which characterizes the emotional and psychological sphere.

Key words: sound, inner sound, artistic semantics, semantic space, synesthesia, voice, music.

А. В. Туарменский (Рязань, Россия)

Рязанский государственный медицинский университет
tuarmenskiialeksei@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕК

В статье рассматривается конструирование оценочного знания о дипломатических отношениях в современном английском языке. Цель исследования – изучить вторичную интерпретацию дипломатических отношений в контексте концептуальной области ЧЕЛОВЕК. В качестве основы для вторичной интерпретации выявлены различные аспекты концептуальной области ЧЕЛОВЕК, представляющие фоновую информацию в процессах формирования оценки о дипломатических отношениях.

Ключевые слова: дипломатические отношения, способы дипломатических отношений, интерпретация, концептуальная метафора, концептуальная область.

Особенностью когнитивного подхода к изучению явлений языка является исследование не одних лишь «ментальных репрезентаций, которые возникают по ходу обработки и/или извлекаются из долговременной памяти, но также и процедур или операций, которые при этом используются» [Кубрякова и др. 1997: 64; Кубрякова 1992; Кубрякова 2004; Демьянков 1994]. Новым исследовательским направлением в рамках когнитивного подхода является изучение интерпретирующей функции языка.

В. З. Демьянков считает, что интерпретация представляет собой когнитивный процесс установления смысла речевых и неречевых действий и его результат [Демьянков 1999: 6]. По мнению Н. Н. Болдырева, вторичная интерпретация схематизирует опыт сообразно культурной среде и индивидуальным нормам. При этом вторичная интерпретация носит оценочный характер и опирается на оценочные инструменты [Болдырев 2015; Болдырев, 2016]. Как указывает Л. А. Фурс, при интерпретации происходит осмысление двух типов знания – декларативного и процедурного [Фурс 2018]. Характерно, что вторичная интерпретация какого-либо вида профессиональных отношений может проводиться на основе выявления характеристик соответствующего концепта [Фурс, Финаева 2021]) или на материале отдельной концептуальной области [Безукладова, Фурс 2023].

Концептуальная область понимается как когнитивный контекст структуры знания, относительно которого осмысливается языковое явление [Лакофф, Джонсон 2004]. Среди зарубежных учёных к этому понятию обращался

Р. Лэнекер, используя для аналогичного смыслового содержания термин «когнитивная область» [Langacker 1991]. В отечественной науке концептуальная область рассматривается в работах Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1997], Н. Н. Болдырева [Болдырев 2009] и др. При этом фоновая информация концептуальных областей рассматривается как основа для авторской интерпретации [Фурс, Ноблок 2007].

В процессах интерпретации процедурное знание представлено механизмом концептуальной метафоры. При этом наиболее частотной является онтологическая метафора. Такая метафора, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, конструируется с опорой на область-источник ЧЕЛОВЕК [Лакофф, Джонсон 2004: 59].

Анализ фактического материала подтвердил, что дипломатические отношения интерпретируются на основе различных аспектов концептуальной области ЧЕЛОВЕК. Обратимся к анализу примеров из официальных документов Европейского совета по международным отношениям и Государственного департамента:

*Cultural diplomacy **creates** relationships with peoples, which endure beyond changes in government* (Cultural Diplomacy: The Linchpin of Public Diplomacy).

Областью-источником для метафорического переноса является знание о созидательной деятельности человека, которое переносится на область-цель «способ дипломатических отношений», что подчеркивается глаголом *create* (to cause something to exist, or to make something new or imaginative [CD]).

*While Lebanon and Belarus mark failures of EU foreign policy, they have been minor **success stories** for EU city diplomacy* (City Diplomacy: The EU's Hidden Capacity to Act).

Выражение *success story* (a story of a person who rises to fortune, acclaim, or brilliant achievement" [MWD]) указывает на результат действия, выполняемого человеком. Это знание соотносится с дипломатическими отношениями, реализуемыми городами-побратимами, городами, между которыми заключены общие соглашения о сотрудничестве в различных сферах. За счет лексемы *minor* такая дипломатия ЕС оценивается как второстепенная.

*Humanitarian diplomacy **has appealed** to the common good* (UN relief chief says humanitarian diplomacy is crucial in resolving conflict).

В данном примере за счет глагола *appeal* (to make a serious or formal request, especially to the public, for money, information, or help [CD]) репрезентируется способность человека к выстраиванию деловой и официальной коммуникации. В результате конкретные действия человека ассоциируются с дипломатической деятельностью, которая образно представляется как живое существо, обладающее даром мышления и речи.

Представление о дипломатии как об активной действующей силе передается с помощью различных глаголов и существительных, выражающих значение целеполагания, которое свойственно человеку:

*The **goal** of diplomacy was to create stability and order abroad that would best promote American commercial interests* (Dollar Diplomacy, 1909–1913).

*AI Diplomacy **aims** to fix the lack of safety measures, technical standards, and institutions for global AI* (Meridian Explainer: Understanding AI Diplomacy).

За счет существительного *goal* (an aim or purpose [CD]) и глагола *to aim* (to plan for a specific purpose; intend [CD]) формируется ассоциация ДИПЛОМАТИЯ-ЧЕЛОВЕК.

*In contrast, China's nascent Middle East diplomacy **sees** the two processes as very much compatible* (China Tests the Water in Palestinian Diplomacy).

*Neighborhood diplomacy **sees** benefits for all* (China Daily: Neighborhood diplomacy sees benefits for all).

Областью-источником для метафорического переноса является знание о перцептивных и ментальных способностях человека, которое переносится на дипломатические отношения (*to see* – to consider or think about, especially to think about someone or something in a particular way [CD]). В результате дипломатические отношения интерпретируются как организм, способный осмыслить многие аспекты деятельности в этой области.

Аналогичным является и следующий пример:

*At the beginning of the Covid-19 pandemic, Citizen Diplomacy **shifted its attention** to virtual programs* (What is Citizen Diplomacy? – World Boston.).

Знание о способности человека управлять своим вниманием, выраженное словосочетанием *to shift one's attention*, переносится на область-цель «способ дипломатических отношений».

Таким образом, в процессах интерпретации дипломатических отношений в контексте концептуальной области ЧЕЛОВЕК создается образность за счет их осмысления в терминах, характерных для действий человека или его физического и ментального состояния. Перспектива исследования состоит в изучении оценочной интерпретации дипломатических отношений в современном английском языке в контексте других концептуальных областей.

Литература

Безукладова И. Ю., Фурс Л. А. Моделирование социального пространства в области профессиональной деятельности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3–2(54). С. 363–367.

Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1(42). С. 5–12.

Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. № 4. С. 25–77.

Болдырев Н. Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 25–35.

Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13.

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

Кубрякова Е. С. Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний: сб. науч.-аналит. обзоров / редкол.: Лузина Л. Г., Стрельцова Г. Д. (ред.-сост.) [и др.]. М.: ИНИОН, 1992. С. 4–38.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кубрякова Е. С. Язык пространства и пространство языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56, № 3. С. 22–31.

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Фурс Л. А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 74–78.

Фурс Л. А., Ноблок Н. Л. Когнитивные основы авторских стратегий в англоязычном предвыборном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1(10). С. 36–41.

Фурс Л. А., Финаева Е. А. Когнитивный подход к анализу воспитательной деятельности с учетом характеристик концепта UPBRINGING в современном английском языке // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 277–280.

Cultural Diplomacy: The Linchpin of Public Diplomacy, Report of the Advisory Committee on Cultural Diplomacy. Washington, D. C.: Department of State, 2005.

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>

China Daily: Neighborhood diplomacy sees benefits for all. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202401/03/WS659496e2a3105f21a507a33b.html>

China Tests the Water in Palestinian Diplomacy. URL: <https://www.thecairoreview.com/essays/china-tests-the-water-in-palestinian-diplomacy/>

City Diplomacy: The EU's Hidden Capacity to Act. URL: <https://dgap.org/en/research/publications/city-diplomacy>

Dollar Diplomacy, 1909–1913. URL: <https://history.state.gov/milestones/1899–1913/dollar-diplo>

Meridian Explainer: Understanding AI Diplomacy. URL: <https://meridian.org/news/explainer-understanding-ai-diplomacy/>

MWD – Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

UN relief chief says humanitarian diplomacy crucial in resolving conflict. URL: <https://www.unocha.org/news/un-relief-chief-says-humanitarian-diplomacy-crucial-resolving-conflict>

What is Citizen Diplomacy? – World Boston. URL: <https://www.worldboston.org/what-is-citizen-diplomacy/>

*A. V. Tuarmensky (Ryazan, Russia)
Ryazan State Medical University*

INTERPRETATION OF DIPLOMATIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE CONCEPTUAL DOMAIN *HUMAN BEING*

The article examines the construction of evaluative knowledge about diplomatic relations in modern English. The purpose of the research is to study the secondary interpretation of diplomatic relations in the context of the conceptual domain HUMAN BEING. As a basis for the secondary interpretation, various aspects of the conceptual domain HUMAN BEING have been identified, representing background information in the processes of forming the assessment of diplomatic relations.

Key words: diplomatic relations, methods of diplomatic relations, interpretation, conceptual metaphor, conceptual domain.

*Д. В. Тюрникова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
dasha_alekc@mail.ru*

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА (на материале английского языка)

В статье дается определение концептуальной системы человека и рассматриваются этапы ее формирования. Автор показывает, что причинно-следственные отношения имеют статус базовой ментальной структуры в концептуальной системе человека. Представлена пропозициональная модель, лежащая в основе сложных предложений, выражающих причинно-следственную связь. Приводятся примеры сложных предложений, в языковом плане вариативно репрезентирующих данную модель.

Ключевые слова: причинно-следственные отношения, пропозиция, концептуальная модель, концептуальная система человека, сложное предложение.

Изучение когнитивно-лингвистических аспектов причинно-следственных отношений (ПСО) диктует необходимость обращения к концептуальной системе человека, которая отражает познавательный опыт индивида и служит базой интерпретации как языковых выражений, так и ситуаций их употребления [Павиленис 1986: 383].

Рассматривая концептуальную систему как совокупный индивидуальный опыт человека, Н. Н. Болдырев предлагает следующее определение данного феномена. «Концептуальная система – это весь ментальный опыт взаимодействия человека с внешним миром, включая опыт многократной переработки полученных знаний, а также различные впечатления, переживания, образы, связанные с восприятием реальности и внутренних психических процессов» [Болдырев 2009: 94].

Согласно исследованиям Р. И. Павилениса, формирование концептуальной системы человека проходит ряд этапов. На первом этапе в результате чувственного восприятия объектов, формируется система представлений субъекта о мире, что влечет за собой образование первичных, базовых концептов, которые, впоследствии, выступают в качестве анализаторов и интерпретаторов, при последующем формировании вновь образующихся концептов. С овладением языком связан следующий этап построения концептуальной системы человека. На этом этапе формируются концепты, представляющие собой сведения, которые можно описать только посредством языка [Павиленис 1986: 384].

Одним из важных свойств концептуальной системы человека является самоорганизация: новые концепты встраиваются в эту систему, обрабатываются, кодируются в ней и образуют новые связи и смыслы. При этом человек оперирует теми или иными знаниями, прежде всего учитывая базовые ментальные структуры в данной системе.

Способность людей обнаруживать и понимать причинно-следственные связи лежит в основе мыслительной деятельности человека и является базовым когнитивным навыком [Фесенко 1999: 247]. ПСО – отношения универсальные, поскольку не существует явлений или событий, которые не имели бы своих причин, и нет явлений или событий, которые не порождали бы тех или иных следствий. Представления о мире, взаимосвязях и взаимозависимостях в нем возникают в процессе установления ПСО. Как результат происходит накопление социального опыта, знаний человека, развивается умение предвидеть последствия своих действий.

ПСО по-разному репрезентируются в языке. Поскольку представление о ПСО часто связывается с отношениями между двумя событиями, одно из которых выступает в качестве причины, а другое – следствия, результата

некоторого изменения (см.: [Аматов 2005: 8]), рассмотрим репрезентацию ПСО в виде сложных предложений с двумя частями.

В основе конструирования сложных предложений лежит пропозициональная модель: события внутри единого осмысливаемого фрагмента действительности отражаются в сознании человека в виде элементов пропозиционального комплекса, в структуре которого можно выделить пропозиции, соединенные пропозициональной связкой или связками (см.: [Виноградова 2016]). Таким образом, концептуальную модель, стоящую за сложным предложением с двумя частями, выражающим ПСО, в обобщенном виде можно представить следующим образом:

Пропозиция (причина) ↔ Пропозициональная связка ↔ Пропозиция (следствие).

Каждая наделенная предикативностью и отдельно «взятая» часть сложного предложения, выстраиваемого по модели, приведенной выше, может быть трансформирована в простое предложение. В этом случае возможна потеря ПСО. Объединение частей в одну синтаксическую форму с использованием определенных маркеров фиксирует реализацию целостной единицы мышления, отражающей определенный причинно-следственный порядок событий.

В сложных предложениях сначала может следовать причина, а потом следствие (такой порядок называется прямой), либо, наоборот, сначала указывается следствие, а потом говорится о причине (обратный порядок) [Мустафина, Эделева 2019: 326]. При этом пропозициональная связка может быть представлена как эксплицитно – прежде всего за счет употребления союзов и союзных слов, так и имплицитно – бессоюзно. Также важно отметить, что данная связка может указывать как на причину, так и на следствие.

Причинно-следственные отношения в языке объективируются посредством сложноподчиненных предложений. При этом в качестве маркеров ПСО, как правило, используются союзы или глаголы, выражающие причину, влекущую какое-либо изменение, или следствие, некоторый результат.

Материалом исследования послужили примеры сложных предложений из Британского национального корпуса (British National Corpus).

Союзами, применяемые для репрезентации причины, могут быть *because, due to, because of, owing to, since*.

Для выражения следствия могут использоваться слова *so, therefore, as a result, consequently, thus*.

Наиболее часто для выражения ПСО в сложноподчиненных предложениях применяются союзы *so* и *because*.

The cat didn't want to eat, so we had to visit a vet.

Данное сложное предложение является примером передачи прямого порядка причинно-следственных отношений. Пропозиция (причина) выражена *The cat didn't want to eat*, пропозициональная связка, указывающая на следствие, репрезентирована союзом *so*, пропозиция (следствие) выражена *we had to visit a vet*.

Her son didn't go for a walk because he had to do a lot of homework.

Это сложное предложение является примером передачи непрямого порядка причинно-следственных отношений. Пропозиция (причина) выражена *he had to do a lot of homework*, пропозициональная связка, указывающая на причину, репрезентирована союзом *because*, пропозиция (следствие) выражена *Her son didn't go for a walk*.

Рассмотрим примеры сложноподчиненных предложений, построенных на основе пропозициональной модели причинно-следственных отношений, в которых связующие концепты представлены глаголами. Это могут быть глаголы *cause/be caused by, influence, affect, lead, make, force, result, contribute* и др.

Our research led us to the conclusion that the relations of cause and effect are an important part of a conceptual system of a human.

Данный случай иллюстрирует совпадение пропозициональной связки и базового предиката внутри пропозиции-причины.

Примером английского сложносочиненного союзного предложения, выражающего ПСО, обусловленного прямым причинно-следственным порядком событий, может быть *...the enterprise economy went sour, and now failure and disillusion are everywhere*.

В этом примере пропозицию (причину), пропозициональную связку, указывающую на следствие, и пропозицию (следствие) соответственно репрезентируют *...the enterprise economy went sour, and now* и *failure and disillusion are everywhere*. Союз *and* с поликатегориальной природой в сочетании с наречием *now* указывает на временной порядок следования событий.

Сложносочиненные предложения с союзом *for* в середине предложения конструируются с учетом реализации непрямого порядка ПСО – от следствия к причине:

I looked out of the window, for I was thinking of a bird, sitting in a tree nearby.

В бессоюзных сложносочиненных предложениях указание на ПСО часто представлено имплицитно. В предложении *The bell rang – the students went out of the classroom* в связывании событий в причинно-следственном плане важную роль играют устоявшиеся в концептуальной системе говорящего и реципиента представления об организации обучения в школе.

Следует заметить, что прямой причинно-следственный порядок преимущественно передается сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями с необратимостью их частей.

Таким образом, ПСО являются базовой ментальной структурой концептуальной системы человека, поскольку лежат в основе процесса познания, определяют мышление, способность объяснять и прогнозировать информацию. При всем разнообразии средств передачи ПСО наиболее наглядным представляется сложное предложение, которое вариативно передает эти отношения, на концептуальном уровне фиксируемые в рамках определенной пропозициональной модели.

Литература

Аматов А. М. Причинно-следственные связи на разных уровнях языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Болдырев Н. Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 91–103.

Виноградова С. Г. Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2016.

Мустафина А. Р., Эделева И. В. Семантический анализ причинно-следственной связи в лингвистике сквозь призму философской научной мысли // Преподаватель XXI век. 2019. № 2. С. 325–334.

Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 380–388.

Фесенко Т. А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999.

BNC – British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

D. V. Tyurnikova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE CAUSE-AND-EFFECT RELATIONSHIP IN THE HUMAN CONCEPTUAL SYSTEM (based on the English language)

In this article, the definition of the human conceptual system and the stages of its formation are given. The author considers the cause-and-effect relationship as one of the basic mental structures in the human conceptual system. The author studies the propositional model expressing the cause-and-effect relationship and complex and compound sentences that variously represent it.

Key words: cause-and-effect relationship, proposition, conceptual model, conceptual system, complex and compound sentences.

Т. П. Филичкина (Орёл, Россия)

Академия Федеральной службы охраны

Российской Федерации

filitchkina_orel@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *IRON CURTAIN* В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается расширение понятийного компонента концепта *IRON CURTAIN* в англоязычных медиатекстах. На уровне синхронии появляются новые смыслы в периферийном слое концепта под влиянием внелингвистических факторов, при этом остаются неизменными существенные характеристики ядерного слоя. Изменения происходят в понятийном компоненте концепта, ценностные и образные аспекты сохраняют ассоциации и оценки, возникшие на диахроническом уровне.

Ключевые слова: концепт, медийный дискурс, понятийный компонент, образный компонент, ценностный компонент, ядерный слой, периферийный слой.

Современные СМИ предоставляют безграничные возможности для исследования и анализа различных концептов, вербализованных в виде фразеологизмов, паремий и прецедентных феноменов.

Концептосфера общества и отдельного индивида представляет совокупность взглядов на окружающую действительность, которые заложены в концептах и существуют в сознании человека. Концепт как продукт сознания содержит информацию о фрагменте реального мира и включает понятийный, образный и ценностный компоненты [Карасик 2004: 129].

Понятийный аспект представляет семантику концепта, которая охватывает значимые характеристики объекта, явления или ситуации.

Образная составляющая концепта – это признаки предметов, явлений, фактов. Образность связана с метафорическим переосмыслением окружающей действительности.

Ценностная сторона концепта представляет различные оценки (рациональные, эмоциональные, нормативные), которые восходят к истокам концепта (уровень диахронии) и актуализируются на синхроническом уровне. Ценностный аспект определяет понятийную сторону концепта и содержит субъективные модальности (аксиологическую, эмотивную, деонтическую).

В структуре концепта выделяют ядерный слой, который включает наиболее значимые признаки, и периферию, содержащую менее существенные ассоциации [Песина 2015] и смыслы, подверженные трансформации под воздействием происходящих явлений и фактов.

Медиадискурс представляет собой сочетание текста и внелингвистических факторов (события реального мира), которые способствуют изменению и обновлению имеющихся ментальных представлений о фрагментах действительности. В результате этого взаимодействия наблюдается расширение периферийного слоя понятийного аспекта концепта.

Прецедентный феномен (ПФ) IRON CURTAIN представляет собой концепт, отражающий разделение мира на противоборствующие стороны, который стал ярким символом холодной войны и геополитической конфронтации в XX веке.

Это выражение стало широко использоваться в медиадискурсе после Фултонской речи Уинстона Черчилля в 1946 году, в которой он заявил, что «над Европой опустился железный занавес». Эта метафора определяла разделение Европы на западные страны, которым покровительствовали США и Великобритания, и восточные страны, находившиеся в орбите влияния СССР. Концепт IRON CURTAIN был символом физического и идеологического разделения, символом страха и недоверия между государствами и народами.

В диахронии концепт ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС означал изоляцию стран социалистического Востока и капиталистического Запада. Образная сторона ПФ символизирует непреодолимое препятствие, барьер между двумя политическими системами. Ценностный компонент содержит отрицательную рациональную оценку (аксиологическая модальность), осуждение разобщённости государств (эмотивная модальность). Искусственная изоляция между странами и народами не соответствует нормам международного взаимодействия (деонтическая модальность).

Динамика исторического процесса вносит изменения в концепт IRON CURTAIN. На уровне синхронии актуализируются новые смыслы в периферийном слое, при этом остаётся неизменным ядро концепта. Понятийный компонент концепта IRON CURTAIN приобретает новое содержание в современных СМИ. Образная и ценностная стороны концепта гораздо меньше подвержены трансформациям.

Ядерный слой семантики концепта IRON CURTAIN включает разделительные линии, барьеры, возникающие в отношениях между государствами. К периферийному слою следует отнести виды препятствий, причины и цели введения ограничений, а также страны-интересанты таких действий.

1. *To acquiesce would be to grant Russia a partial victory, give it time to rebuild its forces and agree to live with a new **iron curtain** – or under the shadow of another war* [Joshi 2024].

В данном примере представлены новые причины создания *железного занавеса* (начало специальной военной операции Россией на Украине) и его цели (ослабление экономики России, смена правящего режима в стране).

Страны Европы опасаются мирных предложений США по урегулированию конфликта на Украине. Противодействие этим предложениям потребует увеличения расходов на оборону для поддержки Украины. Уступить Дональду Трампу означает признать победу России и дать ей время восстановить свои силы. Европейцам придётся согласиться жить за новым *железным занавесом* и под угрозой новой войны.

2. *An economic **iron curtain** is falling on Russia as companies like McDonald's cut ties* [Gura 2022].

В 2022 году ряд крупных международных компаний свернули свой бизнес и покинули Россию после начала СВО на Украине. Это называют «экономический железный занавес». Уход западных компаний знаменует возвращение «холодной войны», когда Советский Союз был в значительной степени изолирован в мировой экономике. Сейчас создаются экономические и торговые препятствия как инструменты воздействия на Россию и принуждения её принять условия Запада.

3. *If their alliance develops into a bona fide defense against NATO and US allies, how will a Sino-Russian union – forming a new '**Iron Curtain**' – shape the future of global diplomacy?* [Christoffersen 2024]

В последнее время расширяется экономическое и военное сотрудничество России и Китая. Этот альянс двух стран может превратиться в противостояние с НАТО, что приведёт к созданию нового *железного занавеса* и повлияет на будущее мировой политики. В тексте речь идет об экономической и дипломатической изоляции России и Китая.

4. *Ma noted that the so-called "small yard, high fence" strategy by the US has become an "**iron curtain**"* [Sheng 2024].

Отношения Китая и США ухудшаются на фоне введения пошлин на китайские товары. Пекин призывает Вашингтон прекратить политизировать экономические, торговые и технологические вопросы, отменить тарифы на китайскую продукцию и снять незаконные односторонние санкции против китайских предприятий, которые могут привести к созданию *железного занавеса* между двумя странами. Целью торговых и технологических ограничений является сдерживание экономического развития Китая.

5. *The new **Iron Curtain** divides Russia from nations it historically subjugated.*

*With solid backing from the U.S., and with the Baltic-Nordic-Polish bloc also remaining steady, Ukraine may still emerge victorious, and the new **Iron Curtain** will drop firmly into place* [Hedlund 2024].

Страны Балтии и Польша намерены создать оборонительную линию вдоль границ с Россией и Беларусью для «сдерживания российской агрессии». Новый *железный занавес* опять опустится на континенте, отделяя Россию от государств, которые она исторически подчиняла. Такой *железный занавес* представляет физическое препятствие и предполагает также экономическую, дипломатическую, культурную изоляцию России.

6. *While we see Russia's shadow spreading across the world map, and the sanctions are having some effect, we have yet to witness the full descent of a new **Iron Curtain** – even though one might, in the end, serve a valuable purpose for the West* [Andrusiv 2024].

По мнению автора статьи, Европе необходима стратегия, которая приведёт к созданию нового *железного занавеса*. Холодная война как противостояние двух враждебных идеологических блоков не оставляла места для двусмысленности. Сегодня мир нуждается в такой же определённости, чтобы победить Россию. Новый *железный занавес* лишит доступа к технологиям, возможности зарабатывать и инвестировать в войну, чтобы ослабить экономический потенциал России.

7. *US ban on Chinese electric vehicles and related software from public roads is the “digital **iron curtain**” against Chinese technologies. If the US really wants to pick a fight against the EV cars, they will lose this fight* [Global Times 2024].

Запрет США на использование китайских электромобилей и связанного с ними программного обеспечения в США – это «*цифровой железный занавес*» против технологий Поднебесной. Соединённые Штаты стремятся создать препятствие для доступа китайских электромобилей на американский рынок.

8. *An **Iron Curtain** in the Sahel* [Robertson 2024].

После государственных переворотов в ряде стран Западной Африки Россия начала активно сотрудничать с новыми властями, инвестировать в инфраструктурные проекты. Запад обвиняет Россию в поддержке террористических режимов и в создании препятствий, *железного занавеса*, для присутствия США и Франции в регионе.

Таким образом, в современных СМИ актуализируются новые смыслы концепта IRON CURTAIN, возникают новые ассоциации в периферийном слое концепта, при этом сохраняется неизменным его ядерный слой. Трансформации в периферийном слое концепта включают появление новых причин и целей, видов ограничений, стран и регионов, в которых воздвигаются препятствия.

Литература

- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Песина С. А.* Ядро как базовый слой концепта // *Филологические науки*. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yadro-kak-bazovyy-sloy-kontsepta>
- Andrusiv Victor.* Time for a New Iron Curtain? Perhaps. URL: <https://cepa.org/article/time-for-a-new-iron-curtain-perhaps/> (дата обращения 01.10.23). October 28, 2024
- Christoffersen Skylar.* China and Russia: A New Cold War? URL: <https://hir.harvard.edu/chinas-aid-in-the-ukraine-war/>
- Global Times. US declares a ‘digital iron curtain’ to Chinese technologies by banning EVs and related software. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202409/1320336.shtml?id=11>
- Gura David.* An economic iron curtain is falling on Russia as companies like McDonald’s cut ties. URL: <https://www.npr.org/2022/03/12/1085967986/iron-curtain-russia-soviet-union-mcdonalds-ikea-pepsi>
- Hedlund Stefan.* Europe’s new Iron Curtain. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/new-iron-curtain/>
- Joshi Shashank.* The uncertain outlook for European security. URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead/2024/11/20/the-uncertain-outlook-for-european-security>
- Robertson Kyle.* An Iron Curtain in the Sahel. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/iron-curtain-sahel>
- Sheng Yang.* China-US relations at critical stage of preventing deterioration and promoting stability: Vice FM. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1313439.shtml>

T. P. Filichkina (*Orel, Russia*)
Academy of the Federal Guard Service
of the Russian Federation

ACTUALIZATION OF IRON CURTAIN CONCEPT IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE

The article considers the expansion of the notional component of the IRON CURTAIN concept in the English-language media discourse. At the level of synchronicity new meanings arise in the peripheral layer of the concept under the influence of extra-linguistic factors while the substantial features of the nuclear layer remain unchanged. The notional component of the concept undergoes changes while the evaluative and figurative aspects of the IRON CURTAIN concept preserve the associations and evaluations that originated at the diachronic level.

Key words: concept, media discourse, conceptual component, figurative component, evaluative component, nuclear layer, peripheral layer.

К. А. Финаев (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина
fin.k.a@yandex.ru*

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БЕНЕФАКТИВНОГО СОБЫТИЯ АНГЛИЙСКИМИ ГЛАГОЛАМИ

В статье рассматриваются способы репрезентации бенефактивного события в английском языке. Описан прототип бенефактивного события и установлены прототипическая и непрототипическая репрезентация. На материале художественной литературы и корпусов данных демонстрируется когнитивный динамизм в осмыслении и языковой репрезентации бенефактивных событий.

Ключевые слова: способ репрезентации, прототип, бенефактор, бенефициар, бенефактивное событие.

Антропоцентрический принцип познания и организации языка, согласно мнению Н. Н. Болдырева, «проявляется в использовании человеком различных форм и моделей осмысления окружающего мира и своей роли в нем, а также в его языковой репрезентации» [Болдырев 2018: 26–27]. С учетом принципа антропоцентризма интерес для данного исследования представляет изучение способов репрезентации бенефактивного события английскими глаголами.

Глагол, как утверждает Л. Теньер в своей вербоцентрической теории формирования синтаксических конструкций, выполняет ключевую роль в построении предложения [Теньер 1988: 656]. Именно глаголы своей семантикой проецируют участников бенефактивного события. В самых общих чертах коллектив исследователей во главе с М. Шибатани определяет бенефактивное событие с акцентом на бенефициаре как участнике, который получает преимущество, не являясь его обязательным участником [Shibatani и др. 2015]. Р. Джекендофф определил концептуальную структуру бенефактивного события, разграничив роли бенефактора и бенефициара следующим образом: [GO ([Y], FROM [X] [TO] [Z])]. При этом аргумент Y испытывает изменение владения; аргумент X намеренно и умышленно выступает в качестве инициатора этого действия (бенефактор); аргумент Z становится выгодо-получателем или конечной точкой (целью) перехода объекта в его владение (бенефициар) [Jackendoff 1990]. В промолении к языковой репрезентации бенефактивного события

Е. Зэнтнер и Е. Трауготт выделяют такие прототипические элементы этого события, как субъект (бенефактор), акциональный глагол, объект передачи, обязательный предлог FOR, направленный на объекта-получателя (бенефициар) [Zehentner, Traugott 2020]. В этой связи подчеркнем, что прототип – это «относительно абстрактное мысленное представление, которое объединяет ключевые атрибуты или функции, наилучшим образом представляющие экземпляры данной категории» [Rosch 1975; Taylor 1995]. С учетом данных положений рассмотрим прототипические и непрототипические способы репрезентации бенефактивного события английскими глаголами:

1 – прототипическая репрезентация

Meg baked a pie for the Hummels, knowing how much they appreciated her kindness (Louisa May Alcott's. Little Women).

Данный пример репрезентирует бенефактивное событие «создание продукта питания». Значимыми для наблюдателя являются все участники этого события, на что указывает их представленность в структуре предложения.

They gather donations for the local food bank (DeepSeek-V3. OpenAI, 2023. URL: <https://www.deepseek.com>).

Этот пример описывает бенефактивное событие «передача на безвозмездной основе», представленное как пожертвование материального объекта в пользу объекта-получателя. В примере присутствуют все прототипические компоненты – бенефактор (*they*), бенефициар (*food bank*), объект передачи (*donations*), а бенефактивный акт представлен акциональным глаголом *gather*.

Mum bought a new coat for me [www.oxfordlearnersdictionaries.com].

В контексте этого предложения реализуется событие «приобретение товара», в рамках которого бенефактор приобретает предмет одежды для бенефициара. Репрезентация события является прототипической, т. к. в структуре предложения представлены все облигаторные компоненты.

Lindo created a intricate quilt for her daughter, weaving stories of their family history into every stitch (Amy Tan. The Joy Luck Club).

В данном примере репрезентируется событие «создание предмета», в рамках которого бенефактор (*Lindo*) дарит предмет (*quilt*), который был создан субъектом для бенефициара (*daughter*).

Обратимся далее к рассмотрению непрототипического способа репрезентации бенефактивного события:

2 – непрототипическая репрезентация

She bought a gift for her coworker to improve her standing in the office (www.deepseek.com).

В этом случае в структуре предложения объективированы все компоненты бенефактивного события, однако в ситуативном контексте подчеркивается факт получения преимущества и для бенефактора (*to improve her standing in the office*), что дает основание говорить о совмещенной бенефактивности.

Совмещенная бенефактивность представлена и в следующем примере:

*They **organized** a fundraiser for the school, but mainly **to promote their business*** (DeepSeek-V3. OpenAI, 2023, [<https://www.deepseek.com>]).

В данном примере бенефактор является одновременно и бенефициаром, т.к. организованная им передача средств для школы направлена на продвижение собственного бизнеса.

Совмещенная бенефактивность часто сопровождается метонимическим переносом, что свидетельствует об усложнении структуры знания о бенефактивности:

*He **invested** his life savings **in his daughter's business*** (www.oxfordlearnersdictionaries.com/).

В данном случае бенефициар представлен метонимически на основе отношений «компания – собственник». Субъект вкладывает средства в бизнес, который принадлежит дочери, и таким образом не только поддерживает ее компанию, но и получает преимущество в виде потенциальных дивидендов от инвестирования (*to invest – to put money into a project, or to buy property, shares in a company, etc., hoping to make a profit or get an advantage* [www.dictionary.cambridge.org]).

*Bauer **gave back** a rook for a knight (28... Rd3) hoping that it would give him some counterplay* (www.app.ludwig.guru).

Метонимические отношения «игра – участники» проецируют бенефициара рассматриваемого события, в котором бенефактор-игрок отдает фигуру противнику. При этом бенефактор рассчитывает получить тактическое преимущество в результате данного хода, что указывает на совмещенную бенефактивность.

*He **left** a generous tip at the restaurant **to impress** his date* (www.deepseek.com).

В этом случае бенефициар осмысляется на основе метонимического переноса в виде отношений «место работы – работник». Выгодополучателем является работник обслуживания, получивший щедрые чаевые (*a generous tip*). Однако и бенефактор получает преимущества, на что указывает ситуативный контекст (*to impress his date*).

*She **donated** old clothes to charity **to free up space** in her closet* (DeepSeek-V3. OpenAI, 2023. URL: <https://www.deepseek.com>).

Данный пример также репрезентирует совмещенную бенефактивность, осложненную метонимическим переносом в виде отношений «деятельность –

цель», на что указывает семантика существительного *charity* (an organization for helping people in need [www.oxfordlearnersdictionaries.com]). Характерно, что благотворитель помогает нуждающимся, передавая собственные вещи на благотворительность, но одновременно он ставит цель освободить место хранения для себя. Тем самым он получает выгоду от таких действий.

Выделенные способы репрезентации благотворительного события свидетельствуют о когнитивном динамизме в области осмысления данного типа событий (о когнитивном динамизме см.: [Фурс 2021]).

Таким образом, прототипическая репрезентация благотворительного события реализуется в ситуации, когда в структуре предложения представлены все обязательные компоненты – благотворитель, бенефициар, акциональный глагол с предлогом FOR и объект передачи. Создание предмета, приобретение товара, передача на безвозмездной основе, создание продукта – примеры благотворительных событий, репрезентируемых прототипически. Непрототипический способ репрезентации характерен для осмысления совмещенной благотворительности и тех случаев, когда совмещенная благотворительность осложняется активизацией метонимического переноса. При этом в структуре предложения может отсутствовать обязательный компонент FOR, а благотворитель одновременно является и бенефициаром.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. № 32. 2018. С. 26–35.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
- Фурс Л. А.* Когниция и когнитивный динамизм // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 3. С. 52–58.
- Jackendoff R.* Semantic Structures. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Rosch E.* Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. 1975. Vol. 104. № 3. P. 192–233.
- Shibatani M., Artawa K., Ghanggo Ate Y.* Benefactive Constructions in Western Austronesian: Grammaticalization of Give // Paper presented at NINJAL International Symposium, Tokyo, Japan, 3–5 July 2015. URL: https://www.academia.edu/13620552/Shibatani_M_Artawa_I_K_and_Ghanggo_Ate_Y_2015_Benefactive_constructions_in_Western_Austronesian_Grammaticalization_of_Give_Paper_presented_at_NINJAL_International_Symposium_Tokyo_Japan_on_3_5_July_2015
- Taylor J. R.* Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1995.
- Zehentner E., Traugott E.* Constructional Networks and the Development of Benefactive Ditransitives in English // Constructional Approaches to Language. 2020. Vol. 27. DOI: 10.1075/cal.27.05zeh.

K. A. Finaev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

METHODS OF BENEFACTIVE EVENT REPRESENTATION IN ENGLISH

The article discusses ways to represent a beneficial event in English. The prototype of the beneficial event is described and the prototypical and non-prototypical representations are established. Cognitive dynamism in understanding and linguistic representation of beneficial events is demonstrated on the basis of fiction and data corpora.

Key words: method of representation, prototype, benefactor, beneficiary, a beneficial event.

Е. А. Финаева (Тамбов, Россия)
*Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
liza.finaeva@yandex.ru*

СПОСОБЫ ВТОРИЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассмотрены способы вторичной интерпретации воспитательной деятельности в английском языке. Отмечается, что к способам вторичной интерпретации относятся концептуальная метафора, метонимия, метафтонимия и сравнение. Проанализированы примеры, иллюстрирующие способы вторичной интерпретации воспитательной деятельности с учетом ее объективных характеристик.

Ключевые слова: воспитательная деятельность, концепт, способы вторичной интерпретации, концептуальная метафора, метафтонимия, сравнение, метонимия, оценка.

Человек выполняет активную роль в процессе познания мира. Основываясь на языковых процессах и проявляя способность по-разному воспринимать мир и объекты, человек способен формировать различные языковые значения и смыслы, выбирая при этом многогранные языковые формы. Все это свидетельствует о значимом влиянии языковых значений и категорий на процессы концептуализации и категоризации. Кроме того,

язык выступает в качестве значимого фактора познания и интерпретации, позволяя реализовать познавательные интенции человека [Болдырев 2018: 252].

Е. С. Кубрякова определяет интерпретацию как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий» [Кубрякова 1996: 31].

Как отмечает Н. Н. Болдырев, наличие различных концептов и языковых значений, передающих наше знание о мире во всем его многообразии, является свидетельством в пользу интерпретирующего характера репрезентации мира [Болдырев 2018: 252]. Коллективные знания о мире, категориях объектов и событий являются объектом вторичной интерпретации. В качестве результата вторичной интерпретации выступают новые знания. Они включают в себя знания оценочного характера, непосредственно связанные со способами вторичной категоризации и концептуализации. Отмечается, что вторичная интерпретация в основном является индивидуальной. Она представляет собой интерпретацию коллективных знаний через призму восприятия концептуальной системы конкретного человека [Болдырев 2018: 259–260].

В. Н. Телия указывает на значимость оценочной модальности, определяя ее как «связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией» [Телия 1986: 22].

Особую роль в оценке играют способы вторичной интерпретации воспитательной деятельности, которые включают в себя концептуальную метонимию, метафору, метафтонимию и концептуальное сравнение.

Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают важную роль метафоричности концептуальной системы человека. Метафоры служат не как простые средства выразительности языка, но отражают концептуальную систему человека и его восприятие мира [Лакофф, Джонсон 2004: 25].

С учетом этих знаний представляется возможным рассмотреть способы вторичной интерпретации в области воспитательной деятельности в английском языке.

Далее рассмотрим конкретные примеры, где были выявлены способы вторичной интерпретации воспитательной деятельности с учетом ее объективных характеристик, полученных в результате концептуально-дефиниционного анализа.

*Education is essential for **planting the roots of success** in one's life* (www.phrasedictionary.org).

Здесь представлена такая характеристика, как образование, полученное посредством привития навыков и профессиональных умений. Знание

о растениях, приносящих плоды, проецируется на сферу воспитательной деятельности. С применением метафорического моделирования конструируется идея о том, что люди, вследствие получения хорошего образования, достигают успеха.

Рассмотрим аналогичный пример с применением метафорического моделирования.

*Parenthood is **like planting a seed** and watching it blossom into the unique individuals your children become* (www.phrasedictionary.org).

В приведенном примере высвечивается взаимодействие воспитателя и объекта воспитания, приводящее к успеху. С применением концептуального сравнения формируется знание по аналогии с тем, как из семечка вырастает цветущее дерево, так и объект воспитания вбирает в себя все необходимые знания, полученные в процессе воспитания, становясь успешной личностью.

*After hours of non-stop studying, Mary **ran out of steam** and decided to take a break* (www.phrasedictionary.org).

Метафора в приведенном примере построена на установлении аналогии между истощением двигателя, работающем на пару, и потерей мотивации в образовательном процессе у объекта воспитания. В контексте подчеркивается намерение объекта воспитания продолжить обучение, что в дальнейшем может повлиять на результативность.

*Through education, individuals **can cross the bridge** to a world of endless possibilities and enlightenment* (www.phrasedictionary.org).

Метафорическая модель построена на основе характеристик артефакта, которые переносятся на знание, получаемое объектом воспитания. Таким образом, создается образность с переносом свойств моста переводить и пересекать некое пространство и открывать дорогу к месту назначения, на сферу образования, получаемого объектом воспитания.

*Approaching homework step by step makes it feel **like a piece of cake** – small victories lead to big accomplishments* (www.phrasedictionary.org).

В представленном случае фокус внимания наблюдателя направлен на способ образования. Интерпретируется такая характеристика, как «образование посредством привития навыков и профессиональных умений». Сформированность навыка выполнять домашнее задание шаг за шагом является важным в процессе образования и приводит к успешному результату, упрощая процесс, делая его легким.

*“If you are a parent, **open doors** to unknown directions to the child so he can explore. Don’t make him afraid of the unknown, give him support* (www.therandomvibez.com).

В этом случае, посредством переноса свойств артефакта на объект воспитания, репрезентируется положительная оценка деятельности воспитателя. Метафтонимические отношения реализуются за счет метонимического переноса «человек – артефакт», а также метафорического переноса «знание – дверь в новый мир». В этом случае посредством метафтонимии представляется рекомендация для успешного осуществления воспитательной деятельности.

*Children are like sponges, absorbing everything around them. It is our responsibility to provide them with a **nurturing** and **positive** environment* (www.therandomvibez.com).

В приведенном примере оценивается объект воспитания. Сравнение «артефакт-человек» способствует конструированию выводного знания о том, как свойство губки впитывать переносится на способность объекта воспитания получать и обрабатывать информацию, а также должное обращение родителей с детьми может привести к положительному результату.

*In preparation for the exam, she **burned the midnight oil**, poring over her textbooks until the wee hours of the morning* (www.phrasedictionary.org).

Деятельность воспитанника получает здесь положительную оценку. Образный характер оценки создается за счет указания на упорство и трудоспособность объекта воспитания, по аналогии с тем, как раньше использовали масляную лампу, чтобы учиться ночами, так и сейчас объект воспитания учится ночью, чтобы успешно сдать экзамен. Отмечается результативность деятельности воспитанника.

Таким образом, в процессе формирования вторичной интерпретации воспитательной деятельности в английском языке были выявлены такие способы, как концептуальная метафора, метонимия, метафтонимия и сравнение. Формируется частная оценка различных аспектов воспитательной деятельности.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Е. А. Финаева (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

METHODS OF SECONDARY INTERPRETATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY IN ENGLISH

The article discusses the ways of secondary interpretation of educational activities in English. It is noted that the methods of secondary interpretation include conceptual metaphor, metonymy, metaphthonymy and comparison. The examples illustrating the ways of secondary interpretation of educational activity taking into account its objective characteristics are analyzed.

Key words: educational activity, concept, methods of secondary interpretation, conceptual metaphor, metaphthonymy, comparison, metonymy, evaluation.

З. Е. Фомина (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
Sinaida.Fomina@outlook.com

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА IDEEN/ИДЕИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДТА

Концепт ИДЕИ, рассматриваемый с позиции фреймового подхода, отражает уникальную систему организации знаний и индивидуально-личностного опыта Гумбольдта и категоризируется в его языковом сознании как многомерная ментальная субстанция, эксплицируемая преимущественно 10 фреймовыми структурами антропологического, философского и прагматического типов с разветвленной сетью слотов.

Ключевые слова: концепция, Гумбольдт, идеи, фреймовый подход, слоты, концептуализация.

Современная когнитивная наука развивается в парадигме междисциплинарных, в т. ч. трансдисциплинарных связей, что позволяет изучать такие сложнейшие ментальные феномены, как *язык, разум, сознание, рассудок, мозг* и др. в аспекте многих наук. Так, в рамках конвергентного подхода проводятся исследования Т. В. Черниговской, рассматривающей язык как «*интерфейс между мозгом, сознанием и миром*» [Черниговская 2017], В. К. Анохина, который ввел понятие *когнитом* для обозначения совокупности познавательных возможностей мозга [Анохин 2021], и др. В контексте актуальных междисциплинарных когнитивных исследований большой интерес представ-

ляют работы Н. Н. Болдырева, В. З. Демьянкова, Л. В. Бабиной, Л. А. Фурс и мн. др. В перспективе развития современной когнитивной лингвистики несомненную значимость имеют философские воззрения В. фон Гумбольдта на природу языка, мышления, разума, сознания, духа, человека, души, природы, вселенной и др. [Фомина 2020: 1]. Многие из этих концептов в аспекте их осмысления Гумбольдтом еще не стали предметом специальных исследований. **Цель** статьи – изучение сущностной природы концепта ИДЕИ, описание его фреймовой структуры, слотов и их составляющих с позиции отражения личностного опыта познания идей Гумбольдтом. **Материалом** для изучения послужили **малоизвестные** философские рефлексии Гумбольдта в его переписке с Й. В. фон Гёте, Фр. Шиллером, А. Шлегелем, Ф. Боппом, Ш. Диде и мн. др. В работе использованы: концептуальный анализ, **метод** когнитивного анализа, метод классификации и др.; применен **фреймовый подход** Ч. Филмора, предполагающий понимание фрейма как системной структуры знаний об общечеловеческом и индивидуальном опыте человека.

Гумбольдт рассматривает концепт ИДЕИ в онтологическом тождестве с такими ментальными сущностями, как «мысль», «мышление», «сознание», «дух» «рассудок», «знание» и анализирует его с **разных когнитивных оснований**, лежащих в основе формирования архитектоники искомого конструкта. Разделяя мнение Н. Н. Болдырева о том, что «фреймы представляют собой структуры, созданные человеком с помощью или на основе языка, а не отраженные в языке, и выступающие как частные системы категоризации» [Болдырев 2016: 15], мы пришли к выводу о том, что концепт ИДЕИ категоризируется в языковом сознании Гумбольдта посредством 10 типов фреймовых моделей, отражающих его феноменологию и онтогенез: 1) экзистенциальный; 2) эсхатологический/танатологический 3) теологический (синергия идей с Божьим промыслом); 4) диалектический; 5) темпоральный; 6) онтологический; 7) гносеологический; 8) аксиологический; 9) сенсуалистический; 10) эпистемологический и др. В корпусе названных типов фреймовых моделей выделяются, в свою очередь, 3 типа базовых фреймовых макромоделей: **антропологический** (I); **философский** (II) и **прагматический** (III), на примере которых будет продемонстрировано формирование концепта ИДЕИ в языковом сознании Гумбольдта как гносеологической структуры субъективного опыта.

Одной из основополагающих составляющих когнитивной структуры концепта ИДЕИ является **фреймовая модель антропологического типа (I)**, конституируемая следующими доминантными слотами: «идеи и личность», «идеи и ментальный габитус человека», «идеи как индикаторы чувств», «идеи как энергетическая субстанция», «идеи и экзистенция»

vs *«идеи и иной мир»* и др. Слот *«идеи и личность»* (1) эксплицирует актуальную для современных когнитивных исследований мысль Гумбольдта о том, что *идеи*, свойственные *одному* человеку, *не понятны другому человеку*, «причем не потому, что они «слишком высокие», «слишком запутанные» или «слишком витиеватые», а потому, что они неразрывно связаны с *другим человеком*», с другой картиной мира [Humboldt an Ch. Diede: 1825]. По убеждению ученого, его мысли, идеи, ощущения образуют *КРУГ*, содержание его жизни, то, чем он живет, чем наслаждается, и являются *частью его личности* («слишком мои») [там же]. Постулат Гумбольдта о неразрывности *идей и личности* инкорпорирован в содержательный субстрат слота *«идеи как ментальный габитус человека»* (2). В слоте *«идеи как индикаторы чувств»* (3) отражены признаки идей как аксиологических детерминант психоэмоциональной сферы человека: *идеи*, по Гумбольдту, – *это основа счастливой жизни*: «...своим безмятежным и счастливым существованием я обязан, если даже и не только им одним (идеям), то в значительной степени, *именно идеям*» [Humboldt an Ch. Diede: 1825]. Для немецкого мыслителя *«Идеи – это энергетическая субстанция»* (слот 4), источник энергии для интеллектуальных творений: «Мои идеи, воплощенные в книгах, созерцаниях, опыте, которые *питают их*, занимают меня полностью» [там же]. Ученый фокусирует внимание на одной из важнейших проблем когнитивистики сегодняшнего дня, в частности, на философско-эсхатологической проблеме: *что произойдет с мыслями, идеями человека после его смерти, после его ухода в мир иной?* Воззрения Гумбольдта на эту проблему репрезентирует слот *«Идеи и экзистенция/бытие» vs «идеи и инобытие»* (4/5), структурируемый несколькими знаковыми концептуальными признаками. Так, ученый подчёркивает *энigmatический* аспект идей: *«судьба идей после смерти человека – это тайна»*, так как «никто не может отодвинуть завесу, которую Божий промысл, несомненно, с глубокой мудростью распростер над «иным миром» [Humboldt an Ch. Diede: 1825]. Гумбольдт выделяет также *агностический* характер идей: по мысли философа, незнание человеком того, что произойдет с ним после смерти, *с его идеями*, является *благом, утешением* для него, потому что «оно (неведение) уравнивает состояние человека и нацеливает его на жизнь» [там же]. Ученый отмечает, что бог, заботясь о людях, «окутал будущее состояние людей *непроницаемой завесой*» [Humboldt an Ch. Diede: 1829]. (Это суждение ученого концептуально созвучно с понятием *«покрывало Исида»*, олицетворяющей природу всего универсума, на храме которой, по Плутарху, в городе Саис, написано: *«Я, Исида, есть все, что было, что есть и что будет; ни один смертный*

никогда не откроет мою завесу»). Гумбольдт обращается к осмыслению *экзистенциальной* природы идей и так же, как и его жизнелюбивый друг Гёте с его тезисом *«memento vivere»* («Помни о жизни!»), подчеркивает: *«живое, включая мысли, идеи человека, должно принадлежать жизни и быть направлено на нее»* [Humboldt an Ch. Diede: 1829]. Гумбольдта занимает один из важнейших вопросов современной когнитивной науки: *«Откуда приходит мысль?»* (Черниговская 2021). Подчеркивая метафизический характер идей, немецкий мыслитель считает, что «первоисточником идей является *другой мир*» [Humboldt an Ch. Diede: 1829].

Фреймовая модель философского типа концепта ИДЕИ отражает релевантность законов философии и природы для его познания и содержит 4 базовых слота: *«идеи и диалектика»*, *«идеи и время»*, *«гносеология идей»*, *«эпистемология идей»*. Идеи трактуются как *диалектическая сущность* (1), которой свойственен *общий закон развития*. Когнитивную основу слота *«идеи и время»* образуют признаки, коррелирующие с феноменом *«вечность»*. Гумбольдт убежден в *вечности/бесконечности* существования идей: *«Мне всегда казалось невозможным, чтобы то, что когда-то думало и чувствовало во мне, могло когда-либо перестать мыслить и чувствовать»* [Humboldt an Ch. Diede: 1823]. По Гумбольдту, «человек, покидая земной мир, оставляет всё, что не принадлежит его душе, но душе человека, которая вечна, *«принадлежат только ИДЕИ и это также является их истинной отличительной чертой»* [Humboldt an Ch. Diede: 1833]. Подчёркивая *вечность идей* и человеческой жизни, ученый обращается к архетипическому образу *«окукливающейся гусеницы»* из философской концепции непрерывности бытия «бабочка → гусеница → бабочка» и постулирует: «миллионы поколений, подобно окукливающейся гусенице, одно за другим завершают этапы своего земного существования»; *«всё живое должно пройти только этот великий круговой путь от смерти к новой жизни»* [Humboldt an K. Wolzogen: 1829]. Идеи рассматриваются Гумбольдтом как *объект познания* (слот *«гносеология идей»*). *Эпистемологический* аспект идей структурируется триадой концептуальных признаков: 1) *внутренняя жизнь идей* – источник идеальных образов; 2) внутреннее созерцание/«внутренние глаза» есть способ познания идей»; 3) *одиночество* – богатейший когнитивный ресурс для идей: «Когда человек возвращается в действительное одиночество, вокруг него появляется множество образов, в том числе ментальных образов людей, возникших на основе их реальных внешних очертаний» [Humboldt an Ch. Diede: 1822].

Психологический, функциональный и другие аспекты идей репрезентирует **фреймовая модель прагматического типа (III)**, структурируемая

следующими слотами: «психология идей», «прагматика идей», «свобода идей и польза идей» и др. Концептуальные признаки ментального конструкта «Идеи» репрезентируют способность идей элиминировать **негативные эмоции**, а также, благодаря **волевой концентрации на духе**, индуцировать **их позитивное переосмысление**. Гумбольдт пишет: «Если попытаться сконцентрировать свое внимание только на *внутреннем настроении, изменениях духа и души*, то можно добиться того, что реалии действительности уже можно будет *воспринимать не как чересчур важные, уже можно будет [...] и не слишком сосредотачиваться на лишениях и боли*» [Humboldt an Ch. Diede: 1823]. Акцент Гумбольдта на *способностях* человека к *трансцендентности* как выходу из негативного состояния человека тождественен известному постулату И. Канта о том, что «*внутреннее есть внешнее, а внешнее есть внутреннее*». **Волюнтаристивный** аспект идей составляет когнитивную основу слота «**Идеи и воля/свобода**». Первостепенной предпосылкой для возникновения идей выступает «СВОБОДА»: «идеи рождаются, когда живёшь в неограниченной свободе духа». Согласно мыслителю, идеи представляют ценность с точки зрения их *полезности для трех категорий людей*: 1) для общества – «для более широкого круга деятельных людей»; 2) только для самого себя; 3) для людей, которых ты любишь [Humboldt an Karoline: 1790].

Таким образом, концепт ИДЕИ в понимании Гумбольдта представляет собой сложную ментальную эпистемологическую структуру, которая в синергетической совокупности ее когнитивных элементов выступает как “*alter ego*” самого познающего субъекта, как сущность, детерминирующая *sui generis* внутренний и внешний мир человека и находящаяся в неразрывной и многообразной диалектической взаимосвязи с миром природы, вселенной и творцом.

Литература

Анохин К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.

Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.

Фомина З. Е. Рефлексии Гумбольдта о человеке, природе, космосе и боге // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. М: МГИМО(У), 2021. С.10–59.

Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2017.

Humboldt Wilhelm von: Briefe an eine Freundin. Hrsg. von Dr. Huhnhauser. Berlin, 1921. S. 511. URL: <https://www.gutenberg.org/files/21801/21801-h/21801-h.htm>

Z. E. Fomina (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

**THE FRAME-BASED STRUCTURE
OF THE CONCEPT *IDEEN* (*IDEA*)
IN WILHELM VON HUMBOLDT'S LINGUISTIC
CONSCIOUSNESS**

The concept of *IDEA* viewed from the perspective of a frame approach reflects Humboldt's unique system of organizing knowledge and individual-personal experience and is categorized in his linguistic consciousness as a multidimensional mental substance, explicated mainly by 10 frame structures of anthropological, philosophical and pragmatic types with an extensive network of slots.

Key words: concept, von Humboldt, ideas, frame-based approach, slots, conceptualization.

С. Е. Хорохорина (Калининград, Россия)
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
sofiakhorokhorina@gmail.com

**ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ КАК СРЕДСТВО
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ
В ПОЭЗИИ Э. ДИКИНСОН**

На примере стихотворения Э. Дикинсон "Fairer through Fading – as the Day" (1864) исследуется выразительный потенциал персонифицирующих метафор как средства экспликации индивидуально-авторского восприятия времени. Демонстрируется, что развернутая метафора-олицетворение, высвечивающая сходства внешне несопоставимых явлений, отражает глубоко личный, эмоционально насыщенный темпоральный опыт.

Ключевые слова: время, поэтический дискурс, метафора, олицетворение, Э. Дикинсон.

Время – пространство существования и ткань бытия – представляет собой одну из наиболее сложных для понимания экзистенциальных категорий. Недоступное для непосредственной фиксации органами чувств, время воспринимается не напрямую, а сквозь призму аналогии или ассоциации, в процессе наблюдения за изменениями в окружающем мире и динамикой

сменяющих друг друга событий. Не обладая, с исторической точки зрения, собственной таксономической системой, время «заимствует» маркирующие её единицы из других семантических областей, задействуя механизмы метафорического и метонимического проецирования.

Векторы метонимического переноса, отражающие смежность явлений бытия, ограничены реальными условиями человеческого существования. Метафора, будучи проявлением творческого мышления и связанная с действием воображения, предоставляет субъекту когнитивной деятельности значительную свободу в интерпретации мира. Основанная на способности человека сравнивать несопоставимое и улавливать сходства противоположных объектов, метафора играет ключевую роль в осмыслении абстрактной категории времени, позволяя структурировать сложный темпоральный опыт посредством аналогий из конкретных сфер опыта, выступающих в процессе метафорического проецирования областями источника [Коннова 2022: 147–150].

Концептуальные метафоры времени находят свою реализацию на различных уровнях языковой системы. Естественный язык изобилует темпоральными единицами, возникновение которых обусловлено действием метафорического переноса – от полностью утративших свою образность темпоральных предлогов, внутренняя форма которых восстановима лишь в рамках этимологии, до неповторимых авторских окказионализмов [Коннова 2018: 74]. В поэзии, где язык становится пространством для художественного постижения реальности, время обретает новые формы и смыслы, раскрываясь в индивидуально-авторских метафорах. Эти образы не только отражают опыт автора, но и позволяют проследить, как абстрактная категория времени трансформируется в конкретные, эмоционально насыщенные представления.

Цель настоящей статьи – анализ персонифицирующих метафор как средства выражения индивидуально-авторского восприятия времени Эмили Дикинсон (1830–1886) – крупнейшей американской поэтессой XIX в. В качестве материала для анализа привлекается созданное в 1864 г. стихотворение “Fairer through Fading – as the Day” (букв. «[Становиться] прекраснее, увядая – как день»).

Исследователи отмечают, что Э. Дикинсон отличало глубоко субъективное, своеобразное отношение ко времени, нашедшее свое отражение, в частности, в создаваемых ею метафорических образах [Freeman 1995; O'Donoghue 2021]. Темпоральный опыт поэтессы, вербализируемый в словесном творчестве, отчасти обусловлен образом её жизни: тридцатилетнее добровольное уединение позволило Э. Дикинсон сосредоточиться на своём

внутреннем мире и поиске новых форм восприятия действительности. Как отмечает Э. Миллер Будик, «остановив часы привычной жизни, она попыталась постичь смысл времени и вневременности» [Budick 1985: xi]. Этому способствовала сама форма лирического стихотворения, снимавшая ограничения, накладываемые на человеческое сознание темпоральностью [Cameron 1979: 195–196].

Используя в своих произведениях метафоры, основанные на аналогиях из разных областей опыта (пространства, движения, из предметной сферы), Э. Дикинсон особенно часто прибегает к олицетворениям, наделяя время свойствами живого существа, способного действовать и влиять на окружающий мир. Традиционно, в персонифицирующих метафорах время осмысливается как причина изменений, происходящих по мере его течения, как источник тех процессов, которые воздействуют на предметы в мире как бы сами собой, не будучи каузированы человеком [Падучева 1999: 773]. В произведениях Э. Дикинсон сфера функционирования персонифицирующих метафор значительно шире. Благодаря действию механизма «профилирования» в ходе метафорической проекции высвечиваются самые неожиданные сходства между временем и живыми существами, прежде всего, человеком. Метафоры-олицетворения, обусловленные эмпирическим опытом, сосредоточены не на внешней, физической структуре человеческой онтологии, а на ее психическом и сущностном аспектах [Araújo Sampaio et al. 2020: 186].

Концептуальные персонифицирующие метафоры имеют номинальную форму выражения, в которой качества человека, переносимые на неживой объект, конкретизируются (напр., ВРЕМЯ – ЭТО РАЗРУШИТЕЛЬ). Лингвистическая реализация метафорических моделей характеризуется широким использованием глаголов, обозначающих действия, исполняемые одушевленными субъектами (напр., «Время *разрушает*») [Dorst 2011: 117]. В поэтических текстах, где метафора отличается разнообразием дискурсивных проявлений, возможны ситуации, в которых автор в равной степени задействует все эти элементы для раскрытия художественного замысла. Примером такого текста является стихотворение Э. Дикинсон “Fairer through Fading – as the Day”.

Произведение насыщено яркими олицетворениями:

Fairer through Fading – as the Day
Into the Darkness dips away –
Half Her Complexion of the Sun-
Hindering – Haunting – Perishing –

Rallies Her Glow, like a dying Friend –
Teasing with glittering Amend –
Only to aggravate the Dark
Through an expiring – perfect – look –
[Dickinson 1967: 440].

Сравнительный оборот *like a dying Friend* (рус. «словно умирающая подруга») во втором стихе эксплицитно указывает на то, что в данном поэтическом тексте повествуется об окончании дня, метафорически перенесенного на окончание человеческой жизни. Сравнительное прилагательное *fairer* (рус. «прекраснее») в начальной строке стихотворения отсылает к былой красоте освещенного солнцем дня, которую говорящий способен оценить только «по [его] увядании» (англ. “through Fading”). Фразовый глагол *dip away*, обозначающий погружение, в данном случае в темноту (англ. “into the Darkness”), с последующим исчезновением в ней, вызывает ассоциации с ритуалом погребения.

В третьем стихе наблюдается характерное для поэзии Э. Дикинсон наделение темпоральных явлений родовой принадлежностью. Это выражается через использование по отношению к ним не личного местоимения среднего рода *it*, которое обычно применяется для обозначения неодушевленных предметов, явлений, сущностей, а также животных в английском языке, а личных местоимений *he/she*. С помощью такого приема поэтесса способна не только вводить в повествование само олицетворение, но привязывать к ним ассоциативные гендерные характеристики. В творчестве Э. Дикинсон хронема *day* чаще всего сопровождается местоимениями женского рода *she/her/hers*, что прослеживается и в третьей строке данного стихотворения: *Her Complexion* (рус. «цвет ее лица»). В контексте произведения использование местоимения *her* может быть также мотивировано намерением поэтессы подчеркнуть трагичность описываемой ею картины, противопоставляя женскую красоту холодным объятиям смерти. Краски на лице красавицы-дня, имеющего «цвет солнца» (англ. “Complexion of the Sun”), постепенно тускнеют – образ, вызванный и усиленный аллитерированным перечислением однородных деепричастий *Hindering – Haunting – Perishing* (рус. «замедляя, преследуя, погибая»).

Прежде чем окончательно исчезнуть, день вновь ярко вспыхивает – *rallies her glow* – выражение, где существительное *glow* (рус. «сияние», «свечение») указывает на румянец на щеках больного и на метеорологическое явление послесвечения – широкую арку солнечного света в сумеречном небе, состоящую из яркого сегмента и фиолетового света. Такое

внезапное улучшение состояния умирающего дня, это последнее мгновение красоты противопоставляется ночной тьме, которая всегда будет лишена этой прелести – идея, которая передается благодаря глаголам *tease* («дразнить») и *aggravate* («усугубить»), прямым дополнением которых выступает слово *dark*.

Проведенный анализ свидетельствует о глубоком своеобразии авторского восприятия времени Э. Дикинсон. Развернутая метафора-олицетворение в стихотворении “Fairer through Fading – as the Day” отличается осязаемой конкретностью и подчеркнутой телесностью. Наделяя день определенной родовой принадлежностью, почти с медицинской точностью прорисовывая изменения в его внешних антропоморфных чертах, Э. Дикинсон сравнивает завершение дня с физическим завершением человеческой жизни. Персонификация служит действенным средством художественного выражения субъективного переживания времени как ключевого измерения бытия, раскрывая глубину и интенсивность темпорального опыта.

Литература

Коннова М. Н. Когнитивная лингвистика. Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2022.

Коннова М. Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2018.

Падучева Е. В. К семантике слова *время*: метафора, метонимия, метафизика // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ, 1999. С. 761–776.

Araujo Sampaio W. B., Silva Sinha V., Sinha C. Embodiment, personification, identity: Metaphor and world view in a Brazilian Tupian culture and language // Language, culture, and identity: Signs of life. Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 181–202.

Budick E. M. Emily Dickinson and the Life of Language: A Study in Symbolic Poetics. Louisiana State Univ Pr, 1985.

Cameron S. Lyric Time: Dickinson and the Limits of Genre. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.

Dickinson E. The Complete Poems of Emily Dickinson. Toronto: Little, Brown and Co., 1967.

Dorst A. G. Personification in discourse: Linguistic forms, conceptual structures and communicative functions // Language and literature. 2011. V. 20. № 2. P. 113–135.

Freeman M. Metaphor making meaning: Dickinson’s conceptual universe // Journal of Pragmatics. 1995. V. 24, № 6. P. 643–666.

O’Donoghue J. The Relevance of Metaphor: Emily Dickinson, Elizabeth Bishop and Seamus Heaney. London: Palgrave Macmillan Cham, 2021.

S. Ye. Khorokhorina (Kaliningrad, Russia)
Immanuel Kant Baltic Federal University

**PERSONIFICATION
AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING TIME
IN EMILY DICKINSON'S POETRY**

Drawing on the example of Emily Dickinson's poem "Fairer through Fading – as the Day" (1864), the article explores the potential of personifying metaphors as a means of expressing the author's subjective perception of time. The article demonstrates that the extended personifying metaphor, highlighting the similarities of seemingly incomparable phenomena reflects a deeply personal, emotionally intense temporal experience.

Key words: time, poetic discourse, metaphor, personification, Emily Dickinson.

Хуан Циньянь (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
1090421106@qq.com

**СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
КАТЕГОРИИ 家 (СЕМЬЯ) В КИТАЙСКОМ ЖЕСТОВОМ
И ИЕРОГЛИФИЧЕСКОМ ЯЗЫКАХ
КАК СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ
С ИКОНИЧЕСКОЙ ОСНОВОЙ**

В статье на примере категории 家 «семья» рассмотрен концептуализирующий потенциал китайского жестового и иероглифического языков, проявляющийся в способах и принципах их создания. Доказывается, что универсальность моделей словообразования обеих семиотических систем не обуславливает универсальность моделей концептуализации. Как следствие, репрезентация концептов, формирующих категорию 家 (семья) в китайском жестовом и иероглифическом языках, имеет различную концептуальную основу.

Ключевые слова: китайский жестовый язык, китайский иероглифический язык, жестовая репрезентация концепта, концептуализация, принципы образования языковых знаков.

Китайский жестовый язык представляет собой сложную семиотическую систему концептуализации, обладающую собственной лексикой и грамматикой, которые, в свою очередь, являются визуально емкими и потому наиболее удобными для общения глухих и слабослышащих.

Если во многих лингвокультурных общностях жестовый и звучащий / письменный языки характеризуются совершенно разными по своей сущности системами кодирования (например, иконичный жестовый язык и звучащий / письменный язык с немотивированной семантикой знака), то для китайской лингвокультурной общности обе системы кодирования имеют единый принцип словообразования.

Китайские иероглифы представляют собой единство формы, звучания и значения. Соответственно, именно взаимосвязь между графической формой, семантикой и фонетикой определяет основные принципы образования данных языковых знаков китайской письменности как иероглифической (семантической) системы, значение в которой отражается напрямую через графику [Ма Синьцзюнь 2006]. Жестовые языки также имеют структурно-содержательные элементы. Каждый жест характеризуется параметрами формы рук, локализации, движения, направления и выразительных изменений тела [Зайцева 2000], и именно сочетание этих компонентов друг с другом фиксирует необходимое значение и тем самым формирует словарный запас жестового языка.

Любой язык обладает богатым лексическим составом, и жестовый язык не является исключением. Анализ лексики китайского жестового языка относительно типов создания жестовых слов и их концептуального содержания указывает на наличие как сходств, так и отличий.

Сущность и концептуализирующий потенциал жестов и иероглифов в китаеязычном пространстве проявляется в способах и принципах их создания.

Основные способы образования иероглифов описаны в эпоху Восточная Хань ученым Сюй Шэнем. Опираясь на опыт предшественников, исследователь сформулировал учение о шести категориях иероглифов [Сюй Шэнь, Тан Кэцзин 1997]. Выявленная система категорий иероглифов указывает на шесть типов создания и использования знаков. Данными категориями выступают пиктограммы, указательные знаки, идеографические составные знаки, фонетико-семантические знаки, видоизмененные знаки и заимствованные знаки. Идентичная система концептуализации характерна для образования лексических единиц китайского жестового языка, которая также включает шесть основных типов словообразования: пиктографический, указательный, идеографический, фонетический, имитирующий, комбинированный.

Специфика пиктографической жестовой концептуализации заключается в формировании жеста путём имитации формы, динамики и признаков предмета. Например, жест, который предполагает раскрытие пальцев обеих

рук и соединение кончиков пальцев так, чтобы образовалась форма « $\wedge$ », ассоциативно отсылает к такой части дома, как его крыша. В результате данный жест имеет потенциал обозначения таких концептов, как 房子 (дом), 屋子 (хижина), 家 (семья).

Концептуализация по вектору указательности заключается в непосредственном указании на человека или предмет, о котором идёт речь. Например, местоименные жесты 我 (я) и 你 (ты) представляют собой указание на себя или на собеседника соответственно; жесты пространственной семантики 前 (перед) и 后 (назад) исполняются посредством указания рукой в нужном направлении; жесты 鼻子 (нос), 耳朵 (ухо), 嘴 (рот) – посредством прямого указания на соответствующую часть тела.

Идеографический способ жестовой концептуализации представляет собой более сложный способ образования жестов, т.к. для фиксации номинативной единицы задействует движения рук и других частей тела, а также мимику. Данный способ концептуализации активируется для осмысления и конфигурации знаний о состояниях, процессах или динамичных действиях. Например, жест 冷 (холодно) исполняется путём сжатия обеих рук в кулаки и нескольких встряхиваний предплечьями, как это обычно делает дрожащий человек, который испытывает холод.

Фонетический способ концептуализации лежит в основе жестовой передачи звука (или слога), похожего на звук другого иероглифа. Например, жест 义 (довод) в слове 共产主义 (коммунизм) или жест 意 (смысл) в слове 满意 (довольный) по звучанию совпадают с жестом 一 (один), т.к. все три знака произносятся со звуком «YI». Как следствие, жесты 义 (довод) и 意 (смысл) заимствуют форму у жеста «一» для своего.

Сущность имитирующей концептуализации состоит в имитации формы иероглифа или его контурном написании в воздухе. Например, жест 人 (человек) исполняется путём имитации формы иероглифа 人. В результате движение руки визуализирует контуры тела человека.

Комбинированный способ жестовой концептуализации основан на интеграции двух или более описанных выше способов словообразования. Например, жест 办公室 (офис) объединяет идеографический составной жест 办 (дело), который исполняется двумя руками, хлопающими друг о друга с тыльной стороны, имитирующий жест 公 (работа), ассоциативно указывающий на иероглиф 公 (работа), а также пиктографический жест 室 (комната), показывающий форму ($\wedge$).

Единые модели словообразования, характерные для жестовой и иероглифической систем материализации, тем не менее, не обуславливают единства содержательной концептуализации мира. Различия в семиотиче-

ской интерпретации проявляются даже в рамках базовых категорий, одной из которых выступает категория 家 (семья).

Ввиду принадлежности слышащих и глухих представителей Китая к общей лингвокультуре объем знаний носителей этих двух языков частично совпадает. Однако использование разных систем кодирования, а также особенности концептуализации мира, обусловленные различиями в ведущих физиологических системах восприятия и социальными особенностями жизнедеятельности, ведут к появлению расхождений. Различия в кодировании концептов возникают также вследствие неспособности жеста охватить все характеристики, которые осознаются носителями жестового языка. Следовательно, жесты могут включать характеристики, которые вовсе или частично не закреплены словарными дефинициями иероглифов.

Анализ жестов, репрезентирующих основные единицы категории 家 (семья), которые зафиксированы в приложении 国家通用手语词典 [Национальный словарь китайского жестового языка], позволяет сделать вывод о том, что отличие систем образования жеста и иероглифа в кодировании концептов обусловлено визуально-кинетической модальностью жестового языка, т.е. его ориентацией на пространственно воспринимаемые характеристики предметов и особенности телодвижения, и возможностью китайского иероглифического языка концептуализировать характеристики, не ограниченные пространственным восприятием, что, как следствие, позволяет фиксировать и передавать значения, связанные с древними ритуалами и особым статусом членов семьи.

Например, жест 外公 (дед по матери) предполагает последовательное исполнение жестов 外 (наружная сторона) и 公 (обращение к старшему). Для исполнения первого жеста (外) левая рука располагается горизонтально, указательный палец правой руки выпрямляется, его кончик направляется вниз и обращается вниз за пределы тыльной стороны левой руки, что символизирует внешнюю сторону объекта. Жест 公 (обращение к старшему) создаётся путём придания пальцам формы иероглифа 公. В иероглифической китайской традиции дед по матери обозначается иероглифом 外, в состав которого входят компоненты 夕 (вечер) и 卜 (гадание), семантически указывающие на гадание в ночное время, что контрастирует с дневным гаданием и воспринимается как что-то необычное и исключительное. Несмотря на различие эксплицируемых признаков, единый вектор содержательной концептуализации объясняется тем, что в китайской культуре есть условное деление родственных связей: потомство братьев отца относят к своему родом, а потомство братьев мате-

ри – к чужим или внешним. Данный факт во многом объясняет наличие в китайском языке приставки 外 (наружная сторона), подчеркивающей внешнее родство по материнской линии в таких словах, как 外公, 外婆 (бабушка по матери).

Жесты 媳 (жена) выполняются путём одновременного выпрямления больших пальцев обеих рук, расположенных у корпуса, затем лёгкого сгибания, что символизирует церемониальный поклон молодожёнов во время свадебного обряда. Данные жесты совпадают с жестами для слов 丈夫 (муж), 爱人 (возлюбленный), актуализирующих китайскую традицию бракосочетания, во время которой супруги кланяются небу и земле, предкам, родителям и друг другу. В свою очередь, иероглиф 媳 (жена) представляет собой фонетико-семантический знак, который состоит из пиктограммы 女 (женщина) в сочетании с идеографическим иероглифом 息, и означает дыхание. Соответственно, иероглиф подчёркивает роль женщины в семье, жест – телодвижение человека в процессе обряда.

Сопоставление способов концептуализации категории 家 (семья) как базовой категории китайской лингвокультуры, получающей репрезентацию в жестовом языке и в языке иероглифическом, указывает на отсутствие единой основы содержательной концептуализации, несмотря на универсальность способов словообразования. В жестах китайского жестового языка непосредственно фиксируется значение слова, возможны также прямое заимствование звука или формы иероглифа. Китайская иероглифика иконично эксплицирует закономерности природы, социальную иерархию, обязанности членов общества и ценности, значимые для древней китайской культуры.

Литература

Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛА-ДОС, 2000.

国家通用手语词典 Национальный словарь китайского жестового языка. Электронное приложение. 2023.

东汉许慎原著; 汤可敬撰. 说文解字今释. 长沙: 岳麓书社, 1997. 2468页
Династия Восточная Хань Сюй Шэнь, оригинал; Тан Кэцзин, автор. Шуовэнь цзецзи. Чанша: Юэлу шуша, 1997.

马新军. 从汉字的形、音、义关系谈汉字的特点. 语言与翻译, 2006(4): 38–4 页
Ма Синьцзюнь. Рассуждения о характеристиках китайских иероглифов на основе взаимосвязи между их формой, звучанием и значением // Язык и перевод. 2006. № 2. С. 38–42.

Huang Qinyan (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

**SPECIFIC FEATURES OF CONCEPTUALIZING
THE 家 (FAMILY) CATEGORY IN CHINESE SIGN
AND HIEROGLYPHIC LANGUAGES
AS ICONIC SEMIOTIC SYSTEMS**

The article views the conceptualizing potential of the Chinese sign and hieroglyphic languages. It argues that the universal patterns of word formation models for both semi-otic systems do not determine the universal patterns of conceptualization. The absence of direct correlation and, thus, focus on different conceptual basis are proved by the analysis of the 家 (family) category representation in the Chinese sign and hieroglyphic languages.

Key words: Chinese sign language, Chinese hieroglyphic language, sign representation of the concept, conceptualization, principles of language signs formation.

М. В. Цуканов (Орёл, Россия)
Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева
tsukanov1307@yandex.ru

**КОНЦЕПТ ЧИСЛА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В статье рассматривается числовой код лингвокультуры и его проявление в русской и английской паремиологической картине мира. Паремиологические единицы являются ценным источником информации о культурных ценностях и особенностях восприятия мира представителями разных народов.

Ключевые слова: лингвокультура, числовой код, пословица, английский и русский языки.

Концепт числа занимает важное место в языковой картине мира, отражая не только количественные, но и качественные аспекты человеческого опыта. В паремиологическом фонде русского и английского языков числа часто используются для передачи культурно значимых смыслов, оценок и установок. Анализ употребления чисел в пословицах позволяет выявить особенности лингвокультурного восприятия мира [Красных 2016], а также

проследить, как количественные параметры влияют на формирование оценочных интерпретаций. В данной статье мы рассмотрим, как концепт числа проявляется в русской и английской лингвокультурах.

Концепт числа как лингвокультурный феномен

Числа в языке нередко выполняют символическую функцию, выходящую за рамки их математического значения. Как отмечает Н. Н. Болдырев, количественные параметры часто служат основой для качественной оценки явлений. Формирование оценочных концептов, обусловленное количественными параметрами, связано с определенной оценкой качества в результате актуализации кванторных понятий «много» и «мало» в отношении конкретной характеристики предмета, явления или лица. Оно может иметь различные основания и использовать разные образные (образно-метафорические, метонимические) схемы, не обязательно повторяющие шкалу «хорошо – плохо» и даже не обязательно имеющие к ней непосредственное отношение. В языке данные представления обычно выражаются с помощью количественных и порядковых числительных, а также прилагательными, местоимениями и наречиями количественной (или порядковой) семантики. При этом важно отметить, что исходная область, т.е. само качество объекта или его конкретная качественная характеристика, как правило, задается другой частью речи соответствующей семантики: качественным (не относительным!) прилагательным, существительным, глаголом или наречием, например: *двойной удар, тройная защита, четырежды лауреат, первосортный продукт, первоклассный репортер, третьеразрядная гостиница, вторичное сырье, единственный ученый, пять раз проверенный, сто раз повторенный, никем не признанный, всеми любимый, бесконечно долгий, вечно голодный и т.д.* [Болдырев 2002].

Числа в русской паремиологии

В русской лингвокультуре числа часто используются для выражения коллективного опыта, подчеркивания важности единства и общинности. Например, пословица *Один в поле не воин* акцентирует внимание на значимости коллективной работы и взаимопомощи. Число «один» здесь символизирует слабость и уязвимость, в то время как множественность и большой обьем ассоциируется с силой и успехом.

Другой пример – пословица *Семеро одного не ждут*, где число «семь» подчеркивает приоритет коллективного над индивидуальным. В русской

культуре это отражает традиционное уважение к общинным ценностям и необходимость подчинения личных интересов общим.

Число «три» также часто встречается в русских пословицах, например: *Бог троиху любит*. Здесь «троица» символизирует гармонию и завершенность, что связано с религиозными и культурными традициями, где число «три» имеет сакральное значение.

Числа в английской паремиологии

В английской паремиологии числа также играют важную роль, но их употребление часто связано с прагматическими и индивидуалистическими ценностями. Например, пословицы “*Self comes first*” и “*Always remember number one*” указывают на индивидуализм английской культуры, а паремия *Two heads are better than one* подчеркивает важность сотрудничества, но в отличие от русской пословицы *Один в поле не воин*, акцент делается на эффективности и рациональности, а не на коллективной силе.

Число «семь» часто встречается в английских пословицах, например: *Seven days without laughter make one weak* (букв. «Семь дней без смеха делают человека слабым»). Здесь число «семь» символизирует завершенный цикл, но, в отличие от русской традиции, оно используется для передачи негативной оценки и эмоционального состояния. Число «семь» в западной культуре имеет другую, чем в русской оценочность, чаще негативную или неопределенную и заменяется цифрой «девять»: *on cloud nine* = быть на седьмом небе (от счастья) [Абакумова, Цуканов 2023].

Сравнительный анализ и влияние на лингвокультуру

Сравнение русских и английских пословиц с числами позволяет выявить различия в культурных установках. В русской паремиологии числа чаще используются для передачи коллективных ценностей, подчеркивания важности общины и единства. В английской паремиологии акцент делается на индивидуальном опыте, рациональности и прагматизме.

Выводы

Концепт числа в русской и английской паремиологии отражает особенности национального мировоззрения и лингвокультуры. Числа в пословицах не только передают количественные параметры, но и служат инструментом для выражения качественных оценок и культурных установок. Таким об-

разом, концепт числа в паремииологии является важным элементом лингвокультурного кода, который помогает сохранять и передавать культурные традиции и ценности из поколения в поколение.

Литература

Абакумова О. Б., Цуканов М. В. Нумерологический код культуры и его использование в преподавании иностранного языка и межкультурной коммуникации (на материале английского и русского языков и лингвокультур) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2023. Вып. № 1(18). С. 4–24.

Болдырев Н. Н. Оценочная интерпретация качества на основе количественных параметров в языке // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация. М.: Тезаурус, 2015. С. 28–32.

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М.: Гнозис, 2016.

*M. V. Tsukanov (Orel, Russia)
Oryol State University*

THE CONCEPT OF NUMBER IN THE RUSSIAN AND ENGLISH PAREMIOLOGICAL WORLDVIEW

The article examines the numerical code of linguoculture and its manifestation in Russian and English linguistic picture of the world. The main attention is paid to its representation in English paremic units, as well as to the identification of the cultural connotation of numbers one/один and two/два within the framework of comparable linguistic cultures.

Key words: linguoculture, numerical code, proverb, English and Russian languages.

*Ю. Чжэн (Казань, Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный университет
15269658605@163.com*

КОНЦЕПТ ОСИНА В КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ: КОГНИТИВНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В данной статье анализируются фразеологические единицы, связанные с концептом ОСИНА. Автор приходит к выводу, что данный концепт в русской фразеологической картине мира используется преимущественно в негативном символическом значении (трусость, робость, глупость и т. д.), а в народных приметах в положительном.

Ключевые слова: язык, способ мышления, фразеологизмы, концепт, осина.

Для более глубокого изучения взаимоотношений между языком и мышлением, а также роли языка в восприятии окружающей действительности появилась когнитивная лингвистика [Ерастова 2022: 31]. Когнитивная лингвистика, как направление когнитивной науки, стала важной частью исследований в лингвистике на сегодняшний день. Согласно И. А. Бодуэну де Куртенэ, когнитивная лингвистика способна посредством языкового мышления прояснить полное и уникальное языковое понимание всех проявлений мира в сфере бытия и небытия, включающее в себя не только понимание материального мира, но и понимание мира личности и мира общества [Бодуэн де Куртенэ 1963: 312]. Фразеология является одним из функциональных средств выражения языкового мышления, что дает нам право рассматривать фразеологизмы как предмет изучения в рамках нашего исследования. Уточним, что, по мнению Е. Ф. Арсентьевой, Казанская фразеологическая школа придерживается широкого понимания фразеологии, включающего не только фразеологические единицы, но и паремиологические единицы [Арсентьева 2013: 124], следовательно, в поле зрения попадают все перечисленное.

Как один из самых распространенных образов в русской фразеологической картине мира, концепт ДЕРЕВО часто попадал в сферу внимания исследователей. Изучение русских фразеологических выражений о деревьях показывает, что наиболее распространенными являются береза, дуб, осина, липа. Однако исследований фразеологических единиц, содержащих концепт ОСИНА, существует относительно недостаточно. Поэтому настоящая статья представляет собой когнитивно-лингвистический анализ концептуального выражения концепта ОСИНА в русской фразеологической картине мира, анализ уникального символического значения этого концепта, что также является новизной данной статьи, а также обуславливает ее актуальность в канве современных когнитивных исследований.

Рассмотрев фразеологические единицы, содержащие концепт ОСИНА, мы обнаружили, что в русской дендронимической лексике трудно найти дерево, которое оценивалось бы так же негативно, как осина. Поскольку древесина осины считается мягкой и хрупкой, она редко используется в качестве строительного материала. Осины редко сажают в лесах и около дворов, потому что они шумят листьями – это характеристика осин, которая выражается и в соответствующих русских загадках: *Никто не пугает, а вся дрожит (осина)* [Митрофанова 1968: 66], *Одно проклятое дерево без ветра шумит (осина)* [Там же].

Согласно народным и религиозным сказаниям, Иуда после предательства Иисуса повесился на осине в муках страха и раскаяния, в результате

чего листья осины дрожат до сих пор, и поэтому осина считается нечистым и проклятым деревом, а ее дрожащие листья представляются символом робости и трусости. В русских пословицах и поговорках *Осина и без ветру шумит. Осина все шепчется, а проклятое дерево* [Беднякова 1989 (Т. 2): 25]; *На осину б тебя! Чтоб тебя на осину!* [Там же: 233]; *Ладило б тебя на осину!* [Там же: 233]; а также во фразеологизмах *быть тебе (ему и т.п.) на осине* и *чтоб тебя повесили на сухой осине* [Мокиенко 2007: 467] осина представляет собой проклятое и несчастливое дерево.

Осина является символом трусости и робости в устойчивых русских выражениях, например, *трясется, как лист на осине (как осиновый лист)* [Беднякова 1989 (Т. 1): 240] и *дрожать, как осиновый лист*. В пословице *Язык, что осиновый лист – во всякую погоду треплется* [Агапкина 2004: 574] образ «трепещущей листьями осины» используется для обозначения болтливого человека.

Кроме того, в некоторых паремиях осина символизирует глупость и неразумность: *С осину (С оглоблю) вырос, а ума не вынес* [Беднякова 1989 (Т. 1): 380], *Ты ему про дубовый, а он свое: осиновый крепче* [Там же: 400] и *осина без вершины* [Мокиенко 2007: 467]. Во фразеологических единицах *грелся Максим вокруг осин* [Уваров 2009] и *как осина задрожит, так и скот в поле сыт* [Там же] осина используется для обозначения человека безрассудного, самонадеянного и опрометчивого, а выражение *гнуть осины* – для обозначения человека, который ведет себя высокомерно и бессознательно; или для обозначения того, что человек намеренно пытается привлечь к себе внимание.

В некоторых славянских фольклорах осина ассоциируется с демонами или демонической деятельностью [Агапкина 2004: 571–572], например, в русском фразеологизме *вбивать/вбить осиновый кол в могилу* осиновый кол считается оружием против демонов, а ведьма вобьет осиновый пень в могилу, чтобы навсегда уничтожить демонов. В данной пословице *Убив змею, надо повесить ее на осине* [Беднякова 1989 (Т. 2): 394] осина служит инструментом для уничтожения змей (или злых сил) и защиты от злых духов; в то время как тот же концепт ОСИНА используется в другой пословице *Коли убитого ужа (или: змею) повесить на осине, то очнется и ужалит своего убийцу* [Там же: 387], в которой осина может рассматриваться как место обитания демонической деятельности.

Концепт ОСИНА также широко употребляется в паремиях и приметах, связанных с сельским хозяйством и погодой. В пословицах и поговорках осина используется как символ хорошего урожая той или иной сельскохозяйственной культуры: *Осина в сережка – урожай на овес* [Беднякова 1989 (Т. 2): 368], *На осине почки большие – к урожаю ячменя* [Там же: 369]; аналогичное

значение имеют и народные приметы: *Полетел (в августе) пух с осины – иди в лес за подосиновиками, Осина в (пушистых) сережках – урожай на овес, Листья опадают с осины чисто – к урожайному году* [Санжаровский 2017]. В народной примете *Осиновые листья лежат кверху лицом – зима будет очень холодная, если кверху изнанкою – теплая* [Там же] осина используется для обозначения холодной или теплой погоды.

Приведенный выше анализ русских фразеологических и паремиологических единиц, связанных с концептом ОСИНА, свидетельствует о том, что в большинстве из них осина имеет негативное символическое значение, такое как «робость», «трусость», «проклятие», «глупость», «опрометчивость» или «связь с демоном». Большинство из этих символических значений происходят из народных или религиозных сказаний об осине. Русский народ на основе своих первоначальных наблюдений за природными явлениями и погодными условиями создал множество народных примет и паремий, и эти приметы во многом отражали мировоззрение русского народа [Мубаракшина 2022: 181], следовательно, осина присутствует в пословицах и приметах, связанных с земледелием и природными явлениями, которые используются для предсказания хорошего урожая, теплой или холодной погоды. В символике этих фразеологических и паремиологических единиц ощущается уникальное понимание русским народом *осины* как образа в окружающей действительности и выражаемой им уникальной национальной концепции и системы ценностей.

Литература

- Агапкина Т. А. Славянские древности. Т. 3: К-П. М.: Международные отношения, 2004.
- Арсентьева Е. Ф. Казанская фразеологическая школа // Фразеология в многоязычном обществе (Phraseology in Multilingual Society). 2013. Т. 1. С. 115–125.
- Беднякова Т. Пословицы русского народа: сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. / редактор: Т. Беднякова. М.: Худож. лит., 1989.
- Беднякова Т. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. / редактор: Т. Беднякова. М.: Худож. лит., 1989.
- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963.
- Ерастова Д. А. Идиоматика с точки зрения когнитивных процессов // Язык: категории, функции, речевое действие: материалы XV международной научной конференции. В 3-х частях. Том Выпуск 15. Часть I. Коломна, 2022. С. 31–33.
- Митрофанова В. В. Загадки. Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1968.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2007.

Мубаракишина А. М. Паралингвистические средства как культурные маркеры в тексте гороскопа // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 2. С. 180–189.

Санжаровский А. Н. Природы краса: русские народные пословицы, поговорки, присловья, скороговорки, приметы, загадки о лесе и его обитателях, о природе: сборник Анатолия Санжаровского. М.: Кн. по требованию, 2017.

Уваров Н. В. Энциклопедия народной мудрости. М.: Инфра-Инженерия, 2009.

Yu. Zheng (*Kazan, Russia*)
Kazan (Volga Region) Federal University

CONCEPT *ASPEN* IN THE WORLD PICTURE OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS: COGNITIVE-LINGUISTIC ASPECT

This article analyses the phraseological units associated with the concept of *ASPEN*. The author comes to the conclusion that this concept in the Russian phraseological picture of the world is used mainly in the negative symbolic meaning (cowardice, timidity, stupidity, etc.), and in folk omens in the positive sense.

Key words: language, way of thinking, phraseological phrases, concept, aspen.

А. Б. Чимитова (*Иркутск, Россия*)
Иркутский государственный университет
alexandra.chimitova@yandex.ru

ТИПЫ ОППОЗИЦИЙ ОТАДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается противопоставление семантики отадъективных фразовых глаголов в современном английском языке. Выделяются три типа оппозиций, в которые вступают отадъективные фразовые глаголы. В их основе лежат определенные оппозиции, отмеченные в семантике мотивирующих их прилагательных.

Ключевые слова: отадъективный фразовый глагол, оппозиция, глагольный компонент, послелог, лингвистический корпус.

Образование оппозиций у аналитических лексических единиц, к которым относятся английские фразовые глаголы, осложнено взаимодействием нескольких компонентов в составе каждой единицы, что обусловлено сто-

ящей за ней более развитой концептуальной структурой. Для выявления основных типов оппозиций отадективных фразовых глаголов применялись толковые словари и сплошная выборка из корпусов текстов BNC и COCA.

С когнитивной точки зрения фразовые глаголы рассматриваются как единицы, в значении которых заключено представление о действии и его направлении в пространстве. Сопоставление фразовых глаголов с точки зрения сходства их значений представлено в работе Е. Е. Голубковой, где автор, путем сочетания когнитивной методологии с использованием лингвистических корпусов, проводит анализ семантики близких по значению рядов глаголов британского и американского вариантов английского языка. Семантика фразового глагола обуславливается значениями компонентов, входящих в его состав, значениями глагола и частицы [Голубкова 2015]. В данной статье фразовые глаголы, напротив, будут рассмотрены с точки зрения различия и даже противопоставления их значений. Анализ значений отадективных фразовых глаголов может помочь найти ответы на некоторые вопросы, связанные с оппозиционными отношениями в языке.

Нами были проанализированы фразовые глаголы, глагольный компонент которых образован от качественных прилагательных – *tight, loose, slim, fat, narrow, wide* – путем конверсии (*loose, narrow, slim*) или с помощью аффикса *-en* (*tighten, loosen, fatten, widen*). Послелогом в составе фразовых глаголов выступали *down, out, up*, при этом послелог *up* в составе отадективных глаголов часто осуществляет указание на завершенность действия [Богданова 2006].

Английские отадективные фразовые глаголы вступают в оппозиции следующих типов:

1) противопоставление глагольных компонентов фразовых глаголов с одним и тем же послелогом (*loosen up – tighten up*): *This may help loosen up your muscle mass, and you will be all set for the day [BNC]. – The purpose of having this surgery is to tighten up your muscles [BNC]*. Оппозиция фразовых глаголов *loosen up – tighten up*, глагольный компонент которых образован от антонимичных прилагательных *loose* и *tight*, выражает действие по ослаблению и напряжению мышц. Послелог *up* в составе этих глаголов характеризует завершенность действия;

2) противопоставление как глагольных компонентов, так и послелогов (*slim down – fatten up*): *If you go on a diet now, you'll slim down enough to apply for a job after Christmas [BNC]. – She had to fatten up by nearly 20lb for the original role [BNC]*. В высказываниях с фразовыми глаголами *slim down* и *fatten up*, глагольный компонент которых образован от антонимичных прилагательных *slim* и *fat*, речь идет о противопоставлении действия по потере

и набору веса для того, чтобы получить работу. Послелого *up* и *down* также образуют оппозицию.

3) противопоставление глагольных компонентов при отсутствии оппозиции послелогов, представляющих разные пространственные измерения (*widen out* – *narrow down*). *This sort of circular debate, frequently widening out to involve others within and without the company, goes on until all are satisfied [BNC]. – And it might help us narrow down the list of suspects [COCA]*. В обоих высказываниях фразовые глаголы использованы в переосмысленном значении и представляют собой оппозицию. Глагол *widen out* обозначает расширение круга людей, участвующих в споре, который выходит за рамки компании. Глагол *narrow down*, в свою очередь, обозначает сужение списка людей, подозреваемых. Глагольные компоненты образованы от антонимичных прилагательных *wide* и *narrow*. Послелого *out* и *down* не противопоставляются, поскольку *out* характеризует измерение «вмещенность», а *down* – измерение «вертикаль».

Семантика глагольного компонента отадъективных фразовых глаголов во многом обусловлена семантикой прилагательного. Рассмотрим подробнее два первых типа, в которых противопоставление значений наиболее тесно связано с композиционной семантикой фразового глагола.

В основе оппозиций производных фразовых глаголов лежит, как правило, оппозиция мотивирующих их слов. Так, антонимические прилагательные *tight* и *loose* образуют несколько семантических оппозиций в силу развитости их семантической структуры. Согласно данным словарей Cambridge Dictionary [CD], Merriam-Webster Dictionary [MWD], Collins Online Dictionary [COD], эти прилагательные образуют пять оппозиций, обусловленных обозначением: 1) степени прилегания одежды или обуви к телу, 2) эмоционального состояния человека, напряжения мышц лица и тела при негативных эмоциях и их расслабления, 3) ужесточения требований, строгого следования правилам и их смягчения; 4) плотно или неплотно прилегающих друг к другу элементов; 5) степени фиксации предмета на месте. Дефиниционный анализ показал, что общим компонентом в семантической структуре прилагательных *tight* и *loose* является ‘close/closely’. При сопоставлении этих двух прилагательных недостаток качеств (‘lack of something’) может быть отмечен в структуре прилагательного *loose*.

Образованные от рассматриваемых прилагательных глаголы *tighten* и *loose/loosen* образуют оппозиции лишь по двум основаниям: 1) степень проявления контроля; 2) степень фиксации предмета на месте, однако отадъективные фразовые глаголы с глагольными компонентами *tighten* и *loosen* и послелогом *up* образуют большее количество оппозиций, чем те же глаголы

без послелогов. Во фразовых глаголах выявлены три семантических оппозиции, в основе которых лежат оппозиции, отмеченные у антонимичных прилагательных *tight* и *loose*:

1. *I saw the point where his lips tightened up and he decided to use her anger against her. She was too angry to see [COCA] – She said that when her husband's doctor friends used to come over for a drink, once their tongues started to loosen up from the alcohol they showed a completely different persona [COCA].* В данных примерах видно, что с помощью фразовых глаголов *tighten up* (в значении напрягаться от негативных эмоций) и *loosen up* (расслабляться) выражается эмоциональное состояние человека. Злость отражается в напряженном состоянии губ, а расслабленное состояние людей – в «развазавшихся» от алкоголя языках.

2. *... asked the MCC law-makers to see if the rules relating to unfair play can be tightened up [BNC]. – You would think they would loosen up the rules for this category, so as to include more worthy nominees [COCA].* Пара глаголов *tighten up* и *loosen up* имеют противоположные значения «ужесточать правила» и «ослаблять правила», соответственно.

3. *I'd like to have a younger-looking face, but don't like the idea of plastic surgery. Are there any exercises I can do to tighten up facial skin and muscles? [BNC] – ... your face has set and feels too stiff to move. Loosen up facial muscles by stretching your whole face and trying to move the muscles up and down and from side to side [BNC].* Фразовые глаголы *tighten up* и *loosen up* используются в значении «напрягать/расслаблять мышцы лица».

Пара антонимичных прилагательных *fat* и *slim* образуют оппозиции, обусловленные обозначением: 1) строения тела человека или животного, наличия или отсутствия в организме большого количества жира и плоти, 2) разницы в размерах и пропорциях предмета, 3) качественных и количественных характеристик предметов.

Образованные от них отадъективные глаголы *fatten* и *slim* образуют два типа оппозиций: 1) оппозиция, обусловленная обозначением действий по набору или снижению веса. *Fatten – 1. to grow or cause to grow fat or fatter [COD]. Slim – 3. to make or become slim, esp. by diets and exercise [COD]*, 2) оппозиция, обусловленная обозначением процессов увеличения или уменьшения качеств, характеристик, свойств. *Fatten – 3. to make fuller or richer [COD]. Slim – 4. to reduce or decrease or cause to be reduced or decreased [COD]*.

Отадъективные глаголы *fatten* и *slim* образуют фразовые глаголы путем присоединения послелогов *up* и *down*. Оппозиционные значения фразовых глаголов соотносятся с оппозиционными значениями отадъективных глаголов и образуют следующие семантические оппозиции:

1. В первой оппозиции фразовые глаголы *fatten up* и *slim down* используются в значении набора и снижения веса. *Wouldn't it be great if you could fatten up some parts of your body and slim down others?* [COCA].

2. Вторая оппозиция обусловлена обозначением изменений характеристик предмета. Увеличение качества, а именно производительности компьютера, выражается во фразовом глаголе *fatten up*. Фразовый глагол *slim down*, в свою очередь, указывает на уменьшение другой характеристики – размера. *These new three-to-five-pound computers, which some computer manufacturers are calling sub-notebooks, are fattening up on computing power even as they are slimming down in size* [BNC].

В отадективных фразовых глаголах *fatten up* и *slim down* оппозицию образуют как глагольные компоненты, так и послелого. Послелого *up* и *down* в составе данных отадективных фразовых глаголов, согласно ориентационным метафорам [Lakoff 1980], усиливают значения «увеличения» и «уменьшения» свойств, выраженных глагольными компонентами.

Проведенный анализ корпусных данных позволил выявить следующие типы оппозиций отадективных фразовых глаголов в современном английском языке: противопоставление глагольных компонентов с одним и тем же послелогом; противопоставление как глагольных компонентов, так и послелогов; противопоставление глагольных компонентов при отсутствии оппозиции послелогов. Дефиниционный анализ прилагательных и образованных от них глаголов, в совокупности с анализом контекстного употребления отадективных фразовых глаголов, позволяет сделать вывод о том, что послелого в составе отадективных фразовых глаголов могут влиять на композиционное значение фразовых глаголов. Однако главную роль в формировании значений отадективных фразовых глаголов и формировании оппозиций играют глагольные компоненты.

Литература

Богданова С. Ю. Отадективные фразовые глаголы в концептуализации и реконцептуализации пространственных отношений // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4, вып. 1. С. 23–31.

Голубкова Е. Е. Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова / ред. В. И. Заботкина. М.: ЯСК, 2015. С. 39–80.

Lakoff G. *Metaphors we live by* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

BNC – The British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>

MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

COD – Collin's Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>

A. B. Chimitova (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

TYPES OF OPPOSITIONS OF DEADJECTIVAL PHRASAL VERBS IN MODERN ENGLISH

The article deals with the opposition of the semantics of deadjectival phrasal verbs in modern English. There are three types of opposition formed by deadjectival phrasal verbs. They are based on certain oppositions noted in the semantics of the motivating adjectives.

Key words: deadjectival phrasal verb, opposition, verbal component, particle, linguistic corpus.

Е. А. Чуксина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
им. Г. Р. Державина
evgeniyach96@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА FEAR ПО МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ FEAR EXPERIENCE – PLACING

Статья посвящена изучению способов репрезентации представленного в виде сценария концепта FEAR. Рассматриваются средства объективации метафорической модели FEAR EXPERIENCE – PLACING. Выделяются передаваемые с помощью репрезентации этой модели особенности переживания эмоции страха.

Ключевые слова: концепт FEAR, сценарий, событие, интерпретация, метафорическая репрезентация.

Концепт FEAR может быть представлен в виде сценария, в котором выделяются три фазы (фаза начала переживания эмоции страха, фаза непосредственного переживания эмоции страха и фаза завершения переживания эмоции страха); на каждой фазе выявляются основные компоненты («эмоция

страха», «субъект эмоции страха», «возбудитель причины эмоции страха») и дополнительные компоненты (интенсивность и продолжительность). Переживание эмоции страха, соответственно, можно рассматривать как событие с перечисленными выше фазами и компонентами.

В когнитивной лингвистике сценарий, согласно Н. Н. Болдыреву, это «динамически представленный фрейм как разворачиваемая во времени определённая последовательность конкретных этапов, эпизодов, фрагментов (например, отдельные эпизоды внутри фрейма ТЕАТР: посещение театра, покупка билетов, сам спектакль, посещение буфета во время антракта и т. д.)» [Болдырев 2014: 55]. Сценарное моделирование концепта FEAR находит отражение в средствах его первичной и вторичной репрезентации, при помощи которых в языке передаётся первичная и вторичная интерпретация переживания эмоции страха. Согласно Н. Н. Болдыреву, «вторичная языковая интерпретация связана с переосмыслением и оценкой уже имеющихся вербализованных знаний о мире преимущественно в индивидуальной концептуальной системе человека в соответствии с его мировидением и представлениями о системе норм, стереотипов, ценностей, жизненных доминант (интерпретация знаний о мире)» [Болдырев 2022: 23]. Вторичная интерпретации может осуществляться при помощи метафорических, метонимических и метафтонимических моделей.

Метафорическое осмысление способствует сопоставлению события переживания эмоции страха с другими событиями действительности. В данной работе рассматривается метафорическая модель FEAR EXPERIENCE – PLACING, по которой событие переживания эмоции страха осмысляется как событие помещения, а фазы события переживания эмоции страха сравниваются с соответствующими им фазами события помещения. Указанная модель получает репрезентацию с помощью синтаксических конструкций, в которых языковые единицы, объективирующие основные компоненты концепта FEAR, сочетаются с глаголами и глагольными конструкциями помещения объекта (*to put, to place, to keep, to flood, to fill* и другими), а также с глаголами и глагольными конструкциями перемещения объекта (*to throw, to put out* и другими). В данной работе используется классификация глаголов, предложенная Л. Г. Бабенко.

Глаголы и глагольные конструкции, в словарных значениях которых отражается их способность передавать воздействие на предмет или лицо, в результате чего изменяется месторасположение последних, определяют выделение начальной и заключительной фаз события помещения; глаголы, в чьём словарном значении передаётся их возможность выражать статичность содержания чего-либо / кого-либо в определённом месте, определяют выделение серединной фазы события помещения. Далее рассматриваются

примеры метафорической репрезентации трёх фаз события переживания эмоции страха.

Фаза начала переживания эмоции страха сопоставляется с начальной фазой события помещения при помощи синтаксических конструкций, в которых сочетаются наименования основных компонентов концепта FEAR с глаголами помещения объекта *to put, to fill*; а также с глаголом и глагольной конструкцией перемещения объекта *to throw, to put out*.

Пример 1: *"I retreated to the farther corner of my room; or box; but **the monkey** looking in at every side, **put me in such a fright**, that I wanted presence of mind to conceal myself under the bed, as I might easily have done"* [Swift URL].

Пример 2: *"She gently chid her maid for **the fright into which she had thrown her**, and said "she was glad it was no worse; for that she had feared somebody else had come."* [Fielding URL].

Пример 3: *"**The thought** of loading Will and his chair into the adapted minivan and carting him safely to and from the next town **filled me with utter terror**"* [Moyes URL].

В перечисленных выше синтаксических конструкциях используются глаголы, в словарных значениях которых отражается их способность передавать процесс, в ходе которого субъект помещает что-либо или кого-либо в определённое место или состояние, т.е. отражается их способность передавать начальную фазу события: **to put** – *"to move something into a particular place or position"* [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]; **to throw** – *"to put something in a particular place quickly and carelessly"* [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]; **to fill** – *"to make something full of something; to become full of something"* [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>].

В указанных примерах возбудитель причины возникновения эмоции страха получает репрезентацию при помощи местоимения *she*, существительных *the monkey, the thought* и осмысляется как тот, кто помещает предмет или лицо в определённое место (примеры 1, 2) и как то, что заполняет чем-либо пространство (пример 3). «Субъект эмоции страха» репрезентируется при помощи местоимений *me, her* и осмысляется как то, что / тот, кого помещают в определённое место (примеры 1 и 2) и как ёмкость, которую наполняют чем-либо (пример 3). «Эмочия страха» получает объективацию при помощи существительных *fright, terror* и осмысляется как место, куда помещается предмет или лицо (примеры 1 и 2), а также как вещество, которым заполняется определённая ёмкость (пример 3).

Проявляемая на начальной фазе высокая интенсивность эмоционального переживания отражается при помощи существительного *terror (a feeling of extreme fear* [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]), а также

прилагательных *such* (*used to emphasize the great degree of something* [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>]) и *utter* (*carried to the utmost point or highest degree* [URL: <https://dictionary.cambridge.org/>]). В примере 2 выражается высокая скорость начала эмоционального переживания при помощи глагола *to throw* (*to cause to move or act quickly or carelessly* [URL: <https://dictionary.cambridge.org/>]).

Фаза непосредственного переживания эмоции страха сопоставляется с серединой фазой события помещения при помощи сочетания наименований основных компонентов концепта FEAR с глаголом помещения объекта *to keep*. В словарном значении указанного глагола выражается процесс содержания предмета или лица в определённом месте или состоянии: *to keep* – *to have or continue to have in your possession* [URL: <https://dictionary.cambridge.org/>]; *to put or store something in a particular place* [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>].

Пример 4: *Hang him cuckally knaue, Ile stare him // Out of his wits, Ile keepe him in awe...* [Shakespeare URL].

В представленной синтаксической конструкции возбудитель причины эмоции страха репрезентируется при помощи местоимения *Ile* и осмысляется как тот, кто содержит предмет или лицо в определённом месте или состоянии. «Субъект эмоции страха» репрезентируется при помощи местоимения *him* и осмысляется как то, что или тот, кто под воздействием третьего лица содержится в определённом месте или состоянии. «Эмоция страха» репрезентируется при помощи существительного *awe* и осмысляется как место, где содержат предмет или лицо. В указанной синтаксической конструкции отражается продолжительное воздействие внешних обстоятельств на субъекта эмоции, в результате которого последний испытывает эмоцию на протяжении определённого количества времени. Невысокая интенсивность эмоционального состояния передаётся с помощью существительного *awe*, в словарном определении которого отражается его способность выражать незначительное переживание эмоции страха (*awe* – «*feelings of respect and slight fear; feelings of being very impressed by something/somebody*») [URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>].

Фаза завершения переживания эмоции страха репрезентируется при помощи сочетания наименований основных компонентов концепта FEAR с глагольной конструкцией перемещения объекта *to put out of*, в словарном значении которой отражается процесс извлечения предмета или лица из определённого места или состояния: *to put out of* – “*to force one to leave or be outside of something or some place*” [URL: <https://www.thefreedictionary.com/>]. Синтаксическая конструкция с указанным сочетанием отражает осмысление

фазы завершения переживания эмоции страха как заключительной фазы события помещения – фазы завершения пребывания предмета или лица в определённом месте или состоянии.

Пример 5: *“Having now **society** enough, and our **numbers** being sufficient to put us out of fear of the savages, if they had come, unless their number had been very great, we went freely all over the island, whenever we found occasion; and as we had our escape or deliverance upon our thoughts, it was impossible, at least for me, to have the means of it out of mine”* [Defoe URL].

В представленной синтаксической конструкции возбудитель причины завершения эмоции страха репрезентируется при помощи существительных *society*, *numbers* и осмысляется как субъект, как тот, чьё действие способствует завершению пребывания предмета или лица в определённом месте или состоянии. «Субъект эмоции страха» объективируется при помощи местоимения *us* и осмыляется как то, что / тот, кто извлекается из определённого места или состояния. «Эмочия страха» передаётся в языке при помощи существительного *fear* и осмыляется как место, из которого извлекаются предмет или лицо.

Таким образом, анализ репрезентации события переживания эмоции страха по метафорической модели FEAR EXPERIENCE – PLACING позволяет выявить следующие характеристики события переживания эмоции страха: высокая интенсивность приведения в эмоциональное состояние на фазе начала переживания эмоции страха; продолжительность и невысокая интенсивность эмоционального состояния на фазе непосредственного переживания эмоции страха; невысокая интенсивность процесса завершения эмоционального состояния на фазе завершения переживания эмоции страха. Отражаются пассивность субъекта эмоции страха и эмоции страха, доминирование и активность возбудителя переживания эмоции страха и завершения переживания эмоции страха. То есть в рассмотренных примерах в фокус помещён возбудитель причины эмоции страха, тот, кто / то, что оказывает влияние на других участников события и, значит, является наиболее важным в событии.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Болдырев Н. Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. 2022. № 1 (48). С. 19–79.

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

Defoe D. Robinson Crusoe. URL: <https://www.gutenberg.org/files/521/521-h/521-h.htm> (дата обращения: 18.12.2021).

Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling. URL: <https://www.bartleby.com/ebook/adobe/301.pdf> (дата обращения: 18.12.2021).

Moyes J. Me Before You. URL: <https://novel12.com/me-before-you/page-11-1988212.htm>

Shakespeare W. The Merry Wives of Windsor. URL: https://internetshakespeare.uvic.ca/doc/Wiv_Q1/scene/6/index.html

Swift J. Gulliver's Travels URL: <https://www.gutenberg.org/files/829/829-h/829-h.htm>

Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.12.2023).

Oxford Learner's Dictionaries URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.12.2023).

The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 20.12.2023).

E. A. Chuksina (*Tambov, Russia*)

Derzhavin Tambov State University

REPRESENTATION OF THE FEAR CONCEPT ACCORDING TO THE METAPHORICAL MODEL FEAR EXPERIENCE – PLACING

The article deals with the study of the ways of representation of the FEAR concept which is presented in the form of a scenario. The means of the metaphorical model FEAR EXPERIENCE – PLACING objectification are studied. The features of fear experience reflected in the verbal representation of this model are defined.

Key words: FEAR concept, scenario, event, interpretation, metaphorical representation.

А. Л. Шарандин (*Тамбов, Россия*)

Тамбовский государственный университет

им. Г. Р. Державина

sharandin@list.ru

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГЛАСНЫЕ РУССКОГО ГЛАГОЛА В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В статье тематические гласные в непроизводных глаголах типа *лежать* рассматриваются как асемантические элементы, выполняющие основообразующую функцию. Следовательно, они не могут признаваться морфемами (суффиксами), поскольку не имеют семантической содержательности, хотя функционально значи-

мы. С точки зрения концептуализации тематические гласные как асемантические элементы в составе непроемных глаголов отражают наши знания языка и о языке, но не знания о мире в языке.

Ключевые слова: русский глагол, концептуализация, знания языка, о языке и мира в языке, тематические гласные, видовая основа.

Тематические гласные русского глагола как объект морфологического и морфемного описания принято выделять в связи с вопросами формальной структуры глагольного слова. Это обусловлено тем, что познание языка в качестве самостоятельного и специфического объекта действительности связано с разными типами знаний, отражающими различные стороны существования языка. В этом плане выделяют: «а) **знание языка**, т.е. знание, связанное с владением языком его носителем; б) **знание о языке**, т.е. совокупность лингвистических познаний носителя, в том числе терминологии. Эти знания обязательно присутствуют в том или ином объеме в сознании носителя языка, являясь необходимой предпосылкой самого владения языком; в) **знание в языке** – это знание о мире в языке, т.е. отражение в языке других реальностей – действительной и виртуальной, которые оказываются интегрированными в специфическую языковую форму» [Караулов, Филиппович 2009: 229]. Именно разнородный характер знаний, представленных в языковой форме в качестве интегративного единства, характеризует язык как «исключительно сложное явление действительности, и хотя им практически овладевают еще в раннем детстве, осознание этого явления в целом и в деталях...представляет весьма значительные трудности» [Распопов 1977: 4].

Если исходить из понимания концептуализации и категоризации как важнейших понятий, связанных с познавательной деятельностью человека [Шарандин 2013], на основе которой он приобретает, перерабатывает и использует полученную информацию, то они, как виды мыслительной деятельности человека, отражающей работу мозга, приводят к формированию различных знаний, в том числе и знаний, связанных с структурой слова. При этом данные знания оказываются результатом классификационной деятельности [Болдырев 2007]. В качестве основных типов классификаций, связанных с языком, выделяются содержательные и формальные классификации.

В отличие от семантических классификаций, отражающих знания о мире в языке, формальные классификации отражают только знания о языке и языке, поскольку единицы знания в них не являются семантически значимыми единицами в языке, что, естественно, не исключает их функциональной значимости. В данном случае речь идет о знаниях плана выражения, в частности, глагольной лексики, представленных классификацией типов спря-

жения и классификацией глагола по классам, которая строится на основе учета соотношения основы инфинитива (прошедшего времени) и основы настоящего-будущего времени.

Эти классы обычно квалифицируются как словоизменительные (формообразовательные) классы русского глагола, поскольку от них образуются различные формы глагола. Традиционно выделяется 5 *продуктивных классов*, имеющих следующее соответствие между основами: 1 класс: соотношение основ «а – ај» (*читать – читают*); 2 класс: соотношение основ «е – еј» (*краснеть – краснеют*); 3 класс: соотношение основ «ова – уј» (*рисовать – рисуют*); 4 класс: соотношение основ «ну – н» (*тонуть – тонут*); 5 класс: соотношение основ «и – нуль (отсутствие – и)» (*любить – любят*). Естественно, наряду с продуктивными классами глагола выделяются непродуктивные соотношения указанных основ, вследствие чего они образуют непродуктивные словоизменительные группы.

При этом образование форм от той или иной основы предполагает сохранение видового грамматического единства в образовании форм (*решаю – решать*, но не *решаю – решить*). Однако в морфологических формах глагола видовой показатель осознается и квалифицируется не всегда однозначно. Поэтому принято говорить о многообразии выражения в них видовой семантики. По мнению А. М. Ломова, решение вопроса о морфологическом механизме выражения вида затруднено по ряду причин, в числе которых, в частности, называется непрямой характер глаголов типа *лежать, сидеть, учить*. В них, наряду с корнем, выделяются тематические гласные, однако вопрос о том, являются ли они средствами выражения видовой семантики, является спорным. Не ясно, что оказывается показателем несовершенного вида, например, в глаголах типа *нести, печь, класть* или совершенного вида в глаголах типа *хлынуть, сесть*. Поэтому использование в качестве средств выражения вида морфем в большинстве случаев вызывает, по мнению А. М. Ломова, «серьезные возражения, так как в данном случае фактически учитывается только производная глагольная лексика» [Распов, Ломов 1984: 103]. Наиболее действенным способом преодоления этого недостатка, с его точки зрения и ряда других исследователей (в частности, Ю. С. Маслова, М. А. Шелякина), является использование понятия **видовой основы**. Она определяется как «часть глагольного слова, остающаяся по отсечении всех словоизменительных морфем (кроме суффиксов имперфективации), т.е. личных и родовых окончаний, суффиксов отдельных времен (наклонений, залогов) и неличных форм, суффиксов основы настоящего времени и основы инфинитива» [Распов, Ломов 1984: 103].

Таким образом, согласно этому определению, показателем вида, например, в глаголе *лежать* является видовая основа *леж-*, которая не включает

в свой состав тематическую гласную *-а-*, хотя тематические гласные рассматриваются А. М. Ломовым как суффиксы основ (*леж-а-ть*). В результате, в частности, *лежать* имеет одновидовую основу *леж-*, совпадающую с лексической основой (*леж-у*). В отличие от А. М. Ломова, не включающего суффиксы основ инфинитива и настоящего-будущего времени в видовую основу, В. Н. Немченко тематические гласные в непроизводных глаголах типа *лежать* относил к корню (*лежа-*) [Немченко 1984: 44], т. е. по существу включал их в состав видовой основы на правах асемантических элементов, хотя видовую основу в качестве показателя вида он не выделял. Правда, основообразующую функцию тематических гласных усматривали также в личных окончаниях глаголов (*леж-и-шь*, *леж-и-т*). Однако в этом случае система личных окончаний выглядела по-иному по сравнению с современным ее представлением. Показательны в этом плане взгляды В. В. Виноградова [Виноградов 1947: 454] и академической «Грамматики русского языка» [ГРЯ 1952: 466–467] (ср. соответственно: 2-е л. ед. ч.: *-е-шь* / *-и-шь* и *ешь* / *ишь*; 3-е л. ед. ч.: *-е-т* / *-и-т* и *-ет* / *-ит*).

Выделение видовой основы с тематическими гласными позволяет видеть видовое различие, например, между *решать* – *решить* не в суффиксах *-а-* и *-и-*, а в соотносительных видовых основах *реша-* и *реши-*, имеющих в своем составе различные тематические гласные, которые, в силу их асемантической, способны утрачиваться или иметь звуковые наращенения в формообразовании без ущерба видовым отношениям (*реша-у* – *реш-у*). В целом такой подход позволяет выделять видовую основу в качестве средства выражения видовой семантики и в производной, и в непроизводной глагольной лексике.

В своем изолированном положении видовая основа представлена в инфинитиве. Его выбор в качестве формы, в которой выявляется видовая основа, оказывается закономерным и логичным, учитывая, что инфинитив как грамматическая и словарная форма не содержит в своем составе какой-либо иной информации, кроме видовой и лексической семантики. Поэтому, на наш взгляд, выделение видовой основы и целесообразно связать с *частью инфинитивной формы без ее формообразующего показателя*, в составе которой особый интерес вызывает статус элементов типа *-а-, -е-, -и-*. Данные элементы представлены как тематические гласные в 1-м (*-а-*), 2-м (*-е-*) и 5-м (*-и-*) продуктивных классах. Но возникает вопрос об их **статусе** в морфологической (морфемной) структуре непроизводных глаголов.

В школьных учебниках и пособиях, да и в большинстве вузовских учебников и пособий, **все** тематические гласные рассматриваются как *суффиксальные морфемы*, выполняющие особую морфологическую основообразующую функцию, *независимо от наличия или отсутствия у них грамматического*

или словообразовательного значения. Эта точка зрения восходит к работам М. Докулила (см. ссылку в: [Немченко 1984: 44]). В этом случае признается их *морфемный статус*. Данной точке зрения полностью противопоставлена позиция, в соответствии с которой *все* тематические гласные рассматриваются как *асемантические* основообразующие элементы [Кубрякова 1974: 69], и, следовательно, их морфемный статус подвергается сомнению.

Эти однозначные решения большинством лингвистов не принимаются, поскольку в некоторых случаях тематические гласные совпадают с элементами, имеющими лексическую (словообразовательную) и грамматическую содержательность. Например, в составе глагола *синеть -е-* является не только тематическим гласным, но и суффиксом, с помощью которого данный глагол образован от прилагательного *синий* и представлен несовершенным видом. Таким образом, наличие словообразовательной пары свидетельствует о наличии семантики у гласного элемента, что позволяет определять его как морфему. Отсутствие словообразовательной пары характеризует гласный элемент как асемантический, т. е., в узком смысле, как собственно тематический.

На наш взгляд, понятие «тематические гласные» – это чисто *формальное* понятие, характеризующее элемент основ инфинитива и настоящего – будущего времени и участвующее в выделении формальных классов и групп. При этом гласный элемент может выделяться в структурном плане в составе лексической основы (*чит-а-тель*, *чит-а-льная*), а может отсутствовать (*чит-ение*, *чит-ец*, *чит-ка*). Асемантический характер тематических гласных дает ответ на вопрос о том, что обозначает, например, *-а-* в существительном *читатель*. Ничего. Он сохраняется в существительном на правах структурного элемента, указывающего на связь с производящей глагольной основой, образование которой включает тематический гласный *-а-*, имеющий асемантический характер.

Итак, в отношении статуса тематических гласных возможны разные мнения. На наш взгляд, в морфемном разборе глагола тематические гласные должны выделяться не как морфемы, а как асемантические элементы (асемантемы, структемы), участвующие в процессе основообразования, что и определяет их функциональное назначение. Думается, признание собственно тематических гласных суффиксами, по крайней мере, в производных глагольных словах типа *лежать* противоречит традиционному пониманию морфемы. В этом плане обращает на себя терминологическое сочетание «тематические гласные», соотносимое в определенном смысле с сочетанием «соединительные гласные». Они, как известно, в словах типа *пароход*, *землемер* не рассматриваются в качестве морфем, но при этом

выделяются в морфемном составе сложных слов в качестве особых структурных элементов. Это значит, что тематические гласные и соединительные гласные функционально значимы, выполняя структурную функцию. Однако их семантическая «опустошенность» не позволяет рассматривать данные элементы в качестве морфем как наименьших семантически значимых частей слова (словоформы).

Таким образом, с точки зрения концептуализации, тематические гласные в понимании их как асемантических элементов в составе непрямых глаголов отражают наши знания языка и о языке, но не знания о мире в языке.

Литература

- Болдырев Н. Н.* О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 12–28.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.–Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947.
- ГРЯ 1952 – Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952.
- Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009.
- Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа. М: Наука, 1974.
- Немченко В. Н.* Современный русский язык. Словообразование. М: Высшая школа, 1984.
- Распопов И. П.* О преемственности в преподавании русского языка в школе и вузе // Школьная и научная грамматика. Воронеж: ВГУ, 1977. С. 3–8.
- Распопов И. П., Ломов А. М.* Основы русской грамматики. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984.
- Шарандин А. Л.* Динамическая природа концептуализации и категоризации как основа речевой деятельности человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 75–81.

*A. L. Sharandin (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THEMATIC VOWELS OF THE RUSSIAN VERB IN THE ASPECT OF LINGUISTIC CONCEPTUALIZATION

In the article, thematic vowels in non-derived verbs of the lying type are considered as asemantic elements that perform a fundamental function. Consequently, they cannot be recognized as morphemes (suffixes) since they do not have semantic content, although they are functionally significant. From the point of view of conceptualization,

thematic vowels as asemanitic elements in the composition of non-derived verbs reflect our knowledge of the language and about the language, but not our knowledge of the world in the language.

Key words: Russian verb, conceptualization, knowledge of the language, about the language and the world in the language, thematic vowels, aspectual basis.

Т. И. Шевченко, Т. В. Сокорева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
tatashevchenko@mail.ru, jey-1@yandex.ru

НОВАЯ ПАРАДИГМА РИТМА В XXI ВЕКЕ: КАТЕГОРИИ ПЕРЕСМАТРИВАЮТСЯ

Статья посвящена появлению новой парадигмы ритма на рубеже столетий, когда концепция Аберкромби-Пайка, основанная на изохронности тактов или слогов, была отвергнута. Новые технологии продемонстрировали значение вариативности интервалов гласных и согласных для категоризации языков по типу ритма. Применение этого метода выявило ряд переходных типов, которые создают ритмический континуум.

Ключевые слова: категории ритма, вариативность гласных и согласных, технологии, континуум.

Смена парадигм ритма на рубеже столетий

В XX в. доминирующей теорией ритма была концепция Аберкромби-Пайка о типологическом делении всех языков мира по типу ритма на две категории: *слогосчитающие* и *тактосчитающие*. Соответственно, основными категориями (единицами) ритма были *слог* и *такт* (акцентная группа, ритмическая единица). Ритм, по мнению сторонников этой теории, обеспечивался относительной *изохронностью* тактов или слогов, что давало основание для противопоставления германских языков, а также русского и арабского, как тактосчитающих, группе романских языков, наряду с большинством языков мира, прежде всего в Юго-Восточной Азии и Африке, как слогосчитающих. Однако на рубеже двух столетий благодаря экспериментальным работам британского [Roach 1982] и американского [Lehiste 1977] исследователей, изохронность ключевых ритмических единиц была опровергнута, а типологическое сходство/различие ритмов было истолковано как сугубо воспринимаемое качество речи, которое основано на *звучности*, т. е. на вариативности гласных и согласных. Именно воспри-

ятие ритмически различных языков в процессе овладения речью в раннем детстве подтолкнуло ученых к поиску таких характеристик звучащей речи, которые были доступны младенцам. Если ребенок англоговорящих родителей отличал звучание родной речи от французской речи, но не мог отличить звучание нидерландского языка от родного английского, значит он, действительно, относит нидерландский и английский к одной категории языков. Это можно было объяснить характером звучности гласных и согласных.

Современные технологии разрабатывались на основе принципов различной вокалической и консонантной насыщенности речи в разных языках, определяемых фонологическими и фонотактическими законами каждого языка. Так, например, в испанском языке, который относится к категории слогосчитающих языков, превалируют открытые слоги типа CV, нет кластеров согласных, нет редукции гласных в безударных слогах, что в целом дает большую вокалическую насыщенность по сравнению с английским языком [Dauer 1983].

Целый ряд конкурирующих методик обсчета (метрик) вариативности гласных и согласных были направлены по-прежнему на выявление ритмического типа изучаемого языка, а визуальное представление их результатов демонстрировало разделение на слогосчитающие и тактосчитающие языки. Только единицами обсчета стали не просодические единицы – слоги и такты, а вокалические и консонантные интервалы, единицы сегментного состава речи. Таким образом, если слоги в одних языках могут быть соотнесены с *морфемами*, как, например, в китайском языке, а такты в русском языке коррелируют с выделением *слова*, то вокалические и консонантные интервалы не соотносятся со смыслом речи, игнорируя границы слов и слогов. Только звучность, основанная на вариативности гласных и согласных, на относительной насыщенности речи теми или другими элементами, служит признаком определенного типа ритма в данном языке, дифференцируя две известные категории ритма, тактосчитающего (акцентного) либо слогосчитающего (слогового).

Программа Correlatore разработана итальянскими фонетистами [Mairano, Romano 2010]. В ее функционал заложены формулы всех известных современных методик для анализа речевого ритма:

- дельты (стандартное отклонение длительности вокалических интервалов ΔV , стандартное отклонение длительности консонантных интервалов ΔC , доля вокалических интервалов во фразе $\%V$);
- индекс парной вариативности PVI (для ненормированной по темпу речи $VrPVI$ и $CrPVI$, для нормированной по темпу речи $VnPVI$ и $CnPVI$);

- коэффициент вариативности нормализованной по темпу речи Varco (для вокалических интервалов VarcoV, для консонантных интервалов Varco C);
- индекс компенсации и контроля CCI (для вокалических интервалов vCCI, для консонантных интервалов cCCI).

Эффект применения новых метрик для классификации языков и стилей речи

Разработанные метрики в сочетании с компьютерной программой PRAAT [Boersma, Weenink 2023] и программами для автоматической сегментации речи, аннотирующими речь для выделения гласных и согласных, получили распространение в исследовательской практике на материале различных языков. Наибольшее число работ используют метод PVI для сопоставления ритма территориальных вариантов английского языка, так называемых «новых английских языков» в Сингапуре, Индии, Гонконге, на Филиппинах [Fuchs 2016]. Так было установлено, что на этих территориях под влиянием местных языков-субстратов английский язык приобрел черты слогового ритма, причем в разной степени, как это было выявлено при сравнении мандаринского и кантонского вариантов английского языка в Китае [Mok, Dellwo 2008], индийского и гонконгского вариантов [Казакова 2014] и других. При этом, как и следовало ожидать, границы двух категорий оказались размыты, и между прототипическими германскими и прототипическими романскими были обнаружены переходные типы. В Европе испанский язык Каталонии занял промежуточное положение между прототипическими тактосчитающими и слогосчитающими языками; аналогичным образом русский язык оказался рядом с турецким в срединном положении [Terperman, Nava 2011]. Тем самым дихотомия двух категорий сменилась *континуумом* с переходными формами и разной степенью выраженности одного качества.

Однако относительная доступность метрик не обеспечивает полную надежность полученных данных, поскольку самый известный результат сопоставления различных вариантов английского языка был основан на сравнении индивидуальных данных носителей языка, по одному на каждый представленный язык [Low, Grabe, Nolan 2000], и сравнивать последующие результаты с такими данными некорректно. Метрики оказались весьма чувствительны к звуковому составу речи, и потому эксперименты требуют повторения многих условий выбора информантов и материала, включая стилистические ограничения и размеры выборки для статистики. (См. критику метрик в [Arvaniti 2009]). Каждая метрика опирается на выбор определенной

стороны звукового состава речи. Так, например, метрика CCI (индекс компенсирующего и контролирующего типов) учитывает способность языка компенсировать длительность гласных при увеличении/уменьшении их числа в слоге, в отличие от относительно неизменной длительности гласных во всех слогах другого языка. Соответственно, компенсирующая функция наблюдается в акцентных языках, а контролирующая – в слоговых. Метрика CCI применяется для сопоставления вариантов одного языка и способна отразить стилистические и гендерные различия в ритме, в частности для сопоставления австралийского и новозеландского вариантов монологической речи [Borzykh, Shevchenko 2025]. В результате было обнаружено значительное отличие от ранее полученных данных на материале чтения у другой группы носителей из Австралии [Буряя 2023]. Дальнейший поиск ритмических категорий, таким образом, предполагает строгий подбор стилистически различных проявлений ритма в речи одной когорты носителей языка, что стало возможно благодаря корпусам аутентичной речи [Шевченко, Борзых 2025].

Выводы

Представленная в статье концепция ритма основана на фонологических и фонотактических особенностях разных языков, которые проявляются в вариативности и протяженности вокалических и консонантных интервалов, т.е. единиц сегментного состава звучащей речи, обеспечивающих категоризацию языков по типу ритма. Опыт применения разработанных современных технологий анализа звучащей речи показывает, что границы этих категорий размыты, и это обеспечивает наличие переходных типов в обнаруженном ритмическом континууме языков. Кроме того, результаты исследования могут зависеть от стилистической направленности дискурса.

Литература

Буряя Е. А. Просодический ритм и гендерная дифференциация (на материале австралийского варианта английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1(869). С. 32–40.

Казакова О. В. Просодические характеристики английского языка в Гонконге // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 1(687). С. 88–100.

Шевченко Т. И., Борзых А. А. Словесное ударение английского языка в ритмическом контексте речи жителей Австралии и Новой Зеландии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1(895). С. 112–118.

Arvaniti A. Rhythm, Timing and the Timing of Rhythm // *Phonetica*. 2009. № 66. P. 46–63.

Roach P. On the Distinction between ‘Stress-timed’ and ‘Syllable-timed’ Languages // *Linguistic Controversies* / ed. by D. Crystal. London: Edward Arnold, 1982. P. 73–79.

Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.3.18, retrieved 25 October 2023 from <http://www.praat.org/>

Borzykh A., Shevchenko T. Multidimensional Rhythm: Comparing Rhythmic Properties of Australian and New Zealand Monologues. In: Karpov, A., Delić, V. (eds) *Speech and Computer. SPECOM 2024. Lecture Notes in Computer Science*, 15299. Springer, Cham 2025. https://doi.org/10.1007/978-3-031-77961-9_18

Dauer R. M. Stress-timing and syllable-timing reanalyzed // *Journal of Phonetics*. 1983. Vol. 11 (1). P. 51–62.

Fuchs R. Speech rhythm in varieties of English: Evidence from educated Indian English and British English. Springer, 2016.

Lehiste I. Isochrony reconsidered // *Journal of Phonetics*. 1977. № 5. P. 253–263.

Low E., Grabe E., Nolan F. Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English // *Language and Speech*. 2000. № 43. P. 377–401.

Mariano P., Romano A. Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore // *La dimensione temporal del parlato*. Proc. of the V National AISV Congress. University of Zurich, Collegiengebaude. Torriana (RN): EDK / Schmid S., Schwarzenbach M., Studer D. (eds.). 2010. 4–6 February. P. 79–100.

Mok P., Dellwo V. Comparing native and non-native speech rhythm using acoustic rhythmic measures: Cantonese, Beijing Mandarin and English // *Proceedings of the 4th Speech Prosody*. P. 423–426. Campinas, Brazil 2008.

Tepperman J., Nava E. Long-distance rhythmic dependencies and their application to automatic language identification // *Proceedings of Interspeech 2011*. Florence, 2011. P. 1061–1064.

T. I. Shevchenko, T. V. Sokoreva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE NEW PARADIGM OF RHYTHM IN THE XXI CENTURY: THE CATEGORIES ARE RE-CONSIDERED

The study is concerned with the new paradigm of rhythm which appeared at the turn of the century when Abercrombie-Pike conception based on the isochrony of either feet or syllables was denounced. New technologies demonstrated the relevance of vowel and consonant intervals’ variance for categorizing rhythm types of languages. The application of the method revealed a number of intermediate cases which provided for rhythm continuum.

Key words: rhythm categories, vowels and consonants’ variance, technologies, continuum.

III. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Е. Г. Беляевская (Москва, Россия)

Московский государственный
лингвистический университет
bellgeorgelena@gmail.com

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ИДИОМ: О СУЩЕСТВОВАНИИ 3-D ФРЕЙМОВ

Обращение к фреймам при моделировании семантики лексических единиц и семантики идиом существенно различается. Моделирование лексического значения возможно через обращение к фрейму соответствующего обозначения и его фокусировке. Для моделирования семантики идиом необходимо учитывать комплекс из трех фреймов, имеющих разную структуру, то есть трехмерный фрейм (3-D фрейм).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивное моделирование, фреймовый анализ, лексическая семантика, фразеологическая семантика.

Как известно, понятие фрейма и производное от него представление о фреймовых семантиках, связанное с именем М. Минского, пришло в лингвистику из сферы искусственного интеллекта, где фрейм изначально рассматривался как аналог ментальных структур (в частности, структур памяти) человека, хранящих знание человека о мире и о языке, необходимом человеку для получения, передачи и хранения информации, а также для обеспечения коммуникации с другими людьми. Иными словами, фрейм был призван указать на единство ментальных (информационных) структур и структур языковых, которые позволяют это знание вербализовать, то есть перевести его в некую материальную форму. Именно поэтому сам М. Минский, впервые употребив термин «frame» в конце 60-х годов XX века (в его публикациях термин появился в 1975 г. [Minsky 1975]), достаточно быстро заменил его термином «neural networks» (нейросети), акцентировав ментальную составляющую понятия «frame».

Лингвистов, естественно, интересует языковая составляющая фрейма, но по умолчанию предполагается, что структурная организация и ментальной, и языковой части фрейма совпадают.

В лингвистике обращение к фреймам позволяет проводить исследование по целому ряду самых разных направлений. Например, анализ фреймовых структур, репрезентирующих стереотипные ситуации, можно использовать для решения многих проблем изучения дискурса [Беляевская 2011; 2021]. И, несмотря на то, что фреймы – это, прежде всего, аналоги ситуаций, они позволяют моделировать и семантику языковых единиц.

Однако, при решении разных групп исследовательских задач методика фреймового анализа меняется, и фреймы допускают такие модификации, поскольку это структуры гибкие, динамичные и вариативные. Так, моделирование лексической семантики при помощи фреймов позволяет объяснить полисемию, показав, что ***в языке за одной звуковой (и графической) формой может быть закреплено несколько фреймов с одинаковой концептуальной организацией***, что, собственно, и обеспечивает единство лексемы [Беляевская 1992; 2011]. Что касается моделирования семантики сверхсловных языковых единиц – устойчивых словосочетаний разных типов, которые функционируют в языке подобно словам, то здесь возникают определенные сложности. Целью данной статьи является обоснование того, что ***использование фреймов, и в первую очередь, ситуационных фреймов, может явиться основанием для моделирования семантики не только лексических, но и фразеологических единиц (ФЕ), и в результате такого моделирования можно обнаружить новый тип фрейма – трехмерный фрейм (3-D фрейм)***.

Прежде всего, необходимо отметить, что моделирование семантики ФЕ уже предпринималось (см., например, [Баранов, Добровольский 2008]), однако, по нашему мнению, «фразеологический фрейм» при этом отражал не столько семантику ФЕ, сколько научное знание о семантике ФЕ, где в качестве слотов выступали *денотат, коннотация, внутренняя форма, геистальт* и т. д.

Также следует отметить, что основная трудность с моделированием семантики ФЕ связана с тем, что фразеологизмы – это образные единицы, а определить, как сформировался образ и какие смыслы он несет, достаточно трудно. Неслучайно поэтому иногда к значениям многозначной лексемы относят только прямые значения слов, считая переносные значения (метафорические и метонимические) омонимами.

Для того, чтобы провести моделирование семантики ФЕ, следует обратиться к сложной трехмерной фреймовой конструкции, которая, в определенном смысле, является «зеркальным отражением» той структуры, о которой мы говорили в связи с моделированием полисемии. В последнем случае мы имеем дело с несколькими фреймами (по числу значений многозначной

лексемы), которые одинаково структурированы. **В основе семантики ФЕ лежат три одинаковых ситуационных фрейма, причем все фреймы имеют разную концептуальную структуру, но при этом составляют единый фреймовый комплекс.**

Первая фреймовая структура (F1) соответствует буквальному значению того словосочетания, которое лежит в основе ФЕ или, иначе говоря, сумме значений слов-компонентов ФЕ. Например, *beside oneself* – *около себя; *lead by the nose* – *вести за нос; *pay through the nose* – *платить через нос; *set someone's teeth on edge* – *поставить свои (чьи-либо) зубы на край. Очевидны и примеры из русского языка: *смаывать удочки*; *сесть в лужу*; *пальто на рыбьем меху*; *водить за нос*. Во фразеологии в этом плане часто говорят о *переменном прототипе*, однако, здесь подразумевается (относительно) осмысленное словосочетание, значение которого претерпело пересмысление, что бывает далеко не всегда. Более того, некоторые фразеологи считают, что прототипы фразеологических образов всегда «фантастичны» (ср. *сделать из кого-либо котлету*; *носить воду решетом*; и др.) или вообще отсутствуют (*тары-бары растабары*; *точить лясы*). Тем не менее, пояснить, в чем состоит исходный смысл словосочетания, ставшего впоследствии ФЕ обычно (за редким исключением) возможно, иначе не была бы допустима ремотивация, например, для создания юмористического эффекта (– *Молодой человек! Спустите меня, пожалуйста, с лестницы!* (в смысле, помогите мне спуститься по крутой лестнице, сам я не могу.)).

Вторая фреймовая структура (F2) фиксирует значение ФЕ, которое дают лексикографические источники: *beside oneself* – in a state of such emotional excitement or confusion that one lacks self-control; *lead by the nose* – to persuade (someone) to do what one wants; control (a person) completely; *pay through the nose* – to pay a very high price (for something); *set someone's teeth on edge* – to annoy (someone) [LDEI]; *водить за нос* – обманывать, вводить в заблуждение, обычно обещая что-либо и не выполняя обещанного; *смаывать удочки* – поспешно уходить, отходить и т. п. откуда-либо; *сесть в лужу* – ставить себя в неловкое, глупое, смешное положение; *пальто на рыбьем меху* – не предохраняющий от холода, не согревающий (о верхней одежде); *носить воду решетом* – делать что-либо заведомо впустую, без результата [ФСРЯ].

Как показывает практика, информации, которую предоставляют фразеологические словари, недостаточно для правильного употребления фразеологизмов, особенно идиом, в речи. Особенно это заметно при изучении иностранного языка, когда обучающиеся выбирают ФЕ, опираясь на их словарное значение, но при этом не учитывают то, насколько правильно они

выбрали ситуацию для включения ФЕ в контекст. Такое употребление ФЕ «не к месту» очень характерно для иностранцев, и происходит это потому, что люди, не являющиеся носителями языка, недостаточно хорошо знакомы с *третьей частью фрейма фразеологической семантики* (F3) – особой когнитивной структурой, которая фиксирует то, как ФЕ *интерпретирует* ту ситуацию, по отношению к которой она используется (об интерпретирующей роли языка см.: [Болдырев 2023; 2024]).

В лингвистической литературе часто встречается утверждение о том, что «фразеологизмы функционируют в речи *подобно словам*». Однако, имеются и очень серьезные отличия. Как отмечала В. Н. Телия, основанием для выбора ФЕ в речи являются, прежде всего, передаваемые ими оценочные, эмотивные и экспрессивные смыслы [Телия 1996]. Так, например, говоря о том, что *кто-то работает спустя рукава*, мы фактически говорим не просто о том, что *кто-то работает плохо*, а о том, что он работает *без желания, не прикладывает должных усилий* и показывает всем, что *он не хочет работать*. Такую «привязку» к ситуации и эмоционально-оценочный фон употребления словари далеко не всегда фиксируют, хотя в настоящее время важность этого аспекта семантики ФЕ уже начинают признавать, что влияет на формулировки дефиниций:

beside oneself – unable to think clearly because you are very angry or excited || (*with*) *I felt sick, disgusted and beside myself with rage*; *pay through the nose* – to pay much, too much for something: *In the city center restaurants you pay through the nose for your drinks*; *set someone's teeth on edge* – if something such as a sound sets your teeth on edge, you think it is very unpleasant or annoying [MED].

Третье (интерпретирующее) измерение фрейма фразеологической семантики (F3) имеет и еще одну особенность, которая отличает семантику ФЕ от лексической семантики. Оценочная коннотация лексических единиц является инференцией из концептуальной внутренней формы (КВФ) лексемы, то есть может быть получена на основании логического вывода из той когнитивной структуры, которая «накладывается» на фрейм обозначения, формируя его фокус [Беляевская 2005]. В случае семантики ФЕ мы имеем как бы зеркальное отражение такой конструкции, где интерпретирующий фрейм F3 задает оценочный фокус ситуации, вокруг которого далее и формируется новое переосмысленное видение ситуации, то есть семантика ФЕ.

Интерпретирующий фрейм F3 формируется самостоятельно, и о принципах его формирования мы пока что мало знаем. Можно полагать, что интерпретационные закономерности конструирования фразеологических образов обладают национально-культурной спецификой как характерные именно для данной языковой системы направления (метафорического) пере-

осмысления знаний о мире. Такое объяснение особенностей семантики ФЕ можно подтвердить, если рассмотреть, как проходит переосмысление одного и того же (исходного) фрейма, или, по крайней мере, двух очень близких фреймов в разных языках. В английском языке в ФЕ *lead smb by the nose* особую роль играет глагол *to lead*, который акцентирует идею первенства, лидерства, влияния, и это в ходе переосмысления словосочетания выводит на первый план идею *давления на окружающих, способности подчинить их своей воле, убедить их в своей правоте*. Можно полагать, что F3 идиомы *lead smb by the nose* – это оценочное отношение к человеку, которого легко убедить в чем угодно. Напротив, в русском языке у идиомы *водить кого-либо за нос* F3 – представление о *злом обмане*, что роднит ее с такими ФЕ, как *остаться с носом* и *оставить с носом* [БФС], которые отсутствуют в английском языке и чужды ему.

В заключение отметим, что обозначения, которые мы использовали для описания когнитивной структуры фразеологического (идиоматического) **3-D фрейма (F1, F2, F3)** носят условный характер и не предполагают наличия какой-либо иерархической организации. Напротив, они тесно связаны между собой и составляют неразрывное единство – общий **фрейм семантики ФЕ**.

Литература

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.
- Беляевская Е. Г. Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах: когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991.
- Беляевская Е. Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 53–66.
- Беляевская Е. Г. Концептуальные структуры с постоянным и переменным фокусом // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 59–69.
- Беляевская Е. Г. Фрейм? Фрейм ... Фрейм! // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 17–24.
- Болдырев URL. Болдырев Н. Н. Интерпретация мира в языке // Большая российская энциклопедия: [электронный ресурс]. Дата публикации: 25 апреля 2023 года. URL: <https://bigenc.ru/c/interpretatsiia-mira-v-iazyke-33ee97>
- Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: результаты исследования // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 48–53.
- БФС – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
- Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1978.

LDEI – Longman Dictionary of English Idioms. London: Longman, 1997.

MED – Macmillan English Dictionary. International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Ltd, 2002.

Mynsky M. A framework for representing knowledge // P. H. Winston (ed.). The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill Book, 1975.

E. G. Belyaevskaya (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

COGNITIVE MODEL OF PHRASEOLOGICAL MEANING: ON 3-D FRAME STRUCTURES

The application of frame semantics to modeling lexical meaning and modeling the meaning of idioms calls for quite different research procedures. It is possible to elaborate an acceptable model of lexical polysemy based on the uniform conceptual structuring and profiling of frames corresponding to the meanings of a polysemantic lexeme. It would hardly work for idioms, and the given paper argues the case for a 3-D frame bringing together three different profiles of one and the same situational frame to model the meaning of an idiom.

Key words: cognitive linguistics, cognitive modeling, cognitive models, frame analysis, lexical semantics, phraseological meaning.

Н. Ю. Бухнер (*Барнаул, Россия*)
*Алтайский государственный технический
университет им. И. И. Ползунова
nbuhner@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЛЕКСЕМЫ PUBLIC ENEMY В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-СМИ

Статья посвящена опыту реконструкции лингвокогнитивной модели лексемы *public enemy*, репрезентуемой в англоязычном новостном интернет-пространстве в 2024 г. Выявлено, что модель имеет трехчастную структуру – высокочастотный, среднечастотный и низкочастотный компоненты, и включает в себя 11 категорий, группирующих однородные элементы.

Ключевые слова: англоязычное новостное интернет-пространство, лингвокогнитивное моделирование, категория, *public enemy*.

Глобальная коммуникационная сеть, как новая площадка для создания и трансляции информации, привнесла значительные трансформации в медиaprостранство, традиционно порождаемое печатными газетами и журналами в двадцатом веке. Внедрение цифровых технологий в медиа-среду позволило не только увеличить количество читателей за счет числа интернет-пользователей, но и предоставило ранее не существовавшие возможности для развития популярности СМИ посредством интернет-изданий, тем самым усилив влияние масс-медиа на сознание носителей языка [Комаров 2014: 123]. Сознание, «являясь высшей когнитивной способностью, имеет информационную природу» [Меркулов 2005: 144], и участвует в конституировании наивной картины мира – системы знаний о мире. Несмотря на индивидуализированность этой внутренней, существующей в ментальной сфере, системы, она находится во взаимодействии с другими внешними системами. Поскольку процесс когниции является неотъемлемой врожденной чертой любого индивида, постольку в языке отражаются лингвокультурные аспекты актуальные вне зависимости от исторического периода. Так, для англоязычной ментальности *enemy* и его вариация *public enemy* является одной из тем, порождающих медиа-дискурс на протяжении последних десятилетий [Ruth 1996].

Краткий ретроспективный обзор печатных и электронных изданий, посвященных этой теме позволил нам определить некоторые ее понятия: гангстер (1920–1940 гг.) [Ruth 1996], агрессор (1950–1970 гг.) [Чучуев 2019], террорист (1980–2000 гг.) [Friedrichs 2006]. Исследование образа *public enemy*, транслируемого англоязычной прессой, является одним из перспективных направлений для развития научной гуманитарной мысли в области политологии, социологии, лингвистики. Преимущества лингвокогнитивного подхода к анализу материалов, представленных в медиaprостранстве состоит в его возможности рассматривать любой текст, как результат речевой деятельности индивида, представляющий результаты его когнитивной деятельности [Цику 2008]. Основу словосочетания *public enemy* составляет бинарная оппозиция «свой-чужой», являющаяся когнитивной структурой, в которой «свой» мир определяется как понятный и безопасный, а «чужой» как неизвестный и представляющий опасность.

Целью нашего исследования является реконструкция лингвокогнитивной модели *public enemy*, конституируемой англоязычными интернет-СМИ в 2024 г. Материалом для исследования стали данные базы языка News on the Web (Новости в интернете) [Now Corpus], в которой посредством

целенаправленного поиска словосочетания было найдено 820 упоминаний за указанный временной период. Первый этап работы с данными состоял в исключении из полученного объема данных повторяющихся ссылок (254), а также тех, которые посвящены музыканту с ником Public Enemy (400). По результатам второго этапа отбора в последующий анализ также не включены ссылки, обращающиеся к: эпохе врагов общества (1931–1934, США) (9), пьесе «Враг народа» Г. Ибсена (3), роману «Злая: жизнь и времена злой ведьмы Запада» Г. Магуайра (2), сериалу «Улица Коронации» (20). В результате проведенной работы из полученного объема данных были сепарированы 659, и далее моделирование производилось с опорой на оставшиеся 132 ссылки.

Реконструкция модели состояла в определении категорий, которых было найдено 11, каждая из которых интегрирует однородные когнитивные элементы – упоминания *public enemy* в англоязычном новостном интернет-пространстве. Дальнейшее моделирование показало, что найденные категории легко распределяются в группы в соответствии с суммарным упоминанием их сгруппированных однородных когнитивных элементов, и лексему *public enemy* можно представить в виде трехчастной структуры, состоящей из: высокочастотного (более 40%), среднечастотного (от 10,1% до 39%) и низкочастотного компонентов (менее 10%). К первому компоненту модели – высокочастотному отнесена только одна категория – *персоны*, суммарное упоминание элементов которой составило 49,2% от общего числа отобранных элементов. Ко второму – среднечастотному, причислены две категории: *организации/объединения* – 15,2% и *социально-экономические/политические явления* – 14,4%. Третий компонент – низкочастотный – составили: *представители фауны* 6,8%, *вредные привычки и средства их формирования* 3,8%, *страны* 3%, *продукты* 2,3%, *материалы, цифровые технологии, растения* по 1,5%, *религия* 0,8% (табл. 1).

Первый – высокочастотный компонент модели, наиболее актуален для современного англоязычного интернет-пространства и представлен **именами собственными персон** (65), известными своей деятельностью в различных сферах, наиболее часто упоминаем – *Д. Трамп*:

– спортсмены (31): *М. Сирадж* (3), *В. Кахли* (2), *Р. Виранк* (2), *Ю. Клопп* (2), *Д. Брукс* (1), *К. Готье* (1), *У. Гэтланд* (1), *Н. Диквелла* (1), *Ли Кан Ин* (1), *К. Корнес* (1), *К. Кершоу* (1), *Б. Морено* (1), *С. Карри* (1), *М. Кокс* (1), *А. Кэри* (1), *К. Лемьё* (1), *Л. Мартин* (1), *К. Мбанге* (1), *У. Перумал* (1), *Ю. Путинцева* (1), *Р. Родригез* (1), *К. Спикмэн* (1), *К. Чалмерс* (1), *Ж. Эмбиид* (1), *Ш. Аль-Хасан* (1), *Т. Янг* (1),

Таблица 1

Лингвокогнитивная модель *public enet*
в англоязычном новостном интернет-пространстве

I	ВЫСОКОЧАСТОТНЫЙ КОМПОНЕНТ							
	ПЕРСОНЫ – 49,2%							
II	СРЕДНЕЧАСТОТНЫЙ КОМПОНЕНТ							
	ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЪЕДИНЕНИЯ – 15,2%				СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ – 14,4%			
III	НИЗКОЧАСТОТНЫЙ КОМПОНЕНТ							
	ПРЕДСТАВИТЕЛИ ФАУНЫ	ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ И СРЕДСТВА ИХ ФОРМИРОВАНИЯ	СТРАНЫ	ПРОДУКТЫ	МАТЕРИАЛЫ	ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	РАСТЕНИЯ	РЕЛИГИЯ
	6,8%	3,8%	3%	2,3%	1,5%	1,5%	1,5%	0,8%

– политические деятели (19): Д. Трамп (7), Я. Синвар (4), К. Баденок (2), А. аль-Джулани (1), Г. Генслер (1), Р. О'Горман (1), Р. Кеннеди-младший (1), Н. Моды (1), Н. Уике (1),

– артисты (8): Т. Сандовал (2), Л. Филлипс (2), Р. Ганн (2), Б. Лайвли (1), Д. Роган (1),

– представители Королевской семьи (4): Королева Камилла (3), М. Маркл (1),

– преступники (2): Б. Нельсон (1), Т. Кашман (1),

– журналист (1): Д. Ассанж (1).

Например: “*And so their leader led by example: Jolani gave Dr. Suleiman several days to pack his belongings ... It was a homecoming with a twist*

for a man who, until last week, was Syria's number one public enemy" [Al-Atrush, Spencer 2024].

Вторая часть модели образована двумя категориями: организации/объединения и социально-экономические/политические явления, причем *коррупция* – наиболее частотный элемент. Категория, группирующая упоминания деятельности **организаций и объединений**, интегрирует: *крупные банки* (2), *супермаркеты/продуктовые гиганты* (2), *пресса* (2), *лесное хозяйство* (1), *армия* (1), *табачная промышленность* (1), *правительство* (1), *законодатели* (1), *политики* (1), *Real* (1), *Netflix* (1), *Coles* (1), *Woolworths* (1), *Gensler* (1), *Pitchfork* (1), *ANC* (African National Congress) (1), *Microsoft* (1). Другая категория отражает наличие **социально-экономических и политических явлений** (19) в обществе: *коррупция* (6), *инфляция* (3), *климатические издержки* (1), *национальная жадность* (1), *оплата труда* (1), *рецессия* (1), *отсутствие безопасности* (1), *домашнее насилие* (1), *поляризация* (1), *политический режим* (1), *идеология ИГ* (1), *преступность* (1). В качестве примера можно привести следующую цитату: «*Today I sense an anger, a demand that this time once and for all it is made clear that the public enemy No 1 is crime,*” said *Calderón*» [Graham 2024].

Третья часть модели – низкочастотный компонент, самым упоминаемым элементом которой является *Микки и его команда*, представлена совокупностью восьми категорий, доля упоминания которых составила менее 10%: **представители фауны** (9): *крысы/Микки и его команда* (5), *чайки* (4), **вредные привычки и средства их формирования** (5): *наркомания* (2), *наркотики* (2), *алкоголь* (1), **страны** (4): *Китай* (2), *Иран* (2), *Эфиопия* (1), **продукты** (3): *сахар* (1), *поддельные закуски* (1), *маньчжурская кухня* (1), **материалы** (2): *пластик* (1), *салфетки* (1), **цифровые технологии** (2): *ИИ* (1), *приложения* (1), **растения** (2): *сорняки* (2), **религия** (1): *Ислам* (1). Например: *Let's figure out how we unify against what I consider to be public enemy number one, Mickey and his crew* [Brown, Troutman, McCarthy 2024].

Таким образом, реконструкция лингвокогнитивной модели лексемы *public enemy* в англоязычных интернет-СМИ позволила сделать следующие выводы. Во-первых, в качестве *public enemy* может выступать как конкретное, так и абстрактное понятие. Во-вторых, наиболее частотными элементами модели являются: *Д. Трамп* (7), *коррупция* (6), *Микки и его команда/крысы* (5). В-третьих, поскольку модель – это концентрированное выражение сущности объекта, то и выявленные 11 категорий реконструированной модели актуальны исключительно для ее современного состояния (2024 г.), при

этом зафиксированная исследованием трехчастная структура, включающая высокочастотный, среднечастотный и низкочастотный компоненты, может оставаться неизменной.

Литература

Комаров Е. Н. К вопросу о роли СМИ в формировании медиа-картины мира // *Lingua mobilis*. 2014. № 3 (49). С. 122–129.

Меркулов И. П. Сознание как когнитивная способность // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2005. № 4. С. 144–158.

Чучуев Д. О. Современный дискурс «холодной войны»: фаза ретроспекции концепта «враг» // *Социально-гуманитарные знания*. 2019. № 4. С. 344–349.

Цику Л. Х. Текст как результат речевой деятельности // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2008. № 86. С. 262–265.

Friedrichs J. Defining the international public enemy: the political struggle behind the legal debate on international terrorism // *Leiden Journal of International Law*. 2006. T. 19. № 1. С. 69–91.

Now Corpus (News on the Web). URL: <https://www.english-corpora.org/now>

Al-Atrush S., Spencer R. Who is Abu Mohammed al Jolani? “Polite” Syrian leader heads home // *The Times*, 11.12.2024. URL: <https://www.thetimes.com/world/middle-east/article/abu-mohammed-al-jolani-syrian-leader-xx-9z3lbtjtjg>

Brown H., Troutman M., McCarthy C. Inside NYC Mayor Eric Adams’ long hatred of rats: A pet named ‘Mickey,’ boozy traps and his family’s Alabama farm // *New York Post*, 19.09.2024. URL: <https://nypost.com/2024/09/19/us-news/mickey-boozy-traps-alabama-farms-mayor-eric-adams-rat-hatred-has-a-long-tail/>

Graham T. Mexico’s bloody cartel war rages as myth of the ‘good narco’ wears thin // *The Guardian*, 22.12.2024. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/22/mexico-sinaloa-cartel-good-narco>

Ruth D. E. *Inventing the public enemy: The gangster in American culture, 1918–1934*. University of Chicago Press, 1996.

N. Yu. Bukhner (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University

PUBLIC ENEMY IN ENGLISH INTERNET MEDIA: LINGVOCOGNITIVE MODEL

The article is devoted to the lingvocognitive model of the lexeme *public enemy*, represented in the English Internet media in 2024. It is revealed that the model has a three-part structure – high-frequency, medium-frequency and low-frequency components, and includes 11 categories grouping homogeneous elements.

Key words: English Internet media, lingvocognitive simulation, category, public enemy.

А. А. Горбунов (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
alexandregorbunov@gmail.com

ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛОВ-ЛОКАТИВОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИИ СТРАХА

Корпусное исследование направлено на выявление глаголов-локативов современного английского языка (СОСА) и определение их потенциала в концептуализации эмоции страха (*fear*) в английской языковой действительности. В результате было установлено, что их доля составляет треть от общего числа всех глаголов в рассмотренных коллокациях, что позволяет говорить об их относительно высокой степени продуктивности в данном процессе.

Ключевые слова: СОСА, локатив, концептуализация эмоций, метафорическое выражение, когнитивная метафора.

Слово играет не последнюю роль в процессе концептуализации тех или иных явлений языковой действительности, о чём говорит В. И. Шаховский, называя первое материальным знаком, отсылающим на содержание концепта [Шаховский 2009: 58]. Касательно выражения смысловых отношений посредством лексических и грамматических средств языка писала также А. И. Варшавская в монографии «Смысловые отношения в структуре языка». Ученый приводит список из 15 смысловых отношений, которые передаются лексическими средствами, выделяя первыми из них *пространственные, локальные, локативные* как наиболее представленными в языке. В частности, передача данного типа отношений осуществляется по большей части глаголами, а именно глаголами местоположения, направленного движения, направленного действия, универсальными типами глаголов [Варшавская 1984: 33–39].

Следовательно, можно сделать предположение о том, что именно данные группы глаголов будут также обладать выраженным потенциалом в концептуализации тех или иных явлений языковой действительности, в частности, эмоций. В целях подтверждения или опровержения данной гипотезы мы провели исследование на материале текстов из корпуса современного английского языка (The Corpus of Contemporary American English). Так, нами был осуществлён поиск, отбор и анализ локативных глаголов английского языка в их непосредственной коллокации с лексемой *fear*, которая является вербализацией такой базовой негативной эмоции, как страх. В ходе исследе-

дования было задано три основных поисковых запроса: 1) *fear_nn VERB*, 2) *VERB fear_nn* и 3) *VERB PREP fear_nn*, которые в основном соответствуют синтаксическим отношениям подлежащего и сказуемого в первом случае и сказуемого и дополнения/обстоятельства в двух оставшихся. Результаты поисковой выдачи были ограничены размером количества коллокаций равной 200 и сгруппированы по абсолютной частоте встречаемости (RAW FREQUENCY). Поскольку данный корпус не позволяет указать семантические характеристики коллоката и затем представить список именно глаголов-локативов (в отличие от Национального корпуса русского языка), то из общего списка глаголов нами вручную был проведён отбор глаголов движения, местоположения и направленного действия. Для этих целей был проведён компонентный анализ словарных дефиниций глаголов, а в некоторых случаях и этимологический с целью подтверждения наличия в них семы движения.

Таким образом, первый поисковой запрос (*fear_nn VERB*) в общей сумме выдал список коллокатов-лексем к ключу *fear*, которые представлены глаголами различной семантики, из 200 единиц (как максимум по введённому ограничению). Затем из данного списка мы выделили 75 глаголов-локативов (соотношение 37,5%), таких как *come, go, grow, lead, turn, run, stop, drive, leave, remain, creep, rise, bring, spread* и др. По абсолютной частоте встречаемости на первом месте глагол *come*, на последнем – *connect, accompany, burst* (одинаковая встречаемость). Помимо наиболее частотных и основных глаголов движения, таких как *come, go, return*, встречаются и такие с более узкой семантикой, например, *creep, surround, vanish, fade, lurk, stir, crawl, ebb, surge, ripple*. По характеру движения обнаруживаем глаголы с указанием как на вертикальную (*grow, rise, arise, fall, lie, crawl, slide, leap, emerge*), так и на горизонтальную проекцию (*lead, run, sweep, cross, pass, enter, push, course*). Стоит также отметить наличие таких глаголов, которые содержат семы с описанием не только двухмерной проекции, но и объёмной (*surround, stir, wrap, roll, flood, burst*). Кроме того, обнаруживаем здесь глаголы, обозначающие появление в пространстве (*stem, arise, enter, appear, emerge*), нахождении в некоем условном пространстве (*remain, linger*) и выход из пространства (*leave, vanish, fade, disappear, dissipate, replace*). Интересны случаи метафоризации с применением глаголов-локативов, семантически относящихся к водным пространствам (*stir, ebb, ripple, flood, flow*). Непосредственный анализ конкордансов позволяет сделать следующие общие выводы. Лексема *fear*, при употреблении с личными формами данных глаголов (подлежащее и сказуемое), образует во всех случаях метафорические выражения, основанные на персонификации – соответствующая эмоция имеет воплощение и способна к непосредственному совершению действий,

связанных с перемещением в пространстве. Однако встречаются и случаи с осложнением причастным оборотом (здесь и далее примеры из СОСА – *we now have fear bordering on panic, There is so much fear surrounding this issue, he'd lived his whole life in selfish fear surrounded by those..., rationality is used to subdue the fears stirred by supernatural events*). Примечательно, что из 4 случаев коллокации с глаголом *arrive* только два (например, *The lion of lions grew teeth and fear arrived in the forest*) указывают на прямую номинацию эмоции и действие, которое она непосредственно совершает, а в двух других лексема *fear* относится к имени собственному (заголовки некоторых медиа – *my copy of Wise Man's Fear arrived, with Rain of Fear arriving on November 28th*), для нашей выборки они не будут являться релевантными.

Второй и третий поисковые запросы были направлены на выявление таких коллокаций, в которых лексема *fear* по отношению к глаголам движения и направленного действия была бы употреблена в качестве прямого/косвенного дополнения (*direct/indirect object*) или обстоятельства (*adverbial modifier*). Далее рассмотрим каждый случай поисковой выдачи отдельно.

При поиске коллокаций глаголов и лексемы *fear* в качестве существительного без предлога получаем список из 200 глаголов (макс. ограничение), из них 54 глаголы-локативы (27%). Обнаруживаем как глаголы, рассмотренные выше, так и встречающиеся в нашем исследовании впервые, например *promote, mount, heighten, alleviate, carry, address, propagate, transcend*, которые будут относиться к группе с более узкой семантикой, чем у базовых глаголов движения. В данной поисковой выдаче наиболее встречаемый глагол-локатив *overcome*, редко встречаемый – *overwhelm*. Проекция движений так же разнонаправленная. Исходя из анализа конкордансов данной поисковой выдачи, можем сделать следующие выводы: 1) данная эмоция может быть представлена неким препятствием, которое необходимо либо преодолеть (*It's about overcoming fear, mount fear, transcend fear*), либо избежать (*The way to avoid fear of death*); 2) эмоцию можно передавать, распространять (*spread, promote, sow, stir, send, prompt, push, cultivate, propagate*); 3) поскольку данной эмоции свойственна своя градация, то встречаем коллокации указывающие как на увеличение/рост характеристик (*arouse, increase, raise, heighten*), так и уменьшение/снижение (*alleviate, suppress, decrease, dispel, lessen, lose, release*); 4) эмоцию можно представить предметом, который можно перемещать (*put, sow, keep, turn, remove, hold, handle, leave, hide, push, throw, carry, release*); 4) эмоция обладает свойством переходности (*transform*). Отдельно примечательны коллокации с глаголом *follow*, указывающие на роль эмоции в виде ведущего (что соотносится с встречаемыми коллокациями из запроса выше – *fear + lead*).

Наконец, последний поисковый запрос был направлен на выявление коллокаций глаголов-локативов и лексемы *fear* с любым предлогом. Опять же в результате получаем список из 200 единиц – коллокатов (макс. ограничение), из которых 65 (32%) будут являться сочетаниями глаголов-локативов с предлогами. Направленность данных глаголов так же разноплановая. Анализ конкордансов позволяет сделать вывод о том, что коллокация глагола-локатива с предлогом и существительным *fear* будет в подавляющем большинстве случаев указывать на причинно-следственные отношения: действия, выраженные данными локативами, будут являться следствием переживания эмоции, выраженной лексемой *fear*. Зачастую в таких выражениях употребляется предлог *in* (*cower in, flee in, freeze in, run in, recoil in, walk in, stand in, leave in* и др.) и *with* (*shake with, tremble with, quiver with, lace with, cower with, move with, jump with* и др.). Соответственно данная синтаксическая конструкция (глагол-локатив + предлог + существительное *fear*) будет образовывать выражения, имеющие наименьшую степень метафоричности, по сравнению с двумя рассмотренными выше. В некоторых случаях всё же можно говорить о явлении персонификации (*paralyze by fear; immobilize by, guide by, seize by*).

Таким образом, поставленная в начале исследования гипотеза подтверждается: многообразие коллокаций глаголов-локативов с лексемой *fear* и их разноплановость (несколько видов проекции, наличие как основных глаголов движения, так и с узконаправленной семантикой) может говорить о высоком потенциале данной лексики в процессе концептуализации эмоции страха в современном английском языке (американский английский), о чём свидетельствует их значимая доля в общем списке глаголов-коллокатов – они составляют около трети из всех часто встречающихся глаголов с лексемой *fear*. Наибольшая метафоричность будет наблюдаться в выражениях, включающих коллокацию существительного *fear* и глагола движения в личной форме, в частности, наблюдаем явление персонификации. Кроме того, было проведено аналогичное корпусное исследование текстов русского языка (НКРЯ), а затем выполнено количественное сравнение результатов. Так, было обнаружено, что в английском языке больше лемм глаголов-локативов употребляется с существительным *fear* с синтаксическими ролями сказуемого и подлежащего, чем в русском языке лемм глаголов такого типа в роли сказуемого и лексемы *страх* в качестве подлежащего – 75 в английском против 63 в русском языке. Однако при сравнении результатов коллокаций, где лексемы *fear* и *страх* в двух языках являются дополнениями (прямыми и косвенными) или обстоятельствами, наблюдаем перевес в количестве лемм глаголов-локативов русского языка – 156 лемм в русском языке про-

тив 119 в английском. Стоит также отметить, что по материалам текстов на русском языке в полном списке поисковой выдачи указываются «параллельные» или «парные» леммы глаголов-локативов, отличающихся по виду (совершенный, несовершенный вид), например «приходить» – «прийти». Из всего этого можно сделать вывод, что в обоих языках данные типы глаголов действительно участвуют в процессе концептуализации такой базовой эмоции, как страх, однако его вербализация в английском языке представлена шире, большими уникальными токенами (леммами глаголов-локативов). Будет представлять интерес проведение смежных корпусных исследований, ключом которых будут являться лексемы из одного семантического поля уже рассмотренных (*worry, fright, scare, shock, terror, horror, phobia* и др.), что впоследствии позволит выйти на уровень выявления уже основных когнитивных метафор, относящихся к данной эмоции, с компонентами ПРОСТРАНСТВО или ДВИЖЕНИЕ.

Литература

Вариавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале английского языка). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1984.

Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Доница О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.

Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009.

Davies M. The Corpus of Contemporary American English (COCA). 2008. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

A. A. Gorbunov (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

POTENTIAL OF ENGLISH LOCATIVE VERBS IN CONCEPTUALIZING THE EMOTION OF FEAR

The corpus-based research aims at identifying English locative verbs and their potential in conceptualization of fear in the contemporary English language (COCA). As a result, we found out that their relation to other verbs in such collocations is one third, which suggests their rather high degree of productivity in this process.

Key words: COCA, locative, emotion conceptualisation, metaphoric expression, cognitive metaphor.

В. Е. Дефорж (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет

им. А. С. Пушкина

valdesf@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ LLM-СЕРВИСОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В данной работе исследуется потенциал больших языковых моделей (LLM) в развитии различных аспектов речевой деятельности в процессе обучения иностранным языкам. В исследовании рассматривается роль LLM в развитии навыков письма и чтения за счет генерации текстов, расширения словарного запаса и обратной связи в режиме реального времени. Также рассматривается потенциал приложений на основе LLM для развития навыков аудирования и говорения. В статье обсуждаются конкретные упражнения и практическое применение LLM в изучении иностранных языков.

Ключевые слова: Большие языковые модели, изучение иностранных языков, искусственный интеллект в образовании, речевая деятельность, интерактивное обучение, цифровые инструменты.

Искусственный интеллект стал неотъемлемой частью большинства сфер современной жизни, в том числе и образования. Его использование предоставляет значительные преимущества как для учащихся, так и для преподавателей, для которых открылась возможность в значительной степени оптимизировать образовательный процесс в ходе использования различных программ для автоматизированной оценки знаний, разработки персонализированных учебных стратегий и отдельных упражнений.

Особое внимание следует уделить применению больших языковых моделей (Large Language Models, LLM) в обучении иностранным языкам. LLM представляют собой архитектуры искусственного интеллекта, полученные на массивах текстовых данных. LLM способны генерировать связный текст, неотличимый от созданного человеком, но в то же время, обладающий более высокими показателями простоты восприятия [Rashid, Atilgan, Dobres 2024]. В зависимости от настроек и задач, которые ставятся перед алгоритмом, они могут имитировать разные виды и стили речи, использовать заданные грамматические структуры и лексические единицы, соответствующие уровню обучающихся. Благодаря этому LLM могут использоваться в качестве инструмента для совершенствования различных видов речевой деятельности, включая чтение, письмо, говорение и восприятие речи на слух.

Современные студенты находятся в постоянном контакте с цифровыми технологиями, которые имеют значительное влияние на их когнитивные, коммуникативные способности и на личность в целом. Оценивая портрет современной молодёжи, можно заметить некоторые устойчивые изменения, как например, фрагментарность восприятия и усвоения информации, сниженный уровень эмпатии, сложности в установлении ценностных взаимоотношений с окружающими, сниженная мотивация при поиске нового знания, а также проверка его истинности, размытие собственного «Я» и многие другие (см. подробнее: [Третьякова, Церковникова 2021]).

Все эти особенности наиболее явно отмечаются среди поколения Z, отмечаются у представителей поколения Альфа, поэтому нам необходимо адаптировать существующие методики преподавания под новые условия.

Зачастую, в группах обучающихся, преподавателю достаточно сложно организовать полноценное общения на иностранном языке, в связи с разным уровнем подготовки и стрессом, который вызывает языковой барьер. Однако, именно благодаря возможностям программ, базирующихся на LLM, возможно снятие этой трудности, т.к. благодаря имеющейся обширной базе, наличие грамматических и лексических ошибок сводится к минимуму, а сервисы, которые поддерживают возможность голосового ввода и озвучивания фраз чат-ботов, их произношение, хоть и звучит не совсем естественно, не допускает фонетических ошибок. Включение программ и приложений, основывающихся на LLM, в образовательный процесс способствует не только развитию языковых навыков, но и формированию когнитивных способностей. Процесс обучения приобретает творческий и исследовательский характер, так как взаимодействие с виртуальными собеседниками стимулирует обучающихся к спонтанным высказываниям и поиску оригинальных решений. К тому же, такие языковые модели будут способны распознать фразы, даже если они будут содержать ошибки, и давать ответ на них в любом случае. Более того, знакомый интерфейс и простота освоения большинства программ помогут снизить волнение при выполнении заданий, что очень важно для неуверенных в себе студентов. Исследования программ и приложений на базе LLM в качестве учебных средств уже показывают оптимистичные прогнозы их использования [Jiang 2024].

Приложения на основе LLM-сервисов предоставляют широкие возможности для развития навыков письма и чтения. Они могут генерировать тексты на любую заданную тему, составлять подборки актуальной лексики внутри различных тем. На их основе обучающиеся будут видеть значительное разнообразие стилей языка. Кроме того, работа с LLM

программами предусматривает достаточно быструю ответную реакцию от программы, что позволит обучающимся сразу же видеть свои ошибки и безостановочно участвовать в переписке. Также формат переписки и возможность получать обратную связь способствуют повышению мотивации и лучшему удержанию внимания, нежели работа с обычным текстом [Tuен, Caines, Buttery 2024]. В зависимости от заданной задачи, LLM-сервисы могут имитировать различные виды ситуаций, благодаря чему обучение письму и чтению приобретает творческий и исследовательский характер [Park, Bae, Lee 2024].

Приведём некоторые примеры упражнений для развития навыков письма и чтения с использованием LLM. 1. Написание цельного учебного текста. Программы на основе LLM могут одновременно предложить темы для написания текста, сгенерировать его пример, а после оценить этот текст, что значительно упрощает работу преподавателя.

2. Участие в интервью, дебатах. С помощью такого типа упражнений, обучающимся предоставляется возможность принимать участие в подобных упражнениях без предварительной подготовки. Помимо языковых навыков, будет происходить развитие когнитивных навыков, а также критического мышления, умения доказывать свою позицию и т.д.

Помимо практики письма и чтения, приложения на основе LLM могут способствовать развитию навыков аудирования и устной речи. Например, платформа Character.ai позволяет пользователям общаться с виртуальными персонажами, которые озвучивают свои ответы, что помогает тренировать восприятие речи на слух. Параллельно с этим происходит и практика устной речи. Это особенно полезно в ситуациях, когда необходимо отработать диалогическую, спонтанную речь, в условиях, когда в учебной группе в целом наблюдается сниженный уровень развития речевых навыков (см. подробнее: [Sharma, Mhasakar, Mehra 2024]). Такой подход позволит всем обучающимся выполнить необходимое упражнение одновременно, а не ожидать своей очереди. В отличие от традиционных упражнений, где диалоги строго регламентированы и предсказуемы, взаимодействие с виртуальными собеседниками предлагает непредсказуемые сценарии общения, что побудит студентов к импровизации и более естественному использованию языка. В случае с привычными диалогами и монологами, они зачастую сводятся к машинальному заучиванию, что скорее тренирует память, и, возможно, артикуляционные навыки, нежели умение порождать высказывание.

Приведём некоторые примеры упражнений для развития навыков аудирования и устной речи с использованием LLM. 1. Разговорные практики

с чат-ботами. Обучающимся необходимо вступить в диалог с виртуальными собеседниками. Общение может проходить по заранее созданному преподавателем алгоритму или в свободной форме. Множество приложений предлагают возможности для общения как посредством текста, так и посредством голоса, что позволяет развивать умения внутри необходимого на данный момент вида речевой деятельности.

2. Ролевые игры. Преподаватели могут подготовить программу для чат-бота на основе LLM, который будет имитировать различные коммуникативные ситуации (например, покупка билетов, бронирование отеля, интервью при приёме на работу и многие другие).

Несмотря на все преимущества, которые предоставляют LLM-сервисы, исследования указывают на тот факт, что на данный момент эти когнитивные модели, всё ещё не могут сравниться с возможностями человека, в частности это касается эмпатии и точности ответов [Sharma, Mhasakar, Mehra 2024].

Использование LLM в обучении иностранным языкам открывает новые перспективы для развития речевых навыков у обучающихся. Эти технологии способствуют улучшению письма, чтения, аудирования и устной речи за счет персонализированного взаимодействия, мгновенной обратной связи и адаптации под индивидуальные потребности учеников. Применение LLM помогает снизить языковой барьер, повысить мотивацию и создать условия для более естественного общения на иностранном языке. Включение таких инструментов в образовательный процесс делает обучение более интерактивным, творческим и ориентированным на развитие критического мышления.

Литература

Третьякова В. С., Церковникова Н. Г. Цифровое поколение: потери и приобретения // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 2(45). С. 53–65. DOI 10.52944/PORT.2021.45.2.004.

Jiang H. Applications and Research Gaps of LLM-based English-as-a-foreign-language Education // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2024. Т. 39. P. 429–434.

Park J., Bae J., Lee U., Ahn T., Lee S., Kim D., Choi A., Jeong Y., Moon J., Kim H. How to Align Large Language Models for Teaching English? Designing and Developing LLM-based Chatbot for Teaching English Conversation in EFL, Findings and Limitations // arXiv preprint. 2024. arXiv:2409.04987.

Rashid M. M., Atilgan N., Dobres J., Day S., Penkova V., Küçük M., Clapp S. R., Sawyer B. D. Humanizing AI in Education: A Readability Comparison of LLM and Human-Created Educational Content // Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. 2024. Т. 68, № 1. P. 596–603.

Sharma S., Mhasakar M., Mehra A., Venaik U., Singhal U., Kumar D., Mittal K. Comuniqua: Exploring Large Language Models for Improving English Speaking Skills // Proceedings of the 7th ACM SIGCAS/SIGCHI Conference on Computing and Sustainable Societies (COMPASS '24). New York: Association for Computing Machinery, 2024. P. 256–267.

Tyen G., Caines A., Buttery P. LLM chatbots as a language practice tool: a user study // Proceedings of the 13th Workshop on Natural Language Processing for Computer Assisted Language Learning. Rennes: LiU Electronic Press, 2024. P. 235–247.

V.E. Deforges (Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

POTENTIAL OF LLM SERVICES APPLICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

This paper explores the potential of large language models (LLMs) in developing various aspects of speech activity in foreign language learning. The study examines the role of LLMs in developing writing and reading skills through text generation, vocabulary development and real-time feedback. The potential of LLM-based applications for developing listening and speaking skills is also examined. The article discusses specific exercises and practical applications of LLMs in foreign language learning.

Key words: Large Language Models, foreign language learning, artificial intelligence in education, speech activity, interactive learning, digital tools.

О. Г. Дубровская (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
o_dubrovskaya@inbox.ru

ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ МЕЖКОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

В работе устанавливаются особенности в построении межконцептуальных связей человеком (естественным интеллектом) и искусственными интеллектуальными системами. Выявлены разнообразные отношения между объектами и предметами окружающей действительности, когда они (объекты и предметы) «попадают» в поле внимания субъекта.

Ключевые слова: идентификация, естественный и искусственный интеллект, когнитивно-дискурсивная интерпретанта.

Эта работа – дань уважения и благодарности моему Учителю, юбиляру, Николаю Николаевичу Болдыреву, доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, посвятившему свою научную деятельность изучению вопросов взаимосвязи мыслительных и языковых механизмов формирования смысла как продукта человеческой деятельности по познанию мира. В своих научных статьях и в устном общении профессор Болдырев Н. Н. неоднократно подчеркивает значимость языка как когнитивной способности человека, как дара человеку и человечеству; призывает бережно относиться к языку как системе знаний человека о мире и о нем самом [Болдырев 2019].

Современный период жизнедеятельности человека характеризуется стремительным ростом технологических достижений, которые поступательно внедряются в так называемую *сугубо человеческую сферу деятельности*, а именно в сферу принятия решений, которые традиционно выполнялись главным органом нервной системы – мозгом, продуцирующим сознание (разум, интеллект) (ср. также идею о существовании нечеловеческого сознания у искусственного интеллекта в: [Анохин 2024]). Несмотря на положительные отзывы о работе искусственного интеллекта в разнообразных областях (промышленности, медицине, искусстве, инженерии, образовании и др.), а также обоснованные опасения об опережающем развитии искусственного интеллекта по сравнению с естественным интеллектом, на развитие и адаптацию которого необходимы биологические ресурсы, результаты работы искусственного интеллекта существенным образом отличаются от естественного в плане оригинальности, креативности, генерации нового знания.

Цель данной работы – установить особенности в построении межконцептуальных связей человеком (естественным интеллектом) и искусственными «интеллектуальными» системами. Материалом для исследования послужили результаты интеллектуальной деятельности переводчиков (Д. И. Ермоловича и П. Р. Палажченко в: [Ермолович, Палажченко 2025]) в виде вербальных вариантов перевода (в паре английский-русский) и результаты работы интеллектуальных систем – чата GPT, а также переводческой платформы DeepL. Выбор именно этого языкового материала обусловлен следующим: 1) переводческое решение – это сложный и многофакторный феномен, основанный на профессионализме переводчика, озарении и интуиции как интеллектуальной деятельности человека; 2) рефлексия и аргументированное доказательство, объясняющее выбор того или иного переводческого решения профессиональными переводчиками.

В работе проводится сопоставительный анализ результатов деятельности профессиональных переводчиков и искусственных интеллектуальных систем. С помощью метода анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты (подробнее в: [Дубровская 2014]) идентифицируются особенности межконцептуальных связей, устанавливаемых человеком и искусственной системой. Методологическим основанием для исследования послужили следующие положения: 1) интерпретация как «неотъемлемая часть семиозиса» представляет собой «языковую познавательную активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающую в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик» [Болдырев 2019: 253]; 2) когнитивно-дискурсивная интерпретанта дискурса (в отличие, например, от интерпретанты как составляющей знака) указывает на его метаконцептуальное содержание как дополнительное содержание (метаконцептуальное) к основному (выбор предмета мысли, способ его языковой репрезентации), позволяя идентифицировать межконцептуальные связи и приблизиться к пониманию особенностей моделирования механизмов обработки информации человеком в отличие от искусственной системы.

В самом общем виде межконцептуальные связи – это связи между концептами, устанавливаемые (человеком) в процессе познавательной деятельности. Эти связи могут выражать разнообразные отношения между объектами и предметами окружающей действительности, когда они «падают» в поле внимания субъекта.

Приведем пример (1):

(1) *An indignant Secretary of Defence Donald Rumsfeld spent an hour on television refuting “the question, allegations and **breathless** reports”* [about the treatment of Al Qaeda prisoners] [Ермолович, Палажченко 2025: 388] и переводческий комментарий (1a), касающийся передачи словосочетания *breathless reports* на русский язык, а также результаты работы искусственных интеллектуальных систем (1b) и (1c):

(1a) «Здесь значение **breathless** вытекает из своего рода «метафорического расширения» – представим себе человека, делающего какое-то заявление или высказывание, если можно так выразиться, не переводя дыхания, без остановки, не думая. Кроме того, ясно, что слово употреблено здесь с отрицательной (осуждающей) коннотацией. Стало быть, **breathless reports** – это поспешные, непродуманные и поэтому необоснованные **сообщения**» [Ермолович, Палажченко 2025: 388];

(1b) *Breathless reports* можно перевести как «сенсационные отчеты» или «захватывающие репортажи» (Chat GPT);

(1с) *Breathless reports* в системе DeepL переводится, как «бездыханные отчеты».

Подчеркнутые примеры когнитивно-дискурсивной интерпретанты в качестве языковых средств позволяют идентифицировать мотивы выбора переводческого решения. Переводчик выстраивает межконцептуальные связи между физическим действием (*остановись*) и интеллектуальным действием (*подумай*) на основании признаков «завершенность», «последовательность», «зависимость» (ср., например, названия популярных книг «Остановись и подумай: Идеи и стратегии, помогающие принимать верные решения» (автор – Джейми Лестер) и «Остановись, подумай, для чего живешь» (автор – Лукерья Сайлер). Иными словами, взвешенное решение принимается при полной остановке физической деятельности субъекта и зависит от того, насколько он физически активен. Искусственные интеллектуальные системы не устанавливают такой межконцептуальной связи, поскольку неспособны эвристически находить ни концептуально-тематическую область и ее составляющие (на уровне интерпретанты селекции), ни связать предмет дискурса с определенной категорией (на уровне интерпретанты классификации), ни передать индивидуальное отношение субъекта к предмету высказывания (на уровне интерпретанты оценки). Возможно, мыслительные операции выбора (а не комбинаторики) из класса (селекция), отнесение к категории (классификация) и приписывание индивидуальных характеристик (оценка) как динамическая система, порождают межконцептуальные связи субъекта качественно иного уровня. Вероятно, нечеловеческое сознание искусственных систем должно быть описано на иных основаниях.

Пример (2):

(2) *I think it is sad that we have people in sports today who are testing positive not only once? But twice, and still having the opportunity to swim at the Games”, said the 23-time medal winner: “It breaks my heart and I wish somebody would do something about it* [Ермолович, Палажченко 2025: 387] и комментарий (2а), а также вариант перевода, предложенный искусственным интеллектом (2b):

(2а) «Дословные русские соответствия, основанные на выражении *разбить сердце кому-либо*, намного сильнее и, можно сказать, мелодраматичнее английских аналогов. По-русски «сердца разбивают» главным образом в поэзии и, может быть, в старых пьесах, причем чаще всего это относится к безответной любви»; «Речь идет о причинении кому-то огорчения, неприятности. Это огорчение может быть большим и малым, оно может быть вызвано как безответной любовью, так и совсем другими причинами» [Ермолович, Палажченко 2025: 387]. «Корректный перевод выражения

мог бы выглядеть так: “Это меня (**очень**) **огорчает** / **удручает**; Это (**очень**) **печально**” [Ермолович, Палажченко 2025: 388];

(2b) *Это разбивает мне сердце* (Chat GPT; DeepL).

Подчеркнутые примеры языковой составляющей когнитивно-дискурсивной интерпретанты репрезентируют не только основное концептуальное содержание той или иной языковой единицы, но и социокультурное содержание (*по-русски* «сердца разбивают» главным образом *в поэзии*), объясняющее выбор переводческого решения: установление концептуальной связи между *состоянием* (*быть печальным, испытывать грусть*) и *действием* (*to break*) на основании признака «причинно-следственная связь», а не действия, выраженного глаголом *to break*.

В заключение отметим, что метод анализа когнитивно-дискурсивной интерпретанты позволяет идентифицировать межконцептуальные связи «человеческой природы», установление которых характерно исключительно для естественного интеллекта.

Литература

Анохин К. В. Нечеловеческое сознание. Лекция академика РАН Константина Анохина на фестивале «Наука 0+». URL: poisknews.ru

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Дубровская О. Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Ермолович Д. И., Палажченко П. Р. О том, чего нет и что не так в словарях и грамматиках. М.: Аудитория, 2025.

O. G. Dubrovskaya (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

HUMAN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE PROBLEM OF INTERCONCEPTUAL RELATIONS IDENTIFICATION

The article establishes the peculiarities in the construction of interconceptual relations by human (natural intelligence) and artificial intelligent systems. Various relations between objects of the surrounding reality when they (objects) “fall” into the observer’s field of attention are revealed.

Key words: identification, natural and artificial intelligence, cognitive-discursive interpretation.

А. С. Нехорошев, Е. В. Малышева
(Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет

им. А. С. Пушкина

aleks.nexoroshev@yandex.ru, e_malysheva@mail.ru

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ЦИФРОВОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена фреймовому анализу цифровой лексики на примере концепта CLOUD COMPUTING, где рассматриваются теоретические основы фреймов в когнитивной лингвистике, структура фрейма облачных технологий и его ключевые субфреймы.

Ключевые слова: фреймовый анализ, цифровая лексика, облачные технологии, когнитивная лингвистика, технологические концепты.

Фреймовый анализ цифровой лексики представляет собой актуальное направление исследований, обусловленное стремительным развитием технологий и их влиянием на язык. Цифровая лексика, отражающая новые концепты и явления, требует глубокого понимания для эффективной коммуникации и адаптации в современном обществе.

Е. С. Кубрякова рассматривает фреймы как когнитивные структуры, которые обеспечивают систематизацию и организацию знаний, способствуя более глубокому пониманию семантики языковых единиц. Она подчеркивает то, что фреймы играют ключевую роль в процессах категоризации и концептуализации, лежащих в основе человеческого мышления и языка [Кубрякова 2004].

В когнитивной лингвистике фреймы рассматриваются как ментальные структуры, организующие знания и опыт человека. Они помогают интерпретировать и классифицировать информацию, обеспечивая когнитивную основу для понимания языка [Киселёва, Росянова 2018]. Фреймы формируются на основе повторяющихся ситуаций и контекстов, создавая структурированные схемы, которые упрощают обработку и воспроизведение знаний [Киселёва, Миронова 2020].

С. В. Киселёва подчеркивает, что фреймы являются ключевыми элементами в организации и интерпретации языковых данных, особенно в области терминологии и семантики. Фреймовый подход и его анализ позволяют выявить глубинные когнитивные структуры, лежащие в основе языковых единиц, и способствуют более точному пониманию их значений и функций [Киселёва, Панкратова 2013].

Фреймовый анализ способствует систематизации и упорядочению этих понятий, облегчая их интеграцию в существующую языковую систему и обеспечивая эффективное взаимодействие между специалистами различных областей [Никонова 2006]. Фрейм в когнитивной лингвистике – это ментальная структура, представляющая собой организованную систему знаний о типичных ситуациях или объектах, которая используется для интерпретации и понимания языковых выражений [Fillmore 1985].

Фреймовая организация знаний представляет собой способ структурирования информации в человеческом сознании посредством когнитивных схем, называемых фреймами [Киселёва, Панкратова 2013]. Эти структуры позволяют систематизировать и упорядочивать знания, обеспечивая эффективное восприятие и использование языка. В когнитивной лингвистике фреймы рассматриваются как ментальные структуры, отражающие стереотипные ситуации и события. Они помогают интерпретировать и классифицировать информацию, обеспечивая когнитивную основу для понимания языка [Кубрякова 2001].

Применение фреймовой организации к цифровой лексике позволяет выявить, как технологические концепты структурируются и воспринимаются в сознании носителей языка. В условиях быстрого появления новых терминов и понятий, связанных с технологическими инновациями, это приобретает особую важность. Поэтому фреймовый анализ способствует систематизации и упорядочению этих понятий, облегчая их интеграцию в существующую языковую систему и обеспечивая эффективное взаимодействие между специалистами различных областей [Киселёва, Панкратова 2013].

Н. Н. Болдырев выделяет несколько ключевых аспектов фреймового анализа, которые принимаются во внимание в этой статье: структурная организация фреймов, динамическая природа фреймов, роль фреймов в понимании и порождении речи [Болдырев 2002]. Одним из ключевых аспектов когнитивного анализа лексики является когнитивно-семантический опыт через ментальные образы и представления. Концептуализация зависит от взаимодействия личного опыта, культурных кодов и лексических категорий, что подтверждает значимость фреймового анализа в изучении цифровой лексики [Pesina, Rubert, Kiseleva 2021]. В контексте *“Cloud Computing”* это выражается в структуре фрейма, включающей субфреймы, такие как **“storage”**, **“security”**, **“accessibility”** и **“scalability”**, каждый из которых активирует специфические когнитивные модели в сознании пользователей. Таким образом, этот фрейм, который представлен в следующей таблице (см. табл. 1 на стр. 370), дает представление о том, как пользователи кон-

Табл. 1

Фрейм CLOUD COMPUTING

Категория	Элементы фрейма
Сценарий (ситуационный фрейм)	Участники: пользователь, поставщик “cloud services” (<i>“Cloud services” simplify remote data management</i> [Merriam-Webster]) Объекты: “data” (<i>“Data” must be securely stored in the cloud</i> [Merriam-Webster]), “applications” (<i>“Applications” run smoothly on cloud platforms</i> [Merriam-Webster]), “servers” (<i>“Servers” process requests in real time</i> [Merriam-Webster]). Действия: доступ к “data” и “applications” через “internet” (<i>“Internet” connects users to cloud resources</i>), удаленное хранение и обработка информации. Результат: пользователь получает доступ к нужным ресурсам без необходимости поддерживать собственную инфраструктуру.
Субфрейм <i>“cloud”</i>	Метафора нематериального, распределенного пространства хранения и обработки “data” .
Субфрейм <i>“accessibility”</i>	Круглосуточный доступ к ресурсам из любой точки мира, возможность использования с разных устройств.
Субфрейм <i>“security”</i>	Меры защиты “data” : “encryption” (<i>“Encryption” protects sensitive cloud data</i> [Merriam-Webster]), “authentication” (<i>“Authentication” ensures user identity verification</i> [Merriam-Webster]), “access control” (<i>“Access control” restricts unauthorized entry</i> [Merriam-Webster])
Субфрейм <i>“scalability”</i>	Возможность увеличения или уменьшения ресурсов в зависимости от потребностей пользователя.
Связь с фреймом <i>“virtualization”</i>	Использование виртуальных “servers” и “resources” (<i>“Resources” scale dynamically in the cloud</i> [Merriam-Webster]) для работы “cloud services” .
Связь с фреймом <i>“internet”</i>	Среда, через которую осуществляется доступ к «cloud services» .
Связь с фреймом <i>“subscription-based business model”</i>	Способ монетизации: пользователи платят за «subscription» (<i>«Subscription» models offer flexible pricing</i> [Merriam-Webster]) на «cloud services» .

цептуализируют технологию и какие смысловые структуры задействуются в её интерпретации.

Таким образом, облачные технологии являются одним из ключевых аспектов современного цифрового пространства и тесно связаны с понятием виртуального пространства, представляющего собой нематериальную среду, созданную с помощью компьютерных технологий. В этом контексте облако функционирует как часть виртуального пространства, предоставляя платформу для взаимодействия, хранения и обработки данных без привязки к физическому местоположению. Фреймы же концептуализируют технологию и смысловые структуры, которые заложены в их интерпретации, и обеспечивают взаимодействие между пользователями.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: (Курс лекций по англ. филологии): М-во образования Рос. Федерации. Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. 3-е изд., стер. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002.

Киселёва С. В., Миронова М. Ю. The problems of conceptualization and categorization in English terminology // ДИСКУРС. Вып. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. С. 115–124.

Киселёва С. В., Панкратова С. А. И снова о метафоре: Когнитивно-семантический анализ: монография. СПб.: Астерион, 2013.

Киселёва С. В., Росянова Т. С. Когнитивный сдвиг в современном зарубежном терминоведении: обзор основных направлений исследования // Вестник Курганского государственного университета. 2018. № 1 (46). С. 56–60.

Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «концепт» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 15–27.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Никонова Ж. В. Теория фреймов в лингвистических исследованиях. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.

Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. 1985. Vol. VI, № 2. P. 222–254.

Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>

Pesina S. A., Rubert I. B., Kiseleva S. V., Trofimova N. A., Vinogradova S. A., Savateeva O. V. Revealing of Representations and Images as Conceptualization of Semantic Experience // Revista EntreLinguas, v. 7esp. 8, 2021. DOI: <https://doi.org/10.29051/el.v7iesp.8.16358> (BoC).

A. S. Nekhoroshev, E. V. Malysheva
(Saint Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

FRAME ANALYSIS OF DIGITAL LEXICON

The article is devoted to the frame analysis of digital lexicon using the concept of CLOUD COMPUTING as an example. It examines the theoretical foundations of frames in cognitive linguistics, the structure of the cloud technology frame, and its key subframes.

Key words: frame analysis, digital lexicon, cloud technologies, cognitive linguistics, technological concepts.

В. Е. Рашевский (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
vasyarasha2018@yandex.ru

ПЕРСОНАЛИЗИРУЕМОСТЬ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НЕЙРОДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению уровня персонализируемости большой языковой модели ChatGPT 4 на основе теста политического компаса (The Political Compass). Выявлено, что в коммуникации с ИИ персонализация осложняется ситуацией коммуникации и проблемой составления эффективного пользовательского запроса. Для достижения «тонкой» персонализации требуются дополнительные знания для расширения контекстных сообщений дополнительной информацией о личности чат-бота в соответствии с факторами ситуации.

Ключевые слова: большая языковая модель, персонализация, персонализируемость, промптинг, политический компас.

Персонализируемость ИИ является важным показателем качества генеративных моделей и отражением возможностей их персонализации. Под персонализируемостью ИИ понимается потенциал достижения требуемых результатов коммуникации со слабыми и сильными ИИ.

Персонализация ИИ – это процесс настройки генеративной модели, определение весов нейронных сетей посредством пользовательских запросов в виде текстовой, визуальной или аудио информации. Коммуникативная

ситуация может требовать промпты из простых комбинаций текстовых токенов, но для более сложной настройки могут потребоваться дополнительные исследования по выявлению наиболее эффективных промптов, создаваемых промпт-инженерами, то есть продвинутыми составителями пользовательских запросов, которые занимаются процессом оптимизации токенов запроса.

В изучении эффективности токенов прибегают к локальным исследованиям токенов в контексте конкретной коммуникативной ситуации через метод проб и ошибок, а также используют бенчмарки, в которых придерживаются принципов однозначности ответов в тестах и автоматизации процесса проверки. В данном исследовании предлагается изучить персонализируемость большой языковой модели ChatGPT 4 на основе теста политического компаса. Известно о заложенной разработчиками предвзятости данной генеративной модели и ее уклоне в левый политический спектр и либертарианский прогрессивизм: «Having ChatGPT answer the questionnaire ten times, the average score on the political compass was ($\mu_x = -6.48$, $\mu_y = -5.99$)...» [Rutinowski 2024].

Политический компас – это способ приблизительной, но неточной оценки политических взглядов людей с помощью тестирования и расположения результатов в визуальном виде, часто на двумерном графике. Считается, что основная идея политического компаса заключается не в точности отражения объективных значений взглядов, а в предоставлении примерных значений по относительности к самым экстремальным, что означает, что в рамках классического политического компаса, люди интересуются значениями относительно значений других людей, прошедших тест.

Выбор такого неоднозначного бенчмарка объясняется тем, что с точки зрения актуальной концепции изучается искусственная языковая личность, у которой в результате персонализации складываются особые глубинные взгляды на мир, то есть личностный дискурс, предопределяющий нейродискурс. Как и в любой беседе, в бенчмарках уделяется особое внимание токенам запроса и их оптимизации. Данное исследование направлено на подтверждение персонализируемости личностного дискурса искусственной языковой личности, на выявление общих закономерностей взаимодействия ИИ с бенчмарком, и соответственно на определение сильных токенов пользовательского запроса. По сути данное исследование направлено на определение персонализации генеративных моделей, однако прикладной аспект взаимодействия большой языковой модели и теста политического компаса не рассматривается. Тем не менее, в современной науке уделяют особое внимание специфике промптинга и проводят многочисленные проверки [Röttger 2024].

Тест политического компаса (The Political Compass) представляет собой 62 утверждения, которым требуется дать оценку «Категорически не согласен», «Не согласен», «Согласен» или «Полностью согласен». В рамках каждого тестирования персонализируемости чат-бота ChatGPT 4 проводился один диалог из двух сообщений, содержащих 30 и 32 вопроса соответственно. В соответствии с осями графика результатов теста модель была наделена различными взглядами: правыми (R), левыми (Lt), авторитарными (A), либертарианскими (Lib), а также их комбинациями – RA, RL, LA, LL. В исследовании также были отобраны и протестированы 4 коммуникативные роли реальных людей с отличающимися мировоззренческими взглядами для отражения максимальных значений на каждой четверти графика теста политического компаса: Аугусто Пиночет, Мюррей Ротбард, Иосиф Сталин и Ноам Хомский. Выбор ролей людей разных эпох и социальных статусов объясняется тем, что полученные кардинально различные результаты будут очерчивать примерные границы персонализируемости, выход за которые будет требовать углубление стратегии промпт-инжиниринга, то есть возникнет необходимость в «тонкой» персонализации.

В результате проведения диалогов, были получены различные ответы. Чат-бот кратко поясняет свои выборы с позиции наделенной роли и нередко прибегает к ответам «Категорически не согласен» и «Полностью согласен». Модель реагирует на запросы:

- отмечает сложность некоторых запросов: “This synthesis attempts to strike a balance but may still contain inconsistencies due to the divergent nature of the two ideologies” [Рашевский 2025];
- предоставляет перспективу на собственное мышление: “This synthesis doesn't completely align with any one viewpoint but attempts to balance both ideologies' core principles” [там же];
- напоминает о возможной неточности в ответах от лица исторической личности: “Please note, these responses are speculative and based on the general historical and political context associated with Augusto Pinochet” [там же];
- напоминает о своих предвзятостях: “As an AI, I don't hold views or opinions. However, I can provide an analysis of these statements from the perspective of someone with left-leaning views” [там же];
- напоминает о возможной неэтичности обсуждаемого: “These responses are framed from a hypothetical pro-authoritarian standpoint and may not reflect reasonable or ethical stances” [там же];
- обобщает направленность ответов: “These responses reflect a generally conservative and authoritarian stance, emphasizing order, tradition, and national interest” [там же].

На основе полученных данных результатов тестирований были выделены следующие закономерности взаимодействия ChatGPT с тестом политического компаса:

- преобладание ролей четвертей RA и LL над ролями четвертей LA и RL. 11 результатов лежат в 1-й и 3-ей четвертях против 3 результатов во 2-й и 4-й;
- преобладание четверти LL над четвертью RA. 6 результатов лежат в 3-ей четверти против 5 результатов в 1-й;
- зависимость Lib и R. По отдельности, роль R лежит близко к центру в 1-й четверти, а роль Lib далеко от центра в 4-й;
- $Lt = Lib = \text{четверть LL}$, $R = A = \text{четверть RA}$. В результате предобучения модели ИИ, в материале была зафиксирована естественная корреляция, которая находит отражение как в человеческом, так и в компьютерном восприятии – это воспроизведение распространенных ассоциаций « $Lt=Lib$ », « $R=A$ » [Lester 1996];
- синтез противоположных взглядов – результаты лежат в четверти LL. Перевес в сторону LL может быть связан с предвзятостью, заложенной разработчиками;
- на примере ролей реальных личностей, затрагивается большая часть спектра за исключением четверти LA, предположительной причиной чего могла стать тесная ассоциация Lt с Lib.

Для алгоритма генеративной модели стандартная настройка ИИ может быть сильнее пользовательского запроса, поэтому может потребоваться расширение контекстного сообщения путем включения дополнительных токенов, имеющих влияние на отдельные особенности искусственной языковой личности. Во всех проведенных тестах ChatGPT 4 давал идентичные ответы на некоторые вопросы, например, отрицал реальность астрологии вследствие предположительного влияния стандартной настройки ввиду отдаленности обсуждаемой темы от темы политической.

Следовательно, персонализируемость ИИ и получение редких значений на политическом компасе считается фундаментально возможным, но трудновоспроизводимым. Исходя из концепции промпт-инжиниринга, от большой языковой модели можно получить любой нужный ответ. В случае политического компаса может потребоваться глубокое знание алгоритма оценивания в тесте для последующего определения и систематизации требуемых взглядов в небольшое число токенов определенной силы, на основе которых будет проводиться процесс оптимизации таких токенов для последующей «тонкой» персонализации искусственной

языковой личности чат-бота. Под «тонкой» персонализацией понимается углубление стратегии промпт-инжиниринга в целях получения специфических результатов от ИИ.

Исследование показало, что персонализируемость личностного дискурса современных больших языковых моделей высока, а персонализация во многом осложняется промпт-инжинирингом и специфичностью ситуации, ведь ИИ способен рассуждать и давать пояснения своим выборам с позиции наделенной роли. Исследование предоставляет взгляд на концепцию линии глубины стратегий промптинга в овладении всем спектром персонализируемости генеративной модели.

Литература

Рашевский В. Е. Тест политического компаса и ChatGPT. Результаты исследования. 2025. URL: https://vk.com/wall-229550453_5.

Lester J. C. The Political Compass and Why Libertarianism is Not Right-Wing // *Journal of Social Philosophy*. 1996. Vol. 27 No. 2. P. 176–86.

Röttger P., Hofmann V., Pyatkin V., Hinck M., Hannah Rose Kirk, Schütze H., Hovy D. Political Compass or Spinning Arrow? Towards More Meaningful Evaluations for Values and Opinions in Large Language Models. 2024. DOI: 10.48550/arXiv.2402.16786.

Rutinowski J., Franke S., Endendyk J., Dormuth I., Roidl M., Pauly M. The Self-Perception and Political Biases of ChatGPT // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2024. DOI: 10.1155/2024/7115633.

V. Ye. Rashevsky (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University

PERSONALIZATION POTENTIAL OF LARGE LANGUAGE MODELS ON THE EXAMPLE OF ENGLISH NEURODISCOURSE

The article is devoted to studying the personalization potential of the large language model ChatGPT 4 based on the Political Compass test. The study reveals that in communication with AI, personalization is complicated by the communication situation and by the difficulty of composing an effective prompt. To achieve “fine” personalization, additional knowledge is required to enhance prompt messages with additional information about the chatbot's personality based on the situational factors.

Key words: large language model, personalization, personalization potential, prompting, political compass.

Э. Д. Рожковская (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
rozhkovskaya.eleonora@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ
И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА:
ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
И МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД**

Статья посвящена исследованию особенностей передачи эстетической и эмоциональной составляющей в произведениях А. П. Чехова. В статье производится анализ результатов автоматизированных систем перевода, анализируются искажения и потери в передаче авторского замысла. Результаты исследования демонстрируют необходимость учета культурно-специфических и контекстуальных факторов при разработке алгоритмов машинного перевода для художественных текстов.

Ключевые слова: идеографический анализ, машинный перевод, перевод произведений А. П. Чехова, компьютерные технологии.

Статья посвящена идеографическому анализу машинного перевода произведений А. П. Чехова на английский язык и выполнена в рамках динамично развивающегося направления цифровой гуманитаристики, которое объединяет традиционные методы филологического анализа с современными технологиями обработки естественного языка [Гурьянов 2021]. Интерес к указанному направлению обусловлен возрастающей потребностью в более глубоком осмыслении и сохранении культурного наследия в условиях современной цифровизации. Произведения А. П. Чехова, являясь ключевыми образцами русской литературной традиции, характеризуются наличием лексических единиц, передающих одновременно эмоциональный и эстетический компонент, что представляет трудности для адекватной автоматической передачи. Актуальность работы обусловлена потребностью общества в обеспечении высококачественной межкультурной коммуникации и доступности мирового литературного наследия для широкой аудитории. Кроме этого, актуальность предпринятого исследования обусловлена наличием общего интереса к особенностям перевода произведений А. П. Чехова на английский язык. Так, широко исследуются грамматические трансформации в переводе произведений [Моисеева 2019], методы адаптации чеховского текста в англоязычной культуре [Чеснокова 2011], адекватность перевода художественного текста с учетом эмоционально-смысловой до-

минанты исходного текста [Гацура 2013]. Вместе с тем машинный перевод компонентов, передающих эстетическую и эмоциональную составляющую, не служил предметом исследования.

Материалом исследования послужило произведение А. П. Чехова «Дорогие уроки» (1887 г.). Данное произведение выбрано для анализа в силу того, что в нем широко представлены лексические единицы, описывающие эмоциональное состояние, объективированное во внешности персонажей, что позволяет наглядно продемонстрировать как сильные стороны, так и ограничения современных технологий перевода в работе с художественными текстами.

Материалом для анализа машинного перевода отобранных контекстов на английский язык послужили такие сервисы онлайн-перевода как DeepL и Яндекс.Переводчик. Выбор данных сервисов обусловлен их популярностью и способностью работать с художественными текстами, что делает их репрезентативными для анализа передачи эстетической и эмоциональной составляющей в произведениях А. П. Чехова.

Целью данного исследования является анализ машинного перевода отобранных контекстов из произведения А. П. Чехова на английский язык, для последующей оценки адекватности и полноты машинного перевода лексических единиц, описывающих одновременно эстетическую и эмоциональную составляющую.

Обратимся к анализу следующего примера: *Он ловил себя на нехороших мыслях, и ему становилось стыдно, или же он **умилялся** и тогда чувствовал огорчение и досаду оттого, что она держала себя с ним так холодно, деловито, как с учеником, не улыбаясь и точно боясь, как бы он не прикоснулся к ней нечаянно.*

В данном примере глагол *умиляться* описывает эмоциональное состояние персонажа. Так, в Большом толковом словаре русских глаголов (здесь и далее: БТСРГ 2008) глагол *умиляться* относится к разделу 2. «Бытие, состояние, качество», к подразделу 2.2.4 «Эмоциональное состояние»; 2.2.4.1 «Глаголы пребывания субъектов в эмоциональном состоянии». Глагол определяется следующим образом: «приходить в состояние нежности, теплоты от чего-л. трогательного» [БТСРГ 2008: 422]. В то же время помимо эмоционального состояния данный глагол отражает характеристики, проявляющиеся во внешности человека в момент испытываемой эмоции в выражении лица и жестах. Так, в НКРЯ встречается 116 примеров, в которых глагол *умиляться* сопровождается описанием внешности.

Обратимся к машинному переводу, осуществленному посредством DeepL: *He would catch himself thinking bad thoughts, and he would feel ashamed,*

or he would be **pleased**, and then he would feel **upset** and **annoyed** that she was so cold and businesslike with him, like a pupil, not smiling and afraid that he might not touch her inadvertently.

Используемое в переводе выражение *be pleased*, означающее “happy or satisfied” – «счастливый или удовлетворенный» (здесь и далее перевод мой – Э.Р.) [Cambridge Dictionary Online], не передает оригинальное значение русского глагола *умиляться*. Таким образом, машинный перевод, в данном случае, не учитывает внутренние и внешние проявления описываемого состояния, что приводит к потере части смыслового содержания оригинала.

Рассмотрим машинный перевод, осуществленный посредством Яндекс.Переводчика: *He would catch himself thinking bad thoughts, and he would feel ashamed, or he would be **touched**, and then he would feel **upset** and **annoyed** that she was behaving so coldly, matter-of-factly with him, as with a student, not smiling and as if afraid that he might accidentally touch her.*

В данном случае выражение “*he would be touched*”, обозначающее “grateful for something kind that someone has done” – «благодарен за что-то доброе, сделанное кем-то» [Cambridge Dictionary Online], более точно отражает смысловое значение и упоминается авторами БТСРГ как одно из наилучших вариантов для перевода. Это выражение передает эмоциональное состояние персонажа, которое включает как внутренние чувства, так и их потенциальные внешние проявления.

Следующий пример использования единиц, передающих эстетическую и эмоциональную составляющую: Алиса **побледнела** – вероятно от страха, соображая, что после этого объяснения ей уж нельзя будет ходить сюда и получать рубль за урок; она сделала **испуганные** глаза и громко зашептала

В данном примере глагол *бледнеть* описывает внешность персонажа. Так, в БТСРГ данный глагол обозначает следующее: «Становиться бледным, лишенным естественной окраски, без румянца» [БТСРГ 2008: 387], и относится к разделу 2. «Бытие, состояние, качество», к подразделу 2.2 «Качественное Состояние»; 2.2.1.2 «Глаголы становления и проявления цветового признака». Принимая во внимание тот факт, что преимущественно глагол описывает внешние характеристики, отметим, что данное описание не характеризует перманентное состояние кожи, т.е. изменению во внешности предшествует эмоциональное потрясение.

Рассмотрим перевод, осуществлённый DeepL: *Alice **turned pale**, probably from fear; realising that after this explanation she would not be allowed to come here and get a rouble for the lesson; she made **frightened** eyes and whispered loudly;*

А также посредством Яндекс.Переводчика: *Alice **turned pale**, probably from fear, realizing that after this explanation she would no longer be allowed*

to come here and receive a ruble for her lesson; she made frightened eyes and whispered loudly

Используемое в переводах выражение *turned pale* успешно отражает изменение внешнего вида персонажа, обусловленное внутренним эмоциональным состоянием. Таким образом, оно указывает на временное состояние, которое возникает в результате прожитой эмоции, что совпадает с исходным контекстом.

Следующая лексическая единица, отображающая внешние и внутренние характеристики персонажа – *испуганные*. В БТСРГ глагол *пугаться* обозначает «испытывать внезапное чувство страха, боязни» [БТСРГ 2008: 416] и относится к разделу 2. «Бытие, состояние, качество», к подразделу 2.2 «Качественное Состояние»; 2.2.4.1 «Глаголы пребывания субъекта в эмоционально состоянии». В эту категорию входят глаголы, подчеркивающие кратковременность состояния эмоционального отклика, часто сопровождаемого внешними проявлениями, такими как изменения в выражении лица. Кроме этого, наблюдается интуитивная природа проявления эмоции, когда внутренняя паника или тревога отражается на лице.

В машинном переводе, выполненном посредством DeepL и Яндекс.Переводчика, используется выражение *made frightened eyes*. Отметим, что такой перевод стремится охватить как внутреннее эмоциональное состояние, так и его внешние проявления. Тем не менее, используемое в переводе выражение подразумевает намеренное действие со стороны субъекта, что может дистанцировать читателя от спонтанности и интенсивности эмоционального воздействия, свойственного страху.

В рамках проведенного идеографического анализа были исследованы примеры передачи эмоциональной и эстетической составляющей в произведениях А. П. Чехова посредством машинного перевода. Основное внимание уделялось выявлению тех лексико-семантических характеристик, которые представляют особую сложность для автоматизированной обработки естественного языка. В результате проведенного анализа было выявлено, что обе исследуемые системы машинного перевода сталкиваются с ограничениями при передаче сложных эмоциональных контекстов, которые являются ключевыми для полноценного восприятия и интерпретации произведений А. П. Чехова. Особенности перевода как DeepL, так и Яндекс.Переводчика демонстрируют тенденцию к фокусированию на базовой семантике, что, в свою очередь, может приводить к упрощению и нивелированию многокомпонентности оригинального текста. Таким образом, дальнейшее развитие данных систем должно фокусироваться на совершенствовании алгоритмов с целью повышения их чувствительности к художественным и культурным

аспектам текстов оригинала. Это позволит не только более точно передавать авторский стиль и эмоциональную палитру литературного произведения, но и существенно расширит доступность уникальных художественных текстов для международной аудитории.

Литература

БТСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов / Л. Г. Бабенко, И. М. Волчкова, Ю. В. Казарин [и др.]; под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.

Гаццра Н. И. Психолингвистический взгляд на адекватность перевода (на материале английского и русского текстов рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой») // Омский научный вестник. 2013. № 1 (115). С. 92–96.

Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В. Феномен цифровой гуманитаристики в контексте современной полидисциплинарной конвергенции // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2021. Т. 3. – № 4. С. 92–97.

Моисеева И. Ю. Грамматические трансформации в переводе произведений А. П. Чехова на английский язык // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 3 (28). С. 306–311.

Чеснокова О. С. «Дама с собачкой» А. П. Чехова: лингвостилистика переводов на английский и испанский языки // Русистика. 2011. № 3. С. 69–75.

Чехов А. П. Дорогие уроки // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

*E. D. Rozhkovskaya (Moscow, Russia)
Moscow City University*

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF AESTHETIC AND EMOTIONAL COMPONENTS IN A. P. CHEKHOV'S WORKS: IDEOGRAPHIC ANALYSIS AND MACHINE TRANSLATION

The article is focused on the study of the peculiarities of aesthetic and emotional components in the works by A. P. Chekhov. The paper analyzes the results of automated translation systems, analyzes distortions and losses in the transfer of the author's intent. The results of the research demonstrate the necessity to take into account culture-specific and contextual factors when developing machine translation algorithms for fiction texts.

Key words: ideographic analysis, machine translation, translation of A. P. Chekhov's works, computer technology.

О. В. Шадрина (Долгопрудный, Россия)
Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)
shadrina.ov@mipt.ru

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ТЕРМИНЫ-МЕТАФОРЫ В ОПИСАНИИ ПОПУЛЯЦИОННЫХ АЛГОРИТМОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Статья посвящена семантическому анализу терминов-метафор в современной английской терминологии Искусственного Интеллекта на примере описания популяционных алгоритмов. Автором выявлены основные области-источники метафорических номинаций, предложены определения рассматриваемых терминов, установлены ассоциативные связи между явлениями разных научных областей.

Ключевые слова: искусственный интеллект, популяционный алгоритм, термин-метафора, метафорическая номинация, зооним, концептуальная метафора.

Популяционные методы оптимизации стали важным инструментом в решении сложных задач искусственного интеллекта (здесь и далее ИИ). Эти методы симуляции биологических механизмов природы имитируют эволюцию, коллективное поведение или другие биологические и социальные явления для поиска оптимальных решений. Объяснение и восприятие этих алгоритмов зачастую опираются на метафорический язык, заимствованный из физики, биологии, социологии и других научных областей. Такие термины, как «популяция», «естественный отбор», «мутация», «скрещивание» и «рой», не только облегчают понимание сложных алгоритмов, но и создают когнитивные модели, которые помогают исследователям и разработчикам воспринимать и интерпретировать данные методы.

Метафоры, традиционно рассматриваемые как художественный прием в литературе, в области когнитивной науки обретают более глубокое значение. М. Блэк основывает теорию метафоризации на понятии интеракции, то есть прослеживает сущность метафоры как процесса мыслительной деятельности – «когнитивная метафора», что неразрывно связано с теорией концептуальной метафоры [Блэк 1990; Лакофф, Джонсон 2008]. Таким образом, метафора не порождает новый концепт, но формирует понимание существующего, выполняя функцию когнитивности.

В концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафоризация описывается как процесс взаимодействия двух концептуальных областей: области-

источника, отражающей уже освоенный опыт, и области-цели, связанной с вербализацией и переносом понятий, на основании установления соответствий между данными областями, которые определяются общими элементами в структуре человеческого опыта [Лакофф, Джонсон 2008]. Иными словами, метафоры функционируют как мост между известным и неизвестным, позволяя человеку осваивать новые сферы знаний, опираясь на уже имеющийся опыт. В научной сфере метафоры выполняют аналогичную функцию, помогая исследователям визуализировать и объяснять абстрактные или сложные явления, перенося из области-источника в область-цель те когнитивные структуры (фреймы, образные схемы и т.п.), в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику [Кобозева 2015].

К настоящему времени опубликованы исследования об особенностях метафорической номинации в терминологии юриспруденции [Гаврилова 2019], медицине [Новикова 2020; Икрамова 2023], нефтегазовой сферы [Тихонова 2020], авиации [Колиенко, Кузнецова 2021], информационных технологий [Вислова 2021] и др.

Несмотря на положительное восприятие метафор в научной среде, некоторые исследователи критикуют их использование как «неудобное» для науки. Однако многие современные авторы подчеркивают, что метафора может расширять научный контекст и способствовать более глубокому пониманию научных концепций [Мишанкина 2010].

Цель данной статьи заключается в исследовании особенностей метафорического языка в контексте популяционных методов оптимизации ИИ.

Актуальность настоящего исследования определяется общим интересом лингвистов к метафорической номинации в терминологии ИИ, а также тем фактом, что имеющиеся лингвистические работы трудно признать исчерпывающими [Мусаева 2022, Винокурова 2012].

Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые осуществлен комплексный анализ англоязычных терминов-метафор, связанных с популяционными алгоритмами искусственного интеллекта, которые ранее не были предметом исследования отечественных лингвистов.

Предмет исследования – термины-метафоры, использующиеся в названиях и при описании работы популяционных алгоритмов ИИ.

Объектом исследования послужили терминологические единицы ИИ, извлеченные методом сплошной выборки из 900 статей англоязычных журналов, трудов конференций, а также глоссариев по ИИ [Баканач, Власкин, Чесалов 2023; Баканач, Власкин, Чесалов 2024] и профессиональных блогов. Общий объем выборки составляет 1500 терминологических единиц, 75 из которых описывают популяционные методы оптимизации.

Основными методами исследования являются дифференциация и идентификация терминологических единиц сферы ИИ, образованных путем метафоризации.

Основываясь на теории концептуальной метафоры, мы разделили отобранные термины-метафоры на 4 категории и выделили сферы-источники метафорической экспансии: «Эволюция», «Живая природа», «Неживая природа», «Социум».

К сфере «Эволюция» относятся метафоры, заимствованные из биологии и эволюционной теории и использующиеся в описании эволюционных алгоритмов, включая генетические:

- *genetic algorithm* (генетический алгоритм) имитирует процесс эволюции, в ходе которого осуществляется селекция, кроссовер и мутация популяции возможных решений с целью нахождения оптимального или близкого к оптимальному решения для заданной задачи;
- *evolutionary programming* (эволюционное программирование) основывается на принципах эволюционной теории и акцентирует внимание на таких механизмах, как мутация и селекция, с целью эффективного решения задач оптимизации; моделирует процесс естественного отбора и адаптации, что позволяет алгоритму находить оптимальные или близкие к оптимальным решения в сложных и многомерных пространствах.

Метафоры концептуальной сферы «Живая природа» играют ключевую роль в описании работы алгоритмов ИИ, вдохновленных явлениями естественной среды. Данные термины-метафоры заимствованы из зоологии, экологии, микробиологии и других биологических наук:

- *swarm intelligence* (роевой интеллект) – феномен, при котором децентрализованные и самоорганизующиеся системы демонстрируют коллективное поведение. Идея роевого интеллекта появилась благодаря наблюдениям за коллективными действиями групп насекомых, птиц, рыб и др.;
- *bird swarm algorithm* (алгоритм птичьей стаи) – биоинспирированный эволюционный алгоритм, с использованием роевого интеллекта, моделирующий социальные взаимодействия и поведение стаи птиц;
- *bacterial foraging optimization* (бактериальный алгоритм поиска) является метаэвристическим методом оптимизации, нацеленным на решение сложных или даже неразрешимых задач максимизации или минимизации числовых функций. Принцип работы этого алгоритма построен на имитации поведения бактерий в поиске питательных веществ.

Следует отметить, что в названиях алгоритмов данного вида преобладают термины-метафоры, созданные на основе зоонимов (слов, обознача-

ющих названия животных и используемых в качестве образных аналогий для описания процессов, происходящих в этих алгоритмах):

- *cuckoo search* (алгоритм кукушки) – один из алгоритмов роевого интеллекта, базирующийся на явлении гнездового паразитизма некоторых видов кукушек, которые находят недавно построенные гнёзда и откладывают в них свои яйца;

- *fish school search* (поиск косяком рыб) – популяционный алгоритм оптимизации, вдохновленный поведением косяков рыб в природе и использующийся для таких задач, как минимизация функций, поиск решений в сложных пространствах и др.;

- *glowworm swarm optimization algorithm* (алгоритм оптимизации роя светлячков) – метаэвристический алгоритм, мотивированный поведением светлячков и их способностью излучать свет для привлечения сородичей. В данном алгоритме агенты (светлячки) перемещаются в пространстве поиска, ориентируясь на интенсивность свечения друг друга, что позволяет находить локальные и глобальные оптимумы в многомерных задачах оптимизации.

Метафоры концептуальной сферы «Неживая природа» используются в алгоритмах, в основе которых лежат принципы физики, химии и других естественных наук, для решения сложных задач оптимизации и моделирования:

- *gravitational search algorithm* (гравитационный поисковый алгоритм) – оптимизационный метод, основанный на принципах физики, в частности на законах гравитации. Алгоритм использует концепцию гравитационного взаимодействия между объектами для поиска оптимальных решений в многомерных пространствах;

- *simulated annealing* (имитация отжига) – вероятностный метод аппроксимации глобального оптимума, напоминающий физический процесс отжига в металлургии, где материал нагревается до высокой температуры и затем медленно охлаждается, чтобы уменьшить дефекты и достичь минимальной энергии;

- *harmony search* (алгоритм на основе гармонического поиска) – представляет собой метаэвристический метод оптимизации, который моделирует процесс музыкальной импровизации, в рамках которой музыканты взаимодействуют друг с другом, комбинируя различные ноты для достижения эстетически приятного звучания.

Алгоритмы, вдохновленные поведением человеческого общества, часто используют термины-метафоры, заимствованные из социологии, психологии, экономики. Приведем несколько примеров терминов-метафор концептуальной сферы «Социум»:

- *brain storm optimization* (оптимизация мозгового штурма) – популярный алгоритм оптимизации, инспирированный процессом генерации новых идей и решений, подобно тому, как это происходит в групповых обсуждениях;

- *collective intelligence algorithm for optimization* (алгоритм коллективного разума) – метаэвристический алгоритм, имитирующий подход коллективного интеллекта к решению неконстантных непрерывных задач оптимизации.

Кроме того, в ходе анализа удалось установить, что помимо метафоризации термина, входящего в название алгоритма, метафорический перенос может затрагивать весь фрейм сложного явления, заимствованного из другой области науки. Так, *artificial immune system* (алгоритм искусственной иммунной системы) моделирует процессы иммунной системы организма, используя следующие слоты фрейма «иммунная система»: *antigens* (входные данные), *antibody* (потенциальное решение) и *killer-cells* (процессы оптимизации) для оптимального решения задачи.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что метафоры, заимствованные из биологии, физики, социологии и других областей научного знания, играют ключевую роль в объяснении и визуализации сложных алгоритмов ИИ. Они служат связующим звеном между известным и неизвестным на основе сходства, аналогии или ассоциации, позволяя более эффективно осваивать новые концепты. В ходе исследования выделены четыре категории метафор, отражающие эволюционные, природные и социальные аспекты, что подчеркивает многогранность и разнообразие используемой терминологии. Несмотря на критику использования метафор в науке, они, как показывает анализ, играют значимую роль в расширении научного контекста и углублении понимания концепций в области искусственного интеллекта.

Литература

Баканач М. О., Власкин А. Н., Чесалов А. Ю. Глоссариум по искусственному интеллекту: 2500 терминов: в 2-х тт. Т. 1. Москва: Ridero, 2023.

Баканач М. О., Власкин А. Н., Чесалов А. Ю. Глоссариум по искусственному интеллекту: 2500 терминов: в 2-х тт. Т. 2. Москва: Ridero, 2024.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–172.

Винокурова Т. Н. Многопрофильность искусственного интеллекта как науки и особенности ее терминологического выражения в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2012.

Вислова А. Д. От метафоры в гуманитарной парадигме к компьютерной метафоре в когнитивной науке // Искусственные общества. 2021. Т. 16. № 4. DOI: 10.18254/S207751800017558–2

Гаврилова И. А. Термины-метафоры в составе англоязычной юридической терминологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 2(78). С. 504–512.

Икрамова Х. М. Типы и роль метафор в медицинской терминологии // Экономика и социум. 2023. № 9(112). С. 626–631.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Колиенко Т. С., Кузнецова И. В. Термины-метафоры и особенности их перевода (на примере авиационной терминологии) // Modern Science. 2021. № 3–2. С. 404–409.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / под ред. А. Н. Баранова. М.: Издательство ЛКИ, 2008.

Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Томского университета, 2010.

Мусаева А. С. Общезыковой субстрат терминологии искусственного интеллекта (на примере терминов-словосочетаний) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3(46). С. 12–19.

Новикова О. М. Метафоры в анатомической терминологии // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 263–265.

Тихонова И. Б. Когнитивная метафора в научном и профессионально насыщенной пространстве (на материале английской терминологии нефтепереработки) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 7. С. 198–202.

O. V. Shadrina (Dolgoprudny, Russia)
Moscow Institute of Physics and Technology
(National Research University)

ENGLISH TERMS-METAPHORS IN THE DESCRIPTION OF POPULATION-BASED ARTIFICIAL INTELLIGENCE ALGORITHMS

The article is devoted to semantic analysis of terms-metaphors in modern English terminology of Artificial Intelligence on the example of description of population-based algorithms. The author has identified the main source areas of metaphorical nominations, proposed definitions of the given terms, established associative links between the phenomena from different scientific fields.

Key words: artificial intelligence, population algorithm, term-metaphor, metaphorical nomination, zoonym, conceptual metaphor.

*Д. Р. Шаренкин (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SharekinDR@mgpu.ru*

**ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА УТРАТЫ ДОМА
В ПОВЕСТИ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА
«ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ»**

Статья посвящена особенностям структурирования опыта утраты дома в значениях слов, входящих в состав соответствующего фрейма. Материалом работы является повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой», в сюжете которой данная тема является центральной. Методом фреймового анализа была изучена концептуализация опыта утраты дома, ее лингвистическая составляющая. Результаты исследования показали, что для разных персонажей повести общий опыт утраты дома ассоциируется с такими разными смыслами, как тоска, смерть, перемены и новая жизнь.

Ключевые слова: Валентин Распутин, «Прощание с Матерой», художественная литература, фрейм.

Известно, что достижению объективности результатов в лингвистических исследованиях зачастую препятствуют скрытые значения и контексты, интенции говорящих, культурно-исторические аспекты. Как следствие, для достижения максимально объективных результатов исследователи все чаще обращаются к методам, которые применяются в точных науках, связанных с системой знаков, таких как информатика. Одним из таких методов является фреймовый анализ, изначально разработанный исследователями в области кибернетики [Бурцева 2013: 52].

Фреймовый анализ базируется на когнитивном подходе к языковым явлениям и предполагает привлечение тех неязыковых знаний, которые востребованы для понимания языковых фактов. В основе данного анализа лежит одно из центральных понятий когнитивной лингвистики – фрейм [Гусельникова 2009: 29]. Под фреймом понимается «единица знаний, организованная вокруг некоторого концепта и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры» [Никонова 2008: 86]. Понятие фрейма «помогает выявить механизмы взаимодействия когнитивных и языковых структур» [Гусельникова 2009: 29]; он может быть применён для анализа текста в случаях, когда отдельные его элементы вызывают ассоциации с когнитивной моделью. При соотнесении фрагментов текста с этой моделью становится возможной его интерпретация [Филлмор 1988: 65]. Будучи материализо-

ванной формой некоего абстрактного понятия, фрейм может быть выделен на разных уровнях языковых коннотаций: отдельное слово, предложение и текст [Бурцева 2013: 52].

Фрейм представляется в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними [Чупрына 2023: 2]. Верхние узлы сети формируют понятия, неизменно справедливые для данной ситуации, тогда как узлы нижних уровней обладают множеством вершин-терминалов («словов»), которые заполняются частными данными на основе известной ситуации [Буторин 2010: 762]. Анализ художественных текстов с применением фреймового метода включает выявление структурного плана для раскрытия содержательного. Фрейм представляет собой структуру знаний о фрагменте человеческого опыта, организованную вокруг ядра. Понимание текста заключается в активации фрейма и заполнении его слотов информацией из текста, что позволяет интерпретировать различные связи и сцены [Дуркина 2013: 90].

Рассмотрим повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой» с точки зрения фрейма «утрата дома и корней», занимающего центральное место в сюжете произведения. Анализ текста произведения выявил элементы верхних узлов фрейма, выраженные лексическими единицами *переезд*, *затопление* и *прощание*. Кроме того, в данном фрейме были выделены слоты «эмоциональные характеристики», «коммуникация», «событийность», моделирующие концептуальное представление фрейма.

Рассмотрим слот «эмоциональные характеристики» в рамках фрейма «утрата дома и корней». Для данного слота стержневыми компонентами являются смыслы «тоска» и «новая жизнь». Для представителей старшего поколения (Дарья, Егор, Настасья, Сима) затопление деревни Матеры перед открытием новой ГЭС и вынужденный переезд её жителей представляют собой трагедию. Их отношение к происходящему раскрывается в высказывании: *Кто ж старое дерево пересаживает*. В тексте повести смыслы «тоска, тоскливый» соотносятся с лексическими единицами *одинокое*, *горемычные*, *беспомощные*, *хворь*. Смыслу «тоска» противопоставлен смысл «перемена», раскрывающий отношение к происходящему представителей младшего поколения (Андрей, Клавка, Петруха), для которых утрата Матеры является символом неизбежных перемен к лучшему: *Наша Матера на электричество пойдёт, тоже пользу будет людям приносить; Давно пора скovyрнуть вашу Матеру и по Ангаре отправить*. В описании их эмоционального состояния используются лексические единицы *радость*, *интерес*.

Важным для фрейма «утрата дома и корней» являются сцены перезахоронения умерших родственников жителей Матеры. Для представителей

старшего поколения эта процедура чрезвычайно неприятна, характеризуется как *издевательская*, разрытые могилы представляются им *обезображенными, немymi, оголенными, сиротливыми*, что символизирует их трепетное отношение к ним. Андрей, репрезентирующий в повести молодое поколение, также воспринимает данную процедуру как *жуткую, недобрую*, но в то же время как *манящую, интересную*. Ему интересно, «что осталось от покойников, похороненных давным-давно». Отношение членов санитарной бригады к происходящему емко раскрывается в высказываниях начальника бригады (*Это положено делать везде; Есть специальное постановление*), демонстрирующее, что для них эта процедура не несет ту же эмоциональную нагрузку, что для жителей деревни.

Стержневым компонентом слота «коммуникация» является слово *собрание*. В ситуации, когда переезд и утрата дома затрагивают всех основных персонажей повести, все они собираются вместе перед лицом перемен. Все ключевые события повести (попытка санитарной бригады разрыть могилы, устроенный Петрухой пожар, погрузка на катер) происходят в присутствии большинства жителей деревни. В подобных сценах показываются моменты эмоционального единства главных героев, люди прощают друг другу былые обиды и ищут единения.

Ведущими единицами слота «событийность» являются слова *перемены и смерть*. Для стариков расставание с Матерой подобно смерти; их отношение к происходящему наиболее емко характеризует предложение: *Земля не молчала, звала их перед смертью проститься*. Семантически смерть для них связана с перерождением и мудростью: *...и из семени тайны и тлена созревает семя жизни и понимания*. Для молодежи, напротив, расставание с Матерой не является столь же возвышенным событием, они «переменам были рады и не скрывали этого». Перемены для них концептуально и семантически связаны с неизбежностью: *А что перемены? Их не изменить и не переменить... И никуда от них не деться*. Неотвратимость происходящего осознают и старики, однако в их восприятии перемены более трагичны и непреодолимы, о чем, в частности, свидетельствует отношение к происходящему бабушки Андрея, Дарьи: *Ей эти перемены не по силам*.

Таким образом, можно сделать вывод, что опыт утраты дома и корней, показанный в повести «Прощание с Матерой», можно представить в виде фрейма, вершинные компоненты которого выражены единицами *переезд, затопление и прощание*. Контекстно-ситуативное распределение данных единиц демонстрирует, как персонажи формируют индивидуализированное представление о потере дома, выраженное как словами, связанными с кон-

цептом «утрата» (*тоска, смерть*), так и не соотносящиеся с ним (*собрание, перемены*). Представленный нами фреймовый анализ повести позволил выявить общие очертания структуры произведения, основные и второстепенные элементы сюжета, его типичные и переменные особенности.

Литература

Буторин С. В. Фреймовый подход к анализу языкового пространства немецкого романа-воспитания // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 3. С. 761–765.

Бурцева О. И. Фреймовый анализ сказочного повествования (на примере сказки В. А. Жуковского «Сказка о Иване-Царевиче и Сером Волке») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. С. 52–54.

Гусельникова О. В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5. С. 29–32.

Дуркина Г. С. Фреймовая организация художественного текста (на материале русской классической и современной литературы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 9. С. 90–91.

Никонова Ж. В. Фрейм в контексте лингвистической науки // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 4. С. 86–89.

Распутин В. Г. Прощание с Матёрой. М.: НЭБ Свет, 2020.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. № 23. С. 52–93.

Чупрына О. Г. Фреймовый анализ представления семейных отношений в повестях для детей британского писателя Дэвида Уоллямса // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 3. С. 1–5.

*D. R. Sharenkin (Moscow, Russia)
Moscow City University*

FRAME ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF LOSING HOME IN VALENTIN RASPUTIN'S NOVELLA “FAREWELL TO MATYORA”

The article explores how the experience of losing a home is reflected in the meanings of words constituting the corresponding frame. The study is based on Valentin Rasputin's novella Farewell to Matyora, with this theme as its central narrative element. By applying frame analysis, the article highlights how the experience of losing a home is conceptualized. The findings revealed that losing a home, as experienced by the characters, is associated with diverse meanings, including longing, death, change, and new life.

Key words: Valentin Rasputin, Farewell to Matyora, fiction, frame analysis.

Н. В. Шелепова (Астрахань, Россия)

Астраханский государственный

технический университет

shelepova1976@mail.ru

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ВОСПРИЯТИЕ И ВНИМАНИЕ

В статье представлены результаты изучения процессов восприятия и внимания и их объективации в английском языке.

Ключевые слова: мыслительные процессы, когнитивное моделирование, восприятие, внимание, память, мифологема, мультиинструментальность.

Человеческое сознание является одним из интереснейших объектов современных научных исследований, привлекающих своей глубиной, неизведанностью и многогранностью. И хотя над вопросами специфики мыслительных процессов бились мыслители со времен Аристотеля, все еще остается немало загадок. В частности до сих пор нет ответа на вопрос, который ставит выдающийся исследователь в области философии сознания Д. Чалмерс и который звучит так: «Почему все когнитивные процессы сопровождаются переживаемой в опыте внутренней жизнью?» [Chalmers 1996]. Сами мыслительные процессы также не до конца изучены и требуют дальнейшего рассмотрения в свете последних достижений в области нейронауки и смежных с ней дисциплин, а также философии сознания. В настоящей статье остановимся на анализе процесса восприятия, поскольку, на наш взгляд, оно играет важнейшую роль в построении мыслительных процессов, предваряя и обуславливая их.

Известно, что *восприятие* является сложным психофизиологическим процессом, направленным на формирование перцептивного образа, который есть результат (но не сумма – Н. Ш.) синтеза ощущений и состоит из совокупности (смоделированных в сознании – Н. Ш.) свойств того или иного явления или процесса [БПС: 107].

В буддизме существует такое понятие, как *Санджня* (*санья*) (санскр. संज्ञा IAST: saṃjñā), обозначающее «восприятие; совокупность восприятий, охватывающих как рассудочные, так и интуитивные способности к различию свойств объектов окружающего мира; когниция» [Kunsang 2004]. Его можно также определить как фокусирование на отличительных чертах, качествах или характеристиках объекта. Его функция заключается в том, чтобы сделать знак условием повторного восприятия того, что можно назвать как «то же самое». Проще говоря, его функция – узнавать то, что было воспринято ранее. Оно про-

является как интерпретация объекта через уловленные черты. Другими словами, санджня – это сенсорный и психический процесс, который регистрирует, распознает и маркирует (например, форму дерева, зеленый цвет, эмоцию страха и т.д.).

Как видно из указанного определения, восприятие работает за счет акта общего включения и функции нанесения отметок как условия повторного восприятия (узнавания или запоминания). Его проявлением является действие интерпретации посредством воспринятого знака. Или же оно имеет краткость проявления, подобно молнии, из-за своей неспособности проникнуть в объект [Perception].

То есть восприятие идет рука об руку с распознаванием объекта – схватыванием его отличительных черт. А потому при первичном восприятии объекта происходит его «маркировка специальным знанием», чтобы в дальнейшем его можно было легко распознать. При восприятии, мышлении и действии запускается целый рой каузальных и информационных процессов. Схожие идеи находим в работах Е. С. Кубряковой, которая писала, что термин «восприятие» может относиться к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, обрушивающихся в виде множества материальных сигналов или стимулов; к их *членению, дискретизированию и структурированию*, т.е. к способностям человека *выделять* в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов и формировать их целостный образ [Кубрякова и др. 1996: 17].

В целом, восприятие не является чем-то единичным и ограниченным, но мультимодально по своей природе. Кроме того, оно *«мультинструментально»*, если можно так выразиться, т.к. задействует разные механизмы когнитивной системы человека.

Формируясь на основе ощущений разных модальностей, восприятие базируется на предшествующем опыте, а потому тесно связано с процессами *внимания и памяти*. Однако, как полагает А. Н. Леонтьев, образ восприятия как психологическая реальность совсем не то же самое, что мозговые процессы и их констелляции, функцией которых он является [Леонтьев 1975: 4]. Конечно, возможности восприятия обусловлены устройством органов чувств человека, его сенсорными способностями. Но для возникновения в сознании осязательного, зрительного или слухового образа предмета, необходимо, чтобы между человеком и этим предметом сложилось деятельное отношение. Другими словами, как справедливо полагает А. Н. Леонтьев, «за восприятием лежит как бы свернутая практика и что осязающая рука или глаз не теряются в своих объектах только потому, что научаются выполнять перцептивные действия и операции, сформировавшиеся в практике» [ibid: 26]. Полагаем, что здесь можно говорить о формировании *«практической памяти»*, которая требует постоянной трени-

ровки, подкрепления и здесь выражение «повторение – мать учения» подходит как нельзя лучше. Это также относится к процессу интерпретации, с которой восприятие тесно связано. Поэтому важно понимать специфику процесса деятельности субъекта, опосредующую его связи с предметным миром.

Как указывалось выше, функционирование восприятия невозможно также без включения внимания, которое играет центральную роль в нашей психической жизни. Кроме того, внимание играет основополагающую роль не только в восприятии, но и в деятельности по составлению мыслительных категорий, поскольку указанные выше элементарные мыслительные операции, составляющие мыслительные категории, являются операциями внимания [Benedetti 2005: 2]. Полагаем, что операция внимания также лежит в основе процесса концептуализации, т.к. являясь одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека, процесс концептуализации тесно связан с процессом категоризации и также являет собой классификационную деятельность. Различие состоит лишь в конечном результате и/или цели деятельности [Кубрякова, Демьянков и др. 1997: 93].

Итак, рассмотрим, как функционируют процессы восприятия и внимания на примере мифологема *sphinx*. Мифологический материал вообще и мифологема, в частности, являются благодатной почвой для современного исследователя, несмотря на кажущуюся архаичность. Будучи сюжетно-понятийной структурой, мифологема являет собой сложное когнитивное образование, включающее ряд слоев и связей между ними. Объективируясь на языковом уровне в виде мифолексемы, мифологема аккумулирует внутри себя разнообразную информацию и служит ярким примером интердискурсивности и интертекстуальности.

Мифологема *sphinx* «сфинкс» принадлежит различным мифологиям, точнее к двум – египетской и греческой. Так, в толковых англоязычных словарях находим следующие дефиниции: **1 a capitalized: a winged female monster in Greek mythology having a woman's head and a lion's body and noted for killing anyone unable to answer its riddle; 2: an ancient Egyptian image in the form of a recumbent lion having a man's head, a ram's head, or a hawk's head [MW]; in ancient stories, an imaginary creature with a lion's body and a person's or animal's head, and, in Greek stories, usually with wings; the Sphinx** (also the Great Sphinx): *a large stone statue with a lion's body and a man's head, that stands in the desert near Cairo in Egypt; in ancient Greek stories, a creature at Thebes with the body of a lion, the head and breasts of a woman, and wings. She asked people who passed by a riddle (= a difficult question) and if they could not answer correctly, she killed them [CD].*

Этимологически происходит от лат. *Sphinx*, от греч. *Sphinx*, означает буквально «душитель» и является обратным образованием от *sphingein* «сжимать, связывать» [OED].

Как здесь работают ментальные механизмы восприятия и внимания? При построении концептуальной структуры *sphinx* фокус внимания смещается на *визуальное* восприятие, и отсутствуют др. модальности (слух, др.). Во-первых, в фокусе внимания находятся анатомические элементы – части тела: *head, body, wings, breasts*. Во-вторых, сочетание гендерных элементов: *female/woman vs. man*. В-третьих, сочетание человеческого и животного – *person vs. animal, monster, creature, lion, ram, hawk*. Изменение интенсивности внимания (*variation in intensity of attentional state*) в сторону его усиления осуществляется благодаря использованию ментальной операции противопоставления, включения структурных компонентов «*riddle*», «*killing, killed*», а также за счет грамматической структуры посессивности. Эффект эклектичности достигается при включении механизма концептуальной интеграции. Таким образом, имеет место создание новой реальности, точнее интеграция имеющихся представлений с последующим конструированием нового сложного ментального образования, которое находит не только языковое воплощение, но и реально объективируется, воплощаясь в каменных статуях сфинкса.

Не менее интересно, на наш взгляд, метафорическое значение данной мифолексемы: *an enigmatic or mysterious person* [MW]. Например: *She is a sphinx whose features hold a blank fascination* [ibid].

Здесь ментальный компонент «*riddle*» выдвигается на передний план концептуальной структуры и происходит затемнение других признаков/компонентов, включая телесные и гендерные.

В заключении необходимо отметить, что изучение процессов моделирования когнитивных процессов восприятия и внимания представляется очень интересным и перспективным. Анализ мифологемы *sphinx* показал, что несмотря на мультимодальность и мультиинструментальность, человеческое сознание весьма избирательно и не использует весь арсенал имеющихся средств, но выбирает наиболее эффективные для создания конкретной ментальной структуры с целью ее последующей объективации в языке.

Литература

- Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. факультет МГУ им М. В. Ломоносова, 1996.
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Мелетенский Е. М. Мифология. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 2008.
- Benedetti G. Basic mental operations which make up mental categories. 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/238694728_Basic_mental_operations_which_make_up_mental_categories (дата обращения: 10.06.2024).

Chalmers D. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Kunsang E. P. Gateway to Knowledge, Vol. 1, North Atlantic Books, 2004. Perception. URL: https://archive.ph/20130505151449/http://www.zolag.co.uk/Cetasikas/html_node/Perception.html%23Perception (дата обращения: 05.06.2024).

БПС – Большой психологический словарь / под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. М.: АСТ: Прайм-Еврознак, 2009.

CD – Cambridge Dictionary. Sphinx. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sphinx> (дата обращения: 05.06.2024).

MW – Merriam Webster. Sphinx. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sphinx> (дата обращения: 05.06.2024).

OED – Online Etymology Dictionary. Sphinx. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=sphinx> (дата обращения: 05.06.2024).

N. V. Shelepova (*Astrakhan, Russia*)
Astrakhan State Technical University

ON THE ISSUE OF MODELING THOUGHT PROCESSES: PERCEPTION AND ATTENTION

The paper presents the results of studying the processes of perception and attention and their objectification in the English language.

Key words: cognitive processes, cognitive modeling, perception, attention, memory, mythologem, multi-instrumentality.

В. В. Яковлева (*Москва, Россия*)
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
iakovlevavv@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИИ

В статье рассматриваются принципы формирования эмпирической базы данных для анализа семантических свойств префиксальных форм глагола *gehen* с семантическим центром «физическое движение». Автором исследуется применение нейросетевых технологий в комплексе с традиционными лингвистическими способами, что позволяет выявить ограничения при использовании ИИ.

Ключевые слова: ИИ, предикаты движения, эмпирическая база, национальный корпус русского языка, корпус параллельных текстов.

В стремительно развивающемся мире информационных технологий идея организации эмпирических баз данных с использованием искусственного интеллекта становится неотъемлемой частью научных исследований. **Актуальность** исследования определяется современным запросом общества к скорости поиска, обработки, масштабируемости и точности искомых данных. Рассмотрение нового подхода, в котором интеллектуальные алгоритмы способны автоматизировать процессы извлечения и анализа больших объемов информации, также обуславливает актуальность работы.

Данная статья посвящена анализу принципов создания и организации эмпирической базы данных, интегрированной с элементами ИИ. **Цель** исследования состоит в описании методики анализа префиксальных форм от глагола *gehen*, представляющего собой в рамках данного исследования семантический центр концепта ФИЗИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ. Интерес к изучению деривационных пропозиций производных слов возрос в конце XX века [Араева 1994, Бабенко 1999]. Семантический анализ глаголов и их предикатных форм становится актуальным объектом исследований ряда современных работ [Солодилова 2022, Сулейманова 2017], а также внимание лингвистов неизменно привлекает проблема адекватного переноса семантического значения предикативных форм глаголов движения при межъязыковой интерференции [Баранов 2001, Сулейманова, Ильясова 2024].

Фокус исследовательского внимания направлен на изучение особенностей и методов интеграции ИИ в инфраструктуру базы данных, а также на практические аспекты исследования информационных баз данных. С целью реализации поставленной задачи применялись следующие ресурсы: немецкоязычный словарь Duden, электронный словарь DWDS, Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и нейросетевые технологии, что позволяет проанализировать, каким образом последние способны повысить эффективность работы с отбором данных. Ход проводимого исследования может быть разделен на три этапа, каждый из которых направлен на решение определенных задач: извлечение данных, сопоставление и анализ.

I этап. Извлечение данных из немецкоязычного толкового словаря Duden

На начальном этапе велась работа с бумажной версией немецкоязычного словаря Duden как авторитетным справочником и официальным источником информации о лексическом составе и семантике единиц немецкого языка. Методом сплошной выборки были отобраны все представленные в словаре

предикатные формы глагола *gehen* и зафиксировано наличие 62 префиксальных глаголов (исключая базовый глагол данной группы – *gehen*).

Дальнейший анализ семантического значения каждого из отобранных глаголов продемонстрировал, что только в части глаголов представлено семантическое поле «физическое движение», хотя бы в одном из представленных в словаре значений. Так, 31 глагол обладает значением физического перемещения в пространстве, что составляет 50% от общего числа глаголов и вносит информацию о физическом передвижении объекта. Например, глагол *heimgehen* имеет два значения, одно из которых определяет физическое передвижение в пространстве: а) *nach Hause gehen*. – *Идти домой*; б) *sterben*. – *Умереть*.

Другим примером может послужить глагол *rückwärtsgehen*, в основе которого также находится глагол *gehen*, но при этом префиксальная форма глагола не сохраняет семантическое поле физического перемещения: *sich verschlechtern* – *ухудшаться*.

Анализ семантики отобранных глаголов позволил выявить основные префиксальные глаголы, образованные от *gehen*, которые стали основой при формировании эмпирической базы.

II этап. Сопоставление полученных данных с электронным немецкоязычным словарем DWDS и нейросетевыми технологиями

Электронный немецкоязычный словарь DWDS, основанный на данных Большого словаря немецкого языка (Duden), оцифрованной версии Словаря современного немецкого языка (WDG), а также различных современных лингвистических и исторических текстов, представляет собой крупную информационную базу для изучения системы значений в целом, включая сведения о контекстуальных особенностях употребления языковых единиц.

На данном этапе обнаружено большее количество глаголов по сравнению с предыдущим этапом – 111 единиц. Важно отметить, что перечень глаголов, выявленных на первом этапе в словаре Duden, полностью совпадает с набором глаголов из электронного словаря DWDS, в котором набор предикатов значительно расширяет список глаголов словаря Duden. Для дальнейшего выявления семантики каждого из представленных в DWDS глаголов в работу были подключены внутренние знания нейросетевых технологий GPT-4o. Нейросети была поставлена задача определить, какие глаголы содержат семантику физического перемещения, для чего был использован следующий промпт: «для каждого глагола из списка [список

глаголов] необходимо: определить, имеет ли данный глагол семантику движения (то есть обозначает ли действие, связанное с перемещением или изменением положения/направления). Ответ должен быть в формате JSON, где ключом является глагол, а значением – объект с полями: «движение» – булево значение (“true”, если глагол обозначает движение, и “false”, если нет)». Использование данного промпта выявило на основе именно «внутренних» знаний 84 глагола в значении физического перемещения.

Выверка полученных данных продемонстрировала неточности определения значения некоторых глаголов. Так, глагол *entzweigehen* имеет дефиницию: [in Stücke] gehen, in einzelne Teile auseinanderfallen [Duden 1970, 214] – *развалиться на куски, распасться на отдельные части*. При этом ИИ идентифицирует данный глагол, как глагол движения: “entzweigehen”: {«движение»: “true”}.

Глагол *hervorgehen* обладает значением: (aus etwas) entstehen, stammen; [aus einem Kampf] als Sieger hervorgehen (bei, in etwas siegen) [Duden 1970, 331] – *быть выходцем (из), быть родом (из); выйти победителем (одержать победу в чем-то)*. В ответ на запрос нейросетевые технологии определили данный глагол как глагол движения: “hervorgehen”: {«движение»: “true”}. Следует заметить, что на основе лишь внутренних знаний ИИ допускает неточности в обработке используемого промпта, в связи с чем было принято решение о применении другого принципа – определения семантики на основе использования примеров из словаря DWDS.

Из словаря DWDS были собраны дефиниции и примеры использования каждого из 111 глаголов и загружены в нейросети «llama3.2-vision:11b-instruct-q4_K_M» со следующим запросом: «представлен список примеров использования глагола {глагол}: имеет ли глагол {глагол} семантику физического перемещения (в пространстве) хотя бы в одном примере? Ответ должен быть в формате {“is_moving”: true}, если есть пример глагола в значении перемещения, или {“is_moving”: false}, если такового примера нет».

В ходе использования вышезаданного промпта количество глагольных предикатов со значением «физическое перемещение/движение» сократилось до 42 глаголов, что составляет 50% от общего количества выявленных ранее глаголов с использованием GPT-4o. При этом для 9 глаголов был получен некорректный результат по причине отсутствия примеров их употребления в DWDS.

Обращаясь к результатам, полученным с помощью обновленного промпта, мы рассмотрели глаголы, в которых ранее нейросетями были допущены ошибки при определении их семантики. Анализ показал, что значение было изменено на верное: “entzweigehen”: {“is_moving”: False}, “hervorgehen”:

{“is_moving”: False}. Важно отметить, что использования внешних знаний также может оказаться недостаточным для получения корректного результата в случае пропусков в данных.

III этап. Анализ полученных данных с использованием немецко-русского параллельного подкорпуса НКРЯ

На третьем этапе проведен анализ предикативных форм глаголов физического движения/перемещения в параллельном языковом корпусе – немецко-русском параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

На основе примеров употребления исследуемых глаголов в немецко-русском параллельном подкорпусе НКРЯ была проведена выверка приставочных глаголов, обнаруженных путем анализа дефиниций с использованием словаря Duden, с одной стороны, и глаголов, выявленных в ходе интеграции электронного словаря DWDS и ИИ, с другой. Например, в **результате** данного анализа было выявлено, что глагол *zugehen* обладает в одном из значений семантикой «физическое перемещение/движение»: *in Richtung auf etwas gehen* [Duden 1970: 797] – *идти в направлении чего-то*. Однако нейросеть llama3.2-vision, основываясь на примерах из DWDS, ошибочно определила данный глагол как «недвижение»: “zugehen”: {“is_moving”: False}. В НКРЯ, в свою очередь, на примерах употребления *zugehen* подтверждается его семантика движения:

Таблица 1

Пример из параллельного немецко-русского корпуса НКРЯ

Оригинальный текст	Перевод
Vor meinem inneren Auge sah ich den Löwen auf das Rubinherz am Abgrund zugehen und es mit einem einzigen Tatzenhieb beiseite fegen.	Перед моим внутренним взором возник лев, который шел к рубиновому сердцу и одним-единственным движением лапы сметал его в пропасть.

На заключительном этапе выверены 9 глаголов (*dazwischengehen, durcheinandergehen, emporgehen, geradegehen, herübergehen, hinterdreingehen, schwarzgehen, umhergehen, verschüttgehen*), на которые нейросети выдавали некорректный результат ввиду отсутствия примеров их употребления в словаре DWDS. В ходе работы с НКРЯ выявлено, что на два глагола – *durcheinandergehen* и *umhergehen* – имеются примеры употребления, при этом лишь один из них – *umhergehen* – обладает семантикой физического перемещения/движения:

Таблица 2

Пример из параллельного немецко-русского корпуса НКРЯ

Оригинальный текст	Перевод
Ich liebte die völlige Unbekümmertheit, mit der sie nackt umherging oder sich anzog.	Я уже любил ту полнейшую непринужденность, с какой она расхаживала нагишом или одевалась в моем присутствии.

Анализ примеров из НКРЯ позволил выявить значение физического перемещения/движения у глагола *umhergehen* на примере использования его в произведении «Das gelobte Land» (Земля обетованная) Э. М. Ремарка, что указывает на недочеты и неточности работы искусственного интеллекта.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить, что применение интеллектуальных алгоритмов значительно автоматизирует этапы анализа информации. Применение сочетания традиционных словарных ресурсов (Duden, DWDS) и нейросетевых технологий (GPT-4o, llama3.2-vision) облегчило анализ сложных лингвистических явлений, таких как семантическая неоднозначность префиксальных форм глагола *gehen*. На заключительном этапе исследования было установлено, что несмотря на то, что нейросети обладают значительным потенциалом и функциональными возможностями, характеризуются некоторыми ограничениями, не принимая во внимание особенности употребления того или иного глагола.

В заключение следует отметить, что предлагаемый подход демонстрирует успешный симбиоз цифровых лингвистических источников и нейросетевых технологий, направленный на глубокий анализ семантики, позволяя определить особенности значений глаголов физического движения. Предложенные в статье принципы могут послужить основой для дальнейших исследований языковых баз и разработок в области интеллектуальных систем управления данными, способствуя созданию инновационных решений, отвечающих современным запросам.

Литература

- Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на примере русских говоров): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 1994.
- Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.
- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Национальный корпус русского языка: сайт. URL: <https://ruscorpora.ru/new/>

Солодилова И. А. Префиксальные глагольные дериваты: процессы лексикализации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 7(170). С. 65–72.

Сулейманова О. А. Семантика безличных моделей со словами категории состояния // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сборник статей к юбилею О. А. Сулеймановой. 2-е изд., стереотипное. М.: ФЛИНТА, 2021. С. 43–66.

Сулейманова О. А., Ильасова Д. А. Лингвотопологическая схематизация движения глаголами *идти* и *бежать* в русско-английском переводе // Вестник Московского государственного педагогического университета «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2025. № 1. С. 120–132.

DWDS. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprach: URL: <https://www.dwds.de/wb/schließen>.

Duden. Rechtschreiberwörterbuch der deutschen Sprache: URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/ausschließen>.

V. V. Yakovleva (Moscow, Russia)

National Research University

“Moscow Power Engineering Institute”

PRINCIPLES OF ORGANIZING AN EMPIRICAL DATABASE USING AI

The paper focuses on principles of forming an empirical base by analyzing the prefixed verbs derived of the verb *gehen* related to the semantics of movement. The results of the research offer the application of neural network technologies together with traditional linguistic methods, that enables a researcher to identify AI's limitations.

Key words: AI, movement verbs, empirical base, Russian National Corpus, parallel corpus.

IV. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О. Д. Вишнякова, А. А. Липгарт (Москва, Россия)
*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
ol-vish@mail.ru, a_lipgart@mail.ru*

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И MEMORY STUDIES: ТОЧКИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Современный этап развития науки характеризуется высокой степенью междисциплинарности вследствие применения новых подходов к анализу различных феноменов. Когнитивная лингвистика, непосредственно связанная с проблемами изучения речемыслительной деятельности человека, опирается на интегративное знание и наряду с другими научными направлениями лежит в основе разработки теоретических принципов и исследовательских процедур в области Memory studies.

Ключевые слова: междисциплинарная парадигма, интегративное знание, когнитивная лингвистика, исследования памяти.

Рассмотрение языка как неотъемлемой части познания выступает в качестве основополагающего тезиса в изучении когнитивных процессов, обеспечивающих возможность ориентации человека в мире. Современный этап развития научной мысли характеризуется осуществлением новых подходов и аналитических процедур в отношении речемыслительной деятельности человека, что обуславливает переход к новой, междисциплинарной модели порождения и передачи знания [Заботкина 2012; Nowotny et al. 2004]. Как указывают исследователи, междисциплинарная модель отлична от узкоспециальной, важные ее характеристики – наличие порождающего данную модель прикладного контекста и динамический характер трансляции знаний в различных формах [Заботкина 2015]. Междисциплинарная модель многофункциональна и непосредственно соотносится с концепцией построения интегрального знания, важнейшая роль в которой принадлежит когнитивной науке, исследуемой в терминах порождения,

преобразования, приобретения, хранения, использования и управления знанием и посредством знания. Исследователи отмечают, что в настоящее время «невозможно обойтись без системного знания и понимания, т.е. без способности мыслить с учетом особенностей сложных динамических систем» [Майнцер 2010]. Немаловажным является и тот факт, что структурная организация самой когнитивной науки как общеметодологической платформы современного исследовательского процесса обусловлена существованием целого ряда специализированных областей, обеспечивших данную сферу научного анализа как непосредственно специалистами из других отраслей, так и отдельными, тесно взаимодействующими между собой отраслями (нейрофизиология, когнитивная психология, философия, лингвистика, социология и др.), обуславливающими возможность дальнейшего синтеза и трансформации накопленного знания.

В современном научном контексте под эгидой когнитивной лингвистики реализуются различные познавательные установки, нацеленные на интеграцию знаний о речемыслительной деятельности человека, с учетом роли языковедческих исследований в развитии других наук (так, например, указывается, что «проблема познания в философии не может быть разрешена до тех пор, пока не разрешена проблема языкового значения» [Кравченко 2004: 38]). Рассмотрение таких феноменов, как знание, внимание, память и другие, требует обращения к анализу ментально-языковых структур в их динамике, их всестороннего экспериментального изучения и глубокого теоретического осмысления. Знание как результат мыслительной формализации человеческого опыта, служащего для создания нового знания – нового содержания, представленного в новых форматах при помощи языка, основывается на базе предыдущего, старого знания и опыта, хранящихся в человеческой памяти и подлежащих вербальному воспроизведению. Данное знание может быть изучено с различных сторон, с учетом индивидуальной и коллективной специфики его порождения, хранения, воплощения. По мнению Н. Н. Болдырева, «индивидуальное знание – это определенная конфигурация коллективного знания в плане его объема, содержания и интерпретации» [Болдырев 2007: 16], что подтверждает категориальную природу языковой репрезентации как способа существования и трансляции знания. Одним из наиболее современных подходов к анализу феноменов памяти и воплощаемых на ее уровне знаний является их изучение в терминах гуманитарных «исследований памяти» – Memory studies [Вишнякова et al. 2022; Kansteiner 2002; Lipgart, Vishnyakova, 2023; Roediger, Wertsch 2008], на основе подвергаемых анализу участков реальности, представленных в виде нарратива, реализуемого в различных дискурсивных практиках, понимаемых как способ вербально выраженного осмысления и интерпретации общественной жизни индивида и социума.

Специфика культурно-исторического контекста, особенности диахронических сдвигов и сопутствующая им динамика социально-исторических преобразований обуславливают особенности изучения конкретных моделей памяти [Barnier, Sutton 2008; Echterhoff 2008], необходимость дальнейшей разработки алгоритма использования интерпретирующих методик по отношению к ее продуктам, основанным на воспоминании, селекции, возможных корреляциях, а также забывании. Процедуры интерпретации продуктов памяти теснейшим образом связаны с процессом их вербального представления в виде нарративов индивидуального и коллективного характера на основе сложившихся в человеческом сознании ментально-лингвальных структур. Вошедшие в национальную концептосферу нарративы могут служить в качестве платформы для формирования коллективной памяти над-индивидуального характера [Вишнякова, Мартюшова 2022; Olick 2009].

Исследования показывают, насколько значимым оказывается междисциплинарный подход к изучению проблем памяти как сущности лингвокогнитивного порядка. Обращение к данным, полученным в результате концептуального анализа, глубинного филологического анализа и связанного с ним изучения когнитивного контекста, использование материалов лексикографического описания наряду с исследованиями в области смежных наук обеспечивают всестороннее рассмотрение феноменов, выступающих как аналитический объект современной научной области *Memory studies*, и подтверждают правомерность ее выделения в качестве самостоятельного исследовательского пространства [Lipgart, Vishnyakova 2023]. В терминах когнитивно-дискурсивной парадигмы актуальным может считаться и то обстоятельство, что представляющие данную область нарративы репрезентируют определенный дискурс путем различных языковых форм, являясь инструментом формирования коллективной памяти культуры, обладающей способностью к обобщению совокупности индивидуальных дискурсивных продуктов на основе механизма интерпретации. В языковом знаке как носителе культурно-языкового опыта находит отражение динамика функционально-семантических трансформаций значения под воздействием собственно языковых и дискурсивных факторов.

Литература

Болдырев Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сборник. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 12–28.

Вишнякова О. Д., Лингарт А. А., Мартюшова Н. О. Проблема исследования памяти в лингвистике: междисциплинарный подход // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41(4). С. 700–706. DOI: 10.52575/2712–7451–2022–41–4–700–706

Вишнякова О. Д., Мартюшова Н. О. Коллективная память о прошедших событиях в лингвистическом освещении: опыт анализа речей членов королевской семьи Великобритании // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8(3). С. 3–19. DOI: 10.18413/2313–8912–2022–8–3–0–1

Заботкина В. И. Междисциплинарная модель порождения знания в лингвистике: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XX. С. 58–65.

Заботкина В. И. Слово и смысл. М.: РГГУ, 2012.

Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы и проблемы метода // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2004. С. 37–52.

Майнцер К. Сложность бросает нам вызов в XXI веке: Динамика и самоорганизация в век глобализации. 2010. URL: [http:// http://iphras.ru/uplfile/evolep/helena/knyazeva-mainzer_vf_.pdf](http://iphras.ru/uplfile/evolep/helena/knyazeva-mainzer_vf_.pdf) (дата обращения: 01.02.2025).

Barnier A., Sutton J. From individual to collective memory: Theoretical and empirical perspectives // Memory. 2008. 16 (3). P. 177–182.

Echterhoff G. Language and Memory: Social and Cognitive Processes // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, N. Y.: De Gruyter, 2008. P. 263–274.

Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // History and Theory. 2002. 41(2). P. 179–197.

Lipgart A. A., Vishnyakova O. D. Philological Knowledge and Philological Analysis as Part of the Memory Studies Research Area // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42. № 2. С. 349–357.

Nowotny H., Scott P., Gibbons M. Re-thinking Science: Knowledge and the Public in the Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2004.

Olick J. K. Between chaos and diversity: Is social memory studies a field? // International Journal of Politics, Culture and Society. 2009. 22(2). P. 249–252.

Roediger H. L., Wertsch J. V. Creating a new discipline of memory studies // Memory Studies. 2008. 1(1). P. 9–22.

O. D. Vishnyakova, A. A. Lipgart (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

COGNITIVE LINGUISTICS AND MEMORY STUDIES: INTERDISCIPLINARY CONTACT POINTS

The contemporary stage of scientific development is characterized by a high degree of interdisciplinarity due to the use of new approaches to the analysis of various phenomena. Cognitive linguistics, directly related to the problems of studying human speech and thinking activity, is based on integrative knowledge and, along with other scientific areas, underlies the development of theoretical principles and research procedures in the field of Memory studies.

Key words: interdisciplinary paradigm, integrative knowledge, cognitive linguistics, memory studies.

Н. П. Глинская (Москва, Россия)
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru

**ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА
ДЕСКРИПТОРНОГО ТЕРМИНОПОЛЯ “DRUGS”
(на материале тезауруса психологических
индексных терминов)**

Тезаурус психологических индексных терминов Американской психологической ассоциации (АПА) представляет собой контролируемый вокабуляр, используемый для информационно-поисковых целей. В данной статье методом когнитивно-фреймового моделирования изучаются состав дескрипторов и фреймовая структура терминопля “Drugs”, представленного в тезаурусе в 70-е годы XX века. Модель терминологической репрезентации психофармакологических понятий в рамках психологического тезауруса АПА носит сложный гетерархический и полифреймовый характер, включает фреймы клинического применения, функциональных свойств, химического состава, фармакодинамических механизмов и фармацевтической номенклатуры.

Ключевые слова: информационно-поисковый тезаурус, дескриптор, психологический индексный термин, Американская психологическая ассоциация, АПА, терминопле, фреймовая структура.

Одним из плодотворных подходов к описанию «коллективного знания в плане его объема, содержания и интерпретации» [Болдырев 2019: 255] является фреймовое моделирование терминологической репрезентации предметно-специфических знаний. С точки зрения когнитивного терминоведения фреймы организуют термины на основе их взаимосвязей и функциональных зависимостей, способствуя концептуальной связности и систематической классификации. «Структура фреймов отражает дифференциацию науки, а слоты фреймов репрезентируют базовые концепты исследуемой научной области» [Манерко 2024: 400].

В этом смысле особого внимания заслуживают информационно-поисковые тезаурусы, эксплицитно репрезентирующие родо-видовые и ассоциативные связи между научными понятиями, отражающие «знания, достигшие оптимальности по критериям достоверности, обоснованности, непротиворечивости и плодотворности» [Манерко, Новодранова 2014: 275]. Полагаем, что изучение состава и фреймовой структуры терминологического поля, составленного из официально закрепленных дескрипторов [Шайкевич 2000: 507], используемых при индексировании документов, позволит рекон-

струировать институциональную фреймовую модель знания. Под моделью понимается, вслед за О. К. Ирисхановой, «как сама ментальная репрезентация соответствующего фрагмента опыта, так и результат построения (реконструкции) данной репрезентации на основе анализа семантики языковых единиц, выражений, текстов» [Ирисханова 2014: 7].

В предметной области психологии для индексирования научной литературы на английском языке используется созданный под эгидой Американской психологической ассоциации (АПА) информационно-поисковый тезаурус, отражающий информацию о семантических связях между дескрипторами и показывающий время введения индексного термина в состав контролируемого вокабулярия [Thesaurus of Psychological Index Terms 2007]. С учетом того, что первый этап институциональной систематизации психологических англоязычных дескрипторов проходил в 70-е годы XX века [Walker, Mulholland 1992], для целей данной статьи были извлечены только индексные термины, относящиеся к терминологическому полю с условным названием ‘*Drugs*’, находящиеся в иерархических отношениях *broad – narrow*, внесенные в тезаурус в период до 1979 года (включительно).

Полученный список из 300 специальных языковых единиц, как одноклассных, так и полилексемных, включает стандартизованные формы (имена существительные во множественном и единственном числе; словосочетания с естественным порядком слов, аббревиатуры). Компонентный терминологический состав характеризуется разнородностью, наиболее частотными являются ядерные лексемы: *drugs* (37), *acid* (10), *hormones* (7), *ions* (5). К ближней периферии могут быть отнесены такие терминокомпоненты, как *adrenal*, *adrenergic*, *anesthetic*, *antagonists*, *calcium*, *cholinergic*, *derivatives*, *sympathomimetic*, *etc.*

Термин «*Drugs*» является центральным гиперонимом, связывающим несколько категорий, и наиболее соответствующим идее выявления «исходной структуры отношения (*fundamentum relationis*)» [Филлмор 1988: 55]. К подчиненным категориям (гипонимам) относятся названия химических групп: *Amines*, *Acids*, *Enzymes*, *Ions*, *etc.*; названия функциональных и физиологических классификаторов лекарственных средств: *Antibiotics*, *Sedatives*, *Antihypertensive Drugs*, *Muscle Relaxing Drugs*, *Heart Rate Affecting Drugs* и т. д.; названия групп понятий на основе фармакологического механизма: *Sympathomimetic Amines*, *Monoamine Oxidase Inhibitors*; *Adrenergic Drugs*; тривиальные названия веществ растительного и животного происхождения (*Cannabis*, *Curare*, *etc.*) и международные непатентованные названия препаратов (*Levodopa*, *Thiopental*, *Haloperidol*, *etc.*).

Многоуровневая таксономия терминополья отражает иерархические отношения: термины естественным образом группируются в терминологические

фреймы, включающие специфичные субфреймы, как, например, субфрейм *Amino Acids* представлен такими единицами, как *Leucine*, *Tyrosine*, *Tryptophan*, *etc.*, субфрейм *Neurotransmitters* состоит из названий *Acetylcholine*, *Serotonin*, *etc.* Иерархические структуры выстраиваются по разным основаниям (химическим, функциональным, клиническим, фармакологическим). На субординатном уровне представлены множественные международные непатентованные названия лекарственных средств, как правило, используемые в клинической практике изучаемого периода времени (*Diazepam*, *Hydrocortizone*, *Theophylline*, *etc.*).

Специфика терминологической репрезентации в рамках дескрипторного поля во многом обусловлена наличием морфологических маркеров, которые кодируют знания, сигнализируя о химической структуре, функции или фармакологическом классе. Так, на морфологическом уровне показатели классификации выражаются суффиксами ‘-ine’ (напр., *Morphine*, *Histamine*, *Epinephrine*); ‘-ol’ (*Propranolol*, *Methanol*, *Ethanol*); ‘-ic’ (*Antibiotics*, *Diuretics*); ‘-one’ (*Cortisone*, *Testosterone*, *Prednisolone*); ‘-ide’ (*Chlordiazepoxide*, *Cycloheximide*); ‘-ase’ (*Dehydrogenase*, *Cholinesterase*) и префиксом ‘anti-’ (*Antihistaminic*, *Antidepressant*, *Anticonvulsive*).

Терминология лекарственных средств, представленная дескрипторами тезауруса АПА, отражает специфику моделирования фармакологических знаний для целей институционального психологического дискурса. Фреймовая структура терминологического поля в 70-е годы XX века, по полученным данным, включает фрейм клинического применения (*Antitremor Drugs*, *Antiemetic Drugs*, *etc.*), фрейм эффекта препарата (*Vasoconstrictor Drugs*, *Vasodilators*, *Diuretics*), фрейм описания механизма действия (*Adrenergic Blocking Drugs*, *Cholinergic Blocking Drugs*), фрейм, отражающий химическую структуру (*Alcohols*, *Bromides*, *Steroids*, *Alkaloids*, *Peptides*, *etc.*), фрейм фармацевтической номенклатуры (*Aspirin*, *Amantadine*, *etc.*). Такое множественное профилирование обеспечивает когнитивную гибкость терминологии. Взаимодействие между химическими и функциональными категориями отражает как гетерархическую структуру в терминологических системах, так и явление образования гибридных категорий, при котором в формировании терминов участвуют несколько когнитивных доменов. В результате некоторые терминологические единицы могут относиться не к одному субфрейму, а скорее к нескольким категориям одновременно (например, термин *Ascorbic Acid* состоит одновременно в двух субфреймах: *Acids*, *Vitamins*; термин *Acetylcholine* входит в состав субфреймов *Cholinergic drugs* и *Cholinomimetic drugs*).

Диахронический ракурс исследования показывает, каким образом происходит постепенное заполнение слотов фреймовых структур. В частности, фрейм фармакодинамических механизмов в изучаемом периоде содержит тер-

мины *Narcotic Antagonists*, *Serotonin Antagonists*, при этом слот с названиями агонистов пополнится терминами типа *Narcotic Agonists*, *Serotonin Agonists* позднее, в 1988 году. В терминопле 70-х годов нам не удалось зафиксировать примеры терминов, относящихся к фрейму нормативного регулирования использования лекарственных средств, и такие термины, как *Nonprescription Drugs*, *Prescription Drugs*, появятся в тезаурусе только в 1991 году.

Таким образом, когнитивно-фреймовое моделирование дескрипторов терминопле *Drugs*, зафиксированных в синхронном срезе 70-х годов, дает возможность определить, какие концептуальные аспекты профилируются в официальном информационно-поисковом тезаурусе конкретного исторического периода, а какие аспекты профессиональных знаний остаются категориально непроявленными. Терминологическое картирование показывает многоуровневый и полифреймовый характер терминологической репрезентации научных понятий того времени, отражая взаимосвязи между терапевтическим, химическим, физиологическим, фармакодинамическим и номенклатурным доменами. Выявленная фреймовая модель институционально закреплённого знания даёт представление о специфике отбора единиц терминологической номинации для целей оптимизации трансфера профессиональных знаний, индексирования научной документной базы и обеспечения коммуникации между практикующими специалистами, психологами-исследователями и регулирующими организациями.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Ирисханова О. К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.

Манерко Л. А. Основополагающие методы когнитивно-дискурсивного терминоведения // Преподаватель XXI век. 2024. № 2–2. С. 390–405.

Манерко Л. А., Новодранова В. Ф. Концептуальная и когнитивная карта как методологический аппарат когнитивно-коммуникативного терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 275–284.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / пер. с англ. Л. Н. Баранова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / под ред. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

Шайкевич А. Я. Тезаурус // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
Thesaurus of Psychological Index Terms / Ed. by Lisa Gallagher Tuleya. 11th ed. American Psychological Association. Washington DC, 2007.

Walker A., Mulholland S. N. The Thesaurus of Psychological Index Terms: A Historical Review // Behavioral & Social Sciences Librarian. 1992. 11(2). С. 39–57.

*N. P. Glinskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

**FRAME STRUCTURE
OF THE DESCRIPTOR TERM FIELD “DRUGS”
(based on the Thesaurus of Psychological Index Terms)**

Thesaurus of Psychological Index Terms of the American Psychological Association (APA) provides a controlled vocabulary systematized for information retrieval purposes. In this article, the composition and the frame structure of the descriptor field “Drugs” are analyzed using the cognitive-frame modeling method. The model of terminological representation of psychopharmacological concepts at the initial stage of thesaurus systematization (the 1970s) has a complex heterarchical and polyframe structure and includes frames of clinical application, functional properties, chemical composition, pharmacodynamic mechanisms, and pharmaceutical nomenclature.

Key words: information retrieval thesaurus, descriptor, psychological index term, American Psychological Association, APA, term field, frame structure.

*Л. А. Говорова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
govorova_la@pfur.ru*

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ЯЗЫКОВЫХ ПАРАМЕТРОВ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹**

В данной статье представлена репрезентация когнитивных механизмов современных носителей отдельных национальных вариантов испанского языка, на основе которых происходит построение ментальных моделей, обусловленных лингвокогнитивной категоризацией и интерпретацией мира.

Ключевые слова: испанский язык, национальные варианты испанского языка, языковые параметры национальной идентичности, когнитивная действительность.

При исследовании этноспецифической и культурной окрашенности единиц испанского языка и языковых параметров национальной идентичности, на первый план выступает «репрезентация ментальных механизмов освоения

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках проекта «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», реализуемого на базе РУДН имени Патриса Лумумбы (грантовое соглашение № 24–18–00702).

языка и принципов их структурирования», так как в них кроется «когнитивная действительность», в которой заключены особенности национального сознания и самоидентификации [Демьянков 1994]. Вслед за М. А. Лаппо, под самоидентификацией мы понимаем «осознанное либо неосознанное вербальное, пара- и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей» [Лаппо 2013: 30]. В рамках нашей работы мы сосредоточимся на вербальном маркировании идентичности в контексте когнитивно-дискурсивного моделирования языковых параметров национальной идентичности носителей различных национальных вариантов испанского языка.

«Лексический уровень языка универсально оказывается наиболее пронитаемым для отражения лингвокультурологических факторов» [Чеснокова 2021: 9], в связи с чем для выявления актуальных социокультурных и речемыслительных тенденций, прослеживаемых через особенности словопотребления, в качестве материала для исследования был выбран монолог в формате видеоролика под названием “*historia que solo los colombianos entendemos*” («история, которую понимают только колумбийцы»), в котором молодая жительница Колумбии говорит следующее: “No, parece, tengo una *culebra* en el *camello* que me tiene re estresada, no sé que hacer. No, y aparte me tengo que poner super *mosca*, porque usted sabe que el *mono* ese es re *sapo*, entonces me da miedo que le vaya a contar a un par de *ratas* por allí...” [YouTube].

Зоонимы являются значимым элементом колумбийского культурного пространства. Анализируя представленный речевой образец с точки зрения лингвистики можно обнаружить шесть лексем, указывающих на представителей мира животных (*culebra* – змея; *camello* – верблюд; *mosca* – муха; *mono* – обезьяна; *sapo* – лягушка; *ratas* – крысы), что на первый взгляд позволяет сделать вывод о тематике дискурса. Однако более глубокий анализ его содержания раскрывает национально-культурную специфику метафорического использования зооморфных образов, в данном случае описывающих проблемы на рабочем месте, с которыми столкнулась колумбийка («...у меня проблемы на работе из-за которых я очень переживаю и не знаю, что делать. Кроме того, мне нужно быть очень внимательной, потому что мой коллега может обвинить меня... или рассказать обо всем другим сотрудникам, которые меня недолюбливают»). Выделенные нами зоонимы представляют собой общеиспанские лексические единицы, однако их семантическая структура в современном узусе Колумбии приобрела новые оттенки значений. «Разнообразие рельефа и климатических условий Колумбии обуславливает разнообразие фауны страны» [Чеснокова 2021: 20],

которая становится неотъемлемой частью мира образов, речевых оборотов и лингвокогнитивной категоризации реалий повседневности и быта.

Исследовательский интерес вызывает специфика ментальной репрезентации языкового знания, детерминированного национальной и лингвокультурной идентичностью. Представим вариант анализируемого речевого образца, заменив лексемы, имеющие в структуре семантики элементы, обозначающие названия животных и другие элементы разговорного стиля на общеиспанские: "...tengo un *problema* (culebra) en el *trabajo* (camello) que me tiene muy (re) estresada, no sé que hacer. No, y aparte me tengo que poner muy *atenta* (mosca), porque, como usted sabe, el *compañero* (mono) me puede *acusar* (es re sapo), y me da miedo que le vaya a contar a las *compañeras con las que tengo conflicto* (ratas). Вместе с тем, дружеское обращение "parce", с которого начинается предложение, может считаться лексическим маркером колумбийской лингвокультуры и идентичности, поскольку оно используется исключительно в Колумбии. Рассматриваемый монолог этнолингвистически симптоматичен, поскольку отличные от колумбийского национальные варианты испанского языка равным образом располагают этнически окрашенными лексическими средствами для создания подобного рода культурно-маркированных дискурсов, подтверждение чему мы обнаруживаем в комментариях под видео, где представители других испаноговорящих стран поделились «переводом» услышанного с учетом собственной когнитивной действительности:

- *Argentina: No, amigo, tengo un quilombo en el laburo que me tiene re estresada y no sé que hacer. Aparte tengo que estar despierta con ojos en la nuca porque sabes que el tipo boludo ese es re chusma y entonces me da miedo que vaya a contarle a un par de pelotudas que andan dando vueltas por ahí.*

- *Perú: No, choche, tengo un rollo en la chamba que me tiene noico, que ando cuadriculado. Aparte tengo que ponerme en fa porque el causa se va de lengua y la riega con un par de serruchos por ahí.*

- *México: No, bro, debo un varito acá en la chamba que me tiene re estresada y no sé que hacer. Aparte me tengo que poner trucha porque ese wey es re metiche y que tal les dice a las víboras esas por ahí.*

- *Cuba: Qué bolá, no, asere, tengo un clase de lio en la pincha y no sé que inventar, no, y para más me tengo que poner a la viva y hacerme la pilla por que hay un tabari que es tremendo chivatón y un chanchullero, y me da miedo que se ponga fula y vaya a inflarle a esta gente.*

- *España: No, chacho, tengo un follón en el curro que me tiene agobiada, y además tengo que andar al loro porque ya sabes que ese tío es un chivato y me da cangelo que vaya largandolo por ahí a un par de piezas.*

Зафиксированные колумбианизмы, аргентинизмы, перуанизмы, мексиканизмы, испанизмы и кубинские лексемы, обладающие концептуальным содержанием и свойственные лингвокультурам представленных стран, содержат в себе культурный и смысловой коды языка молодежи и в абсолютном большинстве случаев являются разговорной лексикой, посредством которой современные носители различных национальных вариантов испанского языка категоризируют действительность. В свою очередь, мы можем прийти к заключению, что с целью передачи национального колорита и обозначения этнонациональных особенностей мировоззренческой парадигмы дискурсивные практики могут быть сознательно окрашены этнолингвистически отдельными представителями национально-лингвокультурных сообществ. Таким образом, на основе приведенных ментальных моделей мы имеем возможность наблюдать ментальную репрезентацию языкового знания и несколько версий его когнитивной «переработки», результаты которой позволяют нам судить как о специфике лингвокреативного мышления носителей языка рассматриваемых стран, так и о языковых параметрах их национальной идентичности, обусловленных структурно-содержательными и географическими особенностями.

Литература

Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С. 17–33. URL: https://infolex.ru/Cogni.html#_Toc32468344 (дата обращения: 12.02.2025).

Ланно М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы: монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013.

Чеснокова О. С. Колумбия в мире испанского языка. 3-е изд., доп. М.: Ленанд, 2021. ISBN 978–5–9710–8855–4. EDN ZEHSIK.

YouTube. URL: <https://youtube.com/shorts/BXyOyb4S05s?si=U0ownRiAgz76cNxY> (дата обращения: 08.12.2024).

L. A. Govorova (Moscow, Russia)

Patrice Lumumba People's Friendship University of Russia

COGNITIVE-DISCURSIVE MODELING OF LINGUISTIC FEATURES OF NATIONAL IDENTITY

This article presents a representation of the cognitive mechanisms of modern native speakers of different national variants of the Spanish language, on the basis of which mental models are built based on their linguistic and cognitive categorization and interpretation of the world.

Key words: Spanish, national variants of the Spanish language, linguistic features of national identity, cognitive reality.

Ж. К. Дарбаева (Астана, Казахстан)

Евразийский гуманитарный университет им. А. Кусайнова
zhanara74@inbox.ru

О. В. Макарова, Т. Ю. Березина (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный медицинский университет
omakarova1980@mail.ru, berezina474@mail.ru

ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА КОМПОНЕНТА «ОДИН» В РУССКОЙ И КАЗАХСКОЙ КАРТИНАХ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИЙ)

Исследование символики числа связано с экспликацией национально-культурных смыслов, актуализирующихся в лексико-фразеологическом фонде языка. В статье выявлены универсальные (*единичность*; *противопоставление множеству*; *уникальность* и др.) и специфические особенности репрезентации компонента «один» в языковой картине мира русского (*указание на целостность, общность с другими*) и казахского этносов (*квалификация уважаемого человека; наделение исключительности лица (Аллаха)*).

Ключевые слова: концепт ЧИСЛО, когнитивный признак, компонент «один», языковая картина мира, этнолингвистика, лингвокультура.

Концепт ЧИСЛО как одна из универсальных и древнейших категорий концептосферы любого этноса постоянно привлекает внимание исследователей в когнитивном, лингвокультурологическом, философском и других аспектах и изучается на материале художественного текста [Маглакелидзе 1991; Jamolatdinova, Azimjanova, Otajonova 2021], ассоциативных данных [Доева 2020], фразеологических [Буре, Суханова 2020; Тлеубекова, Кузнецова, Жанкаринова 2020] и ономастических единиц [Детинкина, Железнова, Русанова 2024], рекламного дискурса [Стрижак 2023] и других жанров. Обращение к анализу концепта ЧИСЛО обусловлено не только тем, что это одно из главных понятий в культуре, но и категория, с помощью которой люди воспринимают мир и членят его, опираясь на числа как на определенную «систему координат» (термин А. Я. Гуревича) [Гуревич 1984: 15].

Анализ процесса семантизации числовых компонентов изучался на материале разных европейских языков [Sadigova 2021; Nussupbekova, Mussatayeva, Dyussenova 2022; Beknazarova, Samandarova 2023; Xalikova 2023]. Исследование особенностей употребления числительных частично представлено и на материале национальных языков России – осетинского [Дзедаева 2013], татарского [Гизатуллина 2004], туркменского

[Абдрахманова 1972]. Однако исследование образного кластера концепта ЧИСЛО и его регулярного компонента «один» на базе казахского языка исследовано недостаточно. Фокус на материале русского и казахского языков обусловлен не только необходимостью выявить общее и идиоэтническое в структуре концепта ЧИСЛО и его слоте – «один» – в разных с точки зрения генеалогии и типологии языках, но и желанием показать взаимосвязь и взаимопроникновение данных лингвокультур. Особое географическое положение, приграничный статус России и Казахстана, многовековые связи русского и казахского этносов проявляются и на уровне речи – в виде этнотропов (*айтыс птиц, малахай подсолнуха*), формируемых у русских писателей, проживающих на территории Казахстана [Табакова, Смаилова 2023], и на уровне сознания – общими мировоззренческими смыслами, зафиксированными в идиоматических выражениях, имеющих национально-культурную обусловленность.

Цель статьи – выявить общие и специфические особенности репрезентации компонента «один» в языковой картине мира русского и казахского этносов.

Объектом исследования являются когнитивные признаки компонента «один» как наиболее частотной лексемы в паремиях с числовым компонентом как транслятором этнокультурной информации.

Материалом исследования являются 346 паремий, извлеченных из фразеологических и толковых словарей и справочников: из них 219 – русских паремий, 127 – казахских пословиц и поговорок. Паремии с компонентом «один» преобладают среди номинаций с другими числительными и составляют 70% от общего количества выражений как в русских, так и казахских текстах. Аналогичная ситуация, как отмечают авторы [Аверина, Хомутова 2013: 305], наблюдается и в английских фразеологизмах с компонентом «one».

В работе мы используем функциональный подход к теории значения, который, по мысли ряда ученых [Нигораи 2022: 155], дополняет референциальный и когнитивный методы в изучении понятия «концепт». Вслед за В. А. Масловой мы рассматриваем концепты как фрагменты знаний, представлений об окружающей действительности, как «сгустки культурной среды в сознании человека» [Маслова 2005: 447]. Мы согласны с мнением исследователей в области концепта [Попова, Стернин 2007], что эти лингвоментальные образования обладают полевой структурой. Исходя из этого, изучение содержания концепта связано нами с анализом не только базовых, ядерных составляющих данной структуры сознания, соответствующих словарным толкованиям слова, а также регулярным реак-

циям на слово-стимул при условии изучения его содержания посредством ассоциативного эксперимента [Макарова 2017], но и с исследованием периферических когнитивных признаков, которые репрезентируются в метафорических контекстах, соответствующих, в том числе, паремиологическому фонду языка. Метод исследования особенностей этнической языковой картины мира на материале фразеологии является продуктивным [Ильина 2014] и способствует выявлению этнокультурной специфики содержания концептов.

Числа как важный критерий характеристики окружающего мира еще со времен Пифагора наделяются функциями «строения мира». Система чисел наделяется культурноспецифичным содержанием: она напрямую связана с народными традициями и обычаями [Дзедаева 2013], ассоциируется с началом всех вещей, первичной целостностью Бога [Маслова 2005: 90], высшей точкой Вселенной и знаком человеческого «я» [Тлеубекова, Кузнецова, Жанкаринова 2020: 42].

Репрезентация концепта ЧИСЛО на материале паремиологического фонда позволяет реконструировать цифровые культурные коды, составляющие самобытность той или иной языковой картины мира.

К предметному кластеру изучаемого концепта относится функциональная составляющая, зафиксированная в словарном определении лексемы «один», — это исчисление и измерение вещей и предметов, поддающихся счету и соответствующих категории квантитативности, например: *Семь раз отмерь, один отрежь*. Однако большинство вербализаций компонента «один» связано с реализацией образной и ценностной составляющих, что подтверждается широким употреблением данной категории в идиоматических выражениях анализируемых языков.

В паремиях (Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа; Пословицы народов мира) компонент «один» актуализирует следующие когнитивные признаки: «целостность» — *Одной руки пальцы, и кость одна* (о дружбе); «единичность» — *Не клади все деньги в один карман* и др. Отметим, что такой когнитивный признак компонента «один», как «значимость события/объекта» обладает амбивалентностью. С одной стороны, подчеркивается «частичность чего-либо», «несерьезность» — *Один в поле не воин*, а в ряде контекстов, наоборот, «один» означает «нечто существенное, важное» — *От великого до смешного один шаг; От любви до ненависти один шаг; Лучшие один раз увидеть, чем сто раз услышать*. С другой стороны, значение контраста содержится в паремиях, которые, указывая на единичность субъекта, подразумевают множество: *Бедя не приходит одна; Один волк гоняет овец полк; Одна лиса семь волков проведёт*. Похожая символика

компонента «один» повторяется во многих переводах казахских пословиц: *Без одной тиынки нет тенге, без жеребенка нет коня; Бір жыл сөз бір күнге азық* ('одно ласковое слово является пропитанием на целый день'). Расширение семантики компонента «один» происходит за счет означаемого: *беда* – масштабное событие, *волк и лиса* – хищные, умные животные. Если в первом ряду амбивалентных выражений используются антонимы, в том числе контекстуальные: *великий – смешной, любовь – ненависть, один – сто*, то во втором случае противопоставленность базируется на сопоставительных связях объектов, в основе которых – жизненный опыт, что обуславливает имплицитность, отсутствие наименования описываемых признаков: *волк – овцы, лиса – волки, беда – спокойная жизнь*. В казахском языке актуализация семы «значительность» часто связана с понятием «человек» – *Бір қолы он балды* (о человеке, работающем за десятерых) или Бог – *Бір Тәңір* ('Один Бог'). Выдающегося, уважаемого человека называют *Бір төбе* ('одна целая глыба').

Компонент «один» может иметь пейоративную окраску, если включает сему «недостаточность, нерезультативность»: *В одно перо и птица не родится; Одна ложка дёгтя портит бочку мёду* (русские); *Одна ласточка не делает весны, одна сорока не делает лета* (казахская). В отдельных случаях негативный смысл числового компонента «один» обнаруживает явное предостережение: *Если будешь путешествовать один, получишь удары палками* (казахская). На недостаточность числа «один» нередко указывает вторая часть пословицы: *Первый парень на деревне, а в деревне один дом* («всего лишь один»). В данных паремиях компонент «один» выступает символом слабости и одиночества.

Общей чертой в плане репрезентации компонента «один» на материале паремиологического фонда двух лингвокультур можно назвать не только обусловленность коннотативных компонентов этого слова сакральными смыслами [Кайрлиева 2021], но и противопоставленность лексемы «один» другим числовым компонентам. Число «один» регулярно используется носителями языка в сравнительном аспекте. Если сопоставление с цифровой «два» и местоимением «другой» является частотным, то противопоставление числам «четыре», «пять», «шесть» встречается довольно редко. В обеих лингвокультурах особым мистическим смыслом наделены числа «три», «семь», «девять». И в русской, и в казахской культурах встречаются числовые компоненты, указывающие на множество. Например, символами множественности выступают числовые компоненты «десять», «тридцать три». Последнее число символично именно для русской культуры: Иисус прожил 33 года; русский богатырь – Илья Муромец – 33 года спал; в сказке

А. С. Пушкина жил старик со своею старухою 30 лет и 3 года. Тождественный когнитивный признак – «наивысшая значимость действий/состояний, описываемых компонентом «один», актуализируется в поговорках, включающих лексемы: «сорок», «сто» и даже «тысяча».

Мы выделили два типа структурно-семантических моделей поговорок. Поговорки первого типа включают когнитивный признак – «отличие/ противопоставление одного субъекта/объекта другому в пользу первого субъекта/ объекта», в моделях поговорок второго типа актуализируется когнитивный признак – «одинаковость, похожесть субъектов/объектов».

В русских и казахских поговорках первого типа компонент «один» имеет значение «первостепенность, самодостаточность» первого субъекта, характерными чертами которого являются сила, энергичность, воля, активность, ум, инициатива: *Один другому не указ; Один рубит, а другой в дудку трубит* (русские), *Один прыгает от сытости, другой – от стужи; Дочь одна, если умна, всегда ценней двух глупых сыновей* (казахские). В то же время в анализируемых поговорках первого типа мы отмечаем такие эксплицитированные когнитивные признаки компонента «один», как «одиночество, незначительность, лень, алчность, беспомощность второго субъекта»: *Один собирает, другой зевает; Один слепнет от голода, другой – от золота; Одному в дружбе нужен ты сам, другому – твоё состояние* (казахские). Закключаем, что компонент «один» ассоциируется в сознании носителей языка прежде всего с активной, инициативной, творческой, руководящей деятельностью субъекта.

Компонент «один» в поговорках первого типа также актуализирует сему «единичность, уникальность субъекта/объекта/процесса»: *Одним выстрелом двух зайцев убить; Один раз совершишь – другой не поверят* (русские), *Две бараньи головы в одном котле не сварить; Два дурака не составят одного аула; Две ноги в один сапог не влезут* (казахские).

Компонент «один» в моделях поговорок второго типа символизирует «похожесть, единство субъекта/объекта»: *В одном кармане вошь на аркане, а в другом блоха на цепи* (русские); *Одно свидание – знакомство, второе – родство* (казахская). В данных поговорках субъекты или объекты выступают как контекстуальные элементы синонимического ряда: *вошь – блоха, краденый – воровской, прошла – идет* – и редко функционируют в качестве антонимов, как в поговорках первого типа: *В одно ухо влетело, в другое вылетело*.

Итак, типичным способом выявления специфичных признаков этноса, актуализируемых в поговорках как этнозначимых высказываниях, является прием контраста. Использование компонента «один» в конструкциях с дру-

гими числовыми компонентами или лексемами, обозначающими количество (*толпа, все* и др.), способствует выявлению идиотнических особенностей культуры.

Результаты других исследований, касающихся особенностей репрезентации компонента «один» в идиоматических выражениях разных народов, свидетельствуют не только о высокой продуктивности этого числового компонента, его частотности в речи, но и подтверждают высокую значимость числа в жизни человека. Так, авторы М. В. Архипова, Ю. Ф. Абитова [Архипова, Абитова 2006: 143], обозначили основные символические смыслы, заложенные в выражениях с числом «один» в английском и китайском языках: религиозный (символ сущности); символ целого; символ абсолютного происхождения и результата; математический символ; символ человека; символ главы нации. Исследователь И. П. Кудрявцева [Кудрявцева 2019: 126], изучая фразеологизмы с числительными в разных языках, отметила, что число «единица» является одним из самых символически нагруженных в различных лингвокультурах, поэтому изучение особенностей его актуализации в устойчивых выражениях относится к перспективному направлению исследований. Говоря о разнице восприятия мира восточными и западными носителями языков, можно увидеть, что если в английской фразеологии встречается числовой компонент «один» в значении указания на индивидуализм, независимость от окружающих (*number one* – «своя собственная персона»; *one and the only* – «единственный, уникальный»; *look after (take care of)* [Аверина, Хомутова 2013: 305], то в русской паремиологической картине мира доминирует характеристика человека как части целого, что подтверждается и результатами нашего исследования.

Сопоставительный анализ паремий с культурно обусловленным и символическим компонентом «один» показал, что семантика числа транслирует ценностные установки культуры различных этносов. Репрезентация компонента «один» в конструкциях, основанных на базе противопоставления, как правило, связана в сознании говорящего с мелиоративной оценкой, если является символом исключительности, избирательности, успешности; и имеет пейоративную окраску, если включает сему «недостаточность, незначительность, нерезультативность».

В работе выделены два типа структурно-семантических моделей паремий с компонентом «один». Паремии первого типа включают когнитивный признак «отличие/противопоставление одного субъекта/объекта другому в пользу первого субъекта/объекта», в моделях пословиц второго типа актуализируется когнитивный признак «одинаковость, похожесть субъектов/объектов».

Базовые характеристики исследуемого концепта репрезентируются компонентом «один» с количественной семантикой, содержащей указание на число, равное одному. Однако, исследование свидетельствует о том, что наиболее полной является та часть структуры данного концепта, которая включает образные и ценностные составляющие. Отметим универсальные когнитивные признаки концепта, актуализируемые в паремиях с компонентом «один»: *индивидуальность; единичность; противопоставление множеству; целостность; одиночество и указание на связь с целым; уникальность.*

Специфические когнитивные признаки, которые репрезентируются в паремиях с компонентом «один» в казахской речи: *квалификация уважаемого человека (Бір тәбе) или наивысшего существа – Аллаха (Бір Тәңір – «Один Бог»); наделение сакральными смыслами, указание на исключительность лица, которое присуще только Аллаху.* К идиоэтническим характеристикам анализируемого компонента в русском языке относятся указание на целостность, взаимосвязь с другими, что соответствует традиционной ценности русской культуры – единству. Слово «один» этимологически связано с корнями «един», «единый».

Изучение способов языковой репрезентации числа «один» на обширном материале паремий разных этносов помогает почувствовать глубину мироощущения того или иного народа, установить тесную связь между языком и культурой.

Литература

Абдрахманова М. Устойчивые словосочетания с числительными в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1972.

Аверина М. А., Хомутова Т. Н. Числовой компонент фразеологических единиц русского и английского языков // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5 (42). С. 304–306.

Архипова М. В., Абитова Ю. Ф. Концепт числа в английской и китайской языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. 2006. № 3. С. 142–146.

Буре Н. А., Суханова О. В. Концепт один в русской речевой культуре // Русская речь. 2020. № 2. С. 18–30.

Гизатуллина Л. Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. Москва: «Искусство», 1984.

Детинкина В. В., Железнова Ю. В., Русанова И. Ю. Лингвокогнитивный и лингвокультурный аспекты концепта «число» в разноязычных эргонимах // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2024. Т. 34. № 2. С. 287–297.

Дзедаева М. С. Символика как одна из репрезентаций концепта «число» в осетинской фольклорной картине мира // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 12 (19). С. 287–297.

Доева Т. А. Концепт «число» в британской, осетинской и русской языковых картинах мира // StudNet. 2020. Т. 3, № 2. С. 367–374.

Ильина Е. В. Этнокультурный компонент концепта «море» в русской, английской и немецкой фразеологии // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 89–93.

Кайрлиева Н. Б. Сакральные числа в казахском языке и культуре: лингвокультурологический аспект описания // Национальные образы мира в зеркале русского языка: сборник статей молодых исследователей. Москва: РУДН, 2021. С. 69–78.

Кудрявцева И. П. Изучение семантики числа в составе фразеологической единицы // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 124–127.

Маглакелидзе Ж. Г. Символика числительного в художественном тексте // Иностранные языки в школе. 1991. № 6. С. 18–45.

Макарова О. В. Концепт «хлеб» как фрагмент русского языкового сознания // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 4–1. С. 248–255.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005.

Нигораи С. Значение и концепт. Различные подходы в изучении концепта // Вестник педагогического университета. 2022. № 6–1(101). С. 154–158.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Стрижак А. О. Концепт «число» в английском рекламном дискурсе на примере концепта числа «one». 2023. URL: <https://infourok.ru/statya-koncept-chislo-v-angliyskom-reklamnom-diskurse-na-primere-koncepta-chisla-one-715439.html>

Табакова З. П., Смаилова А. Ж. Русская матрешка и казахская войлочная кукла как символы взаимодействия и взаимовлияния культур // Вестник Тюменского государственного института культуры. 2023. № 2(28). С. 123–126.

Тлеубекова Б. Т., Кузнецова Т. А., Жанкаринова С. М. Национально-культурная семантика концепта «число» // American Scientific Journal. 2020. № 44–2(44). Р. 42–44.

Beknazarova I. Y., Samandarova S. U. Number Component Phraseological Units Used and Symbolized in English // Eurasian Journal of Learning and Academic Teaching. Vol. 18. 2023. P. 93–95.

Jamolatdinova L. R., Azimjanova A. I., Otajonova I. G. The best proverb with number. proverbs and sayings with numbers // Достижения науки и образования. 2021. № 8 (80). С. 18–20.

Nussupbekova A., Mussatayeva M., Dyussenova D., Yessenova P., Zhmagulova B. Linguistic analysis of phraseological units with a numerological component // XLinguae. Vol. 15. Issue 4. 2022. P. 79–90.

Sadigova S. Phraseological Units with Cardinal Numeral Component in English Language // Bulletin of Science and Practice. 2021. Т. 7. № 4. P. 521–529. DOI 10.33619/2414–2948/65/64

Xalikova M. X. Analysis of the connotative meanings of the number one // Current Issue in Fundamental and Applied Research. 2023. P. 190–192.

Zh. K. Darbaeva (*Astana, Republic of Kazakhstan*)
Eurasian Humanitarian University named after A. Kusainova

O. V. Makarova, T. Yu. Berezina (*Tyumen, Russia*)
Tyumen State Medical University

NUMERICAL SYMBOLISM OF THE COMPONENT 'ONE' IN RUSSIAN AND KAZAKH PICTURES OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF PAREMIAS)

The study of number symbolism is correlated with the explication of national-cultural meanings, actualised in the lexical-phraseological fund of the language. The article reveals universal (singularity; opposition to the multitude; uniqueness, etc.) and specific features of representation of the component 'one' in the linguistic picture of the world in Russian (indication of integrity, community with others) and Kazakh ethnic groups (qualification of a respected person; granting exclusivity to a person (Allah)).

Key words: concept 'number', cognitive attribute, component 'one', linguistic picture of the world, ethnolinguistics, linguoculture.

В. Н. Денисенко, Л. А. Сафаралиева (*Москва, Россия*)
Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы
denisenko-vn@rudn.ru, kuznetsova-la@rudn.ru

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОНЦЕПТА БАБУШКА В РУССКОЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА

В настоящей статье проводится исследование концепта БАБУШКА в соотношении с внеязыковыми категориями «близкий родственник», «возраст (старость)», «возраст (молодость)». Обнаруживается, что социальный стереотип «типичная бабушка – пожилая женщина» утрачивает свою актуальность в настоящее время, что обуславливается, в свою очередь, экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: концепт, категория, ассоциативный эксперимент, экспериенциальный подход, экстралингвистические факторы.

Современные когнитивные исследования направлены, в первую очередь, на изучение языка «как инструмента познания окружающего мира и его отражения в сознании носителей того или иного национального языка» [Денисенко, Сафаралиева, Перфильева 2024: 102]. Следует отметить, что

описание фрагментов концептуальной картины мира должно опираться не только на исследование языковых единиц, вербализующих соответствующие концепты, но и учитывать экстралингвистические данные, то есть носить междисциплинарный характер. При этом значения слов следует анализировать не только в соотношении с соответствующими концептами, но и категориями. Вышеупомянутое исследование реализуется посредством проведения концептуального анализа языковых единиц: концептуально-дефиниционного и контекстуально-репрезентативного [Болдырев 2021: 47], а также соотнесения концептуальных характеристик с концептуально выделенными прототипами, лежащими в основе когнитивных категорий [Там же: 128].

В настоящем исследовании осмысливаются характеристики социального стереотипа «типичная бабушка – пожилая женщина», лежащего в основе категориального прототипа концепта БАБУШКА. Поскольку прототип или «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее содержание <...> непосредственно зависит и может меняться от когнитивного и культурного контекстов» [Там же: 130], исследование концепта БАБУШКА необходимо осуществлять с привлечением экстралингвистических данных, отражающих актуальные социальные, экономические, демографические процессы в Российской Федерации.

Для проведения концептуально-дефиниционного анализа обратимся к толкованию лексемы *бабушка*: «1. Мать отца или матери. 2. Вообще о старой женщине (разг.)» [Ожеров <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=915>]; «1. Мать отца или матери. 2. Обращение к старой женщине (простореч.)» [Ушаков 1935: 75]; «1. Мать отца или матери (по отношению к детям своих детей – внукам). 2. Ласк. Старая, пожилая женщина» [Кузнецов 1998: 54].

Таким образом, содержательными признаками концепта БАБУШКА являются: ‘мать отца или матери’ и ‘старая женщина’, которые в свою очередь соотносятся с категориями «близкий родственник» и «возраст (старость)» и, соответственно, репрезентируют социальный стереотип «типичная бабушка – пожилая женщина».

Рассмотрим далее, сохраняет ли свою актуальность образ «типичной бабушки» в сознании современных носителей русского языка на основе анализа социально-демографической ситуации в Российской Федерации.

В последнее десятилетие в России произошли значимые социальные преобразования:

- В 2020 году была пересмотрена и закреплена законодательно новая классификация возрастов в Российской Федерации: если ранее период

молодости длился до 25–30 лет [БРЭ], то, начиная с 2020 года, молодыми считаются люди в возрасте до 35 лет включительно [ФЗ № 489];

- Пенсионная реформа и повышение возраста выхода на пенсию по старости до 65 лет [ФЗ № 350] отражают изменения в определении периода трудоспособного возраста или зрелости с 55–60 лет [БРЭ] до 65;

- «В современном мире активно насаждается гедонистическое отношение к жизни и пропагандируется культ молодости как синоним успешности и финансового благополучия <...> особое внимание уделяется внешнему облику, стремлению сохранить, продлить молодость, скрыть признаки старения. Названные выше предпосылки способствовали тому, что старость <...> стала восприниматься негативно, в том числе на уровне языка. [Сафаралиева, Перфильева 2023: 82].

В настоящее время в Российской Федерации определен средний возраст женщины, в котором она становится бабушкой – 48–49 лет [Shubat, Bagirova 2022: 334], а, учитывая все вышеизложенное, можно заключить, что в настоящее время социальный стереотип «типичная бабушка – пожилая женщина» утрачивает свою актуальность, поскольку бабушками становятся не пожилые или старые женщины, а женщины, находящиеся в зрелом возрасте. Соответственно, происходит постепенное расширение категориального прототипа концепта БАБУШКА. Для уточнения данной мысли обратимся к контекстуально-репрезентативному анализу контекстов употребления словосочетаний *старая бабушка* и *молодая бабушка*, содержащихся в НКРЯ, а также к данным ассоциативных экспериментов со стимулом *бабушка*.

По данным НКРЯ обнаруживается следующая частота употребления сочетания *старая бабушка*: основной корпус: 49 текстов, 58 примеров; газетный корпус: 12 текстов, 12 примеров. Словосочетание *молодая бабушка* представлено в НКРЯ следующим образом: основной корпус: 5 текстов, 9 примеров; газетный корпус: 16 текстов, 22 примера.

Вышеприведенные данные демонстрируют, что при относительно невысокой частотности употребления сочетания *молодая бабушка* в основном корпусе русского языка, отмечается значительное количественное превосходство в газетном корпусе.

Анализ данных ассоциативных экспериментов позволяет обнаружить, какие признаки концепта являются наиболее значимыми для носителей того или иного языка, а также верифицировать содержательные или понятийные концептуальные признаки, выявленные при проведении концептуально-дефиниционного анализа лексем, вербализующих концепт.

Обратимся к данным ассоциативных экспериментов со стимулом *бабушка* и проанализируем наиболее частотные реакции: Славянский ассоци-

ативный словарь (2004 г.): дедушка **128**; старая **54**; добрая **35**; старушка **29**; моя **16**; любимая, пирожки **11**; доброта, родная, старость **9**; Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС (2014 г.): дедушка **90**; старая **43**; любимая **25**; добрая **24**; моя **21**; старушка **19**; родная **17**; деревня **14**; старость **12**; доброта **11**; родственник **10**; Ассоциативный эксперимент со студентами РУДН им. П. Лумумбы (2024 г.): тепло **36**; любовь **31**; забота **28**; пирожки **23**; уют **14**; доброта, еда, старость **11**; деревня, дом **10**.

Анализ наиболее частотных реакций обнаруживает, что в Славянском ассоциативном словаре [САС] и Русском региональном ассоциативном словаре тезаурусе [ЕВРАС] наиболее частотные реакции *старая*, *старушка*, *старость* свидетельствовали о значимости для носителей русского языка содержательного признака ‘старая женщина’ концепта БАБУШКА, а соответственно и социального стереотипа «типичная бабушка – пожилая женщина». Данные ассоциативного эксперимента, проведенного в РУДН имени П. Лумумбы в 2024 году, демонстрируют, что для современных носителей русского языка значимыми становятся иные характеристики образа БАБУШКИ – *тепло*, *любовь*, *забота*, которыми она окружает своих близких. То есть, типичная БАБУШКА не обязательно должна быть старой, но обязательно заботливой и любящей. Данный факт свидетельствует о том, что в сознании носителей русского языка актуализируется содержательный признак ‘мать отца или матери’, а возраст БАБУШКИ не является значимым.

Таким образом, можно сделать вывод, что указанные ранее экстралингвистические факторы оказали влияние на восприятие образа «типичной бабушки» носителями русского языка. Если десятилетие назад «типичная бабушка» обязательно должна была быть женщиной пожилого возраста, то в настоящее время происходит разрушение названного стереотипа: бабушка может быть и старой, и молодой.

В заключение следует отметить, что именно междисциплинарный характер исследований и применение экспериенциального подхода к анализу языковых явлений позволяет наиболее полно отразить динамику изменений концептуальной картины мира.

Литература

- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 5-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом Державинский, 2021.
- БПС – Большой психологический словарь. Под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. URL: <https://psychology.academic.ru/7265/%D0%AD%D0%99%D0%94%D0%96%D0%98%D0%97%D0%9C>

БРЭ – Большая Российская энциклопедия: [в 30 т.] / научно-редакционный совет: председатель – Ю. С. Осипов и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. URL: <https://old.bigenc.ru/psychology/text/1924637?ysclid=lrnyeg9z8y237437899>

Денисенко В. Н., Сафаралиева Л. А., Перфильева Н. В. Трансформация образа старика в сознании молодых носителей русской лингвокультуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 102–108.

ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС / под ред. Г. А. Черкасовой, Н. В. Уфимцевой. М.: Московская междунар. акад., 2018–2019.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН, 2004.

Сафаралиева Л. А., Перфильева Н. В. Эвфемизация старости в русской и испанской лингвокультурах // Cuadernos de Rúsística Española. 2023. № 19. С. 81–94.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос ин-т «Сов. энцикл.»; Т. 1. А – Кюрины. Стб. 75. ОГИЗ, 1935.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: онлайн-версия. 2008–2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=915>

ФЗ № 350 – Федеральный закон от 3 октября 2018 года № 350-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43614>

ФЗ № 489 – Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/?ysclid=m7kdp2zwj1560642614

Shubat O. M., Bagirova A. P. Forecasting the Number of Grandparents in Russia under Conditions of Limited Information Resources // Adv Gerontol. 2022 № 12. P. 331–338. <https://doi.org/10.1134/S2079057022030134>

*V. N. Denisenko, L. A. Safaralievа (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

CATEGORIAL AFFILIATION OF THE CONCEPT *GRANDMOTHER* IN THE RUSSIAN CONCEPTUAL WORLDVIEW

This article examines the concept GRANDMOTHER in relation to the non-linguistic categories “close relative”, “age (old age)”, “age (youth)”. It is found that the social stereotype “typical grandmother is an elderly woman” is losing its relevance at the present time, which is caused, in turn, by extralinguistic factors.

Key words: concept, category, associative experiment, experimental approach, extralinguistic factors.

Р. И. Зарипов (Москва, Россия)

Военный университет имени князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

lieutenant-en-chef@ya.ru

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОМ НАЧАЛЕ ЧЕЛОВЕКА И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу значения эмоций в мышлении и поведении человека. Эмоции рассматриваются в качестве источника возникновения мотива, который направляет мысли и действия субъекта, направленные на удовлетворение стоящей перед ним потребности. Представляется, что основой речевой деятельности и любой человеческой деятельности вообще выступает некая эмоциогенная ситуация, формирующая стимул-раздражитель, на который реагирует человек.

Ключевые слова: эмоции, психический процесс, речевая деятельность, информация, поликодовая коммуникация, эмоциогенная ситуация, мотивация, мотив, мысль, мышление.

Результаты недавнего исследования группы ученых из университетов Индианы и Вагенингена продемонстрировали, что в современном обществе существует тенденция к уменьшению роли рациональной аргументации. На основе компьютерного анализа частотности 5000 самых употребляемых слов в художественном, документальном и политическом дискурсах английского и испанского языков с 1850 по 2019 гг. было выявлено, что с 1980-х годов в публичном поле начался рост словоупотреблений, обозначающих внутренние чувства и субъективные верования, тогда как количество лексических единиц, связанных с логическими рассуждениями, наоборот, начало снижаться. В конце 2000-х годов эта закономерность обозначилась более отчетливо благодаря развитию социальных медиа [Scheffer, Leemput, Weinans, Bollen 2021] и эволюции всего информационного пространства в сторону доминирования эмоциогенного компонента, который проявляется не только в вербальной, но и в невербальной части. Собственно, развитие передовых средств поликодовой коммуникации, радио, телевидения, а затем Интернета, и предопределило то, что человечество постепенно совершает переход от рациональных форм мышления к эмоциональным (или «иррациональным»), основанным в первую очередь на самовыражении, образности, ассоциативности, стереотипизации, мифологизации.

Массовая коммуникация, поглотившая практически все области жизнедеятельности человека, отучает его от чтения больших текстов

и навязывает восприятие оперативно распространяемого, короткоформатного, легко усваиваемого и более запоминаемого гетерогенного семиотического ряда. Автокоммуникация личности в этих условиях происходит гораздо реже, вдумчивость и рефлексия заменяются эмоциональными проявлениями и легковёрностью. Общий уровень знаний и культуры также падает. Содержание в такой медиакультуре преимущественно вторично, и его рациональное осмысление происходит несколько позже, на фоне оказываемого на адресата информационно-психологического воздействия, или же не происходит вовсе. Поверхностное понимание превалирует над глубоким, личные впечатления, эмоции и субъективные оценки – над объективностью и основательностью. Современные механизмы трансляции массовой информации основаны на провоцировании разных эмоциональных реакций реципиента за счет его постоянного впечатления и развлечения, вследствие чего он постепенно теряет необходимость, а затем и способность подключать рациональное мышление при восприятии сообщения. Это не только препятствует полному пониманию последнего и со временем снижает интеллектуальный уровень адресата. В этой же связи концептуальные установки часто передаются подсознательно, чему способствует также и чрезвычайно плотный поток информации, с которой в условиях дефицита времени приходится ознакомляться бегло и поверхностно.

Основные смыслы сообщения адресат получает сегодня через эмоционально емкие образы, которые имеют словесную, графическую или звуковую оболочку. Непрерывная трансляция эмоциогенных сигналов приводит к постоянной самопроекции адресата, способствует условному «отмиранию» его *управляющего*, рационального мозга (термин Э. Голдберга) и еще большему утверждению эволюционно первичного *эмоционального* мозга (термин П. В. Симонова). Соответственно, человеческое общество ответило на это статистическим ростом в медиадискурсе эмоционально-экспрессивных и субъективно-оценочных высказываний, а также сокращением письменных текстов в пользу устной речи и невербальных форм самовыражения (статичное/динамичное изображение, звуковые неречевые проявления, невербальное речевое воздействие). Своей суггестивной основой сфера массовой коммуникации подчеркивает примат эмоционального начала в мышлении и поведении человека. Конечно, это касается и его речевой деятельности.

Л. С. Выготскому удалось проследить ее источник (как и источник любой деятельности вообще) в рассуждениях о природе мысли: «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы на-

шего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция... Если мы сравнили выше мысль с нависшим облаком, проливающимся дождем слов, то мотивацию мысли мы должны были бы, если продолжить это образное сравнение, уподобить ветру, приводящему в движение облака. Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее действенную, аффективно-волевою подоплеку» [Выготский 1982: 357]. Существует и дополнение к этим размышлениям, изложенное в [Выготский 2017: 327]: «Если мысль – облако, проливающееся дождем речи, то облака имеют свое движение, капли дождя – свое, хотя то и другое связано: дождь передвигается с облаком, облако истает дождем и т.д. Мотивы речи – ветер, приводящий в движение облака: он имеет свое движение, тоже связанное. Есть облака, не проливающиеся дождем, ... есть ветер бессильный и [ветер] другой – разгоняющий облака, а не собирающий их».

Содержание и функции мотива в целом достаточно изучены. Так, считается, что он есть предмет потребности, который может иметь материальный или идеальный характер, проявляться в виде своих отдельных свойств или выступать как действия, события и т.п. Однако, несмотря на выполнение побудительной и смыслообразующей функций, мотив должен иметь какие-то основания и сам чем-то быть побужден, то есть вызван или спровоцирован. Само понятие «хотение», с которым отождествляет мотив И. М. Сеченов [Сеченов 1952: 516], имеет эмоциональную основу, – это *желание* обладать или что-то сделать. Мотив как некий предмет или причина появляется как результат стечения внешних обстоятельств или внутреннего, психологического развития. Как в первом, так и во втором случае необходим некий объективный или субъективный стимул, который приводит к образованию мотива: например, недостаток информации образует мотив найти ее дополнительный источник (потребность – понизить энтропию и повысить информированность для саморазвития); недосыпание образует мотив найти время и место для сна (потребность – выспаться, самосохранение), зависть – совершить нечто негативное в отношении ее объекта (потребность – нейтрализовать конкурента, самосохранение), желание самовыражения – вступить в публичную коммуникацию (потребность в популярности) и т.д. Это и есть аффективно-волевая подоплека мышления человека (и, соответственно, его деятельности), о которой писал Л. С. Выготский. Исходя из своей двойственной композиции, аффективной и волевой, она имеет как эмоци-

ональную, так и рациональную основу, однако первая из них выделяется и имеет определяющее значение. Именно эмоция – источник мотива, который, как правило, возникает не столько в результате рациональной оценки человеком входящей информации, сколько на основе его субъективного отношения к ней, исходя из сложного комплекса психических процессов его личности. Логичным было бы в этой связи предположить, что мотив образуется в результате возникновения *эмоциогенной ситуации*. Потребности в этой цепочке первичны и проявляются дискретно, через эмоции как «индикаторы степени их удовлетворения» [Симонов 1981: 194], однако последние не только образуют мотив в результате такого проявления, часто неосознаваемый, но и сопровождают его: «Мотив явлен субъекту в виде специфических переживаний, характерных либо положительными эмоциями от ожидания достижения данного предмета, либо отрицательными, связанными с неполнотой настоящего положения. Но для осознания мотива... требуется особая работа» [Словарь практического психолога 1997: 214].

Если по понятным причинам не брать в расчет ситуации административного подчинения и подобные им, когда потребность навязана со стороны, например, в результате постановки задачи начальником (хотя и они часто эмоциогенны по своему характеру), то даже объективный стимул (тот же самый недостаток информации, скажем, для написания статьи) вызывает некую эмоцию определенной длительности и интенсивности, которая предшествует рациональному пониманию факта или как минимум синхронна ему и образует мотив совершить какое-то действие: пойти в библиотеку, посоветоваться с коллегами, почитать электронные статьи по указанной теме. В случае со стимулом субъективным, то есть исходящим из внутреннего мироощущения личности, мотив также образуется из эмоций, которые были индуцированы потенциально эмоциогенной ситуацией: человек попал под проливной дождь, поссорился с близкими, увидел смешной мем или анекдот, прослушал занимательный монолог на радио, получил сообщение с субъективно значимой для себя информацией (например, о внезапной отмене выходного дня, внеплановой премии или просто о прогнозе погоды).

Наглядно демонстрирует значение эмоций в возникновении мотива совершить серьезное действие следующее сообщение: *On the CIA's 7th floor – home to top leadership – some officers are also quietly discussing how mass firings and the buyouts already offered to staff risk creating a group of disgruntled former employees who might be motivated to take what they know to a foreign intelligence service* [Fox News. 25.02.2025]. Перевод наш: «На 7 этаже ЦРУ,

где находится высшее руководство, некоторые офицеры также тихо обсуждают, что массовые увольнения и выкупы, уже предложенные сотрудникам, рискуют создать группу *недовольных* бывших сотрудников, *которые могут быть мотивированы передать* то, что они знают, иностранной разведывательной службе».

Мотив речевой деятельности и любой деятельности человека вообще основывается на его эмоциональных реакциях, возникающих при поступлении информации как из внешней среды, так и из внутреннего «Я», и образуется с целью достижения определенной потребности. Роль управляющего мозга состоит в получении соответствующего сигнала от мозга эмоционального, выработке рационального организационного решения и обратной отправке инструкций на исполнение [Писцов 2020: 20]. Иными словами, возвращаясь к развернутой метафоре Л. С. Выготского, если мотивация – это ветер, определяющий движение мысли (облака), то появление этого ветра, его направление и скорость детерминирует «температурный и атмосферный фон», который складывается из соотношения в сознании человека рационального и эмоционального. Это – баланс его внешней и внутренней информации, сопряженной с эмоциями, возникающими в ответ на стимул-раздражитель – эмоциогенную ситуацию. Недостаток информации – это тоже эмоциогенная ситуация, в результате которой происходят «перепады давления», которые провоцируют реакцию и рождают мотивацию человека.

Литература

Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982.

Выготский Л. С. Записные книжки. Избранное / под общ. ред. Е. Завершневой и Р. ван дер Веера. М.: Изд-во «Канон+»: РООИ «Реабилитация», 2017.

Писцов А. И. Моя признательность разуму. Сборник статей и эссе. 2020. URL: <https://www.litres.ru/book/anatoliy-ivanovich-piscov/moya-priznatelnost-razumu-57283423/> (дата обращения: 27.02.2025).

Сеченов И. М. Избранные произведения. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952.

Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981.

Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997.

Jesse Watters Primetime (FOX News. February 25, 2025 5:00pm-6:00pm PST) // Internet Archive. URL: https://archive.org/details/FOXNEWSW_20250226_010000_Jesse_Watters_Primetime/start/1500/end/1560 (дата обращения: 27.02.2025).

Scheffer M., Leemput I. van de Weinans E., Bollen J. The rise and fall of rationality in language // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021. № 118 (51). P. 1–8.

R. I. Zaripov (Moscow, Russia)

*Military University named after Prince Alexander Nevsky
of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

ABOUT HUMAN EMOTION AND SPEECH ACTIVITY

The article is devoted to the analysis of the importance of emotions in human thinking and behavior. Emotions are considered as the source of the emergence of the motive, which directs the subject's thoughts and actions aimed at satisfying the need facing him. It seems that the basis of speech activity and any human activity in general is a certain emotive situation that forms a stimulus to which a person reacts.

Key words: emotion, mental process, speech activity, information, polycode communication, emotive situation, motivation, motive, thought, thinking.

Е. И. Зиновьева (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
e.i.zinovieva@spbu.ru*

МОДЕЛЬ ИНТЕГРАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦЫ

В статье на примере анализа поговорки *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* рассматривается методика интегративного подхода к анализу поговорки, позволяющему рассмотреть ее с позиции традиционной лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Выявляются условия вариативности компонентов поговорки, вербализуемые установки культуры, проводится фреймовый анализ поговорки.

Ключевые слова: поговорка, интегративный подход, установка культуры, дискурс, анализ.

Современная лингвистика отличается полиаспектным исследованием языковых единиц. Функционально-семантическое описание в работах по языкознанию совмещается с когнитивным подходом, анализ проводится на широком социокультурном фоне. Изучение поговорок приобретает в этой связи особую актуальность, поскольку они вербализуют многовековой социально-исторический опыт народа, национальный менталитет, житейскую философию и житейскую психологию, в лаконичной форме фиксируют ценностные ориентации, предписывают определенное поведение в той или иной ситуации. В силу своей двуплановости поговорка представляет собой

вторичный фольклорный текст, чаще состоящий из одного предложения, построенного по определенной синтаксической модели, пословица имеет пропозициональную структуру, выступает как прецедентный феномен в лингвокультуре. Компоненты пословицы могут нуждаться в историко-этимологическом анализе, необходимом для понимания внутренней формы пословичной единицы. Пословицы вербализуют культурные установки, часто выражают базовые для языковой картины мира народа оппозиции. Употребляясь в разных типах дискурса, пословицы могут трансформироваться, использоваться с заменой компонентов, в усеченном виде. С точки зрения когнитологии, они представляют фреймы, за которыми стоят различные структуры знаний. Пословицы номинируют типовые ситуации, но при актуализации их в речи явственно выступает прагматический компонент – характеристика самого субъекта, употребляющего пословицу. В связи со сказанным представляется необходимым использование интегративного подхода к исследованию пословичных единиц. Основные направления изучения пословиц рассмотрены в статье «Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование» [Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019].

Цель данной статьи – предложить методику интегративного анализа русских пословиц, т.е. определить содержание и последовательность этапов анализа пословичных единиц для максимально полного отображения многоаспектной информации, стоящей за паремиями. Объектом исследования служит пословица *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*. Предметом исследования являются: синтаксическая модель данной пословицы, компонентный состав пословичной единицы и его вариативность, внутренняя форма пословицы, значение, этимология, вербализуемая установка культуры, аксиологическая характеристика, особенности функционирования в разных типах дискурса. Материалом для исследования послужили данные словаря русских пословиц [Мокиенко, Ермолаева, Зайнульдинов 2007], толковых словарей русского языка [Евгеньева 1988, Шведова 2007] и «Национального корпуса русского языка». В качестве методов изучения материала выступают лексикографический анализ, историко-этимологический анализ, семантический и лингвокультурологический анализ, когнитивно-дискурсивный анализ.

«Словарь русских пословиц» фиксирует паремию *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* с толкованием «В чужом месте (доме), в гостях подчиняются заведенным там правилам, обычаям, порядкам. Говорится, когда кто-нибудь пытается нарушить чужие традиции, старается изменить установившийся порядок на свой лад». В словарной статье приводится

историко-культурный комментарий этой единицы: “Во многих монастырях на Руси были свои собственные уставы, т.е. своды правил и регламентаций, определяющие монастырскую жизнь. Некоторые монастыри имели даже свои уставы, т.е. имели право «ведать и судить своих людей сами и во всем, oprичь душегубства и разбоя с поличным”. Приходящий в монастырь должен был подчиняться такому уставу» [Мокиенко, Ермолаева, Зайнудлинов 2007: 190].

Существительное *устав* в составе пословицы имеет значение ‘свод правил, положений, определяющих построение и деятельность какой-либо организации, права и обязанности ее членов’ [Евгеньева 1988: 523]. В «Национальном корпусе русского языка» насчитывается 129 вхождений паремии в разных подкорпусах, что говорит об актуальности пословицы.

При употреблении в речи может варьироваться глагольный компонент пословицы – вместо глагола *ходить* могут использоваться глаголы *влезть*, *полезть* и *совать*, что свидетельствует об отрицательном отношении говорящего к нарушению выражаемого пословицей предписания (при использовании глагола в индикативе, чаще в форме прошедшего времени), а также придает пословице большую категоричность (особенно при замене инфинитива на императив), например: «Впрочем, как говорится, *со своим уставом в чужой монастырь не суйся*» (Записала Елизавета Деньчикова. «Большие глаза и светлая кожа – жизнь удалась» // lenta.ru, 2017.04).

Исходная (словарная) форма пословицы, с точки зрения синтаксиса, представляет собой односоставное неопределенно-личное предложение, в котором деятель не называется, акцент делается на самом действии. Это продуктивная в русских пословицах синтаксическая модель. Ср.: *Цылят по осени считают; Соловья баснями не кормят; После драки кулаками не мажут; Снявши голову, по волосам не плачут* и др. Однако встречается много случаев употребления пословицы с глаголом в форме 1 лица единственного и множественного числа и в форме 3 лица единственного числа в настоящем, прошедшем и будущем времени. Например: «[shilo_83 (nick)] Просто: я не самый умный человек на земле, и не самый образованный, и не самый предприимчивый (список можно продолжать), но дак я и *не лезу в чужой монастырь со своим уставом*... А Прохоров, в принципе не будучи самым-самым, делает именно это...» (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым (2010–2011)). При употреблении глагола в изъявительном наклонении пословица вербализует реальное поведение субъекта согласно паремнологическому предписанию.

Встречается также грамматическая трансформация рассматриваемой пословицы с ярким акцентом на модальности долженствования: «И понимаешь, что *не надо лезть в чужой монастырь со своим уставом*»

(Александр Журбин. Как это делалось в Америке. Автобиографические заметки (1999)). Пословица может трансформироваться в сложноподчиненное предложение с придаточным условия, как бы разъясняя смысл традиционной исходной формы: *«Если уж вы пришли в чужой монастырь, надо соблюдать его устав, а не обсуждать нравственность монахов...»* (Дмитрий Быков. Орфография (2002)). Встретилось даже использование пословицы в качестве объекта сравнения: *«Илья Исаакович пришел в нашу деревню как со своим уставом в чужой монастырь»* (Алексей Косоруков. Сельский бунт в Тверской области, или как москвича из рая Селигерского изгоняли // Комсомольская правда, 2012.04). Все рассмотренные варианты трансформации интересующей нас паремии свидетельствуют о ее прецедентности для русского языкового сознания.

Многие пословицы русского языка выражают противоречивые установки культуры, являются оценочно амбивалентными. В отличие от них пословица *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* категорично выражает идею о том, что в чужом месте нужно соблюдать установленные там порядки и обычаи. Пословичная единица отрицательно оценивает поведение, нарушающее это предписание, что эксплицитно утверждается и в дискурсе: *«Ну и оберегайте стены собственной квартиры, а лезть со своим уставом в чужой монастырь неприлично, глупо»* (Татьяна Иванова. Первая любовь (2002) // «Семейный доктор», 15.05.2002). Нарушение выражаемой в пословице установки культуры приводит, по мнению носителей языка, к плохим последствиям: *«Попытки ходить в чужой монастырь со своим уставом обычно заканчиваются плохо»* – как для самого монастыря, так и для тех, кто туда приходит» (Борьба с терроризмом: нужна работа над ошибками // Известия, 2016.02).

В русском паремиологическом фонде эта установка культуры вербализуется целым рядом пословичных единиц: *У Сидора обычай, а у Карпа свой; У всякого попа свой обиход; Где город, тут и вера; Против обыка не спорь! Что годится, то и твори; В чужом доме не указывают; В каком народе живёшь, того обычая и держись*. При употреблении пословицы можно отметить социоцентрические маркеры, с помощью которых субъект, использующий в речи пословицу, присоединяется к мнению большинства, апеллирует к народному опыту: *как говорится, сами знаете, как известно* и др.

В основе анализируемой пословицы лежит базовая концептуальная оппозиция «свой – чужой». В рамках прототипического фрейма можно выделить такие слоты, как «свой монастырь» и «чужой монастырь». Противопоставление своего и чужого локуса является инвариантной ментальной структурой, стоящей за пословицей. В реальном речевом функ-

ционировании слоты фрейма могут обозначать «свое место проживания» и «чужое место проживания»: *«Не надо ходить в чужой монастырь со своим уставом»,* – говорили родители, – въехали *на чужую жилплощадь*, так принимайте наши правила и наши культурные обычаи» (Евгения Пищикова. Жить негде // Известия, 2013.10). Слоты могут обозначать различные социальные сообщества, например, миссионеров и аборигенов, жителей какой-либо страны (стран) и приезжающих в неё иностранцев-беженцев и др. «Правильным», с точки зрения народной мудрости, поведением при нахождении в чужом месте является тактика адаптации, зачастую вынужденной: *«Отец адаптировался к обстановке, не лез со своим уставом в чужой монастырь»* (Владимир Нузов. Серго Микоян: Дома нас воспитывали в духе порядочности, а не классовой борьбы... (2003) // «Вестник США», 01.10.2003).

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что методическая модель интегративного исследования пословицы включает: толкование значения пословицы и указание ситуации ее употребления; толкование значения отдельных компонентов (при необходимости); историко-культурный комментарий (при необходимости); интерпретацию причин появления возможных вариантов и трансформаций пословичной единицы при употреблении ее в речи; указание выражаемой установки культуры и приведение пословиц, вербализующих ту же установку; указание социоцентрических маркеров в дискурсе, свидетельствующих о прецедентности пословицы в языковом сознании его носителей; фреймовый анализ пословицы. Полученные результаты могут быть, на наш взгляд, экстраполированы на исследование других пословичных единиц, использоваться при сопоставлении языков, в словарном представлении пословиц, а также в лингводидактике.

Литература

Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 3. С. 34–43.

Мокиенко В. М., Ермолаева Ю. А., Зайнульдинов А. А. и др. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / под ред. В. М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ, 2007.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>

Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. С-Я. 1988.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

E. I. Zinovieva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

MODEL OF INTEGRATIVE RESEARCH OF A PROVERB

The article considers the methodology of an integrative approach to the analysis of the proverb *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* using the example of the analysis of the proverb, allowing us to consider it from the position of traditional linguistics, linguacultural studies, and cognitive linguistics. The conditions of variability of the components of the proverb, verbalized cultural attitudes are identified, and a frame analysis of the proverb is carried out.

Key words: proverb, integrative approach, cultural attitude, discourse, analysis.

Е. М. Масленникова (Тверь, Россия)
Тверской государственный университет
e-maslennikova@inbox.ru

ТРАНСФЕР КУЛЬТУР И ПЕРЕВОД КАК ПРОЕКЦИЯ ТЕКСТА

В процессе поиска аналогов ситуаций и семантической эквивалентности переводчик, устанавливая межязыковые соответствия, определяет оригинал и получаемую личностную читательскую проекцию относительно социокультурного окружения текста. На материале басни «Гуси» И. А. Крылова и её переводов показаны особенности культурного трансфера и конструирования сцены события.

Ключевые слова: текст, перевод, интерпретация, трансфер культур, И. А. Крылов.

Текст перевода рассматривается как личностная читательская (переводческая) проекция текста, конструируемая переводчиком с учётом культурно-обусловленных знаний, наличие которых обуславливает степень и/или возможность обработки получаемой информации, от чего зависит трансфер знаний и культур из одной концептуальной системы (исходного языка) в другую концептуальную систему (переводящего языка). Анализ различных переводных антологий и сборников произведений русских авторов показал, что самым переводимым из них в XIX веке был баснописец И. А. Крылов (1768/69–1844), а в число самых переводимых на разные языки басен входит басня «Гуси» (1811), чья строка (*Да наши предки Рим спасли!*) связана с историей Рима. По преданию, гуси своим криком выдали врагов-

галлов, подбиравшихся к Капитолию (*Что мы свой знатный род ведём от тех Гусей, / Которым некогда был должен Рим спасеньем*). Подобная отсылка к событиям из римской истории делает текст «универсально» понятным в рамках общеевропейской культуры.

Впервые басню перевели на французский язык в 1825 году для двухтомника [Fables... 1825}, изданного в Париже на средства тайного советника, сенатора и камергера графа Г. В. Орлова (1777–1826). К работе над переводами 89 басен И. А. Крылова, которая осуществлялась по подготовленным графом и его женой подстрочникам, были привлечены лучшие литераторы Франции и Италии, а также те представители высшего света Европы, кто увлекался литературой. Первый перевод басни «Гуси» / «Les Oies» подписан поддержавшим революцию 1789 года и затем Наполеона политиком и писателем маркизом Анри де Каррион де Низас / de Carrion de Nisas (1767–1841). В его переводе молодые фермерские гусята следовали за шедшими на ярмарку двумя жестокими парнями, которые их били длинными палками (*longs et flexibles bâtons*) за неторопливость. Возникший спор разрешил мельник, заявляющий, что он ожидает подачи на стол самого жирного гуся с кувшином вина (*Que le plus gras m'attende auprès d'un broc de vin*). Сражавшийся на стороне Наполеона при Ватерлоо переводчик называет людей тщеславными животными (*Ce sont des animaux si raisonneurs, si vains*) и допускает, что с ними, но не с животными, можно обращаться плохо (*Passe pour maltraiter quelquefois les humains!*). Мельник объясняет, что даже его конь, потомок Буцефала (*Un descendant de Bucéphale*), безропотно носит мешки, поэтому гусям остаётся только подчиняться и идти на жаркое. Второй перевод басни подписан именем Roget L'Isle: это сокращённый вариант полного имени автора слов и музыки революционного гимна «Марсельеза» Клода Жозефа Руже де Лиля / Claude Joseph Rouget dit de Lisle (1760–1836), что позволяет предположить его личностный интерес к тексту с революционно-демократической идеей о том, что человек должен гордиться своими деяниями, а не хвастаться достижениями предков. В его переводе гусям задают вопрос об их правах (*Mais vous, quels sont vos droits?*). В заключительном двустишии упоминаются цензор и сложившаяся обстановка (*Chut, indiscret censeur! Le temps présent est l'arche du Seigneur*), не позволяющие дать комментарии к басне. Оба варианта не являются переводами в современном понимании этого слова.

На английский язык басня была впервые переведена только в 1839 году анонимным автором как “The Geese” для журнала “Fraser’s magazine” [Russian Fabulists... 1839]. Английские *geese* ‘гуси’ более всего обеспокоены своим статусом в обществе (*fowl of note and station*) и боятся, что их посчитают чер-

нию (*Are we then merely of the rabble*), обвинив в заурядности и вульгарности (*Are we of common birds a vulgar set, / That we are to be treated thus?*). В строфе XV из восьмой главы романа «Евгений Онегин» (1823–1831, полностью – 1833) А. С. Пушкина использует англицизм *vulgar* в описании появившейся на балу Татьяны с мужем (*Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar...*). Поэт утверждает, что он не может подобрать для слова русский эквивалент (*Люблю я очень это слово, / Но не могу перевести; / Оно у нас покамест ново*). Таким образом, прилагательное *vulgar* определяет по-настоящему светского человека, а анонимный переводчик басни И. А. Крылова добавляет в текст сарказм по поводу вульгарных манер, характерный для кодекса поведения денди, сформулированного в Англии в период романтизма. Отсутствие в переводе двух заключительных строк (*Баснь эту можно бы и боле пояснить – / Да чтоб гусей не раздражить*) объясняется, скорее всего, тем, что в английском языке существительное *goose* имеет негативные коннотации в случае его использования по отношению к человеку (*goose* ‘дурак, простак, простофиля’). В русской культуре зооморфный образ *гуся* обычно служит для указания на ненадёжного человека (*хорош гусь, что за гусь* и т.д.). Кстати, переводчик пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» (1833) профессор О. Элтон / Oliver Elton (1861–1945), окончивший оксфордский Корпус-Кристи-Колледж, выбрал для *чёрной крестьянки* в качестве функционально значимого эквивалента словосочетание *a vulgar peasant* (1935), что подчёркивает социальную дифференциацию авторских характеристик с учётом сложившихся в принимающей культуре социальных норм и моделей поведения. Первый переводчик пушкинского романа профессиональный военный Генри Сполдинг / Henry Joseph Spalding (1840–1907) продолжает в “*Eugene Onéguine*” (1881) традиции дендизма, стоящие за прилагательным *vulgar* (*Of London life is “vulgar” called / And ruthless fashion hath blackballed*), используя глагол *blackball*: таких не-джентльменов в мужские клубы не пропускали, т.е. их могли забаллотировать. Об ориентации анонимного переводчика басни на идеологию дендизма говорит обращение (*As for your sires, / Whom all the world admires, / Theirs be their glory.*) к тем, кем восхищается мир, а под *the world* ‘мир’ в XIX веке понимали светское общество, для которого одним из проявлений вульгарности было претендовать на высокий статус без каких-либо оснований. Что касается способа приготовления блюда, которым пугают гусей (*А вы, друзья, лишь годны на жаркое*), то в переводе он традиционно-английский – на вертеле (*Ye are only fit / To be well roasted on a spit!*).

Журналист Э. Сазерланд / Edwards H. Sutherland (1828–1906), впервые оказавшийся в России в 1856 году для освещения коронации императора

Александра II, приводит басню в книге о России, целью которой было дать представление о жизни её жителей [Sutherland 1861]. Упрёки *гусей Мужику* в низком происхождении (*The low-born fellow little knows*) свидетельствуют о нарушении правил светского поведения, предписывающего максимально вежливое обращение с низшими. Мужик называет гусей тщеславными, пустыми и бесславными (*But you, vain inglorious band*), годными только для приготовления на вертеле (*Are only fit / For the roasting spit*).

У. Ральстон / William Ralston Shedden-Ralston (1828–1889) перевёл басни прозой [Ralston 1869] и сохранил сатирическую направленность заключительного двустушия, выделив голос автора (*I am afraid of irritating the Geese*).

В предисловии к своей антологии русской поэзии [Wilson 1887] член Королевского географического общества преподобный Ч. Уилсон / Rev. Charles Thomas Wilson (?-1917) указывает, что ему в работе над переводами помогал некий друг, но имя друга он не называет. В начале перевода «The Geese» *Мужика* называют крестьянином (*peasant*), но затем вводят реалию *Мужик*, объясняемую в сноске. Переводчик, чей отец был профессором Оксфордского университета, упростил упрёк гусей (*этого не смыслим неуч сей*) Мужику в отсутствии знаний по истории (*nothing knows about our state*) и не стал передавать их претензии (*нас, как будто бы простых Гусей, гоняет*). Перевод отличается наличием клише и оборотов, характерных для разговорной речи (*may Heaven forefend; Then, hear me, geese!; Leave then alone!; Let them remain in peace!*).

Кроме басен [Krillöf's fables 1920] фольклорист Ч. Коксвел / Charles Fillingham Coxwell (1856–1940) также перевёл сказки этнических народов, населяющих Сибирь. В его переводе «The Geese» ругающий гусей *Мужик с предлинной хворостиной* назван *the rustic clown*: прилагательное *rustic* имеет значения не только ‘деревенский, сельский’, но и ‘невоспитанный’, а также ‘грубый, неотёсанный’. Гордящиеся предками из Рима, *гуси* используют латинское слово *fiat* ‘декрет, указа, приказ, принуждение’ в отношении Мужика (*Conveys to us, as unto common things, his fiat*). Глагол *roast* ‘жарить, печь, запекать’ имеет в британском английском значение ‘высмеивать, издеваться’, а в американском – ‘жёстко критиковать’. Строка об участии гусей (*But you will roast, however well connected!*) допускает несколько прочтений: несмотря на их высокие связи, их зажарят и высмеют. Публичное осмеяние считалось социальным позором. Заключительное двустушие (*Баснь эту можно бы и боле пояснить – / Да чтоб гусей не раздразнить*) пропущено.

В 1926 году свой перевод басен [Krylov 1926] издаёт историк и дипломат сэръ Б. Парес / Sir Bernard Pares (1867–1949), преподававший русский язык

до начала Первой мировой войны, во время которой он был наблюдателем при русской армии. В переводе Мужик подгоняет гусей (*not with much respect he jogged his herd along*), чтобы не опоздать на базар, а в оригинале ругает (*He очень вежливо честил свой гурт*). Гуси жалуются на невозможность ходить степенно (*We aren't allowed to walk in peace*). Прохожий заявляет, что гуси имеют право только на яблочный соус (*apple sauce is all that you've a claim to*).

В переводе басни “Die Gänse” на немецкий язык, выполненный составителем фразеологических словарей М. И. Михельсоном (1825–1908) [Russischer... 1890], гуси жалуются на своё несчастье (*Wer ist unglücklicher, als wir, wir Gänse sind?*), называют крестьянина грубияном и нахалом (*der Grobian*) и говорят о своём генеалогическом древе (*unserm Stammbaum Glanz dieselben Gänse gaben, / Die einst das alte Rom gerettet haben*). Действительно, немецкое дворянство всегда гордилось происхождением, подтверждённым древними документами.

В переводе из полного собрания басен [Iwan Krylow... 1881] гуси громко причитают (*Erhob die Stimme sie zur Klage*), требуя почтения и уважения (*Wie er uns ehren und uns achten soll*). Добавлен способ их приготовления на сковороде (*Doch ihr gehört als Braten auf die Pfannen*). Рассказчик говорит о чувствительности гусей (*Ich schon'der Gänse Zartgefühl*), что соответствует стереотипному представлению о чувствительности немцев, отмечаемой и русскими писателями, например, Ф. М. Достоевским.

Первый итальянский перевод басни [Favole... 1827] подписан именем журналиста и политика У. Лампреди / Urbano Lampredi (1761–1838), чьи переводы из Гомера и Трифиодора получили высокую оценку современников. В его переводе гуси считают, что с ними плохо обращаются по причине рождения от «худого семени» (*Qual se fossimo nate di mal seme*), требуют уважения (*Qual ci si dee rispetto*). Крестьянина называют хитрым (*accorto villano*) и проклятым злодеем (*villano maledetto*). Поддержавший Наполеона переводчик задаётся вопросом о том, будет ли достаточно добиться известности и славы, чтобы остаться в истории (*Ottener fama e gloria / E furon dalla storia rovinu obing as otidu?*).

Выводы. Переводчики басни «Гуси» поднимают вопросы происхождения и его влияния на благородство человека. Жалобы гусей отражают национально-окрашенные представления о правильном и социально одобряемом поведении. Зооморфные образы используются с учётом их лингвокультурологических особенностей. Выбор языковых средств зависит от концептуализации и категоризации смыслов, на которые ориентируется переводчик.

Литература

- Fables russes. Paris: Bossange, 1825. Vol. 2.
Favole russe. Perugia: Presso Bartelli e Costantini, 1827.
Iwan Krylow's sämtliche fabeln. Leipzi: O. Wigand, 1881.
Kriloff's fables. London: K. Paul, Trench, Trubner, 1920.
Krylov's Fables. London: J. Cape, 1926.
Ralston W. Krilof and his fables. London: Strahan and Co., 1869.
Russian Fabulists // Fraser's magazine. 1839. Vol. XIX. P. 153–163.
Russischer Fabelschatz. St. Petersburg: Schroeder, 1890.
Sutherland Edwards H. The Russians at home. London: W. H. Allen and co., 1861.
Wilson Ch. Russian Lyrics in English Verse. London: Trübner & Co., 1887.

E. M. Maslennikova (*Tver, Russia*)
Tver State University

CULTURE TRANSFER AND TRANSLATION AS A TEXT PROJECTION

In the process of searching for situational analogues and semantic equivalence, the translator establishes interlingual correspondences, determines the source text and the reader's personal projection due to the sociocultural context of the text. The article is based on the first translations of I.A. Krylov's fable "The Geese", showing the features of cultural transfer.

Key words: text, translation, interpretation, cultural transfer, I.A. Krylov.

С. А. Панкратова (*Санкт-Петербург, Россия*)
*Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения
svetpankrat@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ КИНОТЕРМИНОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В докладе рассматривается терминология сферы кино с целью описания адаптации специального языка в междисциплинарном аспекте. Когнитивное моделирование процессов терминопотребления в киносценарии проливает свет на механизмы приспособления строгой терминологической страты профессионального киносообщества

к обыденной картине мира носителей английского языка, выявляя междисциплинарную интегративность.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, термин, понятие, концепт, междисциплинарность, жаргон, метафора, метонимия.

Изучение кинотерминологии с когнитивных позиций есть весьма интересный и малоизученный аспект современных языковых штудий. Этот аспект ценен в плане его междисциплинарности, поскольку результаты рассмотрения специализированного оперирования знаниями могут способствовать наведению междисциплинарных мостов между когнитологией и терминологией. Актуальность междисциплинарного подхода заключается в том, что знание когнитивных механизмов терминообразования позволяет выйти на новый уровень когнитивного освоения специальностей, способствуя пониманию специфики кинопроизводства.

Междисциплинарность понимается нами как многоаспектное свойство специальной коммуникации в интегративной медиасреде, объединяющей две картины мира – научную и обыденную. Коммуникантами здесь являются как носители экспертного знания в кинообласти, так и неспециалисты обыденного толка, носители наивного знания. Наша исходная гипотеза гласит, что в обоюдном междисциплинарном взаимодействии концептуализация и категоризация специальных знаний происходит путем перенесения знаний из профессионального дискурса в обыденный дискурс и обратно в киносценарии, что не может не отразиться на механизмах кодирования и перекодирования передаваемых сообщений. Этот процесс можно назвать **междисциплинарно интегративной** коммуникацией специального знания, что подразумевает передачу специализированных знаний в доступной непрофессионалам форме, сопровождающуюся их адаптивной трансформацией для обычных пользователей.

Определить место терминологии в когнитивном пространстве на первый взгляд легко. С точки зрения структурированной картины мира ее ядро содержит объективные знания, в промежуточном переходном пространстве гнездятся национальные картины мира, а на периферии – индивидуальные картины мира, эмоционально окрашенные личными переживаниями с их стереотипами, паремиями и фразеологизмами. Соответственно, место терминологии, в самом первом приближении, будет в центре языковой картины мира, ибо сам **термин** понимается как слово (или сочетание слов), являющееся точным обозначением определённого понятия какой-л. специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п. Термины подразумевают логически точное определение понятий.

Их экстенсионал содержит набор конкретных фактов, а интенционал – дескрипцию минимальных необходимых свойств понятия. По мнению Б. Н. Головина, термин соотносится со специальным понятием, а его значение соотносится со значением других терминов в пределах той или иной терминосистемы. «Термин – наиболее информативная единица естественного языка. Термин – точный носитель информации о научном понятии» [Головин 1980: 19–20].

Главный вопрос, встающий перед нами в том, возможно ли с полным правом рассуждать о точности и объективности термина, если сама картина мира по-разному классифицирует и включает знания в свой круг? Междисциплинарная интеграция по-новому определяет место термина в языковой картине мира, ибо она сама двойственна и условна в силу того, что язык зачастую отражает субъективный способ концептуализации мира языковой личностью, но не объективный мир как таковой. С одной стороны, критерии научной картины мира (scientific knowledge) – это универсальность, объективность, беспристрастность, системность, доказуемость. С другой стороны, существуют и критерии обыденно-наивной картины мира (commonplace knowledge) – это опыт поколений, традиции и стереотипы, узус, понятие «как принято», а русский философ Питирим Сорокин к такой дихотомии научного и обыденного добавляет еще и интуитивные знания.

В современной когнитивной парадигме термин рассматривается как **динамичный концепт**, отражающий пути номинации и постижения человеком всевозможных систем знаний. Индивид оперирует концептами, понимаемыми как «...оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона и концептуальной системы мозга» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90]. Концепт, в отличие от понятия (суть и база термина), отражает один или несколько, любые, необязательно существенные, но актуальные признаки объекта. Динамизм термина как концепта в том, что для обычного носителя языка термины являются агнонимами, которые подвергаются **детерминологизации**, понимаемой как переход термина в общеупотребительную сферу с утерей связи между строго научным понятием и возникновением нового значения, о чем мы погорим далее на конкретных аутентичных примерах из сценария кино. Причины детерминологизации во многом когнитивные – это устаревание прежней терминосистемы, появление нового артефакта, процесса или явления (вспомним знаменитую «культуру отмены» (cancel culture)). Как указывает В. М. Лейчик, «...широкое распространение детерминологизированных лексических единиц в современных естественных языках является

побочным следствием характерной для нашей эпохи интеллектуализации языка» [Лейчик 2012: 87].

В среде терминов всегда встречается ряд нормонетипичных образований, например, терминоды, прототермины, предтермины, квазистермины или псевдотермины, отражающие когнитивно-семантическую адаптацию, упорядочивание несложившихся систем знаний и являясь «свертками множества синонимичных высказываний» [Никитина 1987: 29]. В ходе когнитивной адаптации развиваются терминологические **жаргонизмы**, несущие разговорный оттенок, а также **профессиональное просторечие**, работающее за счет лексикализации, упрощительной адаптации содержательной и формальной стороны термина. **Лексикализованные** словосочетания характерны для иностранных кинотерминов, к примеру, “whodunnit”, “bromance”. Такие образования Л. М. Алексеева называет **компрессатом**, как результат процесса компрессии формы дефиниции в семантическое сгущение его плана содержания. Это дает основания автору полагать, что «термины – это коды мысли, а процессы терминологизации – процессы перекодирования естественного языка» [Алексеева 1990: 10–11].

Чтобы проиллюстрировать междисциплинарную интеграцию кинотерминов, мы рассмотрели текст сценария комедии «Клёвый парень» (Bowfinger) 1990 года со Стивом Мартином и Эдди Мерфи по данным сайта scripts.com. По сюжету главный герой, режиссер Бобби Боуфингер, снимает ряд провальных фильмов. В сценарии содержится более 25 профессиональных и приближенных к ним кинотерминов: action – действие (команда режиссера на площадке), action star – звезда остросюжетных фильмов, audition – прослушивание, close-up – ближний план, cut – снято (команда режиссера на площадке) и т. д. [Bowfinger]. Треть кинотерминов носят профессиональный характер, требуя строгой словарной дефиниции для их понимания, к примеру, *audition* (прослушивание) – an interview for a role or job as a singer, actor, dancer, or musician, consisting of a practical demonstration of the candidate's suitability and skill [Oxford Dictionary of English].

С другой стороны, в сценарии изобилуют термины-метафоры: **fade out** – затемнение, вид монтажа, **catch phrase** – убойная фраза, **shoot** – снимать, основанные на когнитивном механизме аналогии. Есть также и метонимии: **action star** – звезда остросюжетных фильмов. Интересен профессиональный жаргон кинематографистов, иллюстрирующий когнитивный процесс выхода термина за рамки чистой терминологии, сопровождающийся семантическим опрощением: **go picture** – популярная кинокартина, **starlet** – молодая кинозвезда, **movie** – фильм. Когнитивная

адаптация кинотерминов предполагает рефлекторный лингвистический ответ на воздействие внешних стимулов с последующим формированием внутренних (мысленных/ментальных) представлений о событиях, актуализируемых в ряде **когнитивных механизмов** (перспективизация, (де)фокусирование, генерализация, интеграция, развитие и достраивание, метафора, метонимия, аналогия и инференция, эвфемизация) [ВСвЯКМ 2022: 42–45]. Когнитивный механизм выдвижения противопоставляет “movie” и “film” как нечто обыденное чему-то возвышенному. *Bobby: But the audience has to know the guy's name is Cliff, and he's on a cliff. – It's too cerebral. We're trying to make a movie, not a film.* (Но зрители должны знать, что парня на скале зовут Скала. – Это слишком заумно. Мы снимаем кино, а не фильм) [Bowfinger: 6].

Подводя итог, отметим, что с позиций междисциплинарной интеграции особый интерес представляют адаптационные, подспудные, неузуальные и мало осознаваемые сдвиги в процессах терминообразования, отражающие наивный взгляд на мир и его воплощение в языке неспециалистов, любителей кино. Междисциплинарная интеграция – процесс, обусловленный практическим, прикладным характером терминосферы кино и сферы около кино. В ходе междисциплинарной интеграции термины теряют свою строгую понятийную основу, делексикализуясь и сближаясь с концептами, как сгустками общего диффузного знания, подытоживающего в смысловой компрессии механизмы жаргонизации, метафоризации и метонимизации.

Литература

Алексеева Л. М. Деривационный аспект исследования термина и процессов терминообразования (на материале научно-технической терминологии русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1990.

ВСвЯКМ – Вторичные структуры в языковой картине мира: коллективная монография. Тамбов: Изд-во Чеснокова А. В., 2022.

Головин Б. Н. Термин и слово: межвузовский сборник. Горький, 1980. С. 3–24. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М.: Наука, 1987.

Bowfinger. URL: https://www.scripts.com/script/bowfinger_4559 (дата обращения 29.01.2025).

Oxford Dictionary of English. 3rd Edition. Oxford: Oxford University Press, 2010.

S. A. Pankratova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State Institute of Film and Television

COGNITIVE-SEMANTIC ADAPTATION OF FILM TERMINOLOGY AS A REFLECTION OF INTERDISCIPLINARY INTEGRATION

The report deals with film terminology with the aim of description of the special language adaptation under the interdisciplinary view. Cognitive modelling of the terminological usage in film scripts sheds a light on the mechanisms of the adaptation of the definite terminological sphere of the film community to the naïve picture of the world of English speakers which affects the process of interdisciplinary integration.

Key words: cognitive linguistics, term, notion, concept, interdisciplinary study, jargon, metaphor, metonymy.

Е. Н. Парфененко (Москва, Россия)
Российский государственный университет правосудия
milnik@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ, В АНГЛИЙСКОМ (БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ) И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье проводится сравнительный анализ языковых средств репрезентации лиц, участвующих в судебных заседаниях, в английском (британском и американском вариантах) и русском языках. Рассматриваются основные лингвистические различия, обусловленные историческими, культурными и правовыми особенностями судебных систем. Особое внимание уделяется влиянию правовой традиции на формирование судебного дискурса и использованию лексики для обозначения сторон и участников судебного процесса.

Ключевые слова: судебный дискурс, юридическая терминология, репрезентация участников судебного процесса, англо-американское право, российское право, судебные обращения, сравнительное правоведение, лингвистические особенности, судебная система, юридическая лексика.

С развитием международного права и увеличением числа международных судебных дел, требующих участия представителей различных правовых систем, знание особенностей репрезентации участников судебного

процесса в разных странах становится необходимым, что и обуславливает актуальность данного исследования. Цель настоящего исследования – анализ языковых средств репрезентации лиц, участвующих в судебных заседаниях, в английском (с учетом британского и американского вариантов) и русском языках, а также выявление различий и сходств в употреблении лексических и грамматических конструкций, характеризующих участников процесса.

Судебный дискурс в любом правовом контексте является высоко регламентированным и формализованным видом коммуникации, что находит отражение в использовании специальных лексем, обозначающих участников процесса. Это особенно заметно в англосаксонской правовой системе, где различие в правовых и социально-профессиональных ролях находит отражение в широком спектре терминов для обозначения адвокатов, судей, прокуроров и других участников. В то же время, в континентальной системе права, например, в России, терминологическое разнообразие, связанное с обозначением участников процесса, несколько меньше, что объясняется различиями в правовых традициях и уровнями формальности, присущими юридической коммуникации.

В британском варианте английского языка адвокатов разделяют на две категории: *barrister* и *solicitor*. *Barrister* – это адвокат, который представляет интересы клиента в суде и занимается судебными спорами, в то время как *solicitor* занимается подготовкой документов и консультированием клиента. В американском английском эти функции совмещены в термине *attorney*, который обозначает адвоката как представителя клиента в суде и консультанта вне судебных заседаний. Как отмечает А. Brown, «такое различие в терминах связано с историей правовой системы Великобритании, где разделение на адвокатов разных типов сохранилось в судебной практике до наших дней, в то время как в США предпочли унифицировать роль адвокатов» [Браун 2021: 226].

Что касается сторон процесса, в британском английском в гражданских делах используется термин *claimant*, а в американском – *plaintiff*. Оба термина обозначают истца – лицо, предъявляющее иск. В русском языке для этого используется единый термин «истец». Это различие связано с эволюцией правовой терминологии в Великобритании, где термин *claimant* был введен сравнительно недавно, заменив *plaintiff* после реформы 1999 года для стандартизации судебной практики.

С другой стороны, для обозначения ответчика в обеих англоязычных системах используется единый термин *defendant*. В русском языке аналогичным термином является «ответчик». Тем не менее, как подчеркивает Ю. В. Ахметшина, «разница заключается в том, что в англосаксонской си-

стеме термин *defendant* применяется как в уголовных, так и в гражданских делах, тогда как в России он используется исключительно в гражданском праве» [Ахметшина 2022]. Это различие связано с разными подходами к организации судебного процесса, где в англоязычных странах гражданские и уголовные дела могут иметь больше общего в терминах, тогда как в России происходит разделение терминологии в зависимости от типа дела.

Репрезентация прокуроров в английском и русском языках также имеет свои особенности. В Великобритании и США прокуроров называют *prosecutor* или *district attorney* (в США). В зависимости от уровня суда и юрисдикции, эти термины могут варьироваться, но их основная функция – представление стороны обвинения в суде – остается неизменной. В России используется единый термин «прокурор», который может обозначать как государственного обвинителя в уголовном процессе, так и представителя прокуратуры, осуществляющего надзор за законностью.

Кроме того, в англоязычных странах большое внимание уделяется репрезентации присяжных заседателей. В Великобритании и США используется термин *jury*, обозначающий группу граждан, которые выносят вердикт на основе представленных в суде доказательств. В русском языке аналогом этого термина является «присяжные заседатели». Однако, в отличие от англосаксонской системы, где присяжные могут участвовать как в уголовных, так и в гражданских делах, в России присяжные заседают только в уголовных судах. Т. Peterson подчеркивает, что участие присяжных в англоязычных странах рассматривается как важный элемент демократического правосудия, тогда как в России роль присяжных ограничена уголовным правосудием, что отражает различия в подходах к судебной системе» [Питерсон 2021: 148].

Еще один интересный аспект касается различий в терминах, обозначающих помощников судьи. В американской системе есть несколько уровней должностей помощников судьи, таких как *law clerks* – лица, которые помогают судьям в исследовательской и подготовительной работе. В британской системе также существуют *clerks*, но их функции могут варьироваться в зависимости от уровня суда, и их роль часто сводится к администрированию. В России роль помощника судьи более унифицирована и обозначается термином «помощник судьи». По мнению М. М. Костина, «различия в терминах и функциях помощников судей в англоязычных и российской системах отражают степень специализации судебного аппарата и разграничения функций» [Костина 2020: 142].

Существует также различие в названиях и функциях представителей закона, участвующих в судебных процессах. В британской и американской системах важную роль играют *bailiffs* – судебные приставы, которые

обеспечивают порядок в зале суда и контролируют исполнение судебных решений, связанных с материальными взысканиями или конфискацией имущества. В России аналогичной фигурой является «судебный пристав», однако его функции также включают надзор за исполнением судебных решений, связанных с задержанием лиц. При этом, как отмечает М. Л. Авакова и М. Э. Мосесова, в англоязычных странах функции *bailiffs* ограничиваются судебной практикой, тогда как в России судебные приставы играют более активную роль в контроле исполнения судебных решений на всех стадиях процесса [Авакова, Мосесова 2022: 64].

Рассмотрим также различия в обозначении сторон защиты в уголовных делах. В британском и американском английском термин *public defender* обозначает государственного адвоката, назначаемого для защиты лиц, не имеющих возможности нанять частного адвоката. В России существует термин «защитник по назначению», однако в отличие от англоязычной системы, где адвокат защищает права подсудимого на всех стадиях уголовного процесса, в российской практике защитник по назначению зачастую подключается к делу на поздних стадиях расследования, что отражает особенности российского правосудия. Как отмечает Дж. Браун, «система бесплатной юридической помощи в англосаксонских странах более организована, что позволяет обеспечить равноправие сторон на всех этапах судебного процесса, в то время как в России защитник по назначению часто играет вспомогательную роль» [Браун 2021: 223].

Сравнительный итог анализа языковых средств репрезентации лиц, участвующих в судебных заседаниях в английском и русском языках, подчеркивает ключевые различия, обусловленные историческими и культурными особенностями правовых систем.

Таким образом, английская судебная терминология более детализирована и специализирована, тогда как русская терминология стремится к унификации и упрощению, что отражает разные подходы к правовым традициям и структуре судебных систем.

Литература

Авакова М. Л., Мосесова М. Э. Коммуникативные особенности англоязычного судебного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 61–71.

Ахметшина Ю. В. Развитие юридического опыта переводчика в судебном процессе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 245–247.

Браун Дж. Общественные защитники в американской правовой системе: Обзор // Журнал уголовного права. 2021. Т. 45, № 3. С. 215–230.

Костина М. М. Представитель в суде и его сущность // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. С. 141–143.

Питерсон Т. Структура судебной власти в Великобритании и США: сравнительный анализ // Журнал международного права. 2021. Т. 36, № 2. С. 145–162.

E. N. Parfenenko (*Moscow, Russia*)
Russian State University of Justice

LINGUISTIC MEANS OF REPRESENTATION OF PERSONS PARTICIPATING IN A COURT SESSION IN ENGLISH (BRITISH AND AMERICAN VARIANTS) AND RUSSIAN LANGUAGES

In this article a comparative analysis of linguistic means of representation of persons participating in court hearings in English (British and American variants) and Russian is carried out. The main linguistic differences due to historical, cultural and legal peculiarities of judicial systems are considered. Particular attention is paid to the influence of legal tradition on the formation of judicial discourse and the use of vocabulary to designate parties and participants in the judicial process.

Key words: judicial discourse, legal terminology, representation of litigants, Anglo-American law, Russian law, judicial appeals, comparative jurisprudence, linguistic peculiarities, judicial system, legal vocabulary.

И. Г. Прилуцкий (*Белгород, Россия*)
*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
ignat.prilutsky@yandex.ru*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР ЭМОТИОЛОГИИ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена перспективам развития эмотиологии в контексте междисциплинарных исследований. Рассматриваются ключевые направления интеграции эмотиологии с когнитивной лингвистикой, нейронауками, психологией, лингвоэкологией и разработкой искусственного интеллекта.

Ключевые слова: обзорная статья, когнитивная лингвистика, эмотиология, междисциплинарность, нейронауки, лингвоэкология.

Когнитивная наука, возникшая на стыке лингвистики, психологии, биологии, антропологии и философии, продолжает активно развиваться, расширяя свои границы и вовлекая в исследовательский процесс всё новые дисциплины. Когнитивная лингвистика, зародившаяся в конце XX века, стала ответом на ограниченность структурного и генеративного подходов, которые рассматривали язык в качестве замкнутой системы. Теперь известно точно – язык не является автономным и тесно связан с неязыковыми аспектами человеческого восприятия. Такой подход позволяет увидеть в когнитивной лингвистике не только сверхсовременную разноплановую дисциплину, требующую практической реализации, но и ключ к разгадке феномена человеческого сознания.

Учитывая значительные успехи последних лет во всех областях, касающихся искусственного интеллекта, актуальность когнитивной лингвистики неоспорима. Исследования когнитивной лингвистики стали основой для значительного прогресса в прикладных областях, таких как технологии обработки естественного языка, искусственный интеллект и др. Новые методы, такие как цифровой анализ данных и машинное обучение, реформировали лингвистику в XXI веке. Тренд на «взаимопритяжение» научных дисциплин способствовал развитию корпусной лингвистики и новых видов экспериментов, основанных на сотрудничестве лингвистики, психологии и нейробиологии. Методы нейровизуализации (fMRI, EEG) позволяют выявить нейронные корреляты языковых явлений, таких как активация концептов и обработка грамматических структур. Наконец, технологии искусственного интеллекта, такие как машинный перевод, виртуальные ассистенты и распознавание речи, широко используют достижения когнитивной лингвистики. Разработка систем обработки текста на естественном языке (Natural Language Processing, NLP) – значимый результат. NLP применяется в чат-ботах, системах голосового управления и голосовых помощниках на базе нейросетей (например, Яндекс Алиса). Помимо прочего, искусственный интеллект может помочь в тестировании гипотез о когнитивных механизмах языка. Однако взаимосвязь развития искусственного интеллекта и когнитивной лингвистики остаётся недостаточно освещённой. Ощущается необходимость в более чётком разграничении таких понятий, как «мышление», «интеллект», «психика» и «сознание» в научном дискурсе. По данному направлению интересна работа В. В. Волкова, исследующего границы термина «интеллект» в словосочетании «искусственный интеллект» [Волков 2020].

В целом, современные тенденции влияют на лингвистику, психологию, нейронауки, философию, взаимообогащая их.

Ощущается возможность и необходимость совершать новые шаги, не отставать от смежных отраслей, следуя тренду на междисциплинарные исследования.

При подготовке обзора использовались источники, опубликованные в журналах и сборниках конференций, рецензируемых РИНЦ, Web of Science и Scopus. Предпочтение отдавалось статьям, опубликованным за последние 10 лет. За основу взяты обзорные публикации ведущих специалистов по когнитивной лингвистике начала XXI века.

Цель обзора – выяснить, какие междисциплинарные направления когнитологии, в целом, и эмотиологии, в частности, наиболее перспективны в современных условиях цифровой трансформации, появления новых методов исследования и бурного развития технологий анализа, синтеза и обработки текста на естественном языке.

К концу XX века сформировалась идея мультимодальности – способности человека использовать различные каналы информации для формирования смысла. К этому времени когнитивная лингвистика уже учитывала влияние неязыковых факторов на порождение и восприятие речи. Термины когнитивной лингвистики, такие как когнитивные метафоры, фреймы и ментальные пространства, в сочетании с лингвокультурологическими понятиями и мультимодальным подходом сформировали современное понимание языка как многостороннего психического явления с изменчивой структурой.

Основой современных исследований когнитивной лингвистики стали труды отечественных учёных, заложивших фундаментальные принципы этой науки, один из которых звучит в заглавии настоящего обзора – междисциплинарность.

В области междисциплинарных исследований известны специалист по лингвокультурологии В. И. Карасик, нейролингвист и психоллингвист Т. В. Черниговская [Черниговская и др., 2020], М. А. Кронгауз – автор научно-популярных трудов о когнитивном подходе к русскому языку.

Актуальными остаются исследования В. И. Шаховского в области лингвистики эмоций, объединяющей когнитивистику, лингвистику и психологию, а также его концепция лингвоэкологии, способствующая взаимодействию дисциплин и практической интеграции наработок лингвистов-аксиологов [Шаховский 2017].

Интерес к этому направлению подтверждается результатами конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности», прошедшей в ноябре 2024 года в ГосИРЯ им. А. С. Пушкина. В конференции принимали участие ведущие специалисты отечественной

когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Целью была названа интеграция усилий лингвистического сообщества по изучению современной российской аксиосферы [Милованова 2024].

Лингвокультурология, традиционно разносторонняя отрасль, во главе с основателями В. В. Ивановым, Ю. Д. Апресяном, А. Вежбицкой и др., исследует влияние культурных особенностей на языковую концептуализацию, а также системы категоризации и метафоризации, что способствует лучшему пониманию связи языка, мышления и культуры [Вежбицкая 1996]. Данная дисциплина привнесла в лингвистику элементы культурологии, аксиологии, глубоко проработала понятие концепта, применяемое в эмотиологии, семантике и лексикологии.

Сотрудничество когнитивной лингвистики и психологии продолжает оставаться актуальным. В области эмотиологии активно цитируются труды психологов П. Экмана и К. Изарда, разрабатывавших системы базовых эмоций. Вопросам лингвистической категоризации смешанных эмоций, особого типа эмоциональных явлений, посвящена работа [Ионова, Штеба 2019].

Подчеркивая тот факт, что «теория эмоций становится междисциплинарной базовой концепцией» [Пищальникова 2019], В. А. Пищальникова также связывает перспективы решения целого ряда актуальных задач в этой специфической предметной области с необходимостью интегрировать данные психологии, нейрофизиологии и лингвистики.

В США когнитивная психология интегрируется в лингвистику через исследования эмоций, например, работы Дж. Пэннебекера, изучающего связь эмоциональной лексики с психологическим состоянием человека, автора техники экспрессивного письма, которая может служить методом исследования сама по себе [Pennebaker 2011]. Л. Барретт рассматривает влияние языка на восприятие эмоций на нейрокогнитивном уровне [Barrett 2017].

Проблема влияния социальных стереотипов на процессы извлечения эмоционально-оценочных смыслов в процессе восприятия дискурса и мотивированных слов немецкого языка затронута в исследовании Л. В. Ворониной [Воронина 2022: 292–294].

Связь лингвистики и социологии сегодня ассоциируется не только с культурными концептами, но и с попытками прикладной реализации накопленных знаний. В качестве примера приведём лингвоэкологию В. И. Шаховского, а также обширные исследования в области вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в политическом дискурсе.

Подведем итог. Когнитивная лингвистика и междисциплинарные исследования находятся на передовой как с теоретической, так и с практической точки зрения. На практике мы переживаем переход к новому цивилизационному этапу – голосовые помощники, нейросети и т. п. Теоретически когнитивная лингвистика вносит вклад в дискуссии о природе знания и реальности, демонстрируя, что язык не только описывает мир, но и активно участвует в его конструировании.

И в этой связи междисциплинарный обмен опытом, гипотезами и задачами, взаимодействие лингвистов с экспертами смежных областей открывает новые перспективы в решении актуальных задач когнитивной науки. Когнитивная лингвистика, лингвоэкология, эмотиология и аксиология имеют реальные перспективы для совместной интеграции.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: [пер. с англ.] / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. Москва: Рус. слов., 1996.

Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. № 4. С. 31–33.

Воронина Л. В. Субстантивное словообразование современного немецкого языка: когнитивно-дискурсивное представление деривационных и композиционных процессов: дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2022.

Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2(40). С. 63–81.

Милованова М. С. Аксиология и когнитивная лингвистика // Вопросы психолингвистики. № 4 (62) 2024. С. 144–147.

Пицальникова В. А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1(134). С. 143–148.

Черниговская Т. В., Аллахвердов В. М., Коротков А. Д., Гершикович В. А., Киреев М. В., Прокопьев В. К. Мозг человека и многозначность когнитивной информации: конвергентный подход // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Философия и конфликтология. 2020. № 4. С. 675–686.

Шаховский В. И. Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике: монография. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017.

Barrett L. How Emotions Are Made: The Secret Life of the Brain. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.

Pennebaker J. The Secret Life of Pronouns: What Our Words Say About Us. New York: Bloomsbury Press, 2011.

I. G. Prilutsky (Belgorod, Russia)
Belgorod State University

INTERDISCIPLINARY NATURE OF EMOTION LINGUISTICS: ORIGINS AND PROSPECTS

The article is devoted to the prospects of emotion linguistics development in the context of interdisciplinary research. The key areas of emotion linguistics integration with cognitive linguistics, neuroscience, psychology, linguoecology and artificial intelligence are considered.

Key words: review article, cognitive linguistics, emotion linguistics, interdisciplinarity, neuroscience, linguoecology.

T. С. Росянова (Санкт-Петербург, Россия)
*Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского
rosyanova@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАДИЦИОННЫХ ШОТЛАНДСКИХ ТАНЦЕВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В работе представлены результаты исследования терминологии традиционных шотландских танцев с позиций антропоцентрического подхода. Показано, что язык хореографии неразрывно связан с графическими системами нотации, передающими танцевальные движения невербальным способом. Выявлено, что при аккумуляции и передаче информации в хореографическом дискурсе необходимость рисунков, поясняющих пространственные перемещения пары во время танца, отражает потребность комплиментарного образного процесса мышления, сопровождающего вербальное описание танцевальных движений.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, хореографическая терминология, танцевальные термины, аккумуляция знаний, хореографическая нотация.

В задачу настоящего исследования входит обоснование необходимости рассматривать функционирование терминологии фольклорных танцев в хореографическом дискурсе с учетом применения систем диаграммной (графической) нотации, которые являются неотъемлемой комплиментарной составляющей аккумуляции и передачи хореографических знаний. В этом

случае ярко проявляется взаимодействие вербальных и невербальных структур мышления, комплиментарная работа обеих полушарий мозга человека.

Материалом данного исследования послужили термины, относящиеся к разновидностям шотландских народных танцев, извлеченные методом выборки из англоязычных источников: терминологических словарей, пособий и монографий, охватывающих период около ста лет, а также электронных источников информации.

Хореографическая терминология в целом является недостаточно изученной и асистемной областью для терминоведов. Сложности ее рассмотрения связаны с причинами экстралингвистического и лингвистического характера.

Во-первых, со значительной антропоцентричностью характера терминологии хореографии в связи с описанием танцевального движения тела человека. Вследствие этого, как и в терминологии спорта, в состав терминологии входят многокомпонентные терминологические единицы описательного типа, содержащие наречия, что считается для терминов «не идеальной» ситуацией.

Во-вторых, с наличием невербальной составляющей – хореографической нотации, то есть графической системы записи движений, присущей всем серьезным танцевальным проектам. Языковые структуры, таким образом, не являются достаточными для передачи всех особенностей танцевальных па, и требуется дополнительная визуальная фиксация движений танцоров, а также разметки расположения танцоров на танцполе при перестроении во время танцев. Следовательно, при аккумуляции и передаче специальной информации, вербальное мышление, язык хореографии требует дополнительных элементов правополушарного мышления, ответственного за образы, графику, рисунки. Таким образом, область хореографии ярко иллюстрирует взаимодействие мыслительных и языковых структур, которые проявляются как взаимозависимые и пересекающиеся.

В третьих, гетерогенной языковой ситуацией в практике хореографии – термины балета основаны на французской терминологии, термины современного танца часто являются англоязычными, плюс добавляется еще язык носителей профессии или танцоров-любителей. Соответственно, исходный язык для исследования хореографической терминологии, если он не французский и не английский, будет наполнен заимствованными терминами или кальками, которые усложняют и иногда полностью затуманивают понимание мотивировки термина. Так, например, некоторые движения в английских и шотландских народных танцах имеют французские названия (*allemande* и *poussette*).

Что касается современного танцевального творчества, то оно весьма специфичное и зачастую авторское, передающееся «из ног в ноги», то есть совместными усилиями хореографов и танцоров, или воспроизводимое по видеозаписи.

Таким образом, надежды исследователей-терминоведов получить непротиворечивую и доказательную картину мира в области хореографии в целом остаются столь розовыми, что не представляются правдоподобными.

Терминология традиционных фольклорных танцев, тем не менее, на протяжении последних десятилетий возрождается и развивается, поскольку возрастает практический интерес любителей к танцам народов мира как развлечению и активному способу проведения досуга, что увеличивает количество танцевальных клубов и студий.

В настоящей статье предполагается последовательно рассмотреть танцевальные термины, связанные иерархическими родо-видовыми отношениями. Классификация традиционных шотландских танцев, согласно современным представлениям, строится на четырех основных категориях. Например:

- Dancing in Scotland dates back very far and over time many variations have emerged. Whilst there are many Scottish dances, you'll find that traditional dancing normally falls into one of four main categories: *Ceilidh*, *Cape Breton Step Dancing*, *Scottish Country Dancing* and *Highland Dancing* [scotland.com].

Фокусом интереса данной работы является терминология, соотносимая с категорией *Scottish Country Dancing*. Если говорить о назначении подобного рода танцев, то, согласно описанию туристического сайта, приглашающего посетить Шотландию, такие танцы исполняются на вечеринках. Например:

- *Scottish Country Dancing* is mostly used at sociable gatherings. This dance form is done in sets, normally of 3, 4 or 5 couples, that arrange themselves either in two lines (men facing ladies) or in a square. During the course of the dance, the dancers complete *a set of formations* enough times to bring them back to their *opening positions* [scotland.com].

Перестроения танцоров во время танцев, которые для разъяснения иллюстрируются схемами (исходные позиции танцоров на танцполе и направления их передвижения и вращений), опубликованы во многочисленных нумерованных выпусках пособий Королевского общества и их переизданиях (*Scottish Country Dances Books*). Например:

- The dances published by *The Royal Scottish Country Dance Society* are traditional both in *steps* and *formations*. Their present form has been arrived at from available manuscripts, old books, and from the experience of dancers during the last 150 years [SCDB, 1, 1924, 1962].

- *Scottish Country Dances* are made up of a series of “dance formations” or *patterns*, which can be straightforward or complex, but always fun! [rscds.org].

Соответственно, необходимость рисунков, поясняющих пространственные перемещения пары во время танца, отражает потребность комплиментарного образного процесса мышления, сопровождающего вербальное описание танцевальных движений. В этом проявляется взаимодействие мыслительных процессов обоих полушарий мозга, работающих в неразрывном единстве при создании хореографического произведения.

Совершенствование процессов накопления и передачи хореографических знаний привело в середине прошлого века к опубликованию пособий, содержащих серии последовательных диаграмм шотландских танцев (Pilling, F. L. *Scottish Country Dances in Diagrams*, 1955). Такого рода схемы называются «диаграммной нотацией» (*diagrammatic notation*). Таким образом, очевидно, что хореографическое мышление преподавателей (*Dancing Masters*) и их учеников постоянно встроено в двойственный вербально-образный способ освоения своего мастерства.

При продолжении иерархической линии гипо-гиперонимических отношений в терминологии, было выяснено, что в отношении музыкальных ритмов шотландские танцы-кантри подразделяются на три группы – джиги, рилы и страспеи (*Jigs, Reels, Strathspeys*). Например:

- *Scottish Country Dancing* mainly uses three musical rhythms types – *Jigs, Reels and Strathspeys* although it is not uncommon to find a waltz or a march thrown in for good measure [rscds.org].

Поинтересовавшись этимологией джиги (*Jigs*), которая отмечена в «Энциклопедическом словаре танцевального искусства» Ч. Альберта, опубликованном более века назад, было обнаружено, что происхождение данной номинации относится к концу XVI в.:

- *Jig*. – The name is commonly derived from *giga*, or *gigue*, by which early fiddles were known. Early specimens of the dance are found in "My Ladye Nevill's Virginal Book," dated 1591 [Albert 1913: 86].

Столь многовековая этимология термина *Jig* в очередной раз подтверждает тот факт, что не следует забывать о национальных особенностях фольклорных танцев народов мира, которые сложно постичь без подлинного осознания истории, стиля жизни и ценностных ориентиров конкретной страны. Даже через один термин можно взглянуть вглубь истории и уловить ее величие.

По мнению В. И. Заботкиной, вопросы концептуального проецирования между различными доменами знания остаются нерешенными [Заботкина 2024: 65]. Представляется, что на пути исследования терми-

нов хореографии когнитивная динамика терминосистем высвечивается в различных аспектах.

В. Ф. Новодранова в свое время отмечала, что проблема лингвокультурологической интерпретации термина остается нерешенной в терминоведении [Новодранова 2013]. Именно поэтому использование культурно-исторической информации при изучении терминологии гуманитарных областей знания и дисциплин, относящихся к искусству и творчеству, придает глубину и доказательность терминоведческим трудам. Таким образом, синхронический срез в изучении функционирования современных терминосистем в специальных дискурсах создает дополнительное временное измерение, связывая мудростью веков работу многих поколений в единый динамический процесс.

Подводя итоги настоящего исследования, направленного на демонстрацию взаимодействия мыслительных и языковых структур в области фольклорной хореографии, можно отметить, что компенсаторная правополушарная составляющая, вплетенная как неотъемлемая часть процесса аккумуляции и передачи специальных знаний, играет значимую роль наряду с вербальной репрезентацией танцевального мастерства.

Литература

- Заботкина В. И.* Когнитивная динамика терминосистем: лингвокультурологический подход // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 64–68.
- Новодранова В. Ф.* Развитие когнитивного терминоведения в России в начале XXI века // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 92–100.
- Albert Ch.* Technical Encyclopædia & Technical Glossary of The Art of Dancing. L., 1913.
- Pilling F. L.* Scottish Country Dances in Diagrams. 1955.

T.S. Rosyanova (*St. Petersburg, Russia*)
Russian Christian Academy for the Humanities

COGNITIVE POTENTIAL OF THE STUDY OF TRADITIONAL SCOTTISH DANCE TERMINOLOGY IN ENGLISH CHOREOGRAPHIC DISCOURSE

The paper presents the results of a study of the terminology of traditional Scottish dances from the standpoint of an anthropocentric approach. It is shown that the language of choreography is inextricably linked with graphic notation systems that convey dance movements in a non-verbal way. It is revealed that when accumulating and transmitting

information in choreographic discourse, the need for drawings explaining the spatial movements of a couple during a dance reflects the need for a complementary figurative thinking process that accompanies the verbal description of dance movements.

Key words: cognitive terminology, choreographic terminology, dance terms, knowledge accumulation, choreographic notation.

М. А. Салькова (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
bestgrammar@yandex.ru*

К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: МЕТАФОРА КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В докладе рассматривается эффективность применения когнитивного подхода к лингводидактическим задачам и обосновывается значимость междисциплинарности для повышения качества (языкового) образования. На материале англоязычных грамматических единиц иллюстрируется обучающий потенциал метафоры коммуникации (*conduit metaphor*).

Ключевые слова: когнитивный подход, метафора коммуникации, грамматическое знание, эффективность, междисциплинарность.

Формирование нового знания традиционно объединяет научную и педагогическую деятельность. Помимо использования объемного объяснительного инструментария, накопленного поколениями исследователей и практикующих педагогов, благодаря развитию когнитивной науки современная аудиторная практика позволяет уверенно апеллировать к категоризации действительности через обращение к компонентному составу категорий – концептуальным представлениям, а также к основным когнитивным механизмам обработки информации – метафоре и метонимии. Использование данных о представлении мира в языковых структурах, методологических приемах и терминологическом аппарате когнитивистики обеспечивает междисциплинарность профессиональной деятельности при обучении иностранным языкам.

Если познание в целом формируется при стимулировании мышления, памяти, воображения, то применение когнитивного подхода в лингводидактике, направлено на активизацию понимания через узнавание, чему

предшествует активная аналитическая и систематизирующая деятельность, поиск логических связей, внутрисистемных аналогий и внелингвистических факторов, выступающих в роли ситуативно значимых фильтров. Подобные взгляды ранних когнитивных педагогов-психологов сформировали передовые концепции т. н. категоризационного обучения [Bruner 2006] или осмысленного обучения как феномена сознания [Ausubel et al. 1978]. Когнитивные методики, например, использование концептуальных карт [Novak 2009] легли в основу подготовки специалистов наиболее современных специальностей – технических писателей и педагогических дизайнеров.

Длительная аудиторная практика автора подтверждает перспективность когнитивного подхода в обучении иностранным языкам в силу его способности повышать осознанность познавательных процессов, а также наглядности, выведения на поверхность скрытых механизмов обработки информации. Субъективные наблюдения сбалансированы примерами успешного применения когнитивного подхода в экспериментальном образовании и при апробации наиболее эффективных образовательных технологий для подготовки участников интеллектуальных состязаний (см., например: [Когнитивные исследования 2019]).

Известно, что когнитивный анализ успешен для объяснения переносных значений слов, способов номинации явлений окружающего мира, образования производных слов, трактовки идиом, устройства синонимических рядов и т. д. Однако применение когнитивного анализа к описанию и объяснению грамматических явлений пока не имеет большой популярности, хотя основания для переосмысления внешней формы языковой конструкции и использования альтернативных графических решений как репрезентации мыслительных процессов были намечены еще в [Reddy 1979; Lakoff, Johnson 1980]. Речь идет о т. н. метафоре коммуникации, канала связи или вербального кода (*conduit metaphor*), по сути, представляющей собой программу коммуникативной успешности. По М. Редди, для понимания в общении необходимо 1) зафиксировать (материализовать) идеи в словесных оболочках, 2) для каждого концептуального представления провести тщательный подбор вербальной формы, причем эти формы должны быть оптимально верными, 3) в отборе единиц для вербализации учитывать языковую и речевую экономию. Отсюда все без исключения компоненты вербального кода могут рассматриваться как логико-смысловые контейнеры, отвечающие за физический перенос значения от одного коммуниканта к другому, в то время как общность вербального кода обеспечивает виртуальную «упаковку» и «распаковку» передаваемых мыслей и чувств [ibid.]. Дж. Лакофф и М. Джонсон, в свою очередь, объясняют, как именно

концептуализируется линейно располагаемая языковая интеракция в терминах физических объектов и пространственных представлений на основе метафорического комплекса IDEAS (OR MEANINGS) ARE OBJECTS; LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS; MORE FORM IS MORE OF MEANING; COMMUNICATION IS SENDING [ibid.]. Таким образом, уникальность метафоры коммуникации в том, что она эффективно отражает взаимосвязь между формой и содержанием языковых единиц, а также всю сложность процедурности риторической практики человека с ее онтологическими и историко-культурными обременениями, этическими стандартами, ситуативностью, сценарностью и т.д. Более полное представление о масштабности обсуждаемой метафоры и ее прогностическом потенциале получаем из ее расширения метафорической установкой LANGUAGE IS POWER [Eubanks 2011].

Приведем примеры обращения к метафоре коммуникации как педагогическому инструменту объяснения функциональных свойств грамматических явлений, заключающих в себе когнитивную информацию.

1. Относительная бедность морфологического состава современного английского языка предполагает повышенное внимание к императивному формоизменению и формообразованию. Обсуждение материального проявления категориальной оппозиции числа существительного в форме суффиксации оптимизируется обращением к метафоре коммуникации: в противопоставленных формах *cat* – *catS*, *ox* – *oxEN*, *child* – *childREN* обучающиеся отмечают физическое увеличение размера слова, коррелятивное изменению обозначаемого им количества, и легко соотносят этот факт с участками комплекса MEANINGS ARE OBJECTS; LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS, приходя к закономерному выводу: MORE FORM IS MORE OF MEANING. 2. Для употребления форм Present Continuous, маркированных негативным эмоциональным отношением (*She is always coming late*), отметим – как метафорический эффект силы влияния – обязательность наречия со значением частотности действия на длительном отрезке времени и его фиксированную интерпозицию. Если аналитическая форма Continuous (vs Common), грамматикализирующая семантику длительности и незавершенности действия, уже осмысливается как LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS + MORE FORM IS MORE OF MEANING, то присутствие наречия, редуцирующего значение длительности, создает смысловую избыточность. В итоге, структура оказывается конфликтной как к экономичности коммуникации, так и к передаче эмоциональной информации, где для британской культуры также характерна умеренность. Повышенная содержательная

интенсивность формы приводится в действие когнитивным механизмом LANGUAGE IS POWER. 3. В то время как для культуры англоязычной речи т. н. split infinitive сохраняет дискуссионный статус, в практическом использовании его функциональность поддается разрешению именно с применением идеологии метафоры коммуникации. Например, в анализе возможных позиций наречия *fully* в предложении *Even in the 21st century, human beings are unable to comprehend the vastness and complexity of the universe* решающим фактором для использования split infinitive как лучшего коммуникативного решения (*...to fully comprehend...*) становится доминанта метафорической установки БЛИЗОСТЬ – ЭТО СИЛА ВЛИЯНИЯ. 4. Объектные конструкции с инфинитивом вызывают обоснованные затруднения у русскоязычных обучающихся как в силу отсутствия аналогий в родном языке, так и в силу разветвленности правил, определяющих поведение маркера инфинитива – частицы *to*, взаимных семантических переходов глаголов физического и умственного восприятия, ограниченной сочетаемости глаголов мыслительной деятельности с инфинитивом, где фактически допустим только глагол *be*, в то время как синтаксическим приоритетом является придаточное предложение и т. д. Здесь метафорический механизм БЛИЗОСТЬ – ЭТО СИЛА ВЛИЯНИЯ успешно объясняет отсутствие частицы *to* после глаголов чувственного восприятия как отражение незамедлительности результата (*I saw him enter*), а также ультимативности глаголов побуждения (*I made him cry*). Смена семантического класса перцептивными глаголами приводит к возникновению придаточного предложения, концептуализирующего произвольность и сложность мышления по сравнению с непроизвольностью и темпом работы органов чувств (*I saw → knew that he was upset*), т. е. увеличения размеров и объемов языкового «контейнера». Уменьшение «контейнера» происходит в случае смены семантики мыслительной деятельности на семантику чувственного восприятия (*I have known → seen it rain worse*).

Приведенные примеры не исчерпывают уместность применения метафоры коммуникации к грамматическим явлениям разной степени сложности. Она успешна для объяснения построения временных форм (*play – playED, bring – brought*), современных тенденций сочетаемости (*help do sth vs help to do sth*), строения и употребления грамматических конструкций с формальным дополнением *it* (*I find it hard to concentrate*) и т. д.

В завершение упомянем экспериментальное исследование, доказывающее, что использование механических приемов запоминания при обучении иностранным языкам не позволяет достичь значительных результатов, в то время как сфокусированность на понимании информации и стоящих

за ней концептуальных представлений развивает метакогнитивные способности [Мамина, Перминова 2019]. Последние связаны с академической и последующей профессиональной успешностью [БРЭ], что подтверждает эффективность когнитивной теории и когнитивного анализа для лингводидактики.

Литература

- Bruner J.S.* The Culture of Education. Cambr., Mass.: Harvard University Press, 2006.
- Ausubel D., Novak J., & Hanesian H.* Educational Psychology: A Cognitive View (2nd Ed.). New York: Holt, Rinehart & Winston, 1978.
- Novak J.D.* Learning, Creating, and Using Knowledge: Concept Maps as Facilitative Tools in Schools and Corporations. 2nd Ed. Routledge, 2009.
- Когнитивные исследования. 01–24.06.2019. URL: <https://sochisirius.ru/obuchenie/project/smena394/1968>
- Reddy M.J.* The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict in Our Language About Language // Metaphor and Thought / ed. by Andrew Ortony. Cambridge University Press, 1979. P. 284–324.
- Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980.
- Eubanks Ph.* Metaphor and Writing: Figurative Thought in the Discourse of Written Communication. Cambridge University Press, 2011.
- БРЭ – Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/metapoznanie-v-psikhologii-2a4082>
- Мамина Е.Н., Перминова Н.С.* Когнитивный подход к обучению иностранному языку // Когнитивные исследования в образовании: сб. науч. статей VII Международной научно-практической конференции / под науч. ред. С.Л. Фоменко. Под общ. ред. Н.Е. Поповой. Екатеринбург, 2019. С. 171–174.

M.A. Salkova (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

ON INTERDISCIPLINARITY OF COGNITIVE LINGUISTICS: CONDUIT METAPHOR AS INSTRUMENT OF FOSTERING GRAMMAR KNOWLEDGE

The paper discusses the efficacy of the cognitive approach applied to linguodidactic tasks and argues the salience of interdisciplinarity for a higher quality (linguistic) education. Samples of English grammar items are used to illustrate the teaching potency of the conduit metaphor.

Key words: cognitive approach, conduit metaphor, grammar, efficacy, interdisciplinarity.

А. С. Щербак, Го Цзюаньцзюань (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет

имени Г. Р. Державина

ant_scherbak@mail.ru, gjuanjuan@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ТОНАЛЬНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ

Коммуникативная категория тональности, основанная на эффективном концептуально-языковом взаимодействии участников коммуникации, в коммуникативной ситуации реализуется не только на уровне языковых связей диалоговых реплик, но и репрезентацией интонации высказываний, которая свидетельствует о речевом поведении коммуникантов.

Ключевые слова: категория тональности, интонация, коммуникативно-этическая норма, когнитивный аспект.

В настоящее время проблема речевых конфликтов стала предметом интереса лингвистов, юристов, психологов, социологов, которые сосредоточили свои исследования в области собственно-языковых конфликтов (конфликты по поводу языка) и собственно-речевых конфликтов (конфликты с применением языка) [Горбаневский, Трофимова 2021: 16].

Н. Н. Болдырев, основатель научной школы «Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур», и его ученики разрабатывают когнитивную теорию бесконфликтной языковой коммуникации в лингвистике. Ученые описывают теоретико-методологические основы концептуально-языкового обеспечения бесконфликтной языковой коммуникации на материале лексической, фразеологической и грамматической категоризации и рассматривают концептуальное взаимодействие между коммуникантами, которое обеспечивает их бесконфликтное языковое общение [Болдырев 2022, 2023, 2024, 2024а; Бабина 2023; Толмачева, Якимова 2023; Фурс 2024].

К числу эффективных факторов, обеспечивающих бесконфликтность, ученые относят степень ориентированности коммуникантов на коллективное знание и коммуникативные нормы концептуального и языкового взаимодействия; согласованность используемых коммуникантами форм языкового сознания – экспликация связей языкового выражения со структурами знаний и процедурами их обработки; использование вербальных средств, нейтрализующих речевое конфликтное поведение; согласованность принципов и механизмов формирования конкретных смыслов и их понимания

(отсутствует разность взглядов, интересов, убеждений, мнений, ценностных представлений, целей и т. п.) (см. подробно: [Болдырев 2024а: 49–50]).

Характер протекания бесконфликтного и конфликтного общения во многом определяет такая коммуникативная категория, как тональность, поскольку эта категория воздействует на формирование коммуникативной структуры речевого акта и участвует в создании эмоциональной и этической атмосферы коммуникативного акта, с помощью которого реализуется конфликтное или бесконфликтное речевое поведение коммуниканта.

Значимым компонентом акта коммуникации является диалог, в ходе которого наблюдается противостояние или согласованность коммуникантов по психическим, социальным, этическим и др. параметрам и отражаются стратегии коммуникативной координации – кооперации или конфронтации.

В ходе диалога задача говорящего решается с помощью одного из важнейших средств выражения оценочности – категории тональности как определенной формы или способа представления знаний на мыслительном или языковом уровнях [Болдырев 2006: 5–22], которую следует отнести к модусной интерпретирующей категории, обеспечивающей оценочное реагирование на ситуацию.

Категория тональности, основанная на выражении эмоции, определяет не только выбор языковых средств, обеспечивающих коммуникацию на разных языковых уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом), но и выбор интонационных средств в речевом поведении коммуникантов.

Так, при анализе спорного текста при проведении лингвистической экспертизы коммуникативная ситуация может рассматриваться не только на уровне исследования структурных связей между репликами в диалоге (присутствие слов, имеющих в лингвистических словарях пометы *бран.*, *руг.*, *груб-прост.*; соразмерно и несоразмерно ответных высказываний, не соответствующих коммуникативным нормам приличия и содержащих слова, внесённых в словари бранной лексики, обцензизмов и матизмов), но и на уровне интонации.

О вульгарной тональности, например, говорит особая инвективная интонация, а в некоторых случаях можно говорить о смягчающей тональности, нейтрализующей инвективу. Между тем тональность, строго регламентированная коммуникативно-этическими нормами, не допускает в сфере любого общения стилистически сниженной тональности.

Обратимся к тексту, который содержит высказывания в контексте переписки по WhatsApp, направленные адресантом N к адресату N, на предмет выявления эмоциональной тональности (орфография и пунктуация сохранены без изменений), а именно:

- *Маловат словарный запас. Тупишь Иванов*
- *Я знаю ты подтверждаешь что ты трус постоянно*
- *Вымогатель Иванов*
- *Заканчиваем если твоя убогая головка не понимает*
- *Глупышка а есть ли мозг у тебя*
- *Я же говорю ты не живешь а мучаешься*

В анализируемых высказываниях имплицитную эмотивность отражают пейоративы (от лат. *rejoage* «ухудшать»), выражающие негативную оценку адресата (неодобрение, порицание, презрение), задающую инвективную интонацию и речевую агрессию, что обеспечивает конфликтную тональность высказываниям.

Пейоративы реализуют значение унижительной оценки лица за счет значений языковых единиц, содержащих негативную оценку личных качеств некоего Иванова и выражающего к нему эмоциональное отношение презрения, о чем свидетельствуют следующие семантические типы пейоративов:

- 1) номинация, не мотивированная каким-либо его качеством: *«ты ТРУС постоянно»*;
- 2) номинация лица по его интеллектуальному качеству: *«ГЛУПЫШКА а есть ли мозг у тебя»*;
- 3) номинация лица по его поступку и поведению: *«ВЫМОГАТЕЛЬ Иванов»*.
- 4) номинация лица по признаку его именованию по фамилии: *«вымогатель ИВАНОВ»*.

Для хорошей письменной речи совершенно неприемлема резко отрицательная, эмоционально-стилистическая тональность, которая реализует значение унижения, содержит уничижительную оценку лица, эмоциональное отношение презрения, отраженных в семантике пейоративов, задающих оскорбительный тон высказываниям адресанта.

Таким образом, общая тональность речи определяется взаимодействием трех составляющих этой категории: 1) эмоционально-экспрессивной, 2) экспрессивно-стилистической, 3) социально-этической.

Из сказанного следует, что категория тональности связана: во-первых, с выражением эмоционально-экспрессивной оценки, субъективно-оценочного отношения коммуниканта к предмету речи; во-вторых, с эмоционально-стилевым и жанровым форматом коммуникации; с классификацией событий относительно ситуации, жанра, темы речи, социальных ролей и отношений коммуникантов; в-третьих, с намерением автора высказываний эмоционально воздействовать на адресата.

Любое высказывание имеет свою тональность, которая отражает свой набор нейтральных, положительных или отрицательных тонов отношений коммуникантов в том или ином типе дискурса. Заданная гармоничная или дисгармоничная тональность как коммуникативная модусная категория не только присутствует в высказываниях, но и задаёт общий тон формата общения.

Литература

Бабина Л. В. Механизмы формирования смыслов прецедентных имен, потенциально допускающих их конфликтное восприятие // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3. Ч. 1. С. 25–29.

Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 25–30.

Болдырев Н. Н. Принцип бесконфликтности языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5–15.

Болдырев Н. Н. Основы когнитивной теории бесконфликтной языковой коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2024. Ч. 1. С. 27–31.

Болдырев Н. Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: результаты исследования // Когнитивные исследования языка. 2024а. Вып. 5 (61). С. 48–53.

Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам – 20 лет. М.: ИПЦ «Маска», 2021.

Толмачева И. Н., Якимова О. А. Языковые средства формирования потенциально конфликтных смыслов в разных типах дискурса // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3 (54). Ч. 2. С. 551–555.

Фурс Л. А. Формирование потенциально конфликтной семантики английского предложения // Когнитивные исследования языка. 2024. Ч. 1. С. 766–769.

A. S. Shcherbak, Guo Juanjuan (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE CATEGORY OF STATEMENT TONALITY IN LINGUACOGNITIVE ANALYSIS

The communicative category of tonality, based on the effective conceptual-linguistic interaction of communication participants, in a communicative situation is realized not only at the level of linguistic connections of dialogue remarks, but also by the representation of the intonation of statements, which indicates the speech behavior of communicants.

Key words: category of tonality, intonation, communicative and ethical norm, cognitive aspect.

V. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

*Н. А. Голубева (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова
nagol@mail.ru*

КОНЦЕПТ МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ КАК ДОСТОЯНИЕ СОЦИУМА¹

Статья посвящена разработке проблемы социально-языковой идентичности в рамках лингвистики социальных смыслов. Предлагается алгоритм изучения языка социально-групповых вариантов «маленькие люди», дается историческая справка термина. Векторы исследования нацелены на анализ одноименного социального концепта и интерпретацию вертикальной вариации языка.

Ключевые слова: концепт МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ, социальный смысл, социальное знание, социально-языковая идентичность, вариационизм, вертикальная вариация.

Осмысление предлагаемого вопроса исследования, как и его название, обусловлено прецедентным мышлением и, соответственно, прецедентным знанием о том, что концепт – это не только «достояние индивида» (А. А. Залевская), но и определенного социума (Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, В. В. Колесов и др.).

Предметом обсуждения являются концептуально-семантические признаки лингвистических фактов, совокупность которых объясняет тематическое структурирование концепта МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ. Этот термин неоднозначен, но дидактической доминантой настоящего исследования являются языковые варианты, объединяемые форматом маленьких групп людей. Этот термин обязан своим появлением в вариологии швабскому исследователю диалектов из Марбурга Фридриху Кауфманну, который высказался относительно отдельно взятого диалекта следующим образом:

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно-значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001).

Сегодняшний опыт показывает, что даже самая маленькая отдаленная деревня сохраняет различные способы говорения, которые в большей или меньшей степени отличаются. Отвлекаясь от разницы в возрасте и поле, ремесленник говорит по-другому, нежели крестьянин, и даже у этого в распоряжении, как правило, множество языковых форм, которые он употребляет произвольно или осознанно. <...> Каждый общественный слой имеет свою манеру говорения ([Kauffmann 1889: 388]; пер. – Н. Г.).

И далее: Под немецкими диалектами (Mundarten) мы понимаем в целом только языковые формы маленьких групп людей общества равнинной деревни. Они сформировались исторически, мало подвержены иностранному влиянию и поэтому представляют интерес как целостные, чистые образования ([Там же]; пер. – Н. Г.).

Верность этому лингвистическому термину сохраняется и на современном этапе (I. Kei, E. Neuland, I. Schikorsky, I. Werlen et al). Язык «маленьких людей», как и всего этноса в целом, содержит «лингвистически значимые характеристики бытия». Рассуждая в духе филологической герменевтики В. И. Карасика [Карасик 2020], осмысление этих характеристик задает вектор их исследования в рамках концепта МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ как формата знания.

Вектор интерпретации позволяет выявить и объяснить социальные смыслы, содержащиеся в каждой вариативной языковой страте, а вектор действия показывает коммуникативное поведение «маленьких людей», которое отражается в языковых особенностях той или иной социальной группы. *Цель настоящего исследования* – представить и объяснить в общем виде два первых вектора исследования.

В концепте, как известно, отражаются и интерпретируются явления действительности в зависимости от образования, личного, профессионального и социального опыта носителя языка, а также этнический опыт окружающего его социума. То есть за каждым концептом стоят коллективное и/или индивидуальное социальное знание, которое влияет на формирование языкового знания (о роли прецедентного мышления в формировании языкового знания см.: [Голубева 2020]). Последнее может формироваться, в том числе языковыми предпочтениями в семье в виде семейных быличек, историй и просто в память о «так» говоривших в семье раньше. Таким образом, язык является средством передачи мысли всего социума в целом и каждого его члена в отдельности. *Modus ponens* язык передает социальные смыслы, если понимать под этим социально обусловленное мысленное содержание.

Социальное знание питает целый ряд наук, в том числе когнитивную социолингвистику, в нашем понимании, **лингвистику социальных смыслов**. *Актуальность и новизна* статьи заключаются в обосновании социального

знания как когнитивной основы языкового поведения «маленьких людей» и описании когнитивно-дидактических страт исследования одноименного концепта.

Все то же прецедентное знание отсылает нас к бестселлеру немецкого писателя Ганса Фаллады «Маленький человек, что же дальше?» (нем. *Kleiner Mann – was nun?* (1932)). В романе отражена философия жизни одного из немецких обывателей эпохи «Великой депрессии», одного из размышляющих, страдающих и социально деградирующих «ничтожеств», по признанию самого автора. Таким образом, социальное знание, вытекающее из содержания этого романа, служит когнитивной базой социокультурного концепта МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ в его культурологической интерпретации.

В рамках настоящей статьи наш интерес сфокусирован, однако, на концепт МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ как формат социального знания с точки зрения языкового вариационизма. Привязанность естественного языка к обществу является априорной. Все социальные страты общества и изменения в нем профилируют постоянную ориентацию языка на коммуникативные потребности общества, что обуславливает вариационизм в языке, проявляющийся на всех языковых уровнях языка и речи и затрагивающий форму и содержание выражения мысли.

Научный интерес к вариантам языка, более конкретно, диалектам исторически определялся по принципу местности. Так складывалась *горизонтальная* вариация от места к месту и создавалась диалектная география. Но эта внешняя простота становления вариалогии обманчива, потому что, как заметил Ф. Кауфманн, даже в деревнях существуют языковые различия, прежде всего, между старшим и молодым поколением. Особенно актуально это для городов, где еще более четко выражено существование различных языковых форм. На их основе образуется дополнительная *вертикальная* вариация, которой, кстати, не всегда уделялось должное исследовательское внимание.

Вертикальную вариацию представляют языковые варианты маленьких социумов. В их число входят язык разных возрастных групп – (до)школьников, молодежи, пожилых (А. С. Еренков, Т. В. Зайковская, А. И. Марочкин, Ю. Н. Никитина; U. Ammon, J. K. Androutsopoulos, P. Auer, H. Henne, S. Jäger, G. Kegel, E. Neuland, K.-P. Rosenberg); удаленных деревенских местностей и профессиональных групп – студентов, музыкантов, врачей, парикмахеров, продавцов, спортсменов и др. (Е. И. Голованова, Л. А. Манерко; В. Ф. Новодранова; W. Besch, W. Kallmeyer, G. Kleinberger, W. Labov, J. Lalouschek, E. Lieverscheidt, H. Schonfeld, J. Schwitalla); языковые формы эмигрантов и островные языки (О. В. Байкова, Б. Л. Бойко, В. М. Бухаров, А. Д. Петренко; T. Anstatt, P. Auer, N. Berend, K. Meng), семьи с разным

образовательным цензом и финансовым положением (бедные, неполные, однополые, «цветные» семьи и др.) (K. Bräutigam, W. Kallmeyer, I. Keim, E. Neuland, P. Stanat, I. Werlen).

Научный интерес вызывает также языковое поведение «маленьких людей» в историческом ракурсе, в том числе его письменный вариант (O. Brenner, A. Mihm, I. Schikorsky). Исследованию языковых особенностей «маленьких людей» посвящен целый ряд коллективных монографий [Крысин 1989; Бухаров, Байкова 2022; Sprachbewusstheit ... 2002; Sag' mal was... 2011 и др.].

Отдельный когнитивно-семантический сектор концепта МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ определяется языковым концептом СЕМЬЯ. Эта концептуально-тематическая область исследована отечественными учеными в философском и лингвистическом аспектах на материале разных этносов – русского (Д. В. Жигулина, Л. В. Панова, О. В. Харитонов), татарского (Л. З. Гибадуллина, Ф. Г. Фаткуллина), немецкого (И. В. Архипова, Г. А. Гуняшова, М. В. Куликова), французского (К. А. Долматова, И. Л. Пересторонина, Ф. А. Тамбиева), испанского (И. К. Канукова), английского (А. В. Архипова, Е. Ю. Бабина, К. Г. Голубева, Р. В. Саттарова). Она анализируется также в рамках контрастивной концептологии (Л. В. Бабина, М. М. Влюбчак, Л. З. Гибадуллина, Д. М. Коннова, И. В. Крапивина, Т. Г. Логинова, О. А. Митрохина, И. А. Селезнева, Ф. Г. Фаткуллина). Концепт «семья» профилируется в свою очередь субконцептами «муж» (А. А. Адзинова, А. М. Киселева, Е. А. Сокур), «жена» (Т. Г. Логинова, И. В. Крапивина), а также в рамках других семейных отношений (Ю. В. Вайрах). Так возникают и реализуются здесь внутри-концептуальные связи.

Еще один самостоятельный когнитивно-семантический сегмент концепта МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ представляют формы, отражающие рецепцию языка в художественном мире (литературные произведения, театр, кино, радио и др.). Его исследование сформировалось как направление в филологии (А. В. Архипова, Р. А. Аюпова, Э. В. Гарипова, К. Г. Голубева, Т. В. Сухарева, М. И. Труфанова, И. С. Шильникова; H. Hensel, R. Herrmann-Winter и др.).

Итак. Предпринятое с позиций лингвистики социальных смыслов моделирование языкового знания направлено на описание социально-языковой идентичности «маленьких людей». Каждая из представленных выше социальных групп говорящих образует свое когнитивное пространство общения, которое формирует когнитивно-семантическую сферу концепта МАЛЕНЬКИЕ ЛЮДИ. Согласно существующей типологии концептов [Болдырев 2014] анализируемый концепт является одновременно языковым и диалектным по виду репрезентируемого знания.

Дальнейшее обсуждение вопроса видится в определении и обосновании структурного типа данного концепта, а также в разработке третьего вектора исследования – анализе языковых особенностей отдельных вариантов этого концепта.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Бухаров В. М., Байкова О. В. Немецкий переселенческий этнос в истории России и Крымского полуострова // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография / отв. ред. А. В. Иванов. Вып. 4. М.: Флинта, 2022. С. 156–180.

Голубева Н. А. Вербализация прецедентного мышления в ракурсе межкультурной коммуникации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 3 (51). С. 26–48. DOI 10.47388/2072–3490/lunn2020–51–3–26–48

Карасик В. И. Языковые картины бытия: монография. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2020.

Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелёв. М.: Наука, 1989. С. 78–86.

Kauffmann F. Dialektforschung // A. Kirchhoff (Hrsg.): Anleitung zur deutschen Landes- und Volksforschung. Stuttgart: J. Engelhorn, 1889. S. 381–432.

Sag' mal was – Sprachförderung für Vorschulkinder: zur Evaluation des Programms der Baden-Württemberg-Stiftung. Tübingen: Francke, 2011. (Schriftenreihe der Baden-Württemberg-Stiftung; Bd. 57).

Sprachbewusstheit im schulischen und sozialen Kontext / Jo. A. Bateman (Hrsg.). Frankfurt am Main, Berlin u. a.: Lang, 2002. (Forum angewandte Linguistik; Bd. 39).

N. A. Golubeva (*Nizhny Novgorod, Russia*)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

THE CONCEPT *LITTLE PEOPLE* AS A SOCIAL ASSET

The article is devoted to the development of the problem of socio-linguistic identity within the framework of the linguistics of social meanings. An algorithm for learning the language of socio-group variants of “little people” is proposed, and a historical reference of the term is given. The research vectors are aimed at analyzing the social concept of the same name and interpreting the vertical variation of the language.

Key words: the concept *LITTLE PEOPLE*, social meaning, social knowledge, socio-linguistic identity, variationism, vertical variation.

I. O. Dolmatova, L. V. Lebedev (Moscow, Russia)
*Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ioanna.dolmatova@bk.ru, leoneedlebedev@gmail.com*

**COGNITIVE PATTERNS
OF AUDIENCE BEHAVIOUR IN DIGITAL MEDIA:
INTERACTION WITH NEWS CONTENT
ON SOCIAL NETWORKS AND MESSENGERS
(CASE STUDY OF TELEGRAM, VKONTAKTE,
AND ODNOKLASSNIKI)**

This article is dedicated to the analysis of cognitive patterns in the interaction between audiences and news content in digital media. It examines the perception of information on platforms such as Telegram, VKontakte, and Odnoklassniki, including factors like speed of perception, selectivity, clip-like thinking, and emotional engagement. The research methodology combines both quantitative and qualitative analysis, enabling the identification of key differences in how users interact with content.

Key words: cognitive patterns, digital media, clip-like thinking, emotional engagement, content analysis, social media platforms, speed of perception, selectivity.

The digital environment has drastically altered how news is perceived, highlighting the importance of studying cognitive patterns – stable information processing frameworks that shape user behavior in social media. Under the influence of rapidly advancing digital technologies, a new media landscape has emerged, transforming media consumption models. “The success of online media is driven by society's demand for rapid information delivery. The internet can disseminate multimedia messages worldwide within seconds” [Gureeva 2021].

In the context of digitalization, audience cognitive patterns are evolving information overload, and a fast-paced lifestyle reduce attention span and fragment perception. Users favor concise, visually appealing formats such as headlines, images, and videos. Many simultaneously use multiple devices for multitasking, facilitated by the convenience of digital media [Egorova, Tumanov 2022].

The clip-like thinking fostered by the digital environment stimulates demand for rich visual formats, particularly among younger audiences. The habit of multitasking and frequent context switching reinforces this trend. Modern audiences value “polyphonic” content and seek short, informative, and easily digestible materials [Efanov 2022]. These shifts emphasize the importance of understanding cognitive patterns to develop effective audience engagement strategies.

Audiences of digital media gravitate towards emotionally charged content, such as sensational stories, crises, and humor, gradually losing interest in deep analytical materials. Psychological challenges, such as trolling, information overload, and communication pressure, complicate meaningful content perception [Egorova, Tumanov 2022]. Constant exposure to striking media content leads to habituation, making real life seem monotonous and dull by comparison [Davydova 2021].

Cognitive patterns of digital media audiences are shaped by the fast pace of life, information overload, and digital media's unique features. Key characteristics of media consumption include rapid perception, selective attention, clip-like thinking, and emotional engagement. "Clip culture prioritizes the present, magnifying it while distancing the future" [Davydova 2021]. These changes demand constant adaptation and innovation from content creators to maintain effective audience engagement.

The study analyzed audience interactions with news materials on Telegram, VKontakte, and Odnoklassniki, focusing on publications by "RIA Novosti", "Komsomolskaya Pravda", and "Rossiyskaya Gazeta".

The research methodology combined quantitative and qualitative approaches. The quantitative analysis examined interaction statistics, including views, likes, reposts, and comments, to assess audience engagement levels. The qualitative analysis explored types of interactions, such as the nature of comments, the use of memes, and emotionally charged reactions. Linguistic methods were employed to analyze the content, tone, key themes, and emotional context of comments. Visual and textual features of publications – formats (text, images, videos), length, structure, and the emotional tone of headlines – were also considered.

Telegram and VKontakte facilitate quick information consumption with short posts, vivid visuals, and clear headlines. Users generally skim key content elements, paying minimal attention to details, reflecting a high level of selective perception. Conversely, Odnoklassniki users tend to read materials in full but exhibit lower activity in likes, comments, and reposts. Thus, while quick perception remains a significant factor, interaction patterns vary significantly across platforms.

Clip-like thinking, another critical cognitive pattern of the digital audience, is especially pronounced on Telegram and VKontakte. Users of these platforms favor visually rich content, such as images, infographics, and short videos. Frequent context switching and multitasking habits result in a fragmented perception style, with limited engagement in deeper content exploration. On Odnoklassniki, this pattern is less pronounced: the older user demographic prefers coherent, in-depth content, fostering more thoughtful interaction with materials.

Emotional engagement plays a pivotal role in audience activation across all platforms. Telegram and VKontakte enhance this engagement

through highly emotional publications, such as sensational headlines, crisis events, and humorous content. These materials spark active discussions, reposts, and numerous responses. Users frequently write comments, often with a deliberative or sarcastic tone. Additionally, memes and other forms of humorous commentary are widespread on these platforms, significantly boosting audience engagement. Memes serve as both reactions to content and standalone forms of interaction, especially for sensational or controversial news. They strengthen emotional engagement and help users process heavy or complex topics through humor. On Odnoklassniki, emotional engagement functions differently: users respond more to nostalgic content or materials emphasizing traditional values. However, their active engagement through likes and shares remains limited.

Moreover, users actively contribute to content creation by engaging in polls, surveys, and votes, which not only gather audience opinions but also involve them in content generation. Platforms offer broad discussion opportunities, enabling users to express their views and delve deeper into analyzing topics.

In conclusion, cognitive patterns of audience interaction with news materials differ across platforms. Telegram and VKontakte promote clip-like thinking, rapid perception, and emotional engagement, making their audience active but superficial in content processing. Odnoklassniki, on the other hand, supports a more thoughtful consumption approach, reducing overall activity levels but encouraging deeper engagement with materials.

These findings highlight the need for further research into cognitive patterns of audience interaction with news, including temporal and seasonal dynamics and the impact of new content formats on user behavior.

Литература

Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-ponimanie-mediatizatsii-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy> (дата обращения: 08.01.2025).

Давыдова М. А. Влияние медиа на формирование паттернов поведения современной молодежи // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-media-na-formirovanie-patternov-povedeniya-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 08.01.2025).

Егорова Л. Г., Туманов Д. В. Трансформация аудитории новых медиа // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-auditorii-novyh-media> (дата обращения: 08.01.2025).

Ефанов А. А. Общество во власти медиапроцессов: монография. М.: ИНФРА-М, 2021.

И. О. Долматова, Л. В. Лебедев (Москва, Россия)

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

КОГНИТИВНЫЕ ПАТТЕРНЫ ПОВЕДЕНИЯ АУДИТОРИИ В ЦИФРОВЫХ МЕДИА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С НОВОСТНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И МЕССЕНДЖЕРАХ (НА ПРИМЕРЕ TELEGRAM, ВКОНТАКТЕ И ОДНОКЛАССНИКИ)

Статья посвящена анализу когнитивных паттернов взаимодействия аудитории с новостными материалами в цифровых медиа. Рассматриваются особенности восприятия информации на платформах Telegram, ВКонтакте и Одноклассники, включая скорость восприятия и выборочность, клиповое мышление и эмоциональную вовлечённость. Методология исследования сочетает количественный и качественный анализ, что позволило выявить ключевые различия во взаимодействии пользователей с контентом.

Ключевые слова: когнитивные паттерны, цифровые медиа, клиповое мышление, эмоциональная вовлечённость, анализ контента, платформы социальных медиа, скорость восприятия, выборочность.

О. И. Калинин (Москва, Россия)

*Военный университет им. князя Александра Невского,
Московский государственный лингвистический университет,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
okalinin.lingua@gmail.com*

ИДЕОЛОГЕМА КАК РАЗНОФОРМАТНАЯ ЕДИНИЦА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО УРОВНЯ¹

В статье представлены теоретические подходы к определению идеологемы как единицы концептуального уровня и предложено рассмотрение одной идеологемы как концептов разного типа. Приведен пример рассмотрения идеологемы «Один пояс – один путь» как сложных концептов разного вида: фрейм, сценарий или матрица.

Ключевые слова: идеологема, фрейм, когнитивный сценарий, когнитивная матрица, один пояс – один путь.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема «Вариационная система как структурно-значимый аспект естественного языка») (FSWZ-2024-0001).

Введение

Государственная идеология играет ключевую роль в формировании и консолидации общественного сознания, выступая системообразующим элементом, определяющим направление социального, культурного и политического развития. В современной политической философии идеология зачастую интерпретируется в качестве механизма, посредством которого осуществляется легитимация политической власти. Однако подобный подход не учитывает её базисную функцию, заключающуюся в обеспечении социальной целостности посредством формирования общих ценностных ориентиров и стратегического направления общественного развития, что принято называть «национальной идеей». «Отсутствие национальной идеи, то есть национальной идеологии, сходно научному исследованию без цели: оно возможно, но не будет результативно» [Калинин, Сузень 2020: 134]. Значимость идеологии, обостряющаяся в период геополитической нестабильности, предполагает актуальность исследования механизмов её формирования и форм её репрезентации, где на передний план выступает взаимодействие языка в его дискурсивной форме и мышления.

Язык в данном контексте выступает одновременно носителем идеологических смыслов, инструментом идеологической манипуляции, механизмом формирования идеологической идентичности и маркером идеологической трансформации общества. Дискурсивное пространство массовой коммуникации представляет собой средство репрезентации идеологии во всех её проявлениях, включая её связь с мышлением, обществом, культурой и политикой.

В контексте чрезмерной междисциплинарности исследования идеологии в современной науке мы полагаем важным детализировать лингвокогнитивный подход к изучению идеологии и ставим целью рассмотрение идеологемы как сложноструктурного концепта, который может быть рассмотрен с разных точек зрения, согласно структурной типологии Н. Н. Болдырева, что продемонстрировано на примере идеологемы «Один пояс – один путь».

Идеологема: к определению понятия

Впервые термин «идеологема» трактуется в работах М. М. Бахтина как «экспликация, способ репрезентации той или иной идеологии» [Бахтин 1975: 105]. В современной науке можно выделить два основных подхода к определению понятия «идеологема».

В широком смысле идеологема рассматривается как лексическая единица, репрезентирующая идеологический смысл. Такие лексемы, будучи частью повседневного языка, приобретают идеологическую значимость в политико-идеологическом контексте, актуализируя идеологические коннотации (например, нация, общество, государство, демократия, патриотизм). Так, идеологема – это «вербальная единица, непосредственно связанная с идеологическим денотатом» [Купина 2005: 91]; «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей» [Радбиль 1998: 22].

Более узкий подход трактует идеологему как идеологически маркированную единицу, формируемую в рамках определённой идеологии и выполняющую функцию её распространения. Такие устойчивые выражения (например, «китайская мечта», «одна страна – две системы») характеризуются высокой частотностью в политико-идеологическом дискурсе и функционируют как ключевые элементы семантического поля идеологии. В рамках узкого подхода идеологема функционирует как ядро идеологии и представляет собой «ценностно мотивированные знаковые образования, которые являются формой воплощения концептуальной идеи, ценности, концептуальной сущности» [Романова 2019: 6].

Мы рассматриваем идеологему как особую единицу когнитивного уровня, характеризующуюся наличием концептуальных признаков, обладающих выраженной идеологической маркированностью.

Идеологема как единица концептуального уровня

Понимая идеологему как единицу концептуального уровня, мы неизбежно возвращаемся к основам отечественной когнитивной лингвистики, в парадигме которой дано детальное описание концептов как «идеальных, абстрактных единиц, смыслов, которыми человек оперирует в процессе мышления» [Болдырев 2014: 23], типологии концептов, структуры концепта, а также концептуализации как процесса и результата формирования концептов.

Отметим, что в работе Е. Г. Малышевой предложена классификация идеологем по характеру концептуализируемой информации: «идеологемы-понятия (народ, демократия), идеологемы-фреймы (Государственная дума, съезд), идеологемы-гештальты (свобода, равенство) и идеологемы-архетипы (Сталин, Путин)» [Малышева 2009: 37].

Не отрицая применимость подобного подхода, мы полагаем, что некоторые идеологемы могут быть рассмотрены как несколько видов концептов, выделенных в рамках структурной типологии концептов, предложенной Н. Н. Болдыревым, в рамках которой различные типы и форматы знания делятся на концептуально простые и концептуально сложные [Болдырев 2014: 52].

Идеологема «Один пояс – один путь»

Для примера рассмотрим инициативу «一帶一路» («Один пояс – один путь»), предложенную Председателем КНР Си Цзиньпином еще в 2013 году, и ставшую основой внешнеполитической стратегии Китая в последнее десятилетие и идеей управления глобальной экономикой. Как отмечается, эта идеологема отличается высокой частотностью, и имеет более 200 упоминаний в статьях и публичных выступлениях Си Цзиньпина [Ключевые слова Си Цзиньпина 2021: 44].

Мы полагаем, что идеологема «Один пояс – один путь» может быть охарактеризована:

а) как **когнитивный сценарий**, то есть как «разворачиваемая во времени определенная последовательность этапов, эпизодов» [Болдырев 2021: 57], что предполагает изучение «каркаса» динамики этой политической инициативы с учетом временного и поступательного характера его развития. В контексте политического дискурса КНР данная идеологема играет важную роль в формировании и реализации инициативы и включает следующие этапы: *запуск инициативы, ее обсуждение, заключение международных соглашений, реализация; построение долгосрочных целей* и др. Реализация политической инициативы становится когнитивным сценарием, данная идеологема представляет собой знание процессуального характера, а именно политики государства в определенной сфере.

б) как **фрейм**, то есть «объемный, обычно иерархически организованный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации» [Болдырев 2021: 57], который включает в себя компоненты: *экономическая интеграция, инфраструктурное развитие, международное сотрудничество, логистические узлы, инвестиции и финансирование, культурный обмен* и др. Активизация отдельных компонентов фрейма происходит через конкретные политические проекты, что способствует распространению этой идеологемы как формы знания.

в) как **когнитивная матрица**, то есть как «единица многоаспектного знания, включающая знание из разных концептуальных областей» [Болдырев 2021: 92]. Идеологема «Один пояс – один путь» как когнитивная матрица осуществляет интеграцию знания из разных областей: экономическая (мировая торговля, инфраструктура), политическая (увеличение сферы влияния), культурная (обмен ценностями, традициями) и др.

Заключение

Идеологема может быть рассмотрена как сложноструктурный концепт-носитель определенной идеологии, который может быть одновременно рассмотрен сквозь призму разных концептов по структурной типологии Н. Н. Болдырева. Так, изучение идеологемы «Один пояс – один путь» как когнитивного сценария, фрейма и когнитивной матрицы выявил её многослойную концептуальную структуру, интегрирующую знания из различных когнитивных областей. Таким образом, структурная типология концептов позволяет детализировать анализ дискурсивной репрезентации политической идеологии с точки зрения когнитивной парадигмы современной лингвистики и, тем самым, обеспечивает более глубокое понимание механизмов формирования и функционирования идеологем в дискурсивном пространстве.

Литература

- Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Москва: Тамбовский гос. ун-т имени Г. Р. Державина, 2014.
- Калинин О. И., Сузень А. Д.* Идеологема национальной мечты в массмедиаальном дискурсе КНР и США // Социолингвистика. 2020. № 1(1). С. 133–146.
- Ключевые слова Си Цзиньпина / пер. с кит. Семенова А. В., Семеновой Т. Г.; науч. ред. Ван Бинь. М.: Шанс, 2021.
- Кутина Н. А.* Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 2005. С. 90–104.
- Малышева Е. Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификации // Политическая лингвистика. 2009. № 30. С. 32–40.
- Радбиль Т. Б.* Мифология языка Андрея Платонова: монография. М., Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998.
- Романова Т. В.* Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности: монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2019.

O. I. Kalinin (Moscow, Russia)

*Military University, Moscow State Linguistic University,
South Ural State University (National Research University)*

IDEOLOGEME AS A VARIOUS-FORMAT UNIT OF CONCEPTUAL LEVEL

The article presents theoretical approaches to defining the ideologeme as a conceptual-level unit and proposes an analysis of a single ideologeme from the perspective of different conceptual types. Based on structural typology, the ideologeme “One Belt, One Road” is examined as a cognitive script, a frame, and a cognitive matrix.

Key words: ideologeme, politico-ideological discourse, frame, cognitive script, cognitive matrix, One Belt, One Road.

Н. Г. Кантышева (Тюмень, Россия)

*Тюменский государственный университет
nkantysheva_@mail.ru*

А. А. Шуклин (Баня-Лука, Босния и Герцеговина)

*Панъевропейский университет «Анейрон»;
Тюменский государственный медицинский университет
alexander.schuklin@gmail.com*

САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА «РУСАКА» В РЭП-ПОЭЗИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

В статье рассматриваются характерные черты самопрезентации образа российских немцев – переселенцев в Германии. Проводится анализ композиции “Wir feiern” на разных языковых уровнях, в том числе рассматривается визуальный ряд клипа. Прибегая к пародии и иронии, исполнитель создает гротескное изображение черт личности так называемого «русака».

Ключевые слова: социальная презентация, поздние переселенцы, Meijin.

Образ переселенца, его восприятие, проблема национальной самоидентификации и самоидентификации представлены не только в художественной литературе [Балабан 2014, Забияко 2016] и в публицистике [Сенина 2018], но и в музыке [Фраснова 2007]. Рэп-поэзию в социокультурном аспекте рассматривает целый ряд исследователей: Т. Böder A. Karabulut (2017), Н. Loh (2005), М. Seeliger (2013), Ш. Сепрано (2024). Большинство из них доказывают тезис

о том, что основными содержательными векторами повествования выступают социальный или личностный протест, проблемы в семье, во дворе или школе, преодоление сложных жизненных ситуаций, богатство. Эмигранты вносят в рэп-сегмент свои тематические контуры – противопоставление себя обществу, тоска по Родине, одиночество, несбывшиеся надежды, враждебность, поиск этнической идентичности. Более подробно идеи о развитии топосов в творчестве российских немцев описаны в более ранних работах [Кантышева, Шуклин 2024].

Одним из главных вопросов, которые поднимаются в исследованиях рэп-поэзии – аспект самопрезентации лирического героя – как он видит себя, как он хочет представить себя обществу и как героя видят его зрители и/или слушатели. В случае, когда автор рэпа является переселенцем, этот вопрос становится еще более актуальным, а ситуация не всегда разрешенной, что отражено в музыкальных композициях иммигранта немецкого происхождения из России Meijin. Являясь представителем малой этнической группы российских немцев, исполнитель использует жаргонное понятие «русак»: *Русаки везде // Мы по всей стране // Каждый русак мой братан*).

Несмотря на то, что понятие *самопрезентация* известно в социальной психологии как «акт самовыражения и поведения, направленный на то, чтобы создать благоприятное впечатление или впечатление, соответствующее чьим-либо идеалам» [Майерс 1997: 96], в текстах исполнителя прослеживается нарочитое акцентирование отрицательной информации о себе (*вся моя толпа со мной, мы отдыхаем*), самоуничижение (*wir haben immer kein Geld*) и негативные поведенческие модели (*Давай, брат, водку налей! Мы отдыхаем, у нас так вот каждый день*). Автор предстает в образе гражданина, совершающего правонарушения и которого опасаются местные жители (*Die Russen kommen „Arschloch!“ – для немцев это шок // Gib mal volle Kanne Gas!*). Рэпер создает свой текст и манеру его подачи нарочито более агрессивной, пародируя образ далекого от закона человека. В данном случае он выступает в качестве рассказчика и в тоже время действующим лицом. Его герой проявляет дерзость (*Не трогай, это дорогая кожаная куртка*) и непристойное поведение в обществе (распитие алкоголя и танцы на парковке возле магазина).

В отличие от главных героев русского рэпа в Германии 1.Kla\$, Czar of Rap, Рэп-Войска, Ginx, Syndikat, тексты которых отличаются особой агрессивностью с включением табуированных тем и жесткими оскорблениями своих оппонентов, тексты Meijin отличаются большей мягкостью с вкраплениями лиричности (в клипе герой сидит на кухне и поет «Пой, гитара, пой!»). Прямые оскорбления кого-либо по гендерным, политическим, музыкальным предпочтениям и т.д. отсутствуют. Это в какой-то мере подтверждает тезис об общей тенденции к привнесению в рэп лирических

характеристик [Kerper, Abraham 2016: 181], к синкретичности, к «развитию в нем, наравне с лирическим, эпического и драматического начал и, как следствие, определение этого направления в современном литературном и медиасловесном процессе как метажанр [Дрок 2020].

С лингвистической точки зрения язык текста Meijjin отличается постоянным переключением с немецкого языка на русский: *Ты будешь дома, я сказал! Schau weiter Ну, погоди! // Музон орет, подъезжаем на Parkplatz. / Привет, салам, доброе утро, Deutschland, уже пораньше Kopfschmerzen.*

Исполнитель использует просторечия, бытовую лексику, сленг, жаргон (*мы на Parkplatze, so stinkt nach Scheiß, башка трещит*) и отсылает к образам и реалиям из прошлого, некоторые из них уже не существуют: *das kann doch nicht sein. 10 Jahre alt как наша стенка в зале // Jogginghose Adidas.* Автор композиций подчеркивает свою принадлежность к русскому образу жизни, например упоминая типичные привычки, предпочтения в питании русских, исходя из самых частотных предубеждений, которые не всегда позитивные (*– Что ты есть хочешь? – Борщ, мамуля, борщ // на водку «Московская. Русский стандарт» давайте деньги сложим; семечки online bestellen*).

Несмотря на то, что рэпер проживает более 15 лет в Германии, в текстах допускаются грамматические и лексические ошибки (*купили какой-то billig Scheiß, doch wir haben keine Geld, ich habe keine Ausweis*). Таким образом, показан типичный образ переселенца, например, в ситуации общения с представителями власти: *Entschuldigung, Herr Polizei.*

Многие рэперы в российской культуре не придерживаются традиционной для рэпа криминальной тематики, сближая свое творчество с традицией русского шансона и чаще обращаются к проблемам уличной жизни, провинциальной молодежи, проблемам нищеты [Фролова 2015: 10]. Тяготение исполнителей к русскому шансону в среде поздних переселенцев в Германии является следствием эмиграции, а лирический герой таких песен «концептуально асоциален, это неприкаянная личность, испытывающая симпатию к своему миру изгоев» [Зейферт 2022].

Рэп-исполнитель Meijjin в своем творчестве также отступает от традиционной для рэпа тематики, создавая обобщенный образ «русака». Учитывая, что большая часть композиций данного исполнителя посвящена трудностям социально-культурной адаптации российских немцев в Германии и культуре данного этноса, отдельным аспектом его творчества, на наш взгляд, являются композиции, в которых автором создается собственный авторский образ переселенца из стран бывшего Советского Союза. В них не акцентируется этническая принадлежность лирического героя, но присутствует авторское желание создать обобщенный образ «русака», объединяющий в себе

переселенцев разных национальностей. Культурные традиции, социальное поведение, похожая кухня переселенцев, схожее отношение к настоящей дружбы – объясняется в текстах Meijjin фразой «это советский менталитет».

Оригинальность создаваемого образа переселенца заключается в использовании им приемов пародии и иронии, как на языковом уровне текстов, так и в видеоряде клипов. Это приводит к гипертрофированности образа в целом и преувеличению отдельных черт личности переселенца. Например, чрезмерное употребление алкоголя (*да, я только водку пил; вчера были с пацанами in der Hocke на parkplatz*), кичливость богатством (*Mein ganz neuer Mercedes*). Демонстрируется осознанная социальная маргинализация, когда во встречах участвуют только переселенцы (*Со мной все мои друзья // Мы включаем Фактор-2 // Водку выпью я // Гуляем до утра*). Заявляется о частоте таких встреч (*Мы снова подъезжаем на их Parkplatz*). Мейджин называет своих друзей сокращенной формой русских имен (*Здесь Юра, Саня, Боря, Эдик, Миша, Дима // С нами Галя, Юля, Вика, Люба, Нина, Кристина*).

Исполнитель указывает также на некоторые факты своей биографии, что сближает его текст с текстом видеоблога (*Мы когда-то раньше покупали // Zehn jahre alt // как наша стенка в зале*).

Meijjin демонстрирует также пародию и в визуализации образа переселенца в видеоряде клипа, используя характерную для России 90-х гг. одежду: мужская тельняшка, домашние трико с лампасами, кожаная куртка, кожаная кепка, полушубок из овчины, надетый нараспашку. Пародийность отмечается и в несочетаемости некоторых элементов одежды на одном человеке (тельняшка и кожаная кепка или трико с лампасами и кожаные туфли). Создаваемый визуальный образ переселенца свидетельствует о самоиронии исполнителя, которая лейтмотивом проходит через текст и визуальный ряд.

Самопрезентация образа позднего переселенца в творчестве исполнителя Meijjin является одним из важных аспектов его творчества. Создаваемый им на уровне лексики и видеоряда собственный авторский образ, с одной стороны, не вызывает благоприятного впечатления у массового слушателя, но с другой стороны – найдет отклик у такого же переселенца, как и он сам.

Литература

Балабан А. И. Образ эмигранта в творчестве Ирен Немировски и проблема национальной самоидентификации // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 2–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-emigranta-v-tvorchestve-iren-nemirovski-i-problema-natsionalnoy-samoidentifikatsii> (дата обращения: 08.01.2025).

Дрок В. В. Проблема повествователя в русском рэпе. М: Директ-Медиа, 2020.

Забияко А. А., Сенина Е. В. Образы восприятия русских эмигрантов в китайской литературе 1920–1940 гг. // *Emigrantologia Slowian*. Opole. 2016. № 2. Р. 19–32.

Зейферт Е. И. Российско-немецкий шансон как продукт эмиграции // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2022. Т. 19. № 1. С. 50–65.

Кантышева Н. Г., Шуклин А. А. Образ родины в этническом языковом сознании российских немцев // *Когнитивные исследования языка*. 2024. Вып. № 2 (58). С. 224–227.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.

Сенина Е. В. Образы взаимного восприятия русских и китайцев в русской и китайской литературе и публицистике первой половины XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Благовещенск, 2018.

Серрано Ш. Энциклопедия хип-хопа: все, что вы хотели знать о рэп-музыке. М: Эксмо, 2024.

Фраенова Е. М. Трудовые песни // *Большая российская энциклопедия*, том 8. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. С. 341.

Фролова Е. В. Рэп как форма социально-политической рефлексии в современной российской культуре (2009–2013 гг.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

Böder T., Karabulut A. „Haftbefehl hat konkret irgendwie einiges für uns geändert“. Gangsta-Rap als Intervention in Repräsentationsverhältnisse // *Seeliger, Martin/Dietrich, Marc (Hrsg.): Deutscher Gangsta-Rap II. Popkultur als Kampf um Anerkennung und Integration*. Bielefeld: transcript Verlag, 2017. S. 267–286.

Kepser M., Abraham U. *Literaturdidaktik Deutsch. Eine Einführung*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2016.

Loh H. *Deutschrapp zwischen Ghetto-Talk und rechter Vereinnahmung // Jugendkulturen zwischen Medien und Markt*. Frankfurt/M., 2005.

Seeliger M. *Deutscher Gangsta-Rap. Zwischen Affirmation und Empowerment*. Berlin, 2013.

N. G. Kantysheva (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

A. A. Shuklin (Banja Luka, Bosnia and Herzegovina)
Pan-European University “Apeiron”; Tyumen State Medical University

SELF-PRESENTATION OF THE “RUSAK”-IMAGE IN THE RAP POETRY OF RUSSIAN GERMANS

The article presents and evaluates the characteristic self-presentation features of the image of Russian Germans – immigrants in Germany. The analysis of the composition “Wir feiern” is carried out at different linguistic levels, including the visual series of the video. Using parody and irony, the performer creates a grotesque image of the personality traits of the so-called “rusak”.

Key words: social presentation, late immigrants, Meijin.

И. С. Лебедева (Москва, Россия)

Московский государственный институт
международных отношений МИД России (Университет)
lebedeva_irina_68@yahoo.com

Т. И. Грибанова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
tigribanova65@yandex.ru

ХЕДЖИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ФРЕЙМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ГЕНДЕРНО ОДНОРОДНЫХ И НЕОДНОРОДНЫХ КОНТЕКСТАХ

В настоящей статье представлены результаты исследования средств лингвистического хеджирования оценочных фреймов в англоязычных гендерно однородных и неоднородных неформальных контекстах. Анализ полученных материалов позволил определить частотность модифицированных фреймов в указанных контекстах и типы используемых в них хеджей.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, фрейм, хеджирование, оценка, гендер, англоязычный разговорный дискурс.

Вопрос взаимосвязи выбора языковых средств с социальными факторами всегда был в центре внимания исследователей, изучающих особенности межличностной коммуникации. Среди социальных факторов, влияющих на оформление речевого высказывания, гендер является наиболее неоднозначным. Отмечается, что речь женщин отличается от речи мужчин большей вариативностью, женщины стремятся к установлению более тесных межличностных взаимоотношений, склонны выражать понимание и поддержку, в то время как речь мужчин характеризуется большей напористостью и соревновательностью, они склонны демонстрировать статусность, независимость и самодостаточность [Caffi 2007; Colley, Todd 2022; Durik 2008; Herring 1994; Rossetti 1998; Tannen 1990]. Б. Эриксон и др. указывают на гендерную маркированность речи в терминологии *сильного* и *слабого* стилей речи [Erickson et al. 1978: 266], среди особенностей слабого стиля называются уклончивость, гиперкорректная грамматика, использование вопросительной интонации в декларативах, обилие вежливых форм и хеджирующих форм, жестикуляция. Также рассматривалась зависимость гендерных отличий от целого ряда других социальных факторов [Abdalgane 2021], однако прямой связи между такими факторами как подчинение/ доминирование или близость/ дистанцирование, с одной стороны, и определенной языковой стратегией – с другой, на данный

момент выявлено не было. Это равным образом относится к хеджированию, которое традиционно рассматривается как средство смягчения высказывания, указание на наличие неточности и отсутствия обязательств. В связи с этим, частотность уклончивых высказываний в женской речи связывалась с их нерешительностью и готовностью подчиняться [O'Barr, Atkins 1980; Carli 1990]. Позднее данная точка зрения уступила место функциональному подходу, где изучались функции хеджей в коммуникативных ситуациях с учетом социоллингвистических условий [Ehrlich 2014]. Полученные данные позволили изменить мнение о женской речи. Возник интерес к изучению гендерно однородных (моно гендерных) и неоднородных (смешанных) контекстов. Некоторые исследователи утверждали, что гендерные различия в большей степени заметны в смешанных контекстах [Woods 2002]. Другие, напротив, отмечали, что для смешанных контекстов характерно снижение гендерной маркированности. Например, *аффективные* хеджи [Holmes 1986; 1988] частотны в разговорах между женщинами (F/F контексты) и относительно редки в разговорах между мужчинами (M/M контексты). С другой стороны, мужчины могут демонстрировать адаптивность и использовать аффективные хеджи в разговоре с женщинами [Holmes 1995]. П. Браун и С. Левинсон [Brown, Levinson 2014] отмечают, что женщины обычно используют хеджи в качестве стратегии позитивной вежливости.

Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности использования хеджирующих средств для модификации оценочных фреймов в неформальных англоязычных моно гендерных и смешанных контекстах. Материалом послужили 30 аутентичных коммуникативных ситуаций, где информантами в количестве 30 человек (15 мужчин и 15 женщин в возрасте от 27 до 45 лет) являлись носители английского языка, сотрудники британских и американских компаний, работавшие в Москве в период с 2017 по 2022 гг. Все они имели высшее образование. Образцы устной речи были записаны и предоставлены авторам для анализа.

Лингвистическое хеджирование в настоящем исследовании рассматривается не только как социокультурное явление, но и как результат когнитивной деятельности говорящего, продукт его способности прогнозировать воздействие его речевого высказывания на собеседника. Эта способность определяется двумя факторами: фоновым знанием, организованном определенным образом в виде схем или фреймов, содержащих прототипические сведения о предметах и явлениях окружающего мира, и когнитивными процессами, обусловленными спецификой коммуникативной ситуации.

В качестве хеджирующих рассматриваются традиционно относящиеся к этой группе средства [Fraser 2010; Caffi 2007]: лексические *sort of, kind of,*

kind, about, around; морфологические – модальные глаголы, местоимения и наречия неопределенной референции, эпистемические глаголы *think, guess, suppose*; синтаксические – пассивные конструкции, условные придаточные предложения с союзом *if*, разделительные вопросы, *you know*).

В результате анализа полученного языкового материала в рамках фрейма ОЦЕНКА были выделены следующие ситуативные фреймы:

Фрейм 1: ОЦЕНКА УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ДЕЙСТВИЙ

Why – sort...sort of why do you think that you have the right to decide for us all? (Talking to a roommate about sharing domestic chores, M-M). Использование лексического *sort of* связано со стремлением говорящего подобрать более подходящий вариант своей оценки поведения соседа по комнате, который возложил на него большую часть обязанностей по дому. В результате модификации достигается снижение рисков неприятия позиции говорящего слушателем и уменьшается вероятность развития конфликтной ситуации.

You know, you should have said it an hour ago (Talking to a colleague, M-F). В ходе разговора с коллегой сотрудник компании выясняет, что она не сможет задержаться после работы для завершения важного проекта. Говорящий разочарован тем, что коллега не посчитала нужным вовремя поставить его в известность. Исходный фрейм модифицируется посредством аффективного *you know*.

Фрейм 2: ОЦЕНКА 3-Х ЛИЦ

He's as mad as she is but sort of uncoordinated. His legs're going in different directions (Discussing a friend at the party, F-F). Подруги обсуждают общего знакомого. Одна из них считает его неуклюжим. Лексический хедж *sort of* смягчает негативную оценку 3-го лица, отсутствующего в ситуации, тем самым позволяет говорящему сохранить *позитивное лицо* [Brown, Levinson 2014].

Фрейм 3: ОЦЕНКА ОБЪЕКТОВ, ЛОКАЦИЙ И СОБЫТИЙ

Um...if you take your dying dog to the vet and ask...ask for sort of supporting medication, let's say a restorative or something like that, you expect an immediate reaction (Talking to another client at a veterinary clinic, M-M). В ветеринарной клинике один из мужчин-посетителей советует новому знакомому, как поступить в сложившейся сложной ситуации. Он избегает безапелляционных суждений и прибегает к модификации фрейма посредством использования лексического *sort of* и выражения *something like that* с местоимением неопределенной референции.

So, these'll be okay in ice and snow and stuff? It's kind of hard sometimes though, isn't it? (Talking to a daughter who is moving to a Northern state, M-F).

Отец испытывает смешанные чувства по поводу отъезда дочери. Использование хеджирующих *kind of* и *sometimes though* свидетельствуют о его замешательстве, а аффективный *isn't it* апеллирует к поддержке и пониманию со стороны дочери.

Фрейм 4: САМООЦЕНКА

*Why? I can't be **kind of** beast father and a tough grandfather?* (Writing to a daughter, M-F). Мужчина выражает свое неприятие того, как дочь оценивает его роль отца и деда. Лексический *kind of* позволяет избежать однозначности суждений, позволяет сгладить созданный дочерью образ.

*I'm a total noob with tie tying, **you know*** (Talking to a wife, M-F). В беседе с женой говорящий упоминает о своем неумении завязывать галстук. Аффективный *you know* свидетельствует о том, что он ожидает понимания и поддержки.

*I **sort of** had a more moddy haircut, a **slightly** Indie moppy haircut* (Talking to a son, M-M). Вспоминая свои молодые годы в беседе с сыном, отец признается, что тоже любил выделяться из толпы и не всегда выглядел благообразно. Лексические *sort of* и *slightly* модифицируют пропозициональное содержание.

В результате анализа случаев хеджирования оценочных фреймов в моно гендерных и смешанных контекстах были получены следующие результаты: 1. Частотность использования модифицированного фрейма варьируется в зависимости от типа контекста.

Фрейм	Тип контекста			
	Моно гендерный		Смешанный	
	M-M	F-F	M-F	F-M
Оценка участников коммуникации и их действий	58%	10%	23%	9%
Оценка 3-х лиц	9%	69%	5%	17%
Оценка объектов, локаций и событий	65%	18%	13%	4%
Самооценка	78%	6%	14%	2%

В трех типах оценочных фреймов мужчины использовали хеджирование чаще, чем женщины, при этом количество использованных хеджей значительно выше в моно гендерных контекстах. Женщины использовали хеджирование чаще, чем мужчины для модификации фрейма ОЦЕНКА 3-Х ЛИЦ, преимущественно в моно-гендерных контекстах. 2. В боль-

шинстве случаев (82%) фрейм подвергался модификации посредством хеджирующих средств при выражении негативной оценки. В этом случае степень потенциального вреда, которое высказывание может нанести «лицу» – фактор Rx [Brown, Levinson 2014: 80–81] значительно выше, чем при выражении позитивной оценки. 3. Большая часть средств, используемых для модификации оценочных фреймов, относятся к пропозициональным хеджам, среди них наиболее частотен *sort of* как в речи мужчин, так и женщин. Следует также отметить частотность использования *you know* в речи мужчин.

Литература

- Abdalgane M.* Gendered Language: A Study of Sociolinguistic Theories and Approaches // *Asian ESP Journal*. March 2021. Vol. 17(3.1). P. 204–215.
- Brown P., Levinson S.* Politeness: some universals in language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Caffi C.* Mitigation: Studies in Pragmatics. Vol. 4. Amsterdam: Elsevier, 2007.
- Carli L. L.* Gender, language and influence // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59. P. 941–951.
- Colley A., Todd Z.* Gender-Linked Differences in the Style of Content of E-Mails to Friends // *Journal of Language and Social Psychology*. 2022. Vol. 21(4). P. 380–392.
- Durik A. M. et al.* The effects of Hedges in Persuasive Arguments // *Journal of Language and Social Psychology*. 2008. Vol. 27(3). P. 217–234.
- Ehrlich S. et al.* The Handbook of Language, Gender and Sexuality. Chichester: Wiley-Blackwell, 2014.
- Erickson et al.* Speech Style and Impression Formation in a Court Setting // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1978. Vol. 14(3). P. 266–279.
- Fraser B.* Pragmatic competence: The case of hedging // *New approaches to hedging* / ed. by G. Kaltenböck, W. Mihatsch & S. Schneider. Bingley, UK: Emerald, 2010. P. 15–34.
- Herring S.* Gender Differences in Computer-Mediated Communication: Bringing Familiar Baggage to the New Frontier, Miami, USA: American Library Association annual convention – keynote talk, June 27, 1994.
- Holmes J.* Functions of *you know* in women's and men's speech // *Language in Society*. 1986. Vol. 15(1). P. 1–21.
- Holmes J.* Sort of in New Zealand women's and men's speech // *Studia Linguistica*. 1988. Vol. 42(2). P. 85–121.
- Holmes J.* Women, Men and Politeness. London: Routledge, 1995.
- O'Barr W., Atkins B. K.* "Women's language" or "powerless language" // *Women and language in literature and society*. New York: Prager, 2001. P. 93–110.
- Rossetti P.* Gender Differences in E-mail Communication // *The Internet TESL Journal*. 1998. Vol. 4(7). URL: <http://iteslj.org/Articles/Rossetti-GenderDif.html> (Accessed: 26.02.2025).

Tannen D. You Just Do Not Understand: Women and Men in Conversation. New York: William Morrow & Company, 1990.

Woods J. T. Gendered lives: Communication, Gender and Culture. Boston, MA: Wadsworth Cengage Learning, 2002.

I. S. Lebedeva (*Moscow, Russia*)
MGIMO University

T. I. Gribanova (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

HEDGING STRATEGIES USED IN THE FRAME “EVALUATION” IN GENDER NON-MIXED AND MIXED ENVIRONMENTS

This article presents the findings of the research into hedging strategies used in the frame “evaluation” in gender non-mixed and mixed environments. Thorough analysis of the obtained materials enabled the authors to determine the frequency of modified frames in these contexts and the types of hedges used in them.

Key words: cognitive linguistics, frame, hedging, evaluation, gender, English informal communication.

A. B. Леонтьева (*Москва, Россия*)
*Московский городской педагогический университет;
Государственный гуманитарно-технологический университет*

Е. Г. Котова (*Орехово-Зуево, Россия*)
*Государственный гуманитарно-технологический университет
Kotova070809@yandex.ru*

СОЦИАЛЬНЫЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕКЛЕЙМИНГА СЛОВ “NIGGER”/ “NIGGA”

В статье предлагается рассмотрение сущности явления реклейминга на примере слов “nigger”/“nigga” в контексте социальных изменений и когнитивного конструирования действительности. Картина мира субъекта речи с характерной (афроамериканской) идентичностью обуславливает специфику его ментальных репрезентаций и самоопределения, создавая условия для семантического сдвига рассмотренных слов.

Ключевые слова: реклейминг, эвфемизм, коннотация, семантический, значение, амелиорация.

Как известно, процессы развития значений слов прошли длинный путь эволюции, приобретая различные формы и подвергаясь адаптации в условиях социальных изменений. Однако важным фактором изменчивой природы значения является когнитивный аспект конструирования действительности. В контексте рассматриваемого явления уместно затронуть и тему эвфемизации. Первые эвфемизмы противопоставлялись языковым табу, таким образом осуществлялась замена не просто нежелательной лексики, а предотвращалась вероятная опасность от употребления слов, способных вызвать проблемные ситуации и даже привести к смертельному исходу. Подобное вербальное поведение было продиктовано своеобразным типом мышления и бытовавшими на тот момент религиозными предписаниями.

Среди разных тенденций семантических сдвигов и развития значений слова следует выделить реклейминг как социокультурный и лингвистический феномен. Представляется значимым, что реклейминг подлежит научному наблюдению и анализу и в контексте эвфемизации речи. С лингвистической точки зрения реклейминг можно прежде всего охарактеризовать как факт и процесс преобразования коннотативного статуса лексической единицы при употреблении реапроприрующей стороной, в результате которого происходит улучшение коннотативного значения благодаря изменившимся социокультурным и историческим условиям развития общества. Одновременно наблюдается тенденция запрета на употребление искомого слова субъектом речи несопадающей идентичности. На наш взгляд, особый интерес представляет когнитивный аспект семантического сдвига и развития значения в целом, в частности, с позиций реклейминга, проявляющего неидентичные характерные особенности нюансирования смыслов в зависимости от говорящего. Данный факт обусловлен историческими и социокультурными факторами, накладывающими значимый отпечаток на семантический контур слова, прошедшего процедуру реапроприации (повторного присвоения). Подобное слово обретает совершенно иной коннотативный статус на определённом этапе, в результате чего отрицательная коннотация заменяется положительной. Важным параметром в подобном амелиоративном семантическом сдвиге предстаёт идентичность субъекта речи.

В качестве примера рассмотрим особенности употребления слова “nigger” (“nigga”) в зависимости от социально-исторических факторов развития общества в западных странах. В научных публикациях зарубежных исследователей на тему реклейминга фигурирует слово «слур» (slur), в переводе с английского означающий оскорбление. В ракурсе реклейминга слур тяготеет к приращению смыслового потенциала терминологической единицы, обозначая не только оскорбительное слово, которое может быть ис-

пользовано против кого-либо в условиях расового, сексуального, гендерного и ряда других контекстов, но и способное к процедуре реапроприации в новом коннотативном статусе оскорбляемой стороной. Как указывает Стивен Пинкер, слово “nigger” или *the n-word* (слово на букву «н») «имеют право произносить только афро-американцы для выражения солидарности и чувства товарищества в ситуациях по их выбору» [Пинкер 2013: 31]. Безусловно, речь идёт о таких негласных правилах употребления слова в современном обществе. В сущности, в искомой лексической единице денотат остался прежним, тогда как негативные коннотативные аспекты, ранее делающие отсылку к слову «раб», изменились на противоположные – положительные: *брат, друг* благодаря тому, что ранее притесняемые люди африканского происхождения стали намеренно употреблять данное слово при обращении к собратьям с позиций солидарности и приятия. Первостепенным фактором становления процесса реклейминга слова “nigger” являются произошедшие исторические события, изменившие социальное положение людей африканских и азиатских корней. Следует помнить, что данное слово обретает иной статус будучи использованным в качестве самообращения или обращения к равной/схожей идентичности субъекта речи. Например, известно, что такие общественные деятели, как Дик Грегори и Ричард Прайор намеренно использовали слово “nigger” в качестве самообращения. Актёр и общественный деятель Дик Грегори озаглавил автобиографию словом “Nigger”.

Вторым орфографическим вариантом слова является “nigga”, первоначально продиктованным фонетическим своеобразием (без звука [r] на конце слова) в южном регионе США, впоследствии распространившимся повсеместно. Следует отметить, что реклейминг слова “nigger” носит процессуальный характер, вскрывая ряд противоречивых моментов. Во-первых, на данный момент не все афроамериканцы готовы использовать слово в качестве самообращения даже в обновлённом коннотативном значении. Во-вторых, нет единства мнений относительно идентичности слов “nigger” и “nigga”: некоторые субъекты указанной идентичности убеждены, что оба варианта не избавились от расистской идентификации; другие полагают, что именно второй вариант (nigga), ставший более типичным для большинства афроамериканцев независимо от географического положения, является уместным и проявляет амелиоративные признаки семантического сдвига искомой единицы. В функционировании и доминировании второго варианта вскрывается и психологический подтекст выбора слова “nigga”, состоящий в стремлении максимально стереть ассоциативные привязки к слову “nigger” и прямому указанию на цвет кожи, отсылающим к тяжелой исторической реальности – угнетению людей африканского происхождения и расизму.

Тем не менее, нельзя отрицать популярность и частотность использования слова “nigga”, в частности, в песенных текстах рэп-исполнителей афроамериканского происхождения. Так, на сайте *musixmatch* представлена информация о том, что слово “nigga” является самым употребляемым среди слов низкого регистра. Важно отметить, что ресурс выделяет слово “nigga” как самое популярное среди обценной лексики в песенных композициях. Данный факт также свидетельствует о нестандартном подвижном статусе искомой лексической единицы и о незавершённом процессе реклейминга. Слова “nigger” и “nigga” способны проявлять диффузность семантики и многогранность семантической калибровки в зависимости от контекста, сферы употребления, идентичности субъекта речи, в том числе в условиях его саморефлексии. Важно также понимать, что рассматриваемые слова не являются показателем только лишь музыкальных субкультур – употребление слов “nigger”/ “nigga” гораздо более многофакторно, в первую очередь в условиях социальных изменений.

Таким образом, картина мира «инсайдера», субъекта речи с характерной идентичностью, афроамериканца в контексте рассматриваемого явления и примера, в первую очередь основанная на восприятии через призму болезненного исторического прошлого, обуславливает специфику его ментальных репрезентаций и самоопределения, создавая условия для семантического сдвига рассмотренных слов. Тем не менее, слово «nigga» лидирует по потенциалу спектра положительных коннотативных значений в стремлении субъекта речи к самоидентификации, основанной на новом социокультурном опыте. Следует также резюмировать, что реклейминг указанных лексических единиц носит процессуальный и всё еще противоречивый характер, не являясь окончательно завершённым и проявляя многофакторность выбора субъектом речи для контекстного употребления, в том числе в условиях характерного самоопределения.

Литература

Горлова А. В. Реклейминг в современном американском дискурсе // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* 2024. 7(121). С. 39–44.

Леонтьева А. В. Идея диффузности в лингвистической научной среде // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2015. № 1–1 (43). С. 108–110.

Леонтьева А. В. Рефлексия в ментальном и языковом конструировании действительности: предпосылки и грани семантической диффузности // *Вопросы когнитивной лингвистики.* 2015. № 2 (43). С. 40–45.

Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу: пер. с англ. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.

Bolinger J. The pragmatics of slurs. *Nous*. Volume 51. Issue 3. 2017. P. 439–462.

Jewalikar V., Fragapane F. Most profane artists in music. 2016. URL: https://lab.musixmatch.com/profanity_representative_artists/ (дата обращения: 25.02.2025).

Sinclair Sh. You can't say that! A Semantic and Historical Analysis of Nigger and Nigga. New York: New York University. 2015.

URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=slur> (дата обращения: 27.02.2025).

A. V. Leontieva (*Moscow, Russia*)

Moscow City University

E. G. Kotova (*Orehovo-Zuevo, Russia*)

State University of Humanities and Technology

SOCIAL AND COGNITIVE ASPECTS OF RECLAIMING WORDS “NIGGER” / “NIGGA”

The article covers the phenomenon of reclaiming based on the analysis of “nigger”/ “nigga” words. The process of reclaiming is revealed in the context of social change and cognitive construction of reality. The worldview of the speaker of a particular (African-American) identity specifies mental representations and self-identification setting conditions for the semantic shift of the words under analysis.

Key words: reclaiming, euphemism, connotation, semantic, meaning, amelioration.

О. А. Хрущева (*Оренбург, Россия*)

Оренбургский государственный университет

hrox@mail.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМАНТИКИ АКТУАЛЬНЫХ СЛОВ (на материале современного русского языка)

В статье анализируется ряд актуальных слов современного русского языка, которые имеют англоязычное происхождение. В частности, автор акцентирует внимание на заимствованной единице «вайб», признанной словом 2024 года. На примере лексем, получивших широкое распространение в среде носителей русского языка, демонстрируются социолингвистические преобразования значения заимствований.

Ключевые слова: заимствование, слово года, русский язык, семантика.

В феврале 2025 года в Государственной Думе Российской Федерации был рассмотрен и принят в первом чтении законопроект об ограничениях в использовании иностранных слов в публичном пространстве, а именно в вывесках и надписях [СОЗД]. Данная мера имеет непосредственное отношение к Федеральному закону № 52-ФЗ о защите русского языка от чрезмерных заимствований [ФЗ], принятому в феврале 2023 года.

Однако язык действует по своим внутренним законам и развивается в соответствии с велением времени, духом эпохи и на фоне изменений в социуме. Наглядным доказательством этому может служить тот факт, что словом 2024 года в русском языке названа лексема «вайб», которая при этом не имеет фиксации ни в академических русскоязычных словарях, ни в национальном корпусе русского языка.

Слово «вайб» имеет англоязычное происхождение и определяется в толковом лексикографическом издании Oxford Learner's Dictionary следующим образом: “vibes (also formal vibrations) (also vibe [singular]) is a mood or an atmosphere produced by a particular person, thing or place” [OLD]. В русском языке семантика данного заимствования претерпела значительные трансформации, что сопряжено как с наращиванием его словообразовательного потенциала, так и с широким контекстуальным распространением. В среде молодежи популярность обрели производные единицы «вайбовый», «вайбово», «вайбить», словосочетания «минус вайб» и «плюс вайб», которые также имеют знаковый мультимодальный формат «+вайб» и «-вайб» соответственно. Все перечисленные единицы на регулярной основе используются носителями русского языка для обозначения настроения, расположения духа, описания эмоций и чувств. Более того, стандартный вопрос «Как дела?» приобрел новый формат «вайб чек», состоящий всецело из заимствованных лексем и имеющий утвердительную интонацию.

Приведенные выше примеры демонстрируют парадоксальную языковую ситуацию, когда носители национального языка отдают предпочтение иноязычным лексемам в повседневном, бытовом общении несмотря на текущую экономическую и политическую обстановку в мире. С позиции социолингвистики наблюдаемое явление преобразования, расширения семантики и контекстуального употребления заимствований, которые в языковой среде России XXI века становятся словами-символами эпохи, является обоснованным и отражает актуальные ценности и приоритеты нации. По замечанию Михайловой О. А. и Михайловой Ю. Н., «ключевое слово неразрывно связано с типичными обстоятельствами, в которых

это ментальное образование актуализируется» [Михайлова 2015: 252]. В контексте современной России популярность единиц, вошедших в словообразовательное гнездо корневой основы «вайб», обусловлена человеческой потребностью в получении положительных эмоций, поддержки со стороны единомышленников, ровесников, которые разделяют чувства, ощущения, впечатления и особые «вибрации» от места или события. На данном примере наблюдается уникальный подход к жизни, который включает в себя как принятие, так и осознание трудностей, что придает особое значение внутреннему состоянию и эмоциональной поддержке в социальной среде.

Трансформацию семантики заимствованного слова на фоне социальных изменений можно наблюдать на примере англицизма *inflationship*, образованного в результате слияния словоформ *inflation* и *relationship*. В исходном языке данный термин означает тип отношений между людьми, которые вынуждены делить общую жилую площадь без дополнительных семейных обязательств с целью сокращения расходов по оплате арендованного жилья (*live sexless and financially free in the same bed*). В российской действительности заимствованная лексема «*инфлейшенишип*» расширяет исходное значение и включает два типа социальных сценариев, когда малознакомые люди вступают в романтические отношения ради взаимной финансовой выгоды, либо когда супруги вынуждены жить вместе, не испытывая друг к другу прежних нежных чувств, из соображений экономии, выплаты долгов по ипотеке и кредитам. Таким образом, тенденции в жизни общества трансформируют языковые единицы, преобразуя их семантику под специфические социальные нужды.

Важно отметить, что заимствованные единицы, обретающие наибольшую популярность и, как следствие, претендующие на статус актуальных слов данной эпохи, характеризуются оценочной семантикой с превалированием эмоционального компонента. В заимствованиях семантическая трансформация приводит к тому, что коннотация подавляет денотативное значение слова. Носители языка, не владея иностранным языком на должном уровне, улавливают лишь дополнительные смыслы и ассоциации, связанные с использованием заимствования в определенном контексте, что позволяет им воспроизводить их в своей речи в схожих ситуациях общения свободно и непринужденно для обеспечения понимания и адекватного восприятия в обществе. Яркими примерами подобного словоупотребления стали в последние годы заимствованные лексемы «*краш*» и «*кринж*» (в наиболее актуальном варианте произношения «*кринге*» для уподобления исходной единице *cringe*), которые

носители русского языка используют в качестве замены эмоциональных ономатопических слов родного языка.

В заключение отметим, что социоллингвистический аспект исследования заимствований на материале русского языка является перспективным и актуальным в связи с неуклонным ростом количества иноязычных слов в обиходе русскоговорящих граждан, расширением функционала названных единиц и преобразованием их семантики на фоне множественных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Литература

Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Семантические вариации актуальных слов: лексемы экстремизм и терроризм в современном русском языке // Политическая лингвистика. 2015. № 1. С. 252–258.

СОЗД – О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (об обеспечении использования в публичном пространстве русского языка как государственного языка Российской Федерации) // Система обеспечения законодательной деятельности, 2 января 2025 г. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/468229–8> (дата обращения 28.02.2025).

ФЗ – Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028> (дата обращения 20.02.2025).

OLD – Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (access date 20.02.2025).

*O. A. Khrushcheva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University*

SOCIOLINGUISTIC TRANSFORMATIONS OF THE TOPICAL WORDS' SEMANTICS (case study of the present-day Russian language)

The article deals with the issue of topical words of the English origin in the present-day Russian language. The author focuses upon the analysis of the Word of the Year, i. e. vibe. The article studies some common loan words that have acquired popularity among the Russian language speakers and changed their semantics due to sociolinguistic trends.

Key words: a foreign word, Word of the Year, the Russian language, semantics.

К. А. Чермошенцева (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
kchermoshenceva@hse.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА НА МЕТАФОРИКУ ТЕЛЕСНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА БАЗЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА О БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАХ)

Исследование посвящено вопросу моделирования социальным контекстом метафоры современного англоязычного телесного дискурса о беременности и родах. Цель исследования – показать формообразующую роль социальных представлений. В качестве эмпирического материала выступили мемуарные нарративы, обладающие наиболее репрезентативными примерами.

Ключевые слова: дискурс телесности, концептуальная метафора, дискурс о беременности и родах, социальный контекст, интероцептивные ощущения.

Изучение телесно ориентированных дискурсов стало для когнитивной лингвистики широким полем для исследования в конце XX – начале XXI веков. Постулирование связи тела, окружающего мира, социума и языка открыло новые горизонты для изучения лингвистам-когнитологам. Поворотным стало принятие концептуальной метафоры в качестве объекта и инструмента исследования обозначенных дискурсов.

Понимание метафорического переноса признаков из более знакомой сферы-источника в менее известную сферу-цели позволило расценивать метафору и как лингвистическое явление, и как когнитивное [Lakoff, Johnson 1980]. Важным дискурсообразующим фактором являются социальные представления, специфический набор которых для каждого лингвокультурного сообщества определяет уникальные метафорические образы. Социальный контекст в данном случае работает как призма, сквозь которую проходят метафорические репрезентации и приобретают свою конечную языковую форму [Kövecses 2005].

Одним из таких дискурсов, требующих интенсивного освоения, является современный англоязычный дискурс о беременности и родах. Дискурс глубоко исследован с точки зрения медицины и социологии, но на данный момент мало внимания уделялось изучению метафорического ландшафта, бытующего в нарративах беременных и родивших женщин.

Цель нашего исследования – показать роль социального контекста в процессе формирования современного англоязычного пренатального и постна-

тального дискурса посредством анализа метафорических образов. Задачами исследования мы поставили: 1) описание бытующих социальных установок в дискурсивных практиках; 2) демонстрация на метафорическом материале влияния социальных представлений. В качестве материалов исследований были выбраны мемуарные нарративы, представляющие собой повествование от первого лица с сильной эмоциональной компонентой, что способствует использованию образного языка. В работе используется метод описательного дискурсивного анализа в сочетании с контекстуальным анализом. Все вышеперечисленное позволяет считать данное исследование лингвокультурологическим.

Для гестационного процесса характерна многоуровневая структура, динамический характер развития и большое количество социальных контактов [Neiterman 2012: 380]. Важно отметить, что дискурс беременных и родивших является полностью сложившимся явлением, потому что наблюдается наличие социально обусловленных моделей описания, доминантного дискурса, осознание обществом и самими беременными и родившими себя как дискретного сообщества, сегрегация и иерархическая структура [Neiterman 2010, Sacks, Birndorf 2019].

Из отличительных черт дискурса беременных и родивших можно выделить: доминирование описания физиологических процессов [Houvoiras 2006], жесткая дихотомия «хорошо-плохо» [Copelton 2007], идеализация [Sacks, Birndorf 2019], иная периодизация (4 триместра) [Sacks, Birndorf 2019]. Перечисленные факторы являются определяющими для дискурса, моделируя языковые репрезентации в мемуарных нарративах.

Социологи и антропологи рассматривают феномен беременности как сущность двустороннюю и выделяют беременность физическую и социальную (*physical and social pregnancy*) [Neiterman 2012: 372]. Отмечается, что на уровне социальных представлений о женском теле сталкиваются два противоречащих друг другу образа – тело стройное [термин Bartky 2003] (доминирующее представление о стройном теле как здоровом), с одной стороны, «тело гротескное» [термин Bakhtin 2005] (не имеющее постоянной формы).

Другим существующим противоречием является культивирование в современном англоязычном обществе «блаженного мифа» (*bliss myth*) о радости беременности и материнства. Подобная идиллическая картина часто расходится с реальностью, что вызывает психологический дискомфорт, а в некоторых случаях и пренатальную депрессию у будущих матерей [Sacks, Birndorf 2019]. Изменения психологического состояния можно проследить в течение 4 триместров.

Если обратиться к описанию метафорики на разных этапах беременности, то начало беременности характеризуется наличием противоречивых

эмоций радости и тревоги, превалированием идеализированных представлений, поскольку телесные изменения в организме и социальном пространстве не так сильно манифестируются [Sacks, Birndorf 2019]. Сначала происходит осознание принадлежности к своеобразному «клубу беременных»: «<...> my New Age Mama friends say, “*Welcome to the club*. Will you be eating your placenta?” (Gaddis B. Feng Shui Mommy: Creating Balance and Harmony for Blissful Pregnancy, Childbirth, and Motherhood 2017: 405). Женщина склонна на данном этапе идеализировать свой образ: “Sure enough, as soon as I got pregnant, it was as if someone had placed mother-lenses on my eyes – everything was now viewed through them, and refracted into beautiful, disorienting rainbows of new life” (Flacks D. Bear With Me: What They Don’t Tell You About Pregnancy and New Motherhood 2000: 248).

Во втором триместре становятся видны преобразования беременного тела, что влечет за собой изменение социальной дистанции [Sacks, Birndorf 2019]. Беременность становится заметна окружающим, что меняет статус женщины: “As a heavy woman in society I felt as if I’d slipped several notches down in the social hierarchy of the world. My self-image had gotten skinned on the fast slide down...” (Wolf N. Misconceptions: Truth, Lies, and the Unexpected on the Journey to Motherhood, Doubleday 2001). Сокращение социального пространства воспринимается как закрытие ранее открытых комнат: “I could sense the social space given to my personality shifting, and certain rooms – some of my favorite rooms – being quietly, indeed lovingly, but nonetheless very firmly, closed” (Wolf N. Misconceptions: Truth, Lies, and the Unexpected on the Journey to Motherhood, Doubleday 2001). Личность женщины начинает претерпевать изменения, приходит осознание новой себя: “Meanwhile, the maiden “I” sometimes had to weep with the sure, coming death of the maiden-self, the self that could “arise and go now” at will; the self that is not food for others, but eats and drinks the world” (Wolf N. Misconceptions: Truth, Lies, and the Unexpected on the Journey to Motherhood, Doubleday 2001). Проявляются противоречия между бытующим образом стройного здорового тела и телом реальным с округлившимся животом: “They said to get ready for the “barrel look.” ... I refused to believe that the barrel would happen to me; although I was beginning to accept that I would not resemble the aerodynamically sleek pregnant women that I saw on sitcoms” (Flacks D. Bear With Me: What They Don’t Tell You About Pregnancy and New Motherhood 2000: 248) Сокращение социальной дистанции выражается в поглаживании живота окружающими, который сравнивается с волшебной лампой, притягивающей внимание: “As you get bigger, people will start to touch you. Accept it. The belly must be rubbed like the magic lamp that it is. The general public acts like there is a genie inside there

that will grant their wishes” (Flacks D. Bear With Me: What They Don’t Tell You About Pregnancy and New Motherhood 2000: 248).

Третий триместр отличается нарастающими физиологическими трансформациями тела, наличием сомнений, тревожности и поиском новой самоидентификации. Путь к родам воспринимается как темный туннель, предвкушение свершения некоего магического ритуала: “By my seventh month, *I felt as if I had entered a dark emotional tunnel* <...> *I felt like a lodestone, possessed of something inexplicable and magical*” (Wolf N. Misconceptions: Truth, Lies, and the Unexpected on the Journey to Motherhood 2001). Поиск новой самоидентификации сопровождается ощущением отсутствия четкой формы тела, плавления, жидкости, собственной смертности: “I had fallen into *a primordial soup of femaleness, of undifferentiated postfecundity* <...> *I felt myself standing on the slippery slope into aging and mortality* <...> My very individuality seemed to loosen and *melt away in the slow, warm water*. Don’t you know, *the little waves seemed to lap at me* <...> *We are all liquid, all deliquescence*” (Wolf N. Misconceptions: Truth, Lies, and the Unexpected on the Journey to Motherhood 2001).

В понятие четвертого триместра входят роды и послеродовый восстановительный период. Данный этап воспринимается как своеобразная демаркационная линия, после пересечения которой личность женщины постепенно «переплавляется» в горниле беременности и родов: “But pregnancy <...> like, perhaps, *a terminal illness* <...> seemed *to make that barrier* between the mundane, fretful, everyday world and the luminous “ground of being” that much thinner. *It seemed to “efface” the barrier, thinning it to transparency the way the barrier of flesh that separates the baby from the outside world is effaced at delivery.* <...> perhaps because we are in such a *twilight state, a melting down and reconstituting of the self* <...>” (Wolf N. Misconceptions: Truth, Lies, and the Unexpected on the Journey to Motherhood 2001).

Из приведенного материала можно сделать вывод, что социальный контекст оказывает сильное влияние на метафорические образы, используемые женщинами для профилирования определенных аспектов соматического и социального опыта.

Литература

- Bakhtin M. The Grotesque Image of the Body and Its Sources // The Body: A Reader. London & New York: Routledge, 2005. P. 92–95.
- Bartky S. L. Foucault, Femininity, and the Modernization of Patriarchal Power // The Politics of Women’s Bodies: Sexuality, Appearance & Behavior. New York, Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 25–45.

Copelton D. A. You are What You Eat: Nutritional Norms, Maternal Deviance, and Neutralization of Women's Prenatal Diets // *Deviant Behavior*. 2007. P. 467–494.

Houvouras S. Negotiated Boundaries: Conceptual Locations of Pregnancy and Childbirth // *The Qualitative Report*. № 11(4). P. 665–686.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live by*. Chicago/London: University of Chicago Press, 1980.

Kövecses Z. *Metaphor in Culture: Universality and Variation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Neiterman E. Doing Pregnancy: Pregnant Embodiment as Performance // *Women's Studies International Forum*. 2012. № 35. P. 372–383.

Neiterman E. *The Embodied Experiences of Pregnancy: Learning Doing and Attachment*, PhD dissertation. Sociology. Mills, 2010.

Sacks A., Birndorf C. *What No One Tells You: A Guide to Your Emotions from Pregnancy to Motherhood*. Simon & Schuster, 2019.

K. A. Chermoshentseva (*Moscow, Russia*)
HSE University

**THE INFLUENCE OF SOCIAL CONTEXT
ON THE METAPHORICS OF BODY TRANSFORMATIONS
(BASED ON MODERN ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE
ABOUT PREGNANCY AND CHILDBIRTH)**

The study is devoted to the issue of modeling the social context of the metaphors of the modern English-language bodily discourse about pregnancy and childbirth. The purpose of the study is to show the formative role of social representations. The empirical material was memoir narratives with the most representative examples.

Key words: corporality discourse, conceptual metaphor, discourse about pregnancy and childbirth, social context, interoceptive sensations.

VI. КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

Л. С. Абросимова (Ростов-на-Дону, Россия)

Южный федеральный университет

lara.abrossimova@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Анализ когнитивно-прагматических аспектов онимов позволяет раскрыть информацию различного плана: историческую, культурную, социальную, этическую, эмотивную и др. Рассмотрен когнитивно-прагматический потенциал ономастической номинации, которая дает ключ к пониманию скрытых сущностей когнитивного опыта человека и является инструментом познания мира.

Ключевые слова: антропоним, оним, когниция, ономастическая номинация, прагматика.

Антропонимы представляют собой объект интенсивного исследования представителей разных наук: историков, лингвистов, культурологов, философов. Еще в древнюю эпоху имя рассматривалось как отражение души человека. Имена собственные занимают особое место среди изучаемых лингвистикой проблем в связи с их выраженной специфичностью и конкретностью, более значимой связью с денотатом. Являясь языковой универсалией, имена собственные эволюционируют в процессе развития языка, они могут характеризовать тот или иной исторический этап, могут заимствоваться и являться базой для производства других лексических единиц. Выраженный социальный характер антропонимов обусловлен его принадлежностью не только определенному носителю, но и той или иной социальной общности.

С точки зрения когнитивной науки антропонимы, несомненно, представляют собой концептуальные структуры, позволяющие отражать в сознании человека объективный мир, категоризируя и концептуализируя его. Значения слов формируются «на основе характерного признака обозначаемого объекта, который становится как бы представителем всего объекта. Другими словами, значение слова есть осмысление, или кон-

цептуализация, конкретного признака объекта или события» [Болдырев 2018: 103].

Антропонимы в большей степени, чем другие лексические единицы, связаны, с одной стороны, с коллективным этническим и, с другой стороны, индивидуальным опытом. Часто являясь прецедентными именами, они вербализуют культурно-ассоциативный опыт, влияя таким образом на языковую картину мира. В контексте теории референции антропонимы анализируются в зависимости от их связи с денотатом. Эта связь, или референция, рассматривается как когнитивная операция, связывающая объект реального мира с его языковым представлением. При таком подходе антропонимы относятся к жестким десигнаторам, обозначающим известных лиц и позволяющим их идентифицировать [Бабушкин 2009: 66].

Важную роль в познании действительности играет знаковая природа имени собственного, так как оным вызывает в сознании некий «символ» или «индекс» (по Ч. С. Пирсу), позволяющий легко восстанавливать ненаблюдаемую информацию об объектах, обозначаемых именами собственными, и таким образом репрезентируя концепт. Отражая «когнитивный опыт человека», они формируют концептосферу национального языка, а в случае с широко известными именами – универсальное концептуальное пространство. Структура концепта включает не только понятийную основу, но и охватывает «социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им, она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [Маслова 2007: 228]. Также значимыми составляющими концепта выступают эмоциональный и оценочный компоненты, которые часто являются причиной создания онимов и ономастической метафоры и представляют одну из разновидностей смысловых вариаций имени собственного, наполненных культурным смыслом.

Антропонимы, обладая конкретно-номинативным значением, представляют собой единицы, степень мотивированности в семантике которых весьма высока. Аспект, касающийся номинативной ситуации, включает в себя анализ типичных условий, при которых происходит процесс именования объектов. Имена собственные имеют более значимый социальный коннотативный признак, чем просто слова. Они более информативны, так как сообщают некоторые культурно-исторические знания, и, соответственно, их роль в процессах познания более значима.

С целью исследовать культурно-этнический потенциал прагматического компонента имён собственных был проведен анализ наиболее часто упо-

требуемых онимов в английском языке. С этой целью были использованы данные британского национального корпуса BNC (British National Corpus) и корпуса современного американского английского языка COCA (Corpus of Contemporary American English). Для исследования из каждого подкорпуса было взято по 100 примеров.

Результаты исследования показали, что наиболее часто употребляемые имена собственные принадлежат к следующим классам: антропонимы, топонимы, теонимы, названия дней недели, названия месяцев, названия крупных IT-корпораций, теле- и радиовещательных компаний, а также некоторых журналов. В обоих корпусах самой многочисленной категорией, как и предполагалось, оказались антропонимы. Наиболее широко они представлены в подкорпусе Fiction (91%). Необходимо отметить, что практически все из них – типичные английские имена. Ни в одном подкорпусе не наблюдается изменений в пользу иностранных, экзотических имён. Все антропонимы, вошедшие в первую десятку во всех подкорпусах, так или иначе связаны с христианской религией и обязаны своей популярностью её распространению. В десятку наиболее часто употребляемых антропонимов и в британском, и в американском корпусах вошли следующие антропонимы: *David, George, James, John, Michael, Paul, Peter, Richard, Robert, William*, в BNC и *Alan, Tom* в COCA. Эти имена приобрели популярность именно во времена активного распространения христианства в Великобритании (V–VII вв. н. э.). Все они принадлежат либо персонажам Нового или Ветхого Заветов, либо апостолам, либо высокопочитаемым святым (*Paul the Apostle* – один из первоверховных апостолов, *John the Baptist* – имя одного из последователей Христа, который крестил его; *David* – имя великого короля Израиля, который упоминается в Ветхом Завете, и, согласно Новому Завету, является предком Иисуса; *Saint George* – покровитель Англии и т. д.). Всё это говорит о большом влиянии религии на общество, которое остаётся сильным по сей день.

Многие из этих имён также были популяризированы благодаря именам высокопоставленных лиц, так, например, имя *William* стало особенно распространённым благодаря королю Англии Вильгельму Завоевателю (*William the Conqueror*), а имя *Richard* – благодаря Ричарду Львиное Сердце (*Richard I the Lionheart*). Здесь необходимо сослаться на такой феномен, как “insular spirit” или «островная психология/островной дух», согласно которому географическое положение страны, а именно расположение на острове, определённым образом влияет на мировосприятие и национальные черты характера этноса. Этот термин особенно часто

употребляется в отношении Великобритании, и именно для этой страны заключается не только во взаимосвязи островного положения и менталитета. Во-первых, склонность к уединению (*Every Englishman is an island – Novalis*) у британцев связана с чувством собственного и национального превосходства, несмотря на то, что остров Великобритания расположен не в отдалённых водах какого-либо моря или океана, а в непосредственной близости к Европе и является мировым центром культуры, торговли и политики. В добавление к этому, формированию чувства превосходства Британии над другими странами также способствовал ряд исторических факторов: например, долгий период господства на море и колонизации большого количества стран. Окружённая водами, Британия всегда имела могущественный флот и развитую систему морского сообщения, что одновременно отделяло страну от всего мира и соединяло её с ним. Это способствовало формированию таких черт, как ощущение защищённости, на чём базируется особенно глубокое чувство патриотизма, что доказывалось и на лингвистическом уровне [Болдырева 2012].

Антропонимы активно выступают в качестве словообразовательной базы для производства вторичных единиц. Словообразовательные средства помогают перейти от суждения об обозначаемом объекте или явлении к его номинации, т.е. к созданию значимых языковых единиц. Так, например, всем известное слово *дизель* (*diesel*), которое стало интернационализмом, произошло в конце 19 века от имени немецкого инженера-изобретателя Р. Дизеля (R. Diesel) и имело дефиницию «двигатель внутреннего сгорания». Спустя время, в начале 20 века, семантика производного существительного расширилась (что было связано с техническим прогрессом и фактом изобретения автомобиля) и существительное приобрело значение «транспортное средство с двигателем внутреннего сгорания». В конце 20 века в результате семантической деривации существительное приобретает значение «топливо для двигателя внутреннего сгорания», что опять же обусловлено экстралингвистическими факторами. Слово *diesel* также становится базой для дальнейшей деривации: *to dieselize* – оборудовать двигателем внутреннего сгорания, *dieselization* – процесс оборудования механизма таким двигателем (середина 20 века).

При восприятии слова “diesel” опыт помогает нам обобщить знания и ассоциации, связанные с этим словом. Известно, что процессы всяких обобщений и образований понятий являются актом мысли. Но далеко не все свяжут значение производной единицы с именем собственным. В данном случае можно говорить об утрате ассоциативных связей между мотивирующим и производным, что указывает на отсутствие регулярного

появления в сознании восприятия мотивирующих слов и обозначаемых ими понятий. Дальнейшими примерами таких производных могут служить слова *McLuhan*, *McLuhanize*, *McLuhanism*, *Marconi*, *Marconist*, *Marconigram*, *marconigraph* и другие.

Анализ словообразовательных значений единиц вторичной номинации, образованных от антропонимов в современном английском языке, позволяет говорить о связи словообразования с прототипической природой реализации человеческих знаний в языке, о связи языкового значения с познавательным опытом человека, которая может реализовываться в формировании новых лексических единиц или новых значений. Более того, семантические признаки антропонимов актуализируются в значении производных единиц, являясь в некоторых случаях причиной различных типов образности.

Литература

Бабушкин А. П. Имена известных лиц в роли псевдоидентификаторов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 4. С. 66–69.

Болдырев Н. Н. Доминантный принцип формирования значения и смысла // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции. Том Часть 1. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2018. С. 103–105.

Болдырева О. В. Трансформация понятия патриотизм в общественном самосознании британцев: к постановке вопроса // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 170–177.

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007.

L. S. Abrosimova (*Rostov-on-Don, Russia*)
Southern Federal University

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF ONOMASTIC NOMINATION

The analysis of the cognitive-pragmatic aspects of onyms allows us to reveal information of various types: historical, cultural, social, ethical, emotive, etc. The paper examines the cognitive-pragmatic potential of the onomastic nomination, which provides the key to understanding the hidden essences of human cognitive experience and presents a tool for cognizing the world.

Key words: anthroponym, onym, cognition, onomastic nomination, pragmatics.

О. А. Березина (Санкт-Петербург, Россия)

Российский государственный педагогический

университет им. А. И. Герцена

berezinaolga@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ТРИГГЕРЫ ПРИ СОЗДАНИИ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

Комический эффект создаётся комплексом средств на различных уровнях языка. Одним из подходов в исследованиях является когнитивный подход, позволяющий описать вербальный юмор как продукт концептуализирующей деятельности человеческого сознания. Однако исследователи чаще обращают внимание на триггеры лексической или фонетической природы, не уделяя должного внимания триггерам грамматической природы.

Ключевые слова: комический эффект, триггер, грамматические средства, бисоциация, грамматика конструкций.

Все когнитивно-дискурсивные исследования в области создания комического эффекта так или иначе основывают свои концепции на методологической базе, предложенной в своё время А. Кёстлером, В. Раскиным и С. Аттардо. Общее положение теорий указанных исследователей сводится к тому, что комический эффект возникает в коммуникации при неожиданной смене фреймов. Так, А. Кёстлер развивает теорию бисоциации, описывая последнюю как способность человеческого сознания в определённых условиях (порождение комического эффекта, художественного текста, проведение научного исследования) воспринимать и интерпретировать фрагмент действительности в формате двух не ассоциированных контекстов (фреймов, сценариев) различного категориального статуса и даже несовместимых. Возникновение комического эффекта порождается в результате «бисоциативного шока», или резкого переключения с одного из не ассоциированных контекстов (фреймов, сценариев) на другой [Koestler 1964].

Концепцию бисоциации А. Кёстлера в своей теории семантических сценариев далее развивает В. Раскин, уточняя бисоциацию понятием оппозиции и вводя понятие триггера, или переключателя – эксплицитно выраженного маркера перехода от одного фрейма к другому при создании комического эффекта [Raskin 1985]. С Аттардо разработал систему параметров, которые являются необходимым условием порождения и восприятия комического в вербальном воплощении, выявляя лингвоструктурные, со-

циолингвистические, когнитивные аспекты порождения и интерпретации вербального юмора [Attardo 1994].

Для настоящего исследования особый интерес представляет понятие триггера, или переключателя – сигнала, индуцирующего переход в интерпретации ситуации или контекста с одной концептуальной структуры (фрейма, сценария, скрипта) на другую. Как правило, в фокусе описаний научных исследований отмечается, что триггер получает воплощение в семантике единиц лексического уровня. В частности, эта мысль выражена эксплицитно в работах некоторых исследователей (см. обзор в: [Казакова 2013: 78], а в общем, исследования в области средств и механизмов создания комического эффекта редко обращаются к грамматическим средствам, как правило, в фокус некоторых исследований попадают отдельные стилистические грамматические приёмы. Вслед за М. Дайнел, в частности Д. В. Казакова утверждает, что «синтаксическая неоднозначность сравнительно редкое явление, и, если оно возникает, его всегда можно объяснить через лексическую неоднозначность, так как смещение в грамматике обычно влечёт и лексическое смещение» [Казакова 2013: 79]. Подобный взгляд на роль грамматических средств объективации межфреймового перехода при создании комического эффекта не позволяет исследовать и описать механизм данного перехода во всей полноте.

Грамматическая категоризация отражает концептуальную сетку, которая является фундаментальной для структуризации концептуального материала, репрезентированного на лексическом уровне [Givón 1993; Jackendoff 1994]. Любая лексическая единица становится актуализацией конкретного концептуального содержания исключительно в контексте, то есть реализуясь в составе определённой грамматической структуры и получив определённые морфологические форманты. Признавая высокую степень абстрактности того значения, которое заложено в грамматическую форму высказывания, последователи когнитивных теорий грамматики всё же единодушно признают весомый вклад этого значения в то, каким образом говорящий кодирует языковыми средствами концептуализируемый в формате высказывания воспринимаемый, описываемый, интерпретируемый онтологический фрагмент [Langacker 1987: 47; Langacker 1991: 53; Smith 2005: 87–91]. Постулируемая в когнитивной грамматике билатеральность единиц грамматического уровня обуславливает конгруэнтность модификаций / трансформаций на уровне языковой проекции и на уровне ментальной репрезентации.

Одним из направлений в когнитивных теориях грамматики является грамматика конструкций. Вопрос о механизмах распознавания и интер-

претации элементов грамматических структур в коммуникации является одним из основных в конструктивистской исследовательской парадигме, или грамматике конструкций (см. обзор в: [Karatinski 2014]). Одной из основных идей данного подхода является утверждение о том, что язык усваивается человеком как система поведенческих моделей, получающих конвенционализацию в ходе социального взаимодействия. При этом усваивание языка не является системой ментальных репрезентаций, поскольку последние не наблюдаемы, в то время как объектом конвенционализации может быть только наблюдаемое. По мнению исследователей данного направления опыт социального взаимодействия индивида в языковой среде ведёт к восприятию и интериоризации определённого репертуара реальных грамматических структур, дальнейшего абстрагирования структур от реального лексического наполнения и формированию на основе множества реальных структур (после выявления общего абстрактного содержания) семантической абстрактной модели той или иной грамматической структуры, или абстрактной схемы построения [Вубее 2006: 711; Karatinski 2014: 3–6]. Одним из основных выводов теории грамматики конструкций является утверждение об избыточности языка, а именно о том, что репертуар и формальные маркеры конститuentов разворачивающейся в коммуникации реальной грамматической конструкции указывают на аналогичные параметры и свойства последующих конститuentов конструкции, что позволяет адресату сообщения с достаточно высокой точностью прогнозировать дальнейшее содержание и форму конструкции. То есть отдельные конститuentы конструкции ассоциированы с семантикой всей конструкции и могут служить триггером активизации этой семантики [Karatinski 2024: 22–23]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формируя «разрыв» данных ассоциативных связей конститuenta конструкции с семантикой всей конструкции при продуцировании комического эффекта, адресант нарушает прогнозируемую адресатом семантику конструкции.

Рассмотрим анализ средств создания комического эффекта на материале рекламного объявления в одном из исследований средств создания комического эффекта в рекламных текстах [Тиханова 2013: 176–222]. Один из фрагментов материала исследования содержит комическое описание предложения купить кофе: *Кофе с собой: Одно кофе – 200 р., Один кофе – 150 р., Один кофе, пожалуйста – 100 р., Привет! Один кофе, пожалуйста – 50 р.* [Тиханова 2013: 187]. В анализе средств создания комического эффекта в данном рекламном объявлении упоминается только повтор с добавлением уточняющих деталей (стилистическое средство на уровне

синтаксиса). Однако, в создании комического эффекта в данном случае триггером является не повтор, но использование маркеров грамматической категории рода при согласовании, что актуализируется в первой и второй структурах (а также далее акцентируется внимание на нормах вежливой коммуникации, что также выявляется на структурном, конструктивном уровне). В результате возникает общий смысл как предписание: «Знание правил употребления грамматических единиц и структурных норм оформления вежливой коммуникации создаёт более выгодные условия при приобретении товара».

Ещё один пример из статьи В. И. Карасика, в которой исследователь рассматривает алгоритмы построения комических текстов и ставит целью построить универсальную семиотическую модель как единую концептуальную схему для классификации комических текстов [Карасик 2018: 895–918], является иллюстрацией использования аллюзии как средства создания комического эффекта: *Сколько яблок промахнулось, упав не на те головы* (Б. Крутиер) [Карасик 2018: 914]. В. И. Карасик не ставит целью выявить языковые средства создания комического эффекта в своей работе, в интересах же настоящего исследования необходимо заметить, что данное сообщение демонстрирует актуализацию триггера в создании комического эффекта на уровне семантической структуры пропозиции. Актантная сетка глагола *промахиваться* включает исключительно активного одушевлённого исполнителя действия, объективизируемого в позиции субъекта, а также наличие у субъекта цели. Однако в данном предложении в позиции субъекта находится имя существительное *яблоки*, номинирующее неактивного и неодушевлённого объекта, который не может преследовать некую цель, таким образом создаётся оппозиция, продуцирующая бисоциальный шок, что порождает комический эффект.

Таким образом, средства создания комического эффекта на лексическом уровне, а также на фонетическом уровне довольно часто попадают в фокус исследовательского интереса, поскольку являются очень «заметным» материалом для анализа, в то время как взаимодействие формантов грамматических категорий, а также структурных схем конструкций часто рассматриваются как фон для иных средств или остаются в тени, что обедняет научную картину в этом исследовательском поле. Только комплексный подход с выявлением и учётом параметров единиц всех взаимодействующих в процессе порождения и восприятия комического уровней языковой системы с выявлением когнитивных механизмов, лежащих в их основе, позволит сформировать полную и непротиворечивую теорию вербального юмора.

Литература

- Казакова Д. В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 8 (26): в 2-х ч. ч. II. С. 77–80.
- Карасик В. И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2018. Vol. 22. № 4. С. 895–918.
- Тиханова К. Д. Языковые средства создания комического эффекта в американской и российской рекламе // Лингвокультурология. 2013. Вып. 7. С. 176–200.
- Attardo S. Linguistic Theories of Humour. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 1994.
- Bybee J. From Usage to Grammar: The Mind's Response to Repetition // Language. 2006. № 82. Pp. 711–733.
- Givón T. English Grammar: A Function Based Introduction. Vol. 1. Amsterdam, Philadelphia: John Bendjamins Publish. Co., 1993.
- Jackendoff R. Patterns in the Mind. New York: Basic Books, 1994.
- Kapatsinski V. What is Grammar Like? A Usage-based Constructionist Perspective // Theoretical and Computational Morphology: New Trends and Synergies. CSLI Publications. 2014. Vol. 11. № 1. Pp. 1–41.
- Koestler A. The Act of Creation. New York: The MacMillan Company, 1964.
- Langacker R. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar (Cognitive Linguistics Research). Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. in 2 volumes. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- Raskin V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985.
- Smith M. B. The Conceptual Structure of German Impersonal Constructions // Journal of Germanic Linguistics. 2005. № 17.2. pp. 79–140.

O. A. Berezina (*Saint Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University of Russia

GRAMMAR UNITS AS TRIGGERS FOR COMIC EFFECT

The comic effect is achieved by employing a variety of means at diverse language system levels. One of the research approaches within this area is the cognitive approach which entails describing verbal humour as the product of human cognition conceptualizing capacity. However, researchers often focus on triggers of a lexical or phonetic nature without paying due attention to triggers of a grammatical nature.

Key words: comic effect, trigger, grammatical means, bisociation, construction grammar.

В. С. Григорьева (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный технический университет

grigorieva@mail.ru

ОТРИЦАНИЕ КАК СПОСОБ ОГРАНИЧЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КОНТРОЛЬ ПОНИМАНИЯ В РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Статья посвящена одному из способов влияния на интерпретационную деятельность адресата с помощью использования отрицания в речевом акте говорящего. Представлены концепции анализа речевого взаимодействия, профиль адресата, функционирование отрицания как процесс отмены выбора предположений первого, второго и третьего порядка, проспективного и ретроспективного ограничения интерпретаций действий говорящего адресатом.

Ключевые слова: интерпретация, профиль адресата, речевое взаимодействие, знания, метакогнитивные представления, отрицание.

Понимание в речевом взаимодействии заключается в придании высказываниям партнеров по общению значения и смысла в контексте взаимодействия и функций для дальнейшего хода коммуникации. В целях избегания нежелательных реакций и ненужных речевых и неречевых действий собеседника адресанту необходимо ретроспективное распознавание того, как партнеры смогут интерпретировать его высказывания. При этом правильное понимание и интерпретация речевых действий зависят от конкретных речевых тактик и языковых средств, используемых говорящим. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть использование отрицания для достижения конкретной интерпретации интерактивного действия говорящего.

Каждое речевое действие рассчитано на конкретных адресатов, реальных получателей речевых вкладов. В разговорном анализе был введен термин «дизайн реципиента» (см.: [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974: 727]). У говорящего имеется определенное представление о дизайне получателя информации, который включает:

- общие знания о социальных категориях (таких как пол, возраст, национальность, профессия) и связанные с ними характеристики, от которых зависит текущее взаимодействие;
- знания об индивидуальных убеждениях и картине мира адресата, основанные на личном знакомстве;
- наблюдения и выводы об адресате и его действиях в текущем речевом взаимодействии.

Так, например, в следующем отрывке из романа П. Дашковой «Легкие шаги безумия» модель речевого общения и соответствующие языковые средства в речи представителя обкома комсомола с командировочными девушками из Москвы обуславливаются общими знаниями о социальных категориях собеседниц.

«Лощеный, надменный комсомолец лет тридцати сразу оценил, что прибывшая из Москвы компания – птицы невысокого полета. Так, шелупонь, студентики-практиканты. Вслед за ним понял это и молоденький инструктор по идеологии, которому было поручено сопровождать гостей. Он, как и его босс, тут же перешел на “ты”, стал панибратски похлопывать Митю по плечу, а Лену с Олей называть “девчатами”».

– Вопрос с гостиницей мы порешаем, – сообщил он, отдавая отмеченные у секретарши командировочные удостоверения (Дашкова 2012: 129). Как вербальные, так и авербальные действия (обращение на *ты*, похлопывание по плечу и др.) соответствуют представлениям комсомольских лидеров о модели поведения, характерной для данного случая. Однако последующие наблюдения за речевыми действиями командировочных в текущем взаимодействии, использование речевой тактики «угроза» заставляют их поменять модель общения и выполнить условия девушек: *«Простите, Володя, что значит “порешаем”? – обращаясь к комсомольцу подчеркнуто на “вы”, спросила Лена. – Как я поняла, у нас уже сегодня выступление по телевидению и встреча с учащимися ПТУ. Причем телевидение через час, нам ведь надо отдохнуть с дороги, душ принять».*

– Слушай, старушка, ну что за буржуйские замашки? – поморщился комсомолец Володя. – Какой душ? Надо проще быть. Учти, номера с душем у вас все равно не будет. Во-первых, в Тюмени уже год нет горячей воды, а во-вторых, ты ведь не главный редактор.

Тут вмешалась Ольга. Она умела и любила ругаться, особенно с такими вот комсомольскими хамами.

– В общем, так, Вова, – сказала она тихо и ласково, – либо ты сейчас же, сию минуту, поднимешь со стула свою толстую задницу и не “порешаешь”, а решишь вопрос с нормальной гостиницей, либо мы идем в обком партии и заявляем, что ты со своими идеологическими обязанностями не справляешься. Если этого мало, мы звоним в Москву, в редакцию, и наш главный редактор тут же связывается с ЦК ВЛКСМ. Ты хочешь, чтобы вопрос с гостиницей решался на таком уровне? Пожалуйста, я с удовольствием тебе это устрою.

Через пятнадцать минут комсомольский “газик” отвез их в гостиницу “Восток”» ([Там же: 129).

В исследованиях по речевому общению в первую очередь рассматривались характеристики адресата, выходящие за рамки ситуаций, как источник

адаптации адресанта. Но совершенной модели адресата не существует. Предположения о когнитивных, мотивационных и эмоциональных состояниях адресата постоянно обновляются и модифицируются говорящим на основе действий партнеров по речевому взаимодействию. Во время взаимодействия участники разговора в первую очередь систематически проверяют свои представления о партнерах по речевому общению или создают их «дизайн».

Подобно последовательности отображения перспективы разговора, описанной Д. Мейнардом [Maynard 1991], они создают интерактивные задачи, которые предназначены для предоставления информации о знаниях, отношениях и других характеристиках и качествах собеседников. Таким образом, процедура определения характеристик адресата обуславливает речевые стратегии, тактики и лингвистические формулировки и мотивации их использования в речи адресанта. Именно знания об адресате как представителе определенной социальной прослойки населения, его убеждениях определяют выбор конкретных дискурсивных практик (например, намек, критика, совет или предупреждение) в речи адресанта.

Характеристики получателя и предположения о его знаниях, мотивах, эмоциях, отношениях, ожиданиях, вероятных реакциях формируют профиль адресата, который, в свою очередь, формирует модель речевого взаимодействия. Таким образом, предположения говорящего о получателе являются когнитивной основой дизайна адресата. На ее основе говорящий выделяет варианты репрезентации своих интенций. Предположения о партнере конструируют профиль адресата. Иными словами, усилиями говорящего осуществляется «адаптация адресата» [Deppermann 2008]. Сам термин «адаптация адресата» не относится ни к когнитивным фактам говорящего, ни к реальным характеристикам реципиента. Он означает практику построения речевого общения, основанную на (мета)когнитивном подходе. Следует, однако, оговориться, профиль адресата, созданный говорящим, является воображаемым. Вопрос об актуальности профиля адресата есть частный случай общей проблемы непрозрачности чужой души (ср.: [Гуссерль 2010; Wittgenstein 1950]). Оратор никогда не может быть уверен в адекватности модели партнера, созданной в его сознании.

Одной из дискурсивных практик, которые используются для блокирования предположений ненужных интерпретаций адресатом, является включение отрицания в речь адресанта. «Отрицание по своей природе является коммуникативно обусловленным, модусным концептом, ориентированным на говорящего субъекта и на систему языка» [Болдырев 2019: 396]. Оно входит в число практик, с помощью которых создается интересубъективность,

используемая говорящим для репрезентации тех выводов и вариантов понимания, которые должен исключить собеседник. Иными словами, с помощью такой практики адресант ограничивает интерпретационное поле адресата.

Отрицание как практика адаптации адресата может быть обозначена как проблема предположений. Анализ практического материала позволил выделить предположения первого, второго и третьего порядка. Предположения первого порядка – это предположения говорящего о мире. К ним относятся также предположения, разделяемые с адресатом. Убеждения второго порядка – это убеждения, которые, по мнению говорящего, свойственны адресату. Убеждения третьего порядка – это убеждения, согласно которым говорящий считает, что адресат полагает, что они свойственны именно ему, говорящему. Отрицание предположений второго и третьего порядка относится к метапредставлениям, поскольку они представляют собой предположения, приписываемые партнерам по коммуникации.

Отрицание включается в ту интерпретацию, которую следует исключить, т.е. отрицание само по себе создает интерпретацию, которую оно должно предотвратить. Именно благодаря этому свойству отрицание используется стратегически. При этом используются такие речевые клише, как: „*Das wollte ich eigentlich gar nicht sagen. Mir ging es darum, ...deutlich zu machen...*“ «Я, собственно, хотел сказать совсем другое. Речь шла о том, чтобы объяснить...»; „*Das kann man meinen Worten keinesfalls entnehmen*“ «Этого нельзя вывести из моих слов»; „*Was die aufgeworfene Frage anbetrifft, so habe ich nicht gesagt, dass dies nicht möglich ist*“ «Что касается затронутого вопроса, я не говорил, что это невозможно» „*Aber daraus folgt nicht unbedingt, dass ...*“ «Но это не обязательно означает, что...». Говорящему приходится действовать против самого себя скептицизмом, противоречием, критической оценкой или разговорным риторическим использованием своих высказываний. Распознавание порядка отрицания предположений первого, второго или третьего ранга осуществляется последовательностью отношений между речевым актом отрицания и предыдущими действиями партнера.

Ограничения интерпретации могут быть предшествующими, вставленными и конечными в дискурсе. Различные позиции отрицания в последовательности взаимодействия связаны со специфическими возможностями и рисками управления взаимодействием, которые, прежде всего, контролируют достоверность и понятность действий говорящего, а также сохранение права голоса. С помощью отрицаний говорящий может обрабатывать предположения интерпретаций, приписываемых адресату.

Таким образом, отрицания могут использоваться для формулирования межличностно важных вербальных или авербальных действий или заявле-

ний, требующих повышенной точности, таким образом, чтобы получатель информации не приходил к интерпретациям, которые являются проблематичными или нежелательными для говорящего. Результаты исследования указывают на некоторые аспекты функционального контекста ассоциации адресата, которые еще недостаточно учтены предшествующими исследователями. В предыдущих исследованиях рассматривались только те случаи, когда соответствующие характеристики адресата были «объективными» и непротиворечивыми: привязанными к различиям в принадлежности к социальным категориям. Необходимо различать предположения второго и третьего порядка относительно адресата. Говорящим приходится различать, являются ли это предположения верными или нет, используя, в том числе, отрицание, одной из функций которого является ограничение интерпретации.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Гуссерль Э.* Артезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.
- Дашкова П. В.* Легкие шаги безумия. М.: Астрель, 2012.
- Deppermann A.* Verstehen im Gespräch // Kämper H., Eichinger L. M. (Hg.): Sprache – Kognition – Kultur. Berlin/New York: de Gruyter, 2008. S. 225–261.
- Maynard D. W.* The perspective-display series and the delivery and receipt of diagnostic news // Boden D., Zimmermann Don H. (Hg.): Talk and social structure. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 162–192.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson. G.* A simplest systematics for the organisation of turn-taking in conversation // Language. 1974. B. 50. № 4. S. 696–735.
- Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen // Wittgenstein L.: Werkausgabe Band I. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1950. S. 225–580.

V.S. Grigorieva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

NEGATION AS A WAY OF LIMITING INTERPRETATION AND CONTROL OF UNDERSTANDING IN SPEECH INTERACTION

The article is devoted to one of the ways of influencing the interpretative activity of the addressee by using negation in the speech act of the speaker. The necessary theoretical and methodological tools are presented: concepts of speech interaction analysis, the profile of the addressee, the functioning of negation as a process of cancellation of the

choice of first, second and third order assumptions, prospective and retrospective limitation of the interpretations of the speaker's actions by the addressee.

Key words: interpretation, addressee profile, speech interaction, knowledge, meta-cognitive representations, negation.

С. В. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
svet_victoria@mail.ru

Н. Б. Мухина (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого президента Б. Н. Ельцина,
Уральский государственный университет
путей сообщения
mukhnai@yandex.ru

КОГНИТИВНАЯ ГИБКОСТЬ И ПРАГМАТИКА ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ

В статье рассматриваются факторы запуска механизма когнитивной гибкости, основанные на изменении прагматических условий коммуникации, построении иерархической системы в целеполагании, смене цели и выборе способа ее вербализации. Делается вывод о прагматическом потенциале когнитивной гибкости как эффективном инструменте целеполагания в незапланированных ситуативных условиях.

Ключевые слова: когнитивная гибкость, прагматика, целеполагание, говорящий, речевая деятельность.

Связывая язык с мыслительными и познавательными процессами, лингвокогнитивная парадигма не может не касаться особенностей психологической организации речевой деятельности человека, включая процесс целеполагания. Цель в лингвистике предстает как мотивированное, осознанное, выраженное в словах предвосхищение результата, способ достижения которого рационален, если «в рамках наличной информации субъект способен к расчету целей, средств и результатов действия и стремится к их максимальной эффективности» [Олянич 2007]. Соответственно, процесс целеполагания предстает как система механизмов, обеспечивающих достижение цели коммуникации, которая, в свою очередь, детерминирована набором прагматических факторов (ситуация,

время и место, предмет общения, индивидуальные характеристики адресанта и адресата и т. п.). Прагматика включается в систему обработки информации, запуская когнитивные механизмы в момент порождения речи. К одному из таких механизмов относят когнитивную гибкость, которая описывается как «способность человека адаптировать мышление при переходе от старой ситуации к новой, а также способность преодолевать привычные реакции и мысли в новых условиях» [Scott 1962]. Цель статьи – выявить роль прагматического аспекта речевой деятельности при запуске механизма когнитивной гибкости в целеполагании говорящего. Гипотеза работы исходит из того, что при взаимодействии прагматических факторов речевого действия формируется и реализуется механизм когнитивной гибкости, в дальнейшем влияющий на проявление личностной организации адресанта, связанной с индивидуализированными способами переработки информации, и определение говорящим языковой правильности высказывания.

Когнитивная гибкость индивида как умственная способность «является компонентом исполнительской системы человека» [Magnusson, Brim 1962]. В сознании говорящего формируется некая «ментальная проекция окружающего мира как результат осмысления человеком собственного внутреннего мира» [Болдырев 2020: 7], что ведет к его осознанной реакции на ситуацию общения, правильному отбору и структурированию ее признаков, соотнесение их с прежним опытом, и, как результат, выбору релевантной стратегии целеполагания. Однако, не все случаи взаимодействия ситуативных факторов речевой деятельности вызывают механизмы автоматизированного применения стратегий целеполагания, приводя таким образом в действие механизм когнитивной гибкости. В ходе исследования механизма когнитивной гибкости как динамического аспекта целеполагания [Мухина 2015] было достигнуто понимание его функционирования с опорой на взаимодействие двух неотъемлемых факторов. Первый фактор затрагивает изменения прагматических условий коммуникации, то есть говорящий сталкивается с неким барьером, помехой, которые провоцируют его к смене изначально прогнозируемой им цели или же полному отказу от нее. В данный момент формируется идеальный образ предстоящей деятельности на основе системы знаний человека, «которая охватывает весь опыт взаимодействия человека с внешним миром, включая опыт многократного переосмысления полученных знаний, различные впечатления, переживания, оценки, образы, связанные с восприятием реальности и внутренних психических процессов» [Болдырев 2020: 7]. Так, знание ситуативных условий общения и возможностей их взаимодействия формирует стратегию по-

строения речевой деятельности говорящего, а любое изменение в ситуации (например, изменение предмета общения, индивидуальных особенностей собеседников, изменение характеристик компонентов довербального этапа, а именно, мотива, установки, потребности или намерения, и т. д.) запускает механизм когнитивной гибкости, способствуя быстрой ориентировке говорящего в создавшихся условиях для применения оптимальных средств реализации цели.

В качестве второго фактора запуска механизма когнитивной гибкости выступает так называемый «продукт» его деятельности. Представляется возможным остановиться на трех типа «продукта», во-первых, выстраивание *иерархической системы целевой организации речевого действия*; во-вторых, *смену цели*, и, наконец, *выбор способа вербализации цели*. «Иерархическая структура целеполагания включает в себе смысловое единство предложений, а иерархия его семантико-смысловой структуры сводится к иерархии целей и способов их достижения» [Мухина 2015]. В следующем примере говорящий стремится реализовать сразу несколько речевых целей в одном высказывании: *“Instead of reading about vacuuming”, he said, staining not to sound peevish, “why don’t you just vacuum?”* [Walker 27]. Синтаксическая структура высказывания в его вопросительной форме говорит о постановке побудительной цели – получить информацию от собеседника, в то же время здесь можно увидеть и выражение отношения говорящего, в данном случае раздражения (*to sound peevish*), к поведению адресата. В результате цели говорения выстроены иерархически с учетом заданных условий общения: первостепенная цель – эмоционально-оценочная – конкурирует с второстепенной – побудительной целью. Одновременно можно заявить о другой характеристике цели, связанной с ее временной отнесенностью. В данном высказывании реализуется долговременная побудительная цель воспитательного характера на фоне кратковременной эмоционально-оценочной цели. Особенностью взаимодействия целей речевого действия является их взаимное дополнение, при этом «достижение первой цели в принципе решает коммуникативную задачу <...>. Однако с точки зрения говорящего более удовлетворительным является результат, при котором достигнуто максимальное количество целей» [Иссерс 2006: 70]. Другими словами, говорящий в силу ситуации общения может прибегать к комплексному выражению собственной мысли, закладывая в одно высказывание несколько смыслов и достигая этим желаемого результата. Возможность подобного речевого поведения объясняется механизмом когнитивной гибкости говорящего, отвечающим объему его знаний в момент разговора об адресате, так как последнему

приходится распознавать все цели говорения. В противном случае возникает коммуникативная неудача.

Похожие риски возникают при смене цели как фактора реализации механизма когнитивной гибкости, когда говорящий «задает направление цели как наиболее актуальной на момент вступления речи, структурируя речевой процесс по степени возможности ее реализации» [Мухина 2015]. Смена цели может быть обусловлена изменением психологических компонентов доречевого этапа, предмета, ролей участников общения, объемом знаний собеседников и т.д. [Мухина 2015], т.е. вновь наблюдается зависимость от ситуации общения. В качестве примера рассмотрим смену цели при смене установки как «изначальной реакции субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи» [Узнадзе 2001: 25]. Главное действующее лицо Семен Рубашкин обвинялся в *«распространении волнующих слухов о роспуске первой Думы»*, поэтому *«интересного заседания не предполагалось»*, даже адвокат ему был не нужен (*«Адвокат? – удивились приятели. – Да ты с ума сошел! Для такого ерундового дела адвоката брать!»*) (Тэффи 1991). Семен все-таки нанимает адвоката, который во время суда делает из Рубашкина «героя», готового ответить за свое поведение по всей строгости, что на самом деле не отвечало истинным намерениям Рубашкина, который никак не относил себя к революционно настроенному населению и рассматривал свой поступок просто как хулиганский (*«Что вы имеете еще сказать по этому делу? – Ничего, – удивился Рубашкин; «Черт, штрафом пахнет, – озабоченно покачал головой Рубашкин»*). Речь адвоката можно описать как реализацию цели самовыражения, демонстрацию собственных интересов без учета интересов подзащитного (*«В буфете суда молодежь сделала адвокату шумную овацию. Он приветливо улыбался, кланялся, пожимал руки»*). Так, в социально-детерминированных условиях адвокат вместо оправдания подзащитного способствует его осуждению и *«преданию смертной казни через повешение»* (Тэффи 1991), при этом добиваясь собственного профессионального признания в обществе. В данном примере вместо информативно-регулятивной цели адвокат реализует цель самовыражения в свете смены установки адвоката с защиты подсудимого на установку повышения своего социального статуса. В-третьих, реализация механизма когнитивной гибкости при постановке цели включает выбор способа ее вербализации. В данном случае речь идет об эксплицитном и имплицитном способах выражения цели. Неявная апелляция способствует раскрытию характера взаимоотношения поставленной цели говорящего с результативностью ее достижения, обусловленной поведенческой реакцией адресата. Так, в при-

мере: “*After about seven years of hearing, “All I ever do is laundry round here!” Alison devised a way to ease my load: she’d throw her underwear away instead of putting it in the hamper*” (Kennedy 2002: 39), говорящая не стремится проинформировать собеседника о том, чем она занята все эти годы (информативная цель – *All I ever do is*), а упрекает (эмоционально-оценочная цель – *“she’d throw her underwear away instead of putting it in the hamper”*) в том, что ее не оценивают по достоинству. Запуск механизма когнитивной гибкости находит объяснение в тенденции обращаться к различным видам потенциала, в том числе языкового, при исследовании путей воздействия на личностное и групповое сознание.

В итоге, когнитивная гибкость рассматривается в ряде основополагающих механизмов целеполагания, так как, во-первых, способствует выбору речеповеденческих паттернов говорящего в зависимости от индивидуальных характеристик адресанта; во-вторых, благодаря его действию говорящий реализует подвижный арсенал языкового выражения при передаче целенаправленного действия; в-третьих, ее прагматический потенциал не ограничивается сугубо реакцией на изменение условий речевого взаимодействия, а может выступать эффективным инструментом выстраивания целевого высказывания с учетом совокупности факторов языковой и внеязыковой действительности в незапланированных ситуативных условиях.

Литература

- Болдырев Н. Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 5–25. DOI: 10.20916/1812–3228–2020–2–5–25
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2002.
- Кристи А. Десять негрятят. На англ. яз. М.: Издательство «Менеджер», 2005.
- Мухина Н. Б. Динамический аспект целеполагания. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015.
- Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007.
- Тэффи Н. А. Модный адвокат // Выбор креста: Рассказы. М.: Современник, 1991.
- Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001.
- Kennedy N. I’d Tell You Why Motherhood Makes Women Absentminded, but I Forget // *Humor for a Mom’s Heart*. Louisiana: Howard Publishing Co., 2002. P. 35–40.
- Magnusson K. R., Brim B. L. The Aging Brain. Reference Module in Biomedical Sciences. Elsevier, 2014.
- Scott W. A. Cognitive Complexity and Cognitive Flexibility // *Sociometry*. 25(4), 405. doi:10.2307/2785779

S. V. Ivanova (*St. Petersburg, Russia*)

St. Petersburg State University

N. B. Mukhina (*Yekaterinburg, Russia*)

Ural Federal University

named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,

Ural State University of Railway Transport

COGNITIVE FLEXIBILITY AND PRAGMATICS OF GOAL SETTING

The article examines the factors of the cognitive flexibility mechanism based on changing the pragmatic conditions of communication, building a hierarchical system in goal setting, changing the goal and choosing the way of its verbalization. A conclusion is made about the pragmatic potential of cognitive flexibility as an effective tool for goal setting in unplanned situational conditions.

Key words: cognitive flexibility, pragmatics, goal setting, speaker, speech activity.

Ю. Е. Иванова (*Одинцово, Россия*)

Одинцовский филиал МГТИМО МИД России

y.ivanova@odin.mgimo.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ КОММУНИКАЦИИ В СИТУАЦИИ НЕСОГЛАСИЯ

В статье предпринимается попытка проанализировать коммуникацию в ситуации несогласия, используя в совокупности коммуникативный и когнитивный подходы. Представляется недостаточным описать речеактовую, интенциональную и воздействующие составляющие общения для понимания сути разногласия. Интерпретация мира и знаний о мире участниками коммуникации позволяет объективнее рассмотреть заявленную проблему.

Ключевые слова: ситуация несогласия, коммуникативный и когнитивный подходы, интенция, интерпретация, индивидуальная картина мира.

В фокусе внимания многих современных исследований оказываются различные аспекты анализа эффективного взаимодействия между участниками коммуникации. Тем не менее, несогласие в процессе общения возникает достаточно часто. Соответственно, особенности интеракции в ходе

несогласия, ее интенциональная основа, а также изучение восприятия и интерпретации информации в ходе разногласия становятся важными проблемами и требуют более детального описания. Опираясь на определение дискурса Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1988], следует рассматривать дискурсивные события как взаимодействие разноуровневых элементов, участвующих в его формировании. Многообразие лингвистических подходов, используемых при рассмотрении данного явления, позволяет углубить и систематизировать полученные знания, что отмечают многие исследователи. Интегративность применения двух исследовательских парадигм – коммуникативной и когнитивной – позволяет решить целый ряд актуальных проблем современной лингвистики [Кубрякова 1997; Григорьева 2007].

На прагматическом уровне ситуацию несогласия можно рассматривать как событие, в котором участники не признают точки зрения друга. Участники отторгают поступающую информацию, что приводит к неэффективному конфликтному общению. Коммуникативный подход к описанию несогласия основывается на теории речевых актов Дж. Серля, принципах кооперации и вежливости Дж. Грайса и Дж. Лича. В соответствии с ними можно выявить определенные характеристики, при которых происходит обмен противоречивыми мнениями: ситуация, относительно которой участники коммуникации могут высказать свои точки зрения; реплика-стимул, в которой говорящий высказывает свое суждение, содержащее оценку; реплика-реакция, которая реализует желание второго участника выразить мнение противоположное тому, что имеет его собеседник.

Для несогласия важной составляющей выступает высказывание мнения или оценки на точку зрения собеседника, а не констатация факта. Именно интенция адресанта передать адресату некоторые сведения, в которых есть новая информация, и она не согласуется с той, которой располагает адресат, и поэтому не может безоговорочно быть им принята, стимулирует ответное речевое действие несогласия с его стороны. Поясним, что несогласие можно представить как сложное речевое действие, которое может содержать в себе отрицание, возражение, противопоставление или опровержение.

Проиллюстрируем данные положения конкретными примерами.

– *What do you mean I haven't drilled it straight? I didn't know about the eighth thing, you didn't say you must do that because if you don't*

– *I did tell you that.*

– *I couldn't understand what you were about. It was country speak.*

Адресат высказывает негативное мнение о том, что его коллега вовремя не рассказал ему о том, как надо правильно сделать посевные борозды на поле. Собеседник воспринимает это суждение как несоответствующее

действительности, поэтому в ответной реплике-реакции занимает противоположную позицию и настаивает на своем мнении. Оба речевых акта, согласно классификации Дж. Серля, представляют собой утверждения-ассертивы, выражающие две противоположные точки зрения. Речевой акт утверждения инициировал несогласие, что свидетельствует об успешности реализации речевых актов, собеседники преследуют в коммуникации разные цели.

- *That is. That's too big.*
- *It isn't. It isn't, the shed's too small.*
- *Enormous.*
- *Little.*

Речевой акт ассертива инициирует конфронтацию, в которой собеседники придерживаются разных целей. Речевой акт считается результативным, поскольку адресат не согласен с утверждением в реплике-стимуле и возражает адресанту. Высказывания представляют собой оценку одной из характеристик (размера) обсуждаемых предметов, адресат отрицает наличие этого недостатка у транспортного средства и оценивает размер другого предмета негативно.

При этом очевидно, что, передавая информацию, говорящий совершает определенное воздействие на собеседника, поскольку «не существует знака без воздействия на интерпретатора» [Сусов 1990: 126]. Одно из центральных понятий, предложенное Ч. Пирсом, чтобы описать перевод знака, его истолкование, концептуализацию отношения знак/объект в последующем знаке, т. е., корреляцию знака с его эффектом или то воздействие, которое оказывает знак на адресата-интерпретанта. Ученый пояснял, что процесс интерпретации безграничен, поскольку способность человека мыслить и опосредовать мысль через новые знаки фактически бесконечна [Пирс 2001]. В диалогическом общении происходит пересечение картин мира коммуникантов. Участники вкладывают определенные смыслы в высказывания, вариативность смыслов проявляется в наличии у них интерпретативного компонента или интерпретанты. Интерпретация сообщения обусловлена различными личностными характеристиками участника общения. Таким образом, с точки зрения прагматики, необходимыми составляющими коммуникации в диалогическом взаимодействии в ситуации несогласия выступают интенция говорящего, восприятие информации слушающим, последующая интерпретация сообщения и ответная реплика, содержащая оценку на инициирующее высказывание.

Отличительные особенности когнитивного подхода к исследованию языка нашли отражение во многочисленных работах Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева и многих других ученых-когнитивистов. Релевантным

для нашего исследования представляются следующие типы информации, на которые участники ориентируются в процессе взаимодействия: общие знания о мире, знания о правилах речевого поведения и построения актов коммуникации, выбор соответствующих лексических единиц, речевых стратегий, концептуальные знания.

Коммуникация в несогласии происходит в условиях когнитивного диссонанса. Каждый из собеседников по-разному интерпретирует информацию, исходя из своего жизненного опыта, знаний и разного фокуса в ходе общения. Рассмотрим в следующих примерах несогласие и неэффективность взаимодействия между коммуникантами, обусловленную разницей знаний в концептуальной картине собеседников:

- *What horsepower has that got?*
- *Forty-five horsepower.*
- *It's a bit feeble.*
- *Well, it's fed the country.*
- *But people didn't eat very much in those days.*

В диалогическом взаимодействии наиболее важными являются личностные знания участников в данной тематической области. Несогласие одного из собеседников, выбирающего сельскохозяйственную технику для покупки, с моделью, которую ему предложили, обусловлено тем, что для тележурналиста, специализирующегося на автомобильной технике и в прошлом ведущего популярного шоу “Top Gear”, мотор мощностью в 45 лошадиных сил не может быть показателем мощного транспортного средства. Очевидно, что, выбирая, какой трактор приобрести, он в первую очередь обращает внимание на эту характеристику. Его вопрос и последующий комментарий о том, что мотор слегка слабоват, позволяют выделить ключевой признак, входящий в ядро концепта трактор в его ментальной картине мира. В высказывании местного фермера тот же концепт обнаруживает доминантными другие характеристики. Дополнительная реплика обоснование, высказанная коммуникантом в защиту своей точки зрения, также противоречит картине мира собеседника. В данном диалоге индивидуальные картины мира коммуникантов отличаются друг от друга. Каждый из участников ведет общение исходя из собственных знаний и опыта, не принимая во внимание, не прогнозируя оценку и результат их взаимодействия, от чего коммуникация становится неэффективной.

- *Is that the one that can't come on Thursdays and Fridays?*
- *The local council cannot send somebody out, yes.*
- *Why not?*
- *Because she only works Monday to Wednesday.*
- *Is it 1974? Have I been asleep and woken up in the 70-s? Come on.*

Общение участников в диалоге происходит в определенной ситуации и является взаимодействием их концептуальных систем. Один из собеседников не может принять тот факт, что представитель местного органа управления работает в определенные дни, чем и объясняется его эмоциональная негативная реакция на данную информацию от другого участника диалога. Конфликтность в данной коммуникации может быть преднамеренной, поскольку работа чиновников постоянно выступает предметом критики. Конфликтность также проявляется и на просодическом уровне, когда говорящий намеренно повышает громкость, употребляет Wide Rise (широкий восходящий ядерный тон), демонстрируя театральное удивление, граничащее с негодованием, в отличие от нейтральной ступенчатой шкалы (Stepping Head), ровной шкалы (Level Head) и нейтрального среднего ядерного (Mid Fall) в репликах его собеседника.

Таким образом, следует отметить, что в ситуации несогласия индивидуальные картины мира участников включают различные знания, которые позволяют осуществлять коммуникацию. Среди них можно выделить общие знания о ситуации общения, правилах речевого взаимодействия, формировании и функциональной обусловленности речевых актов, соответствующих лексической единицах. Очевидно, чтобы коммуникация между собеседниками стала успешной необходимо принимать во внимание индивидуальную картину мира адресата и моделировать свои высказывания, исходя из предполагаемой, прогнозируемой картины мира участников. В нашем контексте несогласия участники выстраивали коммуникацию опираясь на свой опыт и знания, что не способствовало построению эффективной коммуникации.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов.: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Грайс П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Григорьева В. С. Когнитивно-прагматические аспекты конструирования дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2 (011). С. 46–57.
- Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения М.: Институт языкознания РАН, 1997.
- Пирс Ч. С. Принципы философии. Том 1. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Сусов И. П. Семиотика и лингвистическая прагматика // Язык, дискурс и личность: Межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 1990.

Clarkson's Farm. URL: <https://puzzle-movies.com/clarksons-farm-2021> (дата обращения 15.01.2025).

Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.

Yu. E. Ivanova (Odintsovo, Russia)
Odintsovo MGIMO

COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF COMMUNICATION IN A SITUATION OF DISAGREEMENT

The paper attempts to analyse communication in a situation of disagreement using a combination of communicative and cognitive approaches. Describing acts of speech, intentional and impact components of communication seems insufficient to understand the essence of disagreement. A more objective examination of the stated problem should also take into account the way participants interpret information in communication.

Key words: situation of disagreement, cognitive and communicative approaches, intention, interpretation, individual world picture.

И. В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

ПРИВЕТСТВИЯ В ВИДЕО БЛОГАХ: ОПИСАНИЕ НАИБОЛЕЕ ЧАСТОТНЫХ ВАРИАНТОВ (на материале английского языка)

В работе представлено описание наиболее популярных приветствий, принятых в видео блогах YouTube. Представлено общее описание речевого акта со значением приветствия, его прагматические характеристики исходя из асинхронных особенностей жанра. Отмечено, что наиболее распространенным является приветствие *hey guys*. Имея неформальный характер, приветствие сокращает коммуникативную дистанцию, расширяя коммуникативный коридор.

Ключевые слова: приветствие, экспрессив, видео блог, речевой акт, фатическая коммуникация.

Дескриптивное описание сетевого этикета, определение тенденций, возможная установка норм и правил – процессы, которые активно формулируются в сетевой лингвистике. Практически любое видеосообщение начинается с приветствия, нередко задающее тон всему характеру коммуникации.

Данная работа является логическим продолжением нашего более раннего исследования, посвященного приветствиям в целом [Кожухова 2017]. Приветствия в реальном общении интуитивно понятны: относительно понятны и сформированы основные речевые формулы приветствия, данные формулы могут включать особенности, которые касаются формальности и неформальности ситуации, горизонтальной и вертикальной дистанции общения, особенностей отношений между коммуникантами (в т. ч. использование маркеров внутригрупповой принадлежности). Общение в компьютерно-опосредованной среде нередко асинхронно и безлично. Так, формат и влога нередко может подразумевать т. н. отсутствующую публику (*absent audience*) – несформировавшуюся аудиторию с (непредсказуемыми) коммуникативными паттернами. Безусловно, со временем происходит формирование коммуникативных образцов поведения, связанных в том числе с развитием личного бренда и особенностями позиционирования, с представлением о цифровой вежливости, однако, повторимся, особенности аудитории (отсутствующая, анонимная) может вносить свои коррективы в реализацию некоторых речевых актов. Рассмотрим некоторые особенности реализации речевого акта со значением приветствия, шаблонно повторяющиеся у влогеров и являющиеся неким якорем и заявлением о своей позиции и своем отношении к аудитории. Эти идеи соотносятся с идеями американского социолога И. Гофмана, который включает приветствия (как и другие экспрессивы) в ритуалы презентации [Goffman 1971: 62].

На материале анализа приветствий популярных разнотематических влогов на YouTube раздел *Culture and Trends* опубликовал наиболее частотные приветствия англоговорящих влогеров, разделив формулы приветствия по сферам. Создатели анализа рассматривали каналы видео блогеров из Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США с аудиторией более 20000 подписчиков. Видео с менее чем 20 000 просмотрами не анализировались. Всего в корпус видео вошли более 1 миллиона записей [Hey guys, URL]. Рассмотрим обобщенные результаты. Помимо частотных приветствий, анализ показывает динамику популярности приветствий и распределение приветствий по тематике видео блогов.

Обобщенный рейтинг приветствий выглядит следующим образом:

Hey guys

What's up

Good morning

Hi guys

All right

Hey everyone

Hello everyone

Hi Everyone

What's going on

What is up

Рассмотрим некоторые особенности представленных приветствий.

Согласно представленной на ресурсе диахронической диаграмме, приветствие *Hey guys* является самым популярным (36%) приветствием в сети YouTube на протяжении более десяти лет. Все ярче становятся разногласия по поводу гендерной нейтральности лексемы *guys*. Исторически произошло сужение значения слова и первоначальное значение, относящееся только к мужскому роду, заменилось на коллективное. Тем не менее, в том числе в связи с движением LGBTQIA+ данная обобщающая лексема вызывает многочисленные протесты. *Guys* предлагается заменять на *folks*, *friends*, *colleagues*, *you all*, либо показывать свою осведомленность в теме путем использования омофона *guise*. Данный вариант, однако, не подходит для видеоформата. Строго говоря, данную форму нельзя назвать приветствием, скорее – контактоустанавливающей фразой, привлекающей внимание. Практически аналогичное приветствие *hi guys* (14%) является менее популярным, однако в формулировке содержится непосредственный индикатор неформального приветствия – лексема *hi*. Обращаясь к диахроническому анализу, мы увидим, что *hey* из междометия, которым окликают и привлекают внимание, превратилась в нейтральное неформальное приветствие. Таким образом, приветствие *hey guys* является более неформальным, чем *hi guys*. Тем не менее, следует отметить, что анализ приветствий проводился на разных вариантах английского языка и частотность употребления может быть связана в том числе с лингвокультурной вариативностью и предпочтительностью.

Второе приветствие по частотности употребления – *what's up* (20%). Данное приветствие характеризуется неформальным регистром речи, сокращая дистанцию между ведущим и аудиторией, расширяя коммуникативный коридор. Приветствие не обязывает к ответу, что становится удобным для видеоформата. *What's up* является неформальным вариантом приветствия *how are you?* В исследовании отмечается, что данный тип приветствий превалирует в видео блогах о фитнесе с окказиональным (1%) перевесом. Отметим также, что данное приветствие, являясь ярким примером фатиче-

ской коммуникации, может реализовываться на письме без вопросительного знака, так как не предполагает ответа.

В приветствии *good morning* (18%) присутствует индикатор времени. Нередко приветствия с индикаторами времени воспринимаются как более формальные [Isosävi 2022]. Статистика приветствий показывает, что приветствия без индикатора времени являются наиболее частотными, подразумевая асинхронный формат коммуникации. Данная форма приветствия является вежливой и нейтральной. Частотность употребления приветствия показывает небольшое превалирование данной формы в трэвел блогах.

Использование *alright* в качестве приветствия характерно для 11% случаев. Использование данного приветствия более характерно для британского варианта английского языка, некоторых частей США и является аналогом *what's up*. Может использоваться как дискурсивный маркер смены темы.

Группа синонимичных приветствий *hey everyone/hello everyone/hi everyone*. Не являются частотными, разница заключается в уровне формальности: *hello everyone* является наиболее формальным вариантом, однако статистика показывает, что использование данного приветствия не является постоянным, но появляется и исчезает. Варианты *hey/hi everyone* нейтральны и прослеживаются во время всего периода анализа.

Приветствия *what's going on/what is up* можно назвать окказиональными: их непродуктивное использование прослеживается с 2018–2020 г. Отметим, разницу в узусе: в то время как приветствие *what's up* является популярным, не редуцированная форма *what is up* практически не используется, может восприниматься несколько устаревшей.

Можно выделить следующие закономерности использования приветствий в видео блогах: а) приветствия иллюстрируют отсутствие вертикальной дистанции между зрителем и влогером; б) наиболее частотными являются разговорные и нейтрально-неформальные приветствия; в) в приветствиях может быть отражена региональная вариативность; г) приветствия с индикаторами времени не являются частотными.

Литература

Кожухова И. В. Речевой акт «приветствие» в английском языке // Политическая лингвистика. 2017. № 6(66). С. 171–175.

Isosävi J. Addressing, Greeting and Related Gestures in the Opening Sequences of Finnish, French and Hungarian YouTube Videos // Contrastive Pragmatics. 2022. 3(3). P. 363–396.

What's up. URL: <https://www.youtube.com/trends/articles/hey-guys/> (дата обращения: 25.02.2025).

I. V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

**GREETINGS IN VIDEO BLOGS:
DESCRIPTION OF THE MOST FREQUENT VARIANTS
(based on the English language)**

The paper presents a description of the most popular greetings used in YouTube video blogs. The general description of the speech act with the meaning of greeting, its pragmatic characteristics based on the asynchronous features of the genre are presented. It is found that the most common greeting is “hey guys”, which has an informal character, reduces the communicative distance and widens the communicative corridor.

Key words: greeting, expressive, video blog, speech act, phatic communication.

Н. Р. Кучминская (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина
kuchminskaya@mail.ru

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФРАНЦУЗСКИХ СТЕРЕОТИПОВ**

В статье затрагивается тема русской языковой личности, использующей французские устойчивые выражения в своей речи, интерлингвальные вкрапления исследуются в соответствии с прагматическим аспектом, анализируется намерение языковой личности, включающей французские стереотипы в процессе речевой коммуникации. Французские стереотипы обладают перлокутивным эффектом, благодаря ним речевой акт обладает большей иллокутивной силой.

Ключевые слова: французские стереотипы, теория речевых актов, косвенные речевые акты, языковая личность.

В каждой культуре формируется особый тип человеческой личности. В аспекте речевой деятельности человеческая личность называется языковой и Ю. Н. Карауловым определяется как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений» [Караулов 2004: 3]. Речь языковой личности реализуется в речевых актах – понятие, предложенное Дж. Остином. Термин «*речевой акт*» обозначает основную единицу вербальной коммуникации. Традиционно

под ним понимают *действие, совершаемое языковой личностью в процессе речевой коммуникации и ориентированное на достижение определенной цели*. Ученым была разработана модель речевого акта, включающая в себя локутивный акт, иллокутивный акт и перлокутивный акт. Под локутивным актом Остин понимал произнесение некоторых звуков или записи некоторых знаков на бумаге. Иллокутивный акт определяется им как действие, которое совершается посредством произнесения некоторой фразы, тогда как перлокутивный акт – это воздействие высказывания на действия, мысли и эмоции слушающих [Остин 1999: 18]. До тех пор, пока определенный эффект не достигнут, иллокутивное действие не может считаться успешным.

Прагматический аспект речи положил начало многим исследованиям, однако общей типологии речевых актов на данный момент не существует. Речевые акты к тому же могут классифицироваться на основании различных аспектов самого речевого акта. Как считает В.Г. Гак, наиболее широко обсуждаемой классификацией речевых актов является классификация по их целенаправленности. С этой точки зрения Дж. Остин делил все речевые акты на информативные и неинформативные [Гак 1998: 561].

В настоящей статье интерес представляют информативные речевые акты, так как неинформативные служат для установления контакта между собеседниками, а не обмена информацией.

Среди информативных речевых актов английский ученый различал два типа: констатирующие, представляющие собой сообщения о событии, и перформативные акты речи, которые равносильны самому событию, т.е. поступку. Направленность акта речи на реализацию обозначаемого действия составляет его иллокутивную силу. Высказывания могут иметь разную иллокутивную силу; в большей степени она представлена в императиве [Гак 1998: 562].

Речевые акты, в зависимости от их иллокутивной силы, подразделяются Джоном Остином на пять классов: вердиктив, экзерситив, комиссив, бехабитив, экспозитив [Теория речевых актов: начальный этап 2001: 31–32].

Тем не менее, Дж. Серль в своей книге “Speech Acts” представил свою классификацию. Согласно ученому, ключевым отличием между иллокутивными актами является намерение, с которым говорящий произносит соответствующее высказывание. Этот параметр стал основой для его классификации иллокутивных актов. Ученый также выделяет пять типов, которые однако обладают некоторыми отличиями от классификации Дж. Остина: репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларации [Серль 1999: 229–237].

В художественном дискурсе в разных коммуникативных ситуациях носителями русской языковой личности регулярно используются устойчивые

интерлингвальные вкрапления, в частности, французские. Интерлингвальные включения разнообразно представлены в художественных текстах, так, они могут состоять как и из двух слов, т.е. быть оформлены в словосочетание, так и составлять целое предложение. Их план выражения имеет две формы – оригинальную (как во французском языке) и переданную русскими буквами (транслитерированную), иногда в искаженном русском произношении. Иноязычные вкрапления могут быть оформлены в кавычки, что подчеркивает «чуждость» французского стереотипа русскому языку, вместе с тем часто встречаются фразеологические стереотипы, не выделенные никакими средствами формального изложения (кавычками, тире, шрифтом, многоточием и т.д.). Так, под французским стереотипом понимается «устойчивый и воспроизводимый оборот, заимствованный из иностранного языка, выполняющий различные функции в принимающем тексте, обладающий культурной маркированностью и по этой причине характеризующий личность, его употребляющую» [Кучминская 2021: 177].

В данной статье интерес представляет не столько форма стереотипов, сколько их функциональная значимость как речевых актов, использованных языковой личностью с определенной иллокутивной целью. Употребление французских иноязычных вкраплений в художественном дискурсе наталкивает исследователя на следующий вопрос: какое иллокутивное намерение заключается во французском стереотипе и насколько разнообразны функции, им реализуемые.

1. *Просто сегодня Бог поглядел на ярко освещенную солнцем землю и дал кому-то, как говорят французы, **Бон Шанс** – Большой Шанс на Удачу...* (Веденеев 1997: 477).

2. *Еще позже, когда стали видеться часто: «Ера, забияка»... Гуляка **enfant terrible** с бреттерскими замашками* (Крон 1980: 487).

Французский стереотип “*Бон Шанс*” здесь выполняет функцию *вердиктива*, его иллокутивная сила заключается в констатации факта везения, тогда как в языке-доноре выражение “ *Bonne chance!*” означает «Удачи!», используется с иллокуцией пожелания удачи и является бехабитивом. Устойчивое выражение “*enfant terrible*” – «человек, ведущий себя не так как все» [Гак 2005: 559] – характеризует описываемого героя Эммануилу Казакевичу, в русском и во французском языке оно выполняет функцию *репрезентатива*.

3. – *Спасибо, благодарно взглянул на него Юк.*

– *А **табль**, – пригласил Адашев-Гурский* (Болучевский 2002: 215).

4. *Аметистов. Одним словом, дорогой мажордом желтой расы, поручаю тебе квартиру и ответственность возлагаю на тебя. Граф! **Алле вуз ан*** (Булгаков 1990: 124).

Экзерситивы, как и *директивы*, являясь воплощением власти, права или влияния, часто выражены формой повелительного наклонения. Так, в примере 3 персонаж Адашев-Гурский приглашает французского попутчика сесть за стол, однако, приглашение без вежливых слов «*пожалуйста*» или «*я Вас прошу*» звучит как приказ «*а табль*» (фр. à table) – «к столу». В примере 4 «*Алле вуз ан*» (фр. Allez-vous en – идите вон, выйдите) Аметистов предлагает выйти графу Оболянинову в достаточно жесткой форме, не оставляющей выбора, что можно расценивать как принуждение.

5. Стасик еще раз выпил и таинственно понизил голос:

– **Антр ну!** Между нами! Давно вынашиваю планы эмиграции (Довлатов 1995: 385).

6. Весь мир следит за работами профессора Персикова затаив дыхание... но всем прекрасно известно, как тяжело положение ученых в советской России. **Антр ну суа ди**... Здесь никого нет посторонних? ... (Булгаков 1989: 289).

В примерах 5, 6 говорящие, используя французское устойчивое выражение «entre nous soit di» – «*между нами говоря*» в русской транскрипции «**антр ну суа ди**», либо же эллиптическое предложение «**антр ну**» – «*между нами*» призывают никому не рассказывать услышанное. Функция *комиссива* подчеркивается и контекстом, словосочетание «*таинственно понизил голос*» выделяет заговорческий момент ситуации общения, в то же время вопрос «*Здесь никого нет посторонних?*» подтверждает желание говорящего передать некоторую информацию с глазу на глаз и без использования комиссивного глагола накладывает обязательство для выполнения обещаний не делиться секретом.

Учитывая то, что по теории Дж. Серля комиссив – это иллокутивный акт, возлагающий обязательство на говорящего, не включая собеседника, поскольку в примерах 5, 6 обязательство возлагается именно на собеседника, то они относятся к классу *директивов*, а для класса комиссивов по классификации Д. Серля необходимо привести иной пример:

7. Вторая. Мосье Аметистов.

Аметистов. **Вотр сервитер**, мадам (Булгаков 1990: 100).

Аметистов, персонаж пьесы М. А. Булгакова, берет на себя обязательства «быть слугой» дамы, обратившейся к нему: «**вотр сервитер**» (фр. je suis votre serviteur – я ваш слуга), используя заместительную формулу из французского языка, в которой фиксированы и форма, и содержание.

В проведенном исследовании большее количество французских вкраплений выполняли функции *бехабитивов* по классификации Д. Остина.

8. Официант поставил на стол очень объемный (глиняный) кувшин с вином, чуть поклонившись, произнес: «**Бон аппети**» и удалился ... (Булчевский 2002: 336).

9. Аметистов. **Бон суар**, Лизанька. *Летите переодевайтесь, сейчас будет важное лицо* (Булгаков 1990: 113).

10. – *Петр Григорьевич!*

Борзов повернул голову и обжег ее полным ненависти взглядом.

– *Тожже в Париж?* – игриво воскликнула она. – **Бон Шанс!** (Звягинцев 1998: 324).

Три вышеприведенных примера относятся к формулам вежливости, которые приняты в обществе. Высказывание «*Бон аппети*» (фр. *Bon appétit!*) выражает пожелание «приятного аппетита», «*Бон суар*» (фр. *Bon soir!*) содержит иллюкуцию приветствия и означает пожелание «Доброго вечера», «*Бон Шанс*», в отличие от примера 1 в функции вердиктива, передает здесь пожелание удачи и соответствует французскому выражению “*Bonne chance!*” в функции бехабитива.

Классификация Серля не выделяет отдельный класс бехабитивов, однако образуется другой класс – класс *экспрессивов*:

11. – *Сыграйте и со мной в такую колоду, – весело попросил какой-то толстяк в середине партера.*

– **Авек плезир!** – отозвался Фагот, – *но почему же с вами одним? Все примут участие* (Булгаков 1989: 522).

К классу экспрессивов относятся примеры 10 и 11, т.к. рассматривается эмоциональная нагрузка речевого акта, выраженная восклицательным предложением, Французский стереотип «*авек плезир*» (фр. *avec plaisir!* – С удовольствием!) выражает искреннее расположение Фагота к Маргарите. В примере 10 дополнительный окрас эмоциональному состоянию девушки придает употребление наречия «игриво».

Пример 8 со стереотипом «*Бон аппети*» по теории Серля относится скорее к классу *декларации*, так как после пожелания приятного аппетита, все начинают есть, таким образом, меняется ситуация.

12. – *Сколько время?*

Демиденко отвечает: – Нет часов.

И затем: – Такова селяви (Довлатов 1995: 275).

Экспозитивы используются в действиях объяснения. Персонаж Демиденко объясняет отсутствие часов известной французской фразой «*такова селяви*» (фр. *c'est la vie* – это жизнь), которую здесь можно перевести как «*такова жизнь*». Однако, довольно распространенный среди носителей русского языка оборот «*такова селяви*» некорректен с точки зрения перевода: «*такова это жизнь*». Подобное употребление может свидетельствовать о незнании говорящим точного перевода французского выражения.

Французские стереотипы представляют все типы речевых актов по классификации Остина и Серля. Если бы языковая личность говорящего использовала выражения из русского языка, то иллюкутивная сила высказывания была бы менее яркой, так как французские выражения производят перлокутивный эффект, не вытекающий непосредственно из семантики французского стереотипа. Последователи Дж. Остина разработали понятие интенции для более глубокого понимания речевого акта, определяя её как желание, ради которого будут предприняты определённые действия. Интенция может быть явной (манифестируемой) и скрытой (латентной). Латентная интенция не поддаётся лингвистическому анализу, тогда как манифестируемая интенция может быть как заданной, так и выводимой. [Почепцов 1994: 116]. Французские стереотипы относятся к косвенным речевым актам, которые используются с выводимой интенцией. Французские стереотипы, выступая в роли косвенных речевых актов, проявляются в несоответствии между значением и смыслом высказывания, а также между тем, что сказано и тем, что подразумевается, между прямым и контекстуально определённым значением.

Французские стереотипы в речи любой языковой личности относятся к перлокутивным актам, так как их манифестируемая интенция проявляется в воздействии на мысли собеседника, желанием его поразить знанием французского языка, привлечь к себе внимание, произвести впечатление.

Литература

- Болучевский В.* Шерше ля фам: повести. СПб.: «Нева», 2002.
- Булгаков М. А.* Зойкина квартира // Пьесы 1920-х годов. Л.: Искусство. Ленингр. отделение, 1990. С. 90–149.
- Булгаков М. А.* Белая гвардия: Роман. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце: повести. Мастер и Маргарита: Роман. Л.: Лениздат, 1989.
- Веденеев В. В.* Казино «Бон шанс»: роман. М.: Мартин, 1998.
- Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Гак В. Г., Мурадова Л. А.* Новый большой французо-русский фразеологический словарь / под. ред. В. Г. Гака. М.: Русский язык Медиа, 2005.
- Довлатов С. Д.* Заповедник // Ремесло. СПб.: Изд. дом «Азбука-Классик», 1995.
- Звягинцев А.* Прокурор идет ва-банк: Роман. М.: Дружба народов, 1998.
- Крон А. А.* Бессонница. М.: Сов. писатель, 1980.
- Кучминская Н. Р.* Французские стереотипы в русском интерлингвальном дискурсе: монография. Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021.

Остин Дж. Избранное // Как производить действия при помощи слов? / Перевод с англ. Макеевой Л. Б., Руднева В. П. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999.

Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 110–122.

Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Зарубежная лингвистика II: пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинского, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. С. 229–253.

Теория речевых актов: начальный этап: хрестоматия. Уфа: Башк. ун-т, 2001.

N. R. Kuchminskaya (*Saint Petersburg, Russia*)

Pushkin Leningrad State University

COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECT OF FRENCH STEREOTYPES

The article deals with the topic of the Russian language personality using French set expressions in their speech, interlingual inclusions are studied in accordance with the pragmatic aspect, the intention of the linguistic personality including French stereotypes in the process of speech communication is analyzed. French stereotypes have a perlocutionary effect, thanks to them the speech act has greater illocutionary force.

Key words: French stereotypes, speech act theory, indirect speech acts, language personality.

Д. М. Миронова (*Курск, Россия*)

Юго-Западный государственный университет

mir-lina@yandex.ru

О КОГНИТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ СЕМАНТИЗАЦИИ АГНОНИМОВ (на материале русского языка)

В статье проводится анализ когнитивных стратегий семантизации русских агнонимов. На основе типологии когнитивных стратегий идентификации значения слова, разработанной уфимской психолингвистической школой, с использованием методов шкалирования, субъективной дефиниции и ассоциативного эксперимента выявлены 10 стратегий декодирования агнонима, а также связанные с ними мыслительные процедуры и механизмы, задействованные в переработке информации.

Ключевые слова: русские агнонимы, когнитивная стратегия, когнитивный механизм, семантизация слова, субъективная дефиниция.

В контексте глобализации и активного информационного обмена человечество сталкивается с рядом актуальных вопросов эффективного общения и динамики концептуальных систем его участников [Болдырев, Панасенко 2013: 5]. Появление множества заимствованных слов, широкое использование субстандартной лексики, возвращение в живое употребление историзмов под стать социальным запросам приводит к сравнительно быстрому обновлению словарного состава. Эти процессы сопряжены с когнитивным освоением итогов вышеназванных изменений и находят выражение в языковой картине мира. Тем более важное место сегодня занимает проблема лексической компетентности и, в частности, адекватной семантизации слов-агномимов, которая позволяет избегать коммуникативных неудач.

Данная статья освещает некоторые итоги выявления когнитивных стратегий идентификации значения агномимов носителями русского языка (см. также работу соорганизатора исследования: [Усова 2024]). Агномимами считаются лексемы, которые неизвестны или малоизвестны носителям языка «в тот или иной период его истории» [Жеребило 2010: 23]. Обычно таковыми выступают устаревающие слова, неологизмы либо единицы ограниченного употребления, в том числе субстандартная лексика. Материал нашего исследования составили представители данных групп, слова-агномимы, в количестве 12 единиц, которые были извлечены из Словаря-справочника по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века «Новые слова и значения», Лингвокультурологического словаря заимствований современного русского языка Т. А. Голиковой, Словаря молодёжного сленга под ред. М. Кордонского, из Большого толкового словаря С. А. Кузнецова, Нового словаря иностранных слов М. А. Ситниковой и Толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс методов, поскольку «наиболее полное и адекватное описание содержания значения слова требует сопоставления и обобщения данных, полученных в результате комплексного применения различных методов...» [Виноградова 2016: 10]. В их числе дескриптивный метод, концептуально-дефиниционный анализ и экспериментальные методы. На этапах сбора и верификации фактического материала мы опирались на трёхэтапный алгоритм, состоящий из метода шкалирования, метода субъективной дефиниции и цепочечного ассоциативного эксперимента.

Метод шкалирования использовался для установления уровня агномичности слова-стимула. Испытуемым была предложена шкала со значениями «Не знакомо», «Скорее знакомо, чем нет», «Хорошо знакомо», с которой они должны были соотнести предъявленное слово. На основе данных этого

эксперимента производилась оценка степени сформированности семантики предложенных лексем в современном русском языковом сознании.

Метод субъективной дефиниции был призван раскрыть психологически реальную семантику агнонима. Каждая из дефиниций отражает ту или иную когнитивную стратегию идентификации значения. При определении её типа мы обращались к типологии когнитивных стратегий идентификации значения слова, разработанной представителем уфимской психолингвистической школы М. В. Ефимовой на материале терминов интернета и теории музыки [Ефимова 2015].

Цепочечный ассоциативный эксперимент использовался для уточнения и верификации данных, полученных на двух предшествующих ступенях. В эксперименте участвовали 100 человек разных профессиональных и возрастных групп. В соответствии со стадиями психо-социального развития личности Эрика Эриксона испытуемыми явились люди ранней зрелости (18–30 лет), средней зрелости (30–50 лет) и поздней зрелости (50+ лет) [McLeod 2018].

Далее в порядке убывания репрезентативности укажем когнитивные стратегии семантизации агнонимов, выявленные по результатам концептуально-дефиниционного анализа.

1) стратегия с опорой на формальные элементы, фонетические ассоциации, то есть реакции по звуко-буквенным совпадениям (*Баять* – ‘убаюкивать’, ‘баня’; *Фандрайзинг* – ‘фантазия’, ‘фандом’) – **23%**;

2) стратегия генерализации, ведущая к более высокому уровню обобщения семантики (*Галифе* – ‘брюки’, ‘штаны’; *Троль* – ‘шутник’. Ср. *Галифе* – ‘Брюки **особого покроя, облегающие голени и сильно расширяющиеся кверху (заправляемые в сапоги)**’ (курсив наш. – Д. М.) [Большой толковый словарь русского языка 1998]) – **17%**;

3) стратегия с опорой на смежность, включённость в общую ситуацию (*Джетлаг* – ‘самолёт’; *Брифинг* – ‘разговор’, ‘беседа’) – **13%**;

4) стратегия прямой дефиниции, когда испытуемые реагируют отражёнными в словарях определениями стимулов (*Рофлить* – ‘веселиться’, ‘шутить’; *Баять* – ‘говорить’, ‘сказывать’) – **11%**;

5) стратегия дифференциации, предполагающая детализацию знаний респондентов в семантике слова (*Зипун* – ‘zip-файл’, ‘WinRar’; *Галифе* – ‘армия’, ‘кавалерия’) – **10%**;

6) стратегия с опорой на цитаты, основанная на памяти о сочетаемости разного рода названий, цитат, имён, пословиц из литературных произведений, кинофильмов и т. д. (*Баять* – ‘кот-баюн’; *Джетлаг* – ‘JetPack (мобильная игра)’ – **7%**;

7) стратегия, предполагающая перевод иностранного слова на родной язык (*Брифинг* – ‘пресс-конференция’, ‘короткая встреча’; *Джет* – ‘самолет’) – 7%;

8) функциональная стратегия с опорой на функцию обозначаемого (*Рекрутинг* – ‘поиск’, ‘набор’; *Фандрайзинг* – ‘сбор’, ‘поиск средств’) – 5%;

9) стратегия с опорой на эмоционально-оценочный компонент, когда эмоции индивида выступают как система сигналов, ориентирующая его относительно реалии, стоящей за словом-агномимом (*Троль* – ‘манипулятор’, ‘провокатор’; *Имба* – ‘лучший’, ‘крутой’) – 4%;

10) стратегия с опорой на оппозитивные ассоциации, предполагающая реагирование противопоставлениями по какому-то параметру значения (*Багет* – ‘лепнина’, ‘плинтус’. Ср. *багет* – ‘**Резная** или крашеная планка для изготовления рамок или **украшения стен**’ (курсив наш. – Д. М.) [Толковый словарь русского языка 1935]; **Резная** планка для изготовления **рам** и **карнизов** (курсив наш. – Д. М.) [Большой толковый словарь русского языка 1998]) – 4%.

Проведённое исследование позволило выявить разнообразные мыслительные «способы истолкования» непонятных или малоизвестных лексических единиц, привлекаемые адресатом в ходе семантизации. Выделены 10 когнитивных стратегий, каждая из которых демонстрирует уникальный относительно других способ определения лексического понятия на основе тех или иных лингвоментальных механизмов и процедур. Обнаруженные стратегии подчёркивают многообразие этих механизмов и процедур, задействованных в переработке информации: аналогия по форме или смыслу (стратегии 1 и 4), генерализация и конкретизация (стратегии 2 и 5), актуализация в сознании прецедентных или оппозитивных феноменов (стратегии 6 и 10), перекодирование в «терминах» родного языка (стратегия 7), профилирование актантов (стратегия 3), функциональных и субъективно-оценочных признаков (стратегии 8 и 9). При этом нарушение лексических норм в области агномимии зачастую обусловлено идентификацией значения слова с использованием неверной когнитивной стратегии, которая препятствует общепринятой реализации индивидом репрезентативного и семиотического аспектов языка на данном его участке (подробнее о названных языковых аспектах см. в работе [Болдырев 2013]).

Наиболее частотными оказались стратегии, реализуемые в опоре на элементы эмпирического и предметно-практического опыта говорящего, а именно фонетические ассоциации и «смежные» компоненты фрейма, что обусловлено минимизацией когнитивных затрат в процессе обработки вер-

бального содержания. В свою очередь, стратегия генерализации, вошедшая в тройку ключевых, нивелирует сущностные для объекта дифференциальные признаки, что вполне согласуется с ситуацией недостаточной сформированности его концепта и, как следствие, лексической манифестацией лишь в общих чертах.

Полученные результаты не только расширяют наши знания о факторах лексико-семантической идентификации, но и могут найти применение в ходе разработки методики преподавания, ориентированной на улучшение языковой компетентности учащегося в условиях динамичного обновления лексики.

Литература

Болдырев Н. Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 5–13.

Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5–12.

Виноградова О. Е. Интегральная методика углублённого описания значения слова (на материале семантического описания слов разных частей речи): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.

Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021.

Ефимова М. В. Психолингвистические особенности функционирования термина в индивидуальном сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2015.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.

Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. / Отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009.

Ситникова М. А. Новый словарь иностранных слов. Изд. 3-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008.

Словарь молодёжного сленга / под ред. М. Кордонского. URL: <https://slang.su/> (дата обращения: 10.02.2025).

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.

Усова С. С. К вопросу о когнитивных стратегиях идентификации значений агнонимов (на материале русского языка). URL: lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov_2024/data/

McLeod S. Erik Erikson's Stages of Psychosocial Development Explained // Positive psychology. 2018. URL: <https://positivepsychology.com> (дата обращения: 15.02.2025).

D. M. Mironova (*Kursk, Russia*)
Southwest State University

**TOWARDS COGNITIVE STRATEGIES
OF SEMANTICIZING AGNONYMS
(based on the Russian language material)**

The paper analyzes cognitive strategies for semanticizing Russian agnonyms. Based on the typology of cognitive strategies for identifying the word meaning developed by the Ufa psycholinguistic school, using methods of scaling, subjective definition and associative experiment, we have revealed 10 strategies for decoding an agnonym. In addition, we have specified related mental procedures and mechanisms involved in information processing.

Key words: Russian agnonyms, cognitive strategy, cognitive mechanism, semantization of a word, subjective definition.

Е. В. Разумных (*Москва, Россия*)
*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
amilano80@mail.ru*

**ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРАГМАТИЧЕСКИХ
РЕАЛИЗАЦИЯХ КОНЦЕПТА ПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ**

Статья посвящена тенденциям переосмысления концепта персональности в научном стиле речи в английском языке, а именно постановке автора в центральную позицию высказывания за счет использования личных местоимений и активного залога. Современные требования к англоязычным научным публикациям показывают, что безличные и пассивные конструкции более не воспринимаются как объективный способ отражения фактов действительности, в то время как определенно-личные структуры указывают на принятие автором ответственности за свои исследования.

Ключевые слова: персональность, безличность, активный залог, пассивный залог, научный стиль письма.

Исследование концептов и лежащих в их основе глубинных образов, отражающих особенности концептуализации и категоризации окружающего мира, является одним из основных направлений в когнитивной лингвистике. Первоначально такие исследования были сосредоточены в сфере лексики как той области, где в наибольшей степени проявляется «творческий потенциал говорящего» [Lange 1985: 30], однако с развитием когнитивной науки

о языке они распространились и на область грамматики, поскольку любые грамматические структуры и синтаксические модели несут в себе некоторый обобщенный смысл, который подсказывает говорящим, как можно увидеть и описать ту или иную ситуацию действительности. Известно, что, собираясь построить высказывание, мы заранее знаем, по каким грамматическим схемам это можно сделать в каждом отдельно взятом языке. Более того, одна и та же ситуация действительности может быть по-разному отражена в разных языках в зависимости от имеющегося в нем арсенала грамматических средств, которые, таким образом, являются способом сохранения и передачи когнитивного опыта языкового коллектива.

Одним из наиболее интересных грамматических концептов является категория персональности и противоположащая ей категория имперсональности, имеющие разнообразные средства выражения в языках. Суть этого концепта основана на отношении пересечения или непересечения участников сообщаемого факта с участниками самого акта речи. Говорящее лицо, находящееся в позиции центральной фигуры речевого акта, является главным ориентиром для определения отношения к тому или иному грамматическому лицу. Так, первое лицо представляет говорящего или группу лиц с его участием, второе лицо указывает на отнесенность действия к собеседнику или группе лиц, включая собеседника, а третье лицо указывает на лиц, которые не являются ни говорящим, ни собеседником, а также на неодушевленные предметы. Известны также и особые разновидности семантики лица – такие как неопределенно-личность, обобщенно-личность и безличность.

С позиций когнитивной лингвистики интересно отметить, что указанные разновидности значений концепта персональности допускают ситуативное варьирование в зависимости от прагматики высказывания (подробнее см. [Бондарко 2017]), а сам репертуар средств выражения категориальных значений персональности не ограничивается лишь глаголами в форме определенного лица и числа. Если принять широкое понимание данного концепта как наличие или отсутствие субъекта в реальной ситуации действительности, то категория персональности обнаруживает соприкосновение и с залоговостью, и со словами категории состояния, и с синтаксическими структурами определенного типа, и с многими другими языковыми фактами.

Для иллюстрации сказанного обратимся к научному стилю речи в русском языке. Известно, что здесь принято так называемое авторское «*мы*», когда говорящий (пишущий), имея в виду себя, скрывается за более скромным и расплывчатым образом, которое вместе с тем представляет автора как некоторую группу лиц и тем самым усиливает его позицию. Помимо этого, в научном стиле распространены безличные конструкции типа

«Представляется возможным утверждать...; Необходимо отметить...; Можно сделать вывод о том, что...» и т.п., которые также позволяют в некотором смысле исключить говорящего из описываемой ситуации и выразить его мнение так, словно это некий не зависящий от него факт действительности. Заметим, что на разнообразие безличных конструкций в русском языке давно обратили внимание западные исследователи, которые склонны связывать их с особенностями русского национального характера, а именно инертностью, безвольностью и осознанием неконтролируемого характера событий окружающего мира [Вежицкая 1997]. Существует, однако, и иное мнение, согласно которому безличные конструкции отражают принципы соборности и объективности, присущие русской культуре [Петров 2007].

В английском языке, который в силу своих морфологических особенностей располагает иным набором средств выражения безличности, можно найти проявления схожих прагматических осмыслений концепта персональности, что свидетельствует об его общей когнитивной основе в двух языках. Для выражения авторской позиции в научном тексте здесь также характерно использование местоимения *'we'*, которое звучит менее резко и категорично по сравнению с *'I'*, предложений с формальным подлежащим (*It is important to emphasize that...*) и пассивных конструкций, которые по своей семантике соотносимы с русскими безличными предложениями (*The conclusion can be made that...*). На протяжении многих лет начинающих авторов обучали именно таким приемам при написании научных статей, аннотаций и рефератов на английском языке (см., например [Михельсон, Успенская 1995]).

Вместе с тем анализ англоязычных научных публикаций и аннотаций к ним за последние годы показывает, что использование активного залога, где реализуется определенно-личное значение концепта персональности, все чаще становится предпочтительным. К примеру, на сайте авторитетного рецензируемого журнала *Nature*, публикующего результаты исследований в области науки и техники, в руководстве для авторов говорится следующее: *'We encourage the authors to write in the active voice as experience has shown that readers find concepts and results to be conveyed more clearly if written directly'* – «Мы призываем авторов писать в активном залоге, так как опыт показывает, что читатели находят описание понятий и результатов более четким при их прямом изложении» (*перевод здесь и далее мой – Е.Р.*). Среди наиболее употребительных конструкций в аннотациях к статьям, опубликованным в этом журнале, – выражения типа *'Here we report / show / present... etc.'*, *'We observed / defined / analyzed / identified / found / estimated... etc.'*, *'We wish to suggest...'*, где использование активного залога и личного местоимения в именительном падеже ставят автора в центральную и определенно-личную позицию в высказывании. За счет этого читатели

воспринимают описываемые данные как добытые самим автором, а предлагаемые мнения – как исходящие от него лично, что соответствует политике журнала.

Такая прагматическая реализация концепта персональности в англоязычном научном тексте более не считается грубой или нескромной; напротив, использование описанных конструкций указывает на принятие автором ответственности за результаты своих исследований и сделанные им выводы (сравн.: *'We performed the experiment'* – *'The experiment was performed'*). Интересно, что еще в 1957 году в статье, опубликованной в журнале *Science* и посвященной использованию пассивного залога и личных местоимений в научных текстах, Дж. Робинсон отмечал: *'After all, human agents are responsible for designing experiments, and they are present in the laboratory; writing awkward phrases to avoid admitting responsibility and their presence is an odd way of being objective.'* – «В конце концов, именно люди ответственны за проведение экспериментов, и они присутствуют в лаборатории; использование неуклюжих фраз, чтобы избежать ответственности и скрыть свое присутствие – это странный способ быть объективным» [Robinson 1957]. Отметим, что и сегодня методические материалы многих научных ассоциаций содержат указание на то, что в основе диады 'активный/пассивный залог' лежит именно фактор неопределенности, который способен создавать двусмысленность и неясность высказывания и потому должен внимательно оцениваться авторами при подготовке публикаций (см., напр., [American Chemical Society]). Примечательно, что даже использование в роли подлежащего так называемого предметного третьего лица, указывающего не на автора сообщения, а на неодушевленный предмет или абстрактное событие, расценивается как более определенное по сравнению с пассивными конструкциями. Сравн.: *'The dysfunction of the immune system is suggested by animal studies'* – *'Animal studies suggest the dysfunction of the immune system'*.

Таким образом, применительно к научному стилю в английском языке можно говорить о наметившихся (а возможно, уже и набравших силу) изменениях в осмыслении концепта персональности, которые свидетельствуют, в свою очередь, о трансформации способов концептуализации окружающей действительности в соответствующей сфере. Такие изменения касаются прежде всего прагматических аспектов реализации обсуждаемого концепта, а именно устранению автора из описываемой ситуации или же, наоборот, акцентированию его роли как субъекта высказывания. Поскольку мысль выражается в языке не только за счет слов в определенной грамматической форме, но и выбора тех или иных синтаксических структур, то анализ последних позволяет увидеть приоритетные способы отражения говорящими событий реального мира. Использование элементов определенно-личности – активного залога и личных местоимений первого лица в позиции подлежащего – все

чаще воспринимается как предпочтительный способ выражения мнений и изложения информации о полученных результатах исследований. При этом описанные тенденции вовсе не означают полное устранение пассивного залога из арсенала используемых языковых средств – такие конструкции по-прежнему оправданы тогда, когда необходимо подчеркнуть факт самого действия, а не его производителя, который может быть не важен или не известен.

Литература

Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997.

Михельсон Т. Н., Успенская Н. В. Как писать по-английски научные статьи, рефераты и рецензии. СПб: Специальная литература, 1995.

Петров А. В. Безличность как семантико-грамматическая категория русского языка. Архангельск: Поморский университет, 2007.

Lange K. P. Language and cognition. An essay on cognitive grammar. Gunter Narr Verlag Tübingen, 1985.

Robinson J. J. Passive voice and personal pronouns // Science, 7 June 1957. Vol. 125, Issue 3258, p. 1160. Электронный ресурс. Режим доступа <https://www.science.org/doi/10.1126/science.125.3258.1160.a> (дата обращения 26.01.2025).

Источники

Nature. URL: <https://www.nature.com/nature/for-authors> (дата обращения 19.12.2024).

American Chemical Society. URL: <https://www.acs.org/content/dam/acsorg/events/professional-development/Slides/2015-04-09-active-passive.pdf> (дата обращения 26.01.2025).

E. V. Razumnykh (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

ON CHANGES IN THE PRAGMATICS OF PERSONALITY CONCEPT IN ENGLISH SCIENTIFIC PAPERS

The article highlights the ongoing changes in how the personality concept is viewed in scientific writing in English. It has become common and preferable for authors to use personal pronouns and active voice when describing the results of their studies and expressing opinions. This approach implies that authors undertake the responsibility for their writings, while the indefinite-personal and passive structures are no longer considered to be the objective way to describe the reality.

Key words: personality, impersonality, active voice, passive voice, scientific writing.

К. Я. Сигал (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

kjseagal@yandex.ru

ПУНКТУАЦИОННАЯ ВАРИАНТНОСТЬ С КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению пунктуационной вариантности с когнитивно-прагматической точки зрения. Описан функционально-семиотический механизм использования пунктуационных вариантов в письменной речи. Кроме того, определены когнитивно-прагматические основания пунктуационной равнозначности.

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, когнитивно-прагматический подход, причинные отношения, пунктуация, пунктуационная вариантность.

Вопреки тому, что когнитивно-прагматическая теория языка давно сложилась в рамках функциональной лингвистики [Nuyts 1992], исследования пунктуационного маркирования с когнитивно-прагматической точки зрения начинают занимать лингвистов только в последние годы [Bertuccelli Papi 2017]. Подобный «поворот» связан с тем, что пунктуационное маркирование, которое потенциально является своеобразным «окном в осознание синтаксиса (*janela para a consciência sintática*)» [Costa 2022], на самом деле не может быть всецело объяснено при ограничении ракурса исследователя собственно структурно-семантической организацией высказывания. При исследовании пунктуации с когнитивно-прагматической точки зрения пунктуационные факты, не поддающиеся объяснению на основе синтаксического описания, вынуждают создавать «конкретные объяснения для конкретных контекстов в терминах интенциональности, установок, прагматической силы (*in terms of intentionality, attitudes, pragmatic force*)» [Bertuccelli Papi 2017: 1].

Когнитивно-прагматический подход к пунктуации, заявленный итальянской лингвисткой М. Бертучелли Папи, оказывается вполне пригодным для объяснения в основном таких фактов постановки знаков препинания (равно как и отказа от них), которые принято относить к авторской пунктуации, характеризующейся стилистической мотивированностью. Исследование же прецедентов пунктуационной вариантности (или, иначе говоря, пунктуационной равнозначности), когда одна и та же пунктуационная позиция регулярно маркируется разными знаками препинания, а их субституция при этом не обладает семантической значимостью, приводит к мысли о том, что для объяснения этого пунктуационного явления с когнитивно-прагматической точки зрения необходимо обращаться не столько к интенционально-субъективным факторам, сколько к узуальным предпочтениям в сфере пунктуационного

маркирования. Пунктуационные варианты, встречающиеся в текстах одного писателя (например, маркирование посредством двоеточия либо тире бессоюзных сложных предложений с причинными отношениями в романе-биографии З. Прилепина «Есенин: Обещая встречу впереди» [Прилепин 2020]), свидетельствуют прежде всего о его сопричастности пунктуационному узусу своей эпохи (в случае З. Прилепина – первой четверти XXI века).

Пунктуационный узус, относящийся к бессоюзным сложным предложениям с причинными и следственными отношениями, в течение последних 100–120 лет претерпел существенные изменения. На это указывают пунктуационные прескрипции разного времени. Если в начале XX века причинная, равно как и следственная, предикативная часть бессоюзного сложного предложения отделялась двоеточием [Литвиненко 1915: 82], а во второй половине XX века причинные отношения маркировались в бессоюзных сложных предложениях посредством двоеточия, следственные же – посредством тире [Правила... 1956: 96, 101], то в начале XXI века в бессоюзных сложных предложениях указание на следствие обозначается с помощью тире, тогда как при обозначении причины используются двоеточие и тире [Правила... 2014: 260–263].

Подобная тенденция в развитии пунктуационного узуса, усиливающая «условность» пунктуационного маркирования [Голев 2004: 94], а главное, нормативное закрепление этой тенденции вызвали критику. Прежде всего отмечалось, что здесь «за разными знаками (препинания. – К. С.) не скрывается никаких дополнительных смысловых или структурных различий» [Крылова 2008: 51], и что «пунктуация, которая должна служить дифференциации смыслов, становится шлагбаумом перед ними» [Глазкова 2017: 149]. Тем не менее в пунктуационном узусе первой четверти XXI века вариантность знаков препинания в данной пунктуационной позиции носит объективный характер, и она запечатлена в текстах современных писателей, в том числе филологов по образованию, таких как З. Прилепин.

В романе-биографии «Есенин: Обещая встречу впереди» З. Прилепин использует для маркирования причинных отношений в бессоюзных сложных предложениях как двоеточие, так и тире (при этом тире преобладает в этой пунктуационной позиции). Ср.: *В чемодане лежал, аккуратно сложенный, костюм-тройка: в пастушка Есенин по-прежнему даже не собирался рядиться* [Прилепин 2020: 101]; *Но литература по-прежнему создавалась для городского читателя и на «городском» языке. Нужно было это исправить – читатели заждались гостя из родной стороны* [Там же: 65]. В приведенных контекстах двоеточие и тире отличаются ничем не ограниченной взаимозаменяемостью, причем в случае замены двоеточия на тире и наоборот семантика причины во второй предикативной части остается неизменной.

Показательно, что в разных бессоюзных частях многочленных сложных предложений причинные отношения могут маркироваться двоеточием и тире одновременно. Ср.: *На самом деле в Москву не хотел – делать там было нечего; зато явилась идея попасть в Крым: там море, туда приезжал Пушкин, в тех местах может случиться что-то такое, что позволит сочинить совсем новые стихи* [Там же: 68]. Имеется у З. Прилепина и многочленное сложное предложение, в котором тире маркирует причинные отношения в одной его бессоюзной части, а двоеточие – следственные (!) отношения в другой. Ср.: *Было положено летать в специальных брезентовых костюмах: Есенина обрядили в него, но Дункан надеть отказалась – красота дороже безопасности* [Там же: 401]. Это означает, что в условиях многочленности пунктуационной варианностью охвачена вся сфера причинно-следственных отношений в бессоюзных сложных предложениях. При этом в двухчленных бессоюзных структурах при указании на следствие З. Прилепин применяет исключительно тире. Ср.: *С Иваневым и Ляндау Есенин прятался – этих можно исключить* [Там же: 132].

Важно подчеркнуть, что, ставя тире вместо двоеточия в бессоюзных сложных предложениях с причинными отношениями, З. Прилепин вовсе не использует авторскую пунктуацию (ср., наоборот, поставленное вместо тире двоеточие, указывающее на следственные отношения в бессоюзной части многочленного сложного предложения, – знак препинания, отнюдь не закрепленный в названной пунктуационной позиции современным узусом). Писатель отображает те узусные предпочтения, которые сложились на данном участке пунктуационного маркирования и получили кодификацию [Правила... 2014: 260–262]. В этой пунктуационной позиции оба варианта ее маркирования идентичны в сигнификативном плане: выбор между ними несколько не значим для указания на смысловые отношения между предикативными частями. Однако сами по себе знаки препинания обладают метаязыковой отмеченностью, которая может стать существенной для пишущего: ведь двоеточие – это «более традиционный, строгий, “академический”», а тире – «новый, более вольный, энергичный и экспрессивный» знак препинания [Валгина 2004: 124]. При этом в условиях пунктуационной равнозначности взаимозаменяемость маркеров может не осознаваться в полной мере. Поэтому-то далеко не всякий раз употребление одного из них отливается целенаправленностью альтернативы.

Далее следует остановиться на когнитивно-прагматических основаниях пунктуационной равнозначности. Пунктуационная равнозначность вызвана функциональным сближением знаков препинания, обслуживающих близкие по структуре и / или по семантике высказывания. Этот процесс поддерживается

такой когнитивной операцией, как аналогия. При пунктуационной равнозначности знак препинания, приобретший новую пунктуационную позицию, не нарушает ее тождества самой себе. По этой причине пишущий оперирует пунктуационными вариантами как средствами указания на одно и то же смысловое отношение, а читающий, апперципирующий пунктуационную позицию, понимает, что употребление одного из свойственных ей знаков препинания не обладает какой бы то ни было дистинкцией внутри основного смыслового отношения (ср. в связи с этим [Bredel 2008: 18–19]). В графической репрезентации высказывания пунктуационная равнозначность отличается парадоксальностью. С одной стороны, пунктуационная равнозначность нарушает принцип экономии речемыслительных затрат, так как в ней «снимается» дифференцирующий потенциал разных знаков препинания. С другой стороны, пунктуационная равнозначность – это вовсе не окончательный этап в развитии пунктуационного узуса. Вполне возможно, что в ее границах возникнут и закрепятся различные коннотации, относящиеся к одному из вариантных знаков препинания (скорее всего, к новому для той или иной пунктуационной позиции).

В заключение необходимо отметить, что пишущие, в том числе художники слова, не способны в полной мере преодолеть пунктуационную вариантность (или, что то же самое, пунктуационную равнозначность) по собственному желанию, так как она присуща пунктуационному узусу, который был ими освоен и который ими так или иначе воспроизводится. Однако они вольны стилистически преобразить пунктуационную вариантность, обусловив тем самым ее дезавтоматизацию. В осмыслении этого процесса весьма полезным может оказаться когнитивно-прагматический подход к пунктуации, предложенный М. Бертуччелли Папи [Bertuccelli Papi 2017].

Литература

Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004.

Глазкова С. Н. О двоеточии, или Где заканчивается причина и начинается следствие // #ТОТСБОРНИК: сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 2. / отв. ред. Н. Б. Кошкарева. Новосибирск: Фонд «Тотальный диктант», 2017. С. 146–152.

Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Крылова О. А. Норма и пунктуация // Русская речь. 2008. № 6. С. 49–51.

Литвиненко К. А. Систематический сводь правил русского правописания. 3-е изд. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1915.

Правила русской орфографии и пунктуации. М.: Учпедгиз, 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2014.

Прилепин З. Есенин: Обещая встречу впереди. М.: Молодая гвардия, 2020.

Bertuccelli Papi M. A cognitive-pragmatic approach to punctuation // XPRAG.it: Behavioral and neural evidence on pragmatic processing / V. Bambini, F. Domaneschi (eds.). Genoa: Università di Genoa, 2017. P. 1–4.

Bredel U. Die Interpunktion des Deutschen. Ein kompositionelles System zur Online-Steuerung des Lesens. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2008.

Costa A. L. A pontuação como janela para a consciência sintática // Revista da Associação Portuguesa de Linguística. 2022. № 9–10. P. 55–74.

Nuyts J. Aspects of cognitive-pragmatic theory of language. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1992.

K. Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

PUNCTUATION VARIABILITY FROM A COGNITIVE-PRAGMATIC POINT OF VIEW

The article focuses on the consideration of punctuation variability from a cognitive-pragmatic point of view. The functional-semiotic mechanism of using punctuation variants in written speech is described. In addition, the cognitive-pragmatic grounds of punctuation equivalence are determined here.

Key words: asyndetic connection of clauses, causal relation, cognitive-pragmatic approach, punctuation, punctuation variability.

Л. Н. Шевырдяева, И. О. Яковлева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
lshevyrdyaeva@gmail.com*

MUCH ADO ABOUT NOTHING? СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОПРОСА В ЗАГОЛОВКЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

С позиций когнитивной прагматики настоящая статья рассматривает заголовок научной статьи, в частности структуру и функции вопросов в заголовке, на материале современных публикаций в области политологии. Сравнивая простые (односоставные) и сложные (парцелированные) вопросительные заголовки, исследование анализирует случаи их употребления и когнитивно-коммуникативную роль во взаимодействии автора и читателя научной статьи.

Ключевые слова: научная статья, заголовок научной статьи, политология, вопрос.

Лавинообразное увеличение числа научных публикаций влечет за собой столь же значительный рост числа дисциплинарных статей, из которых исследователь выбирает подходящие или интересные. Первый контакт автора и читателя происходит через заголовок, и от эффективности этого контакта зависит решение о продолжении коммуникации, то есть продолжит ли читатель знакомство со статьей, будет ли цитировать ее. Таким образом, заголовок научной статьи рассматривается не только как информационная единица, но как коммуникативный акт, направленный на установление релевантности между автором и предполагаемой аудиторией.

Как отражение когнитивной модели автора о теме исследования заголовок представляет собой концентрированное выражение ключевых понятий и их связей, которые автор считает наиболее важными для понимания научной работы. Выбор лексики, синтаксических структур и даже выразительных средств в заголовке напрямую связан с когнитивными процессами автора, его фокусом внимания и способом организации информации.

С другой же стороны коммуникативного акта заголовок предназначен для привлечения внимания читателя и создания у него первичного понимания сути статьи, обеспечивая эффективную передачу научной информации. Читатель обрабатывает информацию, представленную в заголовке, что включает в себя процессы распознавания лексических и синтаксических структур, активации связанных концептов в ментальном лексиконе, построения когнитивной модели на основе информации из заголовка [Болдырев 2018; Кубрякова 2012]. Таким образом, эффективность заголовка определяется тем, насколько легко читатель может построить адекватную модель.

В заголовке научной статьи важен баланс между его информативностью и способностью привлечь внимание читателя, сочетая в себе ясность передачи основополагающих компонентов исследования с аспектами, способными вызвать познавательный интерес и эмоциональный отклик у потенциальной аудитории. Вопросительная структура в заголовке функционирует как удобный инструмент взаимодействия автора и читателя, являясь эффективным способом установить баланс между информативностью и яркостью. Вопросительная форма естественна для восприятия в научном дискурсе, направляя внимание читателя на тему статьи как ответ на поставленный в заголовке вопрос, что подтверждается растущей частотностью вопросительных заголовков в различных областях научного знания [Ball 2009].

В рамках настоящего исследования методом сплошной выборки был сформирован корпус из заголовков научных статей, опубликованных в 2019–2023 гг. в 10 ведущих мировых англоязычных журналах в области политологии (*Political Analysis, American Journal of Political Science, British Journal of Political Science, Comparative Political Studies, European Journal of Political Research, West European Politics, Political Science Research and Methods, Journal of Politics, World Politics, European Union Politics*), составивший 2620 заголовков, из которых 508 заголовков (19%) содержали вопросительные конструкции.

Затем вопросительные заголовки корпуса были проанализированы с точки зрения их синтаксической структуры, а именно как простые (односоставные) или сегментированные сложные (парцеллированные) [Hartley 2007; Hyland, Zou 2022], где простые заголовки (80 единиц, 16% от общего числа вопросительных заголовков) состоят из одного грамматического основания – простого предложения, выражающего законченную мысль, тогда как парцеллированные (428 единиц, 84%) представляют собой сложные структуры, включающие несколько синтаксически, графически и содержательно обособленных частей:

Are biased media bad for democracy?

Investor rights versus human rights:

do bilateral investment treaties tilt the scale?

Action repertoires in contentious episodes: What determines governments' and challengers' action strategies? A cross-national analysis

Так, односоставные вопросительные структуры в корпусе преимущественно представлены в виде простых вопросов, призванных информировать читателя о теме и содержании исследования:

Do people really become more conservative as they age?

Why do governments tax or subsidize fossil fuels?

What explains the size of parliamentary staff?

Заголовок использует прототипические термины и концепты, которые помогают читателю быстро отнести статью к определенной категории научных исследований. Выбор лексических единиц и фраз связан с категоризацией – процессом упорядочивания и классификации знаний, тем самым заголовок активизирует соответствующие категориальные схемы в сознании читателя. Даже такой короткий заголовок всего из четырех слов (см. пример ниже), одно из которых является вспомогательным глаголом, не несущим смысловой нагрузки, сразу же обеспечивает обращение к определенному фрагменту знаний и более широкому социально-экономическому контексту. Тем самым заголовок выступает

в роли праймера, подготавливающего читателя к восприятию основной информации в статье, активизируя определенные концепты и их связи и облегчая понимание текста:

Does austerity cause polarization?

При этом в числе односоставных вопросительных структур встречаются и более абстрактные или крайне обобщенные заголовки, как правило, довольно короткие, на основании которых читателю может быть трудно предсказать содержание статьи:

Who cares about the public sphere?

Is ideal theory anarchic?

В некоторых случаях вопрос в заголовке представляется избыточным и не несущим никакой функции, даже грамматически не соответствуя форме вопроса:

The impossibility of a Bayesian Liberal?

All (mayoral) politics is local?

Еще более интересны сложные (парцеллированные) заголовки научных статей, так как они позволяют эффективно сочетать привлечение внимания и информирование потенциальной аудитории. Первая часть заголовка в форме вопроса как правило активизирует интерес аудитории, задает тему исследования или формулирует проблему, в то время как вторая часть конкретизирует ее, уточняет основное направление ответа или сообщает о методах исследования, объеме и источнике данных, позволяя читателю оперативно понять основное содержание статьи и ее релевантность:

Do female officers police differently? Evidence from traffic stops

Do people want a 'fairer' electoral system?

An experimental study in four countries

How do executives communicate about crises?

A framework for comparative analysis

Более того, в некоторых случаях такие структуры являются полноценным коммуникативным актом с типом интеракции «вопрос-ответ»:

Does affective polarization undermine democratic norms

or accountability? Maybe not

Who do you trust? Institutions that constrain leaders help people prevent disaster

Для парцеллированных заголовков характерно использование выразительных средств – идиом, метафор, аллюзий – для эмоциональной вовлеченности читателя. Хотя в научной литературе такие выразительные средства используются гораздо реже, чем в художественной, они все же могут при-

существовать в заголовках для большей запоминаемости [Шарапова 2023], особенно в гуманитарных и социальных дисциплинах:

*Opening Pandora's box? Joint sovereignty and the rise of EU agencies
with operational tasks*

*Can't buy me votes? Campaign spending and the outcome
of direct democratic votes*

Till austerity do us part?

A survey experiment on support for the euro in Italy

Выразительные средства используются для создания ярких вопросительных заголовков, отражающих коммуникативное намерение автора – не только сообщить о главной идее работы, но и привлечь внимание, заинтересовать:

*Love thy (elected) neighbor? Residential segregation,
political representation, and local public goods*

Position taking or position ducking?

A theory of public debate in single-party legislatures

При этом в части заголовков, использующих выразительные средства, наблюдается некоторое заигрывание с формой, которое в итоге может иметь обратный эффект – не информировать, а запутывать читателя относительно содержания статьи, затруднять понимание ее основной идеи, что может быть следствием чрезмерной сложности выбранного выразительного средства, его избыточности или недостаточно явной логической связи с остальной частью заголовка:

*Much ado about nothing? The (non-)politicisation of the European Union
in social media debates on migration*

*E pluribus unum? How ethnic and national identity motivate individual
reactions to a political ideal*

Для вовлечения читателя в диалог с автором может использоваться инклюзивное 'we', в таком случае вопрос адресуется уже читателю как части более широкого научного и социального контекста:

Are we all Amazon primed? Consumers and the politics of platform power

Are we providing enough to those who have too little?

Measuring poverty relief

*What can instrumental variables tell us about nonresponse
in household surveys and political polls?*

Таким образом, настоящее исследование рассматривает заголовок научной статьи в контексте когнитивных и коммуникативных процессов взаимодействия автора и читателя. Синтаксически простые заголовки-вопросы, как правило, прямо указывают на ключевые концепты и основные положения статьи, в чем может заключаться их привлекательность для

читателя. В то же время использование более сложных парцелированных вопросительных структур позволяет автору увеличить степень информативности и запоминаемости заголовка. Высокая частотность вопросительных (каждый пятый заголовок) и парцелированных (86% от общего числа вопросительных заголовков) заголовков позволяет сделать вывод об их коммуникативной эффективности и прагматических стратегиях авторов в политологии.

Литература

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Шарапова А. А. Креативные названия научных статей: вопросы классификации и концептуальный анализ // Сборник научных и учебно-методических трудов в честь юбилея профессора Светланы Григорьевны Тер-Минасовой: сборник статей / под общ. ред. проф. С. В. Титовой, проф. С. Г. Тер-Минасовой и доц. М. Г. Бахтиозиной. Выпуск 20. М.: КДУ: Добросвет, 2023. С. 347–364.

Ball R. Scholarly communication in transition: The use of question marks in the titles of scientific articles in medicine, life sciences and physics 1966–2005 // *Scientometrics*. 2009. 79(3). P. 667–679.

Hartley J. Planning that title: Practices and preferences for titles with colons in academic articles // *Library & Information Science Research*. 2007. 29(4). P. 553–568.

Hyland K. & Zou H. Titles in research articles // *Journal of English for Academic Purposes*. 2022. Vol. 56. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeap.2022.101094>

L. N. Shevyrdyaeva, I. O. Yakovleva (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

MUCH ADO ABOUT NOTHING? STRUCTURAL AND FUNCTIONAL FEATURES OF THE QUESTION IN THE TITLE OF A SCIENTIFIC ARTICLE

Within the framework of cognitive pragmatics, this article examines the functions and syntactic structure of interrogative structures in research paper titles in political science. Comparing simple and compound interrogative research paper titles the article analyzes instances of their use and the role in communicating science effectively between the author and potential readers.

Key words: research paper, research paper title, political science, interrogative structure.

В. И. Яременко (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru

**РОЛЕВАЯ ИГРА КАК ИНСТРУМЕНТ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ
НАВЫКОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ МАГИСТРАНТОВ
ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

На основании краткого когнитивного анализа особенностей и достоинств приема ролевой игры в процессе обучения навыкам устной речи на иностранном языке отмечается потенциал данного упражнения при обучении магистрантов-инженеров профессионально ориентированным коммуникативным навыкам. Описываются примеры из практического опыта применения ролевых игр на аудиторных занятиях.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, говорение, ролевая игра, профессионально ориентированные коммуникативные ситуации.

Предметом рассмотрения в данной статье является ролевая игра как технология совершенствования коммуникативных умений и выработки навыков практического использования языковых средств будущими инженерами в заданных профессионально ориентированных ситуациях устного общения. В этой связи уместно отметить некоторые личностные характеристики магистрантов инженерных специальностей, а именно их высокую самооценку как дипломированных специалистов, которые знают себе цену, поскольку большинство из них уже работают в крупных компаниях, и их труд хорошо оплачивается. Некоторые магистранты работают ассистентами преподавателя в подразделении вуза, что мотивирует и повышает интерес к научно исследовательской деятельности. При этом важно владение иностранным языком не только в плане работы с текстовыми материалами для извлечения информации по теме исследования, но и в случае возможного взаимодействия с иностранными коллегами, учеными и партнерами в реальных ситуациях речевого общения. При планировании и проведении занятий по использованию учебных заданий, удовлетворяющих запросам обучающихся, прием ролевой игры в сочетании с другими упражнениями по активизации речевой деятельности в говорении на изучаемом иностранном языке мог бы стимулировать интерес магистрантов к процессу обучения, делая его более увлекательным и интересным.

В связи с вышесказанным, проведем краткий когнитивный анализ ролевой игры как приема совершенствования умений говорения на иностранном языке, взяв за теоретическую основу определение о том, что «ролевая игра – это методический прием, относящийся к группе активных способов обучения практическому владению иностранным языком. Ролевая игра представляет собой условное воспроизведение ее участниками реальной практической деятельности людей, создавая условия реального общения» [Жук 2013: 188]. Дополним данное определение мнением Гальсковой Н. Д. о преимуществе ролевых игр перед другими видами работ по развитию навыков устного общения в том, что «...в данных упражнениях речевая деятельность рассматривается в социальном контексте с учетом темы разговора, отношений между партнерами по общению, места и времени действия и т.д., что способствует приближению процесса обучения к реальной жизни» [Гальскова 2009: 217]. Также необходимо отметить, что ролевые игры используются не для развлечения, а для обучения через *действие* по отработке навыка принятия решения о том, *что* сказать и *как* выразить свою мысль или обменяться информацией, как преодолеть боязнь сделать ошибки в речевых формулировках и прервать процесс коммуникации, тем самым испытать чувство некомпетентности, вместо получения эмоционального удовлетворения от приобретенного практического опыта.

Перейдем к рассмотрению процесса практического применения технологии ролевой игры на аудиторных занятиях, принимая во внимание некоторые объективные условия преподавания, а именно, краткосрочность курса (2–3 акад. часа в неделю в течение одного семестра), наполняемость групп (до 20+ студентов) и вечернее время проведения занятий после рабочего дня магистрантов. Учет этих особенностей требует от преподавателя четкого планирования отведенного времени и принятия компромиссных решений по его сбалансированному распределению между упражнениями и заданиями по другим видам речевой деятельности.

Ролевая игра как современный формат работы по развитию навыков разговорной речи строится на принципе ситуативного обучения. Данная стратегия позволяет достичь многократного повторения в условиях моделирования ситуаций естественного профессионально ориентированного общения в комплексе с умениями и навыками в чтении, письме, и аудировании. Типовые ситуации строятся на основе таких тем, как «Взаимодействие университетов с научно исследовательскими предприятиями», «Эксперимент», «Роль науки в современном мире», «Международное сотрудничество и кооперация ученых», «Инженерная этика», «Научные конференции» и т.п. Элементы ролевой игры присутствуют на каждом занятии, начиная с микро диалогов

с подстановкой, затем постепенно усложняются наполнением частотными лексическими единицами и речевыми образцами с последующим развитием ситуаций и доведения их до уровня спонтанной диалогической речи творческого характера и расширением номенклатуры ролей: магистрант, научный руководитель, работодатель от предприятия, устный переводчик, участник онлайн конференции и т.д.

Приведем пример диалога – подстановки: **A:** *What is the problem of your research work? // What are your scientific interests? // What is the field of your investigation?* **B:** *Robotics//AI//Neural networks is the field//science//area that interests me most. And I wish I had more scientific imagination.* **A:** *What would you do if you had?* **B:** *I'd invent a robot – gardener// robot – personal companion// neural network for machine translation.* **A:** *I appreciate your ambition//research interest//scientific curiosity and wish you a success.* **B:** *Thank you.* По окончании работы над диалогом следуют вопросы от преподавателя: *What is the field of your research work? Are you a more scientifically minded or more practically oriented person? Where would you like to work when you finish your MA course? What do you think is the role of curiosity in the work of a research man?*

Следующим примером является диалог и его вариация с заданием сначала отработать чтение, затем дать подробный ответ на вопрос преподавателя и завершить ролевую игру составлением собственного диалога из предложенных фраз. **A:** *I'm very much interested in robots.* **B:** *Yes, robots can perform a great variety of work.* **A:** *These thinking machines can tell you where to choose a construction site for your factory and how to make production process more efficient.* **B:** *And these manlike machines compose music, manage factories, give advice to pilots and do a lot of other useful things.* **A:** *And in addition to their many practical uses robots help scientists answer many difficult questions.* **B:** *I quite agree. They make partners in space, in business, in medicine and in other fields for man.*

Possible variation. **A:** *I'm very optimistic about robots. They are playing more and more important roles in our life.* **B:** *Yes, these machines can do a lot!* **A:** *True, they can help man make the best possible decision and suggest ways to solve problems. They are no longer devices of fantasy. They are reality.* **B:** *I can add that the need for robots in the modern world is growing daily.* **A:** *And it's because of knowledge and imagination that our scientists are investing in robot making.* Вопрос преподавателя: *What branches of science is robot – making process based on and what is the role of your field of research in it?* В заключении студенты составляют диалог, употребляя предложенные реплики в логической последовательности: *Is that the only reason to create new models of robots? // Actually, man has always been interested in machines that would do work for him. // Well, for example, what materials are robots made of? // I've been*

wanting to ask you for ages some questions about robots. // It means that the scope of research of scientists and engineers will be constantly increasing. // But I don't think that robots will ever totally substitute a human. // What exactly would you like to know about robots? // Because they are made of steel and special kinds of glass and plastic, they can operate where a man could not stay alive.

Студентам очень нравится выступать в роли переводчика в режиме двухстороннего перевода, поэтому в арсенале преподавателя должны быть заготовки заданий с участием 3х студентов, например, в роли **Д-р А, Dr. В**, и переводчика: *Какое впечатление произвела на Вас дискуссия за круглым столом? // I should say it was exceptionally interesting and the questions raised are extremely important. // Я полностью с Вами согласен. Действительно, самые значительные достижения в науке зависят от тесного сотрудничества ученых всех стран, не так ли? // Yes, they do. Besides, I believe scientific communication is one of the most important driving forces of science as a whole. // Считаете ли вы, что университеты дают достаточно знаний для начинающего ученого? // Of course not. They provide only the basis for it. That's my opinion. // Да, это очень серьезная проблема: как интегрировать выпускника университета в научный мир. Спасибо вам за ваше участие в дискуссии. // Задание типа 'Initiate a short discussion with someone on one of the following situations' кажется вполне уместным практически на каждом занятии, при этом описание ситуаций можно подстраивать к основной теме занятия. Например, по теме «Искусственный интеллект» может быть предложена следующая ситуация с условием использования заданных разговорных фраз: How do you feel about...; Personally, I think...; I see what you mean, but...; That's not the only way of looking at it... и т.п. *"AI has penetrated every field of life: from everyday activities to hi-tech levels. There does not seem to be an end to this race. But what are the possible consequences and long-term effects of this technology?"**

Номенклатура заданий, основанных на приемах ролевой игры, многообразна и зависит как от воображения преподавателя при разработке ситуаций, так и языковой подготовленности магистрантов. Как правило, студенты с удовольствием включаются в процесс ролевой игры, потому что она дает им возможность на короткое время почувствовать себя любым персонажем и выразить мнение от его лица. Принцип интерактивности, заложенный в основу ролевой игры, требует от участников общения проявление творческой и мыслительной активности, адекватно оценивать себя и корректировать свои действия в процессе совместной деятельности. Свое положительное отношение к ролевой игре студенты демонстрируют не только в форме увлеченности выполнением заданий, но и своим участием в подготовке

новых сюжетов и сценариев упражнений. Одним из таких примеров, предложенных студентами, было игровое поле, составленное из 40+ квадратов с вопросами или заданиями, применимыми к формату ролевой игры. Бросая игровую фишку, студент останавливается на квадрате с вопросом или утверждением для размышления, например: 1) *Are you for or against the following opinion: 'There is no such thing as useless knowledge'*. 2) *"There are three stages in any research: the first is to begin it, the second is to finish it and the third is to publish it" (M. Faraday). Which stage in your opinion is more difficult and why?* 3) *Comment on this statement: 'A contemporary scientist must be educated in depth and in breadth'*, и т. д. На поле имеются квадраты, которые предполагают пропуск хода, возвращают на несколько квадратов назад или продвигают вперед на несколько ходов. При этом задания оцениваются баллами от 1 до 5. Выигрывает участник с наибольшим количеством баллов.

Литература

Гальскова Н. Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: «Академия», 2009.

Жук Н. В. Ролевая игра как метод обучения иностранному языку в высшей школе // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междуна. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 187–191.

V. I. Yaremenko (Moscow, Russia)
National Research University MIET

ROLE PLAY AS A WAY TO ENHANCE COMMUNICATION SKILLS IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE TO GRADUATE TECHNICAL STUDENTS

A brief cognitive analysis of a role play as one of the ways of teaching speaking skills in foreign language is presented. Examples from practical experience of using role-playing games in classroom settings are described.

Key words: communicative competence, communication, role play, professionally oriented situations.

VII. КОГНИЦИЯ И ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Е. А. Беседина, Т. В. Буркова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.besedina@spbu.ru, t.burkova@spbu.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ КОММЕМОРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИМОДАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена некоторым вопросам изучения роли визуального компонента коммеморативного дискурса в процессе реализации полимодальной коммуникации. Объектом исследования стали мемориальные доски как одна из самых массовых и демократичных коммеморативных практик. Авторы делают вывод о возрастании значения визуального модуса в коммуникативном процессе за последние десятилетия.

Ключевые слова: мемориальная доска, полимодальная коммуникация, коммеморация, визуальный и вербальный модусы, интермодальность.

Различные аспекты полимодальной коммуникации стали сегодня одним из актуальных направлений в исследованиях не только лингвистов-когнитологов, но и представителей других отраслей знания, что свидетельствует о важности рассмотрения данных проблем с позиций междисциплинарного подхода. В этой связи интересным представляется анализ коммеморативного дискурса, сочетающего несколько модусов (письменная речь, устная речь, визуальный, аудиальный, графический и т.д.), основными из которых остаются, однако, вербальный и визуальный. В качестве объекта изучения в статье будет рассмотрен феномен мемориальных досок как один из ярких проявлений коммеморативного дискурса. Эта одна из самых массовых и демократичных коммеморативных практик выполняет три взаимосвязанные функции: историко-мемориальную, художественно-эстетическую и информационно-коммуникативную, помогающую связать в единое целое историко-культурное пространство города, дать возможность нынешним поколениям почувствовать и, вероятно, понять атмосферу минувших веков и десятилетий.

Мемориальные доски, как правило, сочетающие вербальный и невербальные – визуальный и графический – компоненты, напрямую участвуют

в процессе полимодальной коммуникации. Отметим, что текст мемориальной доски представляет собой связанное единство специальных и неспециальных смыслов, репрезентирующих взаимодействие экспертного и обыденного знания [Беседина, Буркова 2015: 319]. Кроме того, есть все основания, в случае «взаимодействия» мемориальной доски и ее наблюдателя/читателя, говорить о фиктивной коммуникации, т.к. эта ситуация «противоречит обязательным условиям осуществления диалогической модели коммуникации» [Алексеев 2022: 226]. Оставляя за строкой статьи роль и значение графического модуля (выделение с помощью шрифта или заглавных букв какой-либо части текста, размещение важнейшего слова или словосочетания на отдельной строке и т.п.), рассмотрим значение и специфику визуального модуля мемориальной доски в коммуникативном процессе на примере памятных знаков советского времени и рубежа XX–XXI веков.

Следует отметить, что на протяжении рассматриваемого периода соотношение вербального и визуального в композиции мемориальной доски могло существенно различаться. Так, уже в 1918 г., к первой годовщине Октябрьской революции, на стене Сенатской башни Московского кремля была установлена мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов», автором которой стал С. Т. Конёнков (подр. см. [Беседина, Буркова 2017]). Безусловно, эта мемориальная доска может скорее рассматриваться как художественное панно, т.к. представляла собой немалых размеров барельеф, изображающий Гения Победы с красным знаменем и пальмовой ветвью в руках, поломанными саблями и ружьями у ног и восходящим солнцем за спиной. Сам текст был минимален: в лучах солнца «Октябрьская 1917 Революция», а в нижней части доски – «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Здесь наблюдатель мог увидеть и перекличку с античными образами и знаменитой Марианной Э. Делакруа, и вспомнить о вечных ценностях, которые провозглашались целью той борьбы. Несомненно, акцент на визуальной составляющей этого знака коммеморации был необходим для сакрализации события и закономерен в условиях почти сплошной неграмотности населения страны.

В скором времени, однако, визуальный модуль мемориальных досок отходит на второй план. В силу целого ряда причин доминирующим становится вербальный компонент этих знаков коммеморации. Его, как правило, дополняет общепринятая, весьма скромная эмблема, характеризующая профессиональную принадлежность героя мемориальной доски, о которой уже говорилось в тексте (пятиконечная звезда, серп и молот, лист бумаги и перо, кисти художника, часть театрального занавеса или отрезок киноплёнки и пр.). С 1930-х гг. развивается традиция размещения на поле памятного знака, наряду с текстом, небольшого барельефа-портрета. Таким образом, налицо

взаимосвязь вербального и визуального компонентов, но визуальный явно играет роль подчиненного элемента, подкрепляющего или акцентирующего внимание на информации, передаваемой вербально.

В качестве интересного примера такой, по классификации Е. Е. Анисимовой, частичной креолизации [Анисимова 2003: 15] рассмотрим мемориальную доску академику С. П. Капице (1928–2012). В 2018 г. этот памятный знак был установлен на углу дома № 13 по Ленинскому проспекту Москвы. Доска, расположенная на углу дома, имеет две стороны, на каждой из которых можно видеть портрет ученого-физика. Только если на одной стороне наблюдатель видит молодого человека, то на другой – перед ним уже пожилой ученый, каким мы помним его по выпускам легендарной советской телепередачи «Очевидное – невероятное». Такой «строй» визуального компонента кажется очень верным, поскольку наш герой прожил в этом доме большую часть своей жизни – с 1949-го по 2012 год. Эти даты фигурируют и в тексте знака, который, кстати, тоже имеет интересное и необычное, «рваное» расположение. Лишь одна часть текста объединяет обе стороны мемориальной доски – и это та информация, которую знают сегодняшние поколения жителей нашей страны: «Создатель телепрограммы “Очевидное – невероятное”».

В то же время можно констатировать, что в последние десятилетия XX века усиливается значение художественно-эстетической функции мемориальных досок. Этот процесс, активно развивающийся, и сегодня, находит выражение, в частности, в более тщательно продуманной концепции визуальной составляющей данной коммеморативной практики. Все чаще авторы скульптурных композиций памятных знаков вводят какие-либо визуальные элементы, призванные расширить информацию, передаваемую в коммеморативном дискурсе современному наблюдателю, заостряющие внимание на наиболее известных фактах профессиональной деятельности героя. Так, в 2021 г. на фасаде дома 13/15 в Газетном переулке столицы появилась мемориальная доска, посвященная знаменитому советскому композитору-песеннику А. И. Островскому (1914–1967). Ее текст лаконичен: «Композитор Аркадий Островский жил и работал в этом доме с 1956 по 1967 годы». Примечательна уже сама круглая форма памятного знака – первый визуальный код, дающий возможность зрителю вспомнить одну из самых популярных, с детства узнаваемых песен композитора – «Пусть всегда будет Солнце!». Профильный портрет сидящего за роялем композитора будто бы озаряют лучи светила, а в верхней части круга прорисована нотная строка песни и столь знакомые всем слова, начинающие ее припев. Таким образом, именно визуальный модус дает молодому поколению представле-

ние о творчестве А. И. Островского, выступает его своеобразной «визитной карточкой». В данном случае можно говорить уже о том, что вербальный и визуальный компоненты, оставаясь взаимозависимыми, выступают практически равноценными носителями информации, передаваемой в процессе полимодальной коммуникации.

Несмотря на появление в наши дни немалого числа мемориальных досок, в которых ярко прослеживается коммуникативное значение визуального модуса, следует обратить внимание на еще две проблемы. Первая из них касается того, что по-прежнему велика доля образцов изучаемой нами коммеморативной практики, в которых доминирует вербальный компонент, а визуальный выражен очень слабо. Это можно объяснить многими причинами, в том числе и экономическими, однако факт остается фактом: в подобной ситуации заказчики и авторы мемориальных досок должны обращать особое внимание не только на вербальный контекст памятного знака, но и его форму, материал изготовления. В противном случае наши города, к сожалению, рискуют получить размещенные на фасадах зданий подобию надгробий, что вряд ли уместно.

Вторая проблема, вероятно, менее драматична и более объяснима. Она заключается в том, что описанный уровень «равноценности» вербального и визуального модусов мемориальных досок характеризует, главным образом, те из них, что посвящены какому-либо историческому деятелю, т.е. именные. В гораздо меньшей степени это относится к событийным мемориальным доскам. Тем не менее и в этой группе памятных знаков можно обнаружить интересные примеры визуальной коммеморации. В 2004 г. на здании библиотеки № 2 г. Братска была открыта мемориальная доска, посвященная 90-летию основания первой библиотеки города. Она выполнена в виде стилизованной раскрытой книги, на левой странице которой помещено изображение деревянного дома, в котором в 1914 г. была открыта читальня, давшая начало библиотеке, и дата – 1914 год. На правой странице читаем текст: «Первая библиотека Братска. В этом здании хранится книжный фонд, который основали революционер В. В. Рябиков и учитель-краевед М. Е. Карпов». Важным в этом памятном знаке видится не только то, что он содержит информацию о значении в культурной жизни современного города библиотеки № 2 – «Библиотеки духовного возрождения», но и отсылает нас к страницам ее истории, называя дату основания книгохранилища, имена его создателей и наглядно показывающее первое место расположения той исторической читальни села Братское.

Таким образом, рассмотренные примеры реализации коммеморативного дискурса отвечают базовым для исследования полимодальности положе-

ниям (см. [Ржешевская 2019]). Во-первых, в коммуникативном процессе участвуют различные модусы, характерные для мемориальных досок как коммеморативной практики. Во-вторых, в наши дни наблюдается явное повышение значения визуального компонента в коммуникации, вплоть до того, что зачастую, особенно в случаях именных мемориальных досок, вербальная и визуальная составляющие «делят» между собой главную роль. Наконец, как и в любой другой коммеморативной практике, модусы, характерные для мемориальных досок, несут в себе определенный культурно-социальный контекст, а также, являясь проводниками официальной политики памяти, – определенные идеологические установки.

Литература

Алексеев Н. В. Полимодальность фиктивной коммуникации в дискурсе социальной рекламы // Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: Изд. Дом ЯСК, 2022. С. 264–297.

Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Изд. центр «Академия», 2003.

Беседина Е. А., Буркова Т. В. Мемориальная доска как малоформатный текст // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 317–319.

Беседина Е. А., Буркова Т. В. Историческая память о событиях 1917 г. в мемориальных досках // 1917 год: от империи Романовых к советской империи: мат-лы VII Всерос. науч. конф. Кострома: Издательство Костромского государственного университета, 2017. С. 36–45.

Ржешевская А. А. О полимодальности и перспективе в дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 7(823). С. 43–51.

*E. A. Besedina, T. V. Burkova (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

VISUAL COMMEMORATION IN THE CONTEXT OF MULTIMODAL COMMUNICATION

The article deals with the role of the visual component of commemorative discourse in the process of multimodal communication. The object of the study is memorial plaques as one of the most widespread and democratic commemorative practice. The authors conclude that the importance of the visual mode in the communication process has increased over the past decades.

Key words: memorial plaque, multimodal communication, commemoration, visual and verbal modes, intermodality.

Н. В. Воробьева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
nadko86@mail.ru

**ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КИНОДИСКУРСА В МЕДИАЖАНРЕ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОРТРЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ**

Статья посвящена исследованию документального фильма о закулисной съёмке как элемента мультимодальной цифровой коммуникации в жанре портретного интервью со знаменитостями в англоязычном медиaprостранстве. Выявляется роль мультимодальных стилистических средств в оказании комплексного прагматического воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: кинодискурс, медиадискурс, интердискурсивность, прагматическая стилистика, мультимодальная стилистика, цифровая коммуникация, интервью.

Англоязычное портретное интервью представляет собой коммуникативное взаимодействие журналиста и интервьюируемой знаменитости, предназначенное для распространения в англоязычном медиaprостранстве, нацеленное на демонстрацию взглядов и ценностей, которыми она руководствуется, создание ее образа/ портрета, которое рассматривается нами в рамках явления конструирования. Под конструированием в лингвокогнитивных исследованиях понимают творческий процесс выбора языковых средств для построения образа объекта [Langacker 1987].

Конструирование публичного образа интервьюируемой известной личности в ходе дискурсивного взаимодействия участников интервью мультимодально, поскольку оно осуществляется за счет комбинирования ресурсов из разных семиотических систем. Следуя подходу О. К. Ирисхановой, мы рассматриваем явление мультимодальности/ полимодальности в широком смысле как способность «сочетать в едином акте коммуникации несколько модальностей (то есть знаковых систем и каналов коммуникации)» [Ирисханова 2022: 19]. Портретные интервью в печатных изданиях комбинируют вербальную и визуальную модальности. Фотопортреты интервьюируемых звезд не только привлекают внимание к материалу интервью, передавая внешность интервьюируемых знаменитостей, но и, сочетаясь с вербальной модальностью на основе метафоризации [Воробьева 2024a] или концептуальной интеграции [Воробьева 2024b], помогают аудитории лучше интерпретировать смысл вербальной части интервью, подчеркивая уникальные черты характера селебрити.

Цифровой формат англоязычного портретного интервью обуславливает возможность использования короткометражных документальных фильмов, фиксирующих процесс фотосъемки/ behind-the-scenes (бэкстейджа фотосессии, закадровой съемки), которые креативно дополняют образ интервьюируемой знаменитости, сконструированный в процессе вербального общения и визуальной коммуникации фотографических изображений. Задействование фрагментов кинематографического дискурса в англоязычном портретном интервью в цифровом пространстве позволяют определять данный медиажанр как интердискурсивный.

Рассмотрим роль элементов кинематографического дискурса в оказании прагматического воздействия на аудиторию при конструировании образа селебрити в ходе портретного интервью. Материалом исследования послужило интервью-портрет с американской медийной личностью, звездой реалити-шоу, актрисой и предпринимателем Ким Кардашьян, опубликованное на официальном сайте старейшего американского журнала о моде и стиле Harper's Bazaar 09 февраля 2011 г. Анализ цифровой коммуникации в жанре портретного интервью осуществляется в русле прагматистического подхода, позволяющего исследовать коммуникативные интенции участников интервью, определяющие выбор мультимодальных стилистических средств в процессе конструирования публичного образа селебрити. Под термином *стилистический* в своем исследовании мы понимаем не соотнесенность средств с определенным функциональным стилем, а их выразительность и оригинальность в акте речи. Стилистическая маркированность соотносится с необычностью и отклонением от нормы как стандарта или конвенционального употребления [Wales 2001: 244].

Заголовок анализируемого портретного интервью "*Kim Kardashian: Cleopatra with a K*" содержит стилистически маркированное средство – лингвокультурную аллюзию, отсылающую читателей к известной исторической личности – царице Египта Клеопатре, которая ассоциируется с красотой и властью. Использование имени собственного "*Cleopatra*" в сочетании с начальной буквой имени и фамилии интервьюируемой селебрити ("*K*") способствует созданию публичного образа интервьюируемой актрисы как современного аналога исторической иконы. Метафорическое использование слов, относящихся к лексико-семантическому полю «Власть», в вербальной коммуникации интервью ("*With a business empire, a bit TV show, and a headline-making body, Kim Kardashian is QUEEN of her self-made kingdom*") подчеркивает такие атрибуты, как успешная карьера, влияние в мире моды, медиа и бизнеса, умение привлекать внимание и создавать тренды. Словосочетание "*QUEEN of her self-made kingdom*" акцентирует самодостаточность Ким и способствует созданию образа сильной и независимой женщины-королевы,

тем самым оказывая мотивационное воздействие на женскую аудиторию, вдохновляя на достижение успеха. Употребление заглавных букв в лексической единице “*QUEEN*”, являясь графическим выразительным средством, также оказывает аппелятивное воздействие, привлекая внимание читателей.

Вербальная часть анализируемого интервью сопровождается аудиовизуальным компонентом (рис. 1), представляющим собой короткометражный документальный фильм, название которого дублирует заголовок интервью. Под дискурсом кинофильма мы понимаем аудиовизуальное коммуникативное событие, в процессе которого режиссер и съемочная группа посредством совокупности монтажных кадров, связанных единым сюжетом и имеющих звуковое сопровождение, взаимодействуют со зрителем. Кинематографический фрагмент анализируемого портретного интервью транслирует моменты фотосессии интервьюируемой актрисы в образе Клеопатры (“*Kim Kardashian: Cleopatra with a K*” фотограф и режиссер Т. Ричардсон, 2011) (рис. 2). Стилисты и визажисты также рассматриваются нами в качестве участников коммуникативного взаимодействия. Макияж, прическа и аксессуары для волос, подобранные специалистами, отсылают к кинообразу царицы Египта в интерпретации Элизабет Тейлор в кинофильме «Клеопатра» (“*Cleopatra*”, режиссер Дж. Манкевич, 1963 г.) (рис. 3), способствуя формированию интердискурсивных связей в медиажанре портретного интервью.

Элизабет Тейлор признается иконой Голливуда, символом красоты, таланта и успешной карьеры. Из вербальной части интервью читатель узнает, что Ким Кардашьян восхищается легендарной актрисой, считая ее своим кумиром (“*idol*”). Воссоздание знаменитого кинообраза можно интерпретировать как дань уважения к культуре и истории кино. Аудиовизуальный

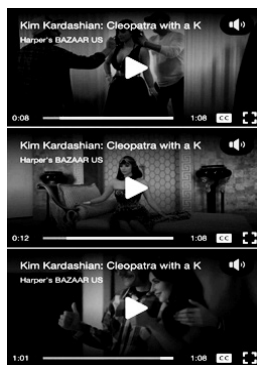

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

компонент интервью не только оказывает художественно-эстетическое воздействие на аудиторию, но и способствует конструированию образа интервьюируемой актрисы, акцентируя ее способность сочетать современные тренды с классическими элементами.

Видеоматериал также содержит голосовые комментарии, фиксирующие процесс интервьюирования в ходе подготовки к фотосессии:

- *What would you say has been your queeniest moment?*
- *I really would like to think I'm not that big of a diva, maybe just like little blowups here and there, but nothing too crazy. If running a country was as easy as twittering, I would absolutely love to run a country.*

Иницилирующая реплика интервьюера в документальном фильме при помощи эпитета “*queeniest*” пролонгирует образ женщины-королевы, побуждая интервьюируемую актрису прокомментировать момент триумфального успеха в ее жизни. В ответной реплике актриса признается, что не соответствует своему публичному образу женщины-дивы в реальной жизни и не считает карьеру блогера триумфальным успехом. Использование разговорного регистра, а также эмотивных интенсификаторов (*really, absolutely, too*) снижает недостижимость интервьюируемой селебрити в глазах аудитории, способствуя восприятию актрисы как обыкновенного человека со свойственными ему эмоциями.

Таким образом, мультимодальные стилистические средства на вербальном и аудиовизуальном уровнях дискурсивного взаимодействия участников интервью оказывают комплексное прагматическое воздействие на аудиторию: привлекают внимание к публикации, пробуждают читательский интерес, передают эмоциональное состояние интервьюируемой звезды, способствуют конструированию и продвижению публичного образа интервьюируемой знаменитости.

Кинематографический аудиовизуальный компонент коммуникации демонстрирует командную работу и креативный подход в создании образа интервьюируемой селебрити, позволяя аудитории стать активным участником коммуникативного взаимодействия, повышая уровень вовлеченности, увеличивая интерактивность жанра портретного интервью в англоязычном цифровом медиaprостранстве.

Литература

Воробьева Н. В. Мультимодальность дискурса селебрити в вербально-изобразительной коммуникации англоязычного медийного интервью // Когнитивные исследования языка. 2024а. № 2–1 (58). С. 516–519.

Воробьева Н. В. Фотопортрет как элемент мультимодальной коммуникации в англоязычном интервью со знаменитостями // Когнитивные исследования языка. 2024b. № 5 (61). С. 373–377.

Ирисханова О. К. Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. С. 7–12.

Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar. Volume 1. Stanford: Stanford University Press, 1987.

Wales K. A dictionary of English stylistics. 2nd ed. Harrow: Pearson Education Limited, 2001.

Источник

Brown L. The Kim Kardashian Interview: Cleopatra With a “K”. URL: <https://www.harpersbazaar.com/celebrity/latest/news/a671/kim-kardashian-interview-0311/> (дата обращения 24.02.2025).

N. V. Vorobyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

PRAGMATIC-STYLISTIC FEATURES OF FILM DISCOURSE IN THE MEDIA GENRE OF ENGLISH PORTRAIT INTERVIEW

The article studies behind-the-scenes documentary film as an element of multimodal digital communication in profile celebrity interview in English media space. The function of multimodal stylistic means in implementing a complex pragmatic impact on target audience is outlined.

Key words: cinematic discourse, media discourse, interdiscursivity, pragmatic stylistics, multimodal stylistics, digital communication, interview.

И. А. Гречкин (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
grechkin.i30@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В МЕМАХ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕМАТИКИ

В статье анализируются особенности использования метафоры в мемах, посвященных медицинской тематике. Метафора, выступая универсальным лингвистическим явлением, играет важную роль в формировании и передаче смыслов в различных контекстах, включая цифровую коммуникацию. Мемы, являясь специфическим жанром интернет-культуры, предоставляют уникальную платформу для анализа метафорических конструкций и их влияния на восприятие медицинской информации.

Ключевые слова: интернет-мем, метафора, полимодальность, медицинский дискурс, когнитивно-дискурсивный анализ.

В последние годы интернет-мемы стали важным элементом онлайн-пространства, оказывающим значительное влияние на формирование коммуникативной среды в различных общественных сферах, включая медицину. Мемы как мультимодальные единицы выступают действенным способом транслирования информации и воздействия на адресата. При этом существенное число данных произведений строится на основе метафорического переноса. Метафора в мемах играет важную роль в формировании и передаче смыслов, особенно в контексте сложных и часто абстрактных медицинских понятий.

Для современной лингвистики характерен когнитивный взгляд на природу и специфику функционирования метафоры. Исходной точкой в развитии методологии анализа метафоры с позиции когнитивистики стала публикация книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем». В соответствии с концепцией авторов, метафоры функционируют как средства познания реальности и выступают неотъемлемыми элементами в процессе мышления [Лакофф, Джонсон 2004]. Современные лингвисты-когнитологи определяют метафору как «глобальный механизм творческой концептуализации мира» [Ирисханова 2011: 81].

В работах, посвященных рассмотрению особенностей функционирования метафоры в контексте различных семиотических систем, выдвигается идея о репрезентации метафоры в невербальных модусах. Так, Ч. Форсвилл приводит тезис о существовании полимодальной метафоры, структура которой подразумевает репрезентацию элементов «цель» и «источник» в разных модальностях [Forceville 2016]. С.В. Канашина также отмечает, что в основе полимодальной метафоры лежит метафорическая проекция смыслов в вербальных и невербальных системах. Подобная метафора выступает средством достижения выразительности и эффективности мема [Канашина 2019: 311].

Мемы как форма культурного выражения обладают уникальной способностью к быстрому распространению и адаптации, что делает их эффективным средством коммуникации в условиях информационной перенасыщенности. В них не только репрезентуется восприятие определенного факта представителями конкретной социальной группы. Данные тексты выступают инструментом формирования общественного мнения.

Настоящая статья ставит целью проанализировать метафорические механизмы, используемые в мемах медицинской тематики.

С помощью метафоры осмысляются культурные и социальные аспекты действительности. Здоровье выступает важнейшей ценностью человека, что отражается в соответствующих мемах. Исследование метафорических стратегий, применяемых в мемах, позволяет уточнить сложившееся в обществе отношение к информации медицинской тематики, а также выявить, как

Рис. 1

заболевания данного органа выступают первым сигналом для обращения за медицинской помощью. Комичный эффект достигается здесь репликой «сердце на нас стучит», которая может трактоваться как непосредственное отражение специфики функционирования органа, так и соотноситься с понятием «доносить», что имеет в русском языке негативную окраску.

Рассмотрим интернет-мем на рис. 2. Данный мем основан на принципе дихотомии и является примером полной креолизации: оба изображения идентичны, отличаются только текстовые комментарии, которые несут основную коммуникативную нагрузку. Визуальный элемент указывает тематически на участников дискурса. В верхней части рисунка дается описание жалоб пациента, в то время как нижний элемент содержит скрытое сравнение и дает отсылку к известной

Рис. 2

культурные и социальные контексты определяют их использование.

Рассмотрим мем, представленный на рис. 1. Его воздействующий эффект основан на интеграции вербального и визуального компонентов. Представленная лингвокогнитивная структура построена на основе метафорического переноса. В данном меме подчеркивается негативное воздействие алкоголя и курения на организм человека, которое отражается в нарушениях работы сердца. Симптомы

заболевания данного органа выступают первым сигналом для обращения за медицинской помощью. Комичный эффект достигается здесь репликой «сердце на нас стучит», которая может трактоваться как непосредственное отражение специфики функционирования органа, так и соотноситься с понятием «доносить», что имеет в русском языке негативную окраску.

Рассмотрим интернет-мем на рис. 2. Данный мем основан на принципе дихотомии и является примером полной креолизации: оба изображения идентичны, отличаются только текстовые комментарии, которые несут основную коммуникативную нагрузку. Визуальный элемент указывает тематически на участников дискурса. В верхней части рисунка дается описание жалоб пациента, в то время как нижний элемент содержит скрытое сравнение и дает отсылку к известной детской игре, в которой бумага выступает действенным средством против камней: бумага побеждает, «обертывает» камень. Происходит метафорический перенос игровой деятельности в сферу медицины.

Метафора выступает способом концептуализации окружающей действительности на основе образной аналогии. Прецедентность мемов и их культурная коннотация требуют от адресата применения экстралингвистических знаний в процессе декодирования данных единиц [Ширяева, Авакова 2019: 139].

К таковым относится использование принятых в лингвокультурном сообществе прецедентных образов. Метафоризация известных личностей в мемах выступает распространенным средством передачи смысла и воздействия на адресата. В русскоязычном пространстве к таковым можно отнести мемы с изображением профессора Преображенского – героя знаменитого произведения М. Булгакова, изображенного на рис. 3. Профессор Преображенский предстаёт образом культурного и просвещённого человека, а вербальная составляющая мема трактуется как окончательное и истинное решение.

Рис. 3

В меме, представленном на рис. 4, происходит слияние двух ярких аллюзивных образов, соотносящийся с прецедентными социально-специфическими ситуациями: образ ведущей телевизионных программ о здоровье, известной благодаря нестандартной подаче своих сюжетов и абсурдных советов и большевистский агитационный плакат «Ты записался добровольцем», созданный во время Гражданской войны в России. Визуальная метафора в данном примере обладает большим потенциалом в формировании аксиологических доминант. Здесь отражается негативное отношение к дороговизне лекарств и развивающейся фармакологической индустрии.

Следует отметить различия в сложности интерпретации метафоры в мемах общей медицинской тематики и специализированных мемах профессиональных сообществ медиков. Для интерпретации последних необходимы знания не только в рамках определённой социокультурной общ-

Рис. 4

Я: мама, давай на Хэллоуин купим мне костюм кошки!

Мама: нет, он уже есть у нашей бабушки

Костюм кошки у бабушки:

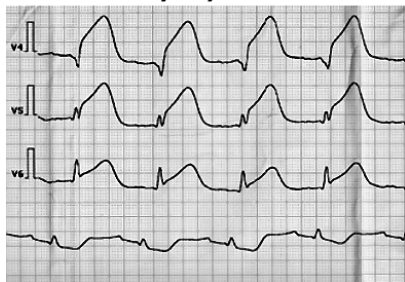

Рис. 5

ном на рисунке 5, актуализируется аллюзивный опыт, соотносящийся с прецедентными профессионально-специфическими ситуациями. Комический эффект достигается при помощи текстовой составляющей, представляющей собой реплики с обеих сторон в форме диалога.

Таким образом когнитивно-дискурсивный анализ функционирования метафоры в интернет-мемах профессиональных сообществ медиков демонстрирует, как сложные культурные и профессиональные коды могут быть эффективно объединены для создания сообщений, носящих не только информационный, но и комический характер, а также подчеркивает важность дальнейших исследований в этой области.

Литература

Канашина С. В. Специфика функционирования полимодальной метафоры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 11. С. 308–311.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Ирисханова О. К. Метафора как акт лингвосомиозиса: на пересечении концептуального и языкового // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 78–95.

Ширяева Т. А., Авакова М. Л. Лексические особенности антиязыка в англоязычном альтернативном речевом поведении (на материале интернет-мемов) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 2. С. 137–143.

Forceville C. Pictorial and Multimodal Metaphor // Handbuch Sprache im multimodalen Kontext. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2016. S. 241–260.

ности, но и более глубокое понимание профессионального языка. Процесс декодирования здесь выступает более сложным и многоступенчатым.

Рассмотрим мем, представленный на рис. 5. Результаты электрокардиограммы врачи сравнивают с «кошкой», точнее с ее «спинкой». Это классическое мнемоническое правило для запоминания главного признака инфаркта миокарда – когда линия записи электрокардиограммы ползет вверх там, где она должна оставаться прямой. Наиболее часто «кошачью спинку» находят на ЭКГ пожилых людей. В меме, представленном

I.A. Grechkin (*Pyatigorsk, Russia*)
Pyatigorsk State University

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF METAPHOR IN MEDICAL MEMES

The article analyses the peculiarities of metaphor use in memes on medical topics. Metaphor as a universal linguistic phenomenon plays an important role in the formation and transmission of meanings in various contexts including digital communication. Being a specific genre of Internet culture, memes provide a unique platform for analysing metaphorical constructions and their influence on the perception of medical information.

Key words: Internet meme, metaphor, polymodality, medical discourse, cognitive-discursive analysis.

М.Г. Исаев (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет*
mgisaev@mail.ru

ВИЗЕМА В ЛЕКСИКОГРАФИИ ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА: СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИМОДАЛЬНОГО СЛОВАРЯ И ЕЁ ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В статье предлагается модель словарной статьи для жестового языка (ЖЯ), основанная на концепции виземы как минимального визуально-пространственного знака. Визема не создает значение, а репрезентирует его через иконичность или абстракцию. Модель включает видеозапись, текстовую номинацию, дефиницию, примеры и семантические связи, способствуя стандартизации РЖЯ.

Ключевые слова: визема, визуальный знак, жестовый язык, словарь.

Введение

Исследователи жестовых языков традиционно используют терминологию звучащих языков, например «фонему», что создаёт неточности при описании визуально-пространственной природы жестового языка (ЖЯ) [Комарова 2022; Лешкова 2024]. Жестовые языки как самостоятельные системы кодирования обладают собственными минимальными единицами, включающими мануальный параметр – хирему и немануальные компоненты:

мимему, артикулему и кинесему [Лешкова 2024]. Для обозначения комплекса этих элементов предлагается термин «визема», введение которого мы бы хотели обосновать в данном сообщении.

«Визема» соотносится с понятиями «визуальный знак» и «жестовое слово», однако точнее отражает специфику коммуникации на ЖЯ, учитывая как формальные параметры, так и семантические, контекстуальные аспекты [Исаев 2024]. В контексте полимодального словаря визема становится оптимальной единицей описания, позволяющей систематизировать вариативность жестов и повысить точность лексикографической обработки материала для образовательных и технологических целей.

Выбор термина для единицы словаря

Основная задача при создании нового типа словаря ЖЯ заключается в определении единицы, способной адекватно встроиться в полимодальный словарь. Жестовый язык не является линейным и включает широкий спектр визуальных компонентов: хирему (конфигурацию рук, движение, локацию), мимему (мимическую составляющую), артикулему (артикуляцию), кинесему (движение тела), а также направление взгляда, положение тела и прочие немануальные элементы.

Для такой комплексной единицы предлагается термин «визема» (от лат. *visus* – «зрение; видение» и греч. -ема – «значимая единица»), который подчёркивает визуально-пространственную специфику жестового языка и позволяет уйти от калькирующих понятий, например «фонема» [Комарова 2022], не применимых к особенностям ЖЯ [Лешкова 2024]. Визема репрезентирует конкретный набор визуальных параметров (мануальных и немануальных), соотносённых с определённым значением. Она контекстуально обусловлена: при модификации своих составляющих (например, направления движения рук или артикуляции) одна и та же визема способна выражать различные значения. Кроме того, визема вариативна: даже при схожем семантическом содержании существуют многочисленные способы её реализации (к примеру, слово «колбаса» в русском жестовом языке демонстрируется несколькими разными жестами).

Термин «визема» оптимален для описания лексической единицы ЖЯ, поскольку отражает:

1. лингвистическую функцию (визуальный знак как носитель смысла);
2. конвенциональность (социальную и культурную обусловленность использования);
3. адаптивность (способность приобретать новые значения).

Структура словарной статьи

Структура словарной статьи должна учитывать мануальные и немануальные параметры:

1. Визема (основа описания) – видеозапись с демонстрацией хиремы (движение, конфигурация, локализация) и немануальных компонентов (артикулема, мимема, кинесема), включающая региональную и социальную вариативность.
2. Нотация (обозначение понятия на русском языке) – содержит официальное или наиболее употребительное словесное соответствие.
3. Дефиниция – краткое пояснение значения, отражающее полисемию и основные контексты употребления.
4. Лексические категории – синонимы, антонимы, омонимы и метафорические переносы, учитывающие специфику ЖЯ.
5. Примеры сочетаемости – фрагменты реального использования (видеопримеры, диалоги), демонстрирующие синтаксические и прагматические особенности.

Заключение

Предлагаемая схема словарной статьи включает ключевые компоненты: видеозапись жеста, нотацию на русском языке, дефиницию, отражающую контекстуальную многозначность, лексико-семантические категории (синонимы, антонимы, омонимы, метафорические переносы), а также примеры реального употребления визем в дискурсе. Подобная структура не только воспроизводит сложность ЖЯ, но и позволяет учитывать региональную и социальную вариативность. Более того, такая модель словарной статьи ЖЯ обеспечивает важные практические возможности: от стандартизации русского жестового языка (РЖЯ) до создания образовательных материалов и разработки систем машинного перевода.

Таким образом, представленная модель словарной статьи создаёт основу для дальнейших исследований в области лексикографии жестовых языков и методологии их описания. Она подчёркивает необходимость разработки собственной терминологии для учёта специфики ЖЯ и интеграции лексических единиц в общую лингвистическую парадигму.

Литература

Лешикова Я. Н. В поиске минимальных единиц // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Третьей международной научно-практической конференции. Москва, 15–16 декабря 2023 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. С. 89–95.

Комарова А. А. Русский жестовый язык: основные проблемы изучения лексики // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 1–2. С. 116–134.

Исаев М. Г. Понятие «визуальный знак» в русском жестовом языке // Межкультурное пространство жестовых языков: перевод, коммуникация, исследования: сборник научных статей Третьей международной научно-практической конференции. Москва, 15–16 декабря 2023 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2024. С. 64–68.

М. G. Isaev (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

WISEME IN SIGN LANGUAGE LEXICOGRAPHY: A STRUCTURAL MODEL OF A MULTIMODAL DICTIONARY AND ITS PRACTICAL IMPLICATIONS

In this article, a dictionary entry model for sign language is proposed, based on the concept of the viseme as a minimal visual-spatial sign. The viseme does not generate meaning but represents it through iconicity or abstraction. The model incorporates video recordings, textual designations, definitions, examples, and semantic relations, thus promoting the standardization of Russian Sign Language.

Key words: viseme, visual sign, sign language, dictionary.

Э. В. Кумуржи (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет
k-evi@mail.ru*

СИНЕСТЕЗИЯ СЕНСОРНЫХ МЕТАФОР В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ И В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КРОСС-МОДАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Цель исследования – выявление особенностей синестезии сенсорных метафор русского жестового языка (РЖЯ) в сопоставлении со звучащим русским языком с учётом апперцепции глухих носителей. Анализируются кросс-модальные трансформации в сенсорных метафорах РЖЯ, отражающие компенсацию отсутствующего слухового канала восприятия.

Ключевые слова: русский жестовый язык (РЖЯ), русский язык (РЯ), синестезия, сенсорные метафоры, апперцепция, кросс-модальная трансформация.

Синестезия, рассматриваемая как лингвистический феномен, характеризуется двумя основными проявлениями: интермодальным использованием сенсорных категорий (например, «горячий взгляд», «мягкий звук») [Ищенко 2014; Карпинская, Владыкина, Шилов 2015; Лаенко 2006; Левчина 2003; Прокофьева 2010; Симоненко 2022; Nurutdinova 2022; Popova 2005; Winter 2019] и модально-перцептивным замещением (например, «слышать больно» – «смотреть больно») [Задорнова 2020: 10]. Данный феномен приобретает особую значимость при исследовании естественных языков различной модальности с разными типами основного сенсорного восприятия.

В контексте русского жестового языка (РЖЯ) проявление синестезических образов обусловлено спецификой апперцепции глухих носителей [Кумуржи 2022, 2024]. Их мировосприятие, интегрированное в общую этнолингвистическую ментальность, базируется на визуально-кинестической модальности, компенсирующей отсутствие аудиального канала восприятия. Настоящее исследование направлено на выявление специфики формирования сенсорных метафор в РЖЯ в сопоставлении с русским языком (РЯ) и определение функциональной роли синестезии в структурировании семантических трансформаций.

Эмпирической базой исследования послужил авторский видео глоссарий сенсорных метафор РЖЯ, представленный в публичном Telegram-канале «Сенсорные метафоры РЖЯ» (<https://t.me/RSLsensor>). Методика исследования основана на сопоставительном анализе аудиальных метафор РЯ и их эквивалентов в РЖЯ, где звуковые образы регулярно заменяются на зрительные или осязательные. Теоретико-методологическим фундаментом интерпретации полученных данных выступила концепция метафоры Н. Д. Арутюновой как инструмента когнитивной адаптации [Арутюнова 1990].

Сопоставительный анализ синестезических явлений в сенсорных метафорах русского жестового языка и русского языка позволяет предположить наличие в РЖЯ особой категории метафор, характеризующихся специфическим сенсорным переносом в процессе восприятия окружающей действительности глухими носителями языка.

В ходе анализа 80 сенсорных метафор РЖЯ наблюдалась закономерная трансформация звуковых метафор РЯ в визуальные и кинестетические образы. Анализ материала позволил выявить группы кросс-модальных трансформаций, представленные примерами в табл. 1 (стр. 586).

Результаты сопоставительного анализа данных демонстрируют систематическую компенсацию отсутствующего слухового опыта посредством интенсификации визуальных, вкусовых и кинестетических компонентов. Представленные примеры подтверждают функционирование синестезии как компенсаторного механизма при образовании ряда метафор в РЖЯ.

Таблица 1

Русский язык	Русский жестовый язык
<i>Аудиальный канал</i>	<i>Визуальный канал</i>
режет слух (аудиальный дискомфорт при восприятии звука)	жесты СМОТРЕТЬ + УБИТЬ (интенсивный визуальный дискомфорт)
глухая ночь (полная тишина)	жесты НОЧЬ + СЛЕПОЙ (полное отсутствие визуального восприятия)
<i>Аудиальный канал</i>	<i>Визуальный + вкусовой каналы</i>
усллада для ушей (приятное аудиальное восприятие)	жесты СМОТРЕТЬ + ВКУСНО (приятное визуально-вкусовое восприятие)
<i>Аудиальный + визуальный каналы</i>	<i>Визуальный + тактильный каналы</i>
кричащие краски (интенсивное цветовое и аудиальное воздействие)	жесты ГЛАЗА+БИТЬ+КРАСКИ (интенсивное визуальное воздействие)
<i>Аудиальный + тактильный каналы</i>	<i>Визуальный + тактильный каналы</i>
голос как шелк (приятное акустическое и тактильное качество)	жесты ЖЕСТЫ + МЯГКИЕ (приятное визуально-кинестетическое качество)

Анализ материала свидетельствует о том, что в РЖЯ перцептивные особенности глухих носителей обуславливают реструктуризацию метафор через доступные визуально-кинестетические каналы. При этом следует отметить, что данные трансформации ограничены определенным набором случаев и не исключают использования носителями РЖЯ лингвокультурных концептов, характерных для РЯ.

Примечательно, что кросс-модальные трансформации в метафорах РЖЯ часто сопровождаются элементами визуальной иронии, отсутствующими в РЯ, что свидетельствует о специфических механизмах репрезентации сложных семантических отношений в РЖЯ.

Анализ функционирования кросс-модальных метафорических трансформаций в РЖЯ позволяет определить синестезию как специфический механизм перцептивной адаптации, обеспечивающий носителям языка:

- концептуализацию абстрактных понятий через актуальные сенсорные модальности;
- сохранение метафорической образности при отсутствии аудиального компонента;

- конструирование специфических семантических структур, отражающих альтернативный тип перцепции.

Полученные данные подтверждают, что особенности синестезических переносов определяются сенсорным опытом носителей языка. В частности, если для РЯ характерно преобладание аудиально-визуальных метафор, то в РЖЯ доминирует тактильно-визуальное взаимодействие.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что синестезия в РЖЯ представляет отдельную категорию сенсорных метафор, обусловленную спецификой восприятия глухих носителей. Кросс-модальные трансформации (звук → зрение / тактильность / вкус) демонстрируют не только адаптивные перцептивные стратегии, но и обогащают лингвистику русского жестового языка новыми данными о вариативности метафорических систем.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник. Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.

Задорнова В.Я. Синестезия как стилистический прием в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. № 1. С. 9–19.

Ищенко И.Г., Ким К.К. Способы реализации синестезии в американских музыковедческих текстах // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 126–132.

Карпинская В.Ю., Владыкина Н.П., Шилов Ю.Е. Классификация в процессе зрительного восприятия // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. № 1–3. С. 642–650.

Кумуржи Э.В. Звуковые метафоры в русском жестовом языке // Сборник научных статей Второй международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2022. С. 119–126.

Кумуржи Э.В. Сенсорные метафоры в жестовых языках: перспективы исследования для русского жестового языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 9 (890). С. 67–72.

Лаенко Л.В. Восприятие – сознание – язык: проблема взаимосвязи // Теория языка. Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 5–15.

Левчина И.Б. Развитие семантической структуры синестезических прилагательных: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2003.

Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, № 1. С. 3–10.

Симоненко М.А. «Языковая синестезия = метафора»: аксиома или лингвистическая гипотеза? // Этнопсихолингвистика. 2022. № 3 (10). С. 76–89.

Nurutdinova A. R. Conceptualisation of taste in the context of cognitive research: polymodality, intermodality, synaesthesia // Russian Linguistic Bulletin. 2022. No. 1(29). 127–138.

Popova Y. Image schemas and verbal synesthesia // Beate Hampe & Joseph Grady (eds.), From perception to meaning: Image schema in cognitive linguistics (Cognitive linguistics research 29). 2005. Berlin & New York: Mouton de Gruyter, P. 395–420.

Winter B. Sensory linguistics: Language, perception, and metaphor. Amsterdam & Philadelphia (Benjamins), 2019.

E. V. Kumurzhi (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

SYNESTHESIA IN SENSORY PERCEPTION METAPHORS OF RUSSIAN SIGN LANGUAGE AND RUSSIAN: CROSS-MODAL TRANSFORMATIONS

The study looks into the specific characteristics of synesthesia in Russian Sign Language sensory perception metaphors compared to spoken Russian with regard to the apperception of deaf signers. The author analyzes cross-modal transformations to be found in Russian Sign Language sensory perception metaphors that make up for the absence of auditory perception channel.

Key words: Russian Sign Language (RSL), Russian (Rus), synesthesia, sensory perception metaphor, apperception, cross-modal transformation.

Я. Н. Леишкова (*Москва, Россия*)
*Московский государственный
лингвистический университет
zcz@list.ru*

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ОЦЕНКЕ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РЕСПОНДЕНТОВ РАЗНЫХ КАТЕГОРИЙ НЕСЛЫШАЩИХ

Статья представляет дизайн эксперимента для оценки коммуникативных компетенций глухих и слабослышащих в контексте функциональной социолингвистики (РЖЯ/русский язык). Эксперимент включает задания по лексике, переводу и интерпретации – от культурно-специфичных концептов до сложных нарративов, с акцентом на переключение между модальностями – жестовой и текстовой. Используются

методы видеоанализа и экспертной оценки, позволяющие исследовать как владение языками, так и когнитивные стратегии.

Ключевые слова: русский жестовый язык (РЖЯ), калькирующая жестовая речь (КЖР), эксперимент, коммуникативные компетенции незлышащих, полимодальность.

Данная статья посвящена представлению дизайна эксперимента, направленного на комплексное исследование коммуникативных компетенций незлышащих респондентов с разной степенью владения русским жестовым языком. В фокусе исследования – оценка владения участниками эксперимента различными формами визуальной модальности и их использования во взаимодействии с текстовой модальностью русского языка. Разработанный дизайн эксперимента предполагает комплексный анализ индивидуальных стратегий респондентов при использовании комплекса визуально-пространственных кодов: русского жестового языка (РЖЯ), калькирующей жестовой речи (КЖР), дактилирования, а также сопутствующих паралингвистических компонентов: артикуляции, мимики, дейктических элементов и кинесических паттернов – в сочетании с рецепцией и продукцией письменного русского языка.

В исследовании владения русским жестовым языком оцениваются следующие аспекты: способность респондентов использовать жестовую лексику, а также корректное применение артикуляционных, мимических и кинетических компонентов, являющихся частью грамматической структуры РЖЯ, и умение строить связные высказывания в соответствии с синтаксическими нормами РЖЯ. Дополнительно рассматривается навык чтения с губ, который помогает принимать аудиальную информацию визуально и интегрировать ее в общение на РЖЯ. Способность к дактилированию и использованию калькирующей жестовой речи здесь тоже важна: дактильная форма задается для точной передачи буквенных обозначений и сложных понятий русского языка, а калькирующая жестовая речь отражает синтаксис и отдельные элементы звучащего языка, комбинация с РЖЯ которой позволяет переходить из одной модальности в другую в реальном времени.

Параллельно этому проводится оценка владения звучащим языком и его письменным вариантом. Исследование охватывает объем словарного запаса, применение грамматических норм русского языка, а также уровень понимания письменных текстов. При этом важно, как именно участники переключаются между жестовой и звучаще-письменной формами языка, стараясь не утрачивать смыслового содержания. В таких ситуациях может применяться калькирующая жестовая речь, когда сохраняется порядок слов русского предложения, или дактильное воспроизведение отдельных букв (аббревиатур, окончаний) или слов, если они не имеют жестовых аналогов.

Когнитивный блок исследования направлен на изучение способности к анализу и синтезу жестовой и текстовой информации, особенностей мышления респондентов и переключения языковых кодов и адаптивности коммуникативного поведения.

В рамках представленного дизайна эксперимента планируется привлечение широкого спектра **респондентов** с нарушениями слуха разной степени (от слабослышащих до полностью глухих), включая лиц, использующих слуховые аппараты и кохлеарные импланты. Основным критерием отбора станет различный уровень владения русским жестовым языком и письменным русским языком, а также разнообразие коммуникативного опыта. Особое внимание будет уделено исследованию когнитивных особенностей мышления участников, в частности, выявлению различных типов мышления («мышление глухих», «мышление слышащих», «интегративное мышление»), что позволит проанализировать связь между типом мышления и предпочитаемыми коммуникативными стратегиями. Планируется привлечение не менее 50 участников из сообщества глухих и слабослышащих.

Экспериментальная часть исследования включает следующие блоки:

1. Исследование лексической компетенции через воспроизведение культурно-специфичных концептов русского языка (*пошлый, белоручка, суши-няк, душа, кипяток, сутки, истина, тоска, квас, дача, самовар, матрешка, хамство, беспредел, дедушка*) в предпочитаемых формах визуальной модальности. Выбор данных лексических единиц осуществлен на основе анализа словаря «Константы русской культуры» [Степанов 1997] и «Национального корпуса русского языка», где эти концепты идентифицированы как лингвокультурные лакуны, отражающие специфику русской языковой картины мира.

2. Анализ профессиональной терминологической компетенции через демонстрацию понятий сферы труда (аттестация, безопасные условия труда, выслуга лет, должность, забастовка, занятость, карьера, квалификация, работа, собеседование) в предпочитаемых формах визуальной модальности. Данное терминологическое поле выбрано как имеющее высокую прагматическую значимость для социальной и профессиональной интеграции неслышащих.

3. Оценка навыков перевода идиоматических выражений. В исследовании оцениваются данные навыки в двух направлениях. В первом направлении респондентам будет предложено перевести с русского языка на РЖЯ следующие выражения: «*крутиться, как белка в колесе*», «*бросаться в глаза*», «*мозолить глаза*», «*перед носом*», «*язык без костей*». Во втором направлении будет оцениваться способность перевода с РЖЯ на русский язык выражений «*держать язык за зубами*», «*не держит язык за зубами*», «*задеть за живое*»,

«пустая голова», «сделать большие глаза». Выбор данных фразеологизмов обусловлен тем, что выбранные выражения представляют разные семантические поля: эмоциональные состояния, коммуникативное поведение, визуальное восприятие. Данный набор идиоматических выражений позволяет проанализировать особенности метафорического переноса в жестовом языке и выявить степень сформированности поликодовой компетенции у респондентов, включая способность переключения между различными лингвистическими системами. Согласно исследованиям жестовых языков (Т. Джонсон, Л. Феррара, А. А. Комарова, В. Киммельман, Я. Н. Лешкова и др.), идиоматические выражения представляют особую трудность при переводе и требуют высокого уровня владения обеими формами языка.

4. Анализ компетенций художественного перевода поэтического четверостишия Омара Хайяма средствами РЖЯ, КЖР и др. Выбор данного стихотворения обусловлен его структурными и семантическими характеристиками: лаконичностью формы, философской глубиной содержания, высокой образностью и экспрессивностью, что требует от респондентов способности к метафорическому мышлению и инференции (выводному знанию), а также позволяет оценить навыки переключения между модальностями РЖЯ и русского языка.

5. Исследование навыков восприятия и перевода сюжетного повествования «Как я вышла замуж» (автор – С. Павлова) с РЖЯ на письменный русский язык. Светлана Павлова – представитель сообщества глухих, чьи нарративы на РЖЯ получили широкое признание благодаря аутентичности и подлинному отражению языковых и культурных особенностей сообщества глухих. Данный контент выбран как образец естественного дискурса на РЖЯ, содержащий специфичные элементы визуально-пространственной модальности и отражающий особенности повествовательных стратегий, характерных для русского жестового языка.

6. Оценка навыков передачи содержания четырехэпизодного комикса в различных формах визуальной модальности (РЖЯ, КЖР и др.). Данный этап направлен на отслеживание интерпретативных возможностей респондентов и их способности воспринимать и интерпретировать визуально-вербальный нарратив. Комикс как мультимодальный текст позволяет исследовать когнитивные стратегии респондентов при интерпретации визуально-графического кода, включая распознавание причинно-следственных связей, понимание неявно выраженной (подразумеваемой) информации и способность к лингвистическому оформлению невербальных стимулов.

7. Анализ способностей трансляции сюжета анимационного фильма о конфликтной ситуации между зверушками на мостике предпочитаемыми

респондентами формами визуальной коммуникации. Данный этап специально разработан для тестирования восприятия и интерпретации конфликтной ситуации, требующей метафорического осмысления и обобщения. Анимационный формат позволяет оценить способность респондентов к межсемиотическому переводу – трансляции мультипликационных образов и действий в жестовые знаки, сохранению нарративной структуры при смене знаковой системы и выбору адекватных лингвистических средств для передачи как явно показанных событий и действий, так и подразумеваемых, не выраженных прямо значений и отношений между персонажами.

8. Исследование навыков визуального восприятия артикуляции и письменной передачи информации при просмотре беззвучного нарративного монолога. На этом этапе респондентам предлагается видеозапись монолога носителя русского языка без звукового сопровождения, при котором говорящий артикулирует повествовательный текст. Данная методика направлена на оценку навыков чтения с губ и способности декодировать информацию исключительно по визуальным артикуляционным паттернам, что является важным коммуникативным навыком для многих неслышащих, особенно интегрированных в слышащее сообщество.

Все этапы эксперимента реализуются с применением комбинированной методологии количественного и качественного анализа, включая видеофиксацию, контент-анализ и лингвистическое интервьюирование. Количественный анализ предполагает измерение и статистическую обработку формализуемых параметров коммуникации: частотности использования определенных визуально-пространственных кодов и паралингвистических компонентов, времени выполнения заданий, количества переключений между коммуникативными кодами. Качественный анализ направлен на интерпретативное исследование содержательных аспектов коммуникации: выбор лингвистических стратегий, особенности перевода визуально-специфичных элементов, характер трансформаций при межсемиотическом переводе. Полученные результаты подвергаются многофакторному анализу для выявления корреляций между типом мышления, предпочитаемыми коммуникативными стратегиями и эффективностью передачи информации различной семантической сложности.

Литература

- Крысин Л. П.* Очерки по социолингвистике. Москва: ФЛИНТА, 2021.
Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

Ya. N. Leshkova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**PRINCIPLES OF MATERIAL SELECTION
FOR AN EXPERIMENT ON ASSESSING
THE COMMUNICATIVE COMPETENCIES
OF RESPONDENTS FROM DIFFERENT CATEGORIES
OF DEAF AND HARD OF HEARING INDIVIDUALS**

The article presents an experimental design for evaluating the communicative competencies of deaf and hard-of-hearing individuals in the context of functional sociolinguistics (Russian Sign Language/Russian language). The experiment includes tasks on vocabulary, translation, and interpretation – from culturally-specific concepts to complex narratives, with an emphasis on switching between modalities – sign and text. Video analysis and expert evaluation methods are used to investigate both language proficiency and cognitive strategies.

Key words: Russian Sign Language (RSL), Signed Russian, experiment, communicative competencies of deaf and hard of hearing individuals, multimodality.

О. Б. Найок (Москва, Россия)
*Московский государственный
лингвистический университет
olga-nayok@outlook.com*

**ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ, ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ
И ПОЛИКОДОВОСТЬ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Изучение репрезентации смыслов в англоязычном интермедиальном художественном дискурсе проводится на материале короткого рассказа и его экранизаций, в которых актуализация информации, являющейся центральной для реализуемых ментальных моделей, может иметь поликодовый и при этом мономодальный или полимодальный характер, что способствует осуществлению функции ее выдвижения.

Ключевые слова: интермедиальность, полимодальность, поликодовость, художественная коммуникация, литературный дискурс, кинодискурс, ментальная модель.

Внимание, уделяемое в гуманитарных дисциплинах изучению таких явлений, как полимодальность, поликодовость и интермедиальность, обусловлено междисциплинарной направленностью современных исследований, позволяющей сформировать новые подходы к анализу разнообразных аспектов коммуникативной деятельности человека и, в частности, художественной коммуникации. Перспективной в этом плане представляется «лингвоэстетическая модель художественной коммуникации», выработанная В. В. Фещенко «на основе существующих в семиотике, лингвистике и поэтике моделей знака, семиозиса и коммуникации» [Фещенко 2021: 7], согласно которой художественная коммуникация, представленная разными видами художественного дискурса, понимается как взаимодействие между автором (писателем, художником, музыкантом и т. д.) и его аудиторией (читателями, зрителями, слушателями) «посредством произведения искусства как сообщения или высказывания» [там же]. Такое сообщение в художественной коммуникации представляет собой результат построения индивидуальной модели мира, закодированный автором с помощью его собственного уникального идиолекта [Фещенко 2021]. Социокультурный опыт, лежащий в основе ментальных моделей, может репрезентироваться с помощью нарратива «в виде последовательности слов или образов» [Обдалова, Левашкина 2019: 339] в текстах разной семиотической природы и разной функциональности [Андреева 2007].

Анализ особенностей смыслоформирования в художественной коммуникации осуществляется в представляемой работе на примере таких видов художественного дискурса, как литературно-художественный дискурс и художественный кинодискурс. Важно отметить, что, несмотря на очевидные различия, оба дискурса обладают рядом общих черт, являющихся принципиальными для проводимого исследования. К таким общим характеристикам относятся поликодовость представления информации и фикциональность изображаемой реальности. Исследуемой формой реализации литературно-художественного дискурса является короткий рассказ, а художественного кинодискурса – короткометражный фильм.

Целью исследования является изучение корреляции вербальных и визуальных компонентов в англоязычных поликодовых текстах, при реализации в них средствами литературы и кинематографа ментальных моделей, построенных авторами в отношении одного и того же нарратива. Материалом является короткий рассказ “Death By Scrabble” («Роковая игра»), написанный Чарли Фишем (Charlie Fish, 2006), и три его одноименные киноэкранизации (реж. Ryan Geiger, 2014; реж. Luke Davies, 2012; реж. Tim Jacobs, 2008).

Экранизация короткого рассказа представляет собой его перекодирование средствами кинематографии, что является манифестацией интермедиальности [Волков 2014; Хаминова, Зильberman 2014; Козлова, Кремнева 2024]. Преобразование текста одного вида искусства в систему другого актуализирует интермедиальные отношения между разными версиями этого текста, реализующими интермедиальный художественный дискурс.

Основными для нарратива, воспроизводимого в анализируемых текстах, являются следующие элементы: действующие лица – муж и жена, играющие в Эрудит (*Scrabble*) у себя дома; повествование ведется от лица мужа; в ходе повествования муж испытывает по отношению к жене ненависть, которая реализуется в желании ее убить; в процессе игры муж внезапно осознает, что слова, которые складываются участниками на игровом поле, немедленно воплощаются в жизнь; муж пытается воспользоваться этим качеством игры, чтобы покончить с женой, составив из фишек слово с летальным значением, однако его жена первая составляет такое слово, в результате чего игра завершается смертью мужа, подавившегося игровой фишкой.

Центральным элементом ментальных моделей, реализуемых в рассказе “Death By Scrabble” и его экранизациях, выступает сложный концепт СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ, а игра, в которой участвуют муж и жена, представляет собой его метафорическое воплощение в рамках создаваемой реальности. Еще одной важной составляющей ментальных моделей является информация о магическом характере игры, что служит дополнительным проявлением фикциональности рассматриваемого интермедиального художественного дискурса.

При анализе семиотической специфики рассказа “Death By Scrabble” и снятых по его мотивам короткометражных фильмов понятия полимодальности и поликодовости разделяются в том смысле, что «поликодовый текст (соединяющий в себе вербальный и визуальный код) может быть и мономодальным, если он воспринимается исключительно при помощи зрительного анализатора» [Некрасова 2014: 45]. Таким образом, рассматриваемый короткий рассказ представляет собой мономодальный поликодовый текст, так как воспринимается только зрительно, и при этом сочетает в себе вербальный и визуальный компоненты. Визуальные средства в рассказе “Death By Scrabble” представлены графическим выделением прописными буквами слов, которые участники складывают из фишек с буквами в процессе игры. Такое шрифтовое варьирование способствует двойной актуализации выделяемых слов в контексте произведения. Кроме того, счет в игре представлен цифровым кодом, который регулярно приводится в тексте, отражая ход игры.

В начале повествования слова, напечатанные прописными буквами, трактуются только в рамках игры, а графическое выделение помогает отличать их от остальных слов в повествовании. На этом этапе связь слов из игры с развитием событий воспринимается как простое совпадение, например, *She plays **SWEATIER**, using all her letters. 24 points plus a 50 point bonus. If it wasn't too hot to move I would strangle her right now. I am getting **sweatier***, где дистантность повтора слова *sweatier* в повествовании иконически реализует случайный характер параллелей между игрой и жизнью персонажей.

В момент осознания мужем магических свойств игры причинно-следственная связь между словами в игре и событиями в жизни персонажей передается с помощью повтора слов, которые уже были задействованы в игре, и слов, которые описывают события из жизни, происходившие параллельно с игрой: *I played the word **EXPLODES**, and it happened – the air conditioning unit exploded. And before, I played the word **CHEATING** when I cheated. And **ZAP** when my wife got the electric shock. The words are coming true. The letters are choosing their future. The whole game is – **JINXED***. Слова из игры выделяются здесь прописными буквами, как и ранее в тексте, а слова, относящиеся к событиям из жизни, являются либо дословным повтором слов из игры, либо их перифразируют, при этом они напечатаны строчными буквами, как и весь остальной текст. При указании на каждую параллель с жизнью героев слово из игры упоминается первым, что соответствует хронологии событий и иконически фиксирует причинно-следственные отношения. Необходимо отметить эллиптический характер последнего из приведенных указаний на аналогию между игрой и жизнью: информация о том, что слово участвовало в игре, не вербализуется эксплицитно, как было в других случаях, а передается только с помощью шрифтового выделения слова *JINXED*.

Короткометражные экранизации рассказа являются полимодальными поликодовыми текстами, так как воспринимаются зрительно и аудиально, а вербальный компонент в них представлен в виде речи, озвученной актерами, и визуально – в виде игровых фишек, из которых персонажи складывают слова в игре. Информация о счете в игре передается в экранизации 2014 г. вербально единственным упоминанием в речи. В двух других экранизациях счет в игре представлен вербально в речи персонажей и цифровым кодом в их записях, которые периодически изображаются крупным планом.

В экранизации 2014 г. актер, исполняющий роль мужа, произносит весь текст повествования, поэтому слова, которые складывают участники игры,

озвучиваются только его голосом и параллельно изображаются крупным планом на игровом поле.

В экранизации 2012 г. текст повествования также озвучивается только мужем, а слова, задействованные в игре, за редким исключением, всегда произносятся им вслух и изображаются на игровом поле. Интересно, что предпоследним кадром экранизации является крупный план выложенного женой слова *CHOKE* (поперхнуться), которое не озвучивается, а последний кадр фильма представляет собой крупный план удивленного лица мужа, что способствует имплицированию завершающей нарратив смерти мужа, вызванной застрявшей в его горле фишкой.

В экранизации 2008 г. слова из игры озвучиваются в речи обоих персонажей и представляются визуально как на игровом поле, так и с помощью спецэффекта в виде слов, анимированных посредством игровых фишек с буквами, которые возникают в воздухе за спинами актеров, что способствует дополнительному выделению этих слов.

Таким образом, информация, являющаяся одним из центральных элементов транслируемых ментальных моделей и обуславливающая фикциональность создаваемой в интермедиальном художественном дискурсе действительности, может иметь поликодовый и при этом мономодальный или полимодальный характер в текстах разной семиотической природы, что способствует осуществлению функции ее выдвижения.

Литература

Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 46. С. 61–71.

Волков В. В. Интермедиальность как атрибут художественности (лингвогерменевтика термина) // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 2. С. 135–142.

Козлова Л. А., Кремнева А. В. Полимодальность восприятия и ее отражение в художественном тексте: когнитивно-семиотический аспект // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28. № 2. С. 391–414.

Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.

Обдалова О. А., Левашкина З. Н. Понятие «нарратив» как феномен культуры и объект дискурсивной деятельности // Язык и культура. 2019. № 48. С. 332–348.

Фещенко В. В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 1. С. 7–31.

Хаминова А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.

O. B. Nayok (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**INTERMEDIALITY, MULTIMODALITY
AND POLYCODE CHARACTER
OF ENGLISH-LANGUAGE ARTISTIC COMMUNICATION**

Meaning construction in English-language intermedial literary discourse studied in a short story and its film adaptations shows that the information central to their mental models can have polycode as well as monomodal or multimodal character, which correlates with the function of foregrounding.

Key words: intermediality, multimodality, polycode character, artistic communication, literary discourse, film discourse, mental model.

М. И. Парамонова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
paramonova_mi@mail.ru

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ДИХОТОМИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ
ПОЛИКОДОВЫХ МЕДИАТЕКСТАХ
В ПЕРИОД ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ
2024 ГОДА В США
(на материале издания The Washington Post)**

Статья посвящена специфике репрезентации оппозиции «Свой-Чужой» посредством вербальных и визуальных метафор в статьях веб-версии газеты The Washington Post в период избирательной кампании в США 2024 года. Выделены основные метафорические модели, определена роль визуальной метафоры в создании метафорических образов «своих» и «чужих».

Ключевые слова: поликодовый медиатекст, «Свой», «Чужой», метафорическая модель, вербальная метафора, визуальная метафора.

Как правило, элементы окружающего мира воспринимаются людьми как свойственные или чуждые их культуре, что находит свое выражение в существовании оппозиции «Свой – Чужой». Вариативность реализации данной дихотомии в различных видах дискурса обусловлена определенной

системой характерных для того или иного дискурса понятий, языковых средств их выражения, а также степенью полярности категорий «Свой» и «Чужой» [Лату, Тагильцева 2023]. Дихотомически противопоставленные единицы «свой» / «чужой» являются основными концептами базовой для персуазивного дискурса когнитивной категории «Свой круг», продуктивность которой объясняется гибкостью и простотой использования для оказания манипулятивного воздействия [Иссерс 2008].

В настоящее время данная оппозиция проявляется наиболее ярко в журналистских материалах политической направленности, приобретающих характерологические черты политического дискурса, ведущей особенностью которого является борьба за власть. При этом важной чертой медиатекстов, включая и информационные тексты политической тематики, является взаимодействие вербального и иконического компонентов, что создает возможность полимодального восприятия информации, обеспечивает высокую информативность текста, повышает степень оказываемого воздействия на аудиторию [Громова 2014].

Одним из ведущих средств реализации дихотомии «Свой – Чужой» в политическом медиадискурсе является метафора, которая, являясь приемом когнитивного плана, способствует созданию желательных для автора ассоциаций, сравнений, что позволяет осуществить перенос оценки из одной когнитивной области в другую, создать нужный образ [Иссерс 2008]. Так, метафоры активно используются в рамках стратегии дискредитации – одного из основных способов разграничения «своих» и «чужих».

В результате анализа материалов, опубликованных в онлайн версии традиционно поддерживающего курс Демократической партии США издательства Вашингтон Пост (www.washingtonpost.com) в период избирательной кампании 2024 года, выделены разнообразные метафорические модели, представляющие «чужих» (Д. Трамп и его сторонники) и «своих» (представители и сторонники Демократической партии США). При этом ведущую роль в создании метафорических образов противоборствующих сторон играют вербальные метафоры. «Чужие» представлены метафорическими моделями со сферами-источниками ТЕАТР (*choreographed return of Trump, showman's performance* и др.), ВОЙНА (*Republicans' complete capitulation to Trump, critical battlegrounds like Pennsylvania and Michigan* и др.), ИГРА (*their geopolitical chessboard, the election is his golf game* и др.), ЖИВАЯ И НЕЖИВАЯ ПРИРОДА (*his third campaign pushed with strong tailwinds, gadflies devoted to self promotion* и др.), ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО (*Trump's crazy train is on the tracks, the main driver of the car wrecks* и др.), СУБЪЕКТ ВЛАСТИ (*a king in his court, Trump and his royal retinue* и др.),

БИЗНЕС (*Trump will sell the country on his MAGA trademark*). Доминантной метафорой в репрезентации «своих» является метафора со сферой-источником СПОРТ, ИГРА (*Harris came out of the bullpen and threw like seven scoreless innings, she relaunched the 107-day sprint* и др.). Достаточно часто используются метафора пути (*Biden shepherded the country out of the pandemic, Harris is a new way forward* и др.), а также медицинская метафора (*Biden succeeded in lowering the national temperature, he maintained the health of our economy* и др.).

Таким образом, Трамп и его сторонники представлены как агрессивные, некомпетентные, тщеславные политики-авантюристы, грубо пренебрегающие установленными правилами участия в предвыборной кампании, в то время как демократы изображаются авторами издания как решительные, профессиональные политики-спасители нации. При этом количество и разнообразие метафорических моделей, использованных для описания «чужих», говорит о том, что основной стратегией в противопоставлении полюсов рассматриваемой дихотомии является стратегия дискредитации.

Визуальные метафоры усиливают наиболее актуальные компоненты создаваемых метафорических образов «своих» и «чужих». При этом используются разные виды визуальных метафор в плане соотношения вербального и иконического элементов. Так, на рис. 1 представлено изображение купола Капитолия, «собранное» из отдельных фрагментов и в целом напоминающее игру-головоломку, в которой необходимо составить изображение или

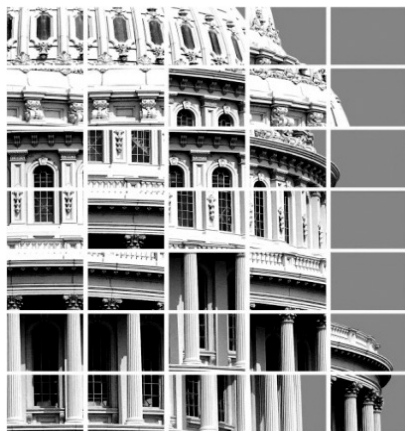

Рис. 1

фигуру из серии отдельных частей. В данном случае попытка решить подобную задачу не увенчалась успехом: изображение собрано хаотично и не является цельным. Его смысл становится понятен после ознакомления с текстом статьи, посвященной критике достаточно удачного результата выборов для Республиканской партии США: автор отказывается признавать итоги голосования и сравнивает происходящее с лотереей. Объединение изобразительного и вербального элементов позволяют осуществить метафорический перенос – политический процесс сравнивается с игрой.

Рис. 2

Рис. 3

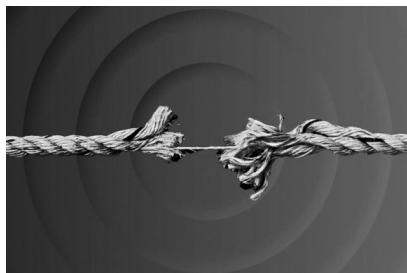

Рис. 4

На рис. 2 представлена собственно визуальная метафора: изображая нового американского президента Д. Трампа на сцене у опустившегося занавеса, автор материала сравнивает прошедшую избирательную кампанию с театральным представлением, которое окончено, и на сцене – главный и единственный оставшийся участник. Данное изображение сопровождает статью об итогах президентских выборов в США, где констатируется факт избрания Д. Трампа, однако это событие уже стало резонансным к моменту публикации материала, поэтому смысл изображения ясен в рамках текущего социально-политического контекста. Таким образом, метафорический перенос осуществляется в визуальном компоненте журналистского материала. Помимо собственно визуальных и поликодовых метафор зафиксированы случаи, когда изображение усиливает один из компонентов вербальной метафоры посредством его визуализации, как на рис. 3 – фотография Д. Трампа, играющего в гольф, фокусирует внимание аудитории на одном из аспектов сферы-источника вышеупомянутой вербальной метафоры THE ELECTION IS HIS GOLF GAME (игра в гольф как отдых, развлечение), что способствует формированию отрицательного образа основного субъекта полюса «чужих».

Визуальные метафоры расширяют метафорические образы «своих» и «чужих», формируемые языковыми средствами: изображение на рис. 4, иллюстрирующее статью о небывалом

Рис. 5

противостоянии ведущих политических партий в США (цветовая палитра указывает на политические партии: красный – республиканцы, синий – демократы), является метафорической репрезентацией данного противостояния, раскола внутри политической системы, представители которой – бескомпромиссные политики; визуальная метафора на рис. 5, входящая в метафорическую модель ТРАМП – ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ЗАГРОБНОГО МИРА, уподобляет Д. Трампа демону, усиливая негативный эмоциональный фон.

Таким образом, метафорические образы «своих» и «чужих» представляют совокупность метафорических моделей, которые отражают различные аспекты окружающей действительности. Негативный образ «чужих» конструируется через уподобление лицедеям, игрокам, торговцам, участникам войны, диктаторам, насекомым, неумелым водителям, демоническим существам, в то время как «свои» сравниваются с участниками спортивной команды, четко следующими правилам игры, проводниками, докторами. Визуальные метафоры, а также изображения, иллюстрирующие отдельные компоненты вербальных метафор, усиливают и расширяют создаваемые метафорические образы.

Литература

- Громова Н. С. Креолизация текстов печатных СМИ как способ манипуляции адресатом // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. С. 59–63.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Лату М. Н., Тагильцева Ю. Р. Реализация когнитивной матрицы «Свой-Чужой» в поликодовых текстах конфликтной направленности // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). С. 646–650.

M. I. Paramonova (Saint Petersburg, Russia)
*The Bonch-Bruевич St. Petersburg State University
of Telecommunications*

**METAPHORICAL REPRESENTATION
OF THE “OWN – ALIEN” DICHOTOMY
IN ENGLISH-LANGUAGE POLYCODE MEDIA TEXTS
DURING THE PERIOD OF THE 2024
USA ELECTION CAMPAIGN
(based on the material of the Washington Post)**

The article considers the peculiarities of the representation of the “Own-Alien” dichotomy through verbal and visual metaphors in the articles published in the web-version of the Washington Post during the 2024 US election campaign. The main metaphorical models are identified, the role of visual metaphors in creating metaphorical images of “own people” and “aliens” are revealed.

Key words: polycode media text, “Own”, “Alien”, metaphorical model, verbal metaphor, visual metaphor.

Л. В. Порохницкая, М. О. Чирвоная (Москва, Россия)
*Московский государственный лингвистический университет
lidie@list.ru, mchirvonaya@list.ru*

**КОРРЕЛЯЦИЯ ТАБУИРОВАННЫХ ПОНЯТИЙ
И ИХ ДЕТАБУИЗАЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ПРИЕМ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ РЕКЛАМЕ**

В статье анализируются концептуальные механизмы конструирования смысла англоязычных лингво-визуальных интернет постеров, в которых наблюдается корреляция нескольких табуированных тем. Показано, что профилирование второстепенного табуированного понятия, моделируемого на основе концептуальной метафоры на графическом уровне, позволяет более корректно представить ведущую табуированную тему, за репрезентацию которой отвечает текстовая концептуальная метонимия.

Ключевые слова: интернет реклама, концептуальная метонимия, лингво-визуальный комплекс, концептуальная метафора, эвфемизм, табуированное понятие.

В последние десятилетия появилось значительное количество работ, в которых предпринимается попытка выявить и описать механизмы конструирования разнообразных мультимодальных комплексов, главным образом в интернет коммуникации. Особый интерес исследователей вызывают,

по всей видимости, мультимодальные комплексы в рекламе [Голубкова, Таймур 2020; Чжан 2022].

Заметной тенденцией создания лингво-визуальных комплексов в англоязычной рекламе как социальной, так и коммерческой направленности следует признать наличие имплицитного или эксплицитного эвфемистического месседжа, в создании которого участвует целый спектр когнитивных механизмов, среди которых ведущая роль принадлежит концептуальной метафоре и концептуальной метонимии [Порохницкая, Чирвоная 2024].

Анализируя значительный массив интернет постеров с эвфемистическим посылом, мы обнаружили, что значимой тенденцией можно считать реализацию одного ведущего концептуального механизма преимущественно на одном уровне (вербальном или визуальном). При этом при ближайшем рассмотрении оказывается, что концептуальная метафора и метонимия репрезентируют разные табуированные явления, которые сосуществуют в рамках одного лингво-визуального комплекса.

Материалом для анализа послужили 300 англоязычных рекламных постеров, из которых в 10 процентах случаев была отмечена корреляция нескольких табуированных понятий.

В качестве иллюстрации коммерческой рекламы рассмотрим интернет постер, представляющий услуги такси (см. рис. 1).

В фокусе анализируемого постера находится красочное изображение полной дамы средних лет в вызывающем наряде, которая, по мнению авторов рекламы, должна выглядеть непривлекательно, о чем свидетельствует текст “if I start to look sexy, book a taxi”. Более мелким шрифтом дается дополнительный текст “don’t make bad decisions because you have had one too many! Don’t drive under the influence, book a taxi with us”, содержащий два узуальных эвфемизма (to have one too many, to be under the influence), семантика которых моделируется на основе концептуальной метонимии. Актуализация концептуальной метонимии на языковом уровне вкупе с графическим приемом использования мелкого шрифта позволяет намеренно вывести табуированную тему алко-

Рис. 1 (https://watchtheadverse.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/01/taxi-sexist-adv_3157262b.jpg)

гольного опьянения из фокуса лингво-визуального комплекса, сместив акцент на броский графический компонент, в основе которого лежит действие концептуальной метафоры. Эффективности воздействия данной коммерческой рекламы на целевую аудиторию способствует также детабуизация темы сексуальной непривлекательности женщин средних лет, которые вынуждены прилагать определенные усилия, чтобы познакомиться с представителями противоположного пола.

Другим примером данной стратегии может служить социальная реклама, призывающая прятать оружие от детей (см. рис. 2).

Рис. 2 (<https://ru.pinterest.com/pin/173177548148085327/>)

На переднем плане данного интернет постера изображены дети, которые играют с игрушками, предназначенными для взрослых. Языковой компонент лингво-визуального комплекса представлен фразой “If they find *it*, they’ll play with *it*” (местоимение *it* метонимически репрезентирует оружие). Имплиcitный эвфемистический месседж раскрывается благодаря ключевой фразе “always lock up your guns”, которая дана в нижнем правом углу мелким

шрифтом. Для привлечения внимания целевой аудитории к важной теме хранения оружия дома авторы воспользовались приемом профилирования второстепенной табуированной темы (доступность для детей предметов, предназначенных исключительно для взрослых). Как и в случае с рассмотренной выше коммерческой рекламой, мы наблюдаем активизацию концептуальной метафоры на визуальном уровне (игрушки для взрослых репрезентируют оружие, которое должно быть недоступно для детей), а также детабуизацию темы доступности для детей предметов, связанных с интимной стороной жизни взрослых людей.

В заключение представляется возможным сделать несколько предварительных выводов.

Корреляция двух табуированных тем в рамках одного лингво-визуального комплекса представляется эффективным способом воздействия на целевую аудиторию как в социальной интернет рекламе, так и коммерческой. В большинстве случаев наблюдается намеренное профилирование второстепенной табуированной темы, что позволяет представить основную тему более завуалированно и корректно.

Базовые механизмы концептуальной метафоры и метонимии конструирования смысла всего лингво-визуального комплекса действуют сообща, но на разных уровнях. Концептуальная метафора, которая отвечает за фокусирование второстепенной табуированной темы, реализуется на визуальном уровне, в то время как концептуальная метонимия актуализируется преимущественно на уровне текста и эвфемистически репрезентирует основной посыл рекламного постера.

Яркий графический компонент, конструирующийся на основе концептуальной метафоры, обуславливает действие приема детабуизации, представляющего собой эффективный способ воздействия на целевую аудиторию.

Литература

Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // Когнитивные исследования языка. 2020. Вып. 41. С. 385–389.

Порохницкая Л. В., Чирвоная М. О. Концептуальные аспекты мультимодальной эвфемизации (на материале англоязычной интернет-рекламы, связанной с потреблением спиртных напитков) // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–1(58). С. 565–568.

Чжан Л. Полимодальная метафора как дискурсивная практика в видеорекламе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 6 (861). С. 23–30.

L. V. Porokhnitskaya, M. O. Chyrvonaya (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University

CORRELATION OF TABOO CONCEPTS AND THEIR DETABOOISATION AS AN EFFECTIVE TECHNIQUE IN ENGLISH-LANGUAGE INTERNET ADVERTISING

The article analyzes the conceptual mechanisms of constructing the meaning of English-language linguo-visual Internet posters, in which a correlation of several taboo topics is observed. It is shown that bringing forward a secondary taboo concept, modeled on the basis of a conceptual metaphor at the graphical level, makes it possible to more correctly introduce the leading taboo topic, which is represented by textual conceptual metonymy.

Key words: Internet advertising, conceptual metonymy, linguo-visual complex, conceptual metaphor, euphemism, taboo concept.

Е. С. Солнцева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.solntseva@spbu.ru

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АКТУАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В ГОРОДСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуется специфика полимодальной репрезентации актуальной проблематики города в медиадискурсе на русском и английском языках. Делается вывод о селективном характере такой репрезентации, реализуемой посредством подбора фото-материалов к текстам по теме, а также о противопоставленности оценочной интерпретации городской проблематики в двух лингвокультурах.

Ключевые слова: медиарепрезентация, интерпретанта селекции, интерпретанта оценки, полимодальный текст, медиаурбанистика, городской медиадискурс, социокультурная среда.

Современный городской медиадискурс полимодален. Город воспринимается как взаимосвязь и взаимодействие «реального и абстрактного сообщества, соотношение между городскими практиками и их языковой и визуальной репрезентацией» [Леонтович 2022: 12]. Сознание горожанина избирательно, и в городском медиадискурсе оно ежедневно реализует функцию селекции. Реализация этой функции «приводит к образованию индивидуальных концептуальных систем, которые различаются по структуре и содержанию способами выборочной (селективной) репрезентации мира и включают основные характеристики окружающей природной и социальной среды» [Болдырев 2023: 7]. При этом именно город становится той социальной средой, в которой новая, вторичная репрезентация, проявляется чрезвычайно активно – в текстах и изображениях медиа, рекламы, в общественной деятельности и пр. Репрезентация в дискурсе осуществляется с помощью трех когнитивно-дискурсивных интерпретант: селекции, классификации и оценки. Интерпретанта селекции определяет выбор репрезентируемых языковыми единицами концептуальных признаков [Дубровская 2017: 373]. В частности, в медийном дискурсе фотографические изображения, сознательно выбираемые авторами материалов СМИ, формируют вторичную интерпретацию той действительности, которая первоначально репрезентируется в языковых выражениях. Такая репрезентация в изображении носит селективный характер, и результатом селекции становится формирование определенной субъективной оценки представленных в СМИ

событий в сознании реципиента. В этой связи представляется интересным и актуальным выявление специфики селективной репрезентации проблематики городов в полимодальном медиадискурсе в русскоязычной и англоязычной культурах. Выдвигается гипотеза о том, что полимодальная репрезентация актуальной проблематики в городском медиадискурсе на русском и английском языках селективна, и специфика такой селекции проявляется, в частности, в том соотношении языковых средств и подобранных к ним фотографических изображений, которые рассматриваются как релевантные и связанные в медиарепрезентации проблематики разных городов.

Материалом для исследования послужил медиадискурс за период сентябрь 2024 г. – январь 2025 г. в изданиях на двух языках: русский (Комсомольская Правда, ТАСС) и английский (The Guardian, The Independent). Выборка составила около 50 статей на тему городских коммуникаций (utilities), снабженных фото-изображениями. При исследовании материала были использованы контекстуальный, концептуально-репрезентативный и сравнительный методы.

Полимодальные компоненты медиадискурса могут быть связаны формально с помощью различных лексических средств, например, для связи текста и фото-изображения используются словосочетания *на фото видно...*, *см. фото*, *as you can see*, или части текста статьи могут повторяться в надписи под фотографией. Однако чаще всего в современном медиадискурсе подобная связанность текста и фото осуществляется только с помощью структуры, то есть простым соположением этих элементов в контексте медианарратива. Установить конкретные связи между семантическим наполнением статьи медиа и иллюстрации к ней предлагается читателю самостоятельно. Несколько лингвистических, текстовых, а также несколько нелингвистических компонентов (изображений, звука, гипертекста и др.) сочетаются в пределах одного дискурса, если соположены в одном контексте, то есть объединены, в частности, одной темой или автором или изданием или любым другим контекстом, для которого соположение именно данных определенных компонентов с когнитивной точки зрения релевантно и оправдано.

Если говорить о городском медиадискурсе, то есть о том, как именно через язык и неязыковые элементы город предстает как определенный мыслительный образ в медиакommunikации в современных СМИ, то для него, прежде всего, связующим контекстом становится упоминание определенных тем, типичных для публикаций о жизни городов. Согласно статистике упоминания слова «город» или названий крупных городов типа «Москва», «Санкт-Петербург», «Тамбов» и др. в поисковых системах СМИ и социальных сетей, связующими темами являются, например, коммуникации (отопление, газ, электричество, водоснабжение), транспорт, туризм, мероприятия, бизнес и др.

Для данной статьи выбрана тема «городские коммуникации» (“utilities”) как наиболее актуальная для городов России и зарубежья за период сентябрь 2024 г. – январь 2025 г. В медиадискурсах как на русском, так и на английском языках репрезентируются проблемы городских коммуникаций, например, с помощью следующих языковых характеристик: *начало отопительного сезона, ремонт оборудования, износ сетей коммуникации, обновление и инновационные технологические решения; putting the central heating on, energy questions, expired equipment, innovative solutions, increased bills and prices.* В русскоязычных изданиях объективируются как собственно существующие проблемы: *отставка на фоне проблем с запуском отопления, риски отопительного сезона, дома остались без отопления*, так и их решения: *периодическое протапливание, ликвидировали аварию на сетях тепло-снабжения, контроль качества ремонта на сетях водоканала, построили водоотвод для обеспечения чистой водой, камеры добавили в городскую систему видеонаблюдения и др.* В англоязычных изданиях тема *utilities* объективируется, прежде всего, с упоминанием финансовых трудностей: *the most efficient way to use heating, the right time to start, best smart thermostats to save money, 10 ways to beat the winter fuel hike, cruel increase in heating bills, £222m squandered on expired standard broadband contracts every year, British Gas is digging its own grave with its new price increase etc.* Кроме того, частью языковой репрезентации становятся проблемы со здоровьем: *health problems, heating is giving a headache.*

Интересные различия удалось пронаблюдать в характере полимодальной репрезентации упомянутых проблем. Такие различия в русскоязычном и англоязычном полимодальном медиадискурсе коснулись, в частности, выбора изображений для демонстрации указанной проблематики. Полимодальные тексты русскоязычного медийного дискурса чаще всего снабжены изображениями отопительных приборов вместе с домашними животными (кошками) и мягкими игрушками. Изображения людей представляют собой, с одной стороны, технических специалистов, профессионалов своего дела на фоне оборудования, и с другой стороны, людей в комфортной домашней обстановке. Люди завернуты в пледы или одеты в свитера, сидят на мягкой удобной мебели в гостиной. В руках они держат чашки с горячим напитком. Лица людей изображены на фотографиях спокойными, улыбающимися и расслабленными. Контекстная реклама также изображает средства, которые могут помочь согреться, например, чай. В целом, выбор таких изображений в анализируемых изданиях за указанный период привносит положительную оценку и позитивную тональность в русскоязычную медиарепрезентацию проблематики городских коммуникаций.

Полимодальные тексты англоязычного медийного дискурса на ту же тему снабжены, в первую очередь, изображениями технического оборудования (термостатов, радиаторов), которые иногда представлены заржавленными и требующими ремонта, некоторые объекты изображены в темноте, демонстрирующей прекращение или перебои с подачей электричества. Кроме того, достаточное количество сопутствующих фото изображают людей с печальными или озадаченными лицами. В целом, англоязычный медиадискурс на тему городских коммуникаций за указанный период в большей степени, чем русскоязычный, обращается к существующим серьезным проблемам городских коммуникаций, к задачам поиска инновационных технически и финансово выгодных решений, и формируемая с помощью отобранных изображений оценочная тональность выглядит более негативной.

Таким образом, по результатам исследования гипотеза подтвердилась. Можно говорить о селективном характере полимодальной репрезентации актуальных проблем коммуникаций в городском медиадискурсе на русском и английском языках. Выбор изображений для освещения проблематики обусловлен, в том числе, тем, как эта проблематика воспринимается в определенной лингвокультуре. Различия в такой селективной медиарепрезентации на двух языках касаются языковых средств и изображений, которые их сопровождают. При наличии сходных языковых выражений описания существующих проблем, фотографические изображения, которые им сопутствуют, несколько отличаются. По результатам исследования удалось определить противопоставленность общей оценочной тональности этих изображений для медиадискурса о городских коммуникациях в изданиях на двух языках за указанный период. В анализируемых русскоязычных изданиях наблюдается тенденция к позитивному представлению тем, хотя круг обсуждаемых вопросов в сфере городских коммуникаций касается также и технических проблем (аварий и пр.). С другой стороны, тональность исследованных англоязычных полимодальных текстов на тему городских коммуникаций представляется более пессимистичной, с акцентом на проблемы людей. Такие отличия могут косвенно способствовать формированию новой семиотической системы в сознании реципиентов разных лингвокультур с точки зрения того, какие изображения сегодня становятся символами определенной темы в контексте жизни городов.

Литература

Болдырев Н. Н. Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2023. С. 5–8.

Дубровская О. Г. Интерпретация в дискурсе: субъект как интерпретатор мира и знаний о мире // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, 2017. С. 371–395.

Леонтович О. А., Бакумова Е. В., Котельникова Н. Н. Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и Китае. М.: Гнозис, 2022.

*E. S. Solntseva (Saint Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

MULTIMODAL REPRESENTATION OF CURRENT ISSUES WITHIN URBAN MEDIA DISCOURSE IN RUSSIAN AND ENGLISH

The paper analyzes multimodal representation of current issues in a city studied within urban media discourse in Russian and English. The conclusion is drawn that there exists a selective representation in the choice of the photos for texts on a particular topic, and that there is a certain opposition in evaluation of these issues between the two linguistic cultures.

Key words: media representation, selective interpretant, evaluative interpretant, multimodal text, urban studies, urban media discourse, socio-cultural environment.

*Н. С. Соловьева, О. М. Седлярова
(Магнитогорск, Россия)
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
nisanasol@yandex.ru, sedliarova.olga2018@yandex.ru*

«ГЛАС НАРОДА» ИЛИ ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ В МЕДИАТЕКСТЕ-КОММЕНТАРИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-КАНАЛЕ

В статье рассматривается проблема когнитивной основы коммуникации посредством медиатекста, используемого в качестве комментария к статье непрофессионального политического медиадискурса. Авторы усматривают когнитивную основу в общем коллективном знании коммуникантов и выявляют различные способы кодирования дисфемии в данных текстах.

Ключевые слова: интерпретация, коллективное сознание, креолизированный текст, медиатекст, политический дискурс.

Политика занимает важное место в современном российском медиаландшафте, и интерес к политическому контенту в российском обществе только усиливается [Кочетова 2018: 6–8]. При этом в политическую деятельность вовлекаются не только профессиональные политики, но и обычные граждане, напрямую не связанные с политикой, что стало возможным во многом благодаря развитию современной медиасреды.

Компьютерно-опосредованная коммуникация предлагает новые формы и средства для обмена информацией, «новые техники порождения текстовой ткани» при решении коммуникативных и когнитивных задач, новые способы реализации коммуникативных стратегий и «новые способы достижения когерентности в текстовом пространстве» в условиях семиотической гетерогенности [Гришаева 2024: 34–35]. Так, наряду с официальными источниками политической информации, к которым относятся все виды СМИ (радио, газеты, телевидение, интернет-блоги политиков и пр.), постоянно появляются новые политические каналы и блоги, авторами которых являются непрофессиональные политики, где всем участникам медиaprостранства транслируются коммуникативно и когнитивно релевантные сведения, в том числе, в виде креолизованного медиатекста, используемого в качестве комментария к обсуждаемой проблеме.

Большое разнообразие форм политического дискурса в настоящее время иллюстрирует, по мнению Д. Б. Гудкова, разделение русского политического дискурса на «дискурс власти», т. е. дискурс официальных политиков и «дискурс подчиненных», т. е. всех тех, кто находится вне поля профессиональной политики [Гудков 2021: 118–129].

Официальный «дискурс власти» ограничен жесткими правилами коммуникации и потому является эталоном политического поведения. «Дискурс подчиненных» не ограничен коммуникативными рамками, и его тематика всегда напрямую связана с насущными политическими проблемами, появляющимися в медиaprостранстве, в связи с чем исследование этой разновидности политического дискурса позволяет увидеть реальное отношение к политической обстановке в обществе, проследить не только официальную позицию, но и то, как на политические события реагируют простые люди.

Очевидным представляется то, что вовлечение большого количества участников коммуникации в обсуждение политических вопросов вызвано, во-первых, желанием разобраться в насущной проблеме, во-вторых, возможностью выразить свое индивидуальное мнение. И первое, и второе становится возможным только благодаря ориентации каждого коммуни-

канта на коллективного адресата, на «структуры знания коллективного субъекта», что распространяется не только на процесс порождения, но и на достаточно прогнозируемое восприятие медиатекста реципиентом [Гришаева 2024: 35–36]. Это особенно ярко может проявляться в ситуации бесконфликтной коммуникации, когда реакция в комментарии выражает поддержку предыдущего коммуниканта в результате высокой степени осмысленности всей коммуникации, в том числе «совпадения индивидуальных интерпретаций» со стороны отправителя и получателя информации [Болдырев 2024: 16].

Например, на политическом интернет-канале «Исторические наперстки» автор статьи «Фактор разложения армии, общества, государства ...», рассуждая об украинском долге перед США и сделке по редкоземельным металлам, называет Дональда Трампа не иначе, как *рыжий балабол, мародер Дональд, друг Донни, «Миротворец Трамп»*, Зеленского – *диктатор без выборов с рейтингом ниже плинтуса, пан Гетман, а Украину – обанкротившееся ООО «Украина»*, и получает в поддержку от читателя под именем Ирина Поталова медиатекст-комментарий – мем с надписью «Вождь краснокожих вырос», на котором в иконической части две фотографии: слева – изображение персонажа из советского кинофильма «Вождь краснокожих» (хорошо известного российскому зрелому поколению), справа – фото действующего президента США Дональда Трампа. В свою очередь, Ирина Поталова получает еще несколько комментариев на свой пост (рис. 1). Логическое развитие полемики предполагает наличие общего знания, разделяемого всеми сторонами как когнитивной основы коммуникации.

Одной из главных черт политического дискурса, с одной стороны, является стремление к политической конкретности, а с другой – полемичность и агональность, которые реализуются при помощи дисфемии

Рис. 1. Дисфемизм в вербальном компоненте медиатекста

[Шишова 2017: 106]. В частности, считается, что дисфемизмы используются в политическом дискурсе с целью дискредитации оппонентов. Дисфемия как универсальное явление выполняет множество функций – от выражения отрицательной оценки до привлечения внимания. В целом, дисфемизмы, будучи противоположностью эвфемизмам, представляют собой прямые наименования, оскорбляющие адресата. При использовании дисфемизма происходит намеренная замена нейтрального понятия дисфемизмом с целью выражения отрицательной оценки [Обвинцева 2018: 63–64]. Именно то нейтральное понятие и является связующим звеном, когнитивной основой в коллективном сознании коммуникантов, что проиллюстрировано нами примером дисфемического наименования (рис. 1).

Существуют медиатексты-комментарии, в которых дисфемический эффект наиболее ярко проявлен в иконической части, а вербальный компонент, скорее, добавляет иронию. В ответ на статью «Миробесие и хорошая Америка мистера Трампа», в которой автор употребляет дисфемизмы, начиная с за-

Рис. 2. Дисфемическая метафора в иконической части медиатекста

головка, называя президента США *мистер трескучий балабол, неистовый шоумен из Белого дома, император Дональд, пританцовывающий миротворец Дональд, американский ковбой*, приходит комментарий от подписчика канала под именем Юрий Огурцов в виде мема-демотиватора с изображением скудоумного, но амбициозного Шарикова из кинофильма «Собачье сердце» (дисфемическая метафора в иконической части) и ироничным высказыванием, усиливающим эффект изображения: «Дружить теперь с Америкой будем. Миром вместе управлять» (рис. 2).

Таким образом, медиатекст, неизменно бытующий в интернет-коммуникации, емко и эмоционально выражает позицию подписчика политического канала, прочитавшего статью автора данного канала и являющегося, с одной стороны, реципиентом текста статьи, с другой стороны – продуцентом нового семиотически осложненного текста-комментария, и может, в свою очередь, вызвать продолжение полемики, задав ей дополнительное направление. Данное обстоятельство обусловлено

наличием когнитивной основы – общего знания ввиду схожих интересов у приблизительно близких по возрасту коммуникантов, которые вместе выступают как «глас народа» в непрофессиональном политическом дискурсе, характеризующийся полемичностью, агональностью, что часто отражается в дисфемической окраске медиатекста-комментария – его вербальной части и/или иконической.

Литература

Болдырев Н. Н. Когнитивная основа бесконфликтной языковой коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 3. С. 5–19.

Гришаева Л. И. Интерпретация реальности в креолизованном медиатексте как проявление культурной идентичности носителей языка и культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 4. С. 33–48.

Гудков Д. Б. Мифология русского политического дискурса (на примере неологизмов) // Вопросы психолингвистики. 2021. № 2(48). С. 118–129.

Кочетова А. С. Специфика контента российских блогов // Актуальные научные исследования в современном мире. 2018. № 2–3 (44). С. 6–8.

Миробесие и хорошая Америка мистера Трампа // Исторические наперстки. URL: https://dzen.ru/a/Z7F0_XJEU66roeZZ (дата обращения: 27.02.2024).

Обвинцева О. В. Дисфемизмы как средства реализации стратегии дискредитации в англоязычных средствах массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 3. С. 63–68.

Фактор разложения армии, общества, государства // Исторические наперстки. URL: <https://dzen.ru/a/Z8AoYpF35CHDIJ4G> (дата обращения: 27.02.2024).

Шишова Е. В. Дисфемия в современном и американском политическом дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2017.

N. S. Soloveva, O. M. Sedliarova

(Magnitogorsk, Russia)

Nosov Magnitogorsk State Technical University

“VOX POPULI” OR HIVEMIND MANIFESTATION IN A MEDIA TEXT COMMENT AT A POLITICAL BLOG

The paper deals with cognitive basis of communication by media text used as a comment at a non-professional political blog. This cognitive basis comes from the communicants' collective awareness. The authors also reveal different kinds of dysphemism coding in the media text.

Key words: interpretation, collective awareness, hivemind, creolized text, media text, political discourse.

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
zinatim@rambler.ru*

ИГРЫ ОСЯЗАНИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XXI ВЕКА

Статья предлагает анализ гаптических особенностей современных мультимодальных художественных текстов, способствующих усилению референциальной иллюзии таких произведений и интенсификации нарративной эмпатии читателей. Сочетание тактильного и визуального модусов смыслопорождения обуславливает иммерсивный эффект.

Ключевые слова: мультимодальный художественный текст, гаптика, семиотические ресурсы, нарративная эмпатия, иммерсивный эффект.

Мультимодальный поворот в лингвистике затронул разнообразные ее области, включая когнитивную стилистику и лингвистику текста, что подтверждается возросшим интересом исследователей к смысловой структуре современных печатных мультимодальных художественных текстов, активно публикуемых крупнейшими мировыми издательствами с начала 21 века. На данный момент чрезвычайно актуальными представляются исследования в области достаточно нового междисциплинарного направления филологии, в области мультимодальной стилистики, в сфере интересов которой лежит анализ репертуара семиотических ресурсов, задействованных при моделировании различных типов текстов, при этом создание фикциональных миров художественной литературы, без сомнения, составляет фокус целого ряда мультимодальных исследований (см., например, [Gibbons 2009] [Hallet 2014]). Среди важнейших задач мультимодальной стилистики, методология которой включает основные теоретические положения когнитивной стилистики, лингвистики текста, поэтики, лингвопрагматики, нарратологии, можно назвать разработку типологии художественных текстов, в которых используются как свободные, так и связанные семиотические ресурсы, что предполагает широкий спектр использования графического/графического и визуального типов выдвижения [Chemodurova 2021].

Не менее актуальным представляется также анализ роли различных семиотических модусов в формировании трансмодального смысла художественного текста, а также изучение когнитивных механизмов, лежащих в основе усиления так называемого «иммерсивного эффекта» современной

мультимодальной литературы, обусловленного, по мнению исследователей, «акцентированием чувственного, аффективного опыта, возрастанием роли осязательно-тактильных, телесных способов извлечения смысла, в том числе из коммуникации и публичного пространства» [Венкова 2024: 45]. С начала 21 века ученые заговорили о формировании новой культурно-философской парадигмы – метамодернизма, одним из конститутивных признаков которого становится «переход искусства от эстетики объекта к эстетике переживаний» [Хантельманн 2017, цит. по Венкова 2024: 46], акцент на воспринимающем субъекте, создание в процессе художественной коммуникации опыта переживания» [Венкова 2024: 45].

Можно предположить, что значительный рост экспериментальной печатной мультимодальной литературы во многом обусловлен как раз повышением значимости «эмоциональных, телесных и чувственных способов взаимодействия с миром» [Венкова 2024: 45], поскольку авторы таких текстов искусно используют такие семиотические ресурсы, как фотографии, рисунки, имитацию рукописных текстов, диаграммы, чертежи в качестве неотъемлемых компонентов фикционального мира, выступающих как эмоционально-смысловые доминанты текста и способствующих усилению прагматического воздействия на читателей.

Целью данной статьи является рассмотрение так называемых гаптических механизмов воздействия на читателей, задействованных создателями печатной мультимодальной художественной литературы, к которым можно отнести элементы тактильной коммуникации, часто в комбинации с кинестетическими эффектами. Если визуальный модус литературной коммуникации уже получил достаточно подробное изучение в лингвистике, то тактильные особенности современных мультимодальных художественных текстов, выдвигающие в фокус читательского внимания книгу как физический объект, подчеркивающие материальность данного объекта и высвечивающие важные аспекты теории воплощенного познания (см. обзор в [Николаева 2019]), еще мало изучены в мультимодальной стилистике и когнитивной поэтике, что и обуславливает актуальность и новизну предлагаемого анализа.

Следует отметить тот факт, что роль моторного воображения в процессе чтения и аффордансы физических аспектов печатной литературы стали объектами повышенного внимания исследователей именно в последние годы, как раз в эпоху цифровых инноваций, которые затронули практически все сферы нашей жизни, включая и художественные практики.

Отчасти это связано со стремлением писателей-метамодернистов, создающих печатные мультимодальные произведения, вовлечь своих чита-

телей в игру в вымысел, задействуя не только их интеллект, память и литературный опыт, но и подключая все органы чувств, включая осязание, тем самым напоминая своим читателям об изначальной роли печатной книги как мультисенсорной опоры в фикциональной игре [Чемодурова 2014: 194]. Так, В. Халлет отмечает, что «в нарративном дискурсе вербальный и визуальный модусы используются согласно своим аффордансам, однако они напрямую взаимосвязаны и дополнены действиями читателей в области гаптики – переворачиванием страниц (вербальное повествование), пролистыванием страниц (визуальное повествование), так что мультимодальность романа включает физический модус и моторную сенсорику, связанные с использованием книги» [Hallet 2014: 155, – перевод мой, З. Ч.].

Коммуникативно-творческие стратегии Дж. С. Фоера, автора ставшего уже классическим примером мультимодального романа начала 21 века “Extremely Loud and Incredibly Close” (2005), а также Дж. Дж. Абрамса и Д. Дорста, создателей романа “S.” (2013), предполагают такую эмоциональную и сенсорную включенность читателей в интерпретацию их произведений, которая предопределяется фокусированием внимания адресатов в том числе на материальности данных книг. Авторы вовлекают своих читателей в увлекательную «навигацию» по создаваемым ими фикциональным вселенным за счет широкого репертуара свободных и связанных семиотических ресурсов, используемых создателями в качестве опор в игре воображения. Так, завершая свой роман, Фоер в сильной позиции концовки предлагает читателям 15 страниц, содержащих лишь свободные семиотические ресурсы (фотографии). На каждой из фотографий можно различить фигуру, предположительно выпавшую из окна небоскреба. Внимательный читатель, сначала просматривая все 15 страниц, затем используя метод быстрого пролистывания (page-flipping) и, таким образом, активизируя так называемое моторное воображение, получает уникальный мультимодальный образ человека, возвращающегося обратно в окно последнего этажа небоскреба. В сочетании с вербальным фрагментом заключительной страницы, повествующей о том, что главный герой – маленький мальчик по имени Оскар трогательно мечтает повернуть время вспять, чтобы его отец не оказался в офисе в трагический день 11 сентября, использование такой осязательной и визуальной игры усиливает читательскую эмпатию за счет конвергенции мультимодальных стилистических приемов:

“I ripped the pages out of the book. I reversed the order, so the last one was first, and the first was last. When I flipped through them, it looked like the man was floating up through the sky. And if I’d had more pictures, he would’ve

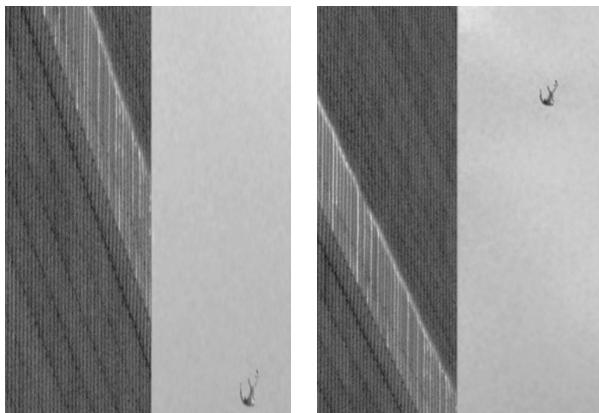

Рис. 1. Foer, 2005: pp. [327–339]

flown through a window, back into the building, and the smoke would've poured into the hole that the plane was about to come out of" (Foer 2005: 325).

В романе “S.”, сложно составленном мультимодальном тексте, в котором разнообразные семиотические ресурсы способствуют моделированию нескольких диегетических уровней повествования, авторы предлагают читателям поучаствовать также и в осязательной игре с использованием вложенных в книгу разнообразных объектов, представляющих собой артефакты фикционального мира романа: открытки, план кампуса на салфетке, рукописные письма, телеграммы, отрывки из газет. В данном случае читателям приходится разворачивать сложенные послания, ощупывать гляцевую поверхность открыток и состаренные газетные статьи, изучать разные формы вложенных предметов (рис. 2), что, несомненно, ведет к усилению иммерсивного эффекта, эксплицируя игровую модальность текста.

Таким образом, рассмотренные в данной статье примеры использования осязательных игровых приемов при создании мультимодальных

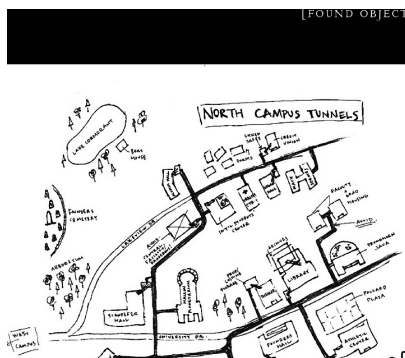

Рис. 2. J. J. Abrams, D. Dorst, “S.”, р. 306: found object (вложенный объект)

произведений 21 века позволяют сделать предварительные выводы об их роли в смысловой структуре таких текстов и, прежде всего, 1) об усилении нарративной эмпатии адресатов и их эмоциональной погруженности в повествование и 2) более активном вовлечении читателей в игру в вымысел, при которой усиливается «эффект реальности» описываемых событий.

Литература

Венкова А. В. Постматериальность и иммерсия как категории рецепции в восприятии информации молодежной аудиторией // Россия – историко-культурные константы и перспективы развития детства: сб. научных трудов. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. С. 45–47.

Николаева А. Ю. Теория воплощенного познания: исследование речи // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 1. С. 79–9.

Чемодурова З. М. Игровая модальность художественного текста: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (39). С. 192–195.

Abrams J. J., Dorst D. S. Edunburgh: Canongate Books, 2013.

Chemodurova Z. M. Visual Foregrounding in Contemporary Fiction // Issues of Cognitive Linguistics. 2021. № 2. P. 5–15. URL: <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2021-2-5-15>

Foer J. S. Extremely Loud and Incredibly Close. London: Penguin Books, 2005.

Gibbons A. Multimodal Literature “Moves Us”: Dynamic Movement and Embodiment in VAS: An Opera in Flatland. Hermes // Journal of Language and Communication Studies. 2008. # 41. P. 107–124.

Hallet W. The Rise of the Multimodal Novel: Generic Change and its Narratological Implications // Storyworlds across Media. Toward a Media-Conscious Narratology / ed. by Marie-Laure Ryan and Jan-Noël Thon. Lincoln, London: University of Nebraska Press, 2014. P. 151–172.

Z. M. Chemodurova (Saint Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

GAMES OF HAPTICS IN 21st CENTURY MULTIMODAL FICTION

The article offers an analysis of the haptic features of modern multimodal fiction texts that contribute to the enhancement of the referential illusion of such works and the intensification of the readers' narrative empathy. The combination of tactile and visual modes of meaning generation determines the immersive effect.

Key words: multimodal fiction, haptics, semiotic resources, narrative empathy, immersive effect.

**ДИССЕРТАЦИИ, ВЫПОЛНЕННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
Н. Н. БОЛДЫРЕВА**

Докторские диссертации:

- 1. Бабина Л. В.** «Вторичная репрезентация концептов в языке». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2003.
- 2. Фурс Л. А.** «Синтаксически репрезентируемые концепты». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2004.
- 3. Беседина Н. А.** «Морфологически передаваемые концепты». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2007.
- 4. Щербак А. С.** «Когнитивные основы региональной ономастики». Специальности: 10.02.19 – теория языка, 10.02.01 – русский язык; 2008.
- 5. Магировская О. В.** «Репрезентация субъекта познания в языке». Специальности: 10.02.19 – теория языка, 10.02.04 – германские языки; 2009.
- 6. Голубева Н. А.** «Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2010.
- 7. Маслова Ж. Н.** «Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке». Специальность: 10.02.19 – теория языка; 2011.
- 8. Панасенко Л. А.** «Интерпретирующий потенциал лексических категорий». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2014.
- 9. Дубровская О. Г.** «Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса». Специальность: 10.02.19 – теория языка; 2015.
- 10. Безукладова И. Ю.** «Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2016.
- 11. Виноградова С. Г.** «Когнитивные основы коммуникативного членения сложного предложения». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2016.
- 12. Григорьева В. С.** «Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров)». Специальности: 10.02.19 – теория языка; 2018.
- 13. Федяева Е. В.** «Количественная интерпретация качества в языке». Специальность: 10.02.19 – теория языка; 2020.
- 14. Берзина Г. П.** «Категория уступительности и её интерпретирующий потенциал в немецкой языковой картине мира». Специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 2022.
- 15. Курманбаева Д. Т.** «Когнитивная основа реализации жанровых признаков романа (на примере произведений Кадзуо Исигуро “Never Let Me Go” и “The Buried Giant”))». Специальность: 6D021000 Иностранная филология; доктор философии (PhD); 2022.

Кандидатские диссертации:

- 1. Давыденкова О. А.** «Когнитивно-прагматический аспект английских предложений рекламно-инструктивного характера». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 1999.
- 2. Гончарова Н. Ю.** «Формирование фактообразующего значения английского глагольного предиката в системе языка и в речи». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2000.
- 3. Гунина Н. А.** «Системная и функциональная категоризация английских глаголов с общим значением “звучание”». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2000.
- 4. Панасенко Л. А.** «Функциональная поликатегоризация глагола в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2000.
- 5. Гиренко Л. А.** «Механизмы функциональной категоризации неакциональных глаголов в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2000.
- 6. Иволгина С. В.** «Категория количественной квалификации действия в системе английского глагола». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2001.
- 7. Козлова Е. А.** «Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2001.
- 8. Виноградова С. Г.** «Категориальные и субкатегориальные значения английских экзистенциальных глаголов в поэтическом тексте». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2002.
- 9. Кочкина Е. Л.** «Категория объекта в современном английском языке в когнитивном и функциональном аспектах». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2002.
- 10. Меркулова И. Н.** «Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2004.
- 11. Гаврилова Е. Д.** «Оценочные категории “good” и “bad” в современном английском языке». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2005.
- 12. Дубовицкая Е. Ю.** «Категория аппроксимации в современном английском языке». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2006.
- 13. Давыдова Е. И.** «Когнитивная модель сложносочиненного предложения (на материале русского и французского языков)». Специальность: 10.02.19 – теория языка; 2006.
- 14. Куксова Н. А.** «Глагол как средство функциональной категоризации пространства в английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2006.
- 15. Алпатов В. В.** «Концептуальные основы формирования английских христических топонимов». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2007.

16. Кравцова Н.М. «Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2008.

17. Тимофеева Т.Н. «Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2008.

18. Белау М.Ю. «Глагольная таксономическая модель концепта “самостоятельное перемещение субъекта” в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2009.

19. Алексикова Ю.В. «Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2010.

20. Прохорова М.Е. «Цвет как основа характеристики человека в сравнительных словосочетаниях (на материале русского, английского и французского языков)». Специальность: 10.02.19 – теория языка; 2010.

21. Маховикова Д.В. «Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке». Специальности: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка; 2012.

22. Логина Т.В. «Функциональный потенциал английских акциональных глаголов в оценочной интерпретации событий». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2014.

23. Чистякова Е.В. «Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке». Специальность: 10.02.04 – германские языки; 2015.

24. Беляева И.В. «Интерпретирующая функция фразеологизмов с компонентом зоонимом в языковой картине мира (на материале русского, английского и французского языков)». Специальность 10.02.19 – теория языка; 2020.

25. Блохина Е.Д. «Сравнение как способ вторичной интерпретации мира в языке». Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 2024.

26. Фролова С.С. «Оценочная категоризация человека как личности (на материале русского и английского языков)». Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 2024.

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (63)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР: СОБРАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Материалы Всероссийской конференции с международным участием,
посвященной юбилею основателя Тамбовской школы когнитивной лингвистики
доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ
Болдырева Николая Николаевича

г. Тамбов, 18–19 сентября 2025 г.

Часть I

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска
Фурс Людмила Алексеевна

Компьютерная верстка *Т. О. Прокофьевой*

ISBN 978-5-00078-926-1

Подписано в печать 01.09.2025 г. Дата выхода в свет 22.09.2025 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 39,00. Тираж 500 экз. Заказ 25146. Цена свободная.

Учредитель:
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Отпечатано в Издательском доме «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г